Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

27

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА

ТОМА XVIII—XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1984

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ
1881
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ. DUBIA

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1984

Д $\frac{4702010100-711}{042(02)-84}$ Подписное

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Ежемесячное издание

1881

ЯНВАРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. ФИНАНСЫ. ГРАЖДАНИН, ОСКОРБЛЕННЫЙ В ФЕРСИТЕ. УВЕНЧАНИЕ СНИЗУ И МУЗЫКАНТЫ. ГОВОРИЛЬНЯ И ГОВОРУНЫ

Господи, неужели и я, после трех лет молчания, выступлю, в возобновленном «Дневнике» моем, с статьей экономической? Неужели и я экономист, финансист? Никогда таковыми не был. Несмотря даже на теперешнее поветрие, не заразился экономизмом, и вот туда же за всеми выступаю с статьей экономической. А что теперь поветрие на экономизм — в том нет сомнения. Теперь все экономисты. Всякий начинающийся журнал смотрит экономистом и в смысле этом рекомендуется. Да и как не быть экономистом, кто может теперь не быть экономистом: падение рубля, дефицит! Этот всеобщий экономический вид появился у нас наиболее в последние годы, после нашей турецкой кампании. О, и прежде у нас рассуждали много о финансах, но во время войны и после войны все бросились в финансы по преимуществу, — и опять-таки, конечно, всё это произошло натурально: рубль упал, займы на военные расходы и проч. Но тут, кроме собственно рубля, была и отместка, да и теперь продолжается, именно за войну отместка: «Мы, дескать, говорили, мы предрекали». Особенно пустились в экономизм те, которые говорили тогда, в семьдесят шестом и седьмом годах, что денежки лучше великодушия, что Восточный вопрос одно баловство и фикция, что не только подъема духа народного нет, не только война не народна и не национальна, но, в сущности, и народа-то нет, а есть и пребывает по-прежнему всё та же косная масса, немая и глухая, устроенная к платежу податей и к содержанию интеллигенции; масса, которая если и дает по церквам гроши, то потому лишь, что священник и начальство велят. Все русские Ферситы (а их много развелось в интеллигенции нашей) были тогда страшно оскорб-

лены в своих лучших чувствах. Гражданин в Ферсите был оскорблен. Вот и начали они мстить, попрекая финансами. Мало-помалу примкнули к ним уже и не Ферситы, даже бывшие «герои» примкнули. Все понемногу надулись, некоторые, впрочем, очень. Правда, и мир невыгодный поспособствовал, берлинская конференция. (NB. Кстати об этой берлинской конференции: меня тогда одна баба в глуши, в захолустье, на проселочной дороге, хозяйка постоялого дворика, вдруг спрашивает: «Батюшка, скажи ты мне, как нас там за границей-то теперь порешили, не слыхать ли чего?» Подивился я тогда на эту бабу. Но об этом, то есть о тогдашнем подъеме духа народного, потом.) Я только хочу теперь сказать, что об рубле и о дефиците все теперь пишут, и, уж конечно, тут отчасти и стадность: все пишут, все тревожатся, так как же и мне не тревожиться, подумают, что не гражданин, не интересуюсь. Впрочем, есть кое-где и настоящая гражданская тревога, есть боль, есть болезненные сомнения за будущее, — не хочу душой кривить. Но, однако же, хоть и истинные гражданские боли, а почти везде всё на тему: зачем-де у нас всё это не так, как в Европе? «В Европе-де везде хорош талер, а у нас рубль дурен. Так как же это мы не Европа, так зачем же это мы не Европа?» Умные люди разрешили наконец вопрос, почему мы не Европа и почему у нас не так, как в Европе: «Потому-де, что не увенчано здание». Вот и начали все кричать об увенчании здания, забыв, что и здания-то еще никакого не выведено, что и венчать-то, стало быть, совсем нечего, что вместо здания всего только несколько белых жилетов, вообразивших, что они уже здание, и что увенчание, если уж и начать его, гораздо пригоднее начать прямо снизу, с армяка и лаптя, а не с белого жилета. Тут сделаем необходимую оговорку: увенчание снизу на первый взгляд, конечно, нелепость, хотя бы лишь в архитектурном смысле, и противоречит всему, что было и есть в этом роде в Европе. Но так как у нас всё своеобразно, всё не так, как в Европе, а иногда так совсем наоборот, то и в таком важном деле, как увенчание здания, дело это может произойти наоборот Европе, к удивлению и негодованию наших русских европейских умов. Ибо, к удивлению Европы, наш низ, наш армяк и лапоть, есть в самом деле в своем роде уже здание, — не фундамент только, а именно здание, — хотя и незавершенное, но твердое и незыблемое, веками выведенное, и действительно, взаправду всю настоящую истинную идею, хотя еще и не вполне развитую, нашего будущего уже архитектурно законченного здания в себе одном предчувствующее. Впрочем, все эти возгласы европейцев наших об увенчании, если уж всю правду сказать, имеют характер, именно как и сказали мы выше, более стадный и механически-успокоительный, чем рассудочный и действительно гражданский, нравственно-гражданский. И потому так набросились все на это новое утешение, что все эти внешние, именно *механически*-успокоительные утешения всегда легки и приятны и чрезвычайно сподручны: «Нужна-де только европей-

ская формула, и всё как раз спасено; приложить ее, взять из готового сундука, и тотчас же Россия станет Европой, а рубль талером». Главное, что приятно в этих механических успокоениях, — это то, что думать совсем не надо, а страдать и смущаться и подавно. Я про стадо говорю, я праведников не трогаю. Праведники везде есть, даже и из европейцев русских, и я их чту. Но согласитесь, что у нас, в большинстве случаев, всё это как-то танцуя происходит. Чего думать, чего голову ломать, еще заболит; взять готовое у чужих — и тотчас начнется музыка, согласный концерт —

Мы верно уж поладим,
Коль рядом сядем.

Ну, а что коль вы в музыканты-то еще не годитесь, и это в огромнейшем, в колоссальнейшем большинстве, господа? А что коль из белых жилетов выйдет лишь одна говорильня? А что коли колоссальнейшее большинство белых-то жилетов в увенчанное здание и вовсе бы пускать не надо (на первый случай, конечно), если уж так случится когда-нибудь, что оно будет увенчано? То есть их бы и можно пустить и должно, потому что всё ж они русские люди (а многие так и люди хорошие), если б только они, со всей землей, захотели смиренно, в ином общем великом деле, свой совет сказать. Но ведь не захотят они свой совет вместе с землей сказать, возгордятся над нею. До сих пор, целых два столетия, были особо, а тут вдруг и соединятся! Это ведь не водевиль, это требует истории и культуры, а культуры у нас нет и не было. Посмотрите, вникните в азарт иного европейского русского человека и притом иной раз самого невиннейшего и любезного по личному своему характеру, посмотрите, вникните, с каким нелепым, ядовитым и преступным, доходящим до пены у рта, до клеветы азартом препирается он за свои заветные идеи, и именно за те, которые в высшей степени не похожи на склад русского народного миросозерцания, на священнейшие чаяния и верования народные! Ведь такому барину, такому белоручке, чтоб соединиться с землею, воняющею зипуном и лаптем, — чем надо поступиться, какими святейшими для него книжками и европейскими убеждениями? Не поступится он, ибо брезглив к народу и высокомерен к земле Русской уже невольно. «Мы, дескать, только одни и можем совет сказать, — скажут они, — а те, остальные (то есть вся-то земля), пусть и тем довольны будут пока, что мы, образуя их, будем их постепенно возносить до себя и научим народ его правам и обязанностям». (Это они-то собираются поучать народ его правам и, главное, — обязанностям! Ах, шалуны!) «Русское общество не может-де пребывать в уездной кутузке вместе с оборванным народом, одетым в национальные лапти». Так ведь, выходя с таким настроением, можно (и даже неминуемо) дойти опять до закрепощения народного, зипуна-то

и лаптя, хотя и не прежним крепостным путем, так интеллигентной опекой и ее политическими последствиями, —

А народ опять скуем!

Ну и, разумеется, кончат тем, что заведут для них у себя говорильню. Заведут, да и сами себя и друг друга, с первого же шагу, не поймут и не узнают, — и это наверно случится так. Будут лишь в темноте друг об друга стукаться лбами. Не обижайтесь, господа: это и не с таким обществом, целых два века оторванным от всякого дела и не имеющим никакой самобытной культуры, как ваше, случалось, когда доходила до него очередь в первый раз свой совет сказать, это и с культурнейшими народами случалось. Но так как те все-таки за собой имели вековую культуру и, что прежде всего, всегда более или менее на народ опирались, то и оправлялись скоро, и выступали на дорогу твердую, конечно, тоже не без предварительных шишек на лбу. Ну, а вы, наши европейцы, на что обопретесь, чем сладитесь? — тем только, что рядом сядете. А сколько, сколько расплодилось у нас теперь говорунов? Точно в самом деле готовятся. Сядет перед вами иной передовой и поучающий господин и начнет говорить: ни концов, ни начал, всё сбито и сверчено в клубок. Часа полтора говорит и, главное, ведь так сладко и гладко, точно птица поет. Спрашиваешь себя, что он: умный или иной какой? — и не можешь решить. Каждое слово, казалось бы, понятно и ясно, а в целом ничего-то не разберешь. Курицу ль впредь яйца учат, или курица будет по-прежнему на яйцах сидеть, — ничего этого не разберешь, видишь только, что красноречивая курица, вместо яиц, дичь несет. Глаза выпучишь под конец, в голове дурман. Это тип новый, недавно народившийся; художественная литература его еще не затрагивала. Много чего не затронула еще наша художественная литература из современного и текущего, много совсем проглядела и страшно отстала. Всё больше типами сороковых годов пробиваются, много что пятидесятых. Даже и в исторический-то роман, может, потому ударилась, что смысл текущего потеряла.

II. ВОЗМОЖНО ЛЬ У НАС СПРАШИВАТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ ФИНАНСОВ?

А что же финансы? Что ж финансовая-то статья? — скажут мне. Но опять-таки: какой я экономист, какой финансист? Да и не смею я вовсе писать о финансах. Почему же осмелился-то и собираюсь писать? А вот именно потому, что уверен, что, начав о финансах, перееду совсем на другое, и выйдет у меня не финансовая, а совсем иная какая-нибудь статья. Вот этим только я и ободрен. Ибо и недостоин я вовсе писать о финансах, так как сам знаю, что смотрю на наши финансы совсем не с европейской точки и не верую даже, что ее можно к нам приложить — и именно потому, что мы вовсе не Европа и что всё у нас до того

особливо, что мы, в сравнении с Европой, почти как на луне сидим. В Европе, например, рабское, феодальное отношение низших сословий к высшим уничтожалось веками и, наконец-то, раздалась революция; всё, одним словом, совершилось культурно и исторически. У нас же крепостное право рушилось в один миг со всеми последствиями, и, слава богу, без малейшей революции. И вот, казалось бы, откудова быть потрясению, то есть капитальному, очень большому? Правда и то: всё, что вдруг падает, падает всегда очень опасно, то есть с большим потрясением. Не я, разумеется, пожалею, что вдруг упало. Страшно хорошо, напротив, что весь этот мерзостный исторический грех наш упразднился разом по великому слову освободителя. Тем не менее закон природы нельзя миновать, и потрясение вышло большое. Пусть бы большое, но почему столь великое? Разумеется, на всё законы истории, и уж, без сомнения, есть весьма многие, которые и теперь ясно различают, почему всё так вышло. Но, не развивая эту тему дальше — (велика она и огромна, историку будущего века разве только по силам) — не прибавляя больше ни слова, укажу лишь на иные частности, что прежде всего бросаются в глаза и смущают. Вот, например, посмотрите: рухнуло крепостное право, мешавшее всему, даже правильному развитию земледелия, — и вот тут-то бы, кажется, и зацвести мужику, тут-то бы, кажется, и разбогатеть ему. Ничуть не бывало: в земледелии мужик съехал прямо на минимум того, что может ему дать земля. И, главное, в том беда, что еще неизвестно: найдется ли даже и впредь такая сила (и в чем именно она заключается), чтоб мужик решился возвыситься над минимумом, который дает ему теперь земля, и попросить у ней максимума. Скажут умники: вопрос пустой и уже всем понятный, но я твердо уверен, что еще далеко не разрешенный и несравненно огромнейший, несравненно более захватывающий в себе содержания, чем предполагают его. Затем посмотрите опять: всё прежнее барское землевладение упало и понизилось до жалкого уровня, а вместе с тем видимо началось перерождение всего бывшего владельческого сословия в нечто иное, чем прежде, в народ, в интеллигентный народ — ибо во что же, казалось бы, переродиться ему? Вот бы и прекрасно и уж лучше, кажется, нельзя бы и быть, ибо страшно нужна народу интеллигенция, предводящая его, сам он жаждет и ищет ее. Но, к сожалению, и это у нас пока еще в идеале и представляется лишь прелестным журавлем, летающим в небе; в действительности же далеко не так. Захочет ли сословие и прежний помещик стать интеллигентным *народом*? — вот вопрос, и, знаете ли: самый важный, самый капитальный, какой только есть у нас теперь и от которого зависит, может быть, всё наше будущее! А между тем вопрос этот далеко еще не решен, и даже представить нельзя, каким путем разрешится. Не захочет ли, напротив, сословие опять возгордиться и стать опять над народом властию силы, уж конечно, не прежним крепостным путем, но не захочет ли, например, оно,

вместо единения с народом, из самого образования своего создать новую властную и разъединительную силу и стать над народом аристократией интеллигенции, его опекающей. Захочет ли оно искренно признать народ своим братом по крови и духу, впредь навсегда, почтит ли оно то, что чтит народ наш, согласится ли возлюбить то, что возлюбил народ даже более самого себя. А ведь без этого никогда и никто не сойдется с нашим народом, ибо то, что он чтит и любит, у него крепко, и он не поступится им ни для какой интеллигенции, как бы ни жаждал ее сам. Всё это у нас страшно насущно и страшно не решено. И вообще у нас всё теперь в вопросах. И, что главное, всё ведь это требует времени, истории, культуры, поколений, а у нас, напротив того, предстоит разрешить в один миг. В том-то и главная наша разница с Европой, что не историческим, не культурным ходом дела у нас столь многое происходит, а вдруг и совсем даже как-то внезапно, иной раз даже никем до того неожиданным предписанием начальства. Конечно, всё произошло и идет не по вине чьей-нибудь, и, уж если хотите, так даже и исторически, но согласитесь и с тем, что такой истории не знала Европа. Как же спрашивать с нас Европы, да еще с европейской системой финансов? Я, например, верю как в экономическую аксиому, что не железнодорожники, не промышленники, не миллионеры, не банки, не жиды *обладают* землею, а прежде всех лишь одни земледельцы; что кто обрабатывает землю, тот и ведет всё за собою, и что земледельцы и суть государство, ядро его, сердцевина. А так ли у нас, не навыворот ли в настоящую минуту, где наше ядро и в ком? Не железнодорожник ли и жид владеют экономическими силами нашими? Вот у нас строятся железные дороги и, опять факт, как ни у кого: Европа чуть не полвека покрывалась своей сетью железных дорог, да еще при своем-то богатстве. А у нас последние пятнадцать-шестнадцать тысяч верст железных дорог в десять лет выстроились, да еще при нашей-то нищете и в такое потрясенное экономически время, сейчас после уничтожения крепостного права! И, уже конечно, все капиталы перетянули к себе именно тогда, когда земля их жаждала наиболее. На разрушенное землевладение и создались железные дороги. А разрешен ли у нас до сих пор вопрос о единичном, частном землевладении? Уживется ли впредь оно рядом с мужичьим, с определенной рабочей силой, но здоровой и твердой, а не на пролетарьяте и кабаке основанной? А ведь без здравого разрешения такого вопроса что же здравого выйдет? Нам именно здравые решения необходимы, — до тех пор не будет спокойствия, а ведь только спокойствие есть источник всякой великой силы. Как же спрашивать у нас теперь европейских бюджетов и правильных финансов? Тут уж не в том вопрос, почему у нас нет европейской экономии и хороших финансов, а вопрос лишь в том: как еще мы устояли? Опять-таки крепкой, единительной, всенародной силой устояли.

А спокойствия у нас мало, спокойствия духовного особенно,

то есть самого главного, ибо без духовного спокойствия никакого не будет. На это особенно не обращают внимания, а добиваются только временной, материальной глади. Спокойствия в умах нет, и это во всех слоях, спокойствия в убеждениях наших, во взглядах наших, в нервах наших, в аппетитах наших. Труда и сознания, что лишь трудом «спасен будеши», — нет даже вовсе. Чувства долга нет, да и откуда ему завестись: культуры полтора века не было правильной, пожалуй, что и никакой. «К чему я стану трудиться, коли я самой культурой моей доведен до того, что всё, что кругом меня, отрицаю? А если и есть колпаки, которые думают спасти здание какими-то европейскими измышлениями, — то я и колпаков отрицаю, а верю лишь в то, что чем хуже, тем лучше, и вот вся моя философия». Уверяю вас, что у нас теперь это очень многие говорят, про себя по крайней мере, а иные так и вслух. И, однако, говорящий такие афоризмы человек сам-то ведь из костей и плоти. «Чем хуже, тем лучше, — говорит он, — но это ведь только для других, для всех, а самому-то мне пусть будет как можно лучше», — вот ведь как он разумеет свою философию. Аппетит же у него волчий. Мужчина с медведя, а нервы у него женские, расстроенные, избалованные; жесток и сластолюбив, ничего перенесть не может, «да и к чему-де утруждать себя и переносить?» Пресеклись обеды в ресторане, пресеклись кокотки, так для чего же и жить, — бац и пулю в лоб. Еще хорошо, если себе пулю в лоб, а то ведь пойдет да другого обокрадет, законно-юридическим образом. А ход-то дела не ждет, бедность нарастает всеобщая. Вон купцы повсеместно жалуются, что никто ничего не покупает. Фабрики сокращают производство до минимума. Войдите в магазин и спросите, как дело идет: «Прежде, — скажут вам, — к празднику человек по крайней мере полдюжины рубах себе купит, а теперь всё по одной берет». Спросите даже в ресторанах модных — так как это последнее место, где бедность появляется. «Нет, — скажут вам, — уж теперь не кутят по-прежнему, все прижались, много что придет и обыкновенный обед спросит» — и это ведь прежний щеголь, бонбансник. Выкупные прожили. Теперь еще все-таки валят последние леса, а повалят — и ничего уж не будет. А какие уж теперь леса? Поедете по железной дороге, заметьте у станций дрова: прежде все-таки бревна рубили, а теперь совсем не редкость встретить какие-то тоненькие палочки вместо дров, — не дерево, а кусты уж рубят, подросточки. Вам, конечно, наблюдение это покажется мелочью ввиду прочих громадных вопросов нашего времени. Но ведь про леса наши финансисты решительно игнорируют, точно и не хотят знать, как будто даже по какому-то принципу. А без лесов ведь и финансы понизятся в страшном размере, если всё-то сообразить и в самую глубь войти. Но в лесном вопросе все как будто слово дали себе лишь скользить по поверхности, пока не пришла беда. Она придет вдруг, ибо все пока успокоены тем, что цена лесу на рынке всё еще стоит подходящая, и знать не хотят, что она, так сказать,

искусственная, от усиленного предложения тех, которые валят леса и кусты даже, потому что уже всё прожили. Повалят, и вдруг ничего не окажется, нечего будет предложить. Но об этом потом. Я ведь начал речь о повсеместной нищете и, обратном ей, развитии аппетитов.

Я хочу только, между прочим, заметить, что страшно развелось много капитанов Копейкиных, в бесчисленных видоизменениях, начиная с настоящих, до великосветских и раздушенных. И все-то на казну и на общественное достояние зубы точат. Разумеется, все они быстро превратятся у нас если не в разбойников на больших дорогах, как было с настоящим Копейкиным, то в карманных промышленников, иные в дозволенных, а иные так и прикрывать себя юридически не станут. Иной даже гордо скажет: «Я потому таков, что всё отрицаю и отрицанию способствую». О, разве нет Копейкиных-либералов? Они слишком поняли, что в моде либерализм и что на нем можно выехать. Кто их не видывал: либерал всесветный, атеист дешевый, над народом величается своим просвещением в пятак цены! Он самое пошлое из всех пошлых проявлений нашего лжелиберализма, но все-таки у него неутолимо развит аппетит, а потому он опасен. Вот такие-то первые и примыкают прежде всего ко всякой идее о пересадках извне для механического врачевания, группируются и составляют толпу, которую ведут весьма часто весьма честные люди, в сущности не виноватые в том, что у них такой контингент: «Пусть всякая перемена, только чтоб без труда и готовая, — говорит либеральный Копейкин, — все-таки лучше мне будет с внешней-то переменой, с какой бы там ни было, чем теперь, потому что наверное найду, чем поживиться на первых порах», — так ведь с этой стороны он очень опасен, хотя всего только Копейкин. Но оставим Копейкина. Всё сказанное теперь еще только самый малый краюшек на тему о том, что у нас нет спокойствия. Сам вижу, что предисловие мое вышло слишком уж длинно. Но к финансам, к финансам!

III. ЗАБЫТЬ ТЕКУЩЕЕ РАДИ ОЗДОРОВЛЕНИЯ КОРНЕЙ. ПО НЕУМЕНЬЮ ВПАДАЮ В НЕЧТО ДУХОВНОЕ

По свойству натуры моей начну с конца, а не с начала, разом выставлю всю мою мысль. Никогда-то я не умел писать постепенно, подходить подходами и выставлять идею лишь тогда, когда уже успею ее всю разжевать предварительно и доказать по возможности. Терпения не хватало, характер препятствовал, чем я, конечно, вредил себе, потому что иной окончательный вывод, высказанный прямо, без подготовлений, без предварительных доказательств, способен иногда просто удивить и смутить, а пожалуй, так вызвать и смех, а у меня — я уже предчувствую — именно такой вывод, что над ним можно сразу рассмеяться, если

не подготовить к нему читателя предварительно. Мысль моя, формула моя — следующая: «Для приобретения хороших государственных финансов в государстве, изведавшем известные потрясения, не думай слишком много о текущих потребностях, сколь бы сильно ни вопияли они, а думай лишь об оздоровлении корней — и получишь финансы».

Ну, разумеется, тотчас же раздается смех: «Это-де все знают, — скажут мне, — в вашей формуле нет ровно ничего неизвестного; кто ж не знает, что не надо истощать корней, что, засушив корни, плодов не получишь» и т. д. и т. д. Но, однако же, дайте оговориться, я еще не всю мою мысль сказал, и, увы, в том-то и беда моя, что если б я даже целую книгу написал, развивая эту мысль мою, то и тогда (о, опять-таки предчувствую это) не сумел бы разъяснить ее настолько, чтоб ее можно было понять *во всей полноте*. Ибо в этой мысли заключается некий своего рода фатум.

Видите ли: об оздоровлении корней, конечно, все знают, и какой же наш министр финансов более или менее о них не заботился, а уж особенно министр нынешний: он прямо приступил к корням, и вот уже соляной налог уничтожен. Ожидаются и еще реформы, и чрезвычайные, капитальные, именно «корневые». Кроме того, всегда, и прежде, и десять лет тому, употреблялись многие средства на оздоровление корней: назначались ревизии, устраивались комиссии для исследования благосостояния русского мужика, его промышленности, его судов, его самоуправления, его болезней, его нравов и обычаев, и проч., и проч. Комиссии выделяли из себя подкомиссии на собрание статистических сведений, и дело шло как по маслу, то есть самым лучшим административным путем, какой только может быть. Но я вовсе, вовсе не про то говорить теперь начал. Мало того, не только подкомиссии, но даже и такие капитальные реформы, как отмена соляного налога или ожидаемая великая реформа податной системы, — по-моему, суть лишь одни пальятивы, нечто внешнее и не с самого корня начатое, — вот что я хочу выставить. С самого корня будет то, когда мы, если не совсем, то хоть наполовину забудем о текущем, о злобе дня сего, о вопиющих нуждах нашего бюджета, о долгах по заграничным займам, об дефиците, об рубле, о банкротстве даже, которого, впрочем, никогда у нас и не будет, как ни пророчат его нам злорадно заграничные друзья наши. Одним словом, когда обо всем, обо всем текущем позабудем и обратим внимание лишь на одно оздоровление корней, и это до тех пор, пока получим действительно обильный и здоровый плод. Ну, тогда можно будет и опять въехать в текущее или, лучше сказать, уже в новое текущее, потому что в этот антракт, надо думать, что прежнее (то есть современное, теперешнее наше текущее) изменится всё радикально и преобразит свой характер до того, что мы сами его не узнаем. И что же: я, разумеется, понимаю, что всё, что я сказал сейчас, покажется диким, что не думать о рубле,

о платежах по займам, о банкротстве, о войске нельзя, что это надо удовлетворить и удовлетворять и, по-видимому, прежде всего. Но уверяю же вас, что и я понимаю это. Видите, я вам признаюсь: я нарочно поставил мою мысль ребром и желания мои довел до идеала почти невозможного. Я думал, что именно начав с абсурда и стану понятнее. Я и сказал: «Что если б мы хоть *наполовину* только смогли заставить себя забыть про текущее и направили наше внимание на нечто совсем другое, в некую глубь, в которую, по правде, доселе никогда и не заглядывали, потому что глубь искали на поверхности?» Но я сейчас же готов смягчить мою формулу, и вот что вместо нее предложу: *не наполовину* забыть о текущем — от половины я отказываюсь, — а всего бы только на одну двадцатую долю, но с тем (непременно с тем), чтобы, начав с двадцатой доли забвения текущего, в каждый следующий год прибавлять к прежней доле еще по одной двадцатой и дойти — ну, дойти, например, таким образом, до трех четвертей забвения. Важна тут не доля, *а важен тут принцип*, который взять, поставить перед собой и затем уже следовать ему неуклонно. О, на это всё тот же вопрос: куда ж девать текущее-то, — не похерить же его как несуществующее? Я и не говорю: похерить; знаю сам, что существующее нельзя сделать несуществующим, — но знаете, господа, иногда и можно. Ведь если только перестать лишь на одну двадцатую долю ежегодно удостоивать его столь болезненно тревожного внимания, как теперь, а обратить это болезненно тревожное внимание, в размере тоже одной двадцатой доли ежегодно, на нечто другое, то дело-то представится почти что и не фантастическим, а совсем даже возможным к начатию, тем более что о текущем (повторяю это), пренебрегаемом на одну двадцатую долю ежегодно, уже по тому одному нечего беспокоиться, что оно всё не утратится, вовсе не похерится, а, повторяю это, оно само собою преобразится в нечто совсем иное, чем теперь, само подчинится новому принципу и войдет в смысл и дух его, преобразится непременно к лучшему, к самому даже лучшему. Мне скажут, что я говорю загадками, и, однако же, это ничуть. Для примера и на первый случай закину лишь одно только самое маленькое предисловное словцо на тему о том, каким образом можно сразу начать переход от текущего к «оздоровлению корней».

Ну что, если б, например, Петербург согласился вдруг, каким-нибудь чудом, сбавить своего высокомерия во взгляде своем на Россию, — о, каким бы славным и здоровым первым шагом послужило бы это к «оздоровлению корней»! Ибо что же Петербург, — он ведь дошел до того, что решительно считает себя всей Россией, и это от поколения к поколению идет нарастая. В этом смысле Петербург как бы следует примеру Парижа, несмотря на то, что на Париж совсем не похож! Париж уж так сам собою устроился исторически, что поглотил всю Францию, всё значение ее политической и социальной жизни, весь смысл ее, и отнимите

Париж у Франции — что при ней останется: одно географическое определение ее. И вот у нас воображают иные почти так же, как и в Париже, что в Петербурге слилась вся Россия. Но Петербург совсем не Россия. Для огромного большинства русского народа Петербург имеет значение лишь тем, что в нем его царь живет. Между тем, и это мы знаем, петербургская интеллигенция наша, от поколения к поколению, всё менее и менее начинает понимать Россию, именно потому, что, замкнувшись от нее в своем чухонском болоте, всё более и более изменяет свой взгляд на нее, который у иных сузился, наконец, до размеров микроскопических, до размеров какого-нибудь Карлсруэ. Но выгляните из Петербурга, и вам предстанет море-океан земли Русской, море необъятное и глубочайшее. И вот сын петербургских отцов самым спокойным образом отрицает море народа русского и принимает его за нечто косное и бессознательное, в духовном отношении ничтожное и в высшей степени ретроградное. «Велика-де Федора, да дура, годится лишь нас содержать, чтобы мы ее уму-разуму обучили и порядку государственному». Танцуя и лоща паркеты, создаются в Петербурге будущие сыны отечества, а «чернорабочие крысы», как называл их Иван Александрович Хлестаков, изучают отечество в канцеляриях и, разумеется, чему-то научаются, но не России, а совсем иному, подчас очень странному. Это что-то иное и странное России и навязывают. А между тем море-океан живет своеобразно, с каждым поколением всё более и более духовно отделяясь от Петербурга. И не говорите, что живет он хотя мощною жизнью, но еще бессознательною, как уверены до сих пор не только петербуржцы, но даже и понимающие Россию иные немногие русские люди. О, если б знали, как это неверно, и уже сколько сознания накопилось в народе русском, например, хотя бы только в теперешнее царствование! Да, сознание уже растет, растет, и уже столь многое народом понято и осмыслено, что петербургские люди и не поверили бы. Это видится тем, которые видеть умеют, это предчувствуется и только еще не обнаруживается в целом, хотя сильно обнаруживается по местам, по углам, по домам и по избам. Где же обнаружиться еще в целом — ведь это океан, океан! Но если когда обнаружится или только начнет обнаруживаться, то в какое внезапное удивление повергнет оно петербургского интеллигентного человека! Правда, долго он будет отрицать и не верить своим пяти чувствам, долго не сдастся европейский человечек, — иные так и умрут, не сдавшись. Но, чтобы избегнуть великих и грядущих недоразумений, о, как бы желательно было, повторяю это, чтобы Петербург, хотя бы в лучших-то представителях своих, сбавил хоть капельку своего высокомерия во взгляде своем на Россию! Проникновения бы капельку больше, понимания, смирения перед великой землей Русской, перед морем-океаном, — вот бы чего надо. И каким бы верным первым шагом послужило это к «оздоровлению корней»...

— Но позвольте, — прервут меня, — всё это пока лишь только

старые, истрепанные славянофильские бредни, совсем даже не реальное, а какое-то даже духовное; но что такое «оздоровление корней», — вы еще это не разъяснили. И что за корни? Какие корни? Что вы под этим разумеете?

— Вы правы, господа, правы, — начнем об самих «корнях».

IV. ПЕРВЫЙ КОРЕНЬ. ВМЕСТО ТВЕРДОГО ФИНАНСОВОГО ТОНА ВПАДАЮ В СТАРЫЕ СЛОВА. МОРЕ-ОКЕАН. ЖАЖДА ПРАВДЫ И НЕОБХОДИМОСТЬ СПОКОЙСТВИЯ, СТОЛЬ ПОЛЕЗНОГО ДЛЯ ФИНАНСОВ

Первый корень, первый самый главный корень, который предстоит непременно и как можно оздоровить — это, без сомнения, всё тот же русский народ, всё тот же море-океан, о котором я сейчас мою речь завел. Я про простой наш народ теперь говорю, про простолюдина и мужика, про платежную силу, про мозольные рабочие руки, про море-океан. О, как не знать мне, что сделало и делает для него беспрерывно наше правительство в нынешнее царствование, начиная с освобождения его от крепостной зависимости? Да, оно заботится о его нуждах, о его просвещении, лечении, прощает ему даже недоимки при случае, — одним словом, делает и заботится много, кто ж про это не знает. Но я не про это хочу начать речь: я разумею лишь духовное оздоровление этого великого корня, который есть начало всему. Да, он духовно болен, о, не смертельно: главная, мощная сердцевина его души здорова, но все-таки болезнь жестока. Какая же она, как она называется? Трудно это выразить в одном слове. Можно бы вот как сказать: «Жажда правды, но неутоленная». Ищет народ правды и выхода к ней беспрерывно и всё не находит. Хотелось бы мне ограничиться тут лишь финансовой точкой взгляда на эту болезнь, но придется прибавить и несколько старых слов. С самого освобождения от крепостной зависимости явилась в народе потребность и жажда чего-то нового, уже не прежнего, жажда правды, но уже полной правды, полного гражданского воскресения своего в новую жизнь после великого освобождения его. Затребовалось новое слово, стали закипать новые чувства, стало глубоко вериться в новый порядок. После первого периода посредников первого призыва наступило вдруг нечто иное, чем ожидал народ. Наступил порядок, в который народ и рад был уверовать, но мало что в нем понимал. Не понимал он его, терялся, а потому и не мог уверовать. Являлось что-то внешнее, что-то как бы ему чужое и не его собственное. Пережевывать эту тему, столь давно пережеванную, нечего: другие расскажут про это лучше моего, — прочтите хоть в журнале «Русь». Явилось затем бесшабашное пьянство, пьяное море как бы разлилось по России, и хоть свирепствует оно и теперь, но все-таки жажды нового, правды, новой, правды уже полной народ не утратил, упиваясь даже и ви-

ном. И никогда, может быть, не был он более склонен к иным влияниям и веяниям и более беззащитен от них, как теперь. Возьмите даже какую-то штунду и посмотрите на ее успех в народе: что свидетельствует она? Искание правды и беспокойство по ней. Именно беспокойство; народ теперь именно «обеспокоен» нравственно. Я убежден даже, что если нигилистическая пропаганда не нашла до сих пор путей «в народ», то единственно по неумелости, глупости и неподготовленности пропагаторов, не умевших даже и подойти к народу. А то, при самой малой умелости, и они бы проникли, как проникла и штунда. О, надо беречь народ. Сказано: «Будут времена, скажут вам: се здесь Христос, или там, не верьте». Вот и теперь как будто нечто похожее совершается, и не только в народе, но, пожалуй, даже и у нас наверху. Ну, разве не волнуется народ разными необычными слухами о переделе, например, наделов, о новых золотых грамотах? Недавно им читали по церквам, чтоб не верили, что ничего не будет, и вот, верите ли: именно после этого чтения и утвердилась, по местам, еще более мысль, что «будет»: «Даром бы читать не стали, а коли уж зачали читать, значит будет». Вот что они заговорили тотчас же после чтения, по крайней мере по местам. Я именно знаю случай: покупали крестьяне у соседнего помещика землю и сошлись было в цене, а после этого чтения отступились: «И без денег возьмем». Посмеиваются и ждут. Я только про слухи говорю, про способность внимать им, свидетельствующую именно о нравственном беспокойстве народа. И вот что главное: народ у нас один, то есть в уединении, весь только на свои лишь силы оставлен, духовно его никто не поддерживает. Есть земство, но оно «начальство». Есть суд, но и то «начальство»; есть община, наконец, мир, но и то как будто бы уж теперь тянет к чему-то похожему на начальство. Газеты полны описаниями, как народ выбирает своих выборных, — в присутствии «начальства», непременного члена какого-нибудь, и что из этого происходит. Но анекдотов этих тысячи, пересчитывать не буду. Посмотрит иной простак кругом себя и вдруг выведет, что одному-де кулаку и мироеду житье, что как будто для них всё и делается, так стану-де и я кулаком, — и станет. Другой, посмирнее, просто сопьется, не потому, что бедность одолела, а потому, что от бесправицы тошно. Что же тут делать? Тут фатум. Ведь уж, кажется, дано управление, начальство, тут-то бы и успокоиться, — ан вышло почему-то наоборот. Вон высчитали, что у народа теперь, в этот миг, чуть ли не два десятка начальственных чинов, специально к нему определенных, над ним стоящих, его оберегающих и опекающих. И без того уже бедному человеку все и всякий начальство, а тут еще двадцать штук специальных! Свобода-то движения ровно как у мухи, попавшей в тарелку с патокой. А ведь это не только с нравственной, но и с финансовой точки зрения вредно, то есть такая свобода движения. А главное, народ один, без советников. Есть у него только бог и царь — вот этими двумя

силами и двумя великими надеждами он и держится. А другие советники все проходят мимо него, его не коснувшись. Вся прогрессивная интеллигенция, например, сплошь проходит мимо народа, ибо хотя и много в интеллигенции нашей толковых людей, но зато о народе русском мало кто имеет понятия. У нас только отрицают да беспрерывно жалуются: «Зачем-де не „оживляется“ общество, и почему-де никак нельзя оживить его, и что же это за задача такая?» А потому нельзя оживить, что вы на народ не опираетесь и что народ не с вами духовно и вам чужой. Вы как бы составляете верхнюю зону над народом, обернувшую землю Русскую, и для вас-то собственно, по крайней мере, как говорят и пишут у вас же, преобразователь и оставил народ крепостным, чтобы он, служа вам трудом своим, дал вам средство к европейскому просвещению примкнуть. Вы и просветились в два-то столетия, а народ-то от вас отдалился, а вы от него. «Да не мы ли, — скажете вы, — об народе болеем, не мы ли об нем столь много пишем, не мы ли его и к нему призываем?» Так, вы всё это делаете, но русский народ убежден почему-то, что вы не об нем болеете, а об каком-то ином народе, в вашу голову засевшем и на русский народ не похожем, а его так даже и презираете. Это презрительное отношение к народу, в некоторых из нас даже совсем бессознательное, положительно, можно сказать, невольное. Это остаток крепостного права. Началось же оно с тех пор, как был умерщвлен граждански народ для нашего европейского просвещения, и пребывает в нас несомненно доселе, когда и воскрес народ, и, знаете, нам даже и невозможно уже теперь сойтись с народом, если только не совершится какого чуда в земле Русской. Тут повторю весьма старые мои же слова: народ русский в огромном большинстве своем — православен и живет идеей православия в полноте, хотя и не разумеет эту идею ответчиво и научно. *В сущности* в народе нашем кроме этой «идеи» и нет никакой, и всё из нее одной и исходит, по крайней мере, народ наш так хочет, всем сердцем своим и глубоким убеждением своим. Он именно хочет, чтоб всё, что есть у него и что дают ему, из этой лишь одной идеи и исходило. И это несмотря на то, что многое у самого же народа является и выходит до нелепости не из этой идеи, а смрадного, гадкого, преступного, варварского и греховного. Но и самые преступник и варвар хоть и грешат, а все-таки молят бога, в высшие минуты духовной жизни своей, чтоб пресекся грех их и смрад и всё бы выходило опять из той излюбленной «идеи» их. Я знаю, надо мною смеялись наши интеллигентные люди: «той идеи» даже и признавать они не хотят в народе, указывая на грехи его, на смрад его (которым сами же они виной были, два века угнетая его), указывают на предрассудки, на индифферентность будто бы народа к религии, а иные даже воображают, что русский народ просто-напросто атеист. Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе церкви. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты,

я про наш русский «социализм» теперь говорю (и это обратно противоположное церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось бы это странным), цель и исход которого всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле, поколику земля может вместить ее. Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово. И если нет еще этого единения, если не созижделась еще церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то все-таки инстинкт этой церкви и неустанная жажда ее, иной раз даже почти бессознательная, в сердце многомиллионного народа нашего несомненно присутствуют. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово.* Вот наш русский социализм! Вот над присутствием в народе русском этой высшей единительно-«церковной» идеи вы и смеетесь, господа европейцы наши. О, есть много и других «идей» в народе, с которыми вы никогда не сойдетесь и признаете их прямо татарскими в европейском миросозерцании вашем. Об них, об этих остальных идеях, я теперь и упоминать не буду, хотя это чрезвычайно важные идеи, которых правды вы вовсе не понимаете. Но теперь я об этой лишь главной идее народа нашего говорю, об чаянии им грядущей и зиждущейся в нем, судьбами божьими, его церкви вселенской. И тут прямо можно поставить формулу: кто не понимает в народе нашем его православия и окончательных целей его, тот никогда не поймет и самого народа нашего. Мало того: тот не может и любить народа русского (а у многих ведь из них, из европейцев-то наших, сердце чистое, справедливости и любви жаждущее), а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть и каким себе напредставит его. А так как народ никогда таким не сделается, каким бы его хотели видеть наши умники, а останется самим собою, то и предвидится в будущем неминуемое и опасное столкновение. Ибо вышесказанная формула имеет и обратное значение, то есть никогда народ не примет такого русского европейца за своего человека: «Полюби сперва святыню мою, почти ты то, что я чту, и тогда ты точно таков как я, мой брат, несмотря на то, что ты одет не так, что ты барин, что ты начальство и что даже и по-русскому-то иной раз сказать хорошо не умеешь», — вот что вам скажет народ, ибо народ наш широк и умен. Он и не верующего в его святыню, хорошего человека иной раз почтит и полюбит, выслушает его, если тот умен, за совет поблагодарит и советом воспользуется. Ужиться народ русский со всяким может, ибо много видал видов, многое заметил и запомнил в долгую, тяжелую жизнь свою двух последних веков. (А вот вы даже и с этим не соглашаетесь, что он многое запомнил и заметил, а стало быть, и сознал, и что, стало быть, не совсем же он только косная масса и платежная сила, какими вы его определили.)

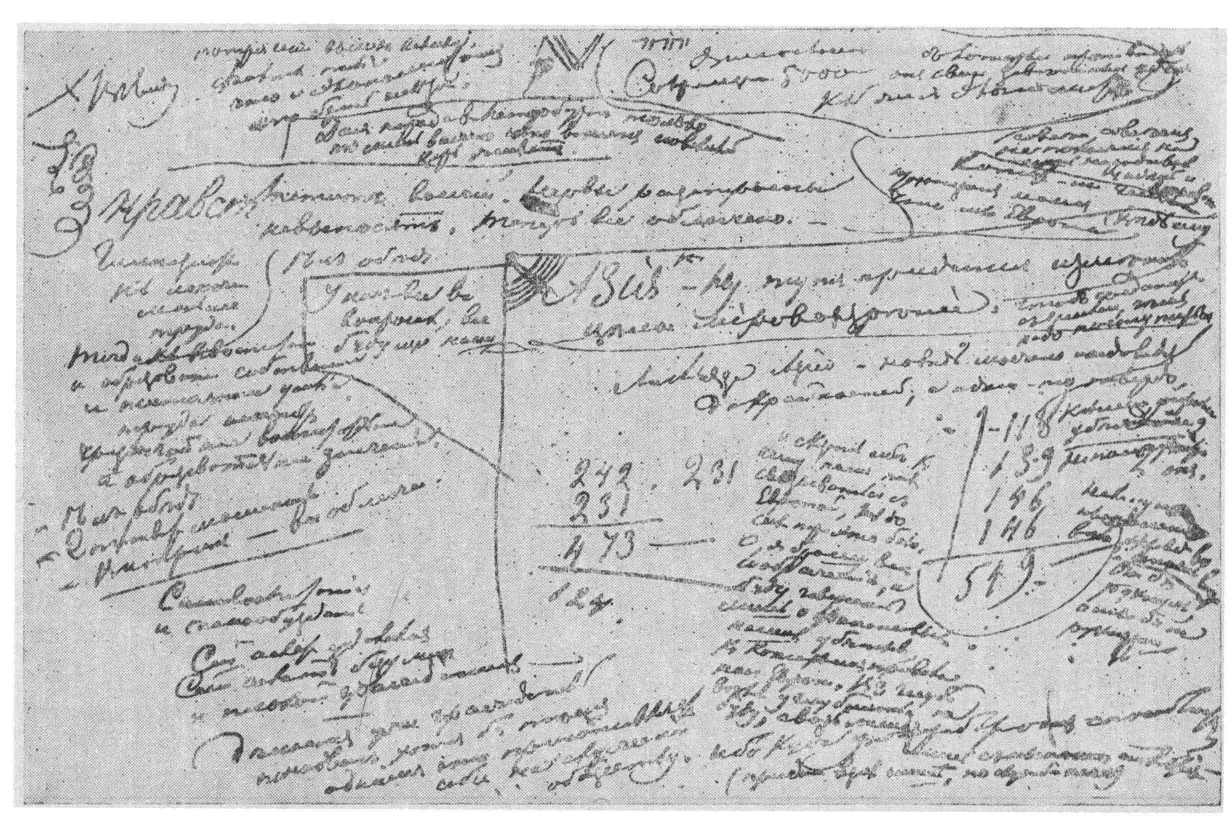
Но ужиться, и даже любовно ужиться с человеком — дело одно, а *своим* человеком признать его — это совсем уже другое. А без этого признания не будет и единения.

Я лишь то хочу выразить, что силы, разъединяющие нас с народом, чрезвычайно велики и что народ остался один, в великом уединении своем, и кроме царя своего, в которого верует нерушимо, ни в ком и нигде опоры теперь уже не чает и не видит. И рад бы увидеть, да трудно ему разглядеть. А между тем — о, какая бы страшная, зиждительная и благословенная сила, новая, совсем уже новая сила явилась бы на Руси, если бы произошло у нас единение сословий интеллигентных с народом! Единение духовное то есть. О, господа министры финансов, не такие бы годовые бюджеты составляли вы тогда, какие составляете ныне! Молочные реки потекли бы в царстве, все идеалы ваши были бы достигнуты разом! «— Да, но как это сделать, и неужели же виною тому европейское просвещение наше?» О, совсем не просвещение, да, по правде, его у нас и нет вовсе даже доселе, а разъединение-то все-таки пребывает и действительно вышло как бы во имя европейского просвещения, которого нет у нас. Но настоящее просвещение тут не виновато. Я даже так думаю: будь у нас настоящее, заправское просвещение, то и разъединения бы никакого не произошло у нас вовсе, потому что и народ просвещения жаждет. Но улетели мы от народа нашего, просветясь, на луну, и всякую дорогу к нему потеряли. Как же нам, таким отлетевшим людям, брать на себя заботу оздоровить народ? Как сделать, чтоб дух народа, тоскующий и обеспокоенный повсеместно, ободрился и успокоился? Ведь даже самые капиталы и движение их *нравственного* спокойствия ищут, а без нравственного спокойствия или прячутся, или непроизводительны. Как сделать, чтоб дух народа успокоился в правде и видя правду? Может быть, правда-то есть и теперь, но надо, чтоб он ей поверил. Как внедрить в его душу, что правда есть в Русской земле и что высоко стоит ее знамя. Как сделать, например, чтоб он в свой суд уверовал, в свое представительство и признал его за плоть от плоти своей и за кость от костей своих? О, я не пускаюсь в подробности, где мне, и если даже начать всё разъяснять и описывать, то, думаю, и «всему миру не вместить бы книг сих». Но если бы только хоть обеспечена была правда народу в будущем, так чтобы он вполне уверовал, что придет она непременно, если б только хоть капельку выбралась муха из тарелки с патокой, то и тогда бы совершилось дело великое и неисчислимое. Прямо скажу: вся беда от давнего разъединения высшего интеллигентного сословия с низшим, с народом нашим. Как же помирить верхний пояс с море-океаном и как успокоить море-океан, чтобы не случилось в нем большого волнения?

V. ПУСТЬ ПЕРВЫЕ СКАЖУТ, А МЫ ПОКА ПОСТОИМ В СТОРОНКЕ, ЕДИНСТВЕННО ЧТОБ УМУ-РАЗУМУ ПОУЧИТЬСЯ

На это есть одно магическое словцо, именно: «Оказать доверие». Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его. Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду. И не нужно никаких великих подъемов и сборов; народ можно спросить по местам, по уездам, по хижинам. Ибо народ наш, и по местам сидя, скажет точь-в-точь всё то же, что сказал бы и весь вкупе, ибо он един. И разъединенный един и сообща един, ибо дух его един. Каждая местность только лишь свою местную особенность прибавила бы, но в целом, в общем, всё бы вышло согласно и едино. Надо только соблюсти, чтобы высказался пока именно только мужик, один только заправский мужик. Правда, с мужиком проскочит кулак и мироед, но ведь и тот мужик, и в таком великом деле даже кулак и мироед земле не изменят и правдивое слово скажут, — такова уж наша народная особенность. Как же это сделать? О, люди, власть имеющие, это могут лучше решить, чем я, — я же только верю в одно, что формул особенных совсем не потребуется. Народ наш за формами не погонится, особенно за готовыми, чужеземными, которых ему вовсе не надо, ибо вовсе не то у него на уме, и не только никогда не бывало, но никогда и не будет, потому что у него другой взгляд на это дело, особливый, совсем его собственный. Да, в сем случае, народ наш, — такой народ, как наш, — может быть вполне удостоен доверия. Ибо кто же его не видал около царя, близ царя, у царя? Это дети царевы, дети заправские, настоящие, родные, а царь их отец. Разве это у нас только слово, только звук, только наименование, что «царь им отец»? Кто думает так, тот ничего не понимает в России! Нет, тут идея, глубокая и оригинальнейшая, тут организм, живой и могучий, организм народа, слиянного с своим царем воедино. Идея же эта есть сила. Создалась эта сила веками, особенно последними, страшными для народа двумя веками, которые мы столь восхваляем за европейское просвещение наше, забыв, что это просвещение обеспечено было нам еще два века назад крепостной кабалой и крестным страданием народа русского, нам служившего. Вот и ждал народ освободителя своего и дождался, — ну так как же они не настоящие, не заправские дети его? Царь для народа не внешняя сила, не сила какого-нибудь победителя (как было, например, с династиями прежних королей во Франции), а всенародная, всеединящая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую возлюбил, за которую претерпел, потому что от нее только одной ждал исхода своего из Египта. Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его. Надежды эти еще недавно столь колос-

сально осуществились, — так как же народу отречься от дальнейших надежд? Как же, напротив, не усилиться им, не утвердиться, ибо царь после крестьянской реформы не в идее только, не в надежде лишь, а на деле ему стал отцом. Да ведь это отношение народа к царю, как к отцу, и есть у нас то настоящее, адамантовое основание, на котором всякая реформа у нас может зиждиться и созиждется. Если хотите, у нас в России и нет никакой другой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей нас, как эта органическая, живая связь народа с царем своим, и из нее у нас всё и исходит. Кто же бы и помыслить мог, например, хотя бы о той же крестьянской реформе, если б заранее не знал и не верил, что царь народу отец и что именно вера народа в царя, как в отца своего, всё спасет, всё убережет, удалит беду? Увы, плох тот экономист-реформатор, который обходит настоящие и действительно живые силы народные из какого-нибудь предубеждения и чуждого верования. Да: мы уже по тому одному не с народом и не можем понять его, что хоть и знаем и понимаем его отношения к царю, но вместить не можем в себя во всей полноте самого главного и необходимого пункта в судьбах наших: что отношение это русского народа к царю своему есть самый особливый пункт, отличающий народ наш от всех других народов Европы и всего мира; что это не временное только дело у нас, не переходящее, не признак лишь детства народного, например, его роста и проч., как заключил бы иной умник, но вековое, всегдашнее и никогда, по крайней мере еще долго, очень долго оно не изменится. Так как же после этого (уже по этому только одному) народ наш не особлив ото всех народов и не заключает в себе особой идеи? Не ясно ли, напротив, что народ наш носит в себе органический зачаток идеи, от всего света особливой. Идея же эта заключает в себе такую великую у нас силу, что, конечно, повлияет на всю дальнейшую историю нашу, а так как она совсем особливая и как ни у кого, то и история наша *не может быть похожею на историю других европейских народов*, тем более ее рабской копией. Вот чего не понимают у нас умники, верующие, что всё у нас переделается в Европу безо всякой особливости, и ненавидящие особливости, от чего, конечно, дело может кончиться даже бедой. А что у нас всё основное как нигде в Европе, то вот вам тому первый пример: у нас свобода (в будущем нашем, когда мы переживем период лжеевропеизма нашего, это наверно так будет) — у нас гражданская свобода может водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире, в Европе или даже в Северной Америке, и именно на этом же адамантовом основании она и созиждется. Не письменным листом утвердится, а созиждется лишь на детской любви народа к царю, как к отцу, ибо детям можно многое такое позволить, что и немыслимо у других, у договорных народов, детям можно столь многое доверить и столь многое разрешить, как нигде еще не бывало видно, ибо не изменят дети отцу своему и,

«Дневник писателя» 1881 г. Страница черновых набросков.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

как дети, с любовию примут от него всякую поправку всякой ошибки и всякого заблуждения их.

Итак, этакому ли народу отказать в доверии? Пусть скажет он сам о нуждах своих и полную об них правду. Но, повторю это, пусть скажет сначала один; мы же, «интеллигенция народная», пусть станем пока смиренно в сторонке и сперва только поглядим на него, как он будет говорить, и послушаем. О, не из каких-либо политических целей я предложил бы устранить на время нашу интеллигенцию, — не приписывайте мне их, пожалуйста, — но предложил бы я это (уж извините, пожалуйста) — из целей лишь чисто *педагогических*. Да, пускай в сторонке пока постоим и послушаем, как ясно и толково сумеет народ свою правду сказать, совсем без нашей помощи, и об деле, именно об заправском деле в самую точку попадет, да и нас не обидит, коли об нас речь зайдет. Пусть постоим и поучимся у народа, как надо правду говорить. Пусть тут же поучимся и смирению народному, и деловитости его, и реальности ума его, серьезности этого ума. Вы скажете: «Сами же вы говорили, как податлив народ на нелепые слухи, — какой же мудрости ожидать от него?» Так, но одно дело слухи, а другое — единение в общем деле. Явится целое, а целое повлияет само на себя и вызовет разум. Да, это будет воистину школою для всех нас и самою плодотворнейшею школою. Увидав от народа столько деловитости и серьезности, мы будем озадачены, и, уж конечно, явятся из нас, что не поверят глазам своим, но таких будет слишком мало, ибо все действительно искренние, все воистину жаждущие правды, а главное, дела, заправского дела и общей пользы, — такие все присоединятся к премудрому слову народному; все же неискренние разом обнаружат всё свое содержание и обнаружатся сами. А если останутся и искренние, что и тогда в народ не уверуют, — то это какие-нибудь староверы и доктринеры сороковых и пятидесятых годов, старые, неисправимые дети, и они будут только смешны и безвредны. Все же, кроме них, в первый раз прочистят глаза свои и очистят пониманье свое. Действие может быть чрезвычайно важное по последствиям, ибо... ибо тут-то, в этой-то форме, может быть, и возможно начало и первый шаг духовного слияния всего интеллигентного сословия нашего, столь гордого пред народом, с народом нашим. Я про духовное лишь слияние говорю, — его только нам и надо, ибо оно страшно поможет всему, всё переродит вновь, новую идею даст. Светлая, свежая молодежь наша, думаю я, тотчас же и прежде всех отдаст свое сердце народу и поймет его духовно впервые. Я потому так, и прежде всех, на молодежь надеюсь, что она у нас тоже страдает «исканием правды» и тоской по ней, а стало быть, она народу сродни наиболее и сразу поймет, что и народ ищет правды. А познакомясь столь близко с душою народа, бросит те крайние бредни, которые увлекли было столь многих из нее, вообразивших, что они нашли истину в крайних европейских учениях.

О, я верю, что не фантазирую и не преувеличиваю тех благих последствий, которые могли бы из столь хорошего дела выйти. Пало бы высокомерие, и родилось бы уважение к земле. Совсем новая идея вошла бы вдруг в нашу душу и осветила бы в ней всё, что пребывало до сих пор во мраке, светом своим обличила бы ложь и прогнала ее. И кто знает, может быть, это было бы началом такой реформы, которая по значению своему даже могла бы быть выше крестьянской: тут произошло бы тоже «освобождение» — освобождение умов и сердец наших от некоей крепостной зависимости, в которой и мы тоже пробыли целых два века у Европы, подобно как крестьянин, недавний раб наш, у нас. И если б только могла начаться и осуществиться эта вторая реформа, то уж конечно была бы лишь последствием великой первой реформы в начале царствования. Ибо тогда матерьяльно пала двухвековая стена, отделявшая народ от интеллигенции, а ныне стена эта уже духовно падет. Что же выше, что же может быть плодотворнее для России, как не это духовное слияние сословий? Свои в первый раз узнают своих. Стыдившиеся доселе народа нашего, как варварского и задерживающего развитие, устыдятся прежнего стыда своего и пред многим смирятся и многое почтут, чего прежде не чтили и что презирали. И когда ответит народ, когда доложит всё об себе и замолкнет его смиренное слово, — спросите, попробуйте спросить тогда и интеллигенцию нашу, — ну хоть лишь мнения ее о том, что сказал народ, и вы сейчас же увидите последствия. О, тогда и их слово плодотворно будет, ибо они всё же ведь интеллигенты, и последнее слово за ними. Но пример народа, сказавшего прежде их свое слово во всяком случае, избавил бы нас от многих промахов и дурачеств, если б нам самим пришлось прежде народа сказать свое слово. И увидите, что ничего не скажет тогда наша интеллигенция народу противоречиво, а лишь облечет его истину в научное слово и разовьет его во всю ширину своего образования, ибо всё же ведь у ней наука или начала ее, а наука народу страшно нужна. Да если б и захотел кто из них противоречить, если б и явились какие-нибудь несогласия с основными началами народа нашего, то все-таки не осмелились бы так сильно восстать против духа народного, то есть против взгляда его на дело, — вот что важно, и даже очень.

Да, весьма может быть, что духовное спокойствие началось бы у нас именно с этого шага. Явилась бы надежда и уже общая, не разделенная, стали бы ярко сознаваться и выясняться перед нами и цели наши. А это очень важно, ибо вся наша сознательная сила, весь наш интеллигент совсем не знает или весьма нетвердо и сбивчиво знает о том, какие суть и могут быть впредь наши цели, то есть национальные, государственные. В этом у нас очень слабо, именно теперь, в данную минуту. А эта сбивчивость, это незнание есть, без сомнения, источник великого беспокойства и неустройства, и не только теперь, а и несравненно горшего в будущем. Всё это могло бы быть разъяснено, освещено

или дало бы хоть первоначальное указание к тому, чем осветить и как разъяснить, навело бы на мысль... А, впрочем, на эту тему довольно; я сказал, как умел. Пусть не поймут всего, если не сумел высказаться, — беру вину на себя, — но то, что поймут, пусть примут в безобидном и мирном смысле. Я желал бы только, чтоб поняли беспристрастно, что я лишь за народ стою прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых никто еще из нас не знает во всем объеме и величии их, — как в святыню верую, главное, в спасительное их назначение, в великий народный охранительный и зиждительный дух, и жажду лишь одного: да узрят их все. Только что узрят, тотчас же начнут понимать и всё остальное.

И почему бы всё это мечта? Я ведь не про всю обширность дела говорю. Я ведь говорю лишь о мужике, о его собственных первоначальных делах, лишь до него относящихся. Разве нет у него таких дел, особливых и единственно их них, о которых бы надо было узнать, в виде, так сказать, почина и предисловия ко всякой дальнейшей, хотя бы даже и гораздо обширнейшей реформе? А между тем получатся выгоды чрезвычайные: получатся факты, узнается правда о многом, добудется драгоценный материал, который убережет многих из нас от фантастических надежд, от перековерканий на западный лад, от преувеличений. А главное, — это еще раз повторю, — получится тон и смысл, получится тот самый дух, в котором только и может совершиться всё что-нибудь дальнейшее и обширнейшее. На это дело как бы печать ляжет, печать национальная и глубоко консервативная. И печати этой и впоследствии никто не избегнет, даже самые фантастические умы, и те соблазнятся и добровольно примут ее.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. ОСТРОУМНЫЙ БЮРОКРАТ. ЕГО МНЕНИЕ О НАШИХ ЛИБЕРАЛАХ И ЕВРОПЕЙЦАХ

Но, кончив эту первую мою главу, прерву пока и статью о финансах, ибо чувствую, что пишу очень скучно. Но прерву лишь на время. Мне еще хотелось бы поговорить и о других корнях, о других началах, которые, представляется мне, можно бы оздоровить. Потому еще прерываю, что на двух листках моего «Дневника» и без того не уписал бы всей статьи, так что и поневоле пришлось бы отложить до следующих, грядущих номеров...

— Напрасно, не надо и в следующих номерах, — брезгливо прервут меня голоса (я уж предчувствую эти голоса), — всё это не финансы, а... баловство. Всё это не реально (хотя не понимаю, почему бы так?), всё это мистического какого-то содержания, а не насущного, не текущего! В следующих номерах дайте повесть.

Странные голоса! Да ведь я именно и стою на том, чтоб нам отвернуться от многого в теперешнем нашем насущном и текущем и создать себе иное насущное и текущее, и несравненно даже реальнейшее, чем теперешнее, в которое мы въехали и в котором сидим, — извините, пожалуйста, тоже как муха в патоке, — в этом вся моя мысль. То есть именно в повороте голов и взглядов наших совсем в иную сторону, чем до сих пор, — вот моя мысль. Власть имеющие могли бы начать такое дело, и с этой стороны мои мечты становятся даже вовсе не столь фантастическими, ибо если начнет власть, то многое могло бы даже сейчас же осуществиться. Принципы, принципы наши некоторые надо бы совсем изменить, мух из патоки повытащить и освободить. Не популярна, кажется, эта мысль: без движения мы давно уже привыкли быть, а в патоке-то даже и сладко стало сидеть. Правда, я опять увлекся, и мне тут же сейчас же могут напомнить, что ведь я и доселе, столько уж написав, всё еще не собрался разъяснить: какое именно теперешнее текущее я подразумеваю и какое именно будущее текущее ему предпочитаю. Вот это-то именно я и хочу разъяснять неустанно в будущих моих номерах «Дневника». Но чтоб кончить теперь, приведу одну встречу, которую я имел с одним довольно даже остроумным бюрократом, и который мне изрек одну довольно любопытную вещь, вот именно насчет некоторых принципов, касающихся изменения нашего теперешнего «текущего». Разговор зашел в одном обществе как раз о финансах и об экономии, но специально в смысле бережливости финансовых средств наших, прикопления их, употребления в дело так, чтобы ни одна копейка не терялась, не пошла в расход фантастический. Про экономию в этом смысле у нас говорят теперь поминутно, да и правительство занимается этим же неустанно. У нас контроль, ежегодное сокращение в штатах. Заговорили в последнее время даже о сокращении армии, предлагали в газетах и цифру, именно на пятьдесят тысяч солдат, а другие так уверяли, что и наполовину сократить можно армию нашу: ничего-де от того не будет. Всё это и прекрасно бы, но вот что, однако, невольно лезет в соображение: армию-то мы сократим, на первый случай, хоть тысяч на пятьдесят, а денежки-то у нас и промелькнут опять между пальцами, туда да сюда, уж конечно, на государственные потребности, но на такие, которые, может быть, и не стоят такой радикальной жертвы. Сокращенные же пятьдесят тысяч войска уж мы никогда опять не заведем, или с большой потугой, потому что, раз уничтожив, трудно это опять восстановлять, а войско-то нам ух как нужно, особенно теперь, когда все-то там держат против нас камень за пазухой. На эту дорогу вступать опасно, но только *теперь*, при теперешнем, то есть текущем, на которое пойдут денежки. Только тогда и будем уверены, что святые эти денежки действительно на настоящее дело пошли, когда вступим, например, на окончательную, на суровую, на угрюмую экономию, на

экономию в духе и силе Петра, если б тот положил экономить. А способны ли мы на это при «вопиющих»-то нуждах нашего текущего, которыми мы столь связали себя? Замечу, что если б мы сделали или начали так, то это и было бы одним из первых шагов на повороте с прежнего фантастического текущего на новое, реальное и надлежащее. Мы вот довольно часто сокращаем штаты, персонал чиновников, а между тем в результатах выходит, что и штаты и персонал как бы всё увеличиваются. А способны ли мы вот к такому, например, сокращению: чтобы с сорока чиновников сразу съехать на четырех? Что четыре чиновника сплошь и рядом исполнят то, что делают сорок, — в этом сомнения, конечно, никто не может иметь, особенно при сокращении бумажного делопроизводства и вообще при радикальном преобразовании теперешних формул ведения дел. Вот на эту-то тему и зашла речь в нашей компании. Заметили, что это большая ломка во всяком случае. Другие возражали, что ведь у нас и гораздо капитальнейшие реформы происходили, чем эта. Третьи прибавляли, что новым чиновникам, то есть вот этим четверым, заместившим сорок, можно бы жалованье даже утроить — и слишком охотно будут работать, вовсе без ропота. Но если и утроить, и на четырех, стало быть, пошло бы столько же, чего стоят теперешние двенадцать, то и тогда мы сократим расходы чуть не на три четверти против теперешнего.

Тут-то меня и остановил мой бюрократ. Замечу прежде всего, что, к величайшему моему удивлению, даже и он нисколько не возразил против возможности четырьмя заменить сорок: «И при четырех, дескать, дело будет идти», стало быть, не счел же этого невозможным. Но он возразил на иное, именно на принцип, на ошибочность и преступность провозглашаемого принципа. Привожу возражения его не дословно, даже слишком в моей редакции. Повторяю, привожу именно потому, что мысли его показались мне любопытными в своем роде и заключавшими в себе некоторую почти пикантную даже идею. Он, конечно, не удостоил пускаться со мною в подробности, так как я в таком деле не специалист, «понимаю мало» (в чем, уж конечно, спешу и сам сознаться), — но принцип-то, он надеялся, я пойму.

— Сокращение чиновников с сорока на четырех, — начал он строго и с проникновением, — не только не полезно для дела, но даже и вредно уже по самому существу своему, несмотря на то, что действительно государственный расход уменьшился бы значительно. Но не только с сорока на четырех нельзя сокращать и вредно, но и с сорока на тридцать восемь, и вот почему: потому что вы зловредно посягнули бы тем на основной принцип. Ибо вот уже почти двести лет, с самого Петра, мы, бюрократия, составляем в государстве *всё*; в сущности, мы-то и есть государство и *всё* — а прочее лишь привесок. По крайней мере, до недавнего времени, до освобождения крестьян так было. Все выборные прежние должности, ну там дворянские например, сами

собою, силою тяготения, так сказать, принимали наш дух и смысл. И мы, созерцая это, вовсе не беспокоились, потому что принцип, указанный двести лет тому, нисколько не нарушался. Вот после крестьянской реформы действительно потянуло было чем-то новым: явилось самоуправление, ну там земство и прочее... Оказалось теперь ясно, что и всё это новое тотчас же начало само собою принимать наш же облик, нашу же душу и тело, в нас перевоплощаться. И произошло отнюдь не нашим давлением (это ошибочная мысль), — а именно само собою, ибо от вековых привычек отучаться трудно, а если хотите, то и не надо, особенно в таком основном и великом национальном деле. Вы можете мне не поверить, но если способны вникнуть, то, конечно, поймете. Ибо что мы такое? Мы *всё*, *всё* и до сих пор и продолжаем быть всем, — и опять-таки вовсе не очень стараясь о том сами, не натужась, так сказать, нимало, а именно невольно, естественным ходом дела. Кричат давно, что у нас дело канцелярское, не живое, а мертвое, бумажное, и что Россия из этого выросла. Может быть, выросла, но пока всё еще мы одни ее держим, зиждем и сохраняем, чтобы не рассыпалась! Ибо то, что вы называете канцелярской мертвечиной, то есть мы-то сами, как установление, а затем и вся наша деятельность, — всё это составляет, если прибегнуть к сравнению, как бы, так сказать, скелет в живом организме. Рассыпьте скелет, рассыпьте кости, погибнет и живое тело. Пусть, пусть дело делается по-мертвому, зато по системе, по принципу, по великому принципу, позвольте вам это сказать. Пусть дело канцелярски делается, пусть даже плохо, не полно, но ведь как-нибудь делается же, и, главное, всё стоит и не падает, — именно то-то и главное, что пока не падает. Я согласен и готов уступить вам, что мы на самом-то деле, пожалуй, что и не *всё*, — о, мы достаточно умны, чтобы понять, что мы не восполняем всего в России, а особенно теперь; но пусть не всё, зато все-таки *нечто*, то есть нечто уже реальное, действительно существующее, хотя, конечно, может быть, отчасти и бестелесное. Ну, а что там у вас, чем вы-то бы нас заместили, так, чтоб мы уже могли с уверенностью отстраниться, ввиду того, что и у вас явилось бы тоже *нечто*, способное нас заместить так, чтобы ничего не упало? Но ведь у вас все эти самоуправления и земства, — ведь это всё еще пока журавль в небе, журавль до сих пор прекрасный и в небе летающий, но на землю еще не слетавший. Стало быть, он все-таки нуль, хоть и прекрасен, а мы хоть и не прекрасны и надоели, но зато мы *нечто* и уже вовсе не нуль. Вы вот нас все сплошь обвиняете за журавля: зачем-де он до сих пор не слетел, что в этом-де мы виноваты, что это будто мы стараемся преобразить прекрасного журавля в наш образ и дух. Это, конечно, очень бы хорошо было с нашей стороны, если б действительно тут только наша вина была, ибо мы доказали бы тем, что стоим за вековой, основной и благороднейший принцип и бесполезный нуль обращаем в полезное нечто.

Но поверьте, что мы тут вовсе не виноваты, то есть слишком мало, и что прекрасный журавль сам в нерешимости, сам не знает, чем ему стать окончательно, то есть нами ли или вправду чем-то самостоятельным, сам колеблется, сам не верит себе, даже почти потерялся. Уверяю вас, что полез он к нам своею собственною доброю волею, а вовсе без нашего давления. Выходит, что мы, так сказать, как естественный какой-то магнит, к которому всё тянется даже доселе и долго еще будет тянуться. Вы опять не верите, вам смешно? А я так пари готов держать в чем угодно: попробуйте, развяжите крылья вашей прекрасной птичке вполне, разрешите ей все возможности, предпишите, например, вашему земству даже формально за номером и со строгостью: «Отселе-де быть тебе самостоятельным, а не бюрократическим журавлем», и поверьте, что все они там, все какие есть журавли, сами собою, еще пуще запросятся к нам и кончат тем, что станут чиновниками уже вполне, дух наш и образ примут, всё у нас скопируют. Даже выборный мужик к нам запросится, польстит ему это очень. Недаром же два столетия развивались вкусы. И вот вы хотите, чтобы мы, то есть нечто твердое и на ногах стоящее, променяли бы самих себя на эту загадку, на эту шараду, на вашего прекрасного журавля? Нет, уж мы лучше свою синицу в руках попридержим. Мы уж лучше сами как-нибудь там исправимся, пообчистимся, ну, что-нибудь введем новое, более, так сказать, прогрессивное, духу века соответствующее, ну там станем ка́к-нибудь добродетельнее или что, — а на призрак, на внезапно приснившийся сон мы не променяем наше действительное, реальное *нечто*, ибо нечем и некем нас заместить, это верно! Мы сопротивляемся уничтожению, так сказать, по инерции. Инерция-то эта в нас и дорога, потому что, по правде-то, ею лишь одною всё и держится в наше время. А потому и сокращаться даже на тридцать восемь с сорока (а не то что с сорока на четырех) было бы делом глубоко вредным и даже безнравственным. Гроши получите, а разрушите принцип. Уничтожьте-ка, измените-ка теперь нашу формулу, если только у вас хватит совести посягнуть на такое дело: да ведь это будет изменой всему нашему русскому европеизму и просвещению, — знаете ли вы это? Это будет отрицанием того, что и мы государство, что и мы европейцы, это измена Петру! И знаете, ваши либералы (впрочем, и наши тоже), стоящие столь рьяно в газетах за земство против чиновничества, в сущности противоречат сами себе. Да ведь земство, да ведь все эти новости и «народности» — ведь это и есть те самые «народные начала», или начинающаяся формула тех «начал», о которых кричит столь ненавистная европейцам нашим «Русская партия» (может, слышали, их так в Берлине обозвали) — те самые «начала», которые так неистово отрицает наш русский либерализм и европеизм, над которыми он смеется и не хочет их признавать даже существующими! О, он их очень боится: ну, что-де коли они в самом деле

есть и осуществятся, так ведь тогда в некотором роде сюрприз-с! Значит, все ваши европейцы по-настоящему с нами, а мы с ними, и это бы они давно должны бы были понять и себе зарубить. Если хотите, то мы не только заодно с ними, а мы и совсем одно и то же: в них, в них самих наш дух заключен и даже наш образ, в европейцах-то ваших, и это так! Да я вам вот что прибавлю: Европа, то есть русская Европа, Европа в России — это мы-то лишь одни и есть. Это мы, мы воплощение всей формулы русского европеизма и всю ее заключаем в себе. Мы одни и ее толкователи. И не понимаю, почему бы не давать им за их европеизм установленных знаков отличия, если уж мы с ними так безгрешно сливаемся? С удовольствием станут носить, и этим даже можно бы было привлечь. Но у нас не умеют. А они-то нас бранят — подлинно своя своих не познаша! А чтоб кончить об ваших земствах и всех этих новшествах, то я вам скажу раз навсегда: нет-с! Ибо дело это длинное, а не столь короткое. На то нужна своя предварительная культура, своя история и, может быть, тоже двухвековая. Ну вековая, ну хоть даже полвековая, так как ныне век телеграфов и железных дорог, и все отношения сокращены и облегчены. Так ведь всё же полвековая, всё же ведь не сейчас. «Сейчас или тотчас» — это всё русские мерзостные словечки. Сейчас ничего не народится, кроме нам же подобных. И долго еще так будет.

Тут мой бюрократ гордо и осанисто замолчал, и, знаете, я и не возражал ему, потому что в его словах было именно как бы «нечто», какая-то грустная правда, действительно существующая. Разумеется, я с ним не согласился в душе. И притом таким тоном говорят лишь люди отходящие. А все-таки в его словах было «нечто»...

II. СТАРАЯ БАСНЯ КРЫЛОВА ОБ ОДНОЙ СВИНЬЕ

А чтобы обо всем этом наконец совсем уже кончить, приведу одну маленькую, очень хорошенькую басенку Крылова, должно быть, всеми теперь забытую, ибо до Крылова ли в наш теперешний деловой и мятущийся век? Эта басенка невольно припомнилась мне, еще когда я начал собираться писать мою статью о финансах и об оздоровлении корней. У Крылова она имеет прекрасное нравоучение, но на другую тему, на тему о других корнях. Но это всё равно, она и к нам подходящая. Вот эта басня:

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выспалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит, —
Ей с Дубу Ворон говорит, —
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может». —

«Пусть сохнет, — говорит Свинья, —
Ничуть меня то не тревожит:
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б желуди: ведь я от них жирею». —
«Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут:
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».

Хороша басенка? И неужели мы согласимся походить на такой портрет?

III. ГЕОК-ТЕПЕ. ЧТО ТАКОЕ ДЛЯ НАС АЗИЯ?

Геок-Тепе взят, текинцы разбиты и хотя еще вполне не усмирены, но наша победа несомненна. В обществе и в печати возликовали. А давно ли еще в обществе, да и в печати отчасти, к этому делу относились чрезвычайно равнодушно. Особенно после неудачи генерала Ломакина и в начале приготовлений к вторичному наступлению. «И зачем нам туда, и чего нам далась эта Азия, сколько денег истрачено, тогда как у нас голод, дифтерит, нет школ, и проч., и проч.». Да, эти мнения раздавались, и мы их слышали. Не все вообще были этого мнения, — о, нет, — но всё же надо сознаться, что к нашей наступательной политике в Азии в последнее время весьма многие стали было относиться неприязненно. Правда, помогла тут и неизвестность о предпринятой экспедиции. В самое последнее только время стали проскакивать у нас известия из иностранных газет, и только под самый конец раздались по всей России телеграммы Скобелева. Тем не менее и во всяком случае трудно сказать, чтобы общество наше было проникнуто ясным сознанием нашей миссии в Азии и того, что собственно для нас значит и могла бы значить впредь Азия. Да и вообще вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России всё еще как будто существуют в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться. «Мы, дескать, Европа, что нам делать в Азии?» Бывали даже и очень резкие голоса: «Уж эта наша Азия, мы и в Европе-то не можем себе порядка добыть и устроиться, а тут еще суют нам и Азию. Лишняя вовсе нам эта Азия, хоть бы ее куда-нибудь деть!» Эти суждения иногда и теперь раздаются у умников наших, от очень их большого ума, конечно.

С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее: «Вот, дескать, и еще один свирепый и гордый правоверный народ белому царю поклонился». И пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости белого царя и в несокрушимости меча его. А ведь после

неудачи генерала Ломакина непременно, должно быть, пронеслось по всей Азии сомнение в несокрушимости меча нашего — и русский престиж наверно был поколеблен. Вот почему мы и не можем остановиться на этой дороге. У этих народов могут быть свои ханы и эмиры, в уме и в воображении их может стоять грозой Англия, силе которой они удивляются, — но имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу. Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось! И оно утверждается и нарастает ежегодно, и оно нам необходимо, ибо оно их приучает к грядущему.

— Для чего и к какому грядущему? Какая необходимость в грядущем захвате Азии? Что нам в ней делать?

Потому необходимость, что Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!

Я предчувствую негодование, с которым прочтут иные это ретроградное предположение мое (а оно для меня аксиома). Да, если есть один из важнейших корней, который надо бы у нас оздоровить, так это именно взгляд наш на Азию. Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами, преследует нас уж чуть не два века. Но особенно этот стыд усилился в нас в нынешнем девятнадцатом веке и дошел почти до чего-то панического, дошел до «металла и жупела» московских купчих. Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), — этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы поплатились за него и утратою духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых бог знает сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты. Но толчок Петра, вдвинувшего нас в Европу, необходимый и спасительный вначале, был все-таки слишком силен, и тут отчасти уже не мы виноваты. И чего-чего мы не делали, чтоб Европа признала нас за *своих*, за европейцев, за одних только европейцев, а не за татар. Мы лезли к Европе поминутно и неустанно, сами напрашивались во все ее дела и делишки. Мы то пугали ее силой, посылали туда наши армии «спасать царей», то склонялись опять перед нею, как не надо бы было, и уверяли ее, что мы созданы лишь, чтоб служить Европе и сделать ее счастливою. В двенадцатом году, выгнав от себя Наполеона, мы не помирились с ним, как советовали и желали тогда некоторые немногие прозорливые русские люди, а двинулись всей стеной осчастли-

вить Европу, освободив ее от похитителя. Конечно, вышла картина яркая: с одной стороны шел деспот и похититель, с другой — миротворец и воскреситель. Но политическое счастье наше состояло тогда вовсе не в картине, а в том, что этот похититель был именно тогда в таком положении, в первый раз во всю свою карьеру, что помирился бы с нами крепко-накрепко и искренно, и надолго, может быть, навсегда. За условие, что мы не будем ему мешать в Европе, он отдал бы нам Восток, и теперешний Восточный вопрос наш — гроза и беда нашего текущего и нашего будущего — был бы уже теперь давно разрешен. Похититель это сам говорил потом, и наверно не лгал, говоря, ибо ничего-то бы он не мог лучше сделать, как впредь быть с нами в союзе, с тем, чтоб у нас был Восток, а у него Запад. С европейскими народами он бы наверно справился и тогда. Они же были слишком еще слабы тогда, чтоб нам помешать на Востоке, даже Англия. Наполеон, может быть, и пал бы потом, или после его смерти династия его, а Восток остался бы все-таки за нами. (У нас тогда было бы море, и мы могли бы даже и на море Англию встретить.) Но мы всё отдали за картинку. И что же: все эти освобожденные нами народы тотчас же, еще и не добив Наполеона, стали смотреть на нас с самым ярким недоброжелательством и с злейшими подозрениями. На конгрессах они тотчас против нас соединились вместе сплошной стеной и захватили себе всё, а нам не только не оставили ничего, но еще с нас же взяли обязательства, правда, добровольные, но весьма нам убыточные, как и оказалось впоследствии. Затем, несмотря на полученный урок, — что делали мы во все остальные годы столетия и даже доныне? Не мы ли способствовали укреплению германских держав, не мы ли создали им силу до того, что они, может быть, теперь и сильнее нас стали? Да, сказать, что это мы способствовали их росту и силе, вовсе не преувеличенно выйдет. Не мы ли, по их зову, ходили укрощать их междоусобие, не мы ли оберегали их тыл, когда им могла угрожать беда? И вот — не они ли, напротив, выходили к нам в тыл, когда нам угрожала беда, или грозили выйти нам в тыл, когда нам грозила другая беда? Кончилось тем, что теперь всякий-то в Европе, всякий там образ и язык держит у себя за пазухой давно уже припасенный на нас камень и ждет только первого столкновения. Вот что мы выиграли в Европе, столь ей служа? Одну ее ненависть! Мы сыграли там роль Репетилова, который, гоняясь за фортуной,

Приданого взял шиш, по службе ничего.

Но почему эта ее ненависть к нам, почему они все не могут никак в нас увериться раз навсегда, поверить в безвредность нашу, поверить, что мы их друзья и слуги, добрые слуги, и что даже всё европейское назначение наше — это служить Европе и ее благоденствию. (Потому что разве не так, не то же ли самое делали мы во всё столетие, разве сделали мы что для себя, разве

добились чего себе? Всё на Европу пошло!) Нет, они не могут увериться в нас! Главная причина именно в том состоит, что они не могут никак нас *своими* признать.

Они ни за что и никогда не поверят, что мы воистину можем участвовать вместе с ними и наравне с ними в дальнейших судьбах их цивилизации. Они признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами. Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их платья перерядившихся. Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина! И это несмотря на то, что наши «русские европейцы» изо всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может, что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать, что дело тем и кончится, что мы всё будем подражать и что мы вовсе не азиаты, не варвары, а совсем, совсем как они, европейцы. Но Европа нашим русским европейцам на этот раз, по крайней мере, не поверила. Напротив, в этом случае она, так сказать, совпала в заключениях своих с славянофилами нашими, хотя их не знает вовсе и только разве слышала об них кое-что. Совпадение же именно в том, что и Европа верит, как и славянофилы, что у нас есть «идея», своя, особенная и не европейская, что Россия может и способна иметь идею. Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, еще ничего не знает, — ибо если б знала, так тотчас же бы успокоилась, даже обрадовалась. Но узнает непременно когда-нибудь, и именно когда наступит самая критическая минута в судьбах ее. Но теперь она не верит; признавая за нами идею, она боится ее. И наконец, мерзим мы ей, мерзим, даже лично, хотя там и бывают иногда с нами вежливы. Они, например, охотно сознаются, что русская наука может выставить уже несколько замечательных деятелей, представить несколько хороших работ, даже послуживших уже их европейской науке в пользу. Но ни за что, однако же, не поверит теперь Европа, что у нас в России могут родиться не одни только работники в науке (хотя бы и очень талантливые), а и гении, руководители человечества вроде Бэкона, Канта и Аристотеля. Этому они никогда не поверят, ибо в цивилизацию нашу не верят, а нашей грядущей идеи еще не знают. По-настоящему, они и правы: ибо и впрямь не будет у нас ни Бэкона, ни Ньютона, ни Аристотеля, доколе мы не станем сами на дорогу и не будем духовно самостоятельными. Во всем остальном то же, в наших искусствах, в промышленности: Европа нас готова хвалить, по головке гладить, но своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считает низшими себя как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями.

Но от окна в Европу отвернуться трудно, тут фатум. А между тем Азия — да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем

будущем, — опять восклицаю это! И если бы совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи — о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, — ведь это тоже наш больной корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо! Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело — вот что необходимо!

IV. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

— Да зачем, зачем? — послышатся голоса уже раздраженные, — азиатские наши дела и теперь требуют от нас беспрерывно войска и затрат непроизводительных. И какая там промышленность? Где их товары, где найдете вы там потребителей наших товаров? И вот вы приглашаете нас, неизвестно зачем, отвернуться от Европы навеки!

— Не навеки (продолжаю я стоять на своем), а — временно, и опять-таки не совсем, не совершенно ведь оторвемся, как бы ни отрывались. Нам нельзя оставлять Европу совсем, да и не надо. Это «страна святых чудес», и изрек это самый рьяный славянофил. Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными. Я про будущее великое значение в Европе народа русского (в которое верую) сказал было одно словцо прошлого года на пушкинских празднествах в Москве, — и меня все потом забросали грязью и бранью, даже и из тех, которые меня обнимали тогда за слова мои, — точно я какое мерзкое, подлейшее дело сделал, сказав тогда мое слово.

Но, может быть, не забудется это слово мое. Об этом, впрочем, теперь довольно. Но всё же мы вправе о перевоспитании нашем и об исходе нашем из Египта позаботиться. Ибо мы сами из Европы сделали для себя как бы какой-то духовный Египет.

— Позвольте, — прервут меня, — да чем же нам Азия придаст самостоятельности? Заснем там по-азиатски, а не станем самостоятельными!

— Видите ли, — продолжаю я, — с поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим, у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку. Ибо воистину Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка. С стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил. Чуть лишь станем самостоятельнее, — тотчас найдем что нам делать, а с Европой, в два века, мы отвыкли от всякого дела и стали говорунами и лентяями.

— Ну так как же вы подымете нас в Азию, коль у нас лентяи? Да и кто у нас подымется первый, если б даже и доказать всем, как дважды два, что там наше счастье?

— В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы

европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, — одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия.

— Мало захотели! — засмеются мне. — где средства, и что получим: себе убыток и только.

— Во-первых, если б мы, в последние двадцать пять лет, всего только по три миллиона в год на эти дороги откладывали (а три-то миллиона у нас просто сквозь пальцы иной раз мелькнут), то было бы уже теперь выстроено на семьдесят пять миллионов азиатских дорог, то есть с лишком тысячу верст, как ни считать. Затем, вы толкуете про убыток. О, если б вместо нас жили в России англичане или американцы: показали бы они вам убыток! Вот они-то бы открыли нашу Америку. Да знаете ли, что там есть земли, которые нам менее известны, чем внутренность Африки? И знаем ли мы, какие богатства заключаются в недрах этих необъятных земель? О, они бы добрались до всего, до металлов и минералов, до бесчисленных залежей каменного угля, — всё бы нашли, всё бы разыскали, и материал, и как его употребить. Они бы призвали науку, заставили бы землю родить им сам-пятьдесят, — ту самую землю, про которую мы всё еще думаем здесь, что это лишь голая, как ладонь наша, степь. К добытому хлебу потянулись бы люди, завелась бы промышленность, производство. Не беспокойтесь, нашли бы потребителей и дорогу к ним, изыскали бы их в недрах Азии, где они дремлют теперь миллионами, и дороги бы новые к ним провели!

— Ну, так как же вы восклицаете про науку, и сами склоняете нас к измене науке и просвещению, приглашая нас ста́ть азиатами.

— Да науки-то там еще больше потребуется! — (восклицаю и я), — ибо что мы теперь в науке: недоучки и дилетанты. А там станем деятелями, сама необходимость прижмет и заставит, чуть лишь подымется самостоятельный предприимчивый дух — тотчас же и в науке явимся господами, а не прихвостнями, как сплошь и рядом ныне. А главное — цивилизаторская миссия наша в Азии, с самых первых шагов (и это несомненно), поймется и усвоится нами. Она возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания, — а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало. Стремление в Азию, если б только оно зародилось меж нами, послужило бы, сверх того, исходом многочисленным беспокойным умам, всем стосковавшимся, всем облепившимся, всем без дела уставшим. Устройте исток воде — и исчезнет плесень и вонь. А раз затянувшись в дело — уже не будут скучать, все переродятся. Даже иная бездарность, с израненным, ноющим самолюбием, нашла бы там свой исход. Ибо часто в одном месте бездарность воскресает в другом — чуть не гением. Это часто и в европейских колониях происходит. И не опустеет Россия, не бойтесь:

начнется постепенно, пойдут сначала немногие, но скоро об них придут слухи и увлекут других. И все-таки для моря русского это будет даже и незаметно. Освободите муху из патоки, расправьте ей даже как можно крылья, и все-таки потянется туда самый ничтожный процент населения, будет даже и неприметно. А там — ух как там будет приметно! Где в Азии поселится «Урус», там сейчас становится земля русскою. Создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила. Но для всего этого нужен новый принцип и поворот. И всех менее потребовал бы он ломки и потрясений. Пусть только хоть немного проникнутся (но проникнутся), что в будущем Азия наш исход, что там наши богатства, что там у нас океан; что, когда в Европе, уже от одной тесноты только, заведется неизбежный и претящий им самим унизительный коммунизм, когда целыми толпами станут тесниться около одного очага и, мало-помалу, пойдут разрушаться отдельные хозяйства, а семейства начнут бросать свои углы и заживут сообща коммунами; когда детей будут растить в воспитательных домах (на три четверти подкидышами), тогда — тогда у нас всё еще будет простор и ширь, поля и леса, и дети наши будут расти у отцов своих, не в каменных мешках, а среди садов и засеянных полей, видя над собою чистое небо. Да, много там наших надежд заключено и много возможностей, о которых мы здесь и понятия еще составить не можем во всем объеме! Не одно только золото там в почве спрятано. Но нужен новый принцип. Новый принцип и потребные на дело деньги родит. Ибо к чему нам, если уж всё говорить, — к чему нам (и особенно в теперешнюю минуту) содержать там, в Европе, хотя бы столько посольств с таким столь дорого стоящим блеском, с их тонким остроумием и обедами, с их великолепным, но убыточным персоналом. И что нам там (и именно теперь) до каких-то Гамбетт, до папы и его дальнейшей участи, хотя бы и угнетал его Бисмарк? Не лучше ли, напротив, на время, в глазах Европы, прибедниться, сесть на дорожке, шапочку перед собой положить, грошики собирать: дескать, «la Russie опять se recueille».[1] А дома бы тем временем собираться, внутри бы тем временем созидаться! Скажут: к чему ж унижаться. Да и не унизимся вовсе! Я ведь только в виде аллегории про шапочку сказал. Не то что не унизимся, а разом повысимся, вот как будет! Европа хитра и умна, сейчас догадается и, поверьте, начнет нас тотчас же уважать! О, конечно, самостоятельность наша ее, на первых порах, озадачит, но отчасти ей и понравится. Коль увидит, что мы в «угрюмую экономию» вступили и решились по одежке протягивать ножки, увидит, что и мы тоже стали расчетливыми и свой рубль сами первые бережем и ценим, а не делаем его из бумажки, то и они тоже тотчас же наш

---

[1] «Россия опять собирается с мыслями» (*франц.*).

рубль, на своих рынках, ценить начнут. Да чего, — увидят, что мы даже дефицитов и банкротств не боимся, а прямо к своей точке ломим, то сами же придут к нам денег предлагать, — и предложат уже как серьезным людям, уже научившимся делу и тому, как надо каждое дело делать...

— Постойте, — слышится голос, — вот мы, однако же, про Гамбетту, но нам нельзя там бросать. Хоть бы тот же Восточный вопрос на первый случай: ведь он остается; как же мы уйдем от него?

Насчет Восточного вопроса я бы вот что сказал в эту минуту: ведь в эту минуту у нас, в политических сферах, не найдется, может быть, ни единого политического ума, который бы признавал за здравое, что Константинополь должен быть наш (кроме разве как в отдаленном, загадочном еще нашем грядущем). А коли так, так чего же нам больше ждать? Вся суть Восточного вопроса в эту минуту заключается в союзе Германии с Австрией, да еще в австрийских захватах в Турции, поощряемых князем Бисмарком. Мы можем и будем, конечно, протестовать, в крайних уж каких-нибудь случаях, но пока эти обе нации вкупе — что же мы можем сделать теперь без огромных для нас потрясений? Заметьте, что союзникам, может, только того и надо, чтоб мы наконец рассердились. Славянские же народы мы можем по-прежнему поощрять и любить, даже помогать им чем можно при случае. К тому же очень-то они не погибнут в какой-нибудь срок. А срок может даже очень скоро кончиться. Ведь только бы мы вид показали, что в Европу столь вмешиваться, как прежде, мы уже не желаем, то они там, без нас-то оставшись, может, еще скорее перессорятся. Ведь никогда-то не поверит Австрия, что Германия ее столь возлюбила единственно за ее прекрасные глаза. Ведь она слишком знает, напротив, что Германии все-таки надо, в конце концов, ее австрийских немцев к германскому единству присоединить. А своих немцев Австрия ни за что не уступит, даже если б давали Константинополь за них — до того их дорого ценит! Матерьял-то для распрей, стало быть, там уже есть. А тут еще под боком у Германии всё тот же неразрешенный французский вопрос, теперь для нее уже вечный. А тут, сверх того, даже самое объединение Германии, вдруг оказывается, не только не завершено, а даже грозит колебанием. А тут, оказывается, и социализм европейский не только не умер, а даже очень и очень продолжает грозить. Одним словом, нам стоит только дождаться и не вмешиваться, даже когда звать начнут, и чуть только грянет там — у них распря, и затрещит их «политическое равновесие», — разом покончить и Восточный вопрос, выбрав мгновение как и во франко-прусскую бойню, вдруг заявить, как тогда насчет Черного моря мы заявили: «Не желаем-де австрийских захватов в Турции признавать», и разом исчезнут захваты, может быть, и с Австрией вместе.

Вот и наверстаем всё, что на время как будто бы упустили...

— Ну, а Англия? Вы упускаете Англию. Увидав наше стремление в Азию, она тотчас взволнуется.

— «Англии бояться — никуда не ходить», — возражаю я переделанною на новый лад пословицей. Да и ничем новым она не взволнуется, ибо всё тем же волнуется и теперь. Напротив, теперь-то мы и держим ее в смущении и неведении насчет будущего, и она ждет от нас всего худшего. Когда же поймет настоящий характер всех наших движений в Азии, то, может быть, сбавит многое из своих опасений... Впрочем, я согласен, что не сбавит и что до этого еще ей далеко. Но, повторяю: Англии бояться — никуда не ходить! А потому и опять-таки: да здравствует победа у Геок-Тепе! Да здравствует Скобелев и его солдатики, и вечная память «выбывшим из списков» богатырям! Мы в наши списки их занесем.

‹ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» 1881 г.›

С января 1881 года возобновляется ежемесячное издание «Дневника писателя» (двенадцать выпусков в год).

Каждый выпуск будет заключать в себе от полутора до двух листов убористого шрифта, в формате еженедельных газет наших, и будет выходить в последние числа каждого месяца. Форма, дух и характер издания будут те же, как и в 1876 и 1877 годах. Это не журнал, а именно Дневник; все статьи будут написаны Ф. М. Достоевским. Подписная цена за 12 выпусков в год без доставки два руб. 50 коп., с доставкою и пересылкою три рубля. Цена отдельного выпуска 30 коп.

Подписка принимается для городских подписчиков в С.-Петербурге: в книжном магазине Я. И. Исакова (Гостиный двор, № 24). Г-да иногородние подписчики благоволят обращаться исключительно к автору по следующему адресу: С.-Петербург, Кузнечный переулок, дом 5, в книжную торговлю для иногородних Ф. М. Достоевского.

ЗАПИСИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ИЗ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ 1880—1881 гг.

Слова, словечки и выражения.

17 августа/80.
Вы изолгались и избарабанились.

Не всякому же Градовскому отвечать.

Гр. Градовск<ий> это тот же Градовский, но в рассыпном виде. Если б взять фельетон А. Градовского, вырезать из него все фразы порознь, положить в корзину и высыпать откуда-нибудь с крыши на тротуар, то вот и составится фельетон Г. Градовского.

Григ<орий> Градовский *первый* выскочил заступиться за А. Градовского. В этой однофамильности есть нечто смешное. (Думал ли Г. Градовский, что все Градовские должны защищаться, если заденут одного?)

Оба Градовские — эти два Аякса русской литературы. «Голос» устыдил меня за похвалу «Берега». Оставим «Берег» в покое, но вашу похвалу я бесспорно счел бы себе позором. Мне делает честь вражда ваша.

Один Градовский тотчас же вылетел за другого Градовского.
Не всякому же Градовскому отвечать.
Тугое, картофельное и всегда радостно самодовольное немецкое остроумие.

Продукт затупевшего и заподлевшего западничества.

Завелась от нравственной нечистоты полетика, подобно как вошь от нечистоты физической, а плащица от нечистоты сладострастной.

До чего человек *возобожал* себя (Лев Толстой).

Если б где в мире[1] был конец, то был бы всему миру[2] конец. Параллелизм линий. Треугольник, слияние в бесконечности, одна квадрильонная все-таки ничтожность перед бесконечностью. В бесконечности же параллельные линии должны сойтись. Ибо все эти вершины треугольника все-таки в конечном пространстве, и правило, что чем бесконечнее, тем ближе к параллелизму, должно остаться. В бесконечности должны слиться параллельные линии, но — бесконечность эта никогда не придет. Если б пришла, то был бы конец бесконечности, что есть абсурд. Если б сошлись параллельные линии, то был бы конец миру и геометрическому закону и богу, что есть абсурд, но лишь для ума человеческого.

Реальный (созданный) мир конечен, невещественный же мир бесконечен. Если б сошлись параллельные линии, кончился бы закон мира сего. Но в бесконечности они сходятся, и бесконечность есть несомненно. Ибо если б не было бесконечности, не было бы и конечности, немыслима бы она была. А если есть бесконечность, то есть бог и мир другой, на иных законах, чем реальный (созданный) мир. <с. 361>

Украл. — Ну что ж не нашли? Где найти, ведь он руки своей не оставил.

Вот как они душу свою хранят. Души своей не хранят.

Мятущаяся, но не логическая голова.

Сатана. Твоя мысль была, конечно, наряднее, но я взял ее в ее наготе.

Дьякон у нас так громко и чисторечиво читает, и уж так хорошо и *словесно* у него выходит.

Позвольте к вам прислать *через несколько дней* за ответом. Позвольте к вам прислать *дней через несколько за ответом.*

Семинарист. Кто таков. Семинарист проклятый, атеист дешевый. Русский либерал: аристократ проклятый, атеист дешевый. Над народом величается своим просвещением в пятак цены.

Изверг сердцем и умом.

Не всегда же мы грешны; напротив, мы же бываем и святы.[3] И кто ж бы мог жить, если б было иначе.

[1] в мире *вписано.*
[2] миру *вписано.*
[3] *Далее было начато:* Иначе

Призывно. И написать так оригинально и *призывно*, что книгу не хочется выпускать[1] из рук.

Мокрое горе. Женское мокрое горе (то есть слезы).

«Горе от ума» (Гончарову). Комедия Грибоедова гениальна, но сбивчива. <с. 362>

Подъезжая под Женеву.
У подножия креста
Видел[2] *он* Святую деву,
Матерь господа Христа.
<с. 364>

Идеи

22 сент<ября>. — Общество распространения св<ятых> книг Ветхого и Нов<ого> Завета. Перевод Четии-Миней на английск<ий> язык. (На первый случай выбор.)

NB. Самоограничение и воздержание телесное для свободы духовной, в противуположность материальному обличению,[3] беспрерывному и безграничному, приводящему к рабству духа. <с. 358>

Впрочем, не гожусь я писать статьи чисто финансовые, вперед не буду.

Портрет свиньи. Мы имеем уже твердые данные в распоряжениях последнего времени, что у нас не хотят походить на этот портрет. И прочь его, этот портрет, надоел уж он нам довольно и прежде.

И какое просвещение? В ваших душах мрак, а не просвещение. В ваших душах такие трущобы мрака, которые никакой луч не озарит. Кого же вы просвещать думаете, кого? Тут понятно: потому что вы сами непросвещены, души ваши гладки, как яйцо, вы средина, вы дрянь, вы кричащие наиболее...

Заговор. Научатся у лаптей, как вести себя, говоря царю правду, тогда как теперь... *в заговор против народа* (обратится ваше увенчание здания), не теперь... теперь бессознательно, но потом так выйдет самою историческою необходимостью.

Final (если место будет). Не боясь сказал, дело гражданина. Я не получаю наград и не получу. Две *партии* в *бою*, в настоящем организованном бою. Ложно, если говорят, что нет партий.

Ваше увенчание здания, про которое народ уже слышал и прямо окрестил названием: «господчиной». <с. 2>

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* выпустить
[2] *Незачеркнутый вариант:* Встретил
[3] *Далее было:* Занятие <?> церквей

Народные школы. Два разряда народных школ. в одних только читать, *кое-как* писать (выучатся, будут писаря, очень немногие забудут) и три молитвы, а потом, другой разряд школ, для крестьян же, повыше, 2-го разряда пока очень мало, но был бы первый разряд, и вот уже вы *породили силу.* Кто грамотен — тот уже двинулся, тот уже пошел и поехал, тот уже вооружен. И увидите, как через несколько лет у вас уже *сами собой* явятся уже школы для крестьян *повыше*: потребность вырастет, охота родится и школы сами произойдут. А у нас всё вдруг.

Всё вдруг и с классицизмом (мысли мои насчет классицизма). Постепенность не была соблюдена вовсе. NB. У иностранцев *чувство долга*, у нас в семьях растление... и проч.

Классическая реформа. Произвели классическую реформу отвлеченно. Главное, забыли, что мы не Европа.

За насаждение великой мысли спасибо Каткову и покойному Леонтьеву, ну а за применение мысли нельзя похвалить. Ввели дубиной. Чехи. Немецкий мальчик (долг) и русский (растленное семейство). Число часов постепенно возвышая из году в год. История, естественные, русский язык. *Чтоб не было идей. Наберутся своих, тогда хуже.*

История у нас дала бы духовные идеи. Духовные идеи у немецкого мальчика другие: его строй, его быт, его национальность. А у нас в семействах лишь растление. История бы спасла от растления и направила бы ум юноши хотя бы в мир исторический из *отвлечённого бреда* и *бурды*, составляющих духовный мир нашего общества. Одним словом, поступили не национально. (Наш мальчик развитее немецкого.) Регулировать только бы учителей словесности, чтоб не преподавали либеральных абсурдов. Пришло бы само собою. Нет культуры — пустое место. Культуры нет в прошедшем, а как сказалось указание в будущем, то есть Европа с сознанием своего высочайшего русского назначения, — вы же ее и оплевали. Именно за русское назначение. Стыдно вам стало признать русскую самостоятельность. Я же не фантастически выдумал, а на духе православия.[1]

— Ах вы сени, мои сени.

Анализ песни: она вся в страсти. Только что потешила, раз дала. Батюшка грозен. Но еще намеревается потешить. Один сын у отца, как предлог. Поэт не ниже Пушкина.

Верея ль вереюшка. Во лузях. Вниз по матушке. Разбойнички.

Да хоть стыдите, хоть нет, не стыжусь, не хочу стыдиться, один сын у отца.

Глаза жидко-голубые со светом (светлые). ‹с. 5›

---

[1] Нет культуры ∾ духе православия. *вписано на полях*

Дневн<ик> 1881 г.

Меттерних. Служение Меттерниху (Градовский). А разве служение Меттерниху не чисто европейская мысль? Не у Европы мы взяли наше III отделение?

Пьянство. Пусть ему те радуются, которые говорят: чем хуже, тем лучше. Таких много теперь. Мы же не можем без горя видеть отравленными корни народной силы. И для чего? Чтоб щеголять перед Западом европеизмом нашей политики, содержать разных Куманп и проч.

Честность. Кража. «Честность есть фикция такая же, как и религия, чтоб пугать маленьких ребятишек». Выставить *связь* паденья честности и чести (в нашем обществе) с падением идей религиозных, семейных, нравственных и проч.

«Православное обозрение». Лесков. Турецкий костюм. Вот бы кому дать веру-то в руки! Уж они бы ее обработали. А над всеми поставить бы Янышева, и попа со звездой (Васильева).

Лесков — специалист и эксперт в православии.

Кровь. «Только то и крепко, где[1] кровь протечет». Только забыли негодяи, что крепко-то оказывается не у тех, которые кровь прольют, а у тех, чью кровь прольют. Вот он[2] — закон крови на земле.

Верещагин и художник. Неравномерность художественного вознаграждения. Верещагин и роман, который три года пишется.

Женский вопрос. «Новое время» № 1642 вторник 23 сентября <18>80 г. Дрянная и рутинная статья Дюма-фиса, рекомендуемая «Новым временем». Вся ошибка «Женского вопроса» в том, что делят неделимое, берут мужчину и женщину раздельно, тогда как это единый целокупный организм. *«Мужа и жену создал их».* Да и с детьми, и с потомками, и с предками, и со всем человечеством человек единый целокупный организм. А законы пишутся, всё разделяя и деля на составные элементы. Церковь не делит.[3]

Щедрин — всю свою стаю Глебовых, Михайловских, Елисеевых.

«От<ечественные> зап<иски>». Вас трепещет вся литература, особенно Сатирического старца. Никто против него не посмеет: дескать, либерал, проеден либерализмом. Нет, вы полиберальничайте, *когда это невыгодно*, вот бы я на вас посмотрел. <с. 6>

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* подо что

[2] *Было:* Это

[3] *Рядом с текстом* «Новое время» ... не делит. — *пометы:* NB! Здесь.

«Отечест‹венные› зап‹иски›». Пробиваетесь прожеванными мыслями.

Пресса. Пресса, между прочим, обеспечивает слово всякому подлецу, умеющему на бумаге ругаться, такому, которому ни за что бы не дали говорить в порядочном обществе, напротив, разбили бы ему морду и вытолкали. А в печати приют: приходи, сколько хочешь ругайся, даже с почтением примут.

Женский вопрос. В природе всё рассчитано на нормальность, всё рассчитано на святого и на безгрешного. (Мужчине 30 лет и женщине 30.) Красота дается женщине вначале, чтоб привязывать мужчину, ибо нравственная связь еще слаба. Потом и не надо уж красоты, любят женщину, потому что сживутся душами (органическое соединение).[1]

Общественное мнение. Общественное мнение у нас дрянное, кто в лес, кто по дрова, но его *кое-где боятся,* стало быть, оно своего рода сила, а стало быть, и годиться может.

Скажут: существование нашего общественного мнения мало обеспечено. Так, но оно уже тем хорошо, что существует; дрянненькое, а существует, но, главное, *так* существует, что сократить его теперь не только невозможно, но даже немыслимо, несмотря на то, что существование его, как выражаются, не обеспечено.

Уничтожить общественное мнение — так не то что ничего больше не будет, а и то, что есть, исчезнет.

Общественное мнение дрянное, потому что до сих пор еще, только что зародилось, и кто в лес, кто по дрова. Слагается же оно долгим ходом истории, многими поколениями.

Всечеловек. Разъяснить в «Дневнике». «Страна» и «Вестник Европы» о моей речи. (Венок.)

Либералы и дело. Вся наша либеральная партия прошла *мимо дела,* не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него. Она только отрицала и хихикала. ‹с. 7›

Вечные экономические реформы. Позаботимся о вечном, а не о временно-утилитарном (для великих основных реформ). «Новое время»: № 1664 и 1665. Сало возить, рожь и шерсть.

Облегчить народ, например, уничтожением налога на соль. Где взять денег? Для этого непременно и неотложно обложить

---

[1] *Рядом со словами:* В природе ∾ соединение). — *помета:* NB!

налогом высшие богатые классы, и тем снять тягости с бедного класса.[1]

«Карамазовы». Мерзавцы дразнили меня *необразованною* и ретроградною верою в бога. Этим олухам и не снилось такой[2] силы отрицание бога, какое положено в Инквизиторе и в предшествовавшей главе, которому ответом служит весь роман. Не как дурак же, фанатик,[3] я верую в бога. И эти хотели меня учить и смеялись над моим неразвитием. Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, которое перешел я. Им ли меня учить.

Черт. (Психологическое и *подробное* критическое объяснение Ив‹ана› Федоровича и явления черта.) Ив‹ан› Ф‹едорови›ч глубок, это не современные атеисты, доказывающие в своем неверии лишь узость своего мировоззрения и тупость тупеньких своих способностей.

Мирские сборы. Непременно. «Новое время». Статья «Мирские сборы» № 1671. Среда 22 октября. *То же*: смотри № «России» от 21 октября.

В статью о финансах. Точно варяги, пришедшие по приглашению. Земля наша велика и обильна, ушли и оставили землю в беспорядке. Я не про крепостников говорю и не крепостное состояние оплакиваю, как не замедлят мне приписать. Я беспорядок и безначалие оплакиваю. Это безначалие и отсутствие законности имеет развращающее свойство не менее пьянства. Доведет до отчаяния, до бунта. Кулаки. N3. Недоделанная крестьянская реформа. Войдут в отчаяние, подымут вопрос о наделах. Тоже кулаки начнут агитировать, сбивать и волновать народ насчет новых царских ‹с. 8› и золотых грамот и начнут это делать, чтоб отвлечь внимание народа от своих же провинностей. А что делается в судах? Изобьет мать, заплатит взятку, выпорют мать за ябедничество и проч‹ее›.

Жидовство как факт всего мира. Католичество, уступающее жидовству. *Примирение с поляками.* Франция, разрушающая себя окончательно в католичестве, ибо если не католичество, то должны были тотчас принять социализм. Они же не хотят ни того, ни другого. Остался один буржуазный либерал с своими бессмертными принципами 89 года. Скудное содержание.

Щедрин. Очерки: «За рубежом». «Отеч‹ественные› зап‹иски›». Сентябрь и октябрь 80 г. «Отведут в участок». То то и есть,

[1] ***Рядом с текстом:*** Облегчить народ — с бедного класса. — *помета:* Тоже.
[2] ***В рукописи ошибочно:*** такое
[3] фанатик *вписано на полях.*

что совсем не отводят в участок. Вот тут-то бы и сатире. Оскорбление женщине (у Палкина). Кража и оскорбление личное, стрельба в Лорис-Меликова, а они только под козырьки. Когда-то, лет сорок назад, отвели Щедрина в участок, и вот он испугался. А ведь на прокурорское место. Чуть «Тюрьму и ссылку» не написал. Разговоры с советниками Дыбой и Удавом верх глупости и лакейства. О берлинском офицере. А разве вы не выпячиваете сами-то *грудей* у себя дома? Не ставите себя героем. NB. Хвалят Щедрина из-за страху перед либерализмом и даже «Отечественными записками».

Дети. О работах детей на фабриках. И скорее. К статье о корнях и финансах.

Социализм и христианство. NB! Попробуйте разделиться, попробуйте определить, где кончается ваша личность и начнется другая? Определите это наукой? Наука именно за это берется. Социализм именно опирается на науку. В христианстве и вопрос немыслим этот. (NB. Картина христианского разрешения.) Где шансы того и другого решения? — Повеет дух новый, внезапный...

(В 1-й № непременно).

По поводу: проповедовал ли я в моей московской речи безличность? <с. 9>

Богатство (трудно спастись). Богатство — усиление личности, механическое и духовное удовлетворение, стало быть, отъединение личности от целого.

Народ. В народе потребность *чего-то нового*, нового слова, нового чувства, потребность порядка нового. Бесшабашный период пьянства после крестьянской реформы проходит. Никогда народ не был более склонен (и беззащитен) к иным веяниям и влияниям. (Штундисты. Даже нигилистическая пропаганда найдет дорогу. Не нашла до сих пор по неумелости, глупости и неподготовленности пропагаторов.) Надо беречься. Надо беречь народ. Церковь в параличе с Петра Великого. Страшное время, а тут пьянство. Штунда. От штунды переход к проповедям Берсье. Между тем народ наш оставлен почти что на одни свои силы. Интеллигенция мимо.[1]

Над Россией корпорации. Немцы, поляки, жиды — корпорация, и себе помогают. В одной Руси нет корпорации, она одна разделена. Да сверх этих корпораций еще и важнейшая: прежняя ад-

---

[1] *Рядом с текстом: Народ* ∾ интеллигенция мимо. — *помета:* в статью о финансах. *Берсье*

министративная рутина. Говорят: наше общество не консервативно. Правда, самый исторический ход вещей (с Петра) сделал его не консервативным. А главное: оно не видит, что сохранять. Всё у него отнято, до самой законной инициативы. Все права русского человека — отрицательные. Дайте ему что положительного и увидите, что он будет тоже консервативен. Ведь было бы что охранять. *Не консервативен он потому, что нечего охранять.* Чем хуже тем лучше — это ведь не одна только фраза у нас, а к несчастью — самое дело. <с. 10>

Белинский. Необычная стремительность к восприятию новых идей с необычайным желанием, каждый раз, с восприятием нового, растоптать всё старое, с ненавистью, с оплеванием, с позором. Как бы жажда отмщения старому, и я сжег всё, чему поклонялся.

Этого никогда не случалось с Белинским. Точь-в-точь и теперешние люди, то есть *средина*, разумеется, обыденность, улица.[1]

Франция. «Новое время», № 1667, 28 октября/80. Вторник. Пророчество барона Гюбнера о ближайшем социалистич<еском> движении во Франции и в Европе. Приглашается Россия к союзу (*Россия не должна.* Она должна наблюдать свои выгоды. Социализм рухнет у ее ног). Во Франции же неминуемо примкнут к социализму иезуиты и все католики, выгнанные по глупости Гамбетты из Парижа, примкнут легитимисты, все бонапартисты. Правда, консервативная Франция еще сильна, несмотря на глупость правителей и на глупость республики. Но это начало конца. Конец мира идет. Конец столетия обнаружится таким потрясением, какого еще никогда не бывало. России надо быть готовой, не двигаться, взирать и ждать. Только бы Россия не увлеклась в союз. О, ужас! Конец ей тогда, совсем конец. Нет у нас социализма, совсем нет. Есть только несколько птенцов гнезда Петрова. Здоровая же часть России не двигнется, а она бесчисленна.[2]

Гамбетта, сзади у него позолочено.-NB. Корреспонденты. Молчанов 29 октяб<ря>. Об монахах. Все они и кто из них — lache, lache и lache.[3] А коль заговорят про Felix'a Piat и пыхтящ<его> *Гамбетту, у которого сзади позолочено,* то почтением дышит каждая строка и запятая.

Финансы. Основная идея впереди текущих. Нового в этой идее ничего нет, кроме разве того, что она никогда не прикладывалась (не переходила в дело).

---

[1] *Рядом с текстом:* *Над Россией корпорации* ∾ улица. — *пометы:* О финансах *и* Финансы.

[2] *Рядом с текстом:* «Новое время» ∾ а она бесчисленна. — *помета:* Непременно.

[3] смейся, смейся и смейся (*нем.*).

Развитие детей. Шары. Два шара над постелькой ребенка: красный и голубой, для развития, для возбуждения мысли и развития. Уничтожается природа. Уничтожается впечатление гармонии целого в природе. Во всю жизнь в целом искать будет уголков, частностей, ярких точек. <с. 11>

Руготня. Amicus.[1] *Г. Градовский и проч.* Если запрещены физические отправления на улицах, раздетый донага человек, то как не запретить и этого: это то же физическое отправление, вредное и гадкое. Без жалобы, прокуратура должна бы возбуждать и посылать к мировому судить за нетрезвость слова.

Казнь Квятковского, Преснякова и помилование остальных. Как государство — не могло помиловать (кроме воли монарха). Что такое казнь? В государстве — жертва за идею. Но если церковь — нет казни. Церковь и государство нельзя смешивать. То, что смешивают, — добрый признак, ибо значит клонит на церковь. В Англии и во Франции и не задумались бы повесить — церковь и монарх во главе. Мой разговор с Сидорацкой об университете. Ее восклицание. К этому пункту придраться и спросить: пресеклись ли убийства и преступления. Лорис-Меликов уничтожил ли злую волю? (Гольденберг.) Важно не количество, а настроение и упорство преступников, еще никогда и нигде неслыханное. (Феликс Пиа хвалил.) Искренность. *Легкая работа.* Женщины — животность их служения. *Женский вопрос.*[2]

Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет). В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коль все обречены, так чего же стараться, чего любить, добро делать? Живи в свое пузо. (Живи впредь спокойно, но в одно свое пузо.)

Леонтьеву. После «Дневника» и речи в Москве. Тут, кроме несогласия в идеях, было сверх-то нечто ко мне завистливое. Да едва ли не единое это и было. Разумеется, нельзя требовать, чтоб г-н Леонтьев сознался в этом печатно. Но пусть этот публицист спросит самого себя наедине с своею совестью и сознается сам себе; и сего довольно (для порядочного человека и сего довольно). <с. 12>

Григорию Градовскому. «Не беситесь, г-н Дост<оевский>». Бедненький, воображал, что я от его статьи буду беситься и вскакивать с места. В этой наивной идее есть нечто даже трогательное.

---

[1] Друг (*лат.*).
[2] *Рядом с текстом: Казнь~Женский вопрос. — пометы:* NB! NB!

Леонтьеву. Г-н Леонтьев продолжает извергать на меня свои зависти.[1] Но что же я ему могу отвечать? Ничего я такому не могу отвечать, кроме того, что[2] ответил в прошлом № «Дневника».

Исплясанные. ...[3] На эти избитые, переболтанные, исплясанные темы.

Щедрин. Тема сатир Щедрина — это спрятавшийся где-то квартальный, который его подслушивает и на него доносит; а г-ну Щедрину от этого жить нельзя.

Вместо квартального о том, что никто-то из наших деятелей, во всех сферах, *в сущности сам не знает чего хочет.*[4]

Кавелину. Есть некоторые жизненные вещи, живые вещи, которые весьма, однако, трудно понять от чрезмерной учености. Ученость, такая прекрасная вещь даже и в случае чрезмерности, обращается от прикосновения к иным *живым* вещам в вещь даже вредную. Не все живые вещи легко понимаются. Это аксиома. А чрезмерная ученость вносит иногда с собой нечто мертвящее. Ученость есть матерьял, с которым иные, конечно, очень трудно справляются.

Чрезмерная ученость не всегда есть тоже истинная ученость. Истинная ученость не только не враждебна жизни, но, в конце концов, всегда сходится с жизнию и даже указывает и дает в ней *новые откровения.* Вот существенный и величавый признак истинной учености. Неистинная же ученость, хотя бы и чрезмерная, в конце концов всегда враждебна жизни и отрицает ее. У нас об ученых первого разряда что-то не слыхать, второго же разряда было довольно, и даже только и есть, что второй разряд. Так что будь расчрезмерная ученость, и все-таки второй разряд. Но ободримся, будет и первый. Когда-нибудь да ведь будет же он. К чему терять всякую надежду. <с. 13>

Жиды. И хоть бы они стояли над всей Россией кагалом и заговором и высосали всего русского мужика — о пусть, пусть, мы ни слова не скажем: иначе может случиться какая-нибудь *нелиберальная беда*; чего доброго подумают, что мы считаем свою религию выше еврейской и тесним их из религиозной нетерпимости, — что тогда будет? Подумать только, что тогда будет!

О Финляндии. «Новое время», № 1691. Пятница 14 октября. О финляндских претензиях.

Феликс Пият. Феликс Пият это говорит, Рошфор это утверждает. Неужели же мы обманем их ожидания.

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* свою завистливую брань.

[2] *Далее было:* уже

[3] *Так в рукописи.*

[4] *Рядом с текстом: Щедрин* ∾ чего хочет. — *пометы:* NB! NB!

Газета «Порядок». Вот уж беспорядок-то, по крайней мере в мыслях.

Жиды. «Новое время». Среда 19 ноября. Письмо о жидах Кояловича.

Экономическая статья. В экономической статье *об общей системе* в нашем министерстве финансов присовокупить о фатуме русского земледелия. Капиталы ушли на железные дороги. Разоренное же земледелие с освобождения крестьян всеми оставлено. Между тем *аксиома:* что там и благосостояние и финансы, где твердо стоит земледелие. Франция в 90-м году. С русских спрашивают черт знает что, а все и промышленность, и земледелие зависят от густоты населения. У нас прежнее земледелие разрушено освобождением. Закона о рабочих и даже об обозначении владений нет. Крестьянин срамит и позорит почву, убивает скот некормлением, пьянством и не может (не видно по крайней мере в будущем), чтоб он возвысился над minimum'ом, который дает ему земля. С другой стороны, отдельное землевладение <с. 14> стоит отдельным элементом — *опричником* от народа, от земли. Манифесты по церквам. «Стало быть, будет». Неразрешимый вопрос. Захочет ли увериться народ, что не вся земля его и что опричники не должны быть? А если будет *по-его* — сделает ли он и в силах ли что сделать для возвышения минимума? (Сведенная роща, 5 коп. за бревно.) Неразрешимые задачи, стоящие грозой в будущем. А меж тем — не будет земледелия, не будет и финансов. (Налог на соль, отношение рабочих к собственникам, большая свобода для переселений и проч.) [1]

О лучших людях. Что такое у нас лучшие люди. Дворянство разрушено. Во Франции тоже было разрушено — Почетный легион привился, но не исчерпал задачи. (В Европе лучших людей создает власть.) У нас Петр Великий, чтоб подавить аристократию бояр, ввел 14 классов. Есть аналогия с Почетным легионом. Привилось, но и не начинало исчерпывать задачи. Не признано духом народным, да и у чиновников начало банкрутиться. (Чиновники по найму, аферисты, адвокаты, банки пересилят.) А между тем без лучших людей нельзя. Но Петр тоже поступил по западному духу, наделав 14 классов, потому что *лучшие* пошли не от правительства, а от духа народного.[2] Лучшие пойдут от народа и должны пойти. У нас более чем где-нибудь это должно организоваться. Правда, народ еще безмолвствует, хоть и называет кроме Алексея человека божия — Суворова, например, Кутузова, Гаса. Но у него еще нет голоса. Голос же интеллигенции очень сбит и народу не понятен, да и не слышен. Бог

---

[1] *Рядом с текстом:* В экономической статье ∾ и проч.) — *помета:* Финансы.

[2] *Было:* от народа.

знает кого интеллигенция поставит лучшим. Парижская коммуна и западный социализм не хотят лучших, а хотят равенства и отрубят голову Шекспиру и Рафаэлю. У нас в народе нет зависти: сделайте народу полезное дело и станете народным героем. (Но, не возвышая его до себя, любите народ, а сами принизившись перед ним. . .) [1]

Аристократ. Аристократизм манер русского мужика. <с. 15>

Вольная р‹усская› Академия наук. Проект Русской вольной Академии наук.

По поводу отвергнутого Менделеева, почему не завести нашим русским ученым своей вольной Академии наук (пожертвования).

«Новое время». Статья В. П. о Менделееве.

«Вестник Европы». «В‹естник› Европы» «полезен для ума». Это давно уже сказано. Но имея в виду такую прекрасную цель, можно бы, кажется, и не служить с такой буквальностью другой-то цели.[2]

Можно бы, кажется, и пренебречь другую-то цель, по крайней мере не следовать ей [3] с такою уж буквальностью.

«Русская мысль». Жаль, что вы мало думаете, господа, а живете готовыми мыслями. А у нас не только готовыми мыслями, и готовыми страданиями живут (без культуры-то).

Все нигилисты. Нигилизм явился у нас потому, что мы *все нигилисты.* Нас только испугала новая, оригинальная форма его проявления. (Все до единого Федоры Павловичи.) Слово Аксакова про Горбунова. Напротив, у Суворина аплодировали и глупости народной, и солдатской.[4]

Комический был переполох и заботы мудрецов наших отыскать: откуда взялись нигилисты? (Да они ниоткуда и не взялись, а всё были с нами, в нас и при нас (Бесы).) Нет, как можно, толкуют мудрецы, мы не нигилисты, а мы только на отрицании России хотим спасти ее (то есть стать в виде *зоны*, аристократами над пародом), вознеся народ до нашего <с. 16> ничтожества. (Речь Победоносцева в Киевской духовной академии.) Сравнение нигилизма с расколом (Уманца). Да раскол много пользы принес.

NB! Беспрерывные жалобы, что не оживляется общество (комично).

---

[1] *Рядом с текстом:* Что такое ∾ перед ними. . .) — *пометы:* NB! NB!

[2] *Незачеркнутый вариант:* другим-то целям

[3] *Незачеркнутый вариант:* не преследовать ее

[4] *Рядом с текстом:* Нигилизм явился ∾ солдатской. — *помета:* NB!

Гончаров. Да и невозможно иногда всё упомнить. Вот, например, на празднике Пушкина в Москве, кажется, уже перечислены были все его достоинства, выведено было всё, за что ему поставили памятник, а все-таки забыли одно чуть не самое важное достоинство, то есть что он был учителем нашего Гончарова Ивана Александровича. И если б не напомнил об этом сам Иван Александрович в письме, потом всюду напечатанном к Обществу любителей русской словесности, так бы об этом достоинстве Пушкина никто и не упомянул бы.

«Новое время» сикали, № 1712, вторник 2-е декабря, телеграмма из Парижа о том, что в Théâtre des nations социалисты из райка <- - -> на публику. Мы, дескать, бедные, а вы богатые, вот вам. Не в том дело, что Рошфора и Феликса Пиа слушают всего 2000 человек, а в этом настроении национальном 4-го сословия против богатых (рассказы Анны Николавны). Вот элемент, из которого всё выйдет. Что спасет тут псевдоклассическая республика? (Начали обливать нечистотами, то есть понятно чем.) [1]

Кавелину. Да когда кончатся наконец эти барины (свысока на народ).

Сами говорите, что это старые темы, что их теперь нет, и только лишь притронулись к спору, опять начинаете на эти же темы, то есть отрицаете духовные свойства русского народа.

Вы никогда не видали красного цвета, а я вам буду говорить о нем.

Я скажу: Алексей человек божий — идеал народа, а вы сейчас скажете: а кулак.

Мужики вас не избили по освобождении, а сейчас сошлись с вами, а во Франции бедные <- - -> из лож на богатых. <с. 17>

Церковь, церковность.

Мировые посредники первого призыва. Да что бы они значили, если б не встретили доверчивости народной.

Вы всё посредникам, а народ-то и забыли.

Все в юности народы такие — как это легкомысленно, глупо.

Значит, вы даже не понимаете и тут, об чем говорите. Все элементы одинаковы, да не так распределены, оттого разные вещи, предметы и личности.

Не от омерзения удалялись святые от мира, а для нравственного совершенствования. Да, древние иноки жили почти на площади. Инока Парфения.

---

[1] *Рядом с текстом:* «Новое время» ∾ понятно чем.) — *помета:* NB!

Да уж одно ношение жажды духовного просвещения есть уже духовное просвещение.

Вы скажете, что на Западе померк образ Спасителя? Нет, я этой глупости не скажу (стр. 447).

Стран. 448. Помилуйте, если я <--> по убеждению, неужели я человек нравственный. Взрываю Зимний дворец, разве это нравственно. Совесть без бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного.

Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна — Христос, но тут уж не философия, а вера, а вера — это красный цвет.

Дельцами бывают только люди нравственности сомнительной. Да откуда вы всё это взяли? (Мамон.)

Сожигающего еретиков я не могу признать нравственным человеком, ибо не признаю ваш тезис, что нравственность есть согласие с внутренними убеждениями. Это лишь *честность* (русский язык богат), но не нравственность. Нравственный образец и идеал есть у меня, дан, Христос. Спрашиваю: сжег ли бы он еретиков — нет. Ну так значит сжигание еретиков есть поступок безнравственный.

Совесть, совесть маркиза де Сада! — это нелепо.

Нравственен ли поступок журнала «Вестник Европы», клеветавшего на меня. <с. 18>

Инквизитор уж тем одним безнравственен, что в сердце его, в совести его могла ужиться идея о необходимости сожигать людей. Орсини тоже. Конрад Валленрод тоже.

Добро — что полезно, дурно — что не полезно. Нет, то, что любим. Все Христовы идеи оспоримы человеческим умом и кажутся невозможными к исполнению. Подставлять ланиту, возлюбить более себя. Помилуйте, да для чего это? Я здесь на миг, бессмертия нет, буду жить в мою <-->. Нерасчетливо (английский министр). Позвольте уж мне знать, что расчетливо, что нет.

Государство создается для средины. Когда же это государство создаваясь говорило: я создаюсь для средины. Вы скажете, что так делала история. Нет, всегда вели избранные. Ведь вы пред этими мужами. И тотчас после этих мужей середина, действительно, это правда, формулировала на идеях высших людей свой

серединненький кодекс. Но приходил опять великий или оригинальный человек и всегда потрясал кодекс. Да вы, кажется, принимаете государство за нечто абсолютное. Поверьте, что мы не только абсолютного, но более или менее даже законченного государства еще не видали. Всё эмбрионы.

Общества слагались вследствие потребности ужиться. Это неправда, а всегда вследствие великой идеи.

Не в пустыню бегут (от французских гувернеров прошлого столетия). Церковь — весь народ — признано восточными патриархами весьма недавно в 48 году, в ответе папе Пию IX-му.

Подставить ланиту, любить больше себя — не потому, что полезно, а потому, что нравится, до жгучего чувства, до страсти. Христос ошибался — доказано! Это жгучее чувство говорит: лучше я останусь с ошибкой, со Христом, чем с вами.

Вы говорите: да ведь Европа сделала много христианского помимо папства и протестантства. Еще бы, не сейчас же там умерло христианство, умирало долго, оставило следы. Да там и теперь есть христиане, но зато страшно много извращенного понимания христианства. <с. 19>

Поступок нравственный, но не идея.

Нравственно только то, что совпадает с вашим чувством красоты и с идеалом, в котором вы ее воплощаете.

Поведение его (да и то лишь общее), положим, честно, но поступок не нравственный. Потому еще *нравственное* не исчерпывается лишь одним понятием о последовательности с своими убеждениями, — что иногда нравственнее бывает не следовать убеждениям, и сам убежденный, вполне сохраняя свое убеждение, останавливается от какого-то чувства и не совершает поступка. Бранит себя и презирает умом, но чувством, значит совестью, не может совершить и останавливается (и знает, наконец, что не из трусости остановился).[1] Это единственно потому остановился он, что признал остановиться и не последовать убеждению — поступком более нравственным, чем если б последовать. Засулич: «Тяжело поднять руку пролить кровь», — это колебание было нравственнее, чем само пролитие крови.[2]

«Вестник Европы». Мутная волна. Это я после «Карамазовых»-то мутная волна? А вы небось светлая? Ах если б вам ка-

[1] *Далее было начато:* То что

[2] ***Рядом с текстом: Кавелину.*** Да когда кончатся наконец ∾ пролитие крови. — ***около каждого абзаца пометы:*** Кавелину. NB!

кой анекдотик. Прибегать к кайме, чтобы запачкать. Президент украл яблоко.

Кавелину. Живая жизнь от вас улетела, остались одни формулы и категории, а вы этому как будто и рады. Больше, дескать, спокойствия (лень). ‹с. 20›

И вы сердитесь, о, вы сердитесь, сидите и сердитесь.

«Чтоб мужу-бую умудриться». Муж-буй это вы, по истина должна открыться.[1]

Кавелину. «Нет славянофилов и западников *как партий*». Это неправда. Именно в последнее время образовались в партии — славянофильство, правда, едва-едва, но западничество — это партия во всеоружии, готовая к бою против народа, и именно политическая. Она стала над народом как опекующая интеллигенция, она отрицает народ, она, как вы, спрашивает, чем он замечателен, и, как вы, отрицает всякую характерную самостоятельную черту его, снисходительно утверждая, что эти черты у всех младенческих народов. Она стоит над вопросами народными: над земством,[2] так как его хочет и признает народ; она мешает ему, желая управлять им по-чиновнически, она гнушается идей органической духовной солидарности народа с царем, и толкует о европейской вздорной бабе[3],

(Бабу вздорную мы эту)

и конечно только для себя зовет эту бабу, для увенчания здания, чтоб быть похожими на европейцев, а народ опять скуем. Ибо, если народ не захочет промежуточной бабы между собой и царем, а всё по-прежнему будет верить, что он — дети, буквально дети, а царь — отец, то ведь остается опять сковать народ.

Бабу вздорную мы эту,
Из Европы...
Подведем... к ответу
А народ опять скуем.

Вот ведь ваши идеалы! Как же вы не партия? Разве не с вами известная сила? И кому, кому в руку вы работаете — заходило вам это в ум, г-н Кавелин?[4]

Благоговение. Возвышенность души измеряется отчасти и тем.

---

[1] *Рядом с текстом: Кавелину.* Живая жизнь ∾ должна открыться. — *трижды помета:* Кавелину.

[2] *Далее было:* над

[3] *Далее было:* которую

[4] *Рядом с текстом:* «Нет славянофилов ∾ г-н Кавелин? — *помета:* Непременно!!!

насколько и перед чем она способна оказать уважение и благоговение (умиление). <с. 21>

Жид. Бисмарки, Биконсфильды, французская республика и Гамбетта и т. д. — всё это, как сила, один только мираж, и чем дальше, тем больше. Господин и им, и всему, и Европе один только жид и его банк. И вот услышим: вдруг он скажет veto и Бисмарк отлетит как скошенная былинка. Жид и банк господин теперь всему: и Европе, и просвещению, и цивилизации, и социализму. Социализму особенно, ибо им он с корнем вырвет христианство и разрушит ее цивилизацию. И когда останется лишь одно безначалие, тут жид и станет во главе всего. Ибо, проповедуя социализм, он останется меж собой в единении, а когда погибнет всё богатство Европы, останется банк жида. Антихрист придет и станет на безначалии.[1]

В 1-й №. Идеал красоты человеческой — русский народ. Непременно выставить эту красоту, аристократический тип и проч. Чувствуешь равенство невольно: немного спустя почувствуете, что он выше вас.

Катерина Ивановна. Самосочинение. Человек всю жизнь не живет, а сочиняет себя, *самосочиняется.*

Крепостное право. Презрительное отношение к народу в наших либералах (и во всех), в Кавелине н<а>прим<ер>, и возвеличение интеллигентной зоны[2] — есть следствие и остатки крепостного права (и в Кавелине, например), даже в тех людях, у которых и не было душ.

Машина важнее добра. Правительственная административная машина — *это всё что нам осталось.* Изменить ее нельзя, заменить нечем без ломания основ. Лучше уж мы сами сделаемся лучшими — говорят чиновники. Канцелярский порядок воззрения и управления Россией, даже хотя бы и было гибельно, все-таки лучше добра.

Синица и журавль в небе. <с. 22>

Ума мало!!! У нас ума мало. Культурного. Культуры нет — все как в темноте. Случись событие — посмотрите, как все вдоль и поперек судят его. Но культура есть — отрицательная. Монастырей не надо. Наука выше народа. Все — Кавелины, Градовские, все согласны. Так согласны на меня. Достоинство и grand-monde[3] мужика.

---

[1] *Рядом с текстом:* Бисмарки ∾ на безначалии. — *помета:* NB!!!
[2] *Далее было начато:* ей ос<татки>
[3] аристократизм (*франц.*).

«Новое время», № 1721, 14 декабря, воскресенье. Письмо Бекетова редактору «Минуты» (полиция). Чего же после этого бояться дать свободу печати. Дайте мы сами ее округлим и введем в границу. Во всяком либерале — чиновник и попиратель свободы народной. В этом же № в фельетоне глупое письмо студента, об отделении медицинского и юридического факультетов от естественного и ист<орико>-филологического. «Что-де у них общего?» Да потому-то и надо общение, что медики и юристы — лишь специальности и что мало в них духа науки, образования, культуры. Было бы духовное единение студентов, вошел бы и в медиков, и в юристов высший смысл науки. Зародился бы вопрос по крайней мере. А вы хотите их еще больше разъединить и специальностью *необразованной* сделать. Vivat будущий чиновник![1]

«Русь» № 5. О студенческой истории. И хорошее и пошлое.

Нет культуры. У нас нет культуры, за двести лет пустое место. Объяснение читателям, что такое культура. Ни науки, ни развития, ни чести, ни лучших людей (14 классов, legion d'honneur[2]). Стукаемся в темном месте головами, какой хотите вопрос — и мы тотчас пропали. Школы, нигилизм, студенты, увенчание здания или надежда на народ — изо всего деремся, а решить не можем. Есть семинаристы — явились с <с. 23> аппетитом волчьим, с корыстью. Есть благодушные — Кавелин. Польский вопрос. Женский вопрос.

Градовский, Исаакиевский собор — отцы. Да откуда же они возьмутся, отцы. Теперь решили — конституцию! Будут учреждения, будет конституция, будет и всё. Покойно. Да откуда же оно возьмется всё, если нет ничего (кроме возвышающихся над народом и нацией аристократишек).

Бекетов, студент — стукание лбами.

Кавелин — крепостник (первая часть его ответа).

Передовая. Всеобщая бедность. Ничего не покупают. Купцы жалуются. Фабриканты сокращают. Рубашки. Рестораны. Книги. Выкупные прожили.[3] Теперь еще валят леса, но скоро все и всё обратится в мошенника. Зуд, аппетит капитана Копейкина. Землевладение крякнуло. Труда нет. Без труда. Ведь голодные, высшие, не низшие, а высшие, обратятся в мошенников. Повлияет политически. Жажда внешней перемены. Tabula rasa. Всякий говорит: все-таки лучше будет, чем теперь. Финансы, Абаза и т. д.

---

[1] *Рядом с текстом:* Письмо Бекетова ∾ будущий чиновник! — *пометы:* NB. NB.

[2] почетный легион (*франц.*).

[3] *Далее было начато:* Пова<лят>

(Вся надежда на народ, так не подрывайте корни народные.) — У других на увенчание здания.

Копейкин, дворянская честь, дворянская шпага, привитая Петром, — всё по боку. А тут западники стали на внешнем изменении. Механически ждут от внешних форм спасения. Это последнее слово западников.

«Новое время». Поляки и жиды. (См. № 1718 голос поляка. 1725[1] Кояловича и 1727 о жидах (декабрь).) ‹с. 24›

России учиться. У нас дошло до того, что России надо учиться, обучаться как науке, потому что непосредственное понимание ее в нас утрачено. Не во всех, конечно, и блажен тот, который не утратил непосредственного понимания ее. Но таких немного. И однако, положение-то плохое, понимали, сшиблись лбами. Не продают — озлобились. Всякий такой уже не западник и уже не партия.

Партии. Западники и русск‹ие›. Партия только западничество, ибо за нею власти. Русская же партия не собрана и не организована, но зато опирается на весь народ, а некоторые вожаки ее понимают непосредственно народные начала, в них веруют и их исповедуют. Роль этой партии еще вся впереди, но она будет несомненно.

Конституция. Наш интеллигент ничего путного не сумеет сказать об народе, и только изумит его, а под конец и очень скоро выведет его из себя, — тем дело и кончится.

Кавелину. Вы — нигилист, тем комичнее и тем трогательнее.

Отцы и дети — своя своих не узнали.

Всё это ужасно старо. Нового тут[2] только разве то, что это никогда не прикладывалось к делу, и об этом никто не говорил, а может быть, и не думал. Скажут: да как же не прикладывалось к делу, да как вы, да что вы? Ну да, конечно, прикладывалось, но да, конечно, на одну сотую долю: сперва о текущем, а потом: ну да, дай позабочусь и о корнях. А я ведь толкую о том, что, если возможно, бросить совсем текущее, а невозможно, то сократить его до самого крайнего минимума, до последней нищеты, прибедниться, сесть у Европы на дорожке, прося почти милостыньку, а меж тем работать у себя на задах, поливать корни,

---

[1] *Было:* 1727. — *Далее было:* еще
[2] *Было:* там

ходить за ними, нежить, холить, всё для корней,[1] и помнить: Россия, положим, в Европе, а главное в Азии. В Азию! В Азию!

Дескать, и посланника-то не можем содержать прилично, разве только у самых высоких дворян, а то возьмите консула. <с. 25>

Ведь земские учреждения и все эти чины, ведь это в отношении к народу: A quelle sauce voulez vous, qu'on vous mange mais nous ne voulons pas[2] и т. д. (Непременный член.) Глухое отчаяние.

Народ. Там всё. Ведь это море, которого мы не видим, запершись и оградясь от народа в чухонском болоте.

Люблю тебя, Петра творенье.

Виноват, не люблю его.
Окна, дырья — и монумент.

Статья Н. Б. в «Руси» № 5. Да, культура есть, но родилась, отрицая целое и воротясь к народу в самом малом меньшинстве. Остальные же окультурены отрицательно. (Кстати: почему Петру необходимо было закрепостить народ, чтоб получить образованное сословие?!) Освободили крестьян отвлеченно, русского мужика не только не понимая, но и отрицая, жалея его и сочувствуя ему как рабу, но отрицая в нем личность, самостоятельность, весь его дух. (Кавелин.)

Проект. Что до меня, то я *почти* уверен, что проект его не будет принят. Несмотря на то, что он, сверх абсурда, заключает в себе и несомненные достоинства, например хитрость и веселость.

Нам все не верят, все нас ненавидят, — почему? да потому, что Европа инстинктом слышит и чувствует в нас нечто новое и на нее нисколько не похожее. В этом случае Европа совпадает с нашими западниками; те тоже ненавидят Россию, слыша в ней нечто новое и ни на что не похожее.

Мужик. Как муха в патоке. Это уже не беспорядок, это отчаяние беспорядка. <с. 26>

Проект. Так что воротившаяся ледя́, приставая к мужу, невольно будет способствовать игре Восточного вопроса в нашу пользу.

---

[1] *Было:* корня
[2] Под каким соусом хотите вы, чтобы вас ели, но мы не хотим (*франц.*).

Имея в виду лишь одну веселость Европы.
Катать Гамбетту как союзника.
Молодых членов посольства, умеющих танцевать.

«Русь». В ответ «Слову»: мы зовем к сознанию. Да тут именно такое проклятое дело, что нужно *всё* сознать, а не что-нибудь только. Ибо сущность дела лежит именно в особенностях характера русского народа. А если до этого коснулись — надо знать всё. Не то как раз придете к заключению Гамбетты в разговоре с г-ном Молчановым, корреспондентом «Нов‹ого› времени», в том самом разговоре, который заканчивается криком г-на Молчанова: «Vive Гамбетта!»

Молч‹анов›
Гамбетта
Вот вся наша западническая партия говорит[1] то же самое, что и Гамбетта: не миновать, дескать, общего пути, ибо все народы... одинаковы. Ну разве не то говорит г-н Кавелин?

Передовая. А земский-то грех!
Не дадут они вам финансов.
Мужик, пьянство, бессудность: пропадай всё, буду и я кулаком. Правды нет. Восток, Азия, железные дороги, живем для Европы.

Экономия, 4 вместо 40; прибедниться, сесть на дорожке.
Петр Великий сделал бы.

Министр финансов, внутренних дел, иностранных дел — и... и... западничество.

Нет культуры. Н. Б. Есть культура, но отрицающая вашу. Не смешивайте. Она грядет. Она заговорила.
Да, нет культуры. Искали нигилистов, Градовский. «Кафедра Исакиевского собора».
Да где же взять отцов?
Завелся, к сожалению, Кавелин. ‹с. 27›

Кавелин. О, не такой нигилист, которого нужно повесить. Разбор Кавелина: нет, дескать, самостоятельности России. Красный цвет, Аксаков: прочесть в классе прокламацию: да если вопросы чести, пользы перепутались.

Передо мной стоял гимназист. Зарезать отца или спасти ребенка — одно и то же. Чума, Языков: «Ах кабы все умерли!» Всё перепуталось и серьезнее, чем вы думаете, ибо они честнее отцов

---

[1] *Было начато:* кри‹чит›

и переходят прямо к делу. Вы в классе прочтите прокламацию насчет чести, долга, а он вас (Аксакова) спросит, что такое честь, что такое долг. Еще хорошо, коль спросит, а то промолчит. Почему это всё у нас так? А вот нет культуры. *Там* и революционер культурен: Лассаль. Кавелин ответит: нет нравственных идей. Инквизитор — сжигающий, философски так.[1] Категории не жизнь, об этом еще поговорим.

Неясно, неясно, скажут кругом, неясно, скажет А. Д. Градовский. Поясню на первый случай (слышите, на первый только случай, об этом потом еще толковать надо) — поясню классическим воспитанием (про теперешнее мы еще ничего не знаем, то есть будет ли по-прежнему курица над яйцами или определено яйцам курицу учить) — но отчего не принялось.

Нет культуры.

Нет культуры: классическая система.

Проект.

Мокрый снег.

Россия ищет лишь одной веселости.

Удовлетворенная ледя, воротясь домой, приставая к мужу и т. д.

Веселить собой Европу — это премилая мысль. Вместо того что чуть не с самого полтавского сражения *«нагайкой Западу грозить»*.[2] <с. 28>

Формула. Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что православие всё. Православие есть церковь, а церковь — увенчание здания и уже навеки. Что такое церковь — из Хомякова. Вы думаете, я теперь разъяснять стану: нимало, нисколько. Это всё потом и неустанно. А покамест лишь ставлю формулу, да к ней прибавляю и другую: кто не понимает православия — тот никогда и ничего не поймет в народе. Мало того; тот не может и любить русского народа, а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть. Обратно и народ не примет такого человека как своего: если ты не любишь того, что я люблю, не веруешь в то, во что я верую, и не чтишь святыни моей, то не чту и я тебя за своего. Широк, вынослив и в верованиях терпим.[3] О, он не оскорбит его, не съест, не прибьет, не ограбит и даже слова ему не скажет.[4] Народ искрен<него> челов<ека> каким бы желал его видеть выслушает, если тот умен и толков, поблагодарит за совет даже, за

---

[1] *Далее было начато:* Но об

[2] *Рядом с текстом:* Россия ищет ∾ *Западу грозить». — дважды помета:* Проект

[3] Широк ∾ терпим. *вписано.*

[4] *Далее было:* Любящего народ таким

науку, мало того, советом[1] воспользуется (ибо широк русский народ и отвлекать всё умеет), но своим не сочтет, руки не подаст ему, сердца своего не отдаст ему. А наша интеллигенция из чухонских болот прошла мимо. Сердится, когда ей говорят, что не знает народа.

На свои силы.

Не так, как же вы с ним сойдетесь. Нет, долго еще не сойтись нашей интеллигенции с народом и долго еще не понять ей его. Я только один пример сказал, но есть и другие пункты: водка, выбивание податей. А пока дух народа успокоится в правде. Суды, за свое плоть от плоти, доверчивость. Спросите народ. Он ищет, а ему даже и двигаться не дают. Начальство (муха в патоке). Чтоб суд это плоть от плоти моей. Созовите его, спросите его самого, да что, всё то разве можно пересчитать, разве я в силах изобразить. Сделайте суды — правда, чтоб уверовал в правду. Доверенность. Спросит царь-отец, адамантова сила. Церковь как бы в параличе, и это уж давно. Не знают православия, — нельзя на них и сердиться, ибо они ничего не понимают и в сущности народ честный, и если и очень ругаются, то простить их можно, то кроме нескольких мошенников и себе на ус мотающих окраинцев — они стоят за всё, что у них есть самого драгоценного.[2]

При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я конечно народен (ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного), — хотя и неизвестен русскому народу теперешнему, но буду известен будущему.

Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой.

Финансы. Положение мужика. Есть отчего в отчаяние прийти. Нет, говорит он, сам пойду в кулаки. И только *разве святой* останется непоколебимым.

Конституция. Всякое дерьмо. Да вы будете представлять интересы вашего общества, но уж совсем не народа. Закрепостите вы его опять! Пушек на него будете выпрашивать! А печать-то — печать в Сибирь сошлете, чуть она не по вас! Не только сказать против вас, да и дыхнуть ей при вас нельзя будет. <с. 29>

«Новое время» № 1733. Коялович. Коялович о Польше. Примирение поляков и русских на этнографической Польше (Варшава). Да поймите же вы, что тут идея, идея латинства и запад-

---

[1] *Далее было:* даже

[2] А наша интеллигенция ∾ самого драгоценного. *вписано между строками и на полях.*

ной цивилизации, идея — которую не отдадут вам поляки за этнографическую Польшу. Это вроде как, когда Италия стучалась в Рим и папа перед очевидной и неминуемой потерей своего крошечного земного государства — именно тут-то и провозгласил идею Рима, что первосвященник есть властитель всей земли и что без земного царства (без 3-го дьяволова искушения) не устоит Христос. Что в том, что поляки теперь слабы политически. Они идеей сильны, а вы идеей слабы, г-н Коялович, ибо для их же идеи, для владычества над славянами (всеми) во имя латинства и западной цивилизации — во имя этой идеи вы сами, своими руками, принесли первый камень на фундамент этой польской идеи. Самый хитрый поляк, переодевшийся в благонамеренного, не написал бы хитрее вас, г-н Коялович.

Речь де Роберта в Твери и адрес тверского земства Лорис-Меликову.

Землевладение. Но главная причина, почему помещики не могут сойтись с народом и достать рабочих, — это потому, что они не русские, а оторванные от почвы европейцы.

Невинный Петербург. Придумывают всё это конечно в Петербурге люди невиннейшие (а боярыня смотрит, ничего не смыслит), но снизу орудуют всеми делами кулаки и чиновники.

Голос Василия Великого. Исправить богослужение. Критиковали, 10 мильонов на текинскую экспедицию.

Крылов. «Свинья под дубом». Есть у Крылова одна прелестная басня:

Свинья и т. д.

Ведь не захотим же мы быть похожими на этот портрет. ‹с. 30›

Культура. Школа. Немецкий ребенок: оттого, что мы культура. Оттого мы всех умней и всех сильнее (уж коли немец начнет хвалиться), не армия победила Францию, а школьный учитель. На взгляд отца и сына — гимназия святое дело.

Культура. У некультурного, у русского отца или чиновничество и картеж, или, если он чем-нибудь занимается, — отвлеченность, мировые вопросы, жажда внешних форм, конституция, матерьялизм, вечное сомнение, при малейшей практике, что такое честь и совесть (чего не может же не видеть и не заметить сын его), и главное,[1] полное непонимание всего того, что под носом, отвращение от всего того, что под носом. Ну так то же самое и у его сына. Жаль, что я должен быть краток и не могу всё это

[1] *Далее было начато:* отвращение от

развить. Но история, всемирная история, по крайней мере вселила бы уважение к историческим формам жизни человеческой, дала бы смысл...

Идей не надо. Да они сами изобретут идеи.

Да ведь кричали о преимуществе естественных наук все те, которые в них ничего не знали. Взгляните на редакторов и издателей газет, разве они что знают. Обратно. А воистину ученый наш (иной даже замечен в Европе в своей специальности) это большею частию превосходные специалисты, великие, положим, специалисты, но большею частью люди необразованные и которые, уж конечно, ничего не понимают в классической системе образования. Над этими — вершители дела, у них же спрашивающие советов, большею частию люди невиннейшие (с блеском европеизма), в невинности своей считающие себя блестящими европейцами, по невинности, именно большею частью по совершенной невинности своей ровно ничего не понимающие в России — ну и что ж выйдет? Ничего не выйдет, как ничего и не вышло. ...[1] Нет культуры. ‹с. 31›

Классическая. ...[1] Вводя постепенно, не насаждая образования, а постепенно приготовляя почву. Талантливейшие вышли бы классиками, а вот мало-помалу получился бы контингент молодежи с правильным образованием. Они бы и послужили началом будущему. Тем временем через известные периоды, каждый пять лет например, или каждые 4 года, можно бы и[2] умножить постепенно часы для классических языков... Долго ждать, но было бы вернее. А то всё разом, как бы сгорело, в 20 000 верст железные дороги, которые построились у нас в 10 лет, отвлекши все свободные капиталы от земли и от промышленности. У нас всё вдруг, выдумали чехов — холодных, безучастных, враждебных к юношеству, не знающих русского языка и свысока смотрящих на русский язык. Их ненавидели, презирали и смеялись над ними. Иногда даже патриотическое чувство в мальчике было оскорблено, а у нас ужас как немного оставалось его...

Юрьеву. Помолитесь богу, чтоб он дал вам побольше русских мыслей.[3] Ваша молитва должна быть доходна к богу.

«Порядок». Орган беспорядочной мысли. Там хоть молись, хоть нет — ничего не произойдет, тем более порядка.

Выражен‹ия›. Ругателям. Зачем вы мне так говорите? Кто бы вы ни были, но будьте уверены, что такие слова ниже вас, ибо они клевета.

---

[1] *Так в рукописи.*
[2] *Далее было начато:* приготовляя
[3] *Далее было начато:* Я зна‹ю›

Экономич‹еская›. Я не про то говорю, что в этой идее есть хоть что-нибудь новое. Нового (и уж совершенно нового) было бы в ней только то, если б и в самом деле хотели приложить к делу. ‹с. 32›

Проект. Катать высших жидов.

Европа верит только деньгам, и когда увидит такие серьезные затраты для преследования целей веселости, — она будет нравственно обезоружена и простит нас.

Проект. Соловьиные языки, сигары в 130 р. сотня от Фейко (у Фейка есть такие сигары).

Но тут есть какая-то мысль. Он действительно что-то хотел сказать. Тем не менее нельзя принимать ее за нечто целое и законченное, а лишь за эмбрион, из которого действительно можно что-нибудь сделать. Взять мысль по крайней мере.

Кокотливых дам, певицы, Патти...

Астрономы, академики, отдыхающие от трудов своих. Этому судну можно дать имя ак‹адемика› Веселовского (кого-нибудь из наших наиболее бездействующих академиков). Которого-нибудь из наиболее бездействующих (отдыхающих) наших русских академиков.

Экономичес‹кая статья›. Кроме того, что нечего[1] поставить на месте зоны (журавль в небе), — кроме того и тайный советник не захочет.

Азия. Нам нужно прибедниться, сесть на дорожке, а меж тем про себя внутри созидаться. К чему фанфаронство, что и мы такие же, и мы Европы. Как ни уверяй Стасюлевичи, Градовские, Краевские, что мы Европа, в Европе никто-то не принимает нас за европейцев.[2]

Проект. Едет в открытое море, пароходы, пароходики, спасательные лодки, в случае чего-нибудь, ну чего-нибудь.

Нападение корсаров, холостыми зарядами, борт, визг, крик, и вдруг турки оказываются молодыми кавалерами с цветами, новостями, сплетнями. ‹с. 33›

Администрация. Нельзя без лучших людей, факт тот, что не так создаются лучшие люди, не так определяются и не так заявляются.

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* некого

[2] *Рядом с текстом:* Кроме того ∾ за европейцев. — *пометы:* NB. NB.

Проект. Я почти уверен, что он принят не будет, по крайней мере в настоящем виде.

Кокетливых дам, затем кокотливых дам (но с достоинствами, наприм<ер> любящих искусство или политику). Но чтоб кокоток — это разве в тайне, у <*нрзб.*> «Ливадии».

Может быть судно с социальным оттенком, как наши журналы, для социалистов и коммунаров, для *смягчения* их суровости веселостью. Тут жалованье, девы и проч.

Нет-нет, а какую-нибудь деревеньку из Восточной Румелии и пристегнут к Болгарскому княжеству, лет в пять по деревне, и цель России будет таким образом достигнута.

А главное, брать веселостью, невинностью, соловьиными кашами.

Да и идея не новая: тип дан в «Ливадии» и в круглых поповках, так что Европа, по крайней мере, осталась уверена, что они предприняты для преследования целей веселости, тогда как мы, конечно, строили их совершенно серьезно.

«Новое время» № 1737 о земствах (выписки из «С.-П<етербургских> ведомостей»).

Всеобщая грусть в Европе. Как у нас выдумали, что конец всем бедам России в завершении здания, так там порешили давно уже в умах своих, и сознательные и бессознательные, что прежде всего надо покончить с Россией, — ибо она мешает им до внутренних дел, заставляет содержать войска, хранить султана и даже прогнать его в конце концов и завладеть его наследством! Всему, дескать, виною Россия. . .[1] <с. 34>

Нам не укрыться от их скрежета, и когда-нибудь они бросятся на нас и съедят нас.

Проект. В пять лет по деревеньке, с вознаграждением Австрии за каждую деревеньку княжеств<ом>[2] — вот, стало быть, цели России и достигнуты.

Финансы. Прибедниться, сесть на дорожке, шапку перед собой положить, грошиков просить, куда уж тут секретарей посольства в Европу посылать.

Есть у Крылова одна прелестная басня об одной свинье.[3]

---

[1] ***Рядом с текстом:*** Нет-нет ∾ виною Россия. . . — ***трижды помета:*** Проект.
[2] ***Незачеркнутый вариант:*** государством
[3] ***Рядом с текстом:*** Есть у Крылова ∾ об одной свинье. — ***помета:*** ! NB.

Проект. Месяца на 4 в году отдых, la Russie se recueille.[1] Отдых и необходим, чтоб не наскучить беспрерывностью, хорошего, дескать, понемножку.

Финансы. Да и у[2] кого же нет звезды (?) (нет двух звезд).

Чиновники. Ведь всё это журавли в небе. Нет, лучше хранить синицу. И хранят синицу.

Раздвинуться-то нельзя (администрация), тут принципы. Нельзя впускать посторонние элементы.

Почему земские учреждения обращаются по духу своему в административные и претят народу?

Проект. А главное, главное, возрастет наш рубль. Ибо Европа, видя нашу невинность, почувствует к нам доверие, а доверие родит рубли тотчас же.

Финансы. Азия. Жел‹езные› дороги в Азию — . . .[3] если только не пустим, прежде нас, по нашим же дорогам немцев, англичан и американцев, чтоб они взяли всё да еще с монополией, а нам не оставили ничего.

3 пункта. 1) Совершенно иное отношение администрации к земле, чем было до сих пор.

2) Совершенно иной взгляд на Россию, как не на европейскую только державу, но самостоятельную и азиатскую.

3) Совершенно иной взгляд на самую администрацию и реформы к ней.

Что и это иметь в виду, напротив, одно только это иметь в виду. ‹с. 35›

Финансы. Азия. Устроится и само собою так, что Европе скоро будет не до Восточного вопроса — как и было, например, в мгновение франко-прусского побоища.

Азия. Что Россия не в одной только Европе, но и в Азии, и что в Азии, может быть, больше наших надежд, чем в Европе.

Финансы.[4] Земские учреждения... нет, лучше мы их обратим тоже в администрацию, в такую же как мы, в чиновническую, чтоб не было диссонанса...

---

[1] Россия сосредотачивается (*франц.*).
[2] *Далее было начато:* каж‹дого›
[3] *Так в рукописи.*
[4] *Далее было начато:* Нет

Ругатели романисты. И только и делают, что ругаются, и хоть действительно иногда дурное ругают, такое, что уж никак нельзя похвалить, но когда прочтешь, как они ругаются, то всегда, прочтя, невольно спросишь себя: что же гаже? То ли, что они так обругали (что ими обругано),[1] или они сами.

Заглавие «Свинья». Об одной подходящей свинье.

Финансы. Как это сделать? Не знаю. Петр Великий сделал бы. Важен принцип. То-то и дело, что не знаем, как и приступить-то. У нас вот, по поводу дефицита в 50 мильон‹ов› за текущий год, тотчас же предложили сокращение армии на 50 000 челов‹ек›. Именно, именно, попали в точку: денежки-то у нас истратят (у нас ли не истратить), так что и не увидишь их, а армии-то, пятидесяти тысяч солдат, все-таки уж не будет. Другие рекомендовали сократить армию даже разом наполовину (катай-валяй, благо либерально!). Да к чему наполовину, не лучше ли всю сократить ‹с. 36›, а завести на ее место национальную гвардию, благо сего либерального европейского учреждения (уже и в Европе отжившего) у нас еще не было. А там и мобиль завесть. Редакторы либер‹альных› журналов станут полковниками и дивизионными командирами — прелесть.[2] То-то и есть, что не знаем, как экономить. Не солдат сокращать на целых 50 000 челов‹ек›, а мошенничество в управлении солдатом и проч. (Администрация. Но тут принцип.)

В крайнем случае не только можно бы 50 000, но и сто тысяч сократить на время, в видах непреложнейшей пользы от экономии, но ведь куда пойдут денежки-то, вот вопрос. Мало ль пустых и переполненных карманов ждут их в свои бездонные пропасти.

«Руси» и проч‹ее›. У нас либеральнее (чем завершение здания). У нас прежде всего народ спросить и только народ. Он скажет всё своему отцу, а там... и т. д.

Финансы. Уничтожьте-ка формулу администрации. Да ведь это измена европеизму, это отрицание того, что мы европейцы, это измена Петру Великому. О, на преобразования наша администрация согласится, но на второстепенные, на практические и проч. Но чтоб изменить совершенно характер и дух свой — нет, этого ни за что (земство — журавль в небе). Наши либералы, стоящие за земство против чиновничества, право, противоречат себе. Земство, правильное земство — это поворот к народу, *к народным началам* (столь осмеянное ими словечко). Так устоит ли

---

[1] *Вместо:* они так обругали (что ими обругано) — *было:* что они ругали.

[2] *Далее было начато:* Не

европеизм в настоящем-то виде, если правильно укоренится земство? Это еще вопрос, и, вероятнее всего, что не устоит.[1]

Тогда как чиновник, теперешний чиновник — это европеизм, это сама Европа и эмблема ее, это именно идеалы Градовских и Кавелиных, ибо мы принесли народные начала.[2] Стало быть, чтоб быть последовательными, либералам и европейцам нашим надо бы стоять за чиновника, в настоящем виде его, с малыми лишь изменениями, соответствующими прогрессу времени и практическим его указаниям. А впрочем, что ж я? Они ведь за это в сущности и стоят. Дайте им хоть конституцию, они и конституцию приурочат к административной опеке России. <с. 37>

Проект. Откровенность, прямота и уже чистая, высшая невинность. Сим победиши.

Финансы. Освобождение, землевладение. 20 000 верст железных дорог, рабочий вопрос, вопрос земель, уживется ли единоличная собственность рядом с общиной — всё это вопросы и требуют еще финансов. Да капитал любит спокойствие внешнее и внутреннее, не то прячется. Да мы и капиталистами-то не умели быть: мы знали только один ломбард. А тут вдобавок вдруг 20 000 железн<ых> дорог — что в Европе в полвека выстроились, а у нас вдруг. Да какое тут спокойствие, какое тут движение капиталов. Надо выждать. А Россию гонят: всё потому-де, что мы не европейцы, что не увенчано здание, мало ли криков.[3]

И потому финансисту надо стоять, так сказать, вне времени и пространства и взять идею вечную и незыблемую... (Для корней.)

Финансы. Журавль в небе. Ну что такое ваше земство, когда мы сами не знаем, каким ему быть, народным или чиновничьим? Вам смешно, а что коли вдруг решат и положат уже твердо и непреложно, что быть земству народным, самим собою, развяжут крылья, и что коли вдруг это народное-то в самом деле земство, уже само, уже без всякого давления из высших сфер, пожелает стать также чиновничьим земством и само потянет к тому. Недаром же два столетия развивался вкус, и вы хотите, чтоб мы нечто твердое и стоящее променяли на эти загадки, на эти шарады, на этих журавлей в небесах. Нет, мы лучше сами исправимся и т. д. Синицу.

Проект. Ces dames...[4] Под покровом своей красоты и невинности. (Морской воздух, пищеварение.)

---

[1] *Далее начато:* Это для
[2] ибо мы ∾ начала *вписано.*
[3] *Рядом с текстом:* Освобождение ∾ мало ли криков. — *помета:* Начало
[4] Эти дамы... (*франц.*).

Проект. И Россия встретит (их) врагов, как ces dames под покровом своей невинности,[1] невинности и нищеты! Ну зачем они пойдут тогда, чтоб разорять ‹с. 38› соломой крытые хаты, о полно, ведь они европейцы, они образованы. Ведь сказал же один наш профессор, что русский не может быть великодушен и иметь благородные чувства потому, что он необразован. А потому как же я не заключу обратно, что Европа и европейцы не могут не быть великодушными и не иметь возвышенных чувств, потому что они образованы.

Ну а Польша тогда?[2] А окраины? Ну как это-то тогда, при невинности-то?

Это ты бросаешься в каждую мелочь! Да может тогда и польского вопроса совсем не будет. Все эти наши окраины всё это мелочь, — надо следить за главным, за существенно главным.

Гм. Да главное, пожалуй, у него и правда. То есть я не скажу, боже избави, и какой глупый, смешной проект, но... в нем что-то есть... что-то хитрое и практическое.

Я *почти* уверен, что его не примут нигде и везде засмеют, если только удостоят смеха, но в соображение — о, в соображение, может быть, примут. Именно цели-то веселости преследовали, когда всё так хмуро и мрачно.

Окраины всё это вздор, всё это мелочи и с другого боку, всё мелочи, Россия до Урала, а дальше мы ничего и знать не хотим. Сибирь мы отдадим китайцам и американцам. Среднеазиатские владения подарим Англии. А там какую-нибудь киргизскую землю это просто забудем. Россия-де в Европе, и мы европейцы, и преследуем цели веселости. А более никогда и ничего, вот и всё...

Я уверен, что он одумается, что от глупых слов своих об окраинах он откажется. При составлении проекта он просто забыл об окраинах и разгорячился, когда его застали врасплох, но в идее его все-таки есть нечто и т. д., то есть, конечно, его проект вздор, и какой смешной.

И в веселости идея, и в невинности идея, и во всем вместе — идея. ‹с. 39›

Проект. Но... Идея веселости и идея невинности — это, так сказать, уже указание или даже пророчество некоторой высшей политики. Конечно, у него глупо, и он ничего не сумел выразить, но... Я уверен, что проект его и т. д. Я почти уверен...

---

[1] *Было:* нищеты и невинности

[2] *Далее было начато:* Ну как эт‹о›

Финансы. «Страна»: научить народ его правам и обязанностям. Это они-то будут учить народ его правам и обязанностям! Ах мальчишка!

(Цинизм, отчаяние, правды нет, пьянство — что было бы с народом, если б у него не было религии? А что было бы? тогда бы начали учить его правам и обязанностям. Да он бы удавился!)

Финансы. Освежите этот корень — душу народную. Это великий корень. Этот корень начало всему.

Финансы. А Россию-то подгоняют: почему это она не Европа? Да как это она не Европа, да зачем это она не Европа? Решено, наконец, и разрешен вопрос: оттого-де, что не увенчано здание. И вот все до единого кричат об увенчании здания. Механические успокоения всегда легки [1] и приятны. Оттого-де, что не увенчано здание, оттого Россия и не Европа, а стало быть, нечего вдумываться и нечего тревожиться: увенчать здание, и станет Россия сей же час в Европе. Главное и приятное в этих механических успокоениях то, что думать [2] ни о чем не надо:

Мы верно уж поладим,
Коль рядом сядем.

Наладила сорока Якова. А что коль вы в музыканты-то еще не годитесь? Обвинять-то, отрицать-то вы годитесь, говоря что угодно. А дай-ка вам самим что-нибудь сделать: господи, что это будет! Говорильня-то будет, в этом ‹с. 40› сомнения нет. Но из белых жилетов выработается лишь сия говорильня, а дела все-таки не будет: вот кричат о сокращ‹ении› 50 000.[3] Выработался тип говоруна. Выходит, например, сановник и говорит собравшимся подчиненным: господи, что иной раз говорит! Сядет перед вами иной передовой и ведущий и тоже начнет говорить: ни концов, ни начал, дурман. Часа полтора говорит. Этот тип выработался. Этот тип народившийся еще не затрагивали. Много не затронула еще художественная литература наша и проглядела. Ужасно отстала. Всё типы тридцатых, сороковых (и много-много начала шестидесятых [4]) годов.

Финансы. Тогда только, когда дух народа успокоится в правде и видя правду.

Проект. Ведь рано или поздно, а к этому должно прийти, то есть к веселости и невинности, иначе съедят. Не за европейцев,

---

[1] *Было начато:* мод‹ны›
[2] *Было:* заботиться и думать
[3] Но из белых ∾ о сокращ‹ении› 50 000. *вписано.*
[4] *Вместо:* начала шестидесятых — *было начато:* шест‹идесятых›

а за татар нас Европа принимает. Затей с нами войну Бисмарк... Бисмарк? Никогда: мы ему[1] нужны для Франции.

Э, вздор какой! Ну да положим нелепость, пусть нам Бисмарк объявит войну: кто будет его первым союзником? Тот же Гамбетта, та же Франция...[2] уверяю тебя.

Финансы. И... поворачивать к оздоровлению корней, тут сеять деньги, тут удобрять. Иначе...

Да что же тут нового? (Засмеются.) Да нового тут, пожалуй, нет ничего, кроме разве одного, но об этом скажу уж в конце статьи... А теперь к делу.

Где же корни? Да, например, самый народ и душа его. Вот корень, самый первый и самый драгоценный.

Дайте ему свободу движения и внедрите в душу его, что правда есть в русской земле и что высоко стоит ее знамя... и многое, чего даже и не ожидаешь, не видишь и не предполагаешь, совершится и финансы ваши пойдут по маслу...

Бог и царь ее держит. Не заслоняйте от народа царя. <с. 41>

Финансы. Как прочли им... Коль читают, значит, что-нибудь будет...

Превратные мысли: даром возьмем.

Явятся только комиссии для сокращения комиссий.

Пусть станет нам самим дорог рубль — и вы увидите, как он тотчас же станет дорог и на европейском рынке и подымется ему цена в один миг, и безо всяких внешних займов.

Податная система (изменения). Всё это очень полезные, положим, лекарства, но механические, пора начать и с других, высших.

Россия вся для себя, а не для Европы.

Россия хоть и в Европе, но Россия и Азия и это главное, главное.

Крутые меры, крутые решения. Угрюмая экономия.

Азия. Да, Восточный вопрос разрешится сам собою. В сущности Восточный вопрос для нас теперь и не существует. Мы решим его вдруг, в грядущие времена, выберем минутку такую в Европе, вроде франко-прусской войны, и когда притом сама собой затрещит Австрия. Потому что там тоже всё решится само собой, помимо всех соображений и всех Бисмарков. Только бы нам не ввязываться, о, только бы нам не ввязываться, то есть спасать порядки и проч. Трещите себе, валитесь — а мы тем временем станем твердо и остановим волну именно тем, что стоим твердо. Только стоим. И тем только, что мы стоим, что мы есть, и спасем европейское человечество! Но эту басенку мы еще поясним впоследствии. «Что радикальные потребны тут лекарства».

---

[1] *В рукописи ошибочно:* его

[2] *Далее было начато:* Если

Сами запросятся в чиновники и станут тянуть к тому.

Да вы-то кто? Разве вы не дети чиновников и не внуки их? ‹с. 42›

Финансы. К оздоровлению корней — это можно приступить, и определить даже на то миллион-другой в год — на том ревизию устроить, комиссию составить для исследования способов к оздоровлению корней, и подкомиссию для собрания сведений, а так чтобы всё бросить и только о корнях думать, нет, это нельзя. Ибо теперь не́что, а тогда в ничто въедем.

Проект. Нет, ты не знаешь, как они нас ненавидят. Нет, не та цивилизация, не Европа мы для них, не европейцы, мешаем мы им, пахнем нехорошо... Нет, они идею предчувствуют, будущую, самостоятельную русскую, и хоть она у нас еще не родилась, а только чревата ею земля ужасно и в страшных муках готовится родить ее, но мы только не верим и смеемся. Ну, а они предчувствуют. Они больше предчувствуют, чем мы сами, интеллигент, то есть русский. Ну, и побоку идею, сами задушим ее,[1] для Европы, дескать, существуем и для увеселения ее, все для Европы, все и вся — и для нашей невинности.

Тогда и поверят. Ну, с первого года конечно не поверят, будут только удивляться, ну а потом поверят, потом поверят. Мы их деньгами, расходами побьем. Деньгам поверят. Лет через семь или через десять поверят... (Рано ли, поздно ли, ведь придем.)

Проект. Проект его, очевидно, глуп, это какое-то исступление, а не проект.

Азия. К черту Азию, у нас и в России-то всё неурядно, а тут еще мечтать об Азиях — Норденшельдов запретить.

Тургенева, Львов Толстых, заставить их, велеть. Тут нужно творчество, тут художественность. Тут надо, чтоб человек понимал искусство. Да тут один Григорович что может сделать. Плеяду, плеяду заставить. Ну ты мрачен, тебя не надо (это он мне).

Ну Островский не годится, не тот род, нейдет, Писемский тоже, тебя тоже не надо, ты мрачен. Но молодых, молодых.[2] ‹с. 43›

Мы такого изобретем философа, красавчика, который выйдет и начнет читать лекции философии на тему веселости и невинности и в которого разом влюбятся все дамы. Поэты, театр. Газета, в которой ни одного слова правды, нарочно такую, а все

[1] *В рукописи ошибочно:* ею

[2] *Рядом с текстом: Азия* ∽ молодых. — *дважды помета:* Проект.

самые веселые вещи — фокусы. Мы устроим целую новую академию наук, чтоб занимались впредь одними фокусами для увеселения дам.

Проект. Я думал тоже «Ливадия» с кокоточками, с чистенькими, пусть опальненькие. Но нет, нет, надо держать знамя добродетели высоко. Добродетели и невинности. Другое дело под шумок, папскую курию и раскаивающих‹ся› грешниц. Обращайте, обращенные и проч. Ну и так далее. Вот это так можно.

Да ведь на это уйдут все доходы России.

Почти все. Но тем лучше. Все увидят, как мы безвредны, как мы невинны и как твердо стоим на нашей идее.

А миллиард на дорогу где взять?

Ну что лишний миллиард. Заем и шабаш!

А окраины, окраины? А Польша...

А заем, заем, всеевропейский заем на всечеловеческом рынке. И что такое лишний миллиард? Лишний миллиард ничего.

А армию сокращать, по мере водворения доверия и сокращать, до минимума, до ничтожества. Денежки-то и найдутся. Да и чего ты боишься? Разве я не читал, что и теперь уже пишут, что ее можно наполовину сократить и что ничего не будет, — это теперь-то, теперь, когда все нас съесть хотят и у каждого камень за пазухой. ‹с. 44›

Проект. Денег много пойдет, — нечего делать, надо скрепиться — гурьевские каши, соловьиные языки, а сколько тут истопчется шелковых чулков, башмаков — веселыми секретарями-то и всей этой фешенью. Галуны, перчатки. По три, по четыре пары перчаток на день каждому. А высшие-то расходы?

Ну а земля-то, земля-то как будет, без денег-то, русская-то земля.

Как-нибудь. Да чего ты об русской земле? Всё превосходно будет. Главное мир, а затем и всё.

Всё явится, и деньги явятся и подати; еще увеличатся!

Проект. Один входит, другой выходит, тысяч сто али двести в сезон перевеселим. Двести тысяч веселых умов дадим Европе в сезон, да ведь это чудо, это что называется результат!

Можно катать иезуитов и высших католиков. О, иезуит есть вещь, а прочее всё гиль. Иезуит важный человек.

Всё позволено и всё спрятано — вот.

Да ведь это, пожалуй, то самое, к чему и ведут нас в газетах наши русские передовые умы. Они только дальше носа не видят, а потому и не предчувствуют, куда можно прийти. А идя за

ними, мы именно к тому и придем, то есть к веселости[1] и невинности.

Азия, финансы и проект. Прежде мы их делали сильнее, а теперь они нас сильнее, и кто ж как не мы тому способствовали. Францию возродили, Германию... и т. д.

Изгнанных из Франции отцов иезуитов, капуцинов, бернардинов и проч.

Обнаженные груди, слезы раскаяния... Всё это фотографируется и живописуется тут же на месте. Но всё это великолепно и в высшем смысле. Даже леди могли бы посетить для созерцания, и чтоб ничего, ничего такого. Ну, разумеется <с. 45> там, в других отделениях, коридорчики... А впрочем, я не настаиваю, не настаиваю. Ты знаешь, я и сам терпеть не могу. Я только, чтоб весело.

Проект. Разумеется, все его квадратные суда всё это вздор и глупость: у него не вышло. Но веселость и невинность, говоря так сказать вообще, — о это, может быть, теперь и есть высшая-то политика. Это идейка. Даже идея.

Финансы. Бедному и забитому и без того всякий начальник, а тут еще двадцать официальных.

Проект. Гамбетта же и пойдет за Бисмарком, хоть и зная наверное, что Бисмарк же рано ли, поздно ли, а обратит Францию в ничтожество, да сверх того зная наверно, что если кто на всем свете пожалеет Францию и мог бы не дать ее обратить в ничтожество, так это Россия, и все-таки на Россию с Бисмарком пойдет. (Предчувствие, что Россия — носитель какой-то новой идеи.)

Сибирь и всю Азию на откупа жидам, американцам, англичанам, можно даже гарантировать пять процентов. Остров Новую Землю подарить Норденшельду за то, что шведам открыл Сибирь 300 лет после Ермака.

Разумеется, на судна должны приглашать наши европейские посольства, а для того усилить состав их особенно блестящими молодыми секретарями. Секретарей изготовлять в Петербурге, а для того основать в Петербурге еще два-три лицея с французским и английским, с танцеванием и фехтованием и проч. Завести кафедру умеренного либерализма и проч. А главное, денег, денег и денег. Взять у народа.[2]

---

[1] *Было:* к изъявлен<ию> веселости

[2] *Рядом с текстом: Проект* ∾ Взять у народа. — *трижды пометы:* Проект *и* NB!

Сибирь — продать по частям на сруб — уступить Китаю, напустить американцев. Всего лучше разбить по участкам и отдавать на откуп, или если никто ничего за них не даст, то просто отдать в эксплуатацию <с. 46> с гарантией 5 процентов. Все жертвы пусть будут принесены, только б нам избавиться от этого хлама.

Финансы. Хоть обеспечена правда-то была бы ему (народу). И он больше бы дал вам. Несравненно. И знаете, он больше бы даже и выпил. Две рюмки в день (при обществах трезвости). Вы смеетесь.

Оздоровить. Это главный корень. Научить правам и обязанностям. Ах мальчишки.

Азия —

Не в том дело, чтоб приступить к оздоровлению корней, а в том, чтоб взять это за единственную задачу нам. Суровая, угрюмая экономия...

Пусть дефицит, пусть даже банкротство.

Если бы это серьезно, то можно бы даже сократить армию, правда не более как на 1/10-ю долю. Но и сокращать не придется. Пойдут поступать сильнее.

Не в экономии дело, а в принципе экономии...

Как всё книжно, свысока. Простодушно писать не умеют. Гордятся очень, тон берут не тот. Покровительствуют, учат, опекунами смотрят, в облако славы своей замыкаются.[1]

Финансы. Где уж мне равняться с нашими финансистами (NB. Вот только б не сочли они себя, с моих слов, в самом деле финансистами.)

Чтоб он в свой суд уверовал, чтоб он в представительство свое мировое уверовал и признал бы его за свое, за плоть от плоти своей и за кость от костей своих. Как сделать это? Умники пишут: надо научить народ его правам и обязанностям. (Ах, шалуны, ах, мальчишки! Это они-то будут учить народ его правам и в особенности его обязанностям.) Поучитесь у него прежде, судари, спросите его мнения, и он сам вам укажет, чего ему надо.

Проект. Проект мечтателя, *сумбуриста.* <с. 47>

Проект.

Твой проект сатира.

Какая сатира? Я в самом деле.

---

[1] *Рядом с текстом:* Как всё ∾ замыкаются. — *была помета:* «Русь»

Да вот в «самом-то деле» самые лучшие сатиры и выходят.
Так ты думаешь за сатиру примут?
Очень может быть.
На кого? На что? О, если б только они знали, как я искренно.[1]

Проект. (В начале) — Женщины, женщины, главное женщины, потому что женщины всем орудуют. Нынче век женщин повсеместно. Женский век, говорю тебе. И вот, во-первых, во всей Европе первая женщина это уже, конечно, ледя́.

Кто такая?

Ледя́, ледя́! Английская ледя́. Другие произносят леди, но я произношу ледя́. И даже с ударением на я. Более подходит к русскому языку. Ну, одним словом, так хочу. Итак, ледя́...

Финансы. Азия. Восточный вопрос. Как мы там ни ввязывайся, а мы с Австрией, пока она с Германией вкупе, ничего не сделаем, несмотря на все их наглости. Они, может быть, того только и ждут, чтоб мы рассердились.

Программой финансов.
Оздоровление народа.
Россия — Азия.
Экономия.
Уничтожение аристократизма, петербургского взгляда на народ и на Россию и смирение перед нею.

Проект. Соловьиные языки, которые, должно быть, ужасная скверность, но сказано языки, так языки. Можно достать и воробьиных и вороньих и уверить, что соловьиные. ‹с. 48›

Государство есть церковь. Наше различие с Европой. Государство есть по преимуществу христианское общество и стремится стать церковью (христианин-крестьянин). *В Европе наоборот* (одно из глубоких наших различий с Европой). Речь профессора Вирхова («Новое время», № 1745, 6-го января, вторник). Вирхов провозглашает, что государство есть по преимуществу свободное от религии и христианства общество. Так во Франции и Гамбетта. Крюцификсы. Наши глупенькие тотчас подхватили западную формулу и записали в свой катехизис. А она глубоко не народная и не христианская *у нас*, в русском народе. Вся штука в том, что Вирхов боится, будто христиане станут тотчас же избивать не христиан. Напротив, полная свобода вероисповеданий и свобода совести есть дух настоящего христианства. *Уверуй свободно* — вот наша формула. Не сошел господь со креста, чтоб *насильно* уверить внешним чудом, а хотел именно сво-

[1] *Рядом с текстом:* Твой проект ∞ искренно. — *помета:* Главное.

боды совести. Вот дух народа и христианства! Если же есть уклонения, то мы их оплакиваем.[1]

Проект. Деревеньку болгарскую причислят, вот и цели наши восполнились. Других ведь целей в Восточном вопросе у нас и нет. Ведь не Константинополь же [2] мы думаем завоевывать!

Финансы. Финал. Сокращение 50 000 армии. Не заведете, сквозь пальцы промелькнут. А нам войско нужно, ух нужно, что бы там ни говорили *очень* умные люди, ну да на эту тему потом.

Денежки-то у нас промелькнут сквозь пальцы, и не увидим, а пятидесяти-то тысяч уж мы никогда опять не заведем, если раз их похерим, на эту дорогу вступать опасно, с теперешними ‹?› принципами. То есть, видите ли, оно бы и можно, ух можно, но с тем только, если б знать наверно, что не промелькнут денежки сквозь пальцы. А как это знать наверно? Только тогда и узнаем наверно, когда вступим на окончательную, «на суровую, на угрюмую экономию, на экономию в духе и силе Петра, если б тот захотел экономить». ‹с. 49›

Петербург ничего, а народ всё.

Финансы. Даже водки выпивают больше, я ведь только с финансовой точки теперь и хочу смотреть. Спросите народ о нуждах его и перво-наперво безо всякого посредства интеллигенции. О ее нельзя устранить, она скажет много умного, но пусть она скажет потом. Ведь они дети, со слезами, восторгом и любовью.

Финансы. Мужик... Что у него в волости правда, что у него в суде правда, в земстве. Что правду любят и чтят начальники его и проч.

NB. *Просвещение.*

Финансы. Кроме 3-х еще тысяч сколько угодно. — Да что же вы? Да это не только министр финансов, но и внутрен‹них›, но и иностр‹анных дел› — все вместе ничего сделать не могут, если б даже и захотели поверить вашей галиматье. Тут сложившаяся действительность, тут два века истории, не ломать же их. Да это совсем и не финансовая мера, которую вы предлагаете.

Это я знаю, что не финансовая, но не ждите и финансов. В моей статье нет ничего нового, кроме того, что не прилагалось.[3]

---

[1] *Рядом с текстом: Государство есть* ∾ их оплакиваем. — *пометы:* Вихров. — *и дважды:* Важное.

[2] *Далее было начато:* у нас

[3] *Рядом с текстом:* Кроме ∾ не прилагалось. — *записи:* и сколько бы перешло в народ. Просвещение.

Свинья.

Оздоровление: корней,[1] в ней только размер затраты сил, которые бы можно употребить на оздоровление корней.[2]

Азия. Совсем это не значит изменять просвещению и пойти ретроградным путем (не соваться *столь* к Европе, ибо это сование страшно дорого стоило нашим финансам. Освободили[3] Европу от Наполеона, войны, созидали там силы, теперь от них же миллион войска содержим. А то что даже забыли об России.) Спасали царей.

Мы еще больше сделаем для Европы потом. Мы именно пригодимся ей в самый решительный ее момент. А теперь что: втюримся до того, что за папу, или спасать царей. <с. 50>

А впрочем, эта тема (о народе) так велика, что где мне ее и исчерпать. Счастлив буду, если б хоть капельку понятного сказал об этом первом и главном пункте оздоровления России.

Финансы. Чиновники: вы думаете, что мы гнилы, увидите, как мы крепки. Нет, мы еще выстоим. Еще простоит здание с нами, по простой механической инерции простоит. Ну а рухнем, и падение будет великое.[4] Но пока стоим. А вы что нам покажете взамен. Мы нечто, а вы ничто. А вас пример Европы, ваше страстное желание и любовь к народу, о которой вы столько толкуете и которая, бог знает, еще есть ли у вас? А ну как запроситесь сами в чиновники?[5]

Финансы. Земский собор. И сколько перейдет интеллигента. А доктринеры пусть поучатся у народа смирению и как такое великое[6] дело надобно делать. А великое это дело: царю всю правду сказать.

Но с них надо начать, с мужиков (если и есть у меня какая мысль, так только эта), и пока отнюдь без интеллигенций. Почему же так? А потому, чтоб интеллигенция, когда услышит от народа всю правду, поучилась бы сама этой правде, прежде чем свое-то слово начать говорить. И как плодотворно будет обучение, сколько перебегут, как осиротеют доктринеры, вся молодежь от них отшатнется, даже взрыватели отшатнутся и примкнут к русской правде. Останутся только старые доктринеры, отжившие свой срок колпаки и либеральные <- - -> сороковых и пятидесятых годов.

---

[1] *Далее было:* кроме того
[2] Оздоровление ∾ корней. *вписано на полях.*
[3] *Далее было начато:* Фра<нцию>
[4] *Далее было начато:* но потрясение может
[5] *Ниже между строками зачеркнуто:* САВЕЛЬЕВ.
[6] *Вместо:* такое великое *было:* это

На мартовск‹ий› №

Бестолковейшая статья «Нов‹ого› времени» о Гамбетте и прочности республики.

№ 1748 9 январ‹я›, пятница. Замечательн‹ый› № «Нов‹ого› времени». ‹с. 51›

Азия. Азия, ошибка вначале, слишком долго ошибка продолжается.

Крылов. Это очень хорошая басня, и неужели, неужели кто-нибудь из нас захотел бы походить на этот портрет?

Кавелин. Он уже старец и *угасает* с самым полным незнанием народа русского и с презрением к нему.

Финансы. Экономия. Даже банкрутства не боятся; только лишь мы пойдем самостоятельно, так тотчас же сами кредиторы наши почувствуют к нам уважение и не объявят банкрутства нашего, а будут ждать и надеяться. Сами даже придут к нам с услугами и капиталы предлагать будут. Но мы не возьмем от них, довольно.

Финансы. Азия. 75 мильо‹нов›, железная дорога, если б не столько поглощало текущее. Текинцы, да кто ж о них знал кто-нибудь? Они ли потребители? А почему же и нет? Да и не в потребительстве ихнем дело, купеческ‹ие› дороги невозможны были при них, и сколько их невозможных в Азии, народы бы возродились с пребыванием России в Азии, и началась бы торговля, спрос и промышленность, даже Узбой. Чего сидеть и махать руками на Азию: там-де ничего, там мертво. Мертво потому, что вы мертвы, а на вас, на России ведь миссия вселенская лежит — умиротворить и цивилизовать в Азии. Или вот еще крик: вы нас в Азию посылаете! Мы азиаты! Вы ретроград. Измена просвещению. Напротив, напротив — чуть самостоятельнее мы станем, усилится спрос на науку, удесятерится, усторится. Европа тогда только и сочтет нас за нечто и посмотрит на нас с уважением и примет нас в общение свое. О, были бы на нашем географическом месте англичане или американцы, о, что бы они теперь сделали в Азии! и т. д. ‹с. 51а›

Азия. Совершенное изменение доселешнего взгляда на себя как на европейцев и признание, что мы и азиаты, на столько же, сколько и европейцы, даже более, и что миссия наша в Азии даже важнее, чем в Европе, — пока, пока разумеется.

О Европе, о политике нашей в Европе, жили для Европы, а не для себя. Восточ‹ный› вопрос. Момент, как в франко-прусскую войну.

Финансы. Чиновник. Я удивляюсь, наши европейцы на чиновничество нападают, преследуют даже сатирами. А ведь это ошибка: чиновничество-то и есть ведь европеизм, по крайней

мере всё государственное европеизма в нем организовалось и преимущественно выразилось. На эту тему, впрочем, потом: она любопытна.

Финансы 3-я часть. Азия. Ведь европейцы (то есть настоящие, тамошние) ведь это — престранный и пренеразрешимый народ. Мы вот лезем к ним, даже иной раз не уважая себя, уверяем их в нашей дружбе и нашей любви, а они-то всё нас отталкивают! А вы — только что мы станем особливо и заявим, что впредь мы уважаем себя и жить будем только для себя, — и тотчас же они начнут уважать нас, поверьте, даже к нам полезут сами, и уж без наших заискиваний нас к своим причтут.

«Новое время» № 1751. 12 января/81 г. Понедельник. Письмо студента А. Ф. (в «Новор‹оссийском› телеграфе») о правах студентов. *К сведению.*

«Москов‹ские› ведом‹ости›» 1881 г. № 9, пятница, 9 января. Передовая о школах и о мнениях «Вестника Европы».

Финансы! Вот что скажут 14 классов «как таковые», говоря философским языком. ‹с. 51б›

Финансы. Либералы себе противуречат, издеваясь над идеей чиновничества. Они — «даже формула Европы», какая только могла у нас проявиться. Ибо 14 классов за себя стоят и в себе всё вмещают, а особливости, своеобразности русского народа и сил его мало признают, а потому и России вне Европы не признают. Как же они не с вами, господа европейцы наши? Это воплощение вашей идеи, ибо и нельзя даже никак стать над народом и заставить его просветиться, как не приняв той же самой власти и того же авторитета, какой у чиновника. Своих не узнали.

Нет, пусть лучше мы станем как-нибудь добродетельны и смягчим кое-что, сообразно с веяниями времени, но зато ничего не уступим.

Азия. Но ведь самое предчувствие Англии, тем самым, и указывает нам нормальное и естественное отношение наше к Азии. Не станет же она даром предчувствовать, она дальновидна. И если хотите, наше мирное культурное движение ‹в› Азию послужит первым шагом к миротворному разрешению наших недоумений с Англией. Ибо теперь, не двигаясь вовсе, или двигаясь мало от опасения Англии, мы только держим ее в смущении и неведении насчет будущего, и она ждет от нас всего худшего.[1] Когда же мы усилим наше движение культурное в Азию, то она[2]

---

[1] и она ∾ всего худшего. *вписано.*

[2] *Далее было:* догадается наконец, что это движение лишь культурное.

увидит по крайней мере[1] в первый раз настоящий характер движения нашего и, очень может быть, что сбавит многое из своих опасений.

Кавелину. Подражательность равна у всех народов (и пятиалтынников всё одних вам надают сдачи, так вы сердитесь, а тут народы все одинаковы). Этим только вы доказали, что хоть и много прожили, но мало приметили. ‹с. 52›

Кавелину. Вы говорите, что нравственно лишь поступать по убеждению. Но откудова же вы это вывели? Я вам прямо не поверю и скажу напротив, что безнравственно поступать по своим убеждениям. И вы, конечно, уже ничем меня не опровергнете.

Проливать кровь вы не считаете нравственным, но проливать кровь по убеждению вы считаете нравственным. Но, позвольте, почему безнравственно кровь проливать?

Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблудимся.

Нравственные идеи есть. Они вырастают из религиозного чувства, но одной логикой оправдаться никогда не могут.

Жить стало бы невозможно.

Каламбур: иезуит лжет, убежденный, что лгать полезно для хорошей цели. Вы хвалите, что он верен своему убеждению, то есть он лжет, но это дурно: но так как он по убеждению лжет, то это хорошо. В одном случае, что он лжет — хорошо, а в другом случае, что он лжет — дурно. Чудо что такое.

На той почве, на которой вы стоите, вы всегда будете разбиты. Вы тогда не будете разбиты, когда примете, что нравственные идеи *есть* (от чувства, от Христа), доказать же, что они нравственны, нельзя (соприкасание мирам иным).

Это очень ретроградно от вас, г-н Кавелин. Как это вы недосмотрели и так промахнулись. Что станет теперь говорить княгиня Марья Алексевна.

...Конечно, это не научно, хотя почему бы и нет: огромный факт появления на земле Иисуса и всего, что за сим прошло, требует, по-моему, и научной разработки. А между тем не может же погнушаться наука и значением религии в человечестве, хотя бы и ввиду исторического только факта поразительного своею непрерывностью и стойкостью. Убеждение же человечества в *соприкосновении мирам* иным, упорное и постоянное, тоже ведь весьма значительно. Нельзя же ведь решить его одним почерком пера, тем способом,[2] как вы решили про Россию, то есть у всех младенческих народов и т‹ак› далее. ‹с. 53›

То есть у всех, дескать, народов в младенческом состоянии

---

[1] *Далее было начато:* на чем со

[2] *Было:* так как

и проч. и проч. Это уже слишком была бы легка наука. Это уже петербургская наука, русско-европейская...

Инквизитор и глава о детях. Ввиду этих глав вы бы могли отнестись ко мне хотя и научно, но не столь высокомерно по части философии, хотя философия и не моя специальность. И в Европе такой силы атеистических *выражений* нет и *не было*. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла, как говорит у меня же, в том же романе, черт. Вот, может быть, вы не читали «Карамазовых», — это дело другое, и тогда прошу извинения.[1]

Финансы. Экономия. Решительно, как прежние баре — помещики без гроша тону задаем, по Европе кутим. Вот, дескать, смотрите, какие мы богатые и роскошные и как за окно деньги умеем кидать.

Азия. Ибо только от пренебрежения к Азии не замечали мы до сих пор ее для нас необходимости.

39, 50, 49, 48, 46, 41, 38, 31.

Final. Сам знаю, что не экономическая статья.

Я стою за принцип, что оздоровление корней выше забот лишь об одном текущем. А там, как угодно.

Final. Что царь русский есть царь и повелитель всего мусульманского Востока. Пусть приучаются к этой мысли в Константинополе. <с. 54>

Проект.

— Да как же это: корабли по железной дороге?

— Да ведь это смешно.

— Что смешно? Тот же пар. По морю яко посуху.

КРИТИКАМ

Я ничего не ищу, и ничего не приму, и не мне хватать звезды за мое направление.

Я, как и Пушкин, слуга царю, потому что дети его, народ его не погнушаются слугой царевым. Еще больше буду слуга ему, когда он действительно поверит, что народ ему дети. Что-то очень уж долго не верит.

---

[1] *Рядом с текстом: Кавелину.* Подражательность равна ∞ тогда прошу извинения. — *семь раз помета:* Кавелину.

Азия. 10 000 — для нас ничто, а там много. Ибо один Урус всегда занимает там первое место. Один Урус первенствует над сотнями и тысячами, и сейчас же становится там господином.

Самостоятельности прибавило бы нам.

На Азию надо бы обратить внимание как можно скорее. Это корень, который как можно скорее надо оздоровить.

Если б по три миллиона откладывать.

Кавелин

Кавелину. Нравственных идей нет.

Ошибочное выражение: доказать их умом нельзя, это правда, но что они тем не менее есть — это опять-таки несомненно. ‹с. 55›

«Горе от ума» (Гончаров). Комедия Грибоедова гениальна, но сбивчива:

Пойду искать по свету...

То есть где? Ведь у него только и свету, что в его окошке, у московского хорошего круга, не к народу же он пойдет. А так как московские его отвергли, то, значит, «свет» означает здесь Европу. За границу хочет бежать.

Если б у него был *свет* не в московском только окошке, не вопил бы он, не кричал бы он так на бале, как будто лишился всего, что имел, последнего достояния. Он имел бы надежду и был бы воздержаннее и рассудительнее.

Чацкий—декабрист. Вся идея его — в отрицании прежнего недавнего, наивного поклонничества. Европы все нюхнули, и новые манеры понравились. Именно только манеры, потому что сущность поклонничества и раболепия и в Европе та же. ‹с. 56›

РАЗРОЗНЕННЫЕ ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

‹1›

Белов
даже и теперь, когда еще не готовы к радости

И их не обидят. Вы скажете: сами же вы говорили, что в народе много нелепых слухов. Да, но одно дело народ в разброде, другое в сборе. Целое влияет, общее. Целое свой разум имеет. Целое влияет само наоборот. Целое разум вызывает.

Важны не частности, важен принцип

Всё это собственно до них только касается

Ножницы

Мы-то и с ними, а не кто другой

‹2›

Финансы
Нет культуры (школа).
Кавелин напишет
Нет культуры

Квадрат
Или до него не дошло ваше кощунство

Есть давитель и аристократ
Машина
Система ‹?› Что дороже?
Серьезн‹ый› вопрос
Только и спасения, что культурный слой, отрицающий культуру Петра, то есть мы

‹3›

не предписанный, а действитель‹но› выжитый самими людьми порядок, и из самих себя

незыблемый п‹орядок?›

ОТРЫВОЧНЫЕ ЗАПИСИ, СЛОВЕЧКИ, ВЫРАЖЕНИЯ

‹1864›

Стушевался
Огрибел
Готовые барышни ‹с. 17 обр. нумер.›

‹1865›

Общиться ‹с. 114›

‹1867›

‹1›

Несбытовщина ‹с. 2›

‹2›

Сей же почтеннейший искатель прогрессистов ‹с. 142›

‹3›

Чего же лучше? Так и скажите всем.
О, да это именно так ‹с. 144›

‹1870›

Воротися ко мне, Павел,
Я бы сам тебя исправил ‹с. 4›

‹1872›

Словечки

Тот, кто не понимает своего назначения, всего чаще лишен чувства собственного достоинства.

Счастье мне невыгодно: я не выношу счастья и сейчас прощаю моим врагам.

Кто лишен способности понимать шутку, тот никогда не будет [1] истинно счастлив.

Накарманил тысяч двадцать ‹с. 48›

---

[1] *Вместо:* никогда не будет — *было:* не бывает

‹1876—1877›

‹1›

да вольно же было подвернуться, ну там спрятались бы куда-нибудь! ‹с. 2›

‹2›

Опрятность может быть свойством и прирожденным, наследственным. Но чаще всего приобретается опытом и долгими годами как необходимость в борьбе за существование. ‹с. 232›

‹1877›

Оппозиция бюрократии

бьют мимо цели

Главного-то шагу и не видят, так же как и писавший о Левине.

Сущность в воспитании нравственного чувства.

‹б. д.›

Представление увлекало его.

ЗАПИСИ ЛИЧНОГО И ИЗДАТЕЛЬСКОГО ХАРАКТЕРА ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК И РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ 1860—1881 гг.

‹1860—1862›

NB. Съездить в контору насчет билета Авдотьи ‹с. 57›

Припадки
1-го апреля — (сильный)
1-го августа — (слабый)
7-го ноября — (средний)
7[1]-е генваря — (сильный)
2 марта — (средний) ‹с. 58›

Дрезден
Франкфурт
Гейдельберг
Мангейм
От Мангейма по Рейну до Кельна
Из Кельна в Брюссель
Париж ‹с. 59›

(Memento) [2]
Написать: Баканину
Валиханову
поэту
Штрандману
Настасье Петровне
Гейбовичу
Тону ‹?›
Быть: у Дебу
у Смирнова
у Кашина
у Фермора ‹с. 23›

---

[1] *Было:* 8
[2] Помнить (*лат.*).

‹1863—1864›

1) В‹арваре› Д‹митрнев›не посылать всё Маше
2) Отдать В‹арваре› Д‹митриев›пе письма
3) Цветные бумажки
4) Написать в Москву, когда ворочусь.
5) Соню попросить убедительно в Москве[1] заехать к М‹арье› Д‹митриевне›
6) «Горе от ума»
7) Зубочистка ‹с. 50 обр. нумер.›

А‹лександру› П‹авлови›чу	— 100	
Брату	— 100	
Жизнь и voyage[2]	— 50	
и д‹алее?›	— 15	
Шестакову	— 20	
Паше	— 25	
Коле	— 25	
В доме за квартиру	— 30	
Непредвиденных	— 30	
до Берлина	— 50	
	445	
В Берлине	100	
или	117	‹с. 9›

24 июля Eheu[3] ‹с. 21›

NB. С Филипповым о наборе.
Никол‹ай› Петр‹ович› Второв о векселе.
С Август‹ом› Алекс‹андровичем› о «Загадочных натурах».
О цензуре — с Туруновым.
Быть в заседании Литературного фонда.
Спросить у Августа расход и приход.
К Ламанскому и объявить ему об отъезде.
К Базунову.
Гинтерлах NB.
Со Страховым. О переводн‹ых› статьях. О романе, продолж‹ение› Шпильгаг‹ена› ‹с. 33›
Августу об оригиналах к корректурам.
Августа спросить о тех 2000-х недопечатанных экземплярах майск‹ого› номера для провинции.
Спросить у Августа об оригинале при корректуре.
О «Токее» (Долгомостьева спросить).

---

[1] *Вместо:* в Москве — *было:* сюда
[2] путешествие (*франц.*).
[3] Увы (*лат.*).

По статье о железн‹ых› дорогах компилятора ‹с. 34›
Требование на бумагу в типографию.
О «Белой розе».
О Гаврилове ‹с. 35›
И выхныкивала эту тысячу у тетки ‹с. 36›

План общего собрания сочинений

Том 1. Тот же, как и в издании Основского, с присовокуплением «Хозяйки».

Том 2.[1] «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково», «Двойник» переделанный.

Том 3. «Униженные и оскорбленные», «Скверн‹ый› анекдот», «Записки из подполья».

Том 4-й. «Записки из Мертвого дома», «Кашкадамов», «Из подполья» ‹с. 63›

Рассказы Фатеева отыскать.
Статью Григорьева отыскать.
О «Разладе» — Полонс‹ко›го ‹с. 40 обр. нумер.›

В среду и в субботу в Ценз‹урный› ком‹итет›.
За переговорами о цензорах.
Корректура.
Ну, и надо его погасить. ‹с. 96›

Кончен расчет с Базунов‹ым› 25 июля ‹с. 103›

Эм‹илия› Федоровна должна подать прошение в Дворянскую опеку, о назначении опекуншей и попечительницей над несовершеннолетними и малолетними детьми. Подать прошение в уездный суд об утверждении в правах на наследство.
Губернск‹ое› присутств‹ие› ‹с. 107›

Заседатель Чебакинский
Судья Пурьянской ‹с. 125›

Дворянская опека. 30 июля за № 2665 ‹с. 154›

«I Misteri del chiostro napoletano» Errieta Caracciolo ‹с. 113›

25 ноября/63 выезд из Москвы.
16 апреля ‹1864› (Eheu)
10 июля, в 7 часов утра — смерть брата Миши.

2 августа. Утро в Павловске. Жарко. «Дворянск‹ое› гнездо» (начало). Маша, брат, будущность, потом настоящее. ‹с. 1 обр. нумер.›

---

[1] *Далее было начато:* «Двойник» и

‹1864—1865›

‹1›

21 авг‹уста› Memento. Григорьеву дал для прочтения рукописи «Прихоть» и Кояловича.

22 ав‹густа›. Тургеневу написать.

22 августа. Написать: Колошину
Серову
Тургеневу
Островскому
NB. Справиться, кому еще.

Ап. Григорьеву написать.

23 августа. Написать требование на 100 стоп бумаги в типографию Тиблена.

О переводчике с английского для «Токен». ‹с. 2›

24 *августа.* О Филиппова статье.

О шпонах с Пантелеевым.

О «Токее» с Филипповым.

Пантелееву о «Токее» и ее нумерации и о нумерации «Мудрена дела».

О повести Крестовского ‹с. 3›

25 августа.

Справиться о повести: «Прежде и теперь» Савича.

Еще: «История билета в ложу» Луганьян, о векселе Мошарскому (Демис).

Статью о Петре III дать Порецкому.

26 ‹августа› 3 часа ночи. Сосчитать статьи, данные Тиблену, по листам.

К Веселаго съездить объясниться.

Спросить Аверкиева о продолжении Серова.

Прочесть *Колошина* о литературе по польскому вопросу.

NB. Завтра же составить объявление в «Голос» и проч.

Рукопись Кояловича, данная Григорьеву.

20 р. и Благосветлов.

3700 экз‹емпляров›

«Наши браконьеры».

Справиться, нет ли рукописей в типографии? (потеряны рукописи: *Неклюдова* о влиянии возраста на уголов‹ные› преступл‹ения› и 2-я) Луганьян — «История билета в ложу») ‹с. 5›

Около 10 октября дать ответ о повести «Выкрест» — г-ну Торчинскому ‹с. 6›

29 ‹августа›. О прошении Горского.

Говор‹ить› с Будаевским в 12 часов.

30) ‹августа›. Пересмотреть завтра рукописи для выдачи авторам. «Песни о женщинах» и проч.

1 сентября. К 15-му числу просмотреть и дать ответ о статье «История одного еврея».

«Дети корчмаря» *дать ответ через месяц.*

Повидать Порецкого («Наши домашние дела»).

Завтра быть в Обуховской, у Гаевского и у С<условой>й, у Порецкого и у Тиблена.

2 <сентября>. Письмо Головачеву.

Отыскать повесть в рукописях (поскорее).

3 <сентября>. Собрать для Порецкого газеты. *Завтра раньше.*

Корректуру Филиппову послать (остальное).

Головачеву письмо и деньги.

4 <сентября>. Статью Аверкиева в типографию (немедленно).

«Политическое обозрение» не забыть тоже в типографию скорее.

О наших изданиях.

Разузнать, где находится рукопись «Из огня в полымя».

О Колошине.

5) <сентября>. Островскому отвечать.

6 <сентября>. О Колошине. Отвечать на его письмо. Завтра же утром.

Страхова статью «Заметки летописца» в типографию <с. 8>

7 <сентября>. С Аверкиевым о Бабикове.

8 <сентября>. О наших изданиях (Полонского).

Заголовок статьи Григорьева (Григорович) или Филиппова (NB. Поставить: Статья первая).

10 <сентября>. В субботу дослать кавказск<ому> офицер<у> 3 рубля.

У Григорьева — статью Кояловича и другую рукопись.

12 <сентября>. К Ковалевскому.

14 <сентября> К Порецкому сходить.

14 <сентября>. Завтра утром письма все написать.

Завтра приготовить и сдать печатать на август.

15 сен<тября>. «Польша и ее конфедерация». Через 3 недели ответ.

Пылины — через 2 недели ответ.

15 сент<ября> «Пустозерс<кие> фарисеи» — через 2 недели.

15 сен<тября>. Об экономич<еской> степени развития России. Через неделю NB

«Сила личности»
Бунаков «Браконьеры» } 2 недели <с. 135>

17 сентября. Завтра утром — письма все написать.

Завтра приготовить и сдать печатать.

19) сентября. Отыскать «Пустозерск<ие> фарисеи».

Завтра — подыскать повесть.

Исправить «Записки мирового посред<ника>» и политическ<ое> обозрение.

Пересмотреть реестры августа месяца <с. 9>

Филиппову написать.

20 <сентября>. Прил<ожение> Петрова.

Проверить etc. насчет почтовой отправки.

22 <сентября>.

«Сила личности» через неделю.
Долгомостьева статью.
Бунакова («Браконьеры») через 2 недели.
23 <сентября>. Головачеву.
Об изданиях с Филипповым.
25 <сентября> (Eheu!)
Отправить № Островскому <с. 10>
25 <сентября> Соколовскому в Брянск.
27 <сентября>. *Колошину непременно.*

1 октября. О способе отправки на почту книг журнала. Побольше аккуратности.

3 октября (болен). Головачеву написать, чтоб не торопился с политическим обозрением.

5 октября. Статью «Три наследника» *исправить* и пустить.
Письмо и деньги Бабикову.
6 ок<тября>. Отыскать письмо Калатузова.
Отыскать последний «Современник».
Колошину непременно.

О рукописи «Прихоть», данной для прочтения Григорьеву (в портфеле у Страхова). <с. 11>

6-е <октября>. От Щукина «Пристрастные» через месяц.
«Поступление в студенты» (от Кошкарева, когда-нибудь):
«Греческие трагедии» (Сикевич) через 2 месяца.
Бунакова «Браконьеры» (через 2 недели).
«Выкрест» (через 3 недели). <с. 65>
7 <октября>. Об обертке для «Мудреного дела».

8 <октября>. В «Зап<исках> миров<ого> посредник<а>» чтоб не было «Смирнов».

Через неделю
18 числа октября Бунакову окончательный ответ.
«Кит<айская> царевн<а>» окончательный ответ. <с. 133>
13 <октября>. В Уфу *Лесничему*[1] NB. 16 октября.
16 *октябр<я>*. Справиться о 2-й и 3-й части «Из мрака к свету».

21 <октября>. Ауэрбах (Бурдину). Справиться о письмах, которые надо написать.

24 <октября>. Письмо и деньги Ольге N.
25 <октября>. Отвечать *Лесовику.*
28 <октября>. Отослать деньги «Токеа».
Спросить о статье г-жи Ауэрбах. <с. 12>
29 <октября>. *Лесная часть в набор.*
30 <октября>. Отыскать письмо Круковской.

2 ноября. Список статьям в обеих типографиях и по скольку листов.

4 ноябр<я>. Зотову отвечать.
5 нояб<ря>. О двух подписчиках. «Мудреное дело».
Сводку.

---

[1] *Над словом: Лесничему — вписано:* Мундт.

16 ‹ноября›. Оттиски «Об уголовн‹ых› наказ‹аниях›».
22 *декабря.*
Ответ Врангелю.
Ответ Головачеву.
Ответ С‹условой›.
Ответ Зименко.
Ответ Ушакову.
Подробнее пересмотреть самые последние рукописи.
Бунакова переделать.
Цензорские пометки и цензорск‹ая› корр‹ектура› *Аверкиева.*
Статью Филиппова 2-ю часть пересмотреть и в набор.
Стрекалова пересмотреть.
О казаках пересмотреть.
Драма Булкина, к 6-му числу пересмотреть. ‹с. 13›
31 декабря.
Справиться о выходящей бумаге.
О подписке на иностранные газеты и журналы справиться.
1 января *написать*
Врангелю
Шидловскому
Круковской
Калатузову
5 января — деньги Колошину ‹с. 14›
Отвечать 2 февраля
Тургеневу
Зименко
Врангелю
Шидловскому
Шейну
Чаеву
Брату Андрею
Деньги — Колошину
» — Бунакову
» — Гериху
» — Федорову ‹с. 15›

Федорову в Оренбург заплатить в январе ‹с. 148›

У Долгомостьева «Летопись» 2 книги *Софийские.*
У Майкова два тома (4) Устрялова.
У Коли Устрялова 1-й том.
Аверк‹иев› «Кот Мур‹р›» ‹с. 1 обр. нумер.›

‹2›

25 августа ночь в типографии
21 августа — припадок ‹с. 37›
Припадки.
5 июля — припадок *средний*
21 августа — *из сильных*
18 сентября — *средний*
29 сентября — *средний*
15 ноября — средний
12 декабря — большой
22 февраля — большой
2 мая — большой
9 мая — средний ‹с. 21›

‹3›

6 мая 1) Попову до[1] 25 мая, известие об уплате помесячно. ‹с. 151›
2 янв‹аря›
Аверкиев взял Хомякова и 1-ю часть Беляева.
«Кот Мур‹р›»
Кояловича
Долгомостьев взял Ипатьевск‹ую летопись›, 1 том
Итого с прежними 2 тома.
«Русский архив», № 5 и 6, № 2. ‹с. 152›

‹1867›

‹1›

Memento.
Съездить к Кашину
К Юнге
К Ламанскому
К Майкову-отцу NB.
Пригласить: Страхова
Аверкиева
Базунова
Соловьева
Дела
С священником
Ковер, стакан и проч.
Хозяин
Жилет
Лапин, Гойжевский, Куканов, Печаткин
Статья
Кольца

[1] *Было:* 2-ю

‹3›

ЗАМЕТКИ

ЗАМЕТКИ ПОСТОРОННИЕ

1) NB. Статья или книга: «О покушениях на жизнь»

2) NB. *Смотри* «Московские ведомости»,[1] от ноября[2] 5-го 1867. Дело об убийстве мещанина *Суслова* крестьянином Ярославск‹ой› губерн‹ии›, Мышкинского уезда, Балабановым. (Зарезал за часы Суслова, раздувавшего самовар,[3] со словами: «*Господи, прости ради Христа*».) ‹с. 87›

‹1867—1868›

Отметки припадков

1) ОКТЯБРЬ 1867 ГОДА. Женева.

С 17-го на 18-е октября, ночью, в ½ 6-го припадок, не из очень сильных. Последние 4 дня чувствовал неправильность в сердцебиении, необыкновенную раздражительность. Пошел к доктору 17-го; дал пилюль, чтоб уничтожить неправильность действием на низ. Сердцебиение и раздражительность приписываю беспрерывным женевским переменам погоды. Все эти 4 дня был холод, дождь, ветер: погода была точь-в-точь, когда в Петербурге от юго-западного ветру сходит иногда в феврале весь снег. Но 17-е, когда ходил к доктору, наступила прелестная, светлая теплая погода, и я вдруг почувствовал себя необыкновенно лучше. Ложась спать, я совершенно не ждал припадка, о чем и говорил А‹нне› Г‹ригорьевне›. Но ночью вдруг переменилась погода на сырую. ‹с. 72›

26 февр‹аля› (9 мар‹та›) 68. Идея критического журнала, необходимого теперь. ‹с. 134›

‹1869—1870›

‹1›

22 февраля начать высылать.
27 января ‹с. 14›

Письма 23 декабря Паше
9 ‹января› Паше ‹с. 77›

---

[1] *Далее было:* Дело
[2] *Далее было:* №
[3] *Далее было начато:* Господ‹и›

ПРИПАДКИ (1869 г.)

ЗАМЕЧАНИЕ. Во Флоренции в продолжение лета — припадки не частые и не сильные (даже редкпе сравнительно). При этом сильный открытый геморр‹ой›.

3-го августа припадок во Флоренции, на выезде.

10-го августа припадок в Праге, дорогою.

19-го августа припадок в Дрездене.

4-го сентября припадок в Дрездене. Очень скоро после припадка, еще в постели — мучительное, буквально невыносимое давление в груди. Чувствуется, что можно умереть от него. Прошло от припарок (сухих, гретые тарелки и полотенца с горячей золой) в полчаса.

14-го сентября. Припадок ночью в постели.

NB₁) Да и все почти припадки в постели, во сне (в первом сне), около четвертого часу утра.

NB₂) Сравнительно с прежними припадками (за все годы и за всё время), этот, отмеченный теперь ряд припадков с 3-го августа, — представляет собою еще небывалое до сих пор, с самого начала болезни, учащение припадков; как будто болезнь вступает в новый злокачественный фазис. За все прежние годы, не ошибаясь, можно сказать *средний* промежуток между припадками был постоянно в *три недели.* (Но это только средний, средний пропорциональный; то есть бывали промежутки ‹с. 60› и в шесть недель, бывали и в 10 дней, а в среднем счете выйдет в три недели.)

Теперешнюю учащенность можно бы приписать — резкой перемене климата — Флоренции и Дрездена, дороге, расстройству нервов в дороге и в Германии и проч.

30-го сентября, ночью, припадок довольно сильный (после вечерних занятий).

1870 года, 1/13-е *января* припадок, сильный, после неосторожности, в шестом часу утра, в первом сне. Расстояние между припадками неслыханно длинное — три месяца и десять дней. С непривычки болезненное состояние продолжается очень долго: вот уже пятый день припадку, а голова не очистилась. Погода из хорошей (+2 или +3 градуса Реомюра) переменилась[1] на слякоть. Припадок был почти в полнолуние.

7-е/19-е. Припадок в 6 часов утра (день и почти час казни Тропмана). Я его не слыхал, проснулся в 9-ом часу, с сознанием припадка. Голова болела, тело разбито. NB. (Вообще следствие припадков, то есть нервность, короткость памяти, усиленное и туманное, как бы созерцательное состояние — продолжаются теперь дольше, чем в прежние годы. Прежде проходило в три дня, а теперь разве в шесть дней. Особенно по вечерам, при свечах,

---

[1] *Было:* переменяется

беспредметная ипохондрическая грусть и как бы красный, кровавый оттенок (не цвет) на всем. Заниматься в эти дни почти невозможно. (Заметку пишу на 6-й день после припадка).) NB. Погода хорошая, изредка снег. Зима в Дрездене этот год необыкновенно мягкая.

10 *февра*<*ля*>/29 *генваря.* В три часа пополуночи припадок чрезвычайной силы, в сенях, наяву. Я упал и разбил себе лоб. Ничего не помня и не сознавая, в совершенной целости принес, однако же, в комнату зажженную свечу и запер окно, и потом уже догадался, что у меня был припадок. Разбудил Аню и сказал ей, она очень плакала, увидав мое лицо. <с. 61> Я стал ее уговаривать и вдруг со мной опять сделался припадок, наяву, в комнате у Ани (Любу вынесли) — четверть часа спустя после первого припадка. Когда очнулся, ужасно болела голова, долго не мог правильно говорить; Аня ночевала со мной. (Мистический страх в сильнейшей степени.) Вот уже четверо суток припадку, и голова моя еще очень не свежа; нервы расстроены видимо; прилив крови был, кажется, очень сильный. О работе и думать нечего; по ночам сильная ипохондрия. Засыпаю поздно, часов в 6 поутру; ложусь спать в четвертом пополуночи, раньше нельзя. Всю последнюю неделю стояли сильные морозы, градусов по 10. Теперь полнолуние. Во время припадка луна вырезалась свыше половины. (Легкие признаки открытого геморроя во время припадка и перед тем.)

23/11 *февраля.* Припадок, во сне, только что лег, в 5 часов 10 минут пополуночи, перед рассветом. Ничего не слыхал, и, только проснувшись в 11 часов утра, догадался, что был припадок. Говорят, что слабый; это и мне тоже кажется, хотя теперь следствия припадков (то есть тяжесть и даже боль головы, расстройство нервов, нервный смех и мистическая грусть) продолжаются гораздо дольше, чем прежде было: дней по пяти, по шести и даже по неделе нельзя сказать, что уже всё прошло и свежа голова. Полное безлуние,[1] сильно степлело, туман, но днем ясное солнце. Записываю это 27 февраля, в воскресение. Положительно можно сказать, что сегодня первый весенний день — так он хорош. Нравственно — большие заботы, не шлют известий, заболела Люба. (Сохрани боже!)

Приливы крови в нижней части живота, позыв на запор, прерывчатый сон, с сновидениями не всегда приятными.

1870/*Мая.* Припадок наяву, после суток в дороге, в Г<омбур>ге. Приехал, пообедал, сходил в воксал, воротясь в отель, в свою комнату, часа в 4 пополудни почувствовал припадок и упал. Благополучно, ушиб только голову на затылке, с неделю не проходила шишка. Очнувшись, довольно долгое время был не в полном уме и помню, что ходил по всему отелю и говорил со

---

[1] *Вместо:* Полное безлуние — *было:* Полные фазы луны

встречным о моем припадке, между прочим и с хозяином отеля. Спать не лег, но пошел опять в воксал. Припадок вообще был не из сильных, и мистическая грусть и нервный смех. Нервность много способствовала худому ходу дел. Всё время отлучки, всю неделю, был как бы не в своем уме. Всё время было холодно, сыро, шел дождь. Между прочим простудился ‹с. 62› и даже до сих пор, две недели спустя, еще кашляю. Вообще заметить надо, что чуть-чуть длинную дорогу в вагоне решительно не выношу: всегда кончается припадком. NB) Припадок подошел к самому зарождению нового месяца — в последние сутки перед зарождением. Теперь здоровье порядочно. У Ани очень расстроены нервы от кормления. Люба слава богу здорова (помилуй и сохрани их обеих, господи!). У меня большие заботы. Предстоят жаркие месяцы, страшный усиленный труд — роман в «Русский вестник» (не надеюсь на него). Задумано письмо к Н‹екрасову›. Оставлено до 1-го сентября. Что-то будет! В деньгах, до самой осени, будем очень нуждаться!

1870 г. 13/1 июля. Припадок во сне, поутру, только что заснул. Заспал и узнал от Ани уже в половине первого. Ей показался не сильный. Сегодня 17 июля (воскресение). Тело не было *очень* разбито, но голова даже до сих пор не свежа, особенно к вечеру. Тоска. Вообще замечу, что даже средней силы припадки теперь (то есть чем далее в лета) чувствительней действуют на голову, на мозг, чем[1] прежде самые сильные. Не свежеет голова по неделе. Погода жаркая, 13-го числа было полнолуние, изредка легкие, тепличные дождички. Бьюсь с 1-й частью романа и отчаиваюсь. Объявлена война. Аня очень истощена. Люба нервная и беспокойная. NB) Каширев два месяца позже прислал, чем обещал. Почти и не поправились присланными деньгами. Вся надежда на роман и на поездку в К‹иссинге›н. Что-то война? Не помешала бы очень? Избави боже!

25/13 июля. Припадок утром как заснул; перед тем вздрагивания ужасные. Накануне неосторожность. Жарко и резкий, задирающий северный ветерок. Люба вся была в жару, кашель и насморк; к зубам; теперь легче, но у ней зубы болят. Аня попрежнему. В К‹иссинге›н ехать, кажется, нет и надежды. Все транспорты заняты под армию. Даже почта не приходит. Вчера из Берлина газеты не пришли. Сражение, вероятно, будет через неделю. Денег нет. Очень хлопотливо. Что-то будет.

Припадок, говорят, был легкий, а я очень разбит и голова болит. ‹с. 59›

1870 г. 16/28 июля. Припадок во сне, поутру, в 8 часов с минутами (час и минуты зарождения месяца), три дня спустя после припадка 13/25 июля. Говорят, был очень сильный прилив крови

[1] *Было:* как

к голове; лицо посинело. Теперь уже 3-е августа; почти до сегодня не прояснялась голова. Состояние духа было мучительное. 1-е августа сделал глупость в читальне. Прямо приписываю настроению духа после припадка. Страшная жара. До сих пор каждый день была гроза, но сегодня не было. Трещат кузнечики. Денег нет. Люба здорова, Аня могла бы быть и здоровее. На Рейне с обеих сторон сошлось тысяч по триста. Еще вчера стояли друг против друга, каждый час готовые броситься один на другого. Курсы падают. Всё дорожает. Ни те ни другие не выдержат долго войны. А между тем собираются долго драться. Что-то будет! Вероятно, завтра или послезавтра последует решительная встреча.

7 августа. Еще припадок. Ночью. (6[1] часов утра.) Весь день был очень раздражен. (Сегодня 11, не могу еще прочистить голову.) Роман решительно бракуется (ужасно!). Французы разбиты 6-го числа. Теперь совокупляются впереди Меца и, кажется, потерялись и не знают как двинуться; теряют время.

2 сентября, утром в 10-м часу, во сне, из сильных. Лег поутру очень поздно. Аня и Анна Николаевна сделались больны. Выпил рому с кофеем. Аня очень слабеет от кормления.

1870 г. 9 сентября, поутру часу в 10-м во сне, довольно слабый. Любочку отучают от груди. Аня очень истощена. Может быть, на днях поеду в Прагу. Роман идет медленно, на волю божию. С деньгами плохо. Из «Зари» не ответили, сегодня 14-е сентября, и может быть войска подошли к Парижу. <с. 58>

10 октября/18 сентября 1870 г. Припадок поутру, только что лег,[2] наяву. Упал у шкапчика, лежал на полу; Аня насилу привела в чувство. Припадок сильный. Чувствовал озноб. Дела плохи. Ничего еще не отослано из романа. Предстоит переменять квартиру. Аня выбивается из сил с одной Любой. Люба здорова, но приучилась плохо спать по ночам.[3] Погода в первый раз еще в лето очень холодная. Париж в осаде. Во Франции инерция от административных порядков. Нет твердого правительства. Что-то ответит «Русский вестник»? К Соне письмо, очевидно, пропало. Страхову еще не отвечал. От Майкова сегодня получил после шестимесячного молчания.

16 *октября*. Припадок поутру на новой квартире 6 дней спустя после предыдущего. Во сне, не слыхал. Из слабых. Долго не прочищалась голова. Теперь (22 октября) уже три дня болит желудок. Вчера послал письмо Каткову. Сегодня к Майкову и Страхову. Аня очень худа и очень тоскует. Тяжелая жизнь! Что-то из «Русского вестника»?

---

[1] *Было:* 5
[2] *Далее было:* почти
[3] *Далее было начато:* На дворе

22 октября, утром во сне (в 7-м часу) припадок, и когда заснул, то через час еще припадок. Теперь 26-е число, а я еще до крайности расстроен и каждую минуту жду еще припадка. Теперь ночь 26/27 окт‹ября›. На дворе буря. Три последние ночи[1] почти было северное сияние. У Ани зубы болят. Люба, слава богу. Денег нет. Была ярмарка. Надо писать, очень уж запоздал. ‹с. 57›

Заметки

16/28[2] июня ‹1870 г.›

Погода переменная, дождь и относительно холодно. Денег не шлют, и не знаю даже, когда получу. Романа кончил 5-ю главу.

По ночам[3] (две ночи[4] кряду) работать почти не могу: прилив крови к голове, отупение, сонливость. Боюсь дурных последствий ночной работы (удара вроде того?).

Ночью видел во сне брата, он как бы воскрес, но живет особо от семьи. Я будто у него, и чувствую, что со мной как бы что-то неладно: потеря сознания,[5] точно после обмороков.[6] Я пошел в какую-то ближнюю больницу посоветоваться с доктором. Брат как будто ко мне ласковее.

Проснулся, заснул опять и как бы продолжение сна: вижу отца (давно не снился). Он указал мне на мою грудь, под правым соском, и сказал: у тебя всё хорошо, *но здесь очень худо*. Я посмотрел, и как будто действительно какой-то нарост под соском. Отец сказал: *нервы не расстроены*. Потом у отца какой-то семейный праздник, и вошла его старуха-мать, моя бабка, и все предки. Он был рад. Из его слов я заключил, что мне очень плохо. Я показал другому доктору на мою грудь, он сказал: да, это тут. Вам жить недолго; *вы на последних днях*.

NB. Проснувшись утром, в 12 часов, я заметил почти на том месте груди, на которое указывал отец, точку, как бы в орех величиной, где была чрезвычайная острая боль, если щупать пальцем, — точно дотрогиваешься до больно ушибленного места; никогда этого не было прежде.

NB₂. Легкие мои опять наполняются мокротой; свистит и дышать тяжело. Вообще эта болезнь полтора года идет видимо усиливаясь. Зарождается одышка.

NB₃. Должно быть, есть в настоящую минуту и припадки геморроя. Боль в животе, как перед кровотечением. Пищеварение хорошо. ‹с. 41›

---

[1] *Было:* дня
[2] *Было:* 17/29
[3] *Было:* По вечерам
[4] *Было:* два вечера
[5] *Было:* памяти
[6] *Далее было:* Я иду, но не ‹*нрзб.*›

17/29 *июня.* Среда. У Ани *появились.* Слаба. расстроены нервы, мало спит? Неужели беременна? ‹с. 42›

‹1871›

Петербург.

7-го августа 71 года я еще не начинал продолжения романа. ‹с. 144›

‹1872›

Лиля, папа, няня,
Федя Федя глупый мальчик. Лиля ‹с. 3›

‹1872—1875›

Принадки

После перерыва [1] в 5½ месяцев.

20 апреля	3-го и 19-го ноября [2]
4 июня	27 декабря
1-го августа	28 января 1874 г.

‹1873›

1874 г.	1875
28 января	4 января
16 апреля	19 января
13 мая	8 апреля
27 июня	4 июля [3]
15 июля	
8 октября	
28 декабря	

‹1872—1873›

Заметки

Просвирку сосчитали
Азбука Толстого [4] ‹с. 32›

1872 г.

Дневник.

10-е сентября. Письмо от Владиславлева и зов на крестины. Был Страхов, обедал. Вчера обедали брат Андрей и Коля. Дети здоровы и милы. У А‹нны› Г‹ригорьев›ны усталый вид. Погода сырая, дождливая, из ветреных, но теплая.

---

[1] *Было:* припадка
[2] *Было:* октября
[3] *Текст:* 28 января ∾ 4 июля — *приписан позднее рукою А. Г. Достоевской.*
[4] *Рядом с текстом:* Просвирку ∾ Толстого — *помета:* разобрать.

Вчера брат Андрей сообщил, что в адресном столе справлялся о моей квартире Аскоченский (!). Страхову сообщил идею об альманахе. ‹с. 70›

Пуцыковича — 10 лет реформ
Мещерск‹ий› — Алексей Слободин
Я — Монастыри
— Азбука
П‹орецкий› — Неизвестно что ‹с. 120›

Припадки —
3 сентября, поутру, во сне, из значительных.
10 октября во сне в Москве из значительных ‹с. 126›

‹1872—1875›

Дневник по журналу

21 *июня*[1] среда. Возвратился из Старой Руссы. От отсутствия моего ничего не потерпело в журнале. Пуцык‹ови›ч ничего не делает, даже о Хиве из других газет составить не может полюбопытнее. Просил представить квитанции розданных денег, и то не представил; надо напомнить опять. Напомнить тоже, чтобы письма, полученные редакцией, все мне показывал. Сто раз уже говорил. Видел Страхова. Видел Филиппова. Говорил об издании №№ «Гражданина», где его статья в многих 1000-х экземпляров. Говорил, что князь будет в июле, около *20—22 июня.*

Четверг. Страхов говорил о статье. Немецкие книги. Хорошо бы хоть раз в месяц помещать «Европейское обозрение». Но Страхов может взять лишь литературную часть. Статья Белова дельная, но уже слишком скромна, и кажется, небольшой он литератор; но человек полезный ‹с. 30 обр. нумер.›

Книги необходимые
1) «История императора Александра I-го» *Богдановича.*
2) «Великие Минеи-Четии», Макария (в Москве) у С. Т. Большакова в Малом Охотном ряду (пять выпусков)
Выпуск 1 — 5 р.
2 — 3 р.
3-й — печат‹ный› экз‹емпляр›
4 — 3 р.
5-й — 3 р.
3) Дворянство в России — Романович-Словатинский.
«Россия и Сербия», книга Нила Попова. ‹с. 124›

---

[1] *Далее было начато:* возвратился

‹1873›

Об Училищном епархиальном съезде Владимир‹ской› губернии Мавреңкого, отыскать и выдать, подана в марте. *Через 2 недели ответ.*

Унтилова о пьянстве.

О Киселеве через 3 недели ответ.

‹1874—1875›

‹1›

28 янв‹аря› припадок (довольно сильный).

Припадки. После перерыва в $5^1/_2$ месяцев в 1873 (в год редакторства):

20 апреля
4 июня
1 августа
3-го ноября } NB. Итого в год *8* припадков.
19-го ноября
27 декабря
28 января
16 апреля (из сильных, головная боль и избиты ноги).

(NB. *Суббота 20 апреля,* едва стало проясняться в голове и в душе; очень было мрачно; видимо был поврежден, 3-и сутки 19-е число было всего тяжелее. Теперь 20 апреля, в 10 часов пополудни, хоть и тяжело, но как будто *начало* проходить.)

13 мая (из довольно сильных)

27 июня (довольно сильный)

9 июля (суббота 29 июня. Очень тяжело в голове и в душе, и пока еще очень ноги избиты).

15/27 июля (довольно слабый). Полнолуние. Погода сильно переменилась, дней 5 солнце, ветер, дождь, затишье — всё перебывает в день.

8 октября ночью, сильный. В 5 часов утра. Дни сухие и ясные.

18 октября припадок в пять часов утра, довольно сильный, но слабее предыдущего. Дни ясные.

28 декабря, утром, в 8 часу, в постеле, припадок из самых сильных. NB. Час после припадка жажда. Выпил 3 стакана воды залпом. Более всего пострадала голова. Кровь выдавилась на лбу чрезвычайно и в темя отзывается болью. Смутно, грустно, угрызения и фантастично. Очень раздражался. День ясный. Мороз до 15°.

NB. Итого, в год 8-м припадков.

Итого в 1874 г. с 28 января в год 8 припадков.

С 28 декабря еще два припадка. Один — 4 января, другой — 11 января.

8 апреля. Припадок[1] в ½ пополуночи.[2] Предчувствовал сильно с вечера да и вчера. Только что сделал папиросы и хотел сесть, чтобы хоть 2 страницы написать романа, как *помню*, полетел, ходя среди комнаты. Пролежал 40 минут. Очнулся, сидя за папиросами, но не сделал их. Не помню, как очутилось у меня в руках перо, а пером я разодрал портсигар. Мог заколоться. Всю неделю сырость; нынче[3] лишь полнолуние и, кажется, морозец.

8 апреля полнолуние. Голова же болит не так чтобы очень. Теперь почти час после припадка. Пишу это и сбиваюсь еще в словах. Страх смерти начинает[4] проходить, но есть всё еще чрезвычайный. Так не смею лечь. Бока болят и ноги. Уже 40 минут спустя пошел будить Аню и удивился, услышав от Лукерьи, что барыня уехала. Подробно расспрашивал Лукерью, когда и зачем она уехала. За полчаса до припадка принял opii benzoidi 40 капель в воде. Всё время полного беспамятства, то есть уже <с. 2> встав с полу, сидел и набивал папиросы, и по счету набил их 4,[5] но неаккуратно, а в последние две папиросы почувствовал сильную головную боль, но не мог понять, что со мною, пока не пошел к Лукерье. Легкий геморрой, туго, начало геморроидальных шишек. <с. 3>

ДНЕВНИК ЛЕЧЕНИЯ В ЭМСЕ. 1874 г.

Четверг, 25 июня. В 7 часов утра в сильный дождь в первый раз пошел на источник Кессельбрунен, два стакана. Хоть и прояснилось, было довольно ветрено к вечеру и свежо. Кажется успел простудиться, на ночь кашлял и в груди хрипело. Ночью кошмарные сны (Голицын, брат, Аня). Вот уже дня четыре довольно сильный геморрой (кровотечение). Желудок порядочно.

Пятница, 26. День дождливый и переменчивый. Больше кашлял сухо. К вечеру даже заболела грудь (грудная верхняя доска). Засыпаю с вздрагиваниями. Спал без дурных снов. Желудок туг, но язык чище, чем когда-нибудь. (NB. Оба дня, несмотря на ненастье, много хожу.) Хрипота при вдыхании сильная.

27, 28, 29. Все дни дождливые, иногда только проглядывало солнце. От сырости, вероятно, много хуже, кашель усиливается, преимущественно к ночи, и бывает даже сухой. Желудок перемен-

---

[1] *Далее было:* утром
[2] *Было:* вечером
[3] *Далее было:* ночью
[4] *Далее было:* еще
[5] *Было:* три

ный, больше склонность к запору. Ходил 29-го к доктору и объяснил ему состояние желудка. Назначил пить вместо кессельбрунена кренхен, по *три* стакана. (NB. Пьющих кренхен, как я заметил, гораздо меньше, чем больных, пьющих кессельбрунен.)

30. В первый раз ходил пить кренхен; несмотря на барометр, со вчерашнего дня подвинувшийся к ясной погоде, облачно и даже небольшой дождь, хотя тепло и мягко. С 29 на 30 ночью в груди моей хрипело с сильным звуком, как в самое худое время прошлой зимой. Кашляю, впрочем, гораздо меньше, чем прошлой зимой. Но все-таки слишком много, сравнительно с облегченными днями болезни даже в Петербурге. Вздрагиваний в эту ночь не было. ‹с. 193›

Среда *1-е июля.* Погода великолепная и жарко. Вчера очень много ходил, всходил на горы, устал и ноги болят. Хрипота в груди не прекращается. Запор. Язык очень хорош. Ходил в баню. Вечером опять слишком много курил и устал.

Четверг. *2 июля.* Хрипота в горле еще сильнее. Хоть и нет особого позыва на кашель, но кашляю, чтоб только отхаркнуться. Скопленье же мокроты такое, что, замечаю, мне труднее дышать, чем прежде. Погода прекрасная, но утром в 7 часов над городом лежало целое облако тумана и таяло от восходящего солнца. В 7 часов было только 14° в тени Реом‹юра›. (NB. Не от бани ли или не от большой ли ходьбы по горам и усталости у меня усилилось в груди хрипенье?) Запор продолжается. В час пополудни было 24° Реомюра в тени. К вечеру позыв на кашель усилился и раздражение в горле весьма сильное. Хрип, а к утру на другой день даже видимо труднее дышать.

Пятница 3 июля. После кренхена как бы стало лучше; но все еще порывами кашель. Наклонность к желчи, язык, весьма до того чистый, немного пожелтел. Хочу просить *настоятельно* у доктора об увеличении приемов кренхена и, главное, с молоком. День сегодня великолепный и жаркий, барометр на beau temps,[1] но как будто с позывом уклониться капельку назад, к переменному.

NB. Все последние три дня как бы некоторое утомление и даже боль в ногах. Приписываю решительно чрезвычайной моей ходьбе в эти три-четыре дня и, главное, в горы. Может быть, сильное движение вредно и груди. ‹с. 194›

Суббота 4 июля. Суббота 11 июля. Выпросил у доктора пить[2] кренхен 2 раза в день, утром 3 стакана, а вечером 2. На 6 унц‹ий› кренх‹ена› 2 унции молока. Вообще как бы легче, но припадок, бывший в среду, усилил скопление материи в груди. Со вчерашнего же дня, то есть с пятницы (10-го), испортилась погода, была гроза, а сегодня, в субботу, утром дождь. Сырость и скопление мокроты с усилением кашля — это неизменно. Что-то

---

[1] хорошую погоду (*франц.*).

[2] *Было:* принимать

скажет следующая неделя крепхена? И будет ли наконец конечная польза?

Воскресенье 19 июля. В начале недели лихорадка 2 дня и дня три потел. С пятницы[1] пот уменьшился и даже перестал. Доктор, в четверг, решил прибавить еще стакан кренхена поутру. И пить поутру 4 стакана, а вечером два. Очень подробно осматривал грудь: везде всё зажило, кроме в двух местах: внизу спереди и сзади в спине. Действительно, при кашле там ощущаю даже боль. Зато всю неделю *видимо* дышать легче; несравненно меньше прежнего хрипит в груди, и вот уже три дня кашель решительно уменьшился. Даже при вставании утром нет кашля. (NB. Замечательно, что это началось разом с 4-го стакана крепхена.) Даже от папироски почти не щекочет в горле. Доктор накинул еще неделю к прежнему сроку. Итак, оставаться[2] мне здесь по теперешнему расписанию примерно до 30 июля нов<ого> стиля. Доктор в таком случае ручается за успех лечения. Пациенты же говорят, что при таком долгом катаре, как мой, хотя можно получить огромное облегчение, но с одного курса ни за что не вылечишься *радикально.* Надо же приехать на будущий год, на второй курс вод, и тогда уже можно надеяться на радикальное излечение. Все отправления превосходны. Аппетит <с. 195> чудесный, сплю прекрасно. Физические силы есть. Раздражительности даже меньше. Одним словом, всё *пока пошло хорошо.*

Среда 22 июля. Вчера ровно три недели минуло, как я пью *кренхен.* (Всего 3 недели, а Кошлаков велел пить шесть недель.) Кашель и перхота заметно уменьшились и уменьшаются всё более и более *с каждым днем.* Отправления физические превосходны. Потение ночью сильно уменьшилось, но не прошло: аккуратно каждую ночь меняю по одной рубашке. И однако, сил не теряю нисколько. Вчера был день с дождями, сегодня ветрено и довольно сыро, хотя светит солнце; несмотря на то кашель и хрипота видимо уменьшаются. Не худо бы как-нибудь дотянуть до 5 недель кренхена. Главная перемена, что перхота горла видимо уменьшается; даже папироска перестает раздражать.

Суббота 25 июля. Вчера и сегодня (равно как отчасти и 3-го дня) было сыро, дожди в промежутки с солнцем, и туманы по утрам, как вчера и особенно сегодня. Сырость отозвалась на груди: хрипоты больше, из чего ясно, что больные места еще далеко не зажили. Правда, перхоты меньше (хотя есть, н<а>прим<ер> вчера) — и дышать все-таки свободнее, чем прежде. Все отправления очень хороши и даже сил чувствую в себе гораздо больше, чем когда приехал сюда. <с. 196>

---

[1] *Было:* с субботы

[2] *Было:* жить

Если оставаться до 2-го августа (воскресенье), то хозяйке придется заплатить со всем — 35 талеров

еда 12 дней	— 12 талеров	
вина	— 3 т.	— 20 грош.
Табаку на	— 7 т.	— 5 талер.
Белья	— 6 т.	— 5 талер.
Доктор[1]	— 6 т.	
Мелочи	— 3 т.	
	72 или с экономией 70 т. <с. 198>	

Сказка, рассказанная мне Федей 4 сентября/74 г., в Старой Руссе, поутру за чаем.

«Был дом, до потолка, как береза.[2] С жильцами. И вдруг попадаются волк и арап. Они вошли в дом и всех съели».

Феде *три* года и *полтора месяца.*

NB. Сказку эту он сам сочинил, на основании слышанных им сказок, разумеется. Но всё же сочинил. Тут замечательны слова: *жильцы* и *попадаются.* Он, стало быть, уже знает вполне, что такое жильцы. Но еще любопытнее, что он знает слово *попадаются* и так вполне усвоил себе значение его. <с. 199>

<1874—1875>

NB. Книги в Эмской библиотеке прочитать, если будет время.

G. Sand. Césarine Dietrich. Journal d'un voyageur pendant la guerre. <Paris, 1870>.

Erckmann-Chatrian. Histoire d'un homme du peuple. <Paris, 1865>.

Belot. L'article 47. <Paris, 1870>.

G. Sand. La confession d'une jeune fille. <Paris, 1865>.

Erckmann-Chatrian. Waterloo. <Paris, 1865>.

A. Dumas<-fils>. Affaire Clémanceau. <Paris, 1857>.

Proudhon <P.-J.>. La révolution sociale démontrée par le coup d'état du 2 Décembre. <Paris, 1852>.

NB. *Musset Alfred.* La confession d'un enfant du siècle. <Paris, 1836>.

Flaubert <G>. Madame Bovary. <Paris, 1856>.

Octave Feuillet. Le roman d'un jeune homme pauvre. <Paris, 1858>.

Belot. Le drame de la rue de la Paix. <Paris, 1867>.

Femme de feu. <Paris, 1872>.

A. Dumas-fils. L'Homme—Femme. <Paris, 1864>.

---

[1] *Далее было:* и мелочи

[2] То есть такой большой (*примеч. Достоевского*).

Belot. M-ll Giraud, ma femme. ‹Paris, 1870›.

NB { Paris en Amérique
о романах Zola. ‹с. 56›

‹1875—1876›

Припадки

1875 год

29 сентября, из сильных (но не из самых), в ночь, под утро, в 6-м часу пополуночи, *после трехмесячного* перерыва. Полнолуние. Тугость. Легкая г‹еморроидальна›я кровь. Очень сильный прилив к голове. Раздражительность.

Октяб‹ря› 13. Утром во сне, в 7 часов, не так сильный.

1876 г.

Января 26. Понедельник утром, во сне, в 7 часов, из довольно сильных, 1-я четверть луны.[1] ‹с. 273›

Купить книги: *Беляева.* Крестьяне на Руси ‹с. 3 об.›

Memento:

Написать Юшкову в *Казань.*

Отвечать Симбирской библиотеке.

Всем ли послано?

Брат Коля?

Заехать к Полонскому.

Справиться у Соловьева о клевете «Иллюстр‹ированной› газеты» (Зотов?)

Написать заслуженному профессору.

С В. В. Григорьевым поговорить: 1) о провинциальной печати и 2) о наших азиатских окраинах (будет ли справедлива мысль о китайцах?).

Общество вспомоществования бедным ученикам при 5-й гимназии.

Где Митрофания?

В воспитательный дом.

Не забыть Момбелли

Март[2] 1) *Момбелли*
Написать:
Алчевской
Перетолчину
Заслуженному профессору
Экз‹емпляр› Вас. Вас. Григорьеву?
Отто
Петерсону ‹с. 73›

---

[1] *Было:* полнолуние

[2] *Было:* Февраль.

Тацит
Об уме и познании 1-я часть
Льюис
Век Александра I-го (Богдановича, Пыпин)
Литература (Полевого)
Владим<ира> Соловьева
Лассаля
После Петра, историка Соловьева
Исповедь св. Августина
(Фомы Кемпийского)
Zola
Логика
Хомяков <с. 84>

Не забыть нужные книги: «Обычпое право» книга Е. Якушкина.

«Histoire de l'origine des découvertes et des institutions humaines». K. Ramèl-Plon.
La Chine familière et galante. Charpentier.
Carlyle. Карлейль: История Фридриха II и революции.
Анри Мартен
Огюстен Тьери
Прескотт

Шлоссер — в переводе Чернышевского
«Россия и Европа» Н. Данилевского
Пыпина
Богдановича
Вильмен, Сен<т>-Бев, Тэпа критические этюды, Юлиана Шмидта, если переведен <с. 88 об.>

Не забыть:
Написать Соне и Елене Павловне
Заехать к Штакеншнейдерам
К Полонскому
К Эмилии Федоровне
К Победоносцеву
К Сазонович
Зайти в Мировую контору
К Побед<оносцеву>
Посмотреть на детские книжки
«Правительствен<ный> вестник»
Березину
В Главное управление по делам печати

С 18-го на 19 июля видел сон, Аня, второй муж, заговор мой с нею. Кошмар. <с. 90>
Как Над<еи>ну? Сколько для Москвы и проч.
Рассылка знакомым <с. 94 об.>

‹1876—1877›

Ноябрь

К Маслянникову
Сергей Никитич Колонтарев ‹с. 1›

Текущее 1-е ноября — Коле — Корнилова — *Фукс*
У нотариуса с Соковнин‹ым›
2 ноября — Быков
Ответ анониму
Ответ Россеку ‹с. 2›

Текущее — перечесть в книге написанное (о дуэли, например). Потом письма и проч.

Memento. Заехать к князю Голицыну ‹с. 3›
Ратынскому «Зап‹иски› из Мер‹твого› дома» ‹с. 62›

Счет припадков

за 1873 г.

20 апреля	3-го и 19-го ноября
4 июня	27 декабря
1 августа	

1874

28 января	15 июля
16 апреля	8 октября
13 мая	18 октября
27 июня	28 декабря

1875

4 января	8 апреля
19 января	4 июля

Припадки

1875 год, *29 сентября*, из сильных (но не из самых), в ночь, под утро, в 6-м часу пополуночи, *после 3-месячного перерыва.* Полнолуние. Тугость. Легкая г‹еморроидальна›я кровь. Очень сильные приливы к голове. Раздражительность.

Октября 13. Утром во сне в 7 часов, не так сильный.

1876 г. Января 26. Понедельник утром, во сне, в 7 часов, из довольно сильных. 1-я четверть луны.

Апреля 30, в пятницу утром, во сне, в 7-м часу, из довольно сильных. Прилив крови к голове. Грусть и ипохондрия. Последняя ¼ луны. Перед тем сильно расстроил нервы длинной работой и многим другим.

Мая 7-го, в 9 часов утра, довольно сильный, но слабее предыдущего. Очень долго не приходил в сознание. Мало выдавленных

пятен. Не столько поражена голова, сколько спина и ноги. За два дня было дело.

Мая 14-го. Утром, во сне, в 7-м часу. Довольно сильный. Мало выдавилось крови, болят больше ноги ‹с. 272›, отчасти и поясница. Болит и голова. За 1 $^1/_2$ дня было дело. Сильная раздражительность.

Июня 6-го, из средних, утром, во сне, болела поясница.

Июня 13-го. Утром, в 9-м часу, во сне, из средних, болит голова. Накануне геморрой. NB. Небывалое еще учащение припадков.

Августа 11-го, утром, в Знаменской гостинице, после дороги по приезде из Эмса, из средних.

Августа 19, утром, из средних, сильно разбил члены.

Октября 10-го, утром, в 10-м часу, во сне, довольно сильный. Раздражительность. День ясный и морозный. 1-й день холодный.

15 ноября, в 10 час. утром, во сне. День ясный и мороз. Очень усталое состояние. Очень туго соображение. Из довольно сильных.

1 февраля, во сне, в 10-м часу утра. День ясный, и *начался* мороз. Очень усталое состояние. Фантастичность, неясность, неправильные впечатления, разбиты ноги и руки. Из довольно сильных. В ту же ночь было дело.

19 февраля припадок довольно значительный.

26 февраля припадок довольно значительный.

17 марта припадок из значительных. Сильная перемена погоды. Начало ущерба луны. ‹с. 273›

16 апреля письма и перечитать статью Авсеенко. ‹с. 279›

Письмо к Ане.

Воскресенье 18/30 июля

Трава Vanthium spinosum от водобоязни ‹с. 280›

Елисей Георгиевич Ливченко ‹с. 281›

‹1877›

АРКАДИЙ ИГНАТЬЕВИЧ ТРУХАНОВ.

52 года, титул‹ярный› советн‹ик›, служил в Астрахани, в Приказе обществ‹енного› призрения секретарем, письмоводитель в женской гимназии — 50 руб. в месяц жалов‹анья› получал. Имеет аттестат, в 1877 году в июле месяце оставил место. Дочь в Консерватории в Петерб‹урге›, при дочери была мать, сын в Институте инженеров путей сообщения и проч.

‹1878›

Прочесть
Иванова
Сергеевича
И т. д.
Энгельгардта из деревни,

Сделать дела:
у Гаевского
у Засецкой (фабрика и *приют*)
у Сниткиных. Вольф <?> и Шейну <?>
Пересмотреть платье
Быть у Кошлакова. Покупка сапогов, пружин, белья и проч
Капот.
Histoire de la Révolution <française> Carlyl<e> Тен
Песталоцци и проч. у «Иногородн<их>»
У Корниловой
Насчет отбора книг
Вопрос о деньгах (решить радикально)
Очки (Мильк <?>) *Юнге*
Быть у Анны Васильевны (и даже скорее)
Купить сапоги
Купить табак

Текущее
Письмо к Радецкому
К студентам
К Савельеву
К Засецкой и проч. (Труханов)
M<ada>me Серовой письмо
Стрюцкому
Стукаличу. Самоубийце. (Рукопись.)
И еще рукопись
Михайлову

Письма
Ливчаку
Поэту-пролетарию
Маньяку писательство
Стукаличу
Стрюцкому
Еще автору рукописи
Писаревой. Михайлову (непременно) <с. 1>

<1880>

Pro Memoria [1]

Заехать перед отъездом
К гр. Толстой
К Победоносцеву
К Черняеву
К Майкову

---

[1] Для памяти (*лат.*).

К Кирееву (NB. узнать адрес)
К Гаевскому
К А. Ф. Кони (?)
К Анне Васильевне
К Вагнеру
К Штакеншнейдер
К Страхову
К Буренину
К Суворину (?)
К Григоровичу
К Философовой
К M-me Энгельгардт
Констан<т>
Засецкая

Субб<ота> вечер
Штакеншнейдер, теперь Засецкая[1]

Воскре<сенье>
Черняев
Киреев
Майков
Страхов
Буренин
Субб<ота>
Ан<на> В<асильев>на, Вагнер, Констант, Порецкий

Написать письма
  Юрьеву
  Даме
  К Новиковой (?)
  Стукаличу
  Пуцыковичу

Что делать
  вощить комнаты
  убирать постель
  расставить ок<ончательно?> мебель
  Платье в картонках.

<1881>

<1>

Текущее

Отвечать Аничковой
Отвечать на вопрос о Фаусте <с. 1>

---

[1] *Над фамилией:* Засецкая — *еще раз вписано:* теперь

Припадки 79—80 гг.

10 октября/78 г.
28 апреля/79 г.
13 сентября/79 г.
9 февраля/80 г.
14 марта/80 г.

7 сентября/80 г. Из довольно сильных, утром, без четверти 9 часов. Порванность мыслей, переселение в другие годы, мечтательность, задумчивость, виновность, вывихнул в спине косточку или повредил мускул.

6-го ноября 80 г. утром в 7 часов, в первом сне, из средних, но болезненно‹е› состояние очень трудно переносилось и продолжалось почти неделю. Чем дальше — тем слабее становится организм к перенесению припадков, и тем сильнее их действие. NB. С 6-го сентября очень скоро началась оттепель, продолжавшаяся очень долго, почти две недели, после слишком ранней зимы. Предпоследний же припадок 8-го сентября соответствовал тоже крутой перемене погоды, после долгого и мягкого лета, на холод и дождь ‹с. 182›

‹2›

Гейден
Маг‹азин› иногор‹одних›
Озмидов
Юнге

АЛЬБОМНЫЕ ЗАПИСИ

‹В АЛЬБОМ Ф. Г. ЗАГУЛЯЕВОЙ›

По-французски не умею
А по-русски напишу и т. д.

(Из общего собрания сочинений
прежних поручиков)

Опять я с тем же вопросом: что мне написать вам в альбом? Хвалить вас? — не сумею. Написать, что желаю всего лучшего; но вы это и без того знаете. К тому же одно из желаний моих, — прожить 180 лет, — вы уже с негодованием отвергли. Есть, правда, одно желание, которое можно пожелать, не боясь ошибиться и не угодить. Его-то я и вписываю: не старейтесь никогда сердцем и не теряйте (чтоб ни случилось в жизни) ясного взгляда на жизнь. Да здравствует вечная молодость! Верьте, что она настолько же зависит от власти времени и жизни, насколько и от нашей.

Да кстати уж не забудьте и вашего величайшего доброжелателя

Федора Достоевского

28 октября ‹18›60 г.

‹В АЛЬБОМ О. А. КОЗЛОВОЙ›

Посмотрел ваш альбом и позавидовал. Сколько друзей ваших вписали в эту роскошную памятную книжку свои имена! Сколько живых мгновений пережитой жизни напоминают эти листы! Я сохраняю несколько фотографий людей, которых наиболее любил в жизни, — и что же? я никогда не смотрю на эти изображенья: для меня, почему-то, — воспоминание равносильно страданию, и даже чем счастливее воспоминаемое мгновение, тем более от него и мучения. В то же время, несмотря на все утраты, я люблю жизнь горячо; люблю жизнь для жизни, и, серьезно, всё чаще собираюсь *начать* мою жизнь. Мне скоро пятьдесят лет, а я всё еще никак не могу распознать: оканчиваю ли я мою жизнь или только лишь ее начинаю. Вот главная черта моего характера; может быть, и деятельности.

Федор Достоевский

31 января ‹18›73.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ, ПРОДИКТОВАННЫЕ ПИСАТЕЛЕМ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Федор Михайлович Достоевский, русский писатель, родился в 1821 году в Москве. Отец его был дворянин, помещик и доктор медицины.

Воспитывался до 16 лет в Москве. На семнадцатом году выдержал в Петербурге экзамен в Главном инженерном училище. В 1842-м году окончил военно-инженерный курс и вышел из училища инженер-подпоручиком. Был оставлен на службе в Петербурге, но другие цели и стремления влекли его к себе неотразимо. Он особенно стал заниматься литературой, философией и историей.

В 1844 году вышел в отставку и тогда же написал свою первую довольно большую повесть «Бедные люди». Эта повесть разом создала ему положение в литературе, встречена была критикой и лучшим русским обществом чрезвычайно благосклонно. Это был успех в полном смысле слова редкий. Но наступившее затем постоянное нездоровье несколько лет сряду вредило его литературным занятиям.

Весною 1849 года он был арестован вместе со многими другими за участие в политическом заговоре против правительства, имевшем социалистический оттенок. Был предан следствию и высочайше назначенному военному суду. После восьмимесячного содержания в Петропавловской крепости был приговорен к смертной казни расстрелянием. Но приговор исполнен не был: было прочитано смягчение приговора и Достоевский был, по лишении прав состояния, чинов и дворянства, сослан в Сибирь в каторжную работу на четыре года, с зачислением по окончании срока каторги в рядовые солдаты. Приговор этот над Достоевским был, по форме своей, первым еще случаем в России, ибо всякий приговоренный в России в каторгу теряет гражданские права свои навеки, хотя бы и окончил свой срок каторги. Достоевскому же назначалось, по отбытии срока каторги, поступить в солдаты, — то есть возвращались опять права гражданина. Впоследствии подобные помилования случались не раз, но тогда это был пер-

вый случай и произошел по воле покойного императора Николая I, пожалевшего в Достоевском его молодость и талант.

В Сибири Достоевский отбыл свой четырехлетний срок каторжных работ, в крепости Омске; и затем в 1854 году был отправлен из каторги рядовым солдатом в Сибирский линейный батальон № 7 в г. Семипалатинск, где через год был произведен в унтер-офицеры, а в 1856 году, со вступлением на престол ныне царствующего императора Александра II — в офицеры. В 1859 году, будучи в падучей болезни, нажитой еще в каторге, был уволен в отставку и возвращен в Россию, сначала в г. Тверь, а затем в Петербург. Здесь Достоевский начал вновь заниматься литературой.

В 1861 году старший брат его, Михаил Михайлович Достоевский, начал издавать ежемесячный большой литературный журнал («Revue») — «Время». В издании журнала принял участие и Ф. М. Достоевский, напечатавший в нем свой роман «Униженные и оскорбленные», сочувственно принятый публикой. Но в следующие два года он начал и кончил «Записки из Мертвого дома», в которых под вымышленными именами рассказал свою жизнь в каторге и описал своих прежних товарищей-каторжных. Эта книга была прочитана всей Россией и до сих пор ценится высоко, хотя порядки и обычаи, описанные в «Записках из Мертвого дома», давно уже изменились в России.

В 1866 году, по смерти своего брата и по прекращении издаваемого им журнала «Эпоха», Достоевский написал роман «Преступление и наказание», затем в 1868 г. — роман «Идиот» и в 1870 году роман «Бесы». Эти три романа были высоко оценены публикой, хотя Достоевский, может быть, слишком жестоко отнесся в них к современному русскому обществу.

В 1876 Достоевский стал издавать ежемесячный журнал под оригинальною формою своего «Дневника», писанного единственно им одним без сотрудников. Это издание выходило в 1876 и 1877 гг. в количестве 8000 экземпляров. Оно имело успех. Вообще Достоевский любим русскою публикою. Он заслужил даже от литературных противников своих отзыв высоко честного и искреннего писателя. По убеждениям своим он открытый славянофил; прежние же социалистические убеждения его весьма сильно изменились.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПРЕДЫДУЩИМ ТОМАМ

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ

(Том XV, стр. 216—254)

Черновые наброски ко второй части (книги четвертая и пятая)

<1>

— Я сама хочу спать — того нужнее.
— Зачем писем не распечатываете.

Ив<ан> Фед<орови>ч. Вот мое мнение о христианстве.
Алеша. И ты тоже.

Ложесна разверз.

Очень не буду тужить
Не хочу ни за что тужить,

<2>

Души проклинающие бога
Портрет вековечный
Tu es un riche [1]

<3>

Необыкновенное свойство не хотеть ждать.

Он тоже с низкими целями приходил. О[2] они, все они таковы, все до единого.

А коль никакого обмана не будет, то и еще 40 т<ысяч> донесу

[1] Ты богач (*франц.*).
[2] *Далее было:* все

‹1. ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ЭПОХА»›[1]

(Том XX)

Но несмотря на все[2] усилия, употребленные нами[3] в продолжение шести остальных месяцев 1864 года, подписка на 1865 год не осуществилась и предприятие наше упало. Подписчиков на 1865 год оказалось[4] всего 1300[5] вместо прежних 4300[6] на сумму[7] 17 т‹ыс›. руб. Тогда как издание такого журнала как «Эпоха»[8] требует по крайней мере 42 000-ной в год затраты, то есть по крайней мере 3000 подписчиков (что ясно можно усмотреть из оценки любого из № журнала «Эпоха» за 1864 год и из приходо-расходных книг покойного издателя[9] за прежние годы издания). Такое совершенно неожиданное и доселе беспримерное в русской журналистике уменьшение подписчиков зараз на 3/4 всего числа, конечно, заключало в себе и особые тому причины. Причины[10] эти большею частию были таковы, что совершенно не могли быть нами предвидены зараpе.[11] Мало того, чувствуя, что мы вели наше дело с полнейшею добросовестностию и аккуратностию и не щадили никаких усилий и затрат, — мы имели право надеяться[12] не на падение, а, напротив, на полный успех предприятия нашего. Книги журнала, ежемесячно выдаваемые нами, заключали в себе до 35 печатных листов в каждой, что было более обещанного публике по объявлению. Статьи, печатанные[13] нами, были большею частию оригинальных русских авторов; переводных[14] же было чрезвычайно мало, а это гораздо дороже обходится издателям, по увеличенной плате авторам за статьи. Таким образом, публика с этой стороны могла видеть и заметить, что журнал не ослабевает, а, напротив, усиливается под нашей редакцией. То же можем сказать и об литературном достоинстве выпущенных нами книг.[15] В продолжение шести месяцев за 1864 год и двух месяцев 65 года мы напечатали несколько замечательных статей замечательнейших и лучших наших литературных деятелей. Не-

---

[1] *Начало автографа не сохранилось. Далее следуют зачеркнутые слова:* Таким образом мы и решились наконец окончательно приступить к делу.

[2] *Далее было вписано:* наши

[3] *Далее было начато:* при

[4] *Вместо:* на 1865 год оказалось — *было:* было

[5] *Далее было:* человек; сбор с них

[6] *Далее было:* было у журнала

[7] *Далее было вписано:* всего

[8] *Вместо:* как «Эпоха» — *было:* в объеме и в характере журнала «Эпоха».

[9] *Далее было:* «Эпохи»

[10] *Далее было:* же

[11] *Далее было:* в то время, когда мы [принимались за] решились принять на себя продолжение издания журнала, то есть сейчас после смерти покойного Ми‹хаила›

[12] *Вместо:* имели право надеяться — *было:* надеялись

[13] *Вместо:* печатанные — *было начато:* напол‹нявшие›

[14] *Вместо:* переводных — *было начато:* а на пер‹еводные›

[15] *Вместо* выпущенных нами книг — *было:* выпущенных книг наших

которые из этих статей были оценены[1] по достоинству даже во враждебных и соперничествующих с нами изданиях в появившихся в то время критиках. Некоторые из новых писателей, выведенных собственно нашим журналом в свет, по прекращении нашего журнала были тотчас же приглашены участвовать в других известнейших журналах как постоянные сотрудники. Все постоянные сотрудники наши, печатавшие свои статьи единственно и исключительно у нас, печатают в настоящее время свои сочинения во всех наиболее распространенных русских журналах, а иные из них еще недавно успели особенно обратить на себя внимание публики. Всё это можно проследить явно по книгам, изданным нами, и указать поименно. Таким образом, большинство публики и подписчиков наших никак не могло жаловаться на упадок внутреннего достоинства журнала, тем более что она сама видела, что главные руководители его были все прежние сотрудники журнала. А если б даже и могли жаловаться, то все-таки не оставили бы журнал так решительно и разом, на 3/4 подписчиков, а отставали бы каждый год постепенно. Ибо так бывало до сих пор по сорокалетнему опыту в нашей журналистике; переход[2] же с 4300 подписчиков на 1200 подписчиков был неслыхан, немыслим и во всяком случае никак непредвидим. Тут должны были заключаться особые причины; причины эти, теперь нам отчасти разъяснившиеся, уж конечно не могли быть нами сначала предвидены.

Главнейшая[3] причина, как уже и объяснялось, без сомн<ения> заключалась в смерти редактора и основателя журнала, и конечно мы могли заранее предвидеть, что в подписчиках журнала[4] должно было необходимо произойти колебание и недоверие публики к усилиям наследовавших ему издателей.[5] Но это начинавшееся к нам недоверие сопровождалось такими обстоятельствами, которые никак не могли быть нами угаданы первоначально и никак не могли входить в наш расчет.[6] Во-первых, тотчас же, с самого начала, распространился слух в литературе и в публике, что журнал наш издается единственно для додачи подписчикам восьми номеров,[7] недоданных за 1864 год, в будущем же году, то есть в 1865 году, издание его прекратится и выходить он более не будет. Этот слух, по свидетельствам многих, поддерживался в публике упорно, несмотря на все наши печатные заявления и на самое объявление о подписке на будущий 1865-й год. Кроме того, мы очень хорошо понимали в самом начале, что малейшие ошибки, недосмотры и недостатки журнала под нашей редакцией

---

[1] *Вместо:* Некоторые ∾ оценены — *было:* Мало того: за этот короткий срок нам

[2] *Было:* ибо переход

[3] *Было:* Конечно, главнейшая

[4] *Вместо:* в подписчиках журнала — *было:* в публике

[5] *Далее было:* Но мы именно надеялись победить это недоверие нашими усилиями и нашей аккуратностию.

[6] *Далее было начато:* победить недоверие публики нам у<далось?>

[7] *Далее было вписано:* журнала

тотчас же произведут к нам усиленную недоверчивость в публике и осуждение в журналистике,[1] которая очень была бы рада уничтожению нашего журнала, зная, что подписчики наши перейдут к их изданиям. Так, например, первая книга, выданная нами по смерти редактора, была недобросовестно объявлена печатно другими изданиями и рецензиями слишком тонкою, тогда как в ней было до 30 печатных листов. Это тотчас же заставило нас увеличивать даже сверх меры, не жалея издержек, число печатных листов следующих книжек, ибо ни малейшая ошибка не была бы нам прощена, что конечно нам стоило очень дорого. Но несмотря и на эти усил‹ия›,[2] мы принуждены были сделать вследствие особых,[3] и совершенно не от нас зависевших обстоятельств одну чрезвычайную важную ошибку, и она-то и была одною из главнейших причин усилившегося недоверия публики к изданию нашему и к падению журнала.[4] Ошибка[5] эта состояла в видимом опаздывании книг журнала, чему конечно публика не могла знать настоящих причин. Приписав их нашему нерадению и колебанию журнала, она перестала[6] подписываться, а между тем мы не только были не виноваты, но даже употребили усилия, неслыханные до сих пор в журналистике, чтобы поправить дело, — что и можем теперь вполне доказать очевидными фактами. А именно:

Опаздывание книг журнала началось еще при покойном издателе. Пятая майская книга журнала явилась в свет 7-го июля 1864 года, за три дня до смерти издателя, следственно, мы приняли журнал, уже запоздавший выдачею книг на два месяца. Но и покойный издатель не был виноват в этом. Он предпринял ежемес‹ячный› журнал «Эпоху» в 1864 году вместо прежнего, издававшегося им с 61-го года журнала «Время», запрещенного в 1863 году в мае месяце по повелению правительства. Получить же разрешение правительства на издание в 1864-м году нового журнала «Эпоха» он при всех усилиях своих[7] мог не раньше февраля 1864 года. Первые два номера «Эпохи» в одной книге могли явиться в свет не ранее конца марта месяца того же года. Таким образом журнал опоздал в самом начале, и, несмотря на усилия покойного издателя, 5-й майский № его мог выйти, как уже было сказано выше, только 7-го июля. В таком виде достался нам журнал. Нет ничего пагубнее для журнала и досаднее для подписчиков, как подобные опаздывания. Они справедливо раз-

---

[1] *Над словами:* в журналистике — *вписано:* друг‹ими› ж‹урналистами›

[2] *Вместо:* Но несмотря ∾ усил‹ия› — *было:* Тем не менее журна‹листы?›

[3] *Далее было:* непредвидимых — *и помета:* NB

[4] *Рядом с текстом:* не жалея издержек ∾ журнала. — *вписано:* Но были некоторые обстоятельства, которые не могли пред‹видеть?›

[5] *Было:* Причина

[6] *Было:* оставила

[7] *Вместо:* Получить же ∾ своих — *было:* [Выхлопот‹ать›] Просить себе позволение правительства для основания взамен прежнего журнала «Время» нового журнала «Эпоха» он мог не рань‹ше›

дражают публику; но что публика еще может простить известному ей издателю, про которого она была уверена по многолетнему опыту,[1] что он хотя и опоздает, но все-таки верно додаст запоздавшие книги журнала, то уж конечно она не простила бы еще неизвестным ей по опыту издателям. Понимая это, мы именно в эту сторону решились обратить наши усилия. Но тотчас же после смерти издателя явились для нас новые и чрезвычайные задержки,[2] и мы никак не могли предполагать, чтоб они оказались столь значительными. Главная задержка была в позднем[3] разрешении правительства на нашу просьбу продолжать издание журнала. Одним словом, 6-й июньский номер журнала мог быть выдан нами только 27-го августа. Затем, хотя мы сами по себе уже и не опаздывали и издавали № журнала аккуратно, ежемесячно по номеру,[4] но все-таки мы не могли начать усиленный выпуск книг[5] журнала, чтоб догнать эти два месяца, раньше конца ноября 1864 года. Тут только мы могли познакомиться со всей канцелярской частию журнала, устроиться, привесть в порядок и перевести журнал в другую, более исправную типографию. Всё это потребовало хлопот, усилий, издержек и, главное, времени. Тогда только начали мы усиленный выпуск книг:[6] с конца ноября, когда вышел сентябрьский № журнала, до 12 февраля, когда вышел 1-й январский № «Эпохи» за 1865-й год, мы выдали в продолжение семидесяти пяти дней четыре номера журнала. Следственно, на каждый № журнала приходилось только по 18 дней, что неслыханно и до сих пор казалось почти невозможным,[7] тем более, что каждая книга заключала в себе до 35 печатных листов. Сделали мы это для того, чтоб публика увидела наше ревностное желание быть аккуратнее и исправиться и, кроме того, убедилась бы в силах и в устойчивости журнала.[8] Но, несмотря на все эти необыкновенные усилия, публика не могла оценить их, ибо сентябрьский № журнала дошел до иногородних подписчиков, по прежнему способу доставления почтамтом журналов в губернии, только в конце декабря, следующие номера усиленного выпуска — только в январе и феврале, а в это время уже повсеместно оканчивается подписка на журналы. Публика уже успевает сделать свой выбор и, видя[9] целый год колебанья в издании[10] «Эпохи», приписывала это смерти редактора и слабо-

[1] *Вместо:* была уверена ∾ опыту — *было:* знает на опыте
[2] *Далее было начато:* по крайн<ей>
[3] *Было:* запоздавшем
[4] *Далее было:* но для введения журнала
[5] *Далее было начато:* *а.* и не вред<я> *б.* для введения журнала в настоящие сроки
[6] *Далее было:* сентябрьский № «Эпохи» в<ышел>
[7] *Вместо:* и до сих пор ∾ невозможным — *было:* и почти казалось другим невозможным
[8] *Далее было:* ибо силы и средства журнала конечно весь <*не закончено*> *Текст:* Сделали мы ∾ в устойчивости журнала. — *вписан.*
[9] *Далее было:* нашу
[10] *Было:* в выходе

сти настоящих издателей; она рассудила подписаться на другие известные журналы, которые многолетним существованием[1] своим уже приобрели ее доверенность. Конечно, этих вынужденных подписчиков можно было привлечь и оставить за собой, но что удалось бы редактору, то невозможно было *‹не закончено›* Была еще и другая, весьма важная причина, по которой можно предположить, что подписчики «Эпохи» были недовольны журналом, но причина эта опять-таки не составляет нашей вины и тоже не могла быть нами достаточно[2] предвидима. А именно: *‹не закончено›*

Недовольство публики притом обозначилось ясно только в конце года, о чем можно осведомиться в конторе бывшего журнала А. Ф. Базунова. Но что еще могло быть и непременно было бы прощено покойному редактору, опытность и имя которого ручались публике за аккуратность и успех нового журнала, то опять-таки не было прощено нам, и мы пострадали за ошибку покойного редактора.[3]

‹2. ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ЭПОХА»›

(Том XX)

что же касается до права издания журнала, оставленного наследникам, то оно не представляло в себе[4] ни малейшей ценности;[5] ибо журнал «Эпоха» хотя и имел в 1864 ‹году› 4300 подписчиков, но так как он был журнал новый, как уже сказано выше,[6] в первый год своего существования и предпринят покойным его издателем взамен прежде издававшегося им в продолжение двух с половиной лет журнала «Время», запрещенного в 1863 году, то ровно 5/6 из всего числа (4300-ти) подписчиков состояла[7] из тех, которые[8] подписались не добровольно, а собственно потому, что издатель «Времени» не мог предложить им никакого другого расчета за недополученные ими 8 №-ов журнала «Время». Таким образом, эти подписчики имели право получить восемь

---

[1] *Было:* изданием

[2] *Было:* вполне

[3] *Вместо:* Недовольство публики ∾ редактора. — *было: а.* Была еще и другая причина, повредившая журналу, о которой необходимо упомянуть как об таком обстоятельстве, которое не в нашей власти было бы ни предвидеть, ни отвратить и которое, таким образом, можно считать как несчастьем, в свою очередь послужившим к погибели начатого нами предприятия *б.* Всё это хотя и было известно покойному редактору, но не было известно

[4] *Было:* собою

[5] *Далее было вписано:* журнал, по огромным лежавшим собственно на [нем] долгам и по особым обстоятельствам, сопровождавшим дело

[6] *Вместо:* как уже сказано выше — *было:* начатый

[7] *Было:* было

[8] *Далее было:* требовали с издателя журнала «Время» расчету за недосланные им, после запрещения журнала «Время», восемь книг журнала

книг журнала «Эпоха» взамен недоданных им 8 книг журнала «Время» даром и внесли деньги только за 4 книги на 4-й квартал журнала «Эпоха», которых не могли получить даром, то есть ровно по 6 руб. с подписчика вместо 14.50 коп. — то есть полной годовой цены журнала.[1] Новых же подписчиков, внесших[2] полную годовую цену журнала, было не более семисот. Следовательно, кроме того что журнал предпринят был в явный и огромный себе убыток покойным издателем[3] (ибо за 6 рубл. с подписчика нельзя издавать книг, которые стоят себе по 3500 каждая, как видно по приходо-расходным книгам журнала),[4] но даже и на подписчиков-то, внесших по 6 руб. и которых было 5/6 из всего 4300, — нельзя было еще твердо надеяться,[5] ибо подписчики эти были, как сказано выше, не охотные, а принужденные. Многие из них обижались также, что им не предложили расчета денежного, а заставляют непременно подписаться как бы насильно. Наконец, журнал, имеющий на себе обязанность додать восемь книг на сумму не менее 28 000 и сверх того имевший собственно на себе старого долгу до 6500 руб., собственно лежавшего на журнале, и которого никак нельзя было не уплатить, приняв на себя продолжение журнала, не мог представлять в себе никакой ценности для наследников покойного. Никто бы из литераторов, в теперешнее время, когда всякий может получить[6] от правительства право на издание журна́ла, не захотел бы взять журнал «Эпоха»[7] ни в аренду, ни купить у наследников это право; ибо с правом издания «Эпохи» приходилось бы принять на себя и 35 000 собственно журнального долгу. Даже напротив, если б наследники[8] покойного, для сохранения его чести, предложили бы кому-нибудь из литераторов взять себе журнал, с тем чтоб заплатить журнальный долг и додать подписчикам восемь книг журнала за 1864 год, то наверно литератор, который бы захотел взяться за это, потребовал бы с наследников весьма значительную добавочную сумму — как и бывало уже на опыте с другими издателями.[9]

---

[1] *Далее было начато:* таким ‹образом›

[2] *Далее было:* эту

[3] *Далее вписано:* а сбору за весь 1864 год было всего только 220 т‹ыс›.

[4] *Далее было:* который, не имея денег, надеялся на свой многолетний и [многоразл‹ичный›] кредит и на полную подписку будущего года, с которой бы он мог начать погашать долги, которые необходимо предвиделись им в 1864 году

[5] *Далее было:* что они останутся при журнале и в будущем году

[6] *Было:* начать.

[7] *Вместо:* журнал «Эпоха» — *было:* его

[8] *Далее было:* чтоб удовлетворить подписчиков журнала

[9] *Далее было:* След‹овательно›, принятый на себя журнал представлял собою скорее убыток, чем какую-нибудь ценность. — *Далее на листе наброски, не связанные с данным текстом: 1.* многочисленные и [может быть весьма] даже достаточно точные [и верные] основания. А именно: *2.* для постороннего издателя была бы новость и риск, а для нас нет.

ПРИПИСЫВАЕМОЕ ДОСТОЕВСКОМУ (DUBIA)

ПИСЬМО ПОСТОРОННЕГО КРИТИКА В РЕДАКЦИЮ НАШЕГО ЖУРНАЛА ПО ПОВОДУ КНИГ Г-НА ПАНАЕВА И «НОВОГО ПОЭТА»

(Ответ «Отечественным запискам» на статью их «Литература скандалов»)

«Оставляя в стороне всякие личности, обходя молчанием всё посредственное, если оно не вредно, „Время“ будет следить за всеми сколько-нибудь важными явлениями литературы, останавливать внимание на резко выдающихся фактах как положительных, так и отрицательных, и без всякой уклончивости обличать бездарность, злонамеренность, ложные увлечения, неуместную гордость и литературный аристократизм — где бы они ни являлись. Явления жизни, ходячие мнения, установившиеся принципы, сделавшиеся от общего и слишком частого употребления кстати и некстати какими-то опошлившимися, странными и досадными афоризмами, точно так же подлежат критике, как и вновь вышедшая книга или журнальная статья».

(*Из вашего объявления*)

Милостивый государь,

В литературе я человек совершенно посторонний. Я не знаком ни с одним редактором, ни с одним литератором, ниже публицистом, и хоть мне уже немало лет, но я даже и в глаза не видывал ни одной из этих особ. Мне дела нет ни до их наружности, ни до их положения в свете: я люблю или не люблю их, хвалю или браню их только на основании их сочинений или их журналов. А читаю их я очень прилежно, потому что в моем уединении мне и делать больше нечего. Ни с кем из них я никогда не был в переписке, и если теперь решаюсь изменить, не скажу этому правилу, а просто факту, — то потому что чувствую в этом потребность. К тому же я прочел вашу программу, в которой вы с такой похвальной, а вместе с тем и странной самоуверенностию говорите о вашем беспристрастии. Извините меня, милостивый

государь, если в этом я позволю себе усомниться. Я не знаю ваших лет, но знаю мои года и думаю, что как бы ни зарекался человек быть беспристрастным, а все-таки не выдержит. Живой человек.

Я же в деле литературы, повторяю, человек совершенно посторонний. Личности для меня не существуют. Пушкин был для меня всегда только книгой. Андрей Александрович Краевский не более как журналом. Г-н Катков (имени и отчества не имею чести знать) тоже. Я пережил двенадцатый год, столь славный в наших летописях, и переживаю теперь превращение г-жи Евгении Тур в еженедельную газету. Я пережил славянофилов и западников, время их процветания и постепенного обессиления, и переживаю теперь основание новых журналов, которые с тем и основываются, чтоб помирить врагов, давно уже переставших ссориться. Я пережил натуральную школу, это законное чадо западников, и переживаю теперь появление полного собрания сочинений г-на Ив. Панаева.

Я столько пережил, что уже сам хорошенько не знаю, что и кого я теперь переживаю. «Отечественные записки» в своей октябрьской *книжке* уверяют меня, что я переживаю литературу скандалов.

Обвинение во всех скандалах, даже в зарождении, в основании всей литературы скандалов обрушивается теперь на голову одного г-на Панаева. Обвинение нешуточное и вовсе не такого рода, чтоб можно было перенести его хладнокровно. А впрочем, может быть, г-н Панаев переносит его очень хладнокровно. И в самом деле, что ж тут очень-то горячиться? Правда, обвинение это взывает к общественному мнению и исходит из двух самых степенных, самых, по-видимому, осмотрительных органов нашей журналистики. Шуму по поводу скандалов наделано много.

Когда я прочел диатрибу «Отечественных записок», мне показалось, что вся наша современная литература, начиная с г-на Гончарова и кончая Марко Вовчком, есть не что иное, как огромный скандал. У меня есть сосед по имению, человек добрый, но очень невзлюбивший русской литературы с тех пор, как поднят был один известный вопрос, — так он теперь всё носится с «Отечественными записками» и всем тычет пальцем, смотрите, дескать, полюбуйтесь, вот она литература-то скандалов. Я б ее еще не так отделал!

И если подумаешь, что весь этот шум, все эти обвинения происходят оттого только, что в фельетонных отделах некоторых журналов задеты две-три личности, уже чересчур зарисовавшиеся перед общественным мнением, личности, которые уже чересчур затолклись у нас перед глазами, так что зарябило у нас до слез, как иногда рябит, когда долго засмотришься на облако *толкуш*,*

* Из всех толкуш самая скучная есть без сомнения литературная толкуша. Что бы г-ну Панаеву в пандан к своей прекрасной повести «Литературная тля» описать литературную толкушу.

снующих перед вами в тихий летний вечер; так вот, если подумаешь только об этом, то невольно скажешь, что молода еще наша литература, если такие пожилые и почтенные журналы так неловко проговариваются. Впрочем и то сказать, в известные лета начинаешь делать престранные вещи.

Нет ничего нелепее и вместе смешнее этих криков о скандалах, особенно если взять в соображение, что их испускают «Отеч‹ественные› зап‹иски›» и «Библиотека для чтения». Я не говорю уже о «Петербургских ведомостях»; для нас давно не тайна, что эта газета состоит по особым поручениям и на посылках у «Отечественных записок». Осенние походы ее перешли ей по наследству от прежней «Северной пчелы» и давно уже перестали удивлять даже нас, провинциалов. Впрочем, эта газета до того уже упала в общественном мнении, что на нее даже никто не отвечает. Какие нападки она ни делает на «Современник» или на «Русский вестник», эти журналы даже и не оборачиваются посмотреть, откуда на них сие? Мало, видно, делать разные улучшения, заводить разных корреспондентов (впрочем, надо отдать им справедливость, скучноватых) единственно потому, что другая газета в самом деле улучшается и грозит опасной конкуренцией. Всё это внешние улучшения, и газета по-прежнему будет падать, если не начнет издаваться на прямых, безукоризненных основаниях. Но как могли так переполошиться «Отечественные записки», которые постоянно ратовали за гласность и за свободу мнений. Так-то вот и всегда у нас. Иной господин целую жизнь свою кричит о гласности, приобретает себе этим ранг литературного генерала; начинает смотреть такой важной особой, а чуть крошечку кольнут его, начинает кричать караул, скандал на всю русскую литературу. По моему мнению, у нас скандал скорее можно встретить в так называемой серьезной статье, чем в стишках и фельетонах. И в самом деле весь скандал, о котором раскричались почтенные журналы, сходится на два — на три стихотворения да на два-три фельетона.

Если эти стишки и статейки — скандал, то прямо утверждаю, что есть другие скандалы, гораздо более серьезные. Разве не скандал, например, эта тревожная и, теперь можно сказать утвердительно, нескончаемая переписка г-на Каткова с г-жою Евгениею Тур? Можно ли так зарисоваться перед общественным мнением и смотреть на свои домашние дела, на свою домашнюю стирку, как на дело великой важности, как на какое-то чуть не государственное дело, в котором каждый из читателей непременно обязан принять участие? Разве не скандал в своем роде статья г-на Дудышкина о Пушкине, статья, которая сама себя испугалась и поспешила умолкнуть? Разве не скандал некоторые статьи г-на Бова в «Современнике»? Разве не скандал само объявление об издании «Отеч‹ественных› зап‹исок›» в будущем году? Утверждать, что после Белинского началась только серьезная критика и оценка наших писателей, между тем как вся-то эта критика

вплоть до 54 года занималась весьма важными спорами о том, в каком году родился такой-то писатель и в каком месяце получил он такую-то награду, — утверждать это, по-моему, скандал. Разве не скандал говорить о своей собственной драме как о счастливом приобретении для журнала? Нам *посчастливилось*, говорит г-н Писемский в своем объявлении, да еще подписывается под ним, — посчастливилось совокупить три лучшие произведения русской литературы за 60-й год, и в том числе называет свою драму. А ученые скандалы «Современника», а ваша серьезная авторитетность, с которою вы часто говорите о пустяках, а ваша лесть перед литературными авторитетами — разве это не скандал? Ведь бывали примеры, что иные рецензенты забегали к такому-то литературному генералу за тем, чтоб попросить у него позволения не совсем одобрительно отозваться о таком-то месте или о такой-то сцене его романа или повести. Может быть, вы не знаете таких рецензентов? А я даже видел карикатуру на этот случай. Да чего лучше? В «Отеч‹ественных› зап‹исках›» я однажды зараз прочел две критики на повесть «Накануне» г-на Тургенева. Одну, написанную, кажется, г-ном Басистовым, а другую, доставленную самим г-ном Тургеневым, а ему, вероятно, откуда-нибудь присланную. Первую я уже позабыл: в ней всё такие фимиамы были. . . Вторая написана была с достоинством. В ней прямо говорилось, что худо, что хорошо в повести г-на Тургенева. Что ж бы вы думали, милостивый государь? Везде, где критик порицал автора «Записок охотника», везде редакция поспешила заявить свое несогласие. Чего бы уж тут, кажется, лебезить редакции? Г-н Тургенев сам прислал эту критику в редакцию, сам захотел не скрыть от публики не совсем благосклонных отзывов остроумного критика — нет! и тут нужно подкурить. А всё надежда получить от знаменитого новеллиста. . . хоть что-нибудь, лишь бы только одно имя. И в самом деле в объявлении об издании «Отечественных записок» в числе разных имен стоит и имя г-на Тургенева. Не знаю, много ли пишут там господа А. и В., но положительно знаю, что в последние годы не встречал в них повестей г-на Тургенева, а между тем имя его с неутомимым упорством сохраняется в ежегодных объявлениях «Отечественных записок». Я уж думаю, милостивый государь, не участвует ли в них наш романист под каким-нибудь псевдонимом.

Мне приходит теперь на мысль, милостивый государь, что если когда-нибудь появится в печати, например, переписка покойного Белинского с его московскими друзьями, — что ж? и она будет скандалом в нашей литературе? Вы, может, скажете: пусть художник берет свои типы из действительности, но зачем же публиковать те лица, те факты, которые дали ему первую мысль и побудили его написать свое художественное произведение? Всё так, отвечаю я, но почему ж не опубликовать и лица, если они действительно достойны позора или посмеяния? Отчего не указать на них пальцем? Художественное произведение само по себе,

а гласность сама по себе; неужели ж вы пойдете против гласности? Ведь кричали же в первое время появления Гоголя, что его лица недействительны, что таких лиц не бывает в натуре. И сколько кричали-то! А если б рядом с художественным произведением была тогда и гласность, публика бы увидала, что прав Гоголь, а виноваты его обвинители. Вот в этом-то смысле я и говорю, что без гласности проиграет и художественное произведение. Неужели ж, повторяю, эта переписка будет тем родом литературы, «в котором играет главную роль *лицо,* а не идея, *факт,* а не творческое создание», как начинают «Отечественные записки» свое строгое слово? Ну, что ж, что тут лицо, а не идея? что тут факт, а не творческое создание? Никакая литература в мире не может обойтись без этого рода письменности, а тем более литература развивающаяся, богатеющая, вступающая в права свои. Творческое создание, нет спора, вещь прекрасная, я стою за то. Но если в литературе будет все шито да крыто, если до нас не будут доходить иногда вести о том, как бесчинствует сильный над слабым, к каким плутням прибегает такой-то откупщик и как грабит бедный люд такое-то лицо, поставленное правительством, чтоб оберегать людей, а не грабить; как иногда зарисовывается ослепленный счастием такой-то промышленник, — то от этого, право, потеряет и творческое создание. Ведь из *лиц* живых, снующих, богатых, бедных, честных и плутующих создает оно свои типы; ведь из суммы фактов, выживаемых народом, создает оно свои перипетии? Вы называете это литературою скандалов, а я называю это черновою работой, стеллажами, известью и глиной для чудных замков творческого создания.

Позвольте мне, милостивый государь, проследить по пунктам всю статью «Отеч‹ественных› зап‹исок›». Она замечательна во многих отношениях. Сверх того, надобно же наконец показать некоторым журналам, что в наше время трудно уже так морочить читающую публику, как морочили ее в тридцатых и сороковых годах. Она уже не та, она много выросла в последние годы, ее прибыло. Как ни скрыты ваши потаенные нитки, которыми вы двигаете ваши марионетки, она видит эти нитки и очень хорошо знает, к чему всё это клонится. Она не виновата, что вы остались те же и при тех же понятиях, мнениях и верованиях, что и в сороковых годах. Вольно ж вам было не замечать ее чудного роста. Она уже не прежний ребенок: она очень хорошо видит и ваши осенние походы, хоть вы прямо и не говорите, что, дескать, любезные читатели, не подписывайтесь на такой-то журнал; из прежней грубой формы вы уже выжили. Ф. В. Булгарин теперь уже невозможен. Видит публика и ваши журнальные вражды, поднимаемые будто бы из-за принципов науки или искусства, а на самом деле из очень личных целей. В *протоколе* общества пособия нуждающимся литераторам и ученым (4 октября), по поводу разных упреков обществу, было сказано: «...такие упреки, доводимые до общего сведения и остающиеся без ответа,

вредят целому обществу в мнении иногородних его членов и той части публики, *которая не посвящена в тайны петербургской журналистики и петербургских литературных отношений»*. Стало быть, действительно существуют тайны петербургской журналистики и петербургских литературных отношений. Отзыв общества я считаю в этом смысле почти официальным уведомлением.

Обращаюсь к статье «Отеч<ественных> зап<исок>». Эта статья, как вы уже знаете, написана по поводу сочинений г-на Панаева. Первая часть ее подписана каким-то непризнанным поэтом. Если «Отечественные записки» считают скандалом стишки в разных шуточных изданиях и фельетоны Нового поэта, то эта статейка тоже скандал. Она написана в таком тоне: Ах, Иван Иваныч, как вам не стыдно, Иван Иваныч; я от вас этого никак не ожидал, Иван Иваныч; я вас знал еще маленьким, Иван Иваныч! и т. д., и несмотря на это, я не назову этой пустенькой статейки скандалом. Она — статейка неловкая, неостроумная и даже дурного тона, но не скандал, точно так как не составляют скандала и мелкие стишки и фельетоны Нового поэта. Конечно, помещенная в серьезном отделе такого серьезного журнала, как «Отеч<ественные> зап<иски>», журнала, говорящего обо всем с нахмуренною бровью, эта статейка как-то невольно режет глаза, но пусть уж она не будет скандалом. Не всякая дурная шутка составляет литературный скандал. Привилегия или монополия скандалов остается за нашими серьезными журналами. Вот послесловие этой статейки, написанное по всем признакам человеком, очень близким к редакции, человеком, очевидно очень серьезным, близко подходит к скандалу.

«Этот-то род литературы, — так начинается это послесловие, — в котором играет главную роль лицо, а не идея, *факт*, а не творческое создание, получил у нас широкое применение и образовал целую литературу скандалов. Скандалы появились — мы уже теперь говорим не о г-не Панаеве и Новом поэте — в журналах толстых и тонких, на столбцах газет и еженедельных изданий».

Вы говорите не о г-не Панаеве и не о Новом поэте? — так о ком же? Уж не об обличительной ли литературе? В таком случае, в критике «Отеч<ественных> зап<исок>», которая с тех пор, как Белинский покинул этот журнал, сделалась одним из бесцветнейших его отделов, произойдет с будущего года значительная перемена. Она, стало быть, примкнет к «Библиотеке для чтения», и у нас вместо одного журнала искусства для искусства явится их два. Все-таки лучше иметь хоть одно не совсем верное направление, чем вовсе не иметь никакого. Но нет, не то, кажется, хотят сказать «Отеч<ественные> зап<иски>». Продолжаю делать выписки:

«Ему (то есть этому роду литературы, где лицо и т. д.) преданы душой и телом все бездарности, потому что он очень легок; на нем основывают свою репутацию вновь появляющиеся журналы и газеты, потому

что скандал заставляет говорить о себе и привлекает подписчиков; к нему прибегают люди, которые и не имели его сначала в виду, но в разгаре полемики не сумели сдержать себя. Городская сплетня, личная клевета *заступила место таланта*, и мы присутствуем при том безобразии литературных выходок, которое служит весьма прискорбным явлением настоящего времени».

Нет, тут очевидно не обличительная литература. Тут опять о стишках, и я, на которого, слава богу, не пишут еще ни стишков, ни эпиграмм и у которого потому кровь течет правильно и покойно, я никак не могу понять ни такого ожесточения, ни такого преувеличения. Прочтя вышеприведенные строки, право, подумаешь, что у нас не осталось уже ни одного таланта и все они пустились писать смехотворные стишки на почтенного редактора «Отеч‹ественных› зап‹исок›», потому что, заметьте, кто пишет подобные стишки, тот уж не талант. Подумаешь, что вся наша литература: и мужчины-писатели и дамы-писательницы и дети-писатели и псевдонимы и анонимы бросили писать романы, комедии и повести и стали выделывать только скандалы. Ну можно ли так волноваться из-за таких пустяков? Вся-то эта, по-вашему, *литература скандалов* сводится на несколько стихотворений, которые все наперечет. Надобно уж слишком сильно принять к сердцу несколько куплетов, чтоб из-за этого поднять такой гвалт. Мне, человеку постороннему и, главное, хладнокровному, хочется сказать почтенному редактору: милостивый государь, вы любите гласность, по крайней мере вы с самого основания своего прекрасного журнала взывали к ней, ждали и звали ее. И вот вдруг, с началом нынешнего благословенного царствования, расступились облака, заволакивавшие наше небо, и сквозь них весело проглянул голубой клочок его. Стало возможным осмеивать некоторые лица или всем надоевшие или злоупотребившие закон и власть, им предоставленную, или, наконец, такие, как, например, господин Козляинов, которые нет-нет да и отдуют немку. Вместе с куплетами на этих господ, вероятно по ошибке, написали несколько куплетов и на вас. Ну что ж что написали — велика важность! Неужели ж из того, что гласность раз ошиблась, — долой ее. Нет, милостивый государь, если вы любите гласность, извиняйте и уклонения ее. Вы конечно не оскорбитесь, если я поставлю лорда Пальмерстона на одну доску с вами — он человек почтенный во всех отношениях — что ж, он не обижается, когда его *продернут* иногда в двадцати или тридцати оппозиционных журналах, да осмеют в десятках шуточных, да обругают на чем свет стоит в сотнях иностранных — французских, немецких, американских. Поверьте, что после всего этого продергивания он кушает с своим обыкновенным аппетитом, и ночью, когда говорит в палате, голос его не дрожит и не взволнован нисколько. И никогда на ум ему не вспадет желать уничтожения гласности. И за кого вы стоите, за кого вы ратуете, милостивый государь? За господ Гусиных, Сорокиных, Козляиновых, Аскоченских, ко-

тому что если не считать вас, милостивый государь, вас, которого задели, может быть, по недоразумению, ведь куплеты писались только на подобные лица. Стало быть, всё, что вы писали о гласности, все ваши воззвания к ней, вся ваша жажда ее — всё это были слова, слова и слова? .. Стало быть, пусть пишут про других, мы будем молчать и посмеемся еще с приятелями над осмеянными лицами, только бы нас-то не трогали. Нет, милостивый государь, ваше поколение (я старик, совсем старик, у меня и ноги уж не ходят, и потому я не принадлежу к вашему поколению) и без того уж много играло словами. Может быть, историческая роль его была играть словами, но из этих слов растет теперь новое поколение, для которого слово и дело, может быть, будут синонимами и которое понимает гласность несколько шире, чем вы понимаете ее. Я согласен, что вам всё это крайне неприятно; я знаю из разных печатных статеек, что вас всюду выбирают на почетные места: вы член комитета Литературного фонда, вы даже казначей его, вы главный редактор Энциклопедического лексикона, вы, одним словом, — лицо, а не то что какая-нибудь персона; понимаю, еще раз понимаю, как вам всё это неприятно, но что ж делать? укрепитесь. Нельзя же вдруг вычеркнуть из жизни прежние либеральные годы, прежние верования. Такое уж видно время, слава богу, пришло, что и *лицом*-то нельзя быть без этих верований.

Вы тоже неправы, милостивый государь, и с точки зрения риторики и пиитики. Разверните Кошанского, и вы увидите, что эпиграмма, куплет и даже триолет (этот последний род забыт, к сожалению, с самого Карамзина) имеют в каждой литературе право гражданства. Лучшие эпиграммы писал Пушкин. Право, как пораздумаешь, милостивый государь, так и выйдет, что наше время не выдумало нового пороха. Наши куплетисты и сатирики должны сознаться, что и они повторяют зады, да и вы, милостивый государь, повторяете зады же. Как до них писались Пушкиным и другими нашими стихотворцами куплеты и эпиграммы, так и до вас Фаддей Венедиктович Булгарин тоже вот сильно восставал на этот род литературы, где «главную роль играет *лицо*, а не идея и т. д.», как вы выразились в своем журнале. Вы тоже неправы и там, где говорите, что этому роду «преданы душой и телом все бездарности, потому что он очень легок». Во-первых, он вовсе не легок: надо иметь особый талант, чтоб смешить, особый склад ума, чтоб написать нечто остроумное и грациозное в этом роде, а во-вторых, должно сознаться, что большая часть стишков, написанных в честь разных лиц, были грациозны и остроумны. Вы, конечно, по щекотливому положению своему не можете быть судьею в этом деле, а то непременно согласились бы со мною. Разумеется, из вежливости и приличия, говоря с вами, я не стану делать выписок, но вспомните для примера ваше будто бы свидание с господином Перейрой в «Искре», который, сказать кстати, так грубо и не-

прилично обошелся с редакциею «Санкт-Петербургских ведомостей», написав ей такое длинное, но тем не менее не совсем вежливое послание. Как угодно, а статейка «Искры» в высшей степени зла и остроумна, а в этом ведь и заключается всё качество эпиграммы. Позвольте мне припомнить одно стихотворение, очевидно написанное не па вас, хоть там и есть слово «редактор», — но мало ли редакторов в Петербурге и Москве. К тому же для очистки совести я нарочно посмотрел на ваш портрет в издании Мюнстера и увидал, что волосы ваши прямые и гладкие, а тут воспевается какой-то кудрявый редактор. Мне потому хочется привести здесь эти стишки, что они очень милы и грациозны, а главное, не обидны и не злы. Я говорю здесь о стихотворении:

Блуждает старец среброкудрый
Между тиролек и цыган;
Что ищет он, редактор мудрый,
Что потерял в кафе-шантан.

Поет и пляшет труппа Лендта,
Фохт чудным светом залил сад,
И точно радужная лента,
Камелий пышных вьется ряд.

Следующего куплета не помню, а справиться негде; но вот последний:

Пред ним волнуется и свищет
Неугомонная толпа,
А он, мятежный, Ицку ищет,
Чтоб говорить про откупа.

Как угодно, милостивый государь, а это премиленькая вещица в своем роде. Жаль, что я позабыл пропущенный куплет: в нем был пресмешной перевод французского слова café-chantant.

Вы сознаётесь также, милостивый государь, что все подобные вещи заставляют говорить о себе и привлекают подписчиков. Если вы говорите это, то вам можно поверить на слово, потому что из всех редакторов вы, конечно, наиопытнейший. Но ведь вот что выходит из этого: если они привлекают подписчиков, стало быть, публика их любит? Да, это факт, но отнюдь не грустный, и публику нельзя винить за это, как вы это делаете далее в статье своей. Буду продолжать выписки:

«Городская сплетня, личная клевета заступила место таланта, и мы присутствуем при том безобразии литературных выходок, которое служит весьма прискорбным явлением настоящего времени. *Забыто честное труженичество, нет и помину об идее и искусстве* — и паясничество назвало себя сатирой».

Это бесспорно очень красноречиво, но где же тут правда? Какая была у нас литература, такая и осталась. В последние годы, слава богу, никто из наших талантов не умер. Все они

налицо. Как писали прежде, так и теперь пишут. Новых талантов прибавилось немного, стало быть, и в этом отношении всё у нас по-старому. Кто же из них забыл честное труженичество, кто же из них забыл об идее и об искусстве? Вот вопросы, на которые трудно будет кому-нибудь ответить. Обвинять всю литературу в скандалах и паясничестве это, как хотите, немного странно.

«Нет надобности указывать на мелочи дрязгов, которые кишат. Не с этой целью мы и характеризуем их. Явление более прискорбно, нежели кажется с первого взгляда, и мы полагаем, что пораздумать о нем пора каждому, сколько-нибудь уважающему себя литератору».

Пораздумать, почему не пораздумать. Но вот в чем дело: литератор, пожалуй, и пораздумает, да и примет на свой счет всё, что вы тут наговорили. Ведь вы так всё обобщили, что, мне кажется, и я виноват в скандалах, что и я только и занят, что «дрязгами, которые кишат». Так зачем же кишат эти дрязги? Зачем подавать повод к этим дрязгам? Ведь вот тот редактор, о котором сложено вышеприведенное мною стихотворение, может тоже, как и вы, сказать, что это дрязги, и обвинить в этих дрязгах всю литературу. Прекрасно, но зачем же он подает повод к этим дрязгам? Зачем ему искать какого-то Ицку? Чтоб говорить про откупа? а зачем ему говорить про откупа? Если он редактор издания, претендующего на современность, так он должен бы говорить против откупов и чуждаться всяких Ицек. За Ицек-то над ним и смеются. А то он будет писать одно, а делать другое: тогда-то вот и выйдет настоящий скандал.

Но продолжаю:

«В чем искать его (этого явления) причину? Главная причина состоит в *разложении тех элементов нашей литературы, которыми она жила до сих пор.* Была она однообразна, сдержанна и твердо верила нескольким, весьма немногим и самым несложным принципам. Лишь только началось разложение, лишь только начали стареть те начала, которыми жила литература, — начались и насмешки над тем, что устарело».

И славу богу! О чем же тут жалеть? И прекрасно, что начались насмешки над тем, что устарело и что мешает. И прекрасно, что *те элементы нашей литературы, которыми она жила до сих пор, разложились*, хотя это простое понятие могло бы быть попроще выражено. Но так как мы все уже привыкли к ученому слогу «Отеч‹ественных› зап‹исок›», то понимаем его отлично. Не понимаю я только, о чем же тут жалеют «Отеч‹ественные› зап‹иски›» или в чем обвиняют они нашу литературу? Смеяться над тем, что устарело, отжило, но упрямо не сходит со сцены, упрямо копошится и хлопочет у всех перед глазами, — право, не предосудительно. Гораздо хуже было бы молчание или равнодушие. Когда смеются, значит, принимают участие, значит, что мысль о незаконности или несвоевременности того или другого

явления уже осмыслена общественным сознанием, значит, что общество уже оторвало от себя это устарелое явление, как вредный нарост, и смотрит на него, как на предмет посторонний. Если это явление насильно хочет навязывать себя обществу, надо бороться с ним, ну хоть насмешкой, если ей одной можно бороться. «Отеч‹ественные› зап‹иски›» должны бы знать, что орудия для борьбы нельзя выбирать по произволу. Употребляются те, какие употребить можно.

«Но эти насмешки (продолжают «Отечественные записки») все-таки ограничились бы насмешками над учениями, идеями, а не лицами, если б *литературное* общество жило у нас давно и выработало себе известные законы, без которых не может жить никакое общество. Этого-то и не было».

Действительно так; законов литературных *литературное* общество не выработало. Но вот что: английское и французское общество выработали себе на этот счет всевозможные законы — и такие, перед которыми преступившие их отвечают в суде, и такие, перед которыми оправдываются в общественном мнении, оправдываются перед установленными приличиями и, наконец, перед своей собственной совестию. А все-таки и там борьба шла не с одними учениями, но и с лицами. Вспомните, например, всё царствование Луи Филиппа и всё последующее время до восстановления Империи. Вспомните, как в каждом нумере какого-нибудь «Фигаро», «Шаривари» или «Journal pour rire» фигурировали в карикатурах портреты людей с европейскою известностию. Вспомните насмешки над Тьером, Гизо, главами социалистов, над Прудоном, Кабе, Пьером Леру. Это в шуточных журналах; в серьезных было то же: доказательство найдете во множестве литературных процессов того времени. В английской литературе чуть ли еще не сильнее всё это было, да и теперь есть. Да и вы сами, который так мудро проповедуете теперь умеренность (за настоящую умеренность, позвольте уверить вас, и я стою), вспомните ваши прежние распри с устарелыми учениями, вспомните ваши ответы Булгарину или Полевому. . ., ну, хоть по поводу значения Гоголя. Борясь с учениями, вы не щадили и лиц, и это уже не в шуточном отделе, которого у вас никогда и не было (похвально или не похвально это, не знаю), а в серьезном, в критике. Перелистывая старые беседы ваши с вашими прежними недругами, удивляешься возможности некоторых выражений в печати и невольно чувствуешь, что наше время сделало большой шаг вперед! Посмотрите, как всё прилично и чинно в наших современных критиках. Прежней брани и следов нет. Позволяются только намеки и то тонкие и, главное, почти всегда справедливые. Недавно г-н Чернышевский не употребил таких тонких намеков относительно г-на Погодина, и посмотрели бы вы, как даже у нас в захолустье тыкали на это пальцами. Воображаю, что было у вас в Петербурге и в какое негодование должны были прийти вы, милостивый государь. Воображаю потому, что сам был

сильно взволнован. Нет, что ни говорите, а у нас есть общественное мнение и так ругаться, как ругались печатно в тридцатых и сороковых годах, теперь уже невозможно. Произошло сильное смягчение в литературных нравах.

«Прошедшее представляло нам немного удачных приемов борьбы старого с новым: настоящее, захваченное врасплох серьезностию задачи, выказало скоро скромный запас своих сведений. Люди опытные и знающие старались удержаться в границах; люди, более отважные, нежели знающие, более молодые, нежели талантливые, *схватились за насмешку над наукою и литературою*, которые, как бы ни были ограничены своим объемом у нас, все-таки стоят недосягаемо выше тех насмешек, которыми их потчуют. Началось насмешками над *историей*, над *литературой*, над политическою экономией и публицистами Запада в то время, когда мы, по нашим познаниям, были пигмеи перед этими авторитетами, и кончилось свистом, без всяких рассуждений, над лицами, трудившимися над историей, литературой и политическими науками».

И здесь я вижу, милостивый государь, большие натяжки. Никто у нас, положительно никто не смеялся ни над литературой, ни над историей или вообще над наукой. Если и были насмешки, то не над наукой, а над каким-нибудь видом, над какой-нибудь формой науки. Не соглашаться с чем-нибудь, иметь свое мнение, даже будь оно и неосновательное, не грех; смеяться над каким-нибудь научным мнением еще не значит смеяться над самой наукой. Очень позволительно, например, посмеяться над тем, что варяги были литвины, а не норманы, или наоборот, смотря по тому, кто какого мнения придерживается: но это еще не значит, чтоб смеющиеся издевались над историей. Точно то же можно сказать и относительно лиц, проповедовающих различные теории в науке. Г-н де Молинари, г-н Костомаров, г-н Погодин, г-н Бабст, вы сами, милостивый государь, — люди общественные. В первый раз поставив имя свое под печатной статьею, они уже перестали быть людьми частными. Они выступили на всеобщий суд и осуждение. Оставьте же полную свободу суду и этому осуждению. Вы журналист — так вступайтесь за них, боритесь за них, если разделяете их воззрение, но не говорите, что противники ваши, смеясь над ними, порицая их, этим самым попирают науку. Наука стоит слишком высоко, чтоб можно было безнаказанно попирать ее. Попираются разные учения науки, а не самая наука. То же самое можно применить и к литературе. Неужели смеяться над стихами г-на Случевского (у которого, впрочем, может быть, и есть дарование, но еще не установившееся) значит смеяться над литературой.

Когда вы заговорили о свисте, я вспомнил одно стихотворение в «Современнике» или в его «Свистке». В памяти моей осталось только три или четыре стиха, и то без всякой связи с предыдущими:

...Ученый Бабст стихами Розенгейма
Там подкрепляет мнения свои...

далее не помню; или вот эти: там, в Москве, где

Как водопад бушует «Русский вестник»,
Где «Атеней» как ручеек журчал...

Бог знает, почему иногда удержится в памяти один какой-нибудь стих, да и то не всегда лучший, между тем как другие все улетучиваются. Это «почему» тоже, милостивый государь, вопрос, о котором Гейне, например, написал бы чудных две-три страницы. Что касается до меня, то я знаю только, что он их уже не напишет, и потому опять говорю, что ваш намек о свисте напомнил мне «Свисток», а потом и это стихотворение. Уж не на него ли вы так ополчились? Ну что ж, что г-н Бабст подкрепляет свои мнения стихами г-на Розенгейма. В этом ничего нет предосудительного. Пусть подкрепляет, хотя мне лично, милостивый государь, нравится более г-н Лилиеншвагер. У всякого свой вкус, и я уверен, что г-н Бабст, как человек очень умный, судя по его сочинениям, а главное, как человек весьма талантливый, только улыбнулся, прочитав о себе это двустишие. «Русский же вестник» должен был остаться очень доволен, что его сравнили с водопадом.

Но я чувствую, что говорю о пустяках. В этом виновата ваша же серьезная статья... по поводу разных пустяков, потому что в свисте, о котором вы так торжественно говорите и который вы очевидно приберегли к концу, как иной поэт приберегает к концу свой наилучший стих, чтоб поразить, ошеломить, убедить слушателя или читателя, — ровно ничего не было серьезного.

«Как только раздался свист — его могло остановить общество, могло и поощрить то же общество».

А зачем? позвольте спросить. Зачем останавливать? Пусть свищут. Они иногда очень смешно свищут. И то уж хорошо, что по крайней мере можно свистать. И без вас найдется много охотников прекращать, искоренять и очищать. Пусть себе свищут! Если свист будет кстати, общество, к которому вы взываете о приостановлении его, будет в выигрыше. Если же он окажется дурным, то, поверьте, он сам собою прекратится: само общество прекратит его. Покойный Булгарин свистал бывало каждую субботу и досвистался до того, что убил в общем мнении свою газету, хотя на нее и подписывались. Не понимаю, о чем вы хлопочете. Знаменитый «Свисток» едва ли уже не покончил своего существования. По крайней мере, редакция «Современника» в объявлении об издании своего журнала на 1861 год необыкновенно робко, и то в выноске и мелким шрифтом, упоминает о нем. А далеко ли то время, когда она с гордостию считала «Свисток» своим важнейшим отделом, употребляя на него лучшие свои силы. Пусть будет он и важнейший, но зачем вы-то придаете ему такое огромное значение. Вещи часто становятся

важными не потому, чтоб сами по себе были важны, а потому, что все считают их таковыми. Вы как будто боитесь, чтоб он вместе с другими нашими шуточными журналами не увлек нашей публики, не своротил с настоящего пути нашего общества. Пустые страхи. Публика уже не прежний ребенок, веривший когда-то всякому печатному слову. В последние двадцать лет она кое-что прочла и кое над чем крепко задумывалась. Пусть свищут, дайте полную свободу этому свисту; пусть публика прислушается к нему. Это будет полезно и для вас, писателей и журналистов. Вы подметите, чему она будет сочувствовать, от чего она будет с омерзением отвращаться. Для вас тут отличный случай узнать ее покороче. Ведь что ни говорите, а она еще сфинкс для вас, и вы ее почти не знаете. Вы взываете к обществу и говорите, что общество должно прекратить этот свист. Оно и прекратит его, если он часто будет сбиваться с тону и вместо смеха, то добродушного, то колкого, станет потчевать его площадною бранью и вовсе неостроумными ругательствами. Смеяться и заставлять других смеяться — дело вовсе нелегкое, милостивый государь. Чтоб смеяться, нужно сперва знать, над чем смеяться, потому что смеяться надо всем без разбору — значит ни над чем не смеяться. Вы говорите:

«Какое ж наше общество? Достаточно ли оно подготовлено для решения этого вопроса? Что если б подобный свист раздался, — не говорим в Германии и Англии — но даже в теперешней Франции, как бы взглянуло на свистунов долго живущее литературною жизнию общество? Там бы оно ответило *личной расправой, которая весьма действительна для лиц*, скрывающихся под псевдонимами; а потом и общим презрением покрыло бы людей, которые глумятся без цели, смеются над тем, что их же вскормило. Дело литературы есть дело общества, и потому *правительство на Западе, дав средства защитить личность, само ни во что не вмешивается*».

В этом деле, мне кажется, наше общество настолько же подготовлено, как и всякое другое, как французское, как английское. В последние прожитые нами с таким волнением годы мы видели в этих обществах столько неразумного смеха, столько диких вопиющих глумлений, что смело можно сказать: общество в этом отношении везде одинаково. Вся разница нашего общества от французского или английского (повторяю, только в этом отношении) заключается в том, что у нас почти нет партий, по крайней мере строго организованных, и наше общество, если и смеется иногда невпопад, то по крайней мере бескорыстно. Смеется, потому что смешно, а не потому что осмеянная личность принадлежит к враждебной какой-нибудь партии. Да и на Западе, милостивый государь, общество само по себе, а суд сам по себе. И там одно общество не доставит еще удовлетворения обиженному. Нужен еще для этого и суд. Вы, кажется, принимаете общество за какое-то единичное лицо, которое вдруг ни с того, ни с сего придет к обидчику, да и скажет ему: как вы смеете,

сударь, обижать такого-то? Вот я вас! Неодобрение, холодность общества в этом случае тоже неудовлетворительны. И там ведь не без медных лбов, которые не глядят ни на какое общественное мнение. Прибегать же *к личной расправе*, как вы намекаете, везде возможно: это зависит от воли. Этой личной расправой и объясняются все дуэли, о которых мы, к сожалению, так часто слышим. Французский фельетонист больше боится *историй*, чем общественного мнения. Посмеется ли он, и то больше ради острого словца, над каким-нибудь фантастическим офицером, ну хоть объевшимся за пирушкой, как на другой день десяток уже вовсе не фантастических офицеров, а какого-нибудь линейного полка с номером, явятся к нему, примут словцо его на свой счет, войдут в гонор и поставят его на барьер. Точь-в-точь титулярные советники у Гоголя. Вот потому-то о французской армии они говорят не иначе, как с напыщенной похвалою. Личная же расправа — самая печальная, самая смешная и самая неудовлетворительная из всех расправ и бывает не в одной Франции или Англии. Кто любит ее, тот может прибегать к ней везде. Наши будочники в прежние времена это хорошо знали, а извозчики и теперь любят этот способ замирения. Вот почему я никак не понимаю, какой логике следовали вы, милостивый государь, так торжественно объявив, что «там (то есть на Западе) общество ответило бы личной расправой, которая весьма действительна для лиц, скрывающихся под псевдонимами». Конечно, позволительно защитить себя в крайнем случае и крайними средствами, но только тогда, когда вас лишают чести, доброго имени, и лишают несправедливо, то есть прямо клевещут на вас, и когда, наконец, у вас в виду нет другого настоящего удовлетворения, кроме личного. Где ж нашли вы у нас, чтоб прямо, открыто на кого-нибудь клеветали? Если это и было, то клевета тотчас же бывала наказана. Если и было, то по крайней мере вовсе не относилось к литературе. Клевета есть подлость, и, поверьте, и наша литература не снесет ее, не позволит ее в своей среде. Если же лицо не оклеветано, если оно действительно виновато, отвратительно или смешно, то оно подвержено общему суду или насмешке с той самой минуты, когда оно делается общественным, то есть заявит себя фактом.

Не понимаю я тоже и вашего следующего вопроса:

«Таково ли наше общество? Потребовать от него того же, что мы вправе требовать от общества западного, давно осевшего в установленных границах, определившего себя, свои права и обязанности, мы не имеем никакого права. Наше общество молодо в литературном деле до степени невероятной, хотя оно в этом нисколько не виновато. Руководить это общество обязана была литература — а она, из барышей и легкой репутации, начала угождать ему! Чему угождать? Мог ли угодить в Германии тамошнему обществу тот скандал, который господствует у нас? Отвечаем положительно: нет! Высота, на которой стоит там наука и литература, задавила бы эти неудачные порождения бездарности и малограмотности. В Англии — *пуританизм* общества (тоже весьма похвальная черта) и

сильно развитая личность уничтожили бы его давно; во Франции личная расправа сократила бы эти порывы доморощенных памфлетистов. А у нас что может противопоставить им общество, для которого это *явление и ново и неожиданно*? Чья ж это обязанность? Конечно, не правительства, которому не усмотреть за всеми мелочами. Общество должно само себя защитить и т. д. и т. д.».

Тут я уже не обращаюсь более к почтенным редакторам «От‹ечественных› зап‹исок›», а говорю с вами, милостивый государь, и спрашиваю вас, что это такое? Общество наше молодо, юно, зелено — прекрасно! стало быть, и взять с него нечего. На нет и суда нет. Я вот, например, совершенно уверен, что в этом отношении наше общество — как и всякое другое общество; но пусть будет оно молодо, юно и зелено. Пусть руководить это юное общество должна литература. Да ведь она же его и руководит. Что же после этого делали «Отеч‹ественные› зап‹иски›» в продолжение стольких лет своего существования? Что же делают другие наши журналы? Что же делают самые скандалы, как вы называете их, — как не руководят этого общества? Чтоб знать, чему смеяться и на что негодовать, оно должно же иметь примеры. Читая разные стишки, памфлеты и куплеты, оно этому и учится. Для общества это превосходнейшая школа, точно так же, как и для вас, господ-журналистов и писателей. Между тем как общество испробует меру и силу своих симпатий и своего отвращения, вы, милостивые государи, все, и писатели и журналисты, вы попривыкнете к некоторой свободе выражения. Ведь недаром же вы так ждали и так алкали этой свободы выражения. Вы так молили о ней всех богов Олимпа. Неужели и для вас она будет ненавистной цаплей?

Нет, милостивые государи, поучитесь сами извинять некоторые уклонения этой свободы выражения. Иначе и про вас можно будет сказать, что вы так же молоды, юны и зелены, как наша литература. Неужели знаменитая фраза: *мы не созрели*, несправедливая в том случае, при котором была произнесена, окажется справедливою только относительно вас, предводителей и учителей общества, вас, столпов литературы. Общество может быть молодым, оно даже всегда молодо, потому что всегда обновляется, но вы, умудренные и убеленные временем (ибо многие из вас убелены уже временем), вы не можете укрыться под это детское и смешное извинение. Личность развитая и просвещенная всегда опережает общество, а вы ведь гордитесь именно тем, что развиты и просвещены. И потому ваше дело вести это общество вперед и, главное, собою подавать пример уважения к гласности. Нет, господа, вы не то чтоб не дозрели, а, кажется, перезрели. Вы говорите, что общество наше молодо, что для него явление это (то есть скандалы) и ново и неожиданно. Совершенно справедливо. Стало быть, нечего и претендовать на общество, если оно ошибается, если смеется над тем, что заслуживает симпатию. А вмешивать в это дело правительство, конечно, не для чего, и

в этом я совершенно согласен с «Отеч<ественными> зап<исками>»; мне странно, что они даже выразили эту мысль и этим показали, как будто сами сомневаются в ее непреложности.

Вот всё, что я хотел сказать вам, милостивый государь, о скандалах. Повторяю, скандалы, по моему мнению, не в стишках и не в фельетонах. Если же называть так стишки и фельетоны, то уж скорее скандалы в статьях серьезных и в журналах важных. По крайней мере, там они и серьезнее и важнее. Когда-нибудь я поговорю подробнее о них, а теперь и без того письмо мое вышло слишком длинно. Если вы найдете его достойным печати, то напечатайте и примите и пр. и пр.

Посторонний критик

P. S. Что же касается до книг г-д Ивана Панаева и Нового поэта, то я перечел их даже с удовольствием и не нашел в них явного скандала. Писано про каких-то нехороших редакторов, про каких-то смешных приятелей. Почем я знаю, кто это? Если ж Новый поэт действительно описывает живые лица, настоящих своих приятелей и неприятелей, — то пусть это остается на его совести. Не мое дело. Только бы не клеветал и не глумился над тем, что честно и справедливо и не смешно. О, тогда это и меня заденет, хотя и не про меня будет писано, — заденет как дурной поступок, как нехорошее дело; но мне кажется, Новый поэт всегда смеется над тем, что в самом деле смешно, а повести г-на Панаева большею частию были напечатаны в «От<ечественных> зап<исках>», где их во время оно весьма хвалили. Они и до сих пор читаются с удовольствием и нисколько не виноваты в том, что г-н Панаев из прежнего сотрудника «Отеч<ественных> зап<исок>» сделался сам редактором «Современника». Отзываться же о них по этому случаю, после прежних похвал, с обидными насмешками — по-моему, скандал настоящий, крупный, неопровержимый скандал.

Ноября 28 дня 1860 г.
Сельцо Синие Горки.

ГАВАНЬСКИЕ ЧИНОВНИКИ В ДОМАШНЕМ БЫТУ, ИЛИ ГАЛЕРНАЯ ГАВАНЬ ВО ВСЯКОЕ ВРЕМЯ ДНЯ И ГОДА

(Пейзаж и жанр) Ивана Генслера.
Библиотека для чтения. Ноябрь и декабрь 1860

Если не ошибаемся, это первое произведение г-на Генслера. Может быть, он и прежде писал и печатал, но так как внимание и читателей и критики остановилось на «Гаваньских чиновниках», то да позволено будет нам считать их его первым произведением. Нам очень хочется, чтоб эта статья, повесть, рассказ, — как бы мы ни назвали их, читатель, мы назовем их неверно,

потому что это не рассказ, не повесть и не статья; автор называет свое произведение *пейзажем* и *жанром*; пусть будет по его воле и так, — нам очень хочется, чтоб этот пейзаж и жанр были первым произведением. От первых произведений настоящих талантов веет всегда такою свежестию, и конечно уж наш журнал не встретит холодно и безучастно первую попытку начинающего дарования.

Но не одними же и похвалами. Похвала вещь приторная, сладкая: к концу ее, если можно. В последнее время ее отмеривали некоторым нашим талантам такими пудами, подавали им ее чуть не на лопатах, так что и им должна претить она, а читателям и подавно. Будем лучше бранить, другими словами — говорить правду. Правда в большей части случаев принимается у нас за чистейшую брань. Попробуйте, например, сказать ... ну хоть г-ну X., одному из известных наших писателей, что прославленный роман его не выдерживает критики, что герой его утрирован, что весь роман растянут и, несмотря на прекрасные детали, скучен; что героиня его хороша и привлекательна только в романе, благодаря той неопределенности очертаний, которая выпала на долю литературы как искусства, но что в жизни героиня эта пренесноснейшее существо, сущее наказание своего мужа. Прибавьте к этому похвалы некоторым второстепенным лицам, некоторым прекрасным страницам. Сделайте всё это, сделайте это как можно мягче и деликатнее, и известный литератор скажет, что его *обругали*, а неизвестные рецензенты накинутся на вас и скажут, что вы поднимаете скандал, что рассчитываете на успех скандала, что для скандала вы отца родного не пощадите и т. п. Угодно доказательств? Вот одно.

В прошлогодней январской книжке «Светоча» был напечатан разбор известного романа г-на Гончарова «Обломов». Разбор был прекрасно написан г-ном А. Милюковым, но в нем, в разборе то есть, была высказана известная доля правды, высказана чрезвычайно умеренно и прилично. Многие находили даже этот разбор уж слишком умеренным. Но «Санкт-Петербургские ведомости», эта пила-рыба, этот шакал * «Отечественных записок», сейчас заподозрили в этом другой умысел, сейчас обвинили новый журнал в желании скандалом привлекать к себе подписчиков да, помнится, упомянули также и отца родного. Точно и в самом деле нельзя сказать откровенно большому писателю правду о его произведении? Увы, читатель! Не знаем, как далее, но до сих пор этого было нельзя. Правда считалась чем-то колючим, хуже терна или шиповника. Высказать правду — значило сделать себе в известном писателе врага, а его имя стоит в объявлении. Он

* Пила-рыба постоянно идет за китом, шакал за львом. Да не сетуют на нас «Отечественные записки» за такое сравнение, тем более, что, умалчивая, мы сравниваем их с китом и львом нашей журналистики. До мнения же газеты нам нет никакого дела: она не самостоятельная газета.

не даст обещанной статьи и снесет ее туда, где об нем говорят всё неправду. А его статьи, роман, повесть — могут дать подписчиков. На одной чашке весов правда, нелицеприятие, честность убеждения, на другой — драгоценная статья и, может быть, подписчики. Гораздо выгоднее говорить неправду, как можно больше неправды. Это раз. А с другой стороны, у нас в литературе всё так перезнакомилось и перекумилось, что сказать правду уж стало просто совестно. Смолчать тоже неловко. Известный писатель написал, положим, роман. За несколько месяцев до печати уж он прочел его вам и тем уже обязал вас сделать о нем отзыв. О нем уж пущены фельетонистами слухи в публике. Прошу покорно не говорить о нем, когда вы чуть не каждый день встречаетесь с автором, который смотрит вам в глаза, как кредитор должнику. А если роман в самом деле не совсем обыкновенный, так и совесть покойна. И начинается взмыливанье или, как говорит один очень милый господин, ***муссированье*** нового громадного произведения, и до того взмыливают и до того муссируют, что это взмыливанье отзывается наконец и в Сибири и на Кавказе и даже в Остзейских провинциях, где, как известно, живут немцы, печатающие по-русски.

В нашей литературе происходит теперь то же, что в наших деревнях, где все до того пероднятся и перекумятся, что становится невозможен никакой брак. Все парни и девки родня друг другу! Поп не венчает. Это обстоятельство не мешает, впрочем, говорить в деревнях друг другу правду, и иногда самую горькую.

И как нашим литераторам не надоест восхищаться друг другом, добро бы еще за рюмкою вина, когда человеку так хочется всем восхищаться, а то на печатных страницах! Когда пишешь для печати... не поэму конечно, а просто критику или разбор, поневоле становишься и хладнокровнее и обдуманнее. Казалось бы, вовсе не до дифирамбов, — нельзя!

Бывают и такие истории. Большому писателю, от разных посторонних восхищений, случается иногда обмолвиться, то есть написать просто дрянь, какую-нибудь выспреннюю ерунду, повесть в форме французской «провербы», в которой *кавалер* и *дама*, оба в перчатках, разговаривают всё о чувствах да, положим, о недостатках светского воспитания — одним словом, дичь. И эта-то дичь у журналистов идет наперебой, кто больше даст, и наконец достается той или другой счастливой редакции, которая за нее платит такую громадную сумму, что на один печатный лист драгоценной рукописи можно было бы устроить двадцать воскресных школ.

Хорошо еще хоть потом спохватятся и увидят, что заплатили груды золота, виноват, ассигнаций не за громадное произведение, а за доморощенное дрянцо, и намекнут на это в которой-нибудь из последующих книг, чтоб хоть сердце сорвать. Это еще хорошо и очень мило со стороны редакции. А по большей части так и остается. Как прокричали вначале, впопыхах, так и остается и

слывет себе очень обыкновенное произведение громадным. Всего интереснее тут положение публики. Читая в газетах и журналах восторженные толки о новом произведении, встречая в них новые русские слова, переделанные из собственных имен громадного произведения, и затверживая наизусть фамилии новых русских типов, публика не знает, что и подумать. Взмыливанье и муссированье начинает действовать. Книгу журнала рвут, читают, скучают и удивляются громадности нового литературного явления. Читали ли вы когда-нибудь, читатель, комментарии на Шекспира или на вторую часть Гетева «Фауста»? Если читали, то вам, вероятно, приходила в голову, точно так же как и пишущему это, такая мысль, что Шекспиру и Гете конечно и не снились никогда те красоты и намерения, которыми так щедро оделяют их комментаторы. Точно так же и нашему большому писателю никогда не снились те толки, догадки, разъяснения, какие ходят в публике по поводу его произведения. После таких печатных толков, после такого типографического муссированья и читать-то нельзя так, как обыкновенно читаются немуссированные вещи. Так уж настроены умы всех, что в каждой фразе видят нечто необыкновенное, намек на нечто таинственное, сокровенное. А не будь всех этих печатных толков, не будь этой насильственной подготовки умов, громадное произведение прошло бы, может быть, незамеченным.

Говоря это, мы вовсе не намерены уличать публику в легкомыслии, в податливости на все печатное. Напротив, мы думаем, что это прирожденная и самая прекрасная, самая уважительная из черт всякой публики. Без этой черты публика немыслима. Это не отдельная личность, от которой можно было бы требовать хладнокровного обсуждения. Это тысячеголовое существо, которое тогда только и живет, когда увлекается; тогда только в нем есть залог всякого прогресса, когда его всё трогает, всё шевелит, когда оно бросается с жаром на то, что ему указывают его передовые деятели.

Не велика беда и в том, если эти передовые деятели сами увлекаются, что иногда и бывает. Для нас всегда были дороги честные увлечения, и если мы будем спорить с ними, то всегда с уважением. Мы сами не раз и не два будем увлекаться и горячо увлекаться. Журнал — не книга; журнал *может* ошибаться, и непременно ошибается, если он только журнал в настоящем значении этого слова, то есть истолкователь минуты, настоящей минуты, минуты, в которой мы с вами живем, читатель. Одна книга не ошибается, потому что пишется не под обаянием минуты, а уже относится к ней критически.

Не затем также завели мы речь, чтоб порицать наши журналы за то, что они увлекаются. Пусть увлекаются, но увлекаются всем, что достойно увлечения, а не исключениями только. Досадны не увлечения, а то, что увлечения эти пристрастны и небескорыстны. Возьмем пример: в публике в конце прошлого года,

да и теперь часто, лишь только речь зайдет о литературе, слышатся такие фразы:

— Читали вы «В ожидании лучшего» В. Крестовского?

— Читал.

— Ну, что?

— Прекрасно! Замечательное произведение.

А между тем об этом замечательном произведении никто еще из наших больших журналов не сказал ни одного слова. А роман В. Крестовского есть явление, которое не прошло бы незамеченным ни в одной литературе, а в нашей, если взять в соображение нашу относительную бедность, такие романы должны бы производить огромное впечатление. Ничуть не бывало. Журналы наши молчат, как будто это и не их дело. Читающая публика без их руководства оценила это прекрасное произведение и зачитывалась им.

Отчего же это?

Неужели оттого, что у г-на Крестовского нет связей, кружка, хлопальщиков и приятелей, готовых превозносить каждую печатную строку?

Едва ли. Мы еще не утратили веры в некоторую искренность нашей журналистики и думаем, что кроме этой есть и другие причины некоторым необъяснимым молчаниям нашей критики. Главнейшая из них — рутина. Привыкли к двум-трем авторитетам, — об них и говорят, на них только и обращают внимание. Право, подумаешь, что всякое новое имя в тягость нашей критике и она заранее боится тяжелой ноши. Да и прежними прославленными уже ею именами она начинает уже как будто скучать, тяготиться, и ее увлечения, о которых мы упоминали, становятся всё реже и реже. В последнее время у нас в литературе царствовала какая-то безмятежная монастырская тишина и чинность. «Отечественные записки» разбирали всё учебники да летописи, за что им, вероятно, были благодарны несколько ученых и несколько специалистов. Поместили было они у себя знаменитую статью г-на Дудышкина «Пушкин как народный поэт», но лишь только увидали, что статья производит шум и толки, как сейчас же поспешили стушеваться. Продолжения статьи не являлось. Так у нас боится журналистика настоящего времени всякого шума и говора. Одно из двух: или г-н Дудышкин был убежден в верности своего взгляда на Пушкина, или нет. Если нет, то зачем же было и ставить такое дерзкое положение; если *да*, в чем мы и не сомневаемся, то зачем же было так робко стушевываться? Почему не выдержать храбро и честно всех возражений, почему не принять всей битвы, которая неминуемо должна была возродиться от вопроса, поставленного так круто и смело, и выйти из этой битвы или победителем или . . . ну, хоть побежденным, и почему в последнем случае в этом публично не сознаться? Наконец, даже стушевываясь, почему было публично не сознаться в том, что, дескать, обмолвился человек, поспешил? В таком

сознании нет, по нашему мнению, ничего унизительного. Самые умные люди ошибаются, и мы даже думаем, что больше всех ошибаются — умные люди. Они так много живут умственною жизнию, что соблазны к ошибкам у них на каждом шагу и на каждой минуте. Одни *золотые* думают о себе, что они непогрешительны и, как Юпитеры, не могут ошибаться. Так почему же было не сознаться и предпочесть скандал такому сознанию? А рутина на что же? Ошибаться такому серьезному и ученому журналу, как «Отечественные записки»? — Подите! .. «Русский вестник», журнал серьезный, мало занимается литературою. Довольно уже и того, что он напечатает в год одно замечательное беллетристическое произведение. Критики у него нет, или, может быть, он сам не хочет иметь ее — не знаем. Он редко вступает в полемику, но зато дарит русской публике Бонмера и очень любит де Молинари. Вопрос об общине расшевелил было его, но ненадолго. В серьезную полемику вступил он с г-жою Евгениею Тур, но тут дело шло о личных нуждах и интересах, и потому, кроме улыбки и некоторого недоумения, эта полемика ничего не возбудила. Один «Современник», постоянно чувствовавший себя не в своей тарелке посреди такого чинного сонма серьезных и глубокомысленных изданий, прорывался по временам, как будто ему уж становилось невмочь, и напоминал нам, что у нас хоть какая-нибудь да есть литература...

Рутина, общепринятые правила играют еще важную роль в нашей журналистике. К числу таких правил относится, например, одно нелепейшее: не говорить ничего о другом журнале. Но есть ли возможность какая-нибудь не говорить, когда в журналах заключилась теперь вся наша литература. Книг нет или их очень мало. Вместо книг являются только праздные сонники и т. п. книжонки. Поневоле приходится ограничиться серьезному журналу разбором учебников и чисто специальных сочинений, как делают это «Отечественные записки», или вовсе отказаться от критики, как «Русский вестник». Таким образом и молчат наши журналы один о другом до тех пор, пока не разбудят их новые произведения наших двух-трех знаменитостей. Тогда молчание прерывается и начинается взмыливанье. Тогда как будто какой-то лозунг раздается по всей литературе: за перья, господа, за перья! И перья точно трещат, как будто обрадовавшись, что вот наконец отведут они свою душеньку и вдоволь наговорятся о новом произведении.

Не говорить о журналах... но почему? Конечно нехорошо говорить, когда этот говор поднимается из целей нелитературных, как это и было прежде, в конце сороковых годов, когда были в моде так называемые *журнальные обозрения*. Эти *обозрения* обозревали большею частию задние дворы наших тогдашних журналов и конечною целью имели подписчиков. В пятидесятых годах они начали падать. «Русский вестник» нанес им окончательный удар. С тех пор они остались в прежнем виде в одних

«С.-Петербургских ведомостях». Мир праху их; пусть они и не воскресают, а остаются там, где еще уцелели.

Но как же не говорить о журналах, когда в каждом из них в течение года помещаются вещи или весьма талантливые или спорные? Как не остановиться на них критике? Бог знает, явятся ли еще эти вещи отдельными книгами. И почему не говорить и не писать о журналах, если цель этого писания будет чисто литературная, а не карманная. Последней же цели в настоящее время и быть не может. Теперешнюю читающую публику уж не обманешь прежними «журнальными обозрениями». Настали другие времена, и читатели начинают требовать от журналов серьезных убеждений, честности приговоров и неподкупности их...

Что касается до нас, то мы будем останавливаться на каждом замечательном произведении, в каком бы журнале оно ни явилось, точно так же как на каждой спорной статье, и будем спорить со всеми и обо всем. Читатели наши увидят, что мы не придерживаемся никаких партий, никаких личностей. За немногими исключениями мы уважаем все серьезные издания, потому что все они или по крайней мере большая часть их стремится к одной цели: к прогрессу нашего общества. И именно потому, что уважаем их, и будем спорить с ними: с противником, которого не уважаешь, нечего и связываться.

Пора наконец сознать, что человека или издание можно уважать и тогда, когда он или оно исповедуют противные мнения и убеждения.* Например, мы глубоко уважаем «Русский вестник» за честность, прямоту и главное — храбрость своих убеждений, хотя нисколько не согласны с ним во многом.

Итак, будем ошибаться, увлекаться и бранить «Гаваньских чиновников» г-на Генслера, то есть говорить о них правду, насколько эта правда сознана нами в настоящую минуту.

Г-н Генслер знает Гавань, как свои двадцать пальцев. Даже лучше. Он может не знать всех жилок, всех суставов, всех нервов своих двадцати пальцев (а может быть, и знает, если, например, он доктор), но в Галерной гавани он знает наперечет не только всех чиновников, чиновниц и их потомков, он знает даже, какое варево бывает у них на столе в конце и начале месяца; он знает всё, что они делают во всякое время года, днем и ночью; мало того, он знает, какие у них коты, кошки, коровы, куры, иногда лошади, подчас стрекозы, под осень утки, ночью клопы, днем блохи. Он всё у них высмотрел и всё изучил. Даже котов, кошек, клопов, кур, уток он, кажется, знает лучше, чем самих чиновников и чиновниц прелестной Гавани. Много места было ему высказать свое знание в двух номерах «Библиотеки для чтения». И он воспользовался этим местом нельзя сказать чтоб с большой

* Конечно, если только эти убеждения не посвящены споспешествованию и распространению тьмы.

экономией. Он заставил-таки нас запастись терпением, но мы всё читали; по временам нам становилось скучно, но мы всё читали, потому что вдруг мелькнет прелестная сценка, живо схваченная картинка и вполне вознаградит нас за скуку. Беспрестанные переливания из пустого в пустое, частые повторения одного и того же заставляли нас иногда зевать, и широко зевать, но вдруг явится какой-нибудь кот или ворона какая-нибудь, и зевота унималась. Кого не рассмешит и еще более не порадует вот хоть такое место:

«Последние дни июля... да не только последние, а всего лишь три дня осталось до 1-го августа... (я хотел сказать: до получения жалованья).

Природа уже... нет, природа после: прежде должно быть жалованье... Жалованье гаваньские счастливцы — некоторые — уже получили.

Вскоре зашевелилась вся Гавань... Кажется, самые лачужки заговорили: „Жалованье, жалованье получили мы!“

Кот выполз из-под печки. Кошурка, супруга его, спросонья говорит:

— Куда ты, Васиканчик?

— Да хочу выйти, посмотреть на хозяев: жалованье, говорят, получили...

— Да тебе-то что? Разве ты чиновник? Ведь не ты получил?

— А́а, нет, все-таки приятно...

— Ну, уж большое жалованье 12 рублей... не разгуляешься...

— Нет, ничего: если всё донесешь домой, так ничего, можно жить... Если б мне столько дали!.. я сумел бы распорядиться, черт возьми!

— Ну, да, — заметила кошурка, — знаю, что бы ты сделал: завел сейчас мамзель... Свинья...»

При таком месте самый серьезный человек если не расхохочется, то уж наверное улыбнется. Или вот, например, другое место, где описываются тараканы:

«Прусаки (то есть тараканы) расхаживали и бегали по шестку, по посуднику, по всему полу и на столе. В особенности кишели они на столе, доедая недоеденные крохи. Тут был виден вполне либерализм, непризнание чинов и властей, свобода такая, какой нет и не будет никогда ни в одном государстве. Каждый здесь делал что хотел, какая бы шальная мысль ни забрела ему в голову... Коммунизм был во всем разгаре — „что мое, то твое!“. Словом, это был тот общественный рай, та новоустроенная жизнь, о которой так мечтают люди и которой удастся им хлебнуть — должно быть, на другой планете...

Зато же прусаки и знали себя и то положение, которым они пользовались. Наевшись, они восседали целыми общинами над посудником, в особенности же над печкой, и шипели и размышляли, что лучше их житья не может быть. „Квартира, — говорили они, — отопление и освещение даровое, стол даровой, и в заключение не надо платить повинностей... Одно лишь скверно: месяца три-четыре всё идет как по маслу; умирать не надо. Вдруг, и всегда к страшному для всех нас удивлению, — ставят гороховую муку с бурою, мышьяком или сулемою... Согласитесь, что это глупо!.. Ужель они думают, эти гаваньцы, что прусак такой простофан, станет есть гороховую муку с ядовитыми веществами? Как же! А́ чутье-то на что? Положим, они не в состоянии отравить; это так. Но ведь здесь надо смотреть на мысль, на намерение... Ведь это уж значит посягательство на жизнь!.. Что ж мы — люди вредные для общества, возмутители общественного порядка и тишины? Если же скажут, что мы не платим податей, — так финляндцы и колонисты тоже ведь ничего не платят; а мы *с ними*

прибыли сюда, в Россию. Им даны льготы: а нам отчего же нет? Мы тоже иностранцы!.. Мы ведем свой род от Германна, точно так же, как гаваньцы чудесным образом происходят от *варягов*, а варяги происходят от *варягер*, а варягер от *фарьягер*, в фарьягер от *фарьегер*, а фарьегер то же самое, что по-чухонски *руотци*, от которого произошли *рутци*, значит «морской разбойник»; наконец, от *рутци* — очень понятно, произошло *русский*, а от этого, почти можно допустить, произошла и вся Русь. Задача очень немудреная. По подобной же лестнице, поднимаясь выше и выше, мы, желтые прусаки, происходим от Германна. Сперва Германн, потом Ганс-Сакс; потом Ганс-Вурст; а там уже мы, желтые прусаки. Этак можно очень легко добраться до начала всех вещей; надо только держаться системы одного ученого немца, который уверял, что «замок» происходит от «самоко», а «скипидар» от «терпинтин»; причем он варьировал: тер—ски, пин—пи, тин—дар... Выйдет: скипидар. Ну, да прах его возьми, происхождение! Говоря откровенно, для нас гораздо еще неприятнее мышьяку — это персидский порошок: если кого-нибудь нелегкая угораздит иногда сапнуть им по тебе со всего плеча, то это действительно чисто дьявольское наваждение! Не умрешь — о смерти тут и речи не может быть; после оживешь — это так; но ведь ошеломит, просто дураком сделаешься; лежишь на спине и болтаешь ногами, — стыд и срам! Невесть что могут подумать!.. Странные люди, эти гаваньцы; никакого нет соображения!.. Они могли бы посудить по себе: прилично ли быть в таком положении?“

Тут один молодой прусак пренаивно спросил, заглядывая в глаза рослому прусаку:

— Я, дяинька, не дальше как сегодня вечером видел в таком положении нашего хозяина. Он лежал у мостков, тоже так, кверху рыльцем. Отчего это?

— Да, должно быть, тоже, душенька, от персидского порошку».

Не правда ли, как всё это грациозно, мило и остроумно?

А скука отчего же? Отчего же зевота?

А вот отчего, по нашему мнению. Все эти прелестные сценки, картинки, пейзажики так часты и вместе с тем так разрозненны, так не связаны один с другим, что при чтении их невольно чувствуешь какое-то однообразие, монотонность. Так много и так вдруг дает вам их автор. Едва успеете разглядеть одну сцену, как уже является другая. И всё это без малейшей связи. Люди (которых, впрочем, нет в рассказе: это легкие очерки без всякого характера, даже и внешнего — и это главный недостаток, главная причина скуки) пересыпаются животными и насекомыми, а животные и насекомые — людьми. Так продолжать можно до бесконечности, и мы решительно не понимаем, какие причины заставили г-на Генслера остановиться на том месте, на котором он остановился. Круглый год пройден — это разве? Но кто же помешает талантливому автору начать другой год, а потом третий и т. п. История может выйти без конца, и детали в ней будут так же интересны и милы. Нос выдернул — хвост увяз; хвост выдернул — нос увяз и т. д. до бесконечности, как повествует одна детская притча.

Вот одно сравнение, которое кажется нам очень верным относительно произведения г-на Генслера.

Представьте себе огромный холст, ну хоть такой, на котором написан «Последний день Помпеи». Весь этот холст разбит на

многое множество маленьких квадратиков или клеточек, и в каждом квадратике, в каждой клеточке написан самой тонкой, прелестной кисточкой то пейзажик, то рыболов, здесь семейство черных тараканов, там прусаков; вот бесплодная охота на гаваньских уток, а вот чиновник, пробирающийся домой по забору, потому что осенью все улицы залиты водой. Тут он обрушивается в эту воду, а там выливает из сапогов эту же самую воду. Тут клопы, там блохи. Здесь фигура ветра, там грозовое облако. И так далее и так далее, пока все клеточки или квадратики не наполнятся разными сценами и картинками. Повторяем, сценки эти и картинки написаны на холсте удивительно искусно. И вот, представьте себе, вас приводят смотреть на это произведение.

Вы ничего не видите...

Вы ничего не видите с того места, с которого обыкновенно смотрят большие картины. А не забудьте, вы видите перед собою большую, огромную картину. Вы видите туман, хаос какой-то, одним словом, — ничего не видите.

Не будучи близоруким, вы подходите на самое близкое расстояние к огромной картине и начинаете рассматривать ее по клеточкам. Тут вами овладевает другое чувство или ощущение. Каждому из нас случалось иногда в прескучной гостиной, среди совершенно чужих людей, из которых одни играют в карты, а вы в них не понимаете ни бельмеса; другие... ну хоть пляшут, а вы дошли уже до тех лет или до того состояния духа, что танцы вам противны, и если пускаетесь иногда в них, то разве после ужина, для пищеварения. Вы страшно скучаете и натыкаетесь или, лучше сказать, инстинкт самоувеселения приводит вас к столу, заваленному всевозможными кипсеками и иллюстрированными изданиями. В скучных гостиных без таких столов дело никак не обходится. И вот вы с жадностью бросаетесь на эти кипсеки, на эти иллюстрированные издания. Вот, думаете вы, нашлось приятное занятие. Не нужно мне людей. Пусть их себе играют и пляшут, а я вот здесь вдоволь полюбуюсь и байроновскими женщинами, и библейскими женщинами, и шекспировскими и разными другими женщинами, и разными альбомами, рейнскими и эльбскимп видами, и проч. и проч. И что же? Просмотрев довольно внимательно две-три картинки, вы уже с другими не церемонитесь, а просто перелистываете кипсеки и альбомы и едва разглядываете прелестные картинки. Глаза у вас разбегаются, впечатление становится тупее и тупее. Множество картинок вас одуряет: вы спешите, вам хочется поскорее с ними покончить, и под конец это занятие, от которого вы ждали себе так много удовольствия, до того вам наскучает, что вы бросаете все эти альбомы и кипсеки и от людей-картинок бежите к живым людям, которые хоть в карты играют, хоть пляшут, чужие вам совсем, да все-таки живые люди.

Вот точно такое же впечатление дают вам и «Гаваньские чиновники».

И все-таки, несмотря на это, мы рады новому произведению, новому имени в нашей литературе. У г-на Генслера талант несомненный, юмору много. Если б этот талант и этот юмор да обратить, вместо всех гаваньских чиновников, на *одно* гаваньское семейство и описать все радости и все страдания этого семейства, да заставить его действовать, произвести, создать в нем маленькую или большую драму, — то при таком таланте и таком юморе вышла бы прелестная повесть, а может быть, и прелестный роман.

А может быть, и ничего бы не вышло...

Потому что, кроме юмора и таланта, нужно обладать еще творчеством.

А есть ли творчество у автора «Гаваньских чиновников»? — про то скажут нам его будущие писанья.

ПРОТИВОРЕЧИЯ И УВЛЕЧЕНИЯ «ВРЕМЕНИ»

«Северная пчела» в своем 165 № делает нам сильные упреки за наши противоречия, за полемику и даже за наши увлечения. Так как у нас остается несколько времени и места, то мы хотим показать нашим читателям образчик той критики, которая если не господствует, то всё еще проживает в нашей литературе. Об нас уже много говорили газеты и журналы. Много лестных отзывов, но много и нападок, явных придирок и даже неприязни мы уже успели встретить в разных наших изданиях. Мы молчали, говорили только тогда, когда, по-нашему, было нужно, то есть когда дело касалось не лично до «Времени», а касалось до известных идей, до известных убеждений, слишком дорогих в наше время, чтоб об них можно было молчать; к тому же «Время» не щепетильно, и о нем можно говорить многое, не раздражая его. Но на этот раз нам вздумалось поговорить: представляется хороший случай разом ответить на многие обвинения. Подвернулась «Северная пчела»... очень рады; поведем с ней беседу.

Она нас упрекает в противоречиях: начнем с противоречий.

В одной из наших критик мы сказали:

«...учите (ребенка) всему, всё ему открывайте, но оставляйте почаще его душу в покое, *давайте ему то, чего он переделать не может; знание не переделывается, а понимание изменяется.* И пусть он смотрит на всё, *как ему удобнее; потом жизнь научит*; а уж кого жизнь не научит, того вам не научить...» (всё подчеркнуто «Северной пчелой»).

«Другими словами (продолжает «Пчела»): давайте ему факты, но не смысл фактов; боже вас сохрани — толковать факты, чтоб ваше дитя понимало их так, как понимаете вы: сама жизнь должна ему растолковать их...».

Совершенно верно, и мы согласны на такое толкование. Конечно лучше, если ребенок с малых лет будет приучаться сам к осмыслению фактов. Большой, он будет судить самостоятель-

нее; он будет «сметь свое суждение иметь», он будет иметь свое собственное лицо, свою собственную физиономию и не будет тем стертым пятиалтынным, которые так часто встречаются в жизни и... в литературе. Разумеется (да и кто ж этого не разумеет), совершенно без объяснения фактов, хотя бы вы дело имели и с ребенком, — невозможно. Уж одно то, что против родительского чувства или против чувства преданнаго делу воспитателя идти нельзя; как могут они удержаться, чтоб не объяснить своим детям фактов, с той именно точки зрения, которую они считают спасительной? Но это объяснение, эти *указанные наперед* точки зрения должны быть сделаны слишком осторожно, — вот что мы хотели сказать. Мы именно говорим: «*Почаще* оставляйте его душу в покое», а не *всегда*, как вы резко нас перетолковали. Факты и познания ребенок не может переделать, а тот *смысл*, то *понимание фактов* (подчеркиваем это в угоду «Северной пчеле»), которые вы ему насильно навяжете, подвергнется в его душе сильной и, может быть, мучительной переработке; может быть, после многих неудач, ошибок и самообольщений в жизни, он проклянет своих учителей, навязавших ему свои верования и страсти. Всё это может случиться с ним, если вы не успеете подавить в нем индивидуальность и характер, и ничего подобного не случится, если вместо человека своими толкованиями вы выпустите на свет божий забавную обезьянку или ученого попугая, который всё будет повторять чужие слова, то есть ваши же слова, ваше учение, а этому учению уже и время прошло.

Само собой разумеется, что крайности всегда вредны, и мы вовсе не хотим, чтобы при воспитании к ним прибегали.

Заметьте, что всё это нами сказано журналу «Учитель», который уж слишком, по нашему мнению, хлопочет о стертых пятиалтынных. Оттого-то мы и были к нему так строги, несмотря на то, что он журнал новый и издается очень добросовестно. «Северная пчела» сильно упрекает нас за то, что мы напали на журнал новый и издаваемый добросовестно, хотя его направление «*может быть* немножко одностороннее и *немецкое*», прибавляет она. Всё это прекрасно, но для нас воспитание нашего молодого поколения дороже всяких «Учителей». *Может быть*, скажем и мы в свою очередь, его метода хороша в Германии. Мало ли что может быть хорошо в Германии. Педагогика — наука наиболее немецкая; немецких детей муштруют по ее правилам самым добросовестным образом, а ведь нельзя сказать, чтоб немцы могли служить идеалами человечества.

Может быть, повторяем, эта метода и хороша в Германии, а у нас она была бы *положительно* вредна. Вот почему так резко мы и сказали о ней свое мнение.

Но где же противоречия? А вот извольте послушать.

Итак, говорит «Пчела», в этой статье вы говорите, что не должно детям слишком толковать факты, то есть их значение, то есть осмысливать их. Ведь не должно?

— Не должно, — отвечаем мы в известном нашем смысле.

— А как же у вас в другой статье, именно в критике «Энциклопедического лексикона», говорится, что «факт сам по себе, голый факт, почти ничего не значит», и вы упрекаете редакцию «Лексикона» за то, что она не осмысливает, не освещает фактов никакою идеей? Ведь вы говорите это?

— Говорим.

— А разве это не противоречие?

— Противоречие, — сознаемся мы. — Да еще такие ли у нас есть противоречия? Стоит только поискать да порыться. У нас, например, в одной и той же книге нашего журнала в одном месте говорится: «Детям нужно преподавать историю как можно короче и отрывочнее», а не далее как через десять страниц, в другой статье, вы можете прочесть следующую мысль: «...история — такая наука, которою посвятивший себя историческим исследованиям должен долго и кропотливо заниматься, должен заниматься всю свою жизнь, изучать все ее подробности, потому что иногда одна какая-нибудь, по-видимому, и маловажная подробность может осветить целую эпоху и т. д.».

Вот это так противоречие. Хорошо, что «Пчела» поленилась порыться и поискать и не упрекнула нас им. Впрочем, мы, так и быть, исправимся и теперь же скажем, что если кому-нибудь придет новая мысль издать «Энциклопедический словарь» *для детей*, то мы будем советовать издателю давать одни только факты и не очень стараться освещать их идеями. Для детей это не нужно.

Да и для «Пчелы», кажется, тоже очень-то не надо бы их освещать. Ведь вот если осветить идеей факт *отыскивания у нас противоречий* почтенною газетой, то выйдет, пожалуй, вещь не совсем хорошая. Ведь те, которым придет фантазия осветить этот факт, пожалуй, спросят, вследствие каких поводов газета отыскивает, роется и находит у нас *такие* противоречия?

Что мы тогда ответим, как вы думаете, «Пчела»?

А теперь несколько слов о наших нелепостях.

«Что, например, скажете вы об этих высокоумных фразах?» — спрашивает любопытная «Пчела» и делает всё из той же статьи об «Учителе» следующую выписку:

«„Мне кажется, что *главная* задача чтения — читать *машинально*; иначе всю жизнь придется читать по складам. И правильно писать нужно научиться именно *машинально*, чтобы *сама рука писала без ошибок*, иначе никогда правильно писать не будешь (что за логика)! *Так же точно нужно научиться всегда хорошо и честно поступать машинально*, то есть в силу привычки, а не соображения (?): думать во время действия поздно; нужно раньше (отлично!). Все искусства состоят в этом (будто?), и только при таком навыке возможны самоуверенность и спокойствие, *которые сделают возможным и размышление в решительные минуты*. Но, *виноват, я увлекся...*“ Действительно уж чересчур увлеклись», — продолжает «Пчела»...

Следует маленькое, но весьма рутинное глумленьице. Кстати: все места, напечатанные курсивом, подчеркнуты «Пчелой». Она же и снабдила их обычными и уже порядочно устарелыми восклицаниями в скобках.

А ведь напрасно поглумилась «Пчела». Ведь ей сейчас стыдно будет за своего сотрудника, который, *оборвавшись* на противоречиях, сейчас оборвется и на этой выписке.

Ведь в самом деле конечная цель учения чтению и письму состоит в том, чтоб дойти до того предела, когда начнешь читать и писать *машинально*. Неужели и это нужно объяснять? Ведь, право, некоторые вещи объяснять даже совестно. Как вы станете объяснять, что дважды два — четыре и тому подобные истины? Но делать нечего: вы требуете — извольте. Будем объяснять и это.

Когда вы еще нетверды в чтении, вы читаете по складам: ваш глаз не обнимает еще всего слова, всей фразы. Ведь, например, мы с вами, достойный сотрудник «Пчелы», мы читаем машинально. Мы с вами начали читать машинально с тех самых пор, как стали находить удовольствие в чтении разных книжек. Мы уже не споткнемся с вами не только на слове, но даже и на целой фразе. Это случается только с детьми да с каким-нибудь сельским грамотеем, которому еще не совсем далась грамота и который еще не дошел до машинальности чтения. Мы же с вами, смеем уверить вас, читаем *машинально*. А вы этого еще не знали, не знали, что всю свою жизнь говорили прозой?

Насчет письма мы тоже с вами, достойный сотрудник, давно уже говорим прозой, то есть пишем машинально. Неужели и это еще пояснять прикажете? Когда мы печатали приведенный вами отрывок, мы думали, что говорим очень ясно. Правда, мы думали, что имеем дело с публикой, с обыкновенными читателями, которые понимают вещи так, как они передаются. Мы совсем и забыли, что нас будет читать не одна публика, и не приняли в расчет некоторых публицистов. Вперед будем осторожнее, будем пояснять всякую фразу, и если нам придется, например, где-нибудь выразить самую простую мысль, что «некоторые люди туги на понимание», то непременно объясним, как и почему, и по этому поводу коснемся устройства человеческого мозга, а главное, поясним, что иногда эта тугость понимания происходит не от устройства головы, а от нехотения понимать, от желания придраться во что бы то ни стало к смыслу или фразе, от взаимных отношений пишущего к критикующему. Одним словом, будем пояснять всё, чтоб только угодить вам.

Вот и теперь, позвольте вам объяснить, что мы с вами и пишем тоже *машинально*. Ведь мы с вами не думаем, когда пишем, где ставить букву *ѣ*, где *е*, где запятую, точку с запятой и т. п. Они ставятся у нас *сами собою*. Это значит, что мы с вами достигли известного мастерства в писанье, и что если б мы задумывались, например, над этими буквами и знаками, то мы были бы с вами еще только учениками. Но из этого еще вовсе

не следует, что мы не должны и думать о том, что пишем. Иногда ведь и это бывает: зато и попадаешься впросак.

Точно так и в искусствах. Пьянист, например (настоящий пьянист, а не ученик), играет знакомый ему пассаж, вовсе не задумываясь над теми нотами, которые перебираются его пальцами. Живописец, кладя краски, вовсе не думает, как повернуть ему кисть или дернуть рукой, чтоб вышел эффектный, лихой мазок. Он у него выходит машинально. Скульптор, актер, изучивший роль свою, сильфида, порхающая на сцене, поступают точно так же, то есть машинально, если они достигли известного мастерства.

Точно так же и честно поступать мы должны приучиться машинально, инстинктивно. Тут, достойный сотрудник, вы сделали один вопросительный знак и поставили в скобках два словечка: *будто? отлично!* Очень жаль, что вы этого не поняли и что это показалось вам греческим языком, тарабарской грамотой.

А между тем это очень понятно. Есть случаи в жизни, и их много, которые так близко касаются чувства чести, что истинно честный человек решается в таких случаях вдруг, именно машинально. Он не станет обдумывать своего решения, потому что покраснел бы от стыда при одной мысли, что мог колебаться и повести хоть на минуту торг с совестью. Кажется, это очень понятно. Вы сами, достойный сотрудник, без всякого сомнения, очень часто поступали машинально в своей жизни.

Надеемся, вы нас теперь совершенно поняли и не рассердитесь на нас, если мы из чувства возмездия, даже просто из чувства самого обыкновенного и очень позволительного в нашем положении, желания отплатить вам чем-нибудь, кольнуть вас как-нибудь за все ваши недобросовестные придирки — надеемся, что вы позволите нам выписать одно место из вашей образцовой статьи?

Уж позвольте, сделайте милость, и не сердитесь очень.

Вот это место:

«Вот хоть бы „Время“, где напечатана приведенная нами характеристика нашей критики,* — первые две его книжки представили нам несколько здравых и дельных критических заметок, за что мы с удовольствием приветствовали новый журнал. Но в последующих книжках оказалось, что новый журнал решился, во что бы то ни стало, прослыть журналом полемическим, и в своей горячности на этом поприще договаривается до таких фраз, что после, по-видимому, и самому делается совестно и приходится оправдываться увлечением (эти фразы, прибавим от себя, мы уже выписали и сейчас отвечали на них). Конечно, увлечение молодости в глазах судьи часто имеет значение и смягчает наказание; но от литературного органа мы вправе ожидать более мужественной зрелости, без излишних юношеских увлечений, чтобы не приходилось прилагать к ним известную фразу: молодо, зелено! Странно, если редакция, в своей полемической запальчивости, будет замечать беспрестанные противоречия в своем издании тогда только, когда другие на то укажут ей (вперед

* «Северная пчела» выписывает длинную тираду из одной нашей критики и, по-видимому, остается ею очень довольна.

только, опять-таки прибавляем мы, указывайте нам на действительные противоречия, а не на воображаемые вами. Ведь от таких указаний, какие вы нам сделали и которые мы сейчас разобрали, не нам приходится совеститься и краснеть за них), какое же доверие может иметь публика к ее критическим суждениям?»

Вот вы нас стращаете гневом публики, а сами, по-видимому, вовсе не боитесь ее гнева и равнодушия. Неужели вы думаете, что это критика? что вы нас *дельно* разобрали? Если допустить, что у нас вы действительно отыскали одно противоречие и выставили его напоказ публике, то неужели вы думаете, что так уж нас вы и убили? Кто ж не знает, что в двенадцати книгах в год, в любом журнале, без больших натяжек можно отыскать несколько противоречий? Ведь не думаете же вы, как некоторые господа, не умеющие читать *машинально*, что всю книгу пишет кто-нибудь один. Ведь не может же быть, чтоб все сотрудники журнала мыслили, желали и верили, как один человек. Противоречия всегда будут. Только в хорошем журнале эти противоречия будут заключаться в каких-нибудь мелких подробностях, о которых и говорить не стоит. Хорошая критика всё это знает и к пустякам не придирается. Лишь бы главная мысль проводилась последовательно и без противоречий. Когда ваш сотрудник писал на нас свою диатрибу (заметьте, милая сестра по ремеслу, что мы виним одного вашего сотрудника, а не вас, затем что вам, существу такому легкому и трудолюбивому, не углядеть за всеми вашими шмелями и трутнями), он, вероятно, не думал о публике. И что же вышло? Он не только не уличил нас, но еще вдобавок мы дарим ему педагогическое правило, что, дескать, не всё то готовится для детей, что необходимо для взрослых; вместо чепухи и нелепостей оказывается, что чепуха-то и нелепость сидят не в нашем журнале.

Вот хоть бы то место, где вы говорите, что две первые книжки наши были хороши, но что потом мы захотели стать журналом полемическим и пошли у нас противоречия, нелепости и разные увлечения. А с первых же двух книжек и началась у нас полемика. Как же вы этого не заметили? Может быть, потому не заметили, что в них полемические статьи не отделены от критических. Впоследствии мы все их отнесли в «Смесь», и таким образом они стали для вас виднее. С самого начала мы хотели полемики. В самом объявлении об издании нашего журнала мы сказали, что на критику и на полемику обратим особенное внимание. Скажем более: мы и не можем не быть полемическим журналом. Наши убеждения, и литературные и политические и общественные, идут вразрез с убеждениями многих наших журналов. Мы должны отстаивать то, во что верим, и потому и спорим и полемизируем. Прочтите наше объявление об издании нашего журнала на 1861 год, и вы увидите, что мы поступаем совершенно последовательно и что иначе мы и поступать не можем...

Но вам не нравится полемика?

В самом деле, бросим ее и будем лучше «уважать друг друга».

ОТВЕТ НА ПРОТЕСТ

Письмо к редактору

М‹илостивый› г‹осударь›.

Вы были так обязательны, что передали мне по принадлежности письмо г-на И. О. Левитского, заключающее в себе протест против рассказанного мною в одном из писем «Вольнодумца» случая с нигилистом, управлявшим имением.

Что делать с этим письмом?

Полагаю, что прежде всего его следует напечатать в «Гражданине».

А потом?

А потом предоставить мне на этот протест ответить.

Итак, вот письмо г-на И. О. Левитского.

Милостивый государь
господин редактор!

В № 30 издаваемой Вами газеты, в статье «Письма вольнодумца», г-н О..., описывая *образчик нигилиста в деревне*, говорит, что «*этот нигилист ученый... чуть ли не с золотой медалью кончивший курс наук в Петровской академии*». Зная судьбу всех кандидатов (кончивших курс наук) Петровской академии, я покорнейше прошу Вас, милостивый государь, в интересах истины точнее обозначить фамилию и место действия этого «*экземпляра странной семьи уродов нашего времени*». Принадлежа к числу немногих кандидатов по отделу сельского хозяйства, вышедших из Петровской академии, я вынужден обратиться к Вам, м‹илостивый› г‹осударь›, с такой просьбой, чтобы разоблачить ту грязную клевету и несправедливый ряд упреков, которым незаслуженно подвергаются скромные труженики в области науки сельского хозяйства, действительно кончившие курс наук в Петровской академии по агрономическому отделу. Смею уверить г-на О..., что судьба наталкивает его не на действительные факты, а на плоды его собственной фантазии. Заметим предварительно, что кончившие курс в Петровской академии вовсе не награждаются какими бы то ни было знаками отличия или золотыми медалями. Кончивших курс наук в Петровской академии по отделу агрономии до сих пор всего четыре человека, и так как фамилии их публикуются, то все они более или менее известны лицам, ближе интересующимся делом науки сельского хозяйства; в настоящее время два из них состоят при министерстве государственных имуществ, а других двое — при Петровской же академии, и, сколько мне известно, ни один не был в качестве управляющего в каком-либо имении, следовательно, не могло случиться с *кончившим курс в Петровской академии* ничего подобного тому глупому случаю, который описан на 827—829 страницах вашей многоуважаемой газеты г-ном О... Странно, что г-н О..., в той же статье, говорит: «*Пора бы этой Петровской академии приняться просто-запросто за поставку России хороших управляющих имениями*»... И в то же время измышляет небывалый самый гнусный случай, какой только могло нарисовать его больное воображение, стараясь, по-видимому, окончательно подорвать во мнении общества авторитет и тех немногих лиц, которые готовы предло-

жить свои скромные силы на пользу отечественного сельскохозяйственного промысла. Если между прежними слушателями Петровской академии и оказались некоторые личности, которых можно упрекнуть за многое, то такие лица перед судом и общественным мнением понесли уже достойное наказание, и в настоящее время кончивший курс наук в Петровской академии, будучи исключительно предан интересам науки сельского хозяйства (иначе он не мог бы кончить), не должен бы служить *«козлом отпущения»*, на которого взваливаются зря все заблуждения нескольких личностей, временно числившихся в одном с ним учебном заведении. Нам кажется более чем странным, если бы стали обвинять г-на О... в том, что некто из его школьных товарищей оказался впоследствии вором или разбойником.

Пора бы, скажем в заключение, таким публицистам, как г-н О..., осмотреться трезвыми глазами на окружающую их действительность и прийти к убеждению, что кошемар, который не дает им покоя, есть не более не менее как продукт ненормального состояния их собственного здоровья... И что изобретательность их относительно неблагонамеренности кончивших курс наук в Петровской академии имеет совершенно ложное основание.

Смею надеяться, что, в интересах правды, Вы, милостивый государь, не откажетесь поместить настоящее мое заявление на столбцах многоуважаемой вашей газеты. Примите и пр. ...

И. О. Левитский

Очевидно, что письмо это принадлежит к категории писем, бьющих на эффект. Тут пахнет обращением к публике со словами: «Вы видите — это донос на нас, честных тружеников, *готовых предложить свои скромные силы на пользу отечественного сельскохозяйственного промысла*».

Во-вторых, тут довольно самоуверенное распоряжение не только вопросом о том, получил ли мой нигилист золотую медаль или не получил, но даже самыми фактами, мною переданными. Г-н Левитский берет на себя опровергнуть эти факты *и называет их грязною клеветою, вымыслами больного воображения* на том-де основании, что окончивших курс в Петровской академии по агрономическому отделу *всего четыре* и эти четыре не состоят управляющими имениями.

Я позволю себе спросить г-на Левитского: уверен ли он в том, что кончивших курс по агрономическому отделу в Петровской академии со дня ее основания было всего только четверо?

Ибо если правда, что за 10 лет своего существования Петровская академия выпустила всего только 4 агрономов, то более чем когда-либо кстати обратиться к ней с фразою, столь не понравившеюся г-ну Левитскому: «*Пора бы этой Петровской академии приняться за поставку России хороших управляющих имениями*» и т. д., — ибо полагаю, что в этом главная цель ее существования; выпускать же в год по $^1/_3$ агронома, как оказывается из уверения г-на Левитского, — не значит ли все равно что быть бесполезною?

Полагаю, что всякий со мною в этом согласится.

Но дело в том, что тут что-то не так. Или г-н Левитский не хочет быть беспристрастным в данном случае, или он введен моим письмом в заблуждение.

Во-первых, я нигде не сказал, *по какому отделу* (по агрономическому или по другому) кончил курс мой нигилист.

Во-вторых, я сказал: «*чуть ли* не с золотою медалью», то есть не вполне уверенно, что и обозначил явственно; ибо иначе я сказал бы просто: «*кончил курс с золотою медалью*». Зато смею уверить г-на Левитского, что всё, о чем я упоминаю уверенно, — действительно совершилось и есть для меня полная и проверенная истина.

В-третьих, я самым решительным и положительным образом протестую против уверения г-на Левитского о том, что за всё время существования Петровской академии было всего четыре выпущенных воспитанника; удивляюсь, как и его не удивляет такое невероятное уверение! Я лично знаю более десяти человек, вышедших из этой академии, и знаю и то, что ежегодно выпускается из академии по крайней мере более четырех молодых людей... А так как я не уверял нигде, что герой моего рассказа кончил курс по агрономическому отделу, то, очевидно, уверение автора, что кончивших курс в Петровской академии по агрономическому отделу было 4, вовсе не доказывает, чтоб мой герой не мог принадлежать к числу кончивших курса — по какому бы то ни было отделу.

Но за сим идет более серьезная часть протеста г-на Левитского.

Во-первых, г-н Левитский, построивши свои опровержения на основаниях, коих шаткость мы сейчас выставили, позволяет себе называть рассказанные мною факты «*грязною клеветою*» и «*вымыслами больного воображения*».* На это ответ короток: *всё рассказанное мною о моем нигилисте в виде фактов — безусловно верно от начала до конца*. Предполагая, что имею дело с людьми, говорящими и чтущими правду, полагаю и то, что этого заверения моего достаточно для опровержения более чем смелых и чересчур легкомысленно высказанных слов г-на Левитского.

Затем г-н Левитский идет еще далее и становится уже просто непостижимым: он просит и даже требует, чтобы я или редакция назвали бы ему имя моего героя и местность, где он куролесил!

Признаемся, мы даже не понимаем мысли, руководившей г-на Левитского — высказать такое более чем странное требование. Какого же чувства недостает в нем, если, по-видимому, он не понимает, что порядочный человек в таких случаях должен

---

* Редакция берет на себя заметить, что ни в каком случае не напечатала бы письма г-на Левитского с сохранением таких выражений его, как *грязная клевета* и проч. Если же и помещает теперь письмо г-на Левитского безо всяких пропусков, то единственно по просьбе и по настоянию своего корреспондента «Вольнодумца О», к которому горячие слова г-на Левитского столь прямо относились. С своей стороны мы всё еще надеемся, что и г-н Левитский наконец убедится, что такое веское и такое несчастное выражение, как «грязная клевета», *ни с какой стороны*, в данном случае, не может быть приложено к возникшему делу. Ред.

помнить латинскую пословицу: «Nomina sunt odiosa».[1] Я писал рассказ, характеризующий эпоху или сословие, а *не донос*, влекущий за собою неприятные последствия для лица называемого, и еще более неприятные, в нравственном отношении, для лица называющего.

К тому же, если бы от именования лиц, на которых рассказ набрасывает некрасивые тени, не удерживало порядочного человека правильное понимание честного и бесчестного, — разве г-н Левитский не знает, что закон воспрещает не только это, но не позволяет даже в выдаваемом рабочему аттестате отмечать, что он прогнан, например, за пьянство и развратное поведение, по той простой причине, что такая отметка повредила бы этому рабочему в дальнейшей его жизни?

Но дело в том, что г-н Левитский рассуждает, вероятно, так: если г-н О... не называет своего героя, значит тень падает на всё учреждение Петровской академии.

Признаться, и это рассуждение не совсем для меня понятно: ибо я никак не могу уяснить себе, почему, если бы я и назвал имя моего героя, тень его странных подвигов не падала бы и тогда точно так же на учреждение, в котором он получил, путем воспитания, понятия о жизни и научные сведения?

Г-н Левитский говорит: «Нам кажется более чем странным, если бы стали обвинять г-на О... в том, что некто из его школьных товарищей оказался впоследствии вором или разбойником»...

Действительно, такого рода обвинение было бы весьма странно и не выдерживало бы никакой критики. Но дело в том, что есть огромная разница между обвинением человека в воровстве и разбое и между рассказом, изображающим управляющего имением, вышедшего из Петровской академии, в смешном виде, — потому что он смеется над религиею, донельзя доволен собою, безмерно самоуверен и презирает всё, кроме своих собственных теорий; разницу эту поймет 10-летний ребенок.

В первом случае я обвиняю человека в позорящих имя его действиях и призываю на него уголовную ответственность перед судом, а во втором случае я повествую лишь о таких подвигах и смешных сторонах человека, которые хотя и свидетельствуют о ложном, по моему мнению, направлении его воспитания, но вполне совместимы даже с званием честного человека и не позорят ни то лицо, о котором я говорю, ни то учебное заведение, из которого этот человек вышел.

Говорить, что известное учебное заведение поставляет лишь воров и разбойников, было бы нелепо и значило бы позорить это заведение. Но говорить, что я наткнулся на нигилиста, кончившего курс в Петровской академии, и затем выражать желание, чтобы это учебное заведение не выпускало из своей среды еще

[1] «Не будем называть имен» (*лат.*; букв.: имена ненавистны).

таких же нигилистов, — полагаю, не значит говорить нелепость и не значит тоже признавать нигилистами всех выходящих из Петровской академии. Выходит из этой академии, как и отовсюду, весьма достаточно и очень хороших людей, но *выходил* тоже известный контингент и несостоятельных людей — всякий это знает, и полагаю, что сам г-н Левитский согласится с нами, что позволительно по крайней мере хоть пожелать, чтобы контингент очень хороших людей при выпуске из Петровской академии доходил до 100%, а контингент исковерканных людей до 0%!

Повторяю: мой герой, имени которого не назову даже редакции, в известном, общепринятом смысле — есть человек честный, но как человек слишком известных убеждений он оказался непрактическим человеком и обжегся при первой же схватке с действительностию. Вот это-то я и имел в виду рассказать.

И если я рассказал об нем все эти подробности, то вовсе не с целью повредить ему или набросить тень на Петровскую академию, а с тем, чтобы, в случае если бы этот рассказ попался на глаза какому-нибудь нигилисту, желающему разыграть где-нибудь такую же роль, как мой герой (ибо на это есть очень много любителей), — то рассказ мой мог бы послужить ему полезным предостережением и спасти его от печальной участи быть признанным негодным для дела человеком.

Во всяком случае, я полагаю, что г-н Левитский напрасно становится *на ходули* и употребляет столь громкие слова, как «*скромные труженики*», «*козел отпущения*» и т. п., в деле, где идет речь о простой картинке нигилиста, снятой с натуры. Прием этот давно уже сделался избитою тропою в нашей литературе, — всякий раз, когда заговаривают о смешной стороне людей с известными убеждениями. «Как, вы оскорбляете целое сословие молодых тружеников, людей науки; поносите целое учебное заведение?!» и т. д. Всё это донельзя опошлившиеся фразы, и жаль, что до сих пор на эту удочку ловятся наши читатели и из сентиментальности готовы умиляться над нашими «бедными, всеми гонимыми нигилистами» вместо того, чтобы предать их смеху и забвению. И благодаря этой удочке, на которую значительная часть нашего общества ловится, выходит, что доселе с нашими нигилистами обращаются так же осторожно, как с охотою на птиц до Петрова дня, и так же благоговейно, как с какими-то мучениками, гонимыми за правду.

С целью эксплуатировать эту удочку г-н Левитский говорит: «Если между прежними слушателями Петровской академии и оказались некоторые личности, которых можно упрекнуть за многое, то такие лица перед судом и общественным мнением понесли достойное наказание...»

Вот вам фраза, сейчас же приводящая в слезы многих читателей. Понятно, о ком здесь идет речь: о нечаевских сподвижниках. Да, они попались, они понесли наказание. Но что же из этого следует? Эти-то и были *козлами отпущения*, а вовсе не мой

герой, который, может быть, живет себе припеваючи. Я об этих нигилистах говорю, а вовсе не о нечаевцах; те дурные люди, от них в ста шагах воняет нечаевщиною; а мои герои — это люди по натуре честные, это добрые даже люди, которых жалеешь (а иногда, пожалуй, и любишь), потому что они сбиты с толку ложным направлением в воспитании, в литературе и в обществе, потому что они смешны, и в особенности потому, что всего более вредят самим себе, хотя несомненно вредят и другим.

Увы, таких жертв наше странное воспитание дает слишком много; ложное направление в литературе не образумливает их, а, напротив, поддерживает в них этот дух непрактичности, и, увы, — оставляет их и бросает, как ненужную тряпку, тогда, когда они, долго бившись лбом об жизнь и людей, — изнемогают в бесплодной борьбе и начнут проклинать своих лжеучителей. И вот, благодаря этому, Россия лишена именно того, о чем так напыщенно говорит г-н Левитский, то есть *смиренных тружеников науки* по сельскому хозяйству. Нет, что-то не видно тружеников, — а уж смирения и подавно. . .

Г-н Левитский говорит, что теперь студенты Петровской академии заняты только наукою. Слава богу! Мы первые этому радуемся, мы первые этому верим и первые заговорим об этом новом поколении сельских тружеников, — как только оно появится! Но мы напомним г-ну Левитскому, что герой нашего рассказа, во всяком случае, принадлежит к той эпохе студентов, когда о тружениках науки по отрасли сельского хозяйства что-то мало было слышно!

Вольнодумец О.

СТОЛПЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО РАДИКАЛИЗМА

Господин Худеков, редижирующий «Петербургскую газету», по поводу убийства и самоубийства в «Belle-Vue», между прочим, философствует в передовой статье таким образом: «. . . конечно, всего естественнее ему было бы пустить себе пулю в лоб, никого не тревожа. Но как *ее* * (курсив в подлиннике) оставить *в обладании другого* человека? .. Виноват ли он, разыграв кровавую драму? *Никто не виноват* в этой *неизбежной* катастрофе, изумившей *апатическую* публику. Никого она (т. е. катастрофа?) не оскорбила, никому не причинила социального ** (?) огорчения, но, скорее, на минуту, заставила каждого как-то *поэтически* встрепенуться. Если в нашем *сонном* обществе *угасли поэтиче-*

* Ее. Кого ее? До сих пор г-н Худеков предполагает как бы некоего Асмодея, применяя свою аллегорию прямо к истории в «Бель-Вю», но сейчас же с следующей фразы начинается прямо о Комарове, и несомненно все прежние рассуждения относятся именно к Комарову.

** Это что же такое «социальное огорчение»?

ские искры, то история, имевшая место в «Бель-Вю», *снова прибавила им блеска.** Драма, *честно* разыгранная в жизни, приносит более *полезных результатов*, чем трагедия, умно разыгранная актерами на сцене.**

ИЗ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ

Как-то на праздниках навестил меня один давнишний знакомый, причисляющий себя, с некоторой гордостью, к «людям сороковых годов». Усевшись у стола, забросанного кой-какими повременными листками, он обратил внимание на залежавшийся между ними нумер «С.-Петербургских ведомостей» от 23 декабря.

— Читали этот фельетон? — спрашивает он меня.

— Мельком. А что?

— Изображен субъект из наших времен, да не совсем для меня понятный. Субъекту, видимо, угрожает, в «близком будущем», delirium tremens:[1] у него уже начинается какой-то дикий литературный бред. Наружность его очень живописна: «растерзанные панталоны», и «опорки» на ногах, и «сизоватый нос», и «щетинистая, небритая борода», и «затекшие глаза с кровяными жилками на белках», — всё как следует. Но сколько ни напрягал я мое воображение, чтобы восстановить эту личность в ее первобытном виде, то есть в виде еще не спившегося и молодого человека, — не могу и не понимаю! Не понимаю, из какого мира мог выйти такой субъект. А бред его вертится около 1848 года... Вам, может быть, кажется странным или смешным, что я так привязался к этому фельетонно-фантастическому образу? Но на это есть причина: этот фантастический образ оживил в моей памяти другой, действительный образ; он напомнил мне одно «погибшее, но милое созданье», шедшее довольно долго со мной рядом, а потом удалившееся и скрывшееся от меня... под верстак.

— Под какой верстак? — спросил я.

— Подождите. Вы знаете, может быть, мой обычай сохранять все приятельские письма и даже записочки; у меня они наполняют целый объемный ящик. Этот фельетон, этот «Жан Провиантов» заставил меня углубиться в ящик и отрыть там несколько писем моего погибшего, теперь уже не существующего даже под верстаком Родиоши. Прочел я письма, и он ожил передо мною

* Любоваться злодеянием в «Бель-Вю» и называть это поэзией — все равно что оправдывать девочку-убийцу, воткнувшую булавку в голову грудного ребенка, как и было в одной из наших газет в начале года. И радикально и неостроумно!

** Итак, злодейство, совершенное безумным Комаровым, есть дело *честное* и *полезное* обществу!.. Заметьте, что в том же самом номере газеты г-н Худеков восклицает: «O tempora, o mores!».

[1] белая горячка (*лат.*).

зесь: как теперь вижу его небольшие, карие, блестящие и бегающие глазки, его остренький нос, его губы, всегда освещенные тонкой усмешкой и как будто каждую минуту готовящиеся что-то сказать, его живые, юркливые движения; слышу его бойкую, своеобразную, полную юмора речь и, главное, его мастерское чтение. У меня бережется подаренный им в одну игривую минуту экземпляр басен Крылова, с надписью на заглавном листке: «С хорошим человеком мы всегда свои люди, тонкие приятели... Р. Ш.». Вы, конечно, помните, что это изречение принадлежит кучеру Павла Ивановича Чичикова, Селифану. Гоголя особенно умел читать Родиоша. Помню, раз... всё это было между свежей молодежью, — прочел он нам вечером «Вия», и я почти всю ночь не мог заснуть: всё слышался страшно всхлипывающий голос: «Приведите Вия! Ступайте за Вием!» Да и не одного Гоголя. Басни Крылова он подарил мне по случаю моего признания, что когда он читает стихи:

Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут, —
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут, —

тогда Дуб непременно представляется живым существом с определенной и необыкновенно благородной физиономией... Удивительно восприимчивая и чуткая душа был этот Родиоша. Вот хоть бы это, например: знаете, в ту пору, именно в половине сороковых годов, итальянская опера только что успела проникнуть в самую массу петербургской публики; избранные, то есть люди более или менее достаточные, года за три пред тем не брезгавшие верхами, спустились пониже, а на верхи хлынул пролетариат. Мы тогда считали верхом наслаждения 80-ти копеечные боковые места в галерее 5-го яруса: сидя в них, мы упивались сладкими звуками, забывали весь мир и не только не завидовали партеру, но даже с своей 80-ти копеечной высоты взирали на него с некоторым пренебрежением. Вот раз я увлек туда нашего Родиошу. Сидим. Давали теперь уже давно выброшенную из репертуара чувствительную оперку Беллини «Беатриче ди Тенда». На половине первой выходной арии Фреццолини... Не знаю, застали ли вы эту певицу; у самого, правду сказать, к ней, несмотря на многие ее достоинства и страстность, как-то не очень лежала душа... На половине, говорю, ее арии слышу — под самым моим ухом что-то слабо пискнуло, как будто подавленный крик слегка раненного человека. Я оглянулся — мой Родиоша закусил нижнюю губу, подбородок дрожит и на ресницах висят слезы. — «Что с вами, Родион Васильевич?» — «Не знаю, что со мной, — отвечал он, тихо засмеявшись и опустив голову к борту. — Что-то за сердце схватило». В другой раз он уж не хотел идти слушать Фреццолини... Да постойте: мне хочется рассказать вам его краткую биографию. Родиоша родился «на брегах Невы»; рос и

воспитывался дома, готовясь в университет под надзором сурового отца, почему-то его гнавшего, и был нередко укрываем от его свирепости под теплым крылышком чадолюбивой и чрезвычайно чувствительной матери. Поступил в университет, но и там всё как-то ежился, чувствуя на себе грозные родительские взоры; поэтому, протянув кое-как два курса и ухватившись за нечаянно представившийся случай, вышел из университета и уехал на юг, в Малороссию, в качестве домашнего секретаря и компаньона некоего большого барина. Пробыв там два года и вернувшись в Петербург, сбирался он готовиться к экзамену на кандидата; готовился, но экзамена не держал, а занялся писательством, прильнув к одному из тогдашних молодых литературных кружков. Некоторое время печатались его небольшие, но живые библиографические статейки. Случайное распадение кружка сбило его и с этой дороги; задумал он тогда прочесть пробную лекцию на право преподавателя в военно-учебных заведениях, взял тему, приготовил лекцию, но... не читал ее, а занялся частными уроками, внеся в них всю бойкость и одушевленность своей речи и всю свою юркость. Между тем родитель его, уже давно отказавший в своем лицезрении гонимому сыну, умер. Родиоша почувствовал себя свободнее, засуетился и развернулся. Тут скоро я потерял его из вида, потому что он вдруг скрылся из Петербурга — кажется, в Москву. Прошло несколько лет. Раз, как-то летом, я неожиданно встречаю его на Адмиралтейской площади. На нем светло-серенькое пальто, и сам он весь светло-серенький; гладко выбритый, прилизанный.

— Родион Васильич! Где скрывались и где обретаетесь?

— Обретаюсь, батенька, в самом пекле.

— Что значит?

— Служу в канцелярии полицмейстера; трудимся рук не покладывая. А чего насмотрелся! .. Увидимся — расскажу.

Я шел не один, и мы расстались... расстались опять лет на пять. Лет через пять вдруг явился он ко мне уже совершенно в ином виде: весь зарос бородой, нос и скулы изукрашены тонкими красными жилками; на плечах было что-то бывшее некогда драповым пальто с талией и с пуговицами назади, от которых теперь остались только ниточки; одежда ярко лоснилась, дополняемая «растерзанными» панталонами и неопределенной, стоптанной обувью. Съежившись пуще прежнего, он пришел просить помочь ему достать работы. Достали мы с ним кой-какую работу, на которой он держался... месяца три, и в продолжение их развалины драпового пальто заменились приличным сюртучком, а на ногах появились сапоги немецкой работы, которые, по его выражению, заимствованному у Макара Алексеевича Девушкина (героя «Бедных людей»), он «надевал с некоторым сладострастием». Через три месяца работа повалилась из рук, уже заметно дрожавших; Родиоша скрылся, и затем начал я получать от него, чрез небольшие промежутки времени, те письма и записочки, писанные всё

на одну и ту же болезненно-тяжелую тему, из которых кое-что отрыл я в моем ящике и ношу теперь в кармане. Не хотите ли послушать?..

Гость мой вынул из кармана несколько лоскутков и стал читать. «*26-е февраля.* Человек, от крайности, продал свои волосы и бороду, остригся и обрился, à la Louis Napoléon, чуть не давши в том подписку капризному благодетелю... Это добровольное обезображение себя отзовется получением работы, довольно хорошо оплачиваемой, кой-какой одежонки и, зачастую, питательным обедом. Вчера, совершив пострижение и обритие, я обращался к оным милостивцам, был хорошо принят, обнадежен, но — просили *обождать* денька три. А в эти „три денька" в том положении, как я нахожусь, не спасется никакая тварь... В занимаемом мною углу, под чужим, впрочем, комодом, лежит сверток моей рукописи: оригинальный труд, за который дали бы, не торгуясь, рублей 200; но его надо прочесть добрым людям, нужно прибавить одну главу... а я принужден изворачиваться для снискания куска хлеба и подчас просить милостыньки... После восьми годов нищеты, христарадничанья, больничного страдания и странствия по петербургским углам — помогите мне, убогому ныне, но когда-то довольно свеженькой личности, продержаться денька три-четыре, пока мой капризный благодетель, откупивший у меня бороду, не поставит меня на „задельную".

Le pain est cher et la misère est grande,[1] — знаю, но такой недостаток в хлебе, такую бедность, как у меня, — вряд ли где встретите. В полном уповании, что на эти, с страшной душевной болью написанные строки не воспоследует энергического ответа „Бог пошлет", остаюсь и проч.».

«*4-го октября, 5 час. веч...* В больницу не попал. Сначала препятствием явился совершенный недостаток верхней одежды и такая слабость, что невозможно было отважиться ехать в больницу, без уверенности, примут ли, и, если нет, то на чем тогда тащиться в другую, может быть, в третью... А на третий день стало полегче, опухоль опала, и теперь я сижу в кухне на полатях весь обмотанный разным тряпьем. До сих пор острая боль — ломота в суставах — осиливала самый голод, а теперь он подступает, и что со мною будет — ума не приложу. Около меня тоже народ полуголодный, полуодетый и частию пьяный: не только помощи попросить, но даже послать эти строки, с условием вознаграждения, не предвижу возможности. Самому выйти на мороз в одном ветхом сюртучонке, летней фуражке и сквозящих сапогах — значит подготовить себе потерю ног или рук... Будьте так добры, ассигнуйте нечто на продовольствие в течение 3—4-х суток... Повторяю: голод подступает; всё продовольствие мое сегодня состояло из $1/3$ фунта хлеба, на что издержана последняя копейка...

[1] Хлеб дорог, а нищета велика (*франц.*).

P. S. Пишу почти совсем впотьмах: ни свечи, ни масла, ни керосину нет».

— И так-то корреспонденция длилась у нас с ним года четыре. При личных встречах сколько ни пытался я поднять падшего — ничего не мог сделать; он всё толковал о задавившей его нужде, — которую, конечно, он сам себе создал и которой покорился безвозвратно. «Ведь чего я не испытал и до чего не доходил! — говорил он мне однажды. — Вот хоть бы нынешним летом что случилось. Есть у меня, видите ли, должничок, из промышленников... писал я ему кое-что, хлопотал по его делам; обязался заплатить хорошо. Наведался я, — говорит: в красносельском лагере торгует. Как быть? подошло так, что перекусить нечего и в виду ничего нет. Решился идти в Красное Село. Собрался пораньше, пошел. День выдался жаркий; пекло, пекло меня, однако доплелся; спрашиваю, Говорят: в город уехал за товаром; вернется через день. Ну, знаете, эти слова прослушал я почти как смертный приговор. Что буду делать — измученный, голодный? Уж не знаю, вид ли мой был очень жалок или наши солдатики вообще зорки к нужде и горю, только приняли участие. „Отдохни, говорят, добрый человек, войди в палатку“. Ввели, покормили, позволили полежать. Отдохнул я, а к вечеру надо было пуститься в обратный путь. Шагал всю ночь и часам к шести утра прибыл в столицу; но каким прибыл — не спрашивайте! Что было под подошвами и с частью собственных подошв, — всё осталось на шоссе; рубашка на мне — это была не рубашка, а какая-то дохлая кошка. Перемениться нечем. Прошу хозяйку... Я, видите ли, живу в столярной *под верстаком*... то есть мне там позволяют ночевать... Прошу хозяйку, нельзя ли простирнуть рубашку. Согласилась. Я снял, надел пальтишко на голое тело, отдал рубашку. Ну, думаю, что же теперь буду есть, — потому что голоден. Есть у меня тут, в Кирпичном переулке, знакомая мясная лавка... тоже кой-какие послуги оказывал... пойти бы, не уделят ли фунтик мяса; да как без рубашки? Однако запахнул я пальтишко поплотнее, чтоб не видно было моей наготы, и пошел. Заглянул в лавку, покупатели всё чистые — повара, кухарки из богатых домов. Суета; молодцы едва успевают отпускать товар. Я вошел да и остановился в сторонке у дверей: думаю — пережду, пусть поуменьшится публика, будет посвободнее, а то им теперь не до меня. Однако вижу — всё входят новые лица, долго не дождаться. Что же мне тут торчать? Зайду лучше через часок — и вышел тихонько. Только что успел я притворить за собой дверь, кто-то меня сзади за плечо... Оглянулся — городовой. „Что, говорю, угодно?“ — „Пожалуйте в участок“. — „За что, позвольте спросить?“ — „За прошение милостыни“. — „Да я, смею вас уверить, не просил“. — „Всё равно, пожалуйте, там разберут“. Пошли... Участковый тут. „Кто вы?“ — спрашивает. Я стал объяснять, да как-то не спохватившись пораскрыл пальто, — он и заметил, что на мне ничего нет,

Его передернуло. „Подите, говорит, сюда“. Отвел в другую комнату, дверь притворил. „В каком вы, говорит, положении? Что довело?“ Я рассказал что мог. „Подождите, говорит, здесь; принесут белье — наденьте“. Вышел. Принес мне солдатик белье, — я надел. Стакан чаю принесли мне, с хлебом, — выпил. Входит участковый. „Ступайте, говорит, а дня через два зайдите: я, может быть, что-нибудь для вас сделаю“. Я кланяюсь и благодарю, а через два дня зашел по приказанию. „Идите, — говорит участковый, — к книгопродавцу-издателю: я говорил о вас; он дает работу“. Я еще поблагодарил. Да что ж? ведь я знаю книгопродавца-издателя, и он меня знает. Как я пойду?»

— Это было одно из моих последних свиданий с Родиошей, — заключил мой гость. — Скоро — и это было года три назад — из-под верстака переселился он, одержимый каким-то воспалением, в знакомую уже ему больницу, а из нее — прямо на кладбище, и память об нем не знаю осталась ли где, кроме моего ящика. Так-то погибла «свеженькая личность», жертва собственной слабости. И я всё это к тому рассказал вам, что из наших сверстников вот какого рода субъекты, при неудачной постановке жизни, облекались в «растерзанные» панталоны; а таких, как «Жан Провиантов», я не знавал и не помню. Впрочем, может быть, были где-нибудь и такие...

Я понял, что мой добрый знакомый затем только и навестил меня, чтобы излить огорчение, причиненное ему личностью «Жана Провиантова», затесавшегося в общество «людей сороковых годов».

Из этой, недавно минувшей жизни, в которую я непростительно позволил приятелю увести меня, спешу, по долгу, возвратиться в жизнь ныне текущую, в которой найдутся своего рода любопытные субъекты и явления.

Во-первых, не далее, как накануне сего нового года, петербургский столичный мировой съезд рассматривал дело о действительном статском советнике *бароне Франкенштейне*... Любопытнейшее дело и любопытнейшее явление, — г-н действительный статский советник барон Франкенштейн! При существовании мировых судей и съездов, он не страшится гласного суда и бьет 18-летнюю девицу, крестьянку Иванову, в первый раз прибывшую в Петербург и, по неопытности, поступившую к нему в услужение, — бьет и не соглашается ни за что освободить ее от услужения, приговаривая: «Нет, ты будешь служить; мы напишем матери письмо, чтоб она приехала и выдрала тебя хорошенько»; а так как девица продолжает упорствовать в желании освободиться, то его превосходительство, не ожидая матери и дранья, делает экстренное заключение: «У тебя волоса большие, следовательно, тебя нужно таскать», и таскает девицу, бия ее головой о плиту до бесчувствия; когда же дворник с городовым, показавшие себя, вопреки просвещенной воле барона, людьми

настойчивыми, проникли в храмину, где лежала на полу лишенная чувств девица, то им представилось зрелище умилительное: его превосходительство, являя знак своего нежного сердца, оказывал девице «первоначальное медицинское пособие», посредством возлияния на ее голову холодной воды, а незваным посетителям, обязанным, по своему званию, безусловно верить баронскому слову, с твердостию возвестил, что — девица в припадке. Всё это было в виду мирового судьи, но он, судья, не оценил нежного сердца барона, забыв его ранг и достоинство, приговорив его превосходительство к 14-дневному заключению в тюрьме! Можете представить, с каким негодованием должен был выслушать барон сей приговор! Конечно, он апеллировал в съезд, и съезд, проникшись чувством уважения к рангу и достоинству, постановил: подвергнуть подсудимого (!) *аресту при тюрьме* (так не *заключению же*!) на 14 дней. По крайней мере! *Арест*, конечно, не унижает так, как *заключение*; но всё же, барон, — вам ли выносить такой порядок вещей, при котором вас называют «подсудимым» и делают «осужденным» — за что? Ведь мог же суд удостовериться, что у девицы Ивановой действительно большие волоса, а какую другую цель могла иметь природа, снабжая ее такими волосами, как не вящее удобство для благородных рук, долженствующих таскать ее? Нет! бегите лучше из мест, населенных мировыми и их съездами, и прах от ног ваших отрясите; спешите туда, «в тот мир идеальный», где цветут наиудобнейшие «герихты», которые наверное не пригласят вас в тюрьму за какое-нибудь ничтожное тасканье длинноволосой крестьянки! ..

Знаете ли вы слово о том человеке, «кем в мир соблазн входит»? Духовенство села Мыта (Гороховецкого уезда Владимирской губернии), которое, сотворив совет, порешило сдать на 1874 год усадебную церковную землю для открытия на ней *питейного заведения*, каковое решение, говорят, сельскому обществу *не понравилось*, и оно просило священника винной торговли не открывать, а священник, будто бы, на ту просьбу *обиделся*... Да! горе тому человеку, кем соблазн входит... Тяжел также и камень жерновый...

Но довольно о всяких соблазнах! Ведь не защитить нам от них свет и не унять творимых чрез них безобразий, пока сами творящие не сознают в душе логической и нравственной невозможности творимого. Полюбуйтесь лучше на лицедействующих ребятишек; это — любопытное явление совсем в другом роде, — веселенькое, смягчающее. В Звенигородском уезде, в селе Покровском, дан, на третий день праздника, благотворительный спектакль в пользу самарцев. Играли «ребятишки» — ученики и ученицы местной народной школы. Поставлено было несколько живых картин из сказок Пушкина и разыгран шутка-водевиль, написанный для этого спектакля г-жою Голохвастовой. Плата за

вход была — 10 коп.; сбор составил 50 р.; следовательно, зрителей было 500. Спектакль, говорят, имел полный успех. Если так, то почему бы, кажется, ему не повториться хотя бы, например, на масленице? Ведь это увеселение, в случае настоящего успеха, действует отрезвительно: а если еще и актеры и зрители знают, какое назначение имеет сбор, то оно — для одних наставительно, для других успокоительно. Г-жа Голохвастова, вероятно, не откажет для доброго дела еще сочинить — не только шутку-водевиль, но даже комедийку, хоть крошечную, и сказок Пушкина (именно их) хватит на много живых картин.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕРАЗЫСКАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО

1. Знакомство мое с Белинским. Написано в 1867 г. для литературного сборника «Чаша» (см. письмо Достоевского А. Н. Майкову от 15 сентября 1867 г.). Ср.: *Д, Письма*, т. II, стр. 389—390 (комментарий А. С. Долинина); *Описание*, стр. 335.

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ, ПРИПИСЫВАВШИЕСЯ ДОСТОЕВСКОМУ, НО НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В СОСТАВ НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ, ТАК КАК ЛИБО УСТАНОВЛЕНА ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ИХ ДРУГИМ АВТОРАМ, ЛИБО ДЛЯ АТРИБУЦИИ ИХ ДОСТОЕВСКОМУ НЕТ ДОСТАТОЧНЫХ ОСНОВАНИЙ

1. Подводный камень. Роман М. Авдеева. ‹Рецензия›. — *Вр*, 1861, № 1, отд. II, стр. 35—45. Без подписи. Приписана (без доказательств) Достоевскому О. ф. Шульцем (*Schoultz*, S. 8). Б. В. Томашевским атрибутирована Н. Н. Страхову (*1926*, т. XIII, стр. 609), позднейшими исследователями — М. П. Погодину (История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под редакцией К. Д. Муратовой. М.—Л., 1962, стр. 113; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 234). Окончательное решение вопроса об авторе рецензии остается пока открытым (помимо Погодина, атрибуция которому сомнительна, им могли быть М. М. Достоевский или А. П. Милюков; возможно, также и авторство Страхова, см.: *ЛН*, т. 86, с. 379), но содержание и стиль не дают оснований для атрибуции рецензии Ф. М. Достоевскому.

2. Разные разности. — *Вр*, 1861, № 2, отд. V, стр. 35—42. Без подписи. Приписана Достоевскому (без доказательств) О. ф. Шульцем (*Schoultz*, S. 8). Б. В. Томашевским атрибутирована А. Е. Разину (*1926*, т. XIII, стр. 609). В. С. Нечаевой атрибуция эта оспорена на основании редакционных книг журнала «Время» и соображений об общем характере участия Разина в журнале (*Нечаева, «Эпоха»*, стр. 262). Ею же высказано (требующее дополнительного обоснования) предположение о возможной принадлежности фельетона А. А. Григорьеву (там же). Так как по редакционной книге журнала «Время» деньги за фельтон 14 февраля выплачены редакцией постороннему лицу (хотя фамилия его не указана), Ф. М. Достоевский не мог быть его автором.

3. Стихотворения А. Н. Плещеева. — *Вр*, 1861, № 4, отд. II, стр. 151—162. Приписана Достоевскому (без доказательств) О. ф. Шульцем

(*Schoultz*, S. 8). По свидетельству хорошо знавшего обоих редакторов «Времени» А. Н. Плещеева в письме его к А. П. Милюкову от 8 июля 1861 г. статья написана М. М. Достоевским (*ЛА*, т. 6, стр. 286, 287, ср.: *1926*, т. XIII, стр. 609—610; *Нечаева, «Время»*, стр. 247, 248; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 236).

4. По поводу одной драмы «Ребенок», драма г. Боборыкина. — *Вр*, 1861, № 5, отд. II, стр. 36—45. Без подписи. Приписана Достоевскому (без доказательств) О. ф. Шульцем (*Schoultz*, S. 8). Б. В. Томашевским (*1926*, т. XIII, стр. 610) и В. С. Нечаевой (*Нечаева, «Эпоха»*, стр. 237, 263) эта атрибуция оспорена, и статья предположительно атрибутирована А. А. Григорьеву. Как бы ни решился в будущем вопрос о ее авторстве, статья не может принадлежать Достоевскому, так как она была сопровождена редакцией журнала полемическим примечанием, судя по содержанию и стилю, принадлежащим Ф. М. Достоевскому (см. наст. изд., т. XIX, стр. 212, 348).

5. Вместо фельетона. — *Вр*, 1861, № 5, отд. IV, стр. 1—14. Без подписи. Приписано Достоевскому О. ф. Шульцем (*Schoultz*, S. 8) на основании близости содержащегося в статье разбора статьи Н. Ф. Щербины о хрестоматии для народного чтения с аналогичным разбором в статьях Достоевского «Книжность и грамотность» из «Ряда статей о русской литературе» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 21—57). Атрибуцию Шульца справедливо оспорил Б. В. Томашевский (*1926*, т. XIII, стр. 610; ср.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 237, 263). Автор статьи, как установлено В. А. Тунимановым, — П. А. Кусков (см. наст. изд,. т. XIX, стр. 350).

6. Наши домашние дела. (Современные заметки). — *Вр*, 1861, № 7, отд. IV, стр. 13—49. Без подписи. Начало этого обозрения (стр. 13—14) было приписано Достоевскому Л. П. Гроссманом и включено им в собрание сочинений: *1918*, т. XXII, стр. 252—253. В действительности, как указал Б. В. Томашевский (*1926*, стр. 610—611), Достоевский в отделе «Наши домашние дела» не участвовал; его вел А. У. Порецкий. Ср.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 239.

7. Наши домашние дела. (Современные заметки). — *Вр*, 1861, № 8, отд. IV, стр. 103—134. Отрывок из этого обозрения «Не тронь меня» (стр. 108—117) был приписан Достоевскому Л. П. Гроссманом и перепечатан с его предисловием в книгах: *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 113—120; *Гроссман, Семинарий*, стр. 85—92. Автор — А. У. Порецкий (см. выше, № 6; ср.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 240).

8. Наши домашние дела. (Современное обозрение). — *Вр*, 1861, № 11, отд. IV, стр. 1—28. Заключительная часть этого обозрения (некролог И. С. Никитина на стр. 28) была предположительно приписана Достоевскому Л. П. Гроссманом (*1918*, т. XXII, стр. XV). Автор — А. У. Порецкий или М. де Пуле (?) (см. выше, № 6; ср.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 242).

9. Николай Александрович Добролюбов. Некролог. — *Вр*, 1861, № 11, отд. IV, стр. 31—32. См. ниже, стр. 187.

10. Наши домашние дела. (Современные заметки). — *Вр*, 1861, № 12, отд. IV, стр. 87—113. Отрывки из этого обозрения были приписаны Достоевскому Л. П. Гроссманом и включены им в собрание сочинений: *1918*,

т. XXII, стр. 106, 109—111. Автор — А. У. Порецкий (см. выше, № 6; ср.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 243).

11. Полемический случай с «Основой» и «Сионом». — *Вр*, 1861, № 12, отд. IV, стр. 114—116. Приписана Ф. М. Достоевскому по близости «идейного строя и литературной манеры» предположительно Л. П. Гроссманом (*1918*, т. XXII, стр. XXV). С мнением Гроссмана о возможном авторстве Достоевского согласились Б. В. Томашевский (*1926*, т. XIII, стр. 611), В. С. Нечаева (*Нечаева, «Эпоха»*, стр. 243, 265) и Г. Хетсо (*Kjetsaa*, p. 29), не нашедшие, однако, возможным считать вопрос об авторстве статьи ввиду недостаточности имеющегося в наших руках материала решенным. По мнению редакции, автор статьи — М. М. Достоевский.

12. Дворянин, желающий быть крестьянином. — *Вр*, 1861, № 12, отд. IV, стр. 117—123. Без подписи. Приписано Достоевскому на основании сходства с его «журнальными приемами» Б. В. Томашевским (*1926*, т. XIII, стр. 611; ср.: *Нечаева, «Время»*, стр. 83—87; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 243; 265; *Kjetsaa*, p. 29).

Тем не менее принадлежность статьи Достоевскому маловероятна. Статья отражает общую позицию редакции «Времени» по крестьянскому вопросу, наиболее подробно сформулированную в статье «Дворянство и земство (по поводу журнальных толков)» (*Вр*, 1862, № 3, отд. II, стр. 1—29), статье, авторами которой могли быть, скорее всего, А. Е. Разин (*Нечаева, «Эпоха»*, стр. 268) или А. У. Порецкий. Но особенно важно для решения вопроса об авторстве то, что концовка заметки, на что обратил внимание В. А. Туниманов, перекликается с полемической статьей Н. Н. Страхова «Литературные законодатели. Письмо в редакцию „Времени“, по поводу статьи „Литературные рабочие“ («Современник», № 10)» в предыдущей книжке «Времени». Страхов полемизирует здесь со статьей Т. З. ‹Н. В. Шелгунова›: «У Т. З. ‹...› вопросов не существует. Существуют только одни решения» (*Вр*, 1861, № 11, стр. 107). Причем статью «Литературные законодатели» заключают иронические строчки: «И никого не желал бы я стеснять. Пусть все трудятся по мере сил и уменья. Самого г. Чернышевского, несмотря на его блистательные дарования, я не решился бы заставить писать о земледелии. Самому г. Т. З., порешившему все вопросы, я не дал бы права сказать кому бы то ни было: „Тебе незачем писать!“ Нет, ни за что на свете!» (там же, стр. 118).

С этими-то заключительными словами статьи Страхова перекликается непосредственно окончание заметки «Дворянин, желающий быть крестьянином». Поэтому естественнее всего предположить, что Страхов мог быть автором и этой заметки. Во всяком случае, есть больше оснований ввести эту заметку в собрание статей Страхова, чем в собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Из других возможных авторов (после Страхова) должны быть названы А. Е. Разин и А. У. Порецкий.

13. Иван Иванович Панаев. Некролог. — *Вр*, 1862, № 2, отд. IV, стр. 95. Приписан Достоевскому (предположительно) Л. П. Гроссманом (*1918*, т. XXII, стр. XV). Как следует из редакционных книг журнала «Время», автор некролога скорее всего — Н. Н. Страхов; ему же принадлежат другие материалы о Панаеве во «Времени» (см.: *1926*, т. XIII, стр. 611; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 244, 265).

14. Девятнадцатый нумер «Дня». — *Вр*, 1862, № 2, отд. II, стр. 164—168. Приписано Достоевскому (без доказательств) О. ф. Шульцем (*Schoultz*, S. 8). Б. В. Томашевский оспорил атрибуцию Шульца, полагая, что «данные конторских книг делают более вероятным предположение, что статья принадлежит Страхову» (*1926*, т. XIII, стр. 611). По мнению В. С. Нечаевой, наиболее вероятный автор статьи — М. И. Владиславлев (*Нечаева, «Время»*, стр. 274; ср.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 244, 265).

15. Н. А. Добролюбов. (По поводу первого тома его сочинений). — *Вр*, 1862, № 3, отд. II, стр. 30—54. Приписано Достоевскому О. ф. Шульцем (*Schoultz*, S. 7) по близости содержания и стиля к статье Достоевского «Ответ „Свистуну"» (1863; см. наст. изд., т. XX, стр. 71—78, 299—307). Статья принадлежит Страхову и включена им в книгу: Н. Н. Страхов. Критические статьи, т. II. Киев, 1902, стр. 277—307. Ср.: *1926*, т. XIII, стр. 611; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 245, 266.

16. «Ясная поляна», журнал педагогический, издаваемый гр. Л. Н. Толстым. ‹Рецензия›. — *Вр*, 1862, № 3, отд. II, стр. 65—78. Без подписи. Приписано Достоевскому (без доказательств) О. ф. Шульцем (*Schoultz*, S. 8). Атрибуция Шульца справедливо оспорена Б. В. Томашевским, высказавшим на основании данных редакционных книг «Времени» предположение, что автор рецензии — А. У. Порецкий, много писавший в журналах братьев Достоевских по вопросам педагогики и защищавший педагогические идеи Л. Н. Толстого (ср.: Русский биографический словарь, том «Плавильщиков—Прямко». СПб., 1905, стр. 600—601; *1926*, т. XIII, стр. 611—612). В. С. Нечаева считает другим возможным автором рецензии Н. Н. Страхова, получившего гонорар за участие в этом номере журнала и поместившего в 1863 г. во «Времени» другую статью о «Ясной поляне» (*Вр*, 1863, № 1, отд. II, стр. 150—168 — см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 245, 266).

17. Критические вариации на разные темы. — *Вр*, 1862, № 5, отд. II, стр. 45—59. Без подписи. Приписана Достоевскому (без доказательств) О. ф. Шульцем (*Schoultz*, S. 8). По мнению Б. В. Томашевского, в статье «есть некоторое сходство с журнальным стилем полемики Достоевского, но тема несколько необычна для его статей...» (*1926*, т. XIII, стр. 612). В. С. Нечаева на основании данных конторских книг журнала «Время» признает статью редакционной (т. е. коллективной), предполагая участие в ней, наряду с Ф. М. Достоевским, Н. Н. Страхова (*Нечаева, «Эпоха»*, стр. 246, 266). Редакция считает, что приписывать статью Ф. М. Достоевскому оснований нет и что наиболее вероятный ее автор — М. М. Достоевский; предполагать же участие в ней и Страхова нет оснований. Следует особо отметить, что, при очевидном подражании полемическому стилю Ф. М. Достоевского, каламбуры и иронические замечания автора тяжеловаты, как и в ряде других статей его старшего брата. Причем бросается в глаза стилистическая близость ее к статье М. М. Достоевского «Стихотворения Плещеева» (*Вр*, 1861, № 4, стр. 151—162; см. о стиле названной статьи М. М. Достоевского — *1926*, т. XIII, стр. 610).

18. Пожары и зажигатели. — В кн.: Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 г., т. II. СПб., 1862, стр. 412—420. Приписано Достоевскому М. К. Лемке и перепечатано им в книге: М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. Пг., 1923, стр. 624—630. Ср.: А. И. Герцен.

Сочинения и письма, т. XV. Пг., 1920, стр. 334 (примечание М. К. Лемке). Приписывая эту статью Достоевскому, М. К. Лемке исходил из ошибочного отождествления ее с неизвестной в то время статьей «Пожары» (№ 19). Ошибку Лемке разъяснил Б. П. Козьмин, считавший, однако, возможным допустить авторство Достоевского («Печать и революция», 1929, № 2—3, стр. 69—76). Против атрибуции статьи Достоевскому возражали В. Л. Комарович (см.: В. Комарович. Достоевский. Л., 1925, стр. 54; *ЛН*, т. 15, стр. 280), Б. В. Томашевский (*1926*, т. XIII, стр. 612—614), С. А. Рейсер («Каторга и ссылка», 1932, № 10, стр. 84), Н. Г. Розенблюм (*ЛН*, т. 86, стр. 38). Автор статьи до сих пор не установлен, но аргументы, выдвинутые против атрибуции ее Достоевскому, достаточны, чтобы отвергнуть эту атрибуцию (из статьи видно, что она написана пятидесятилетним человеком, находившимся в Петербурге в конце июня 1862 г.; между тем Достоевский в это время был за границей; автор статьи учился «в одном из внутренних наших городов», затем жил на Волге и т. д. — все это противоречит биографии Достоевского).

19. Пожары. ‹Статьи 1 и 2›. Две редакционные статьи, предназначавшиеся для журнала «Время» (1862, № 6) и запрещенные цензурой 1—3 июня 1862 г. Без подписи. Отрывок из первой и начальная фраза второй статьи извлечены из цензурного дела и опубликованы впервые Б. П. Козьминым: Б. П. Козьмин. Братья Достоевские и прокламация «Молодой России». — «Печать и революция», 1929, № 2—3, стр. 71—72. Полностью напечатаны Н. Г. Розенблюмом (по запрещенным цензурой корректурным гранкам с пометами Александра II — *ЦГИА*, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 69): *ЛН*, т. 86, стр. 48—54. О другом экземпляре гранок первой статьи (*ЦГАОР*, ф. 109, оп. 1, д. 48) см.: *ЛН*, т. 86, стр. 585 (факсимиле), 586, 592. Приписаны Достоевскому М. К. Лемке (см. выше, № 18), Б. П. Козьминым («Печать и революция», 1929, № 2—3, стр. 69—76) и Н. Г. Розенблюмом (*ЛН*, т. 86, стр. 16—43). Сомнение в авторстве Ф. М. Достоевского высказал еще в 1930 г. Б. В. Томашевский (*1926*, т. XIII, стр. 612—614). Ср. также: *Нечаева, «Время»*, стр. 298—301. Автор первой статьи — М. М. Достоевский, что подтверждается: 1) донесением о ней царю министра просвещения А. Я. Головнина (*ГПБ*, ф. 208, ед. хр. 100, л. 96). См. об этом заметку: В. Н. Сажин. Об авторе запрещенной цензурной статьи «Пожары» («Время», 1862). — *РЛ*, 1974, № 3, стр. 218; 2) правкой М. М. Достоевского и вписанным им абзацем на цензурном экземпляре гранок этой статьи. См. об этом: *ЛН*, т. 86, стр. 36; 3) свидетельством Н. Н. Страхова о постоянном остром интересе М. М. Достоевского к положению студенчества и студенческому движению 1860-х гг.[1] (*Биография*, стр. 231—234; ср.: наст. изд., т. XIX, стр. 337—343). Автор второй статьи не установлен. Впрочем, В. С. Нечаева, не считающая убедительной аргументацию в пользу авторства Ф. М. Достоевского, воздерживается от приписывания обеих статей также и М. М. Достоевскому, считая, что

---

[1] Полиция и власти в провокационных целях обвиняли в распространении петербургских пожаров революционную молодежь, в особенности студентов, которых от этого ложного обвинения защищает автор статей «Пожары».

автором их мог быть и кто-нибудь из «сотрудников-единомышленников» (*Нечаева, «Время»*, стр. 301). Из мемуаров Страхова очевидно, однако, что точка зрения автора статей не разделялась им (как, вероятно, и некоторыми другими сотрудниками «Времени». См.: *Биография*, стр. 239—240). Это дает дополнительные аргументы в пользу авторства М. М. Достоевского.

20. Заметки летописца. — *Э*, 1865, № 1, стр. 1—14 (десятой пагинации). Подпись: «Летописец». Приписаны Достоевскому А. Г. Достоевской со ссылкой (ошибочной?) на свидетельство Н. Н. Страхова (*Достоевская, А. Г., Библиографический указатель*, стр. 39, № 448). В действительности статья принадлежит Страхову и включена им в книгу: Н. Н. Страхов. Из истории литературного нигилизма, 1861—1865. СПб., 1890, стр. 568—588. Ср.: *1918*, XXII, стр. XXII—XXIII; *1926*, т. XIII, стр. 614; *Масанов*, т. II, стр. 120; *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 260.

21. Алексей Слободин. Семейная история. «Вестник Европы», 1872. Октябрь, ноябрь и декабрь. ‹Рецензия на роман А. Пальма›. — *Гр*, 1873, 1 января, № 1, стр. 21—23. Без подписи. Приписана Достоевскому В. В. Виноградовым на основании идейно-стилистического анализа и с учетом полемической заметки в газете «Голос» (1873, 31 июля, № 210), где намекается на принадлежность ее редактору «Гражданина» (см.: *1926*, т. XIII, стр. 603—604, ср.: *Виноградов, Проблема авторства*, стр. 510—512). Приписывая рецензию Достоевскому, В. В. Виноградов оговаривается: «Само собою разумеется, нельзя считать вполне исключенным, что рецензия написана каким-либо другим лицом, например В. Ф. Пуцыковичем, и лишь подверглась правке со стороны Достоевского» (там же, стр. 511). В действительности оснований для атрибуции рецензии Достоевскому нет.

Во-первых (это отметил и Виноградов), автор рецензии нарочито постарался польстить в ней самолюбию нового редактора «Гражданина». В первых же ее строках он отнес «Бесов», наряду с «Войной и миром» Льва Толстого и «Соборянами» Н. С. Лескова, к «капитальным произведениям» русской литературы последних лет (стр. 21). Как бы ни оценивал Достоевский свой роман, но, выступая перед публикой впервые в роли редактора, он, разумеется, не мог совершить подобной бестактности.

Но важнее другое: как видно из оценки романа Пальма, рецензию о нем в «Гражданине» писал человек, склонный к идеализации дореформенной России. «Крепостное состояние», «телесное наказание розгами». «казнь плетью» автор рецензии характеризует как всего лишь «наружные события» царствования Николая I. Упрекая Пальма в недостаточном «типизме» его героя, автор рецензии фактически обвиняет его в том, что Пальм обрисовал жизнь крепостной России только с отрицательной стороны. Показав одни мрачные впечатления, которые вынес из своих детских и юношеских наблюдений над нею герой, Пальм тем легче смог превратить свой роман в «апофеоз» борца, каким является Слободин, — и именно это помешало герою, по мнению рецензента, стать «типом» (стр. 22—23). Постоянное подчеркивание автором рецензии своей приверженности к аристократии, идеализация им крепостной деревни — все это плохо вяжется с известными нам взглядами Достоевского.

Но главный аргумент против атрибуции Достоевскому рецензии на

«Алексея Слободина» — то, что писатель сам указал, кто ее автор. В его записной тетради, впервые изданной в 1935 г., мы читаем: «Мещер‹ский› — Алексей Слободин» (наст. том, стр. 106). Запись эта, сделанная Достоевским в конце 1872 г. при распределении рецензий для «Гражданина», уже давно совершенно верно прокомментирована Е. Н. Коншиной, связавшей ее с данной рецензией и таким образом установившей, что автором последней был Мещерский (Ф. М. Достоевский. Записные тетради. Подготовка к печати Е. Н. Коншиной. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 347, 446). Остается добавить, что авторство Мещерского вполне согласуется и с комплиментами по адресу нового редактора, и со всем содержанием и тоном рецензии.

22. Желание. — *Гр*, 1873, 1 января, № 1, стр. 28. Вводя это редакционное заявление в корпус собрания сочинений Достоевского, Б. В. Томашевский сопроводил его следующим замечанием: «Так как заявление это заключает собою первый номер журнала, подписанный Достоевским-редактором, то трудно допустить возможность, чтобы оно было не им написано. Оно является как бы декларацией редактора, в каком направлении им будет вестись хроника внутренней жизни. Высказанные здесь мысли необходимо поставить в связь с идеей Достоевского, вложенной им в уста героини „Бесов", Лизаветы Николаевны ‹...› о необходимости собирать факты, из которых слагалась бы „картина духовной, нравственной, внутренней русской жизни"» (*1926*, т. XIII, стр. 607). Указанную параллель в «Бесах» см.: наст. изд., т. X, стр. 103—104. Но уже В. В. Виноградов справедливо указал на то обстоятельство, что идея героини «Бесов» отлична от мысли, высказанной в «Желании»: слова Лизаветы Николаевны предваряют замысел «Дневника писателя»; автор «Желания» же имеет в виду лишь «оптимистический» род явлений. Тем не менее В. В. Виноградов был готов допустить гипотезу Томашевского (см.: *Виноградов, Проблема авторства*, стр. 566—567; В. В. Виноградов. Из анонимного фельетонного наследия Достоевского. — *Исследования по поэтике*, стр. 190—191). Между тем, не только судя по стилю заметки «Желание», но и ввиду совпадения ее основной идеи с мыслями, выраженными в программной статье издателя «Гражданина» В. П. Мещерского «Нечто вроде исповеди» (1875; напечатана в виде предисловия к книге: В. П. Мещерский. Речи консерватора, вып. I. СПб., 1876, стр. 3—13, ср. особенно стр. 12), автором этой редакционной заметки следует считать Мещерского.

23. Юбилей А. А. Краевского и его газеты «Голос». — *Гр*, 1873, 8 января, № 2, стр. 53 (отдел «Ералаш. Известия из нашего мира»). Без подписи. Заметка приписана Достоевскому по содержанию и отдельным стилистическим наблюдениям В. В. Виноградовым и перепечатана им с его комментарием: *РЛ*, 1969, № 3, стр. 79—88; ср.: *Достоевский и его время*, стр. 17—32. Однако более вероятной является принадлежность данной заметки, как и других аналогичных заметок в «Гражданине», А. У. Порецкому, в своих статьях и заметках часто подражавшему еще в эпоху «Времени» и «Эпохи» стилю Достоевского. Поэтому для включения ее в отдел ‹Dubia›, по мнению редакции, нет оснований.

24. «Соборяне». Старгородская хроника. Н. Лескова (Стебницкого). Москва, 1872 ‹Рецензия›. — *Гр*, 1873, 22 января, № 4, стр. 125—126.

Приписана Достоевскому В. В. Виноградовым и перепечатана с обоснованием этой атрибуции (на основе «языка, стиля и общих положений ‹...› рецензии») в книге: *Виноградов, Проблема авторства*, стр. 506—517. См. также: *РЛ*, 1961, № 1, стр. 63—84; № 2, стр. 65—97. Однако более вероятным, по мнению редакции, следует признать для этой рецензии, учитывая как стилистические соображения, так и историю литературных взаимоотношений Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова, авторство В. П. Мещерского, с критическими приемами которого заметка обнаруживает большое сходство.

25. Добрые вести из кишиневской епархии. Предисловие к заметке. — *Гр*, 1873, 29 января, № 5, стр. 158. Приписано Достоевскому В. В. Виноградовым (см.: *Виноградов, Проблема авторства*, стр. 567, *Исследования по поэтике*, стр. 191) по связи с заметкой «Желание» (см. выше, № 22). Связь эта показывает, что обе заметки написаны В. П. Мещерским.

26. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений П. В. Анненкова. Издание 2-е. СПб., 1873. ‹Рецензия›. — *Гр*, 1873. 23 апреля, № 17, стр. 523—524. Без подписи. Приписана Достоевскому Н. Ф. Бельчиковым и перепечатана с его предисловием: «Литературная газета», 1971, 27 января, № 5. По свидетельству Н. Н. Страхова в письме к Л. Н. Толстому от 15 апреля 1873 г., рецензия написана Страховым — см.: Толстовский музей, т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым 1870—1894. СПб., 1914, стр. 29.

27. Наши студентки. — *Гр*, 1873, 28 мая, № 22, стр. 627—629. Подпись ***. Вопрос о принадлежности данной передовой статьи «Гражданина» Достоевскому был поставлен Б. В. Томашевским в связи со ссылками на нее Достоевского в позднейших его редакторских заметках (*Г*, 1873, № 27, стр. 762—764; ср.: *1926*, стр. 600—603). Но полагая, что, хотя «выражения, в каких Достоевский пишет об этой статье («мы еще написали», «мы это написали» и т. п.)» дают возможность предполагать долю его участия в ней, Томашевский справедливо не включил ее в основной текст, напечатав в приложении, так как, согласно его выводу, «статья всем своим содержанием внушает некоторое сомнение в принадлежности ее Достоевскому» (*1926*, т. XIII, стр. 600). Дополнительные возможные аргументы в пользу авторства Достоевского высказаны Н. Ф. Будановой (*Материалы и исследования*, т. II, стр. 240—244). Однако подпись под статьей исключает принадлежность ее Достоевскому, тем более что тремя звездочками обычно подписывал в «Гражданине» свои статьи К. П. Победоносцев, которого следует считать поэтому вероятным автором данной статьи (см. наст. изд., т. XXI, стр. 368, 457, 532).

28. Петербургское обозрение. — *Гр*, 1873, 28 мая, № 22, стр. 630—632. Приписано по содержанию и стилю Достоевскому В. В. Виноградовым: *Исследования по поэтике*, стр. 206—209.

Обозрение посвящено эпидемии самоубийств среди русской «нигилистически» настроенной молодежи 1870-х гг. — теме, настойчиво привлекавшей к себе внимание Достоевского и вызывавшей у писателя постоянную тревогу (ср. об этом: наст. изд., т. XXIII, стр. 144—148; т. XXIV, стр. 43—54). Кроме того, начало обозрения в стилистическом отношении близко к началу ряда фельетонов и очерков Достоевского, начиная с «Петербургской

летописи» (1847; наст. изд., т. XVIII, стр. 23—29) и до «Маленьких картинок» (1873; наст. изд., т. XXI, стр. 105—107). Напоминает манеру Достоевского и основной принцип построения обозрения — сближение и анализ ряда хроникальных газетных сообщений. Тем не менее, несмотря на известную вероятность авторства Достоевского, вопрос атрибуции заметки остается проблематичным, так как те же приемы построения встречаются в других фельетонах «Гражданина».

29. Три случая самоубийств. — *Гр*, 1873, 4 июня, № 23, стр. 671—672. Без подписи. Приписано Достовскому по содержанию и стилю В. В. Виноградовым и перепечатано им: *Исследования по поэтике*, стр. 209—211. Об интересе Достоевского к «эпидемии самоубийств» среди учащейся молодежи см. примеч. к № 28. Тем не менее сопоставление заметки с другими аналогичными материалами «Гражданина» делает более вероятной принадлежность ее А. У. Порецкому, чем Достоевскому. Стиль Достоевского-редактора ощущается лишь в заключительной части заметки, резюмирующей ее содержание.

30. Из текущей жизни. — *Гр*, 1873, 9 июля, № 28, стр. 790—792. Без подписи. Приписано Достоевскому частично (две заметки) со слов: «Поток жизни неудержим» (стр. 791) до слов «деревенского кредита» (стр. 792) Л. П. Гроссманом, и этот отрывок включен им в собрание сочинений: *1918*, т. XXII, стр. 263, 271—272; первая заметка перепечатана в собрании сочинений также Б. В. Томашевским: *1926*, т. XIII, стр. 452—453. Позднее вопрос о принадлежности Достоевскому не части, но всего цикла очерков поставлен (на основании соображения о идейно-тематическом и стилистическом его единстве) В. В. Виноградовым («Известия», 1964, 20 марта, № 68, стр. 3; *Исследования по поэтике*, стр. 198—206). Ср.: *ЛН*, т. 83, стр. 341. Но гораздо более вероятно, что автор как заметок, приписанных Достоевскому Гроссманом, так и всего цикла — не он, а постоянный составитель раздела «Из текущей жизни» в «Гражданине» А. У. Порецкий. Авторство Порецкого, как установил В. А. Туниманов, подтверждает и размер гонорара, выписанного ему за участие в 28-м номере «Гражданина» (*РЛ*, 1981, № 2, стр. 171).

31. Из текущей жизни. — *Гр*, 1873, 6 августа, № 32, стр. 888—890. Без подписи. Приписано Достоевскому (без приведения аргументов в пользу его авторства) Г. Ф. Коган (*ЛН*, т. 83, стр. 344). В действительности вероятный автор этих двух заметок (хотя в одной из них и освещается в близком Достоевскому духе вопрос о книгах для народа и о народном чтении) — А. У. Порецкий. Во всяком случае стилистический анализ не дает оснований для атрибуции Достоевскому этих заметок.

32. Хивинское восстание. — *Гр*, 1873, 3 сентября, № 36, стр. 985—986. Без подписи. На основании расчетных ведомостей «Гражданина» предположительно приписано Достоевскому Г. Ф. Коган с ошибочным указанием номера (№ 30 — *ЛН*, т. 83, стр. 344). Однако не исключено, что автор корреспонденции В. Ф. Пуцыкович, которому принадлежат другие материалы компилятивного характера о присоединении Хивинского ханства, регулярно печатавшиеся в 1873 г. в «Гражданине» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 261, 517). Во всяком случае вопрос подлежит дальнейшему изучению, и помещать эту компилятивную заметку в отделе «Dubia» нет оснований.

33. От редакции. — *Гр*, 1873, 10 сентября, № 37, стр. 1006—1007. Без подписи. Приписано Достоевскому Л. П. Гроссманом (*1918*, т. XXII, стр. 243—246) на основании близости ряда идей и формулировок к «Дневнику писателя» за 1876—1877 г. С аргументами Гроссмана согласился Томашевский (*1926*, т. XIII, стр. 604). Как установила Р. Г. Гальперина, автор корреспонденции из Германии, которая сопровождена в журнале данным послесловием, — И. М. Болдаков (*РЛ*, 1984, № 2, стр. 164—165; ср.: *ЛН*, т. 83, стр. 38). Достоевский посылал корреспонденцию Болдакова на отзыв Н. Н. Страхову, отозвавшемуся о ней критически, в связи с чем редакция, вероятно, и попросила его написать данную заметку. Авторство Страхова подтверждают записи о расчетах Достоевского по «Гражданину» (*РЛ*, 1981, № 2, стр. 171).

34. ‹Об А. А. Краевском› («Г-н Краевский-сын, пользуясь отъездом г-на Краевского-отца...»). — *Гр*, 1873, 10 сентября, № 37, стр. 1012—1013 (отдел «Последняя страничка»). Без подписи. Заметка приписана Достоевскому В. В. Виноградовым, считавшим Достоевского автором также и остальных полемических выступлений против А. А. Краевского, напечатанных в «Гражданине» (*РЛ*, 1969, № 3, стр. 86; *Достоевский и его время*, стр. 29). Однако более вероятным представляется авторство А. У. Порецкого или В. Ф. Пуцыковича. Как установил В. А. Туниманов, гонорарная ведомость «Гражданина» исключает для данной заметки авторство Достоевского (*РЛ*, 1981, № 2, стр. 172).

35. ‹Удачное выражение›. — *Гр*, 1873, 10 сентября, № 37, стр. 1013. Без подписи. Заметка была приписана Достоевскому по связи с другими полемическими статьями и заметками «Гражданина» против А. А. Краевского и его газеты «Голос» (см. примеч. к № 34) В. В. Виноградовым: *РЛ*, 1969, № 3, стр. 86; *Достоевский и его время*, стр. 29. Однако гонорарные записи Достоевского по этому номеру «Гражданина», как доказал В. А. Туниманов, исключают возможность авторства писателя для этой заметки, как и для предыдущей (*РЛ*, 1981, № 2, стр. 172).

36. Привычки. (Из современного обозрения). — *Гр*, 1873, 24 сентября, № 39, стр. 1041—1042. Без подписи. Приписано Достоевскому В. В. Виноградовым и перепечатано с его комментарием: *Исследования по поэтике*, стр. 192—198. Первую половину обозрения Виноградов связывал (хотя и с оговорками) с «индивидуальным авторством Достоевского» (стр. 192), а из второй приписывал ему «ряд ‹...› абзацев» (стр. 196). Между тем ни содержание, ни стиль обозрения не дают основания для атрибуции его Достоевскому. Как установил В. А. Туниманов, автор статьи «Привычки» А. У. Порецкий, получивший гонорар за эту статью (*РЛ*, 1981, № 2, стр. 172).

37. Он рассуждает с одним литератором. — *Гр*, 1873, 15 октября, № 42, стр. 1139 (отдел «Последняя страничка»). Без подписи. Заметка приписана Достоевскому В. В. Виноградовым по тем же мотивам, что и другие заметки в «Гражданине» против Краевского (см. об этом выше, № 34). Ср.: *РЛ*, 1969, № 3, стр. 87; *Достоевский и его время*, стр. 30. Редакция считает, однако, более вероятным авторство В. Ф. Пуцыковича. Во всяком случае аргументы, приведенные В. В. Виноградовым, представляются недостаточными для включения заметки в отдел «Dubia». К такому выводу

пришел В. А. Туниманов на основе анализа расчетных записей Достоевского по «Гражданину» (*РЛ*, 1981, № 2, стр. 173). Достоевскому-редактору, вероятно, принадлежит лишь ироническое примечание к открывающему заметку слову «Он»: «Под словом „он“, которое будет у нас встречаться в этом смысле и впредь, следует разуметь олицетворение общественного мнения в Петербурге, т. е. маститого редактора газеты „Звук“».

38. Сцена в редакции одной из столичных газет. — *Гр*, 1873, 22 октября, № 43, стр. 1160—1162 (отдел «Последняя страничка»). Без подписи. Приписана Достоевскому предположительно (по связи с другими выступлениями «Гражданина» против А. А. Краевского и его газеты «Голос») В. В. Виноградовым: *РЛ*, 1969, № 3, стр. 87—88; *Достоевский и его время*, стр. 30—32 (ср.: *РЛ*, 1981, № 1, стр. 173). Однако более вероятным представляется авторство А. У. Порецкого, подражавшего стилю Достоевского (ср. наст. том, стр. 181, 183). Во всяком случае вопрос требует дальнейшего изучения.

39. Из текущей жизни. — *Гр*, 1873, 19 ноября, № 47, стр. 1262—1264. Без подписи. Одна заметка из этого обозрения («Говорят, что когда мы пускались подражать западным литературным образцам...», стр. 1263) приписана Достоевскому Л. П. Гроссманом и включена им в собрание сочинений: *1918*, т. XXII, стр. 263, 272—273. Убедительные возражения против атрибуции Достоевскому заметки, составляющей часть фельетона, написанного явно одним лицом, высказаны Б. В. Томашевским (*1926*, т. XIII, стр. 614). Судя по предыдущей заметке («Кстати о философствовании...», стр. 1262—1263), где автор обозрения уличает А. М. Скабичевского в заимствовании из статьи Н. Н. Страхова в «Заре» 1869 г., автор всего обозрения (включая данную заметку) Страхов.

40. Кто что думал при открытии памятника Екатерине II в Петербурге. — *Гр*, 1873, 10 декабря, № 50, стр. 1355—1356. Без подписи. Часть заметки («Что думал Он, редактор газеты „Звук“») приписана Достоевскому в ряду других выступлений «Гражданина» против А. А. Краевского и его газеты «Голос» В. В. Виноградовым: *РЛ*, 1969, № 3, стр. 87; *Достоевский и его время*, стр. 30. Так как нет оснований ни выделять из состава фельетона, имеющего цельный характер, заметку «Что думал Он» и атрибутировать Достоевскому ее одну, ни приписывать ему весь фельетон, более вероятно считать его продуктом коллективного творчества, где Достоевскому в лучшем случае могла принадлежать известная доля участия. Ср. аналогичные соображения В. А. Туниманова: *РЛ*, 1981, № 2, стр. 173.

41. Разъяснение некоторых сторон вопроса о нуждах единоверия. — *Гр*, 1874, 17 июня, № 24, стр. 642—645. Без подписи. Приписано Достоевскому Г. Ф. Коган по связи с другими статьями и заметками «Гражданина» на ту же тему (*ЛН*, т. 83, стр. 330). Атрибуция эта оспорена Н. Ф. Будановой (наст. изд., т. XXI, стр. 461), контрдоводы которой представляются редакции убедительными.

42. Последняя страничка. — *Гр*, 1877, 16 января, № 2, стр. 67—68. Без подписи. Приписано Достоевскому Л. П. Гроссманом (*ЛН*, т. 15, стр. 121) на основании того, что в двух последних заметках из этой «Последней странички» в выражениях, близких к выражениям Достоевского в «Дневнике писателя», характеризуется журнал «Свет» и его издатель Н. П. Ваг-

нер, а также опровергаются на основании заявления Достоевского в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 60) слухи об участии писателя в журнале «Свет». Однако по стилю вся эта «Последняя страничка» носит явственные следы авторства В. Ф. Пуцыковича. Две же заключительные заметки, касающиеся журнала «Свет» и участия в нем Достоевского, могли быть добавлены Пуцыковичем по просьбе писателя.

43. Последняя страничка. — *Гр*, 1879, 26 января, № 2—3, стр. 54—55. Без подписи. Приписано Достоевскому В. Ф. Пуцыковичем: «Берлинский листок», 1906, 25 января, № 2, стр. 6; ср.: *ЛН*, т. 15, стр. 121. Сопоставление заметки с другими заметками «Гражданина», проделанное А. М. Березкиным, свидетельствует о принадлежности ее самому Пуцыковичу. Утверждение же его об авторстве Достоевского следует считать мистификацией.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДРУГИХ АВТОРОВ, 1) ПЕРЕВЕДЕННЫЕ ИЛИ 2) ЧАСТИЧНО ОТРЕДАКТИРОВАННЫЕ ДОСТОЕВСКИМ, КОТОРЫЕ НЕ ВКЛЮЧЕНЫ В СОСТАВ НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ

1. О. Бальзак. Евгения Гранде ‹Перевод Ф. М. Достоевского›. — «Репертуар и Пантеон», 1844, № 6, стр. 386—457; № 7, стр. 44—125. Перепечатано: *1918*, т. XXIII, стр. 367—525. Ср. наст. изд., т. I, стр. 459 и анализ перевода — В. С. Нечаева. Ранний Достоевский. 1821—1849. М., 1979, стр. 104—126.

2. ‹Порецкий А. У.›. Внутренние новости. Обзор современных вопросов. — *Вр*, 1861, № 1, отд. IV, стр. 1—16. Без подписи. По мнению В. С. Нечаевой, вводная часть этого обзора, развивающая основные идеи, сформулированные Ф. М. Достоевским в объявлении об издании «Времени» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 35—40), «написана при ближайшем участии редакции журнала», т. е. братьев М. М. и Ф. М. Достоевских (*Нечаева, «Время»*, стр. 74); однако доля участия каждого из них в редактировании статьи не может быть точно определена, да и само участие это остается проблематичным. Следует отметить, кроме того, что, по свидетельству Д. В. Аверкиева, Достоевский вообще систематически подвергал статьи сотрудников журналов «Время» и «Эпоха», в том числе статьи самого Аверкиева, редакционной правке (Д. В. Аверкиев. Дневник писателя. СПб., 1885, № 1, стр. 2—3). Поэтому вопрос о доле и характере редакционного соучастия Ф. М. Достоевского для каждой отдельной статьи в журналах «Время», «Эпоха» и «Гражданин» требуют специального углубленного изучения. Но такое изучение представляет пока дело будущего.

3. Процесс Ласенера. Из уголовных дел Франции. — *Вр*, 1861, № 2, отд. II, стр. 1—50. Без подписи. Перевод или обработка материалов этого процесса приписана Достоевскому О. ф. Шульцем на основании употребления в переводе глагола «стушеваться» и акцентировки переводчиком мыслей Ласенера о преступнике и тюремном наказании, близких автору «Записок из Мертвого дома» (*Schoultz*, S. 8—9). Как установил на основа-

ниц редакционных книг журнала «Время» Б. В. Томашевский. перевод выполнен Р. Р. Штрандманом (*1926*, т. XIII, стр. 607; ср.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 234, 261; наст. изд., т. XIX, стр. 284). Тем не менее наблюдения О. ф. Шульца сохраняют свою силу и делают возможным редактирование перевода Штрандмана Ф. М. Достоевским, которому принадлежит также редакционное примечание к «Процессу Ласенера» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 89—90).

4. Николай Александрович Добролюбов. Некролог. — *Вр*, 1861, № 11, отд. IV, стр. 31—32. Приписан Достоевскому Е. Н. Дрыжаковой в статье «Достоевский и Добролюбов» (в кн.: 1-я Всесоюзная межвузовская конференция по проблемам изучения и преподавания литературной критики в высшей школе. Л., 1974, с. 53—60 (Ленингр. Гос. пед. институт им. А. И. Герцена)) на основании сочувственного отношения Достоевского к Н. А. Добролюбову, отраженному в других его статьях, и частичного совпадения заключительной фразы некролога («...Россия могла ожидать от Добролюбова много пользы, потому что он был храбрый, честный боец за правду») со словами, посвященными Достоевским Добролюбову в 1863 г. в статье «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» (см. наст. изд., т. XX, стр. 58; ср. там же, стр. 73—76). Но еще В. С. Нечаева справедливо подчеркнула, что, как видно из содержания некролога, автор его причисляет себя к личным «друзьям Добролюбова». Исходя из этого, Нечаева выразила предположение, что некролог мог быть скорее написан А. Е. Разиным или П. А. Бибиковым (*Нечаева, «Время»*, стр. 278). Кроме того, все те же аргументы, которые выдвигались в пользу авторства Ф. М. Достоевского, могут быть выдвинуты также в пользу авторства главного редактора «Времени», его старшего брата. Достоевский же, скорее всего, лишь отредактировал отдельные места некролога или внес в него свои стилистические поправки.

5. ‹А. А. Головачев›. Политическое обозрение. — *Э*, 1864, № 8, стр. 1—30 (12-й пагинации). Без подписи. По мнению В. С. Нечаевой, обозрение отредактировано Достоевским (*Нечаева, «Эпоха»*, стр. 79, 257, 270). Однако предположение это недостаточно аргументированно; доля редакторского вмешательства Достоевского подлежит поэтому дальнейшему изучению.

6. ‹А. А. Головачев›. Политическое обозрение. — *Э*, 1864, № 9, стр. 1—26 (15-й пагинации). Без подписи. Приписано частично Достоевскому В. С. Нечаевой, которая полагает, что Достоевский отредактировал это обозрение и сочинил к нему введение, являющееся ответом на статью в «Голосе» А. А. Краевского «Переворот в журналистике» (*Г*, 1864, 23 октября, № 293). См. об этом: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 79—81, 258, 270. Однако предположение это, как и в предыдущем случае, остается весьма гипотетичным: лингвостилистический анализ Г. Хетсо (*Kjetsaa*, p. 29) не подтвердил предположений Нечаевой.

7. ‹А. У Порецкий›. Наши домашние дела. — *Э*, 1864, № 12, стр. 1—28 (14-й пагинации). Без подписи. Первые шесть страниц этого обозрения как выражающие «позицию редактора журнала» приписаны В. С. Нечаевой Достоевскому, остальные — А. У. Порецкому (*Нечаева, «Эпоха»*, стр. 44—47, 259, 270). Но более вероятным представляется участие Достоевского в редактировании обозрения Порецкого.

8. ‹К. Немшевич›. Политическое обозрение. — *Э*, 1864, № 12, стр. 1—32 (15-й пагинации). Без подписи. По мнению В. С. Нечаевой, автор этого обозрения К. Немшевич, но Достоевский-редактор принимал в нем более или менее заметное участие, о чем свидетельствует ряд близких ему тем, затрагиваемых в обозрении, — о папстве и т. д. (*Нечаева, «Эпоха»*, стр. 83—87, 259, 271). Лингвостилистический анализ, произведенный Г. Хетсо (Kjetsaa, p. 29), не подтвердил выводов Нечаевой о редакционном вмешательстве Достоевского, которые остаются пока предположительными.

9. Из дорожных заметок на севере. — *Гр*, 1873, 29 января, № 5, стр. 135—140. Подпись «Д.» ‹Вас. И. Немирович-Данченко›. По мнению В. В. Виноградова, «редакторская правка Достоевского очень ощутительна в этой статье...» (*Виноградов, Проблема авторства*, стр. 565). Вывод этот, однако, не представляется достаточно убедительно обоснованным и требует дальнейшей проверки.

10. И. ‹С.› Генслер. Гаваньские сцены. (Жанр). — *Гр*, 1873, 26 февраля, № 9, стр. 277—282; 5 марта, № 10, стр. 320—322. О первой половине «Сцен» Генслера Достоевский 26 февраля 1873 г. писал М. П. Погодину: «Литературные сценки Генслера (в сегодняшнем №) я почти вновь пересочинил» (*Д, Письма*, т. IV, стр. 298). Анализ редакторской работы Достоевского над «Гаваньскими сценами» содержится в статье: В. Виноградов. И. С. Генслер и Достоевский — редактор «Гаванских сцен». — *РЛ*, 1964, № 2, стр. 71—91. Согласно выводу Виноградова, «наиболее глубоко и существенно „пересочинена“ была Достоевским драматическая, или диалогическая, часть генслеровского жанра» (там же, стр. 91).

11. Л. Папкова. Когда ты лжешь — не трать искусства... — *Гр*, 1873, 11 июня, № 24, стр. 682.

Достоевским отредактировано последнее четверостишие стихотворения. В записной тетради писателя зафиксирован 4 апреля 1873 г. вариант заключительных двух строк этой строфы:

Что пользы на могильный камень
Лить солнцу свой горячий луч?

(см. наст. изд., т. XXI, стр. 261); вариант этот близок к окончательному тексту, но также не вполне совпадает с концовкой стихотворения в «Гражданине» (правка Достоевского в данном стихотворении в *Описании* не зарегистрирована, см. о ней, как и об исправлениях других стихотворений, в заметке И. А. Битюговой «Достоевский — редактор стихотворений в „Гражданине“»: *Материалы и исследования*, т. VI). На этом же листе редактором перечеркнуто первое переводное стихотворение Л. Папковой «Лорелея. Из Гейне», которое не было опубликовано в «Гражданине».

12. Л. Папкова. Вопросы. — *Гр*, 1873, 2 июля, № 27, стр. 760. Подпись «Л. П—ва». Стихотворение подверглось существенной (но не доведенной до конца) правке Достоевского. Автограф Папковой с правкой писателя хранится: *ГБЛ*, ф. 93.II.7.67; см.: *Описание*, стр. 279. В «Гражданине» напечатано с редактурой Достоевского.

13. Кн. В. Мещерский. Свежей памяти Ф. И. Тютчева. — *Гр*, 1873,

30 июля, № 31, стр. 846—848. Перепечатано без изменений (кроме опущения последнего абзаца) В. П. Мещерским с указанием: «Вот что я писал 24 июля 1873 г.» (та же дата проставлена под статьей в «Гражданине») в кн.: В. П. Мещерский. Мои воспоминания, т. 2. СПб., 1898, стр. 197—208. Об этой статье Достоевский 29 июля 1873 г. писал жене: «Прошлую неделю начал писать статью и должен был бросить из уважения к Мещерскому, чтоб поместить внезапно присланную им статью о смерти Тютчева — безграмотную до того, что понять нельзя, и с такими промахами, что его на 10 лет осмеяли бы в фельетонах. Сутки, не разгибая шеи, сидел и переправлял, живого места не оставил». С комментарием и попыткой выделения мест, принадлежащих Достоевскому, перепечатана Н. Ф. Бельчиковым в статье «Достоевский о Тютчеве» — «Былое», 1925, № 5 (33), стр. 155—162. Выводы Н. Ф. Бельчикова убедительно оспорены А. В. Архиповой (*РЛ*, 1975, № 1, стр. 172—176). Вопрос подлежит дальнейшему изучению.

14. Л. Папкова. Вслед за мгновением мгновенье... — *Гр*, 1873, 12 ноября, № 46, стр. 1238. Подпись «Л. П—ва». Стихотворение существенно отредактировано Достоевским. Автограф Папковой с правкой писателя хранится: *ГБЛ*, ф. 93.II.7.67; см.: *Описание*, стр. 279. Опубликовано в малоизмененном после этого виде.

15. Вс. С. Соловьев. Зимнее утро. — *Гр*, 1873, 12 ноября, № 46, стр. 1238. Подпись «Вс. С—в». Автограф с правкой Достоевского (исправлена предпоследняя строчка) хранится: *ГБЛ*, ф. 93.II.8.122; см.: *Описание*, стр. 280.

16. Вс. С. Соловьев. Побледнели уж краски заката... — *Гр*, 1873, 17 декабря, № 51, стр. 1367. Подпись «Вс. С—в».[1] Стихотворение было поправлено автором по рекомендации Достоевского, о чем Соловьев сообщил писателю в письме от 24 января 1873 г.: «...вчера, выходя от Вас, я <...> поправил понравившееся Вам стихотворение <...> Вот что у меня вышло:

Побледнели уж краски заката,
Звезды первые слабо зажглись,
И давно соловьиные песни
В тихий сумрак с кустов полились.

Нету сил наболевшему сердцу
Обвинять за уснувшие муки,
И к тебе, обливаясь слезами,
Простираю я трепетно руки».

Стихотворение было опубликовано в иной редакции.

17. К. С. Константинов. Осенние недуги. Жизнь без прикрас. Не опубликовано. Автограф с правкой писателя хранится: *ГБЛ*, ф. 93.II.5.115; см.: *Описание*, стр. 279, где приведена правка Достоевского.

---

[1] В «Гражданине» ошибочно напечатано: «О—в».

РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ 1881

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

‹Главы первая и вторая›

Азия. Ну, тут придется изменить целое мировоззрение.

Англия за Азию, но ведь можно не доводить до крайностей, а идти-то твердо и сказать себе, к чему нам так связываться с Европой, как до сих пор было. О, я брошу все соображения и буду говорить лишь о финансовых наших убытках, к которым привела нас Европа. В глубь веков углубляться не буду, а возьмем лишь с нынешнего столетия. Накануне нынешнего века. Правда Восточный вопрос. Они бы рухнули, а мы бы не рухнули.

Сохраним 5000.

У нас всё в вопросах, всё будущее наше.

Какой я экономист. Факты такие, что и экономистом-то быть нельзя.

с которым проповедует он свои заветные идеи, совсем, совсем не похожие на суть народных чаяний и верований. Ведь ему, чтоб соединиться с землей, чем надо поступиться, какими упорными убеждениями? Не поступится он.

Хотел ли человек

принцип наш, что мы Европа

и потрясение вышло великое

Для народа в Петербурге только то лишь важно, что в нем его великий царь живет.

Гимназисты. Как можно меньше труда. Тогда как в воспитании и образовании собственное и постоянное усилие труда имеют чрезвычайное воспитательное и образовательное значение.

Самовоспитание и самообуздание.

Сей аскет удавился. Сей аскет безумец и плохой гражданин. делает уже гражданский подвиг хотя бы тем одним, что приготовляет себя на служение обществу, ибо куда употребит он способности

Аппетит волчий. Нервы расстроены, не выносят. Теперь всё облегчено. Ел обед. Становятся мошенниками. Выстрел — всё облегчено.

(Приданого взял шиш, по службе ничего) ‹л. 1›

Народ, платежная единица

3) Вся наша либеральная партия прошла мимо дела, на луну.

4) Точно варяги.

6) Потребность нового слова.

9) Исплясанные темы.

13) Беспрерывные жалобы, что не обновляется общество.

18) Презрительное отношение к народу — остатки крепостного права. Полюби ты мою святыню.

19) У нас культурного дела мало.

22) Народ — море, чухонское болото.

23) Как муха в патоке.

25) Русский народ весь в православии, русский не падает. Полюби ты меня. (Исправить богослужение.)

25) Есть от чего в отчаяние прийти.

33) Прежде всего народ спросить.

34) Финансисту надо стоять вне времени и взять идею незыблемую.

36) Освежить этот корень, вековой корень, он начало всему.

37) Когда дух народа успокоится в правде и видя правду.

37) Дайте ему свободу движения.

38) Превратные мысли: даром возьмем.

42) Бедному и забитому и без того всякий начальник.

43) Пил бы больше.

43) Чтоб он в свой суд уверовал

46) Спросите народ о нуждах его, без жилетов, — что у него в суде правда, в волости.

47) Земский собор — и сколько перейдет интеллигента — научиться у мужика, как царю правду говорить надо.

Смотри Z. об адамантовом основании

Не поверит в него вовсе. Полюби ты меня. Дайте народу веру в его суд. Как это сделать — вы знаете. Доверенность только к народу — вот как это сделать.

Восторжествует православие, самодержавие, добрые мысли, святая простота и высота созерцания жизни.

Z. Да ведь уже это отношение одно, зипуна и лаптя к царю как отцу, есть уже огромное, адамантовое основание всякой великой реформы. Это уже, действительно, сила, на которую можно опереться (Лассаль о конституции, о действительных силах, но Лассаль культурен, а вы — нет). Да разве не на этом адамантовом основании, не на этой силе создалась крестьянская реформа — разве не на этой? Кто же бы мог к ней приступить, если б не знал заране и не веровал, что народ сын царев, а царь отец его, что он всё спасет, всех удержит, всех созиждет.

Мы же насчет сил белоручничаем — иные-де силы ретроградные, так Европа нас научила.

и помимо всякого участия белых жилетов, на первый случай, конечно

белых жилетов. Сколько из них прямо перейдет, ибо из них есть много благородных душ.

Созовите, спросите народ.

О, без интеллигенции нельзя обойтись, но и спросить после, а прежде народ. Почему так?[1] А вот именно потому, чтоб научиться. И с этого примера начнется, может быть, понимание народа: поворот к нему, вера в то, что он чтит и любит, начнется новая эра, начнется новая реформа не менее крестьянской. Дело великое. А где же финансы. Оздоровить и финансы. Больной ли или здоровый работник. Выпьет больше. Скажут, это дело медленное, исторически третьестепенное. А тут бюджет, тут финансы. Ну вот в этом-то взгляде мы и рознимся. Плох тот экономист, который отвергает настоящую живую зиждительную силу ради принципов и сил фантастических.

а что же текущее? да то-то и есть, что не о текущем и, пожалуй, что ведь и это текущее, да еще какое, уж в дверь стучащееся

Социальная, а теперь политическая

Приданого взял шиш, по службе ничего.

Но народ не захочет и не примет — этого-то и не понимают до сих пор многие мужи.

На ней только, на этой только силе всякая реформа у нас зиждется. Если же не на ней созиждется ‹л. 2›

А про леса наши финансисты решительно игнорируют, точно знать не хотят, а без них ведь финансы понизятся ‹в› страш-

---

[1] *Далее было:* Что

ном размере, если всё то сообразить и в самую глубь войти, но в лесном вопросе мы как будто слово дали себе лишь скользить по поверхности, пока не пришла беда.

Но а у нас, например, разрешен ли вопрос о единичном, частном землевладении, уживется ли оно рядом с мужичьим, без потрясений, с определенной рабочей силой, здоровой и твердой, не на пролетарьяте и кабаке основанной. Не ре‹шен›.

Свинья.

А неужели же не похожи? Мы, то есть просвещенные русские европейские люди.[1] Разве мы не жили два века, разве не собираемся жить и теперь корнями народными, разве не сушили их, два столетия. Разве, отрицая их теперь, не подрываем их теперь нашим беспутным рылом. Плюем на корни наши, на начала народные наши. Были б, дескать, желуди, а дерево переменить, в дереве проку мало, корни же вредят, просто старые корни! Верно написал Крылов.

Вот бы, кажется, и прекрасно и уж лучше нельзя бы и быть.

и, знаете ли, самый важный, самый капитальный, какой только теперь есть у нас.

Много происходит, а вдруг и совсем даже как-то внезапно.

взял земли
а прежде всего земледелие ‹л. 2 об.›

‹Глава первая, § IV›

Я не про здания церковные говорю и не про причты, а про[2] наш русский «социализм» теперь говорю, цель и исход которого всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле,[3] поскольку па земле то возможно.

‹Глава первая, § V, глава вторая, §§ II—IV›

Почему же мечта!

Я ведь не про[4] обширность дела говорю

Я ведь говорю лишь только о мужике и о[5] его собственных делах, лишь до них одних касающихся.

---

[1] *Было:* европейцы
[2] *Далее начато:* ру‹сский›
[3] *Далее было:* поскольку это возможно
[4] *Далее было:* все государьи
[5] *Далее было:* их

Разве нет у них таких дел, особливых и единственно ихних,[1] о которых[2] бы надо было узнать в виде, так сказать, начала и предисловия к всякому дальнейшему хотя[3] бы даже и несравненно обширному делу.

А между тем получится выгода[4] решительно. Получатся факты, узнается правда о деле, достанется драгоценный материал, который убере‹же›т впредь многих от фантастических надежд, от перековерканий на западный лад, от преувеличений. А главное, — это еще раз повторю,[5] получится тон и смысл, получится тот дух, в котором только и может совершиться[6] всё что-нибудь дальнейшее и обширнейшее.[7] На это дело как бы печать ляжет, печать[8] национальная и глубоко консервативная. И печати этой никто не избегнет. Самые фантастические умы[9] соблазнятся и добровольно примут ее. Самые нелепые люди переделаются.

Почему, например, не может быть дана полная, самая полнейшая свобода печати детям — если только они дети? Я только про одну печать говорю,[10] для приме‹ра›. Взгляд всё изменит, а тут именно взгляд, и взгляд самый верный, самый нормальный, если только дети не изменят отцу. А как же они не дети? Отец всегда может[11] ‹л. 1›

Азия. Да главное-то, мировое то есть, назначение наше, может, именно в том и состоит, чтоб пригодиться в свое время Европе и всему арийскому племени. Но пока время не наступило, мы вправе позаботиться о своем самовоспитании, о своей самобытности, об исходе нашем из Египта. Да, самостоятельность не только нас не сделает азиятами, но еще более обратит в европейцев, и они сами будут нас уважать. Я про[12] будущее великое значение нашего русского народа в судьбах Европы сказал было одно слово прошлого года, летом, на Пушкинских празднествах — и, боже, как на меня поднялись, чуть не съели. Точно я мерзкое подлейшее дело сделал, сказав это.

Азия. Не будет Аристотеля, Бекона и Конта. Потому что они не верят в самостоятельность русского духа.

---

[1] *Далее было:* Тут дело не в частностях, а в принципе
[2] *Далее было:* их надо спросить
[3] *Далее было:* более
[4] *Было:* большая выгода
[5] это еще раз повторю *вписано.*
[6] *Далее начато:* даль‹нейшее›
[7] *Рядом вписан вариант:* поймет тот дух, в котором могут у нас совершиться реформы
[8] *Далее было:* народная
[9] *Было:* люди
[10] *Далее было:* не пересказать же всего
[11] *Далее было:* народ
[12] *Далее было:* наше

У нас могут быть великие исследователи вслед за указаниями великих гениев Европы.

От Европы не уйдешь.[1] Нам без обобщений в себе и собою всего, что вынесла в свою историю Европа, не уйти. В грядущем мы представим собою Европе, так сказать, синтез ее самой, представим и назовем ей[2] ее добрых и злых духов — и в том наше назначение, ибо мы-то, разумеется, и скажем в Европе последнее слово. Европа нам родная, она наша. Повторяю снова слова, сказанные мною летом, слова ‹л. 2› мистические — пророчество должно сбыться, но разъяснять не буду.[3] Потом в свое время вспомнят их и их приведут. Имеющий уши слышать да слышит. Но прежде того надо стать *самостоятельными*. Поворот в Азию будет одним из средств, одним из толчков к тому, послужит к нашему перевоспитанию и перерождению духовному.[4] Исчезнет наше рабство[5] в Европе. Пусть лучше мы там явимся азиятами, но самостоятельными. Повторяю, нас за это уважать больше станут.

Наша самостоятельность мысли только что начинается, нельзя же со всех ее требовать.

Много таких поворотов нам еще предстоит сделать.

Наш взгляд на Азию. Азия и вся азиятская Россия это тоже засохший корень, который надо не то что освежить, а совсем воскресить, совсем пересоздать.

Россия во всё вмешивается и всему, по их мнению, мешает.
Сейчас передерутся без нас.
К чему такие хлопоты об европейском мире?

Басня эта имеет прекрасное нравоучение, но о других корнях. Мне же кажется, что она бы могла пригодиться и к настоящим корням,[6] о которых я заговорил. И неужели же, неужели мы согласимся походить на этот портрет?

Над калифом даже
пусть приучаются к этой мысли

Пусть приучаются к мысли, что мусульманский Восток и Азия принадлежат Белому царю.

Я об Азии хотел заговорить, ибо это тоже один из корней.
Привесок. Привесок.

---

[1] *Над строкой вписано:* ник‹ак›
[2] представим и назовем ей *вписано.*
[3] *Выше вписано:* за которые меня порицали
[4] и перерождению духовному *вписано.*
[5] *Выше вписано:* А что до того, если там также нет потребителей, то, боже мой, если б Азия
[6] *Далее было:* которые

Тут тоже поворот голов и умов.

Толчок Петра мешает нашему естественному развитию
Мы Европа
12-й год ‹л. 1 об.›

Азия. Прибедниться, сесть на дороге
А внутри созидаться.
А искусство, науки?
Одно из созиданий, один из корней — Азия или поворот — тут принцип. Мы, дескать, Азия более чем Европа. Что мы делали — мы лезли в Европу. Бекон.

Как он сумел сказать всё без них, без интел‹лигенции›.

воистину так

Надо вспомнить — что мы не Европа, что мы Азия. Что же, железн‹ые› дороги, что ли, построить?
Да, железные дороги в Сибирь и в Среднюю Азию, но тут не в одних железных дорогах, тут опять дело в принципах.

Смотри книгу.

Имея море и флот, а теперь у нас всего только одна балтийская лужа, на которую так польстился Преобразователь.

Народы, которые тут же, сейчас же соединились все против нас, и так было во все време‹на› конгрессов.

Союз Германии с Берлином, который есть самый хитрый и противуестественный союз, может быть единственно рассчитывающий на то, чтоб мы рассорились.

Нельзя же Восточн‹ый› вопрос
Конечно, но был бы только взят принцип, а нам тогда уже нечего спасать папу иль Францию.
Да и Восточн‹ый› вопрос. Констан‹тинополь› наш. Так если он в таком положении, то и ждать ново‹го› побоища.
Нет, нам надо прибедниться. ‹л. 2 об.›

‹Глава вторая, § IV›

Уже одна идея, что мы отказа‹лись› от исключительного европеизма нашего, от прихвостничества нашего в надежде заслужить сан исключительного и совершенного европейца, — уже одна идея эта придала бы нам самостоятельности.

До Гамбетт, до папы и дальнейшей участи его, хотя бы и угнетал его Бисмарк. К чему нам столь‹ко› блестящих посольств,

с их обедами, представительством, с блестящим персоналом. Нам нужно прибедниться, сесть на дороге (на время, по крайней мере) и шапку перед собой, грошики собирать, вот как ведь надо, надобно сделать, на время по крайней мере, о, на время только. Не беспокойтесь, мы тем не опозорим себя, Европа поймет, ведь она хитра, умна. Нас же, напротив, начнет уважать за нашу самостоятельность, увидя, что мы за дело взялись, стали наконец людьми, серьезно о себе думающими. А как увидит, что мы и дефицитом не смущаемся, банкрутств даже не боимся, так еще больше будет нас уважать. Денег предложит.

угрюм⟨ая⟩ эконо⟨мия⟩
А про себя созиждется ⟨л. 1⟩

Черновые наброски к неосуществленным главам (ЧН)

⟨1⟩

Есть одна вещь, которую я глубоко избегаю, именно личные препирания по нападкам личным, не как на автора только, а именно лично. В прежних «Дневниках» моих (76 и 77 года) я редко препирался лично, в прошлом (1880) году была сделана на меня одна нападка в одном журнале, на первый взгляд, очень ничто⟨жная⟩

Не хочу я, чтобы сказали, что я хвастаюсь моей каторгой. Претит мне мысль, что добрые друзья мои (а они есть у меня) или впоследствии дети мои,[1] теперь еще маленькие, заподозрят, что это правда, что я хвастался, величался, и потому что il en reste, il en reste.[2]

Один — теперь генерал, мой бывший товарищ, занимающий значительную инженерную должность.

«От⟨ечественные⟩ записки»
Да если я величался
Я и в «Мертв⟨ом⟩ доме»
Да выдумал другое лицо
убил жену
Да если б я[3] вздумал чего искать, я бы либерал⟨ьное⟩ что сделал. Но я ни у кого не ищу ничего, ни лести, ни синекур.
Я работаю, несмотря на 2 болезни.

Ах, если б им анекдотик.

---

[1] *Далее начато:* занодо⟨зрят⟩
[2] боялся, что что-нибудь остается, остается (*франц.*).
[3] *Далее было:* измени⟨л⟩

Я[1] было вовсе хотел их пренебречь и не ответить, но они прямо касаются моей биографии, а не поправь я, не возрази я сам, пожалуй, скажут, что я согласен и что всё, стало быть, справедливо.[2] Но еще тут также есть нечто, которое мне хотелось бы раз навсегда вывести на свежую воду. Постараюсь быть коро‹че›

В «Вестнике Европы» Анненков

и что я-де был столь самолюбив еще тогда

Удивляюсь, как можно, не справившись

«Новое время» ответило, что оно рассматривало книгу «Петербургский сборник» и каймы никакой не нашло. В следующем же № насмешливые стишки.

Дело в том, что[3] я писал о знакомстве моем с Белинским восторж‹енно›, показание Анненкова как будто бы я лгал, уверяя, что я с благословен‹ием›

Бальзака, Мольера, Христа

Но чтоб требовать каймы — не в таких я был отношениях.

Г-н Анненков скоро уехал и не мог быть свидетелем дальнейшего, то есть как меня[4] поссорили с Белинским, хотя мы никогда не ссорились. Но тут была не только оскорблена личность, а я ничего-то этого не заметил.

Не припомню, кто это был, но скажу лишь про покойного Панаева.

Панаев этого никогда не мог мне простить и, я повторяю, кое в чем мне вредил, но всё же я не обвиняю его в изобретении анекдотика с каймой. Откуда его мог слышать г-н Анненков, от кого? «Вестник Европы» утверждается именно на виршах. Но[5] в результате вышло, что в виршах этих все его доказательства. Но вирши-то эти и могли бы, по-моему, открыть глаза столь горячим обвинителям моим (не понимаю, почему столько горячки) и убедить их, что они *без сомнения* не на меня написаны.

Каторга.

Не знаю ответа г-на Стасюлевича.

И мужик постыдится, он не попрекнет «несчастного».

Всё это, может, и вздор, повторяю, и конечно не стоило связываться. Но я сам писал о Белинском и встрече моей с ним. И я не хочу, чтобы тень лжи легла на мой рассказ. Если б я не возразил, сказали бы, что справедливо. Во-2-х, что за странное желание досадить, рыться в таком хламе, что за горячка.

---

[1] *Выше было:* по видимости очень ничтожная

[2] *Далее было:* К тому же

[3] *Далее было:* г-н Анненков говор‹ит›

[4] *Далее начато:* чу‹?›

[5] *Далее было:* вышло

«Дневник писателя» 1881 г. Страница черновых набросков.
Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

Сделать смешнее <?> il en reste

Забыл где у Диккенса, член конгресса — что вот этот член украл 9-ти лет яблоко — тут вроде этого.

Не могу тоже не заметить, что кто раз сказал неправду, тот скажет ее и в другой раз, и потому я жду от органов г-на Стасюлевича и всякой дальнейшей неправды.

Но решительно уже для курьеза, сообщила для смеху даже «Молва», что я лгу.

<2>

В моменты перед революциями, на Западе Европы, привилегированные сословия добреют, становятся философами, либералами, уступают, а сами провокируют реформы. Но дело в том, что всегда почти, как показывают примеры (в 1-ю революцию и теперь, при движении социализма), этот либерализм привилегированных людей опаздывает, компромиссов не принимают, народ звереет, отделяется от государства, истребляет его силой, несмотря на то, что оно кричит ему, что оно и само либерально, и заводит новое государство. Итак, факт тот, что компромиссов не примут.

У нас в России обратное: народ ждет всего от царя. Пугачев, шедший истребить помещика, должен назваться царем, чтоб иметь успех. У нас монарх освобождает народ от крепостного состояния, и народ принимает компромисс тотчас же. Таким образом, во-1-х, освобождение могло произойти (именно по чрезвычайной и особенной силе монаршей власти в России) отчасти раньше, чем струны натянулись до того, чтоб не слушать компромиссов. Эта особенность *нашей* царской власти должна была бы броситься в глаза как особенность русского народа и его понятия о царской (отеческой и воплощенно-народной) власти. Правительство могло бы понять, как оно сильно. Не тут-то было. На 2-ой год войны мы умоляем унизительно Англию не сердиться, просим прощения и отдаем *всё*. Это оттого, что не понимают силы своих связей с народом и когда же? После 2-х выстрелов в Европе, когда в ней социализм всё проел. Но государства Европы не выдержали бы и года одного войны. Они, в ногах валяясь, просили бы нас избавить их от социализма. Но мы не понимаем этого, а правительство верит, что социализм и либерализм европейцев наших сковырнет и его, тогда как это невозможно. Но оно не понимает, что невозможно это, и, боясь европейцев, соединившихся с вельможами, захочет дать конституцию. Но народ не примет ее, и что произойдет затем? Конец петербургского периода русской истории, и царь в первый раз поймет свое Русское значение и свою неземную силу. <л. 1>

А вы что? Законодатель, судья и палач — всё вместе, в одном лице? Это очень удобно, и так вы всегда и все, черт вас возьми.

— Во всякой женщине есть нечто подчиненное и рабское, баранье и лакейское. Действует не рассудком, а влеченьем. Идет за коноводом и непременно мужчиной. Рискует и жертвует жизнью не для великодушия и добродетели, а ради приказывающего мужчины. При этом остервенелая, бестиальная (хуже) жестокость, жестокость неслыханная, невозможная, тогда как и жестокий как зверь мужчина часто бывает великодушен хоть минутами. Рассудку мало, мяса много. (Мучение архиепископа, женщина, Maxime du Camp), («Les Origines de la Françe», Тена. Глава III (подглавка V)). Убийства,[1] женщина ножницами выколола глаза, другая съела сердце убитого. У нас на Казанской площади фейки. Maxime du Camp свидетельствует, что все эти зверские женщины сейчас же после злодейств своих бросались перед солдатами на колени и кричали: «Ne me tue pas».[2]

NB. Тезис: женщина всегда, везде и во всех состояниях жесточе и бесчестнее мужчины.

NB. «Русские женщины» Некрасова и все кричащие за женщин и указывающие на декабристок и сестер милосердия берут только частные состояния духа тех же самых женщин, которые в другое время окажутся злодейками. Злодейство же не есть злодейство, а лишь низшая, более бестиальная природа женщины как человеческого существа, предающегося не разумом, а влечением, склонность к подчинению. Впрочем, это *только* разница между мужским и женским существом.

— Какая разница между мною и вами? — Я за народ, а вы против народа. ‹л. 1 об.›

‹1. ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ЭПОХА»›

(Стр. 123)

Конспекты и наброски

‹1›

1) Определить количество долга, оставшегося по векселям по смерти брата и по другим обстоятельствам.
2) Какое после брата осталось имущество?
3) Какое количество книг должно было додать до ‹18›65 года?
4) Сколько дополучили за эти книги в ‹18›64 году.
5) Сколько получили с подписки за ‹18›65 г.?
6) Во что обошлась средним числом каждая книга?
7) Количество в настоящее время моего долга?
8) Количество подписчиков в ‹18›64 и ‹18›65-м году?

---

[1] *Далее было начато:* нож‹ниц›ами
[2] «Не убивай меня» (*франц.*).

<2>

По этому примеру можно видеть, что же стоит сама переписка и вся канцелярская часть. Всё это может быть поверено с строгой очевидностью и подтверждено многими свидетелями. Заметим еще, что в этих расходах [1] мы не выделили ничего на содержание семейства покойного, ибо всё что выведено касается только одного журнала. Одним словом, можно положительно сказать, что передержано и затрачено нами гораздо более 10 000 собственно наших денег на журнал. И так как эти деньги я,[2] Федор Достоевский, их потратил из своих собственных средств, потому и не ставим их в счет расходов по журналу.[3]

Не участвуя нисколько во владении журнала [4] и не имея в нем никакой доли и собственности, передержал на журнал всё что имел своего состояния, то есть до 10 000 руб., и, таким образом, будучи болен, в падучей болезни, которая увеличивается с каждым годом, я лишил себя на старость лет всякого средства к существованию [5] и, кроме того, переписал собственно 10 000 долгу. Вдова же покойного находится в нищете явной и всем известной [6] и недавно еще получает вспоможение от Общества Литературный фонд в уважение услуг литературе ее покойного мужа. Таким образом для уплаты [7] лежащего теперь на нас долгу и доходяще<го> до 18 000

<3>

Расчет: всего долгу оставалось 45 000. Кроме того, объявив подписку и получив 16 448 руб. с подписчиков, мы образовали на себе 16 448. Итого <16> 448. Всего долгу оставалось 45 000. В уплату его имелось 3000 с акций, 3361 с подписчиков, 500 Общ<ество> взаим<ного> кредита. Итого 6861. След<овательно>, всего имели в уплату <*не закончено*> Но уплатили на 28 000 — книгами, 6000 — долгов. Итого на 34 000. Вычтя <из> 45 000 34 000 остается 11 000 — неуплаченных. Так точно и выходит по счетам. Но так как мы имели всего до 6861 в уплату, а заплатили на 34 тысячи, то и передержали, стало быть, до 27 000 с лишком рублей. Таким образом естественно, что мы должны были сами впасть в долг. Долги собственные наши предположительно представляются в следующем виде. А именно: на 9364 руб. сделано долгов по векселям поставщиков в типографию бумажным фабрикантам и авторам. И, кроме того, до 2500 долгов авторам на слово, ибо хотя они во уважение нашего несчастья и не захотели

---

[1] *Вместо:* Заметим ∾ расходах — *было:* *а.* *Начато:* Одним словом *б.* В этих расходах

[2] *Было:* мы уже

[3] *Далее было начато:* Я, Федор Достоевский

[4] *Далее было:* для точного

[5] *Далее было начато:* Вдова же покойного

[6] *Далее было:* живет только тем, что

[7] *Далее было:* 14 794

беспокоить нас уплатою и[1] не потребовали с нас векселей, но мы[2] не можем их не считать такими же кредиторами нашими, как и других, имеющих на нас документы.

Да кроме того, объявив подписку на 1865-й год, мы получили с подписчиков до 16 448 руб. Итого, стало быть, всего собственно нами сделанного долгу выходит до 28 312 руб. Из них мы выдали подписчикам два №[3] журнала, ибо при начале подписки вполне надеялись на успех и выходом первых двух номеров вполне рассчитывали привлечь публику, для чего особенно на них не жалели издержек. Если считать, что мы удовлетворили наших подписчиков на 1/6-ю долю всего долгу, то выйдет, что мы удовлетворили их на 2750; но если считать, что стоили нам эти №[4] действительно, то выйдет не менее 7000 руб., ибо каждый № стоил до 3500 руб. себе.[5] Итак, вычтя из 28 312 2750 = 25 562. Получится всего долгу до 25 562 руб. Но так как мы, будучи не в силах продолжать издание, вошли в особую и добровольную сделку с издателем «Биб‹лиотеки› для чт‹ения›» и уступили ему всех подписчиков нашего журнала с тем, чтоб он удовлетворил их своим изданием,[6] и так как издатель «Биб‹лиотеки› для чт‹ения›» объявил об этом печатно публике, то мы и считаем оставшийся долг наш подписчикам, уже на нас лежащий (13 698), удовлетворенным. Вычтя, таким образом, эти 13 698 руб. из 25 562, то остается 11 864 собственно долга.[7]

При сем необходимо для расчету сделать то замечание, что при исчислении наших расходов мы не вывели и не показали многих и весьма значительных, но которые хотя и не показаны, но очевидны и доказательны и всегда могут быть проверены. Так, например, ген‹варский› и фев‹ральский› № выведены нами в 2750 руб., тогда как они стоили нам до 7000. Кроме того, не выведено содержание редакции, собственно относящееся до журнала, а именно наем квартиры, расходы на приемы литер‹аторов› в литерату‹рные› дни, жалованье редактору — всё это требует не менее 5000. Наконец, не поставлено бездна расходов мелких, но которые в сущности составляют чрезвычайную сумму, так, н‹а›пример, одни почтальоны, приносящие письма и получающие по обыкнове‹нию› по 3 коп. за письмо, стоят в год по счету повесток и писем до 300.

Вот наш долг. Но сверх того, чтобы не повредить ходу жур-

---

[1] *Далее было:* даже

[2] *Далее было:* *а.* все-таки считаем их нашими кредиторами *б.* считаем обязанностью не отказываться от долгу им вследствие их снисходительности

[3] *Далее было:* на сумму 7000

[4] *Далее было:* ибо мы издавали не для 1200, а в надежде на 4000 подписчиков

[5] *Далее было:* так как издавался в над‹ежде›

[6] *Далее было:* и взял на себя все хлопоты удовлетворения под‹писчиков›

[7] *Далее было начато:* Заметим здесь

нала и для успокоения кредиторов покойного Достоевского, мы, надеясь хоть на некоторый успех журнала, принуждены были взять на себя и переписали на себя до 2870 руб. из неоплаченных и оставших‹ся› 11 000 долгов брата. Таким образом, весь долг, образовавшийся собственно на нас, состоит из 11 864 и 2870. Итого до 14 734. Долг же по векселям состоит из 12 234 руб. Этот вексельный долг распределили мы между собою так, что до 10 000 принято братом покойного Федор‹ом› М‹ихайловичем› Достоевским на себя лично, а в остальной сумме до 2500 руб. участвую и я, Эмилия Достоевская.[1]

‹2. ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ЭПОХА»›

(Стр. 127)

Фрагмент белового автографа

и повестки, по 3 копейки за письмо, составляли в год до 300 руб. серебр‹ом›. По этому примеру можно заключить о том, что стоила самая переписка и канцелярская часть? Всё это может быть проверено с строгой очевидностью и подтверждено многими свидетелями. Одним словом, мы утвердительно можем[2] сказать, что не выставлено в расход более 10 000 руб., передержанных собственно на один журнал.[3] Эту сумму я,[4] Федор Достоевский, принужден был перетратить из собственных последних средств, ибо хотя я, Федор Достоевский, не был ни наследником, ни даже участником[5] в праве издания журнала; но как брат покойного, видя, что семейство его осталось после его смерти в нищете и в долгах, и рассчитывая, что поднятием журнала, в случае успеха, можно не только уплатить долги, но даже придать изданию, освобожденному от долгов, некоторую ценность,[6] я, побудив вдову покойного, Эмилию Достоевскую, к продолжению издания журнала, естественно, должен был взять на себя и весь риск неудачи. А потому, истратив 10 000 своих собственных денег, то есть всё, что имел я,[7] на журнал, я при ежегодно усиливающейся падучей болезни моей остаюсь при приближении преклонных лет безо всяких средств к существованию, кроме тяжелой литературной работы моей. Вдова же покойного находится в совершенной нищете, явной и всем известной, и существует только вспоможением Общества Литературного фонда — во уважение литературных заслуг ее покойного мужа. Таким образом, для уплаты остающегося на нас долга, до пятнадцати тысяч рублей ‹*не закончено*›

---

[1] *Далее было: а.* мы расписываемся *б.* и брат умершего Федор Достоевский расписывается вдвоем.

[2] *Было:* можно

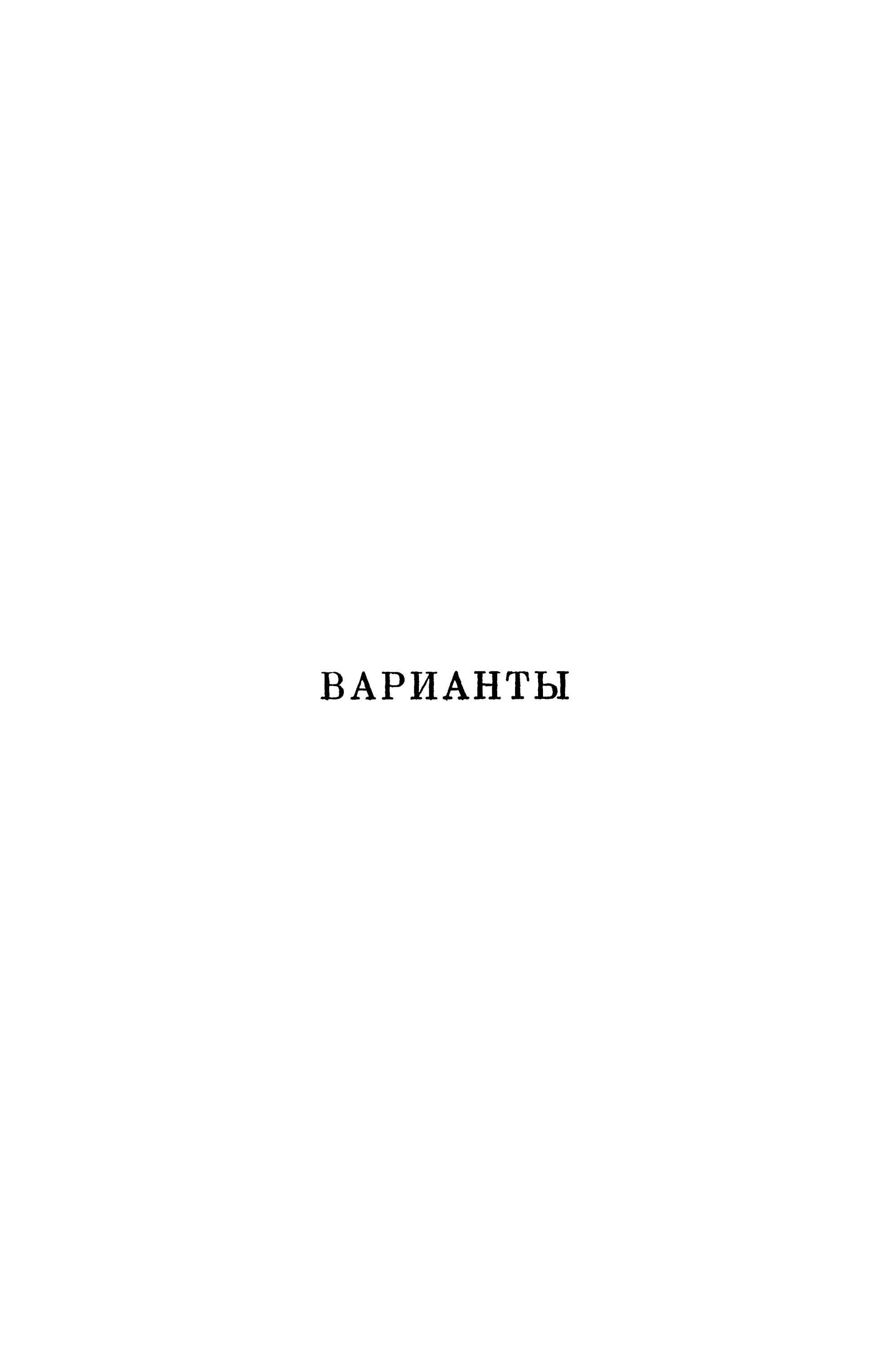
[3] *Далее было начато:* ибо расходы на содер‹жание›

[4] *Было:* Эти деньги мы

[5] *Было:* собственником

[6] *Далее было:* в пользу семейства покойного брата

[7] *Далее было: а.* и даже продав за бесценок право *б.* состояния

ВАРИАНТЫ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ. 1881

(Стр. 5).

Варианты чернового автографа (ЧА)

Стр. 5.

3–8 *Текста*: 1881. Январь ∾ Говорильня и говоруны — *нет*. *На полях слева*: 4-го января / 81. Воскресение.

9–10 после трех лет ∾ с статьей экономической? / выступлю с статьей экономической и это после трех-то лет молчания ◊

11 таковыми / ими ◊

13 туда же / тоже

14 поветрие на экономизм / поветрие экономическое ◊

15–16 *После*: экономистом — [а прежние] Прежние [разные] же газеты и журналы давно уже экономисты. Всякий редактор [смотрит] теперь экономист [он глядит экономистом, говорит экономистом], всякий сотрудник его чуть не выговаривает: и я тоже экономист. ◊

16 и в смысле этом рекомендуется / и рекомендуется ◊

17 *Слов*: кто может теперь не быть экономистом — *нет*.

18 всеобщий *вписано*.

19 нашей турецкой кампании / турецкой кампании ◊

20 рассуждали много / рассуждали ◊

20 *После*: о финансах — (да и как не рассуждать [о] при наших-то финансах) ◊

22 произошло натурально натурально ◊

23 займы на военные расходы / займы ◊

23–24 Но тут, кроме собственно рубля, была и отместка / *а*. Но была и отместка *б*. Но собств‹енно› тут и отместка

25 мы предрекали / мы, дескать, предрекали ◊

26 пустились в экономизм те / напустились на экономизм те ◊

26–27 в семьдесят шестом и седьмом годах / в семьдесят седьмом году ◊

28 *Слов*: что Восточный вопрос одно баловство и фикция — *нет*.

29 подъема духа народного / подъема народного

30–31 а есть и пребывает по-прежнему всё та же косная масса / *а*. а есть косная масса *б*. а есть и пребывает по-прежнему косная масса ◊

31–32 *Слов*: немая и глухая ∾ масса — *нет*.

33 если и дает / *а*. жертвует *б*. если и жертвует ◊

33 то потому лишь / потому

34–35 а их много развелось в интеллигенции нашей / *а*. а их как песку морского *б*. их беда как много не в одной литературе ◊

Стр. 5—6.

35–2 были тогда страшно оскорблены в своих лучших чувствах. Гражданин в Ферсите был оскорблен. / *а.* были тогда страшно озлоблены *б.* были тогда оскорблены в своих лучших гражданских чувствах. (У Ферсита-то гражданские чувства!) ◊

Стр. 6.

2 Вот и начали они мстить, попрекая финансами. / [За то] Ну вот и отомстили ж потом, [*а.* попрекая финанса⟨ми⟩ *б.* попрекали] попрекая финансами. ◊

4 Все понемногу надулись, некоторые, впрочем, очень. / Все надулись ◊

5–6 Правда, и мир невыгодный поспособствовал, берлинская конференция. / *а.* Мир невыгодный способствовал. *б.* Правда, и мир невыгодный способствовал. Берлинская конференция. ◊

6–11 *Текста*: (NB. Кстати об этой берлинской конференции ∾ духа народного, потом.) — *нет.*

11–12 Я только хочу теперь сказать, что об рубле и о дефиците все теперь пишут / *а.* Ну и стали писать о финансах, об рубле, теперь вот об дефиците, и из озлобления: сама невинность и та теперь готова писать о финансах и об рубле *б.* Но об рубле и об дефиците теперь [уже] пишут теперь все, не только озлобленные. Сама невинность и та теперь пишет прежде всего об рубле.◊

12–15 уж конечно, тут отчасти и стадность ∾ не интересуюсь / отчасти и стадность; все [пишут] тревожатся, так как же и мне не поверят, что и я тревожусь, подумают, что не гражданин ◊ *вписано.*

15–16 Впрочем, есть кое-где ∾ сомнения за будущее / Впрочем, может есть и настоящая гражданская тревога, то есть истинная. ◊ *вписано.*

16–17 *Слова*: не хочу душой кривить — *вписаны ниже между строками.*

17–18 Но, однако же ∾ всё на тему / *а.* [Тут и передовые. Главное] И прежде всего лишь то *б.* Конечно у самых-то передовых всё сошло на тему о том: зачем у нас

18–19 всё это не так / не так ◊

19 талер / рубль

19–20 а у нас рубль дурен / а у нас дурен

20 *После*: дурен. — В Европе нет дефициту, а у нас [дефицит] он есть.◊ *Далее было*: Мы Европа, почему же у нас рубль дурен.

20 Так как же / Да как

20 так зачем же / да зачем же ◊

21 Умные люди разрешили наконец вопрос / Передовые наконец и разрешили вопрос ◊

21–22 *Слов:* почему мы не Европа ∾ как в Европе — *нет.*

22 Потому-де / Оттого-де это всё ◊

23 Вот и начали все кричать / *а.* И вот все до единого кричат. *б.* И вот кричат ◊

24–26 что и венчать-то ∾ здание *вписано.*

27 если уж и начать его / если уж начать ◊

27 гораздо пригоднее начать / то надо бы начать

28–35 Тут сделаем необходимую оговорку ∾ европейских умов. / Тут сделаем поскорее одно нотабене: увенчание снизу на первый взгляд конечно нелепость, не только историческая,[1] но и механическая, но так как у нас всё своеобразно, всё не так как в Европе и даже наоборот Европе, то и увенчание [должно] могло бы снизу, а не с белого жилета, начаться наоборот Европе ◊ *вписано. Рядом помета*: архитектура

35–41 Ибо, к удивлению Европы ∾ в себе одном предчувствующее. / уже по тому одному, что армяк и лапоть есть действительно в своем роде здание, есть действительно нечто твердое и незыблемое, уже выве-

---

[1] ***Над словом***: историческая — *вписано*: социально

деннoe веками и настоящую идею нашего русского здания в себе заключающее ◇ *вписано. На полях набросок*: прочное и твердое. Конечно не в вашем роде здание, а в своем собственном. Вот это

41–45 Впрочем, все эти возгласы ∾ нравственно-гражданский. / Впрочем, все эти крики об увенчании имеют характер более, так сказать, механический и успокоительный, чем рассудочный и действительно гражданским страданием вызванный. [Ибо, повторю это, дейст‹вительно›]◇ *вписано. На полях:* Ибо, повторю это, действительно страдающих очень мало, а стадных людей и малых неразумных детей ужасно у нас еще много. *На об. стр. 1 набросок к стр. 9*: Барин — крепостник у нас кончился, наступает теперь новый барин — крепостник. интеллигентный русский человек, и ух какие аристократические замашки.

45–48 И потому так набросились ∾ и чрезвычайно сподручны / [Но] Замечу еще, что внешние механические успокоения всегда легки и приятны ◇

Стр. 7.

1 *После*: спасено — *а*. Теперь-де Россия не Европа, а увенчают здание *б*. Почему Россия теперь не Европа? Потому что не увенчано здание, а увенчают здание ◇

1–2 *Слов*: приложить ее, взять из готового сундука — *нет*.

3 Главное, что приятно / Главное и приятное ◇

4 думать совсем не надо / *а*. думать ни о чем не надо *б*. решительно ‹?› думать не надо ◇

4–10 а страдать и смущаться ∾ согласный концерт / А страдать и смущаться и подавно. Чего думать, чего голову ломать, еще заболит. Взять готовое у чужих [и всё кончено] вот и венок ◇ *вписано*.

13–14 *Слов*: и это в огромнейшем, в колоссальнейшем большинстве, господа? — *нет*.

15 колоссальнейшее большинство белых-то жилетов / белые-то жилеты ◇

15–18 *К тексту*: А что коли колоссальнейшее большинство ∾ увенчано? — *вариант на полях*: А белых-то жилетов туда и вовсе не пускать на первый случай, конечно, если уж случится так, что оно будет увенчано.

20 *Слов*: (а многие так и люди хорошие) — *нет*.

21 со всей землей / вместе со всей землею ◇

21 общем великом деле / общем деле ◇

22–24 вместе с землей ∾ вдруг и соединятся! / сказать вместе со всеми, нет надо особо. Рознятся они от нас всех-то.◇

24–37 *Текста*: Это ведь не водевиль ∾ уже невольно. — *нет. Между строками предыдущего текста вписан набросок*: с мужиком капри‹зны› и брезгливы уж очень к народу

38–39 скажут они, — а те, остальные (то есть вся-то земля) / а те остальные [мы то ‹есть›] ◇

40 образуя их, будем их постепенно возносить до себя / вознесем до себя ◇

41 научим народ его правам / научим его правам ◇

41–42 собираются поучать / научат ◇

43 *После*: шалуны!) — Вот по этому даже одному ‹невозможно›, чтоб они могли свой совет сказать, потому что и с собой-то не сговорятся. Это наверно так, ибо где их история, где их культура, где практика? Они только говорить-то мастера. И какие говоруны.◇

43–45 *Фразы*: «Русское общество ∾ в национальные лапти». — *нет*.

Стр. 7—8.

45–2 Так ведь, выходя с таким настроением ∾ и ее политическими последствиями / А ведь с этими мыслями можно пожалуй и [опять] вновь закрепостить народ интеллигентной то есть опекой ◇ *На полях наброски и варианты*: *1*. Ишь! Да ведь с такими настроениями.

«Дневник писателя» 1881 г. Страница чернового автографа первой главы.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

[illegible] въ семейственномъ быту, [illegible]

сердца великодушія, что не только подвига

духъ народного характера, не только войны не порожда[illegible]

и не національна, [illegible]

[illegible], а сама [illegible]

[illegible]

2. хоть и не прежним крепостным правом так [последствиями] интеллигентной опекой и ее последствиями

45–3 *К тексту*: Так ведь, выходя с таким настроением ∾ А народ опять скуем! — *заметка на полях:* Слишком аристократичны и слишком консервативны. Европейские формулы охраняете и за них весь народ отдадите. И не только отдать, но и похерить вовсе готовы. А народ опять скуете, до крепостного права недалеко.

Стр. 8.

4–6 Ну и, разумеется ∾ наверно случится так. / И что же выйдет? Закрепостите, заведете лишь для себя говорильню. Да и сами себя не поймете и не узнаете. Знаете ли, что это ведь наверно так будет? ♦

6–17 *Текста*: Будут лишь в темноте ∾ рядом сядете. — *нет.*

17–18 А сколько, сколько расплодилось у нас теперь говорунов? / Какие говоруны теперь расплодились и сколько их — ух! ◊

18 Точно в самом деле готовятся. / Точно в самом деле к [говорильне] чему-то приготовляются. ◊ *вписано.*

18–27 Сядет перед вами ∾ в голове дурман. / Выйдет, например, сановитый муж к своим подчиненным и начинает речь говорить. Господи, чего не наговорит. Курица ли яйца [учит] несет, или впредь курицу яйца учат, ничего не разберешь. А не случалось разве с вами так: сядет перед вами иной передовой и ведущий вас [человек, либерал — оратор] господин и тоже начнет говорить: ни концов, ни начал, всё [спрятано] сбито и сверчено в клубок. Часа полтора говорит. И главное, ведь так сладко и гладко, точно птица поет. Каждое [словцо] слово, казалось бы, понятно и ясно, и вот ничего-то нельзя [понять] разобрать. [Знаешь только, что либерально.] Глаза выпучишь, в голове дурман. ◊ *Далее было начато*: Приготовляется *На полях набросок*: Курицу ль яйца учат впредь, или что курица по-прежнему несет яйца — ничего не известно, слышно только, что либерально и что курица [понесла] вместо яиц дичь [понесла] несет

27–28 недавно народившийся / только что народившийся ◊

28–29 художественная литература его еще не затрагивала / в [литерат<уре>] художественной литературе его еще не затрогивали ◊

30 много совсем проглядела / много проглядела ◊

32 *Слов*: много что пятидесятых — *нет.*

33 *После*: потеряла. — А как не потерять? Ведь и всё текущее почти тоже одна говорильня, только лишь в эмбрионе, без формулы, неустроенная. Жаждут формулы, жаждут устройства, и увенчания ♦

34 *Заголовка*: II. Возможно ль у нас спрашивать европейских финансов? — *нет.*

35–36 *Вместо*: А что же финансы? Что же финансовая-то статья? — скажут мне. — Ах, да ведь я об экономической статье моей заговорил. ♦ *Между строками вписано*: а куда фина<нсы>

36–38 Да и не смею ∾ собираюсь писать? / Никогда я им не был. А если не был, то как же я смею о финансах писать? ◊

38 А вот именно потому, что уверен / А вот потому и напишу о финансах, что убежден ◊

39–40 не финансовая, а совсем иная какая-нибудь статья / вовсе не экономическая, а какая-нибудь другая статья ◊

40–41 Вот этим только я и ободрен. / *а.* Этим ободрен. *б.* Этим только я и ободрен. ◊

41 Ибо и недостоин я вовсе писать о финансах / *а.* Да недостоин я вовсе писать экономическую статью. *б.* Ибо и недостоин даже я вовсе писать о финансах-то. ◊

41–43 так как сам знаю ∾ европейской точки / Я сам знаю, что я смотрю на наши финансы [как-то] дико, [как-то] вовсе уже не с чисто европейской точки ◊

44 мы вовсе не Европа / мы не Европа ◊

Стр. 8—9.

44—1 до того особливо / *а.* даже до того самостоятельно и особливо *б.* теперь при всем нашем старании стать Европой до того особливо ◊

Стр. 9

1—2 *После*: сидим — или на какой планете

3—5 и, наконец-то, раздалась революция ∾ исторически / а у нас [утверждалось веками, а] уничтожилось в один миг. После веков потуг и борьбы, во Франции, например, раздалась революция — и что ж освободились они [совсем-то] от всего, что хоте‹лось› или нет? Как раз нет, и тут же пролетарият завели, только что Робеспьеру голову откололи. А впрочем, и сам-то Робеспьер голову бы отколол, да и самому Жан-Жаку Руссо, своему учителю, если бы тот воскрес. Отколол бы. А в Германии, а в Ирландии что теперь идет? У нас двухвековая система рухнула вдруг [в один миг] мигом по слову самодержца и правительства, как же не рухнуть с ней и всей прежней системе, какая у нас была. Разве это возможно? ◊ *Между строками и на полях вписано*: *1.* Но опять-таки, если рухнула так вдруг разом и вовсе без революции и без пролетариата, ну похожи ль мы на Европу *2.* Да было ли что подобное в Европе, какой закон тут примечаешь

5—6 ***Фразы***: У нас же крепостное право ∾ без малейшей революции. — ***нет.***

7—8 ***Фразы***: и вот, казалось бы ∾ очень большому? — ***нет.***

8—9 Правда и то ∾ с большим потрясением. / Всё, что вдруг падает, падает всегда очень опасно и с чрезвычайно сильным вокруг потрясением.◊

9—10 Не я, разумеется, пожалею, что вдруг упало. / Я не жалею, что крепост‹ное› право так вдруг упало.◊

10—13 Страшно хорошо ∾ потрясение вышло большое. / Страшно хорошо, напротив, что то так вдруг рухнуло по великому слову освободителя. Тем не менее закон природы нельзя миновать [что вдруг падает, то падает всегда опаснее, чем если медленно], и потрясение случилось великое.◊ *Рядом и выше вписаны наброски*: *1.* и рухнуло с ней ‹?› со всем прочим *2.* но так как всё это произошло в один миг *3.* что весь этот мерзкий исторический грех наш дело случая и если бы [теперь] человечеству *4.* Но в том-то и разница наша с Европой, что у нас не историческим, не культурным ходом дела всё это произошло, а вдруг

13—16 ***Текста***: Пусть бы большое ∾ всё так вышло. — ***нет.***

16 Но, не развивая / И, уже не развивая ◊

18—20 *Слов*: укажу лишь на иные частности, что прежде всего бросаются в глаза и смущают. — *нет. На полях набросок*: иные частности, что бросаются прежде всего в глаза.

20 Вот, например, посмотрите / *а.* И посмотрите *б.* посмотрите только на то ◊

20—23 рухнуло крепостное право ∾ разбогатеть ему / рухнуло крепостное право, тут бы, кажется, зацвести мужику, тут-то и разбогатеть ему ◊ *Между строками вписано*: *1.* цвести *2.* и всё же, но откуда *Над словом*: рухнуло — *вписан набросок*: то есть всё, кроме разве одного самодержавия, которое всё и сдержало, которое всё и держит и без которого всё разом поехало бы врозь

24—25 И, главное, в том беда, что еще неизвестно / *а.* и еще неизвестно *б.* Но, главное, в том беда наша, что еще неизвестно ◊

26 *Слов*: (и в чем именно она заключается) — ***нет.***

27 дает ему теперь земля / ему дает земля ◊

28 *После*: максимума. — ***вписано***: Отчего бы это так? ◊

28—31 ***Фразы***: Скажут умники ∾ чем предполагают его. — ***нет.***

31—33 Затем посмотрите опять ∾ в народ / Затем всё прежнее барское землевладение упало и понизилось [разом] до самого низкого уровня,

а вместе с ним началось и перерождение целого сословия в нечто иное, в народ ◊

35–41 *Текста*: ибо во что же ∾ далеко не так. — *нет. На полях набросок*: Это прекрасно, но ведь это лишь пока идеал. А действительность-то вовсе оказалась не такой.

41–42 Захочет ли сословие и прежний помещик стать интеллигентным *народом*? / Захочет ли сословие стать интеллигентным народом? ◊

42–46 *Текста*: вот вопрос ∾ каким путем разрешится. — *нет*.

Стр. 9—10.

46–3 Не захочет ли ∾ его опекающей. / Но захочет ли, напротив, опять возродиться и стать над народом властию силы и вместо [интеллигенции] крепостного барства завести аристократию интеллигенции, народа не признать братом, не возлюбить того, что любит и обожает народ, и не почитать того, что чтит народ, — без чего никогда и никто не сойдется с народом, ибо то, что он чтит и любит, у него крепко, и он ни перед какой интеллигенцией не поступится, — опять вопрос и опять трудный, — опять вопрос и трудно предвидеть его разрешение. ◊ *Между строками вписано*: *1.* светить и учить его *2.* огромный вопрос

Стр. 10.

3–11 *Текста*: Захочет ли оно искренно ∾ всё теперь в вопросах. — *нет*.

11 И, что главное, всё ведь / Всё ◊ *Между строками вписано*: И вот. И вот

12 *После*: поколений, — а мы требуем правильных [бюд‹жетов›] финансов [и европейских бюджетов] от нашего государства и европейских бюджетов. ◊ *Между строками вписано*: при всем этом у нас еще

12–13 *Слов*: а у нас, напротив того, предстоит разрешить в один миг — *нет*.

13–17 В том-то и главная наша разница ∾ предписанием начальства. / В том-то разница наша с Европой, что у нас не историческим, не культурным ходом дела всё это произошло, а вдруг. ◊ *вписано*.

17–20 *Текста*: Конечно, всё произошло ∾ системой финансов? — *нет*.

20–25 Я, например, верю ∾ ядро его, сердцевина. / [А между тем] Ведь если не будет земледелия, не будет и ничего, ни промышленности, ни финансов. Ведь это уже аксиома [к счастью это] в экономической науке (это-то уже я знаю), что кто владеет землей, тот и ведет государство. Что [не] если цветет земледелие, [то] цветет и промышленность, [то] цветет и спокойствие. Ведь и капитал, и промышленность всего больше любят спокойствие, а у нас есть спокойствие. [А какому земледельцу достанется земля русская — капитальный вопрос и неразрешимый у нас в высшей степени. Общине ли крестьянской достанется всё одной или и отдельному единоличному землевладению вместе. А если вместе, то как они уживутся. На это опять требуется опыта [вновь] поколений истории]. А пока прежний землевладелец продает имение за бесценок купцу, [и] теперь и жиду, те рубят леса, [те] даже сады рубят, возьмут всё, что можно взять с землею, осрамят и обесчестят землю, и продают потом по клочкам. [Кто будет будущим помещиком, вовсе не решено.] ◊ *Выше на полях*: Это не решено. *Между строками и на полях наброски*: *1.* Я верю не в аксиому, что не мешает *2.* и произ‹водство› и проч. *3.* всё цветет *4.* Как уживутся. Пало барское землевладение, а ведь вопрос о том, как оно впредь уживется рядом с мужиками, ведь далеко еще не решен. А почему? Не земледельцы, а баре.

25–28 *Текста*: А так ли у нас ∾ силами нашими? — *нет*.

28 Вот у нас строятся железные дороги / А пока не цветет мужик, а строятся железные дороги

28–29 и, опять факт, как ни у кого / *а.* Вот еще факт, который ни у кого *б.* и опять тут факт, как ни у кого ◊

29 чуть не полвека / шестьдесят лет ◊

30 *Слов*: да еще при своем-то богатстве — *нет*.

31–32 в десять лет выстроились / вдруг завелись, выстроились, да еще при нищете ◊

32–34 *Текста*: да еще при нашей-то нищете] ∾ крепостного права! — *нет*.

34–35 И, уже конечно ∾ жаждала наиболее. / Весь капитал на себя [отт‹янули›] перетянули разом ‹*нрзб.*›, тогда как им именно тут [и надо бы было-то] земля жаждала капиталов себе. ◊

36 *После*: дороги. — [Да как же это не потрясение, как ни у кого в Европе.] хоть это только железные дороги экономически ◊ *Между строками вписано*: потому что всё это вдруг, как бы нечаянно, без истории, без культуры

36–43 *Текста*: А разрешен ли у нас ∾ всякой великой силы. — *нет*.

43–44 Как же спрашивать ∾ правильных финансов? / А разве только это случилось в эти 25 лет, [и не] не по воле чьей-нибудь, а само собой [исторически]. Случилось всё, конечно, историческим ходом дел. [Только истории такой] Но согласитесь, что такой истории не знает Европа. [[Это] Но ведь это как на луне, а не в Европе]. Как же спрашивать с нас Европы, да еще с [правильною] европейскою системой финансов? ◊ *вписано на полях*.

44–45 Тут уж не в том вопрос / Тут вопрос, по-моему, не в том

45 европейской экономии / правильной экономии

46 устояли / *а. Как в тексте. б.* устояли в живых ◊

47 Опять-таки крепкой, единительной, всенародной силой устояли. / Опять-таки [крепью] крепкой единительной всенародной силой самодержавия устояли и единением народа с царем. Тем одним и устояли с ним, ибо самодержавие у нас не внешняя сила, не сила какого-нибудь победителя, а всенародная, всеединящая сила, которую сам народ вос[illegible] которой народ же и держится] видел как бы в идеале своем, и [illegible] нее и только лишь ею и надеждой на нее держится, и которая лишь народом и держится. Да ввиду таких фокусов и экономистом-то быть у нас совсем невозможно. Вместо экономических наук надо просто начать изучать Россию. [Да] Ведь у нас дошло до того, что России надо [учиться] обучаться [ей] как науке, потому что непосредственное понимание ее в нас утрачено. Не во всех, конечно, и блажен тот, который не утратил еще непосредственного понимания ее окончательно. О, что было бы, если б это случилось. Но [таких] понимающих всё это мало. Тем не менее они [все-таки] есть] все-таки остались, а стало быть, и надежда есть. Потому-то я и твердо надеюсь, если б не было их вовсе, то пропало бы всё, то есть не Россия и не народ пропали бы, — они бы нашлись в конце концов, — а мы пропали бы, мы, интеллигенция русская, и действительно, может быть, улетели бы на луну, так прямо и унесло бы нас туда ветром. Впрочем, некоторые уже, надо полагать, уже перелетели и посылают свои передовые статьи и ораторские речи, я уверен, уже оттудова. Я уверен. Я в том смысле, как же требовать после того правильных финансов. *Между строками вписано*: а кто *2.* всего *3.* хоть какое-нибудь по‹нимание›

Стр. 10—11.

48–5 А спокойствия у нас мало ∾ в аппетитах наших. / *а.* Да спокойствия у нас мало, то есть в умах, в убеждениях наших, во взглядах наших, в нервах наших, в аппетитах наших. *б.* А спокойствия у нас мало, и духовного, самого важного, а без духовного и никакого не будет, это прежде всего, то есть спокойствия — в умах, в убеждениях наших, во взглядах наших, в нервах наших, в аппетитах наших. ◊

Стр. 11.

5–6 Труда и сознания, что лишь трудом «спасен будеши», — нет даже вовсе. / Труда и сознания, что надо трудиться, до сих пор нет, *сознания*, что лишь трудом спасен будеши. ◊

7 и откуда ему завестись / и откуда ему быть ◊ *вписано.*
8 *Слов*: пожалуй, что и никакой — *нет.*
8–9 стану трудиться / должен трудиться ◊
11 спасти здание / спасти себя увенчанием здания, и опять-таки без культуры и без труда, и простой пересадкой ◊
11 какими-то европейскими измышлениями *вписано.*
13 философия / формула
13–15 Уверяю вас ∾ а иные так и вслух. / *а*. Так скажет у нас иной господин из самых передовых, а ведь самые-то передовые имеют большое влияние, ведут. *б*. Уверяю вас, что у нас многие теперь говорят, про себя по крайней мере. А иные так и вслух.◊
15 говорящий такие афоризмы человек сам-то / он все-таки человек ◊
16 *После*: плоти. — *вписано*: И ведь смотрите. Он говорит ◊
16 *Слов*: говорит он — *нет.*
16–17 для других, для всех / для всех ◊
18 лучше / получше
18–19 разумеет свою философию / *а*. говорит *б*. ра‹зумеет› ◊
20–21 жесток и сластолюбив *вписано.*
21 ничего перенесть не может / [Долгу не знают,] перенесть ничего не может ◊
21–22 *Слов*: да и к чему-де утруждать себя и переносить? — *нет.*
23 так для чего же и жить / для чего же жить ◊
23 *После*: пулю в лоб. — *на полях вписано и зачеркнуто*: Нынче и гимназисты оттого, что в класс не пришли, застреливаются. А сколько капитанов Копейкиных с аппетитом капитана Копейкина.
26 *Слова*: повсеместно — *нет.*
27 *Слов*: до минимума — *нет.*
31 так как это / уж это ◊
32 не кутят по-прежнему / не кутят ◊
37 бревна рубили / бревна были ◊
38 совсем не редкость встретить / сплошь ◊
39 *После*: дров — *вписано*: навалены ◊
39 подросточки *вписано.*

Стр. 11—12.

39–5 *Текста*: Вам, конечно, наблюдение ∾ развитии аппетитов. — *нет.*

Стр. 12.

6–15 Я хочу только ∾ и отрицанию способствую». / Я хочу [сказать] указать [только] тоже, что Копейкиных [расплодится бездна] особенно много расплодилось, и [поневоле] все обратятся в карманных промышленников, иные в дозволенных, а другие так и юридически прикрывать себя не станут. А [иные так гордо] интеллигентные из них скажут: «Я потому таков, что отрицаю [чем и] и тем отрицанию способствую».◊
15 *После*: способствую». — [А трудиться все-таки не захочет.] Основание труда есть долг и сознание его, а откуда у современного человека взяться долгу? ◊
15–30 О, разве нет Копейкиных-либералов? ∾ Но оставим Копейкина. / Не только на финансы, но и политически [всё это повлиять может] все эти молодцы повлиять могут: именно в этих-то укрепится жажда внешней перемены, жажда внешних врачеваний, да таких, чтоб без труда и готовыми: «Все-таки, дескать, лучше будет с внешней-то, с какой бы там ни было, чем теперь». Потому повлиять это может политически, что [этих] господ очень много, такие же они, так сказать, «Копейкины». [Вот что не в лицо] Это, впрочем, говорят теперь [даже] и не мошенники и боже меня сохрани называть их мошенниками! . . .◊ *На полях набросок*: все, и далеко даже не мошенники, а самые даже честные
17–18 либерал всесветный ∾ в пятак цены! *вписано на полях с пометой*: Здесь. *Рядом набросок*: О, он либерал

30–31 Всё сказанное ∾ нет спокойствия. / Я, впрочем, начал было на тему о том, что у нас нет спокойствия, и, уж конечно, лишь краюшек задел. Это тема длинная.◊ *Рядом на полях набросок*: Но это только краюшек той темы, что у нас нет спокойствия.

31–33 Сам вижу ∾ к финансам! / [А впрочем] Но довольно, довольно, предисловие мое вышло слишком уже длинно. Приступим к финансам. *На полях*: *1.* Итак, к финансам. Сам знаю, что предисловие у меня длинно вышло. *2.* Но это попробую развить еще дальше, когда заговорю собственно

34–35 *Заголовка*: III. Забыть текущее ради оздоровления корней. По неумению впадаю в нечто духовное. — *нет.*

36 начну с конца / *Начато*: начну не

36 разом / прямо

38 *После*: идею — когда

40 характер / экспансивный характер мой ◊ *Над словом*: экспансивный — *вписано*: нетерпеливый

40–41 чем я, конечно / и тем, конечно

42 иной окончательный вывод / иной вывод

42–43 без подготовлений, без предварительных доказательств / *а.* без предварительных доказательств *б.* без подготовлений и предварительных доказательств ◊

44 так вызвать и смех / *а.* и заставить смеяться *б.* так и вызвать смех ◊

Стр. 12—13.

44–1 а у меня ∾ читателя предварительно / *а.* [А именно] У меня такой вывод, что над ним можно рассмеяться. *б.* А у меня именно такой вывод, что над ним можно рассмеяться, если не подготовить к нему предварительно. ◊ *Над словами*: над ним — *вписано*: над автором

Стр. 13.

1–2 формула моя — следующая / формула моя та

2–3 хороших государственных финансов / хороших финансов ◊

3–4 в государстве, изведавшем известные потрясения *вписано на полях.*

4 не думай слишком много / не думай

4 о текущих потребностях / *Начато*: о текущем как бы с‹ильно› сколь

7 Ну, разумеется, тотчас же раздается смех: / *а.* Я сказал о смехе. Смех [тут] может [быть в том] и даже самый презрительный [быть] раздастся теперь надо мной лишь оттого, что *б.* Я знаю, конечно, надо мной сейчас же и засмеются: ◊

7–8 все знают, — скажут мне, — в вашей формуле / все знают, что в формуле моей

8–9 ничего неизвестного / ничего нового

9–10 засушив / истощив

12 эту мысль мою / мою основную формулу

13 о, опять-таки предчувствую / о, предчувствую ◊

14 настолько / до того

15 понять / растолковать

15–16 некий своего рода фатум / некий фатум

18–19 *После*: не заботился — *вписано*: и прежде, и запрежде, и ныне

19 а уж особенно министр нынешний / *а.* Особенно нынешний *б.* Особенно министр нынешний

20 к корням / к нему

21 *После*: капитальные — но я всё же не про то, моя мысль не та

21 именно «корневые» / именно коренные ◊ *вписано.*

22 употреблялись / всегда употреблялись

23 многие средства / средства

23 *После*: назначались — *начато*: ко‹миссии›

24 благосостояния / состояния

24–25 русского мужика / мужика

25–26 его самоуправления / *а.* его управления *б.* его управления и самоуправления ◊
28 его болезней, его нравов и обычаев, и проч., и проч. / его нравов и обычаев, дифтерита, выпиваемой водки и проч. и проч. ◊ *вписано на полях.*
26–27 Комиссии / *а. Как в тексте. б.* Комиссии, как следует ◊ *На полях, в верху страницы, набросок*: веришь, что они как граждане жаждут перемен. [Это] Слава богу, это только лишь комиссия. Неужели на этом слове укрепится увенчание здания.
28–29 и дело шло как по маслу ∾ может быть. *вписано.*
29 *После*: может быть. — Года через два получались сведения, года через три принимались меры, лет через семь публиковалось всё это ко всеобщему сведению, [и] тут, тут пресса накидывалась, читатели не рассуждали и статьи пропускали мимо — и потом всё затихало, как будто бы ничего вовсе и не было. Получалось самое драгоценное, что только могло получиться: тишина, — а что же лучше на свете, как не тишина. ◊
30 говорить теперь начал / *а.* говорю *б.* говорить теперь хочу ◊
30–31 не только подкомиссии, но даже и такие капитальные реформы / *а.* такие капитальные вещи *б.* даже не только подкомиссии, но даже и такие капитальные вещи ◊
32–33 по-моему, суть лишь / всё это, по моему мнению, лишь ◊
33 нечто внешнее / всё это нечто внешнее ◊
34 вот что я хочу выставить *вписано.*
35 если не совсем, то хоть наполовину / *а.* совсем *б.* если не совсем, то наполовину (о, хоть бы даже наполовину!) ◊
36 *Слов*: о злобе дня сего — *нет.*
36 нашего бюджета / бюджета ◊
37 об рубле *вписано.*
38–39 которого, впрочем ∾ друзья наши *вписано.*
38–39 как ни пророчат его нам злорадно заграничные друзья наши / как [ни] бы ни пророчествовали нам разные заграничные друзья наши ◊
39–40 Одним словом, когда обо всем, обо всем текущем позабудем / *а.* о всем, о всем текущем *б.* ну о всем, о всем позабудем текущем ◊
42 пока получим / когда корни дадут *Рядом вариант*: получится
47–48 И что же ∾ покажется диким / О [мне, конечно, скажут], я, разумеется, знаю, что все тотчас же скажут мне, что всё это глупо ◊
48 что не думать / *а. Как в тексте. б.* что совсем не думать ◊

Стр. 14.

2–3 и, по-видимому, прежде всего / и главное, главное удовлетворять это надо *прежде всего* ◊ *Между строками вписано*: по-видимому
3 Но уверяю же вас, что и я понимаю это. / Что ж, это я понимаю ◊
3–4 Видите, я вам признаюсь / Но позвольте
5 *Над словами*: почти невозможного — *вписано*: на первый взгляд неосуществимого
5–6 именно начав с абсурда и стану понятнее / именно начав с абсурда-то и буду понятнее
6 *После*: понятнее. — [Мне, главное, хочется объяснить всё хоть сколько-нибудь понятнее]. [Я уже признаюсь] Признаюсь, я даже хотел бы сказать, что надо *совсем*, *совсем* забыть про текущее, но оробел и не написал «совсем», а лишь наполовину. Попробую выразиться цифрами. ◊ *На полях набросок*: Нельзя же ведь тоже отвыкнуть совсем от текущего, ведь я это понимаю. Я только разумею изменить это текущее, создать вместо него иное, новое
6–7 Я и сказал ∾ про текущее / *а.* Я уже сказал выше: что если б мы не совсем, а хоть лишь наполовину только смогли заставить себя забыть про текущее. *б.* О, если б мы хоть наполовину только смогли заставить себя забыть про текущее. ◊

6–8 Что если б мы ∾ на нечто совсем другое / [Конечно рубль и дефицит страшные вещи, но] Что если б мы настолько стали вдруг дерзкими, что даже на рубль и дефицит обратили лишь половину внимания и обратили бы его совсем на другое ◊

10–12 Но я сейчас же ∾ а всего бы / [Ну да] Но я тут смягчу: положим даже и не наполовину забыть о текущем, а [прямо скажу] всего бы ◊ *Рядом на полях набросок к ниже следующему тексту на стр. 14—15*: На $^1/_{20}$, но с тем, чтобы принцип, чтобы совсем изменить наш теперешний взгляд на текущее. То есть не устранится, но оно само преобразуется к концу, так, что вы и сами его не узнаете!

Но возможно ли это сделать, и что, наконец, значит оздоровление корней. Где мне сказать это, где? Укажу лишь мерцающие в уме моем точки, как я сам понимаю.

— [Петербург]

— Петербургский взгляд изменить на народ.

— Народ всё, а в Петербурге один только царь, а прочее совсем ничего. Но здоров ли народ? душа его.

13 двадцатую долю / двадцатую

14–15 с двадцатой доли ∾ следующий год / с двадцатой, каждый [год] следующий [пр‹ибавлять›] год

19–20 О, на это всё тот же вопрос ∾ как несуществующее? / [Ну а текущее, текущее-то, — закричат мне] А как же с текущим-то? — [прервут], скажут мне (если только удостоят) куда его-то девать, [не в карман же спрятать?], не похерить же как несуществующее? ◊ *На полях*: А текущее-то

21 знаю сам, что существующее / да существующее

22 господа *вписано.*

23 *После*: ежегодно — то дело

27–28 и не фантастическим, а совсем даже возможным к начатию / и возможным к начатию, к приступлению к нему, [получает вид реальной возможности и] выходит из фантастического.◊ *На полях набросок*: и вовсе не таким фантастическим

28 *После*: о текущем — *начато*: уже потому

28 *Слов*: (повторяю это) — *нет.*

31 оно само собою / оно, так сказать, само собою ◊

32 *После*: теперь — преобразится неприметно и, так сказать, по законам природы, так, что мы и сами [теперь бы] не узнали бы его, каким оно [будет], повторяю опять, окончится тогда, через двадцать лет твердого и упорного следования принципу и когда ◊ *Над строкою вписано*: [неприметно] вот, если б теперь стали воображать

32 новому принципу / принципу

33–34 преобразится непременно к лучшему, к самому даже лучшему ◊ *вписано, но вместо*: преобразится — преобразится постепенно

35–38 *Рядом с текстом*: Для примера ∾ к «оздоровлению корней». — *на полях*: Мне скажут, что я еще не объяснил, что такое оздоровление корней. А вот и приступлю.

36 предисловное словцо / передовое словцо ◊

37 *После*: можно — например

37–38 *После*: «оздоровлению корней». — О, на эту тему можно было бы написать даже целую книгу какому-нибудь экономисту и мыслителю, я это предчувствую, но, увы, остаюсь при одном предчувствии, потому что сам я не экономист или государственный человек, и тема эта мне не по силам, а потому закину лишь одну идейку, пробу идейки, на первый случай, в том виде, как она сама мне представляется. Например: сказано раз и доказано, что мы Европа, что мы европейцы, что мы вдвинуты в Европу два века назад могучею рукою Преобразователя, чтоб получить просвещение и спасти себя от азиатского варварства.[1]

---

[1] *Текст*: Например ∾ варварства. — *заключен в овал.*

39 Ну что / Итак: ну что
44 *После*: нарастая. — *вписано на полях*: Особенно в начале нынешнего столетия это началось. ◊
44–45 В этом смысле / Правда, в этом смысле
46 совсем не похож / он совсем не похож
47 поглотил / *а*. Как в тексте *б*. поглотил собою ◊

Стр. 15.

1 при ней / в ней
1–2 географическое определение ее / географическое место ее
2 И вот у нас / У нас же
2–3 воображают иные почти так же, как и в Париже / воображают тоже ◊
3 *После*: вся Россия. — *знак вставки, под этим знаком на полях вписано*: Иные читатели не поверят. Да где же это вы слышали, скажут мне. Да вникните в смысл событий, в смысл всего, что затевают наши передовые, интеллигентные умы в Петербурге, что говорят и пишут они, — и вы увидите, что это так. Надменность к России наросла непомерная и нарастает с каждым шагом дальше. ◊
3–4 *После*: Но Петербург совсем — *на стр. 15 четыре строки залиты чернилами, не читаются.*
5 *После*: живет — без которого земля Русская не может и не хочет стоять. Во всем же остальном Петербург для России имеет значение лишь самое махонькое. Правда, в нем царские слуги тоже живут [и чиновники, но и мы знаем это, что от поколения к поколению и царские слуги и интеллигентные люди], но народ может их представить и во всяком ином месте, кроме Петербурга, если б царь покинул его ◊
6 *После*: Между тем — *начато*: поколения петербургской
6 *После*: наша — царские даже слуги
7 начинает понимать / *а*. *Как в тексте*. *б*. понимает ◊
8–9 *Слов*: именно потому ∾ чухонском болоте — *нет*.
10–11 до размеров микроскопических, до размеров какого-нибудь Карлсруэ / *а*. до размеров Петербурга, и разве только у самых передовых и ведущих еще остался в размерах ну, например, хоть какого-нибудь Карльсруе и [княжества] земли, в котором тот находится или находился прежде *б*. до размеров невозможных, микроскопических, ну, например, хоть какого-нибудь Карльсруе и княжества, в котором тот находится ◊
11–12 Но выгляните из Петербурга / А между тем выгляните из Петербурга ◊
13–14 И вот сын петербургских отцов ∾ принимает его / Но сын петербургских [поколений прини‹мает›] отцов самым спокойным образом [это море] созерцает это море народа русского из п‹етербургско›го окошка и принимает его ◊
15 и бессознательное *вписано*.
16 и в высшей степени ретроградное *вписано*.
17–18 уму-разуму обучили / обучили разуму
18–22 создаются в Петербурге ∾ очень странному. / создаются в нем [высшие] будущие высшие русские люди, а чернорабочие [в канцеляриях] кропотливо изучают Отечество [лишь] в канцеляриях и, разумеется, чему-то научаются, но не России, а чему-то [другому] и подчас очень странному. ◊
22–23 иное и странное России / *а*. другое ей *б*. другое и очень странное ей ◊
24–25 *Слов*: с каждым поколением ∾ отделяясь от Петербурга — *нет*.
25–26 мощною жизнью / мощною жизнью и великою мыслию ◊
27 *После*: даже — много
30 уже растет / уже зародилось и растет ◊

31 народом понято и осмыслено / *а.* понято *б.* понято, осмыслено и осилено ◊

32–33 Это видится тем, которые видеть умеют / Это есть, это видится ◊

36 океан, океан! / *а.* океан, океан *б.* океан, океан, время надо ◊

38–39 он будет отрицать и не верить своим пяти чувствам / *а.* не будет верить *б.* не будет он верить глазам и ушам своим ◊ *На полях*: отрицать его

39–40 долго не сдастся европейский человечек / долго не сдастся он, европейский-то петербургский человечек ◊ *вписано на полях.*

40 *Слов*: иные так и умрут, не сдавшись — *нет.*

40–44 *Рядом с текстом*: Но, чтобы избегнуть ∾ своем на Россию! — *наброски на полях*: *1.* Луна. *2.* Иные уже и теперь перескочили на луну и оттуда. *3.* Ведь иные петербургские люди уже и теперь не только не в России, а почти как на луне сидят.

41–42 желательно было / желательно

42 *Слов*: повторяю это — *нет.*

42–43 в лучших-то представителях / в высших-то представителях

44–45 Проникновения бы капельку больше / Проникновения бы капельку ◊

46 *После*: океаном — *вписано*: этим ◊

46 *Слов*: вот бы чего надо — *нет.*

46 И каким бы / *а.* О, каким бы *б.* И каким бы, повторяю это ◊

46–47 верным первым шагом / *а.* верным шагом *б.* верным, первым и главным шагом ◊

Стр. 15—16.

48–3 Но позвольте ∾ это не разъяснили / *а.* Но позвольте, — закричат мне, — что такое ваше «оздоровление корней», вы о финансах хотели, а ударились в славянофильские бредни. *б.* Но позвольте, — скажут мне, — вы ударились в сла‹вянофильские бредни›, объясните наконец, что такое это ваше «оздоровление корней».◊ *Между строками вписано*: прервут меня, это всё философия, а не финансы, и во-первых

Стр. 16.

3–4 И что за корни? Какие корни? Что вы под этим разумеете? / [И что такое] Что такое «оздоровление корней», что это значит, объясните, что вы-то сами под сим разумеете ◊

4 *После*: разумеете? — Вы правы, господа, но позвольте лишь два словечка о «славянофильских бреднях». Я думаю, что эти словечки: славянофилы и славянофильство отслужили свой век, так что пора бы их сдать в архив. Ведь если я и ударился в бредни, то какие же в них, в этих бреднях, славяне? Не лучше ли, например, заменить слово «славянофилы» словами «русская партия», если уж без слов нельзя? Этим словцом окрестили в Берлине и в Вене всех поистине русских в России людей. Там, впрочем, говорят: «Старорусская партия», и между прочим, [указали] указывали на эту [старорусскую] партию как центр коммунизма. [Но так как слово «старорусский» понять нельзя, то] Ну вот я и предлагаю впредь заменить слово старорусский просто словом: русский. [Так чтоб этим словцом] И между тем чтоб этим словцом [так] уже и ругаться [когда] если кому понадобится; «вы, дескать, ударились в [русские бредни] бредни русской партии». Ведь довольно сильно выйдет, не правда ли? Что ж делать, если это словцо реально и если «русская партия» действительно у нас есть. Как ни смешно это и ни дико, а у нас она есть. Вот я, например, объявляю откровенно, что принадлежу к «русской партии». И пусть меня не обзывают впредь славянофилом, а прямо обзывают русским. [Я приму] Я соглашусь принять это прозвище, чего

совеститься. ◊ *На полях наброски*: *1.* Вы ведь сами, однако, знаете, что это вздор, но что русская партия в России есть. Это к сожалению и к удивлению нашему впр‹очем› *2.* Но мы действительно дошли до того, что у нас совершенно и правильно и законно могла явиться русская пар‹тия›

5 *Фразы*: Вы правы ∾ об самих «корнях». — *нет.*

6–9 *Заголовка*: IV. Первый корень ∾ для финансов. — *нет.*

10 Первый корень / Но что такое «оздоровление корней», — спрашиваете вы. [О, я не пойду на попятный, но] Извольте, но ведь эта тема — это тоже море-окиан в своем роде. Где мне, [где мне] с ней справиться. А потому я смиренно укажу лишь на два, на три пункта, в виде только примера, потому что пунктов этих [ведь], чтоб оздоровить корни, тысячи, так где же мне одному перечесть их. Я и разглядеть-то их *все* не сумею. [Я лишь для пробы. А потому] Пущу для пробы лишь две-три идейки, и увы, уверяю, [совершенно] опять-таки убежденный заранее, что и тех не поймут, потому что [ни за что не удастся выразить] [я и понять-то] я их не сумею выразить [их] во всей полноте, то есть стало понятно для всех, как я их сам, один, понимаю. [[Но] Уж этот грех я беру на себя, на мой слабый талант, но . . . авось хоть что-нибудь удастся мне выразить. В этой надежде и приступаю. . .] Первый корень ◊ *На полях вписана и зачеркнута заметка*: Но где мне, господи, да разве это можно выразить. Намечу лишь 2, 3 пункта оздоровления. Народ.

12 *Слов*: всё тот же море-океан — *нет.*

13 мою речь завел / говорил ◊

13–14 про простолюдина и мужика / *а.* про мужика, про простолюдина, про крестьянина *б.* про простолюдина и про мужика ◊

15 *Слов*: про море-океан — *нет.*

17 царствование / великое царствование ◊

18 *Над словами*: Да, оно заботится о его нуждах — *вписан вариант*: Да, я знаю, что оно

19 прощает ему даже недоимки при случае / слагает с него даже [подати] недоимки, когда надо, кормит его голодного ◊

21 хочу начать речь / говорю

21 я разумею лишь духовное оздоровление / я говорю о духовном оздоровлении ◊

22 который есть начало всему / начало всему *Далее вписано*: мое слово о нем

23–24 главная, мощная сердцевина его души здорова / духовная мощная сердцевина здорова

24 но все-таки болезнь жестока / болезнь [лишь] почти внешняя, но все-таки она жестока ◊

25 в одном слове / *а.* одним словом *б.* одним словом, одним названием *в.* в одном слове, в одном названии ◊

27 и выхода к ней беспрерывно и всё не находит / и выхода в ней — и не находит ◊ *Далее было начато*: О, не думайте

31–32 жажда правды, но уже полной правды / *а.* полной правды *б.* правды, но уже полной правды ◊

32–33 полного гражданского воскресения своего в новую жизнь после великого освобождения его / полного воскресения ◊

33–34 Затребовалось / Требовалось

34 стали закипать новые чувства / закипали новые чувства ◊

34–35 стало глубоко вериться / верилось ◊ *Выше вписан вариант*: стало вери‹ться›

36–37 чем ожидал народ *вписано.*

38–39 Не понимал он ∾ не мог уверовать. *вписано на полях.*

39–40 что-то как бы ему чужое и не его собственное / *а.* ему навязанное, а не его собственное *б.* что-то чуждое ему, но не его собственное ◊

40–42 Пережевывать ∾ в журнале «Русь». *вписано.*

40–41 Пережевывать эту тему, столь давно пережеванную, нечего / Пережевывать, впрочем, нечего ◊
41–42 лучше моего, — прочтите хоть в журнале «Русь» / лучше меня — например в газете «Русь»
42–43 Явилось затем бесшабашное пьянство / [Затем] Явились кулаки и мироеды, затем кабаки и бесшабашное пьянство ◊
43 *Слов*: пьяное море как бы разлилось по России — *нет.*
44 но все-таки жажды нового / но жажды нового ◊
45 правды уже полной / правды полной ◊

Стр. 16—17.

45–1 упиваясь даже и вином *вписано.*

Стр. 17.

2 и более беззащитен / и беззащитен ◊
5–6 народ теперь именно «обеспокоен» нравственно / народ именно теперь беспокоится нравственно ◊
9–10 А то, при самой ∾ штунда. *вписано на полях.*
10–11 О, надо беречь народ. / Надо беречь, и надо беречь народ. ◊
12–14 нечто похожее совершается ∾ и у нас наверху. / *а.* нечто похожее происходит с народом *б.* нечто похожее совершается в нашем народе, а пожалуй, и у нас наверху ◊
15 о переделе / о переделке ◊
19 начали читать / начали читать ◊
19–20 Вот что они заговорили ∾ по местам. *вписано.*
21 Я именно знаю / Я сам знаю ◊
22 и сошлись было в цене / и сошлись было ◊ *вписано.*
23 И без денег возьмем. / И без денег, дескать, возьмем. ◊
23 Посмеиваются и ждут. / *а.* Посмеиваются, ждут. *б.* Посмеиваются и ждут до сих пор. ◊
24–25 свидетельствующую именно о нравственном беспокойстве народа / свидетельствующую о нравственном беспокойстве [народа] ◊
25–26 И вот что главное: народ у нас один / А между тем ведь народ один ◊
25–27 то есть в уединении ∾ никто не поддерживает / *а.* весь на своих только силах, его никто не поддерживает *б.* уединен, весь на своих только силах стоит, духовно его никто не поддерживает ◊
28 но оно «начальство» / но то «начальство» ◊
29 уж теперь тянет / тянет ◊
30 к чему-то похожему на начальство / к чему-то официальному, к какому-то начальству, к кулакам-мироедам
30 *После*: полны — примерами
31 выбирает своих выборных / выбирает себе своих выборных ◊
32 из этого / *а. Как в тексте. б.* из того ◊
33 тысячи, пересчитывать не буду / миллион ◊
33–34 Посмотрит / Смотрит
34 иной простак / иной
34 кругом себя и вдруг выведет / *а.* на неурядицу и бесправицу и видит *б.* на общую сумятицу и вдруг выведет ◊
35 *Слов*: что как будто для них всё и делается — *нет.*
35–36 так стану-де и я кулаком, — и станет / [поэнергичн‹ее›] давай, скажет, стану кулаком и я — и станет ◊
36 Другой, посмирнее / А который не столь энергичен, тот
36–37 просто сопьется / сопьется ◊
37–38 бедность одолела, а потому, что от бесправицы тошно / [тяжело] бедность одолела, и жить тяжело, а потому, что от бесправицы [и неурядиц] тошно ◊
38–47 Что же тут делать? ∾ с финансовой точки зрения вредно *вписано на полях.*
39 начальство / начальник ◊

44–45 Свобода-то движения / *а. Как в тексте. б.* Свобода-то движения и передвижения материаль‹ного› и духовн‹ого›
46 в тарелку с патокой / в патоку
47 *Слов*: то есть такая свобода движения — *нет.*
47 *Над словами*: А главное — *вписан вариант*: Но опять-та‹ки›
48 только бог и царь / бог и царь ♦

Стр. 17—18.

48–1 двумя силами и двумя великими надеждами он и держится / двумя [он] и держится ◊ *Над строкой вписано*: надеждами, *ниже*: силами

Стр. 18.

1–2 А другие советники / А [другие] советники ♦
2 все проходят / *а.* прошли *б.* все прошли ♦
2 не коснувшись / *а. Как в тексте. б.* не коснувшись духовно ♦
2–5 Вся прогрессивная интеллигенция ∾ имеет понятия. / Вся либеральная интеллигенция, например, прошла мимо дела, ибо хотя и много толковала о [нем] деле, но зато о народе русском не имела понятия. ◊
6 отрицают да беспрерывно жалуются: «Зачем-де / отрицали [и хихикали] да беспрерывно жаловались [что]: зачем-де это ◊
7–8 и что же это за задача такая? / что за задача?
9 *После*: народ — *начато*: вас
11–12 собственно, по крайней мере, как говорят и пишут у вас же / собственно, говорят иные [ваши] ♦
13 чтобы он / чтобы ◊
14–15 Вы и просветились в два-то столетия / [Вот вы просвещались] Вы просветились теперь ◊
15 а народ-то от вас отдалился, а вы от него / а народ-то в два века от вас [отшатнулся духовно] отдалился, а вы от него ♦ *Далее было*: Вы в негодовании прочтете эти слова
17 *После*: призываем — *знак вставки, с этим знаком на полях вписано*: скажут мне со мной не согласны‹е› ♦
19 ином народе / другом народе
19–20 в вашу голову засевшем *вписано.*
20 и на русский народ / на [него] русский народ ♦
21–23 *Слов*: в некоторых из нас ∾ невольное — *нет.*
23–27 Это остаток крепостного права. ∾ сойтись с народом / сей остаток крепостного права есть и пребывает в вас несомненно. И знаете до какой степени? До такой, что вам даже и невозможно уже теперь сойтись с народом ◊ *Далее было*: [Вы его давно проглядели, море-то-океан [в] из] Из нашего чухонского болота вы давно море-океан проглядели. Народ скажет вам несомненно и прежде всего: полюби и ты то, что я люблю, почти ты то, что я чту. Ну, согласитесь ли вы, например, изменить [своим] вашим европейским идеям и полюбить и почтить то, что вы в омерзении окрестили предрассудками, глупостью, мраком невежества и татарскими отношениями. *На полях набросок*: Полюби ты то, что я люблю, почти ты то, что я чту
27–28 если только ∾ земле Русской *вписано.*
27 чуда / чуда с вами
28 *Слов*: Тут повторю весьма старые мои же слова — *нет.*
28–29 народ русский / С другой стороны (то есть совсем уже с другой) народ русский ◊
28–31 *Рядом с текстом*: народ русский ∾ ответчиво и научно. — *на полях записи*: *1. Церковь православная 2.* мир и жажда любви непосредственно в сердце народном несмотря на грехи и срам
30 не разумеет / не понимая ◊
31 *В сущности* / В сущности (повторяю то, что уже давно говорил) ♦
31–32 кроме этой «идеи» и нет никакой / кроме этой идеи и нет ничего ◊
33 и глубоким убеждением *вписано.*

34 Он именно хочет, чтоб всё, что есть у него / чтоб всё, что [ни д‹ают›] есть у него ◊
39 духовной жизни своей / духовной их жизни
39–41 пресекся грех их и смрад и всё бы выходило опять из той излюбленной «идеи» их / пресекся грех [их] и всё выходило из «той идеи» ◊
43 указывая / указывают ◊
44–45 на индифферентность будто бы народа к религии / на индифферентность
45–46 а иные даже воображают / а иные так даже [с торжеством] воображают ◊

Стр. 18—19.

48–5 *Текста*: и не про причты ∾ может вместить ее. — *нет*.

Стр. 19.

7 всебратского единения / [вселюбящ‹его›] и братского единения ◊
10 инстинкт этой церкви / инстинкт этого
10–11 и неустанная жажда ее ∾ почти бессознательная / *а*. и даже сознательная жажда ее *б*. предчувствие и уже сознательная даже жажда ее ◊
12–13 Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского / Не коммунизмом, не механическими формами, не математикой жаждет спастись он ◊
14–15 *всесветным единением во имя Христово* / церковным, всесветным единением во имя Христово ◊
15 *Фразы*: Вот наш русский социализм! — *нет*.
16 *После*: вы — *начато*: про и
17 *После*: наши. — Не только сознания идеи этой, но и инстинктивного [желания даже] даже желания в народе не признаете. Просто отрицаете, и вот я вам прямо скажу: это-то и есть ваше главное разъединение с народом и причина, почему вы никогда с ним сойтись не можете.
17–18 и других «идей» / других причин и «идей» ◊
18–19 и признаете их прямо татарскими / а признаете их сравнительно с Европой прямо татарскими
20 Об них, об этих остальных идеях / Об них ◊
20–21 я теперь и упоминать не буду / я уже и говорить теперь не буду ◊
22–24 *Рядом с текстом*: Но теперь ∾ церкви вселенской. — *на полях*: Народ
23 грядущей / *Начато*: будущей ц‹еркви›
24 судьбами божьими, его церкви вселенской / его церкви
26 и окончательных целей его *вписано*.
27 любить / возлюбить ◊
31 *После*: напредставит его. — Так и бывает сплошь: представляют себе совершенно обратное тому, что есть в самом деле, и [поето‹янно›] таким образом постоянно пребывают в мире фантастическом, а не реальном. ◊
34 Ибо вышесказанная формула / Вышесказанная формула ◊
35 *После*: такого — *начато*: евр‹опейца›
39 иной раз сказать / говорить
40 вот что вам скажет народ, ибо народ наш широк и умен / О, народ наш широк и умен ◊
45 А вот вы даже / Вы даже ◊
47 и что, стало быть / а, стало быть
47–48 только косная масса / косная масса
48 каким вы его определили / каким вы его присудили ◊ *вписано*.

Стр. 20.

1 любовно ужиться с человеком / любовно ужиться ◊
1 дело одно / *а*. *Как в тексте*. *б*. это дело одно ◊

3 признать его / признать ◇
4–6 *Слов*: что силы, разъединяющие ∾ чрезвычайно велики и — *нет.*
6 уединении своем / единении своем ◇
7–8 ни в ком и нигде опоры теперь уже не чает и не видит / [нигде] ни в ком, никакой опоры не видит ◇ *Между строками вписано*: и наоборот
8 И рад бы / О. и рад бы
9 разглядеть / рассмотреть ◇
11 произошло у нас / произошло ◇
11 сословий интеллигентных / сословий высших ◇
14 *После*: ныне! — [И знаю п<ростите>] Простите, что к финансовой точке зрения всё это подвел.
14–15 все идеалы ваши / все идеалы
17–18 нет вовсе даже доселе / нет вовсе доселе
18 *После*: доселе — так что оно [вовсе не может] и не мешает и не может как не существующее ◇ *вписано.*
18 разъединение-то все-таки пребывает / разъединение-то все-таки вышло ◇
18 как бы во имя / во имя ◇
19–20 которого нет у нас / которого нет ◇
21 *Фразы*: Но настоящее просвещение тут не виновато. — *нет.*
22 не произошло у нас / не произошло
23 *После*: жаждет — *а.* и от него вовсе не прочь. Но так как просвещения нет, потому что настоящее просвещение требует прежде всего самостоятельной почвы и долгой, вековой, преемственной национальной культуры, и всё это у нас было порвано и отнято у нас двухвековой нашей странной жизнью, то и улетели мы от народа на луну и всякую дорогу к нему потеряли. Как нам — таким отлетевшим людям взять на себя заботу оздоровить народ? Но на тему о культуре и самостоятельной почве потом. А вот как оздоровить главный-то корень, народ? *б.* Разъединение произошло оттого, что у нас [есть] зародилось наше русско-европейское просвеще<ние>, не европейское только, а русско-европейское. Нечто странное, отвлеченное, нигде не бывалое и удивительное. Вот оно и претило народу, а народ ему. Но на эту тему пот<ом> ◇ *вписано.*
23–25 Но улетели мы от народа ∾ оздоровить народ? — *ср. предыдущий вариант.*
26–27 обеспокоенный / забеспокоившийся ◇
29 *После*: непроизводительны. — Я опять с финансовой точки зрения, но не думайте, что шучу.
33 *Слова*: например — *нет.*
34 представительство / представительство мировое ◇
35 своей / своея ◇
35 *После*: своих? — Увы, даже он ждет всего от возлюбленного царя и отца своего, Освободителя своего, а в то, что теперь у него, в настоящую минуту, стоит перед ним, он вряд ли ведь верует, и это почти совсем справедливо.
39 *Слов*: в будущем — *нет.*
40 *После*: непременно — так он [еще, от] уже из-за надежды одной вам тотчас же принес бы больше доходу [в бюджете годовом], чем вы самым сильным воображением могли предположить себе. Я [опять] теперь с финансовой точки. ◇ *Далее было*: Даже выпьет больше и увеличит цифру винного дохода. Не смейтесь, это очень может быть так: успокоится народ, выберется муха из тарелки с патокой, и, поверьте, от радости сам пустится в среде своей пьянство [и раз<гул>] уничтожать. А так как без водки рабочему человеку, а особенно бабе, родящей и кормящей детей, без водки жить невозможно, то и будут они трезво пить по чарке в день для здоровья и детям дадут, потому что водка для малых детей весьма как полезна. Сочтите все эти трезвые рюмки и увидите, что они дадут вам несравненно больше доходу, чем теперешнее порочное, гадкое, смердящее пьян-

ство по кабакам, от цинизма и духовного беспокойства (ибо пьяный разгул именно всего чаще от «беспокойства» и происходит) с безобразиями, [пре<ступлением>], нищетой, а нередко и преступлением, идущим всегда за ним вслед. *Ниже и на полях наброски к стр. 25—26*: *1*. Видали вы его у царя близ царского наследника. Что там царь народу? Не покорились. Тут идея, тут сила живая, и плох тот экономист, кто живые силы не признает и не на них основывается, а преследует силы фантастические. Это дети: детям всё можно позволить, не изменят, не исказят, главное, нашалят где-нибудь, но как дети. *2*. Магическое слово: доверчивость к народу. *3*. Совсем новая идея войдет вдруг в нашу интеллигенцию и одушевит всё и вся. Новый взгляд родится. Это будет такая реформа, которая по значению своему даже выше крестьянской, в начале царствования, хотя и будет лишь прямым последствием той первой великой реформы по слову Освободителя. Ибо что же, что же выше и плодотворнее, как не духовное слияние сословий. Падет разом двухвековая стена, народ от интеллигенции отделявшая, праздник раздастся — устоят лишь <- - ->, но они будут безвредны и ничтожны, и уже всякая сила, всякая возможность вредить заблудшимся прежним словом своим будет от них отобрана, ибо отыщется новое и великое слово. О, тогда, когда ответит народ, когда скажет всё о себе, тогда пригласите сказать высших — ну хоть мнение их только о том, что сказал народ. Но тогда и их слово плодотворно будет, ибо все-таки они интеллигенты и у них хоть какая-нибудь да наука, а народу страшно нужна она. И увидите, что ни в чем они не скажут противуречиво с народом, а лишь облекут его истину в научное слово, и тем, страх как сразу, пригодятся народу. . .

Неужели и это фантазия и славянофильские бредни. Неужели оказанное доверие не послужит источником величайшей новой силы не только финансам, но и всему в государстве нашем. Духовное спокойствие воцарится разом, воцарится, да знаете ли, что можно построить на нем, господа финансисты? Впрочем, сказал, как умел, меня не поймут. Я хотел бы, чтоб поняли только одно, что я за народ стою, в его сердце и душу, в его великие силы, которых никто еще из нас не знает во всем их великом объеме, как свои верую, как в бога верую. Но я поскорее эту тему оставлю. Я сказал как умел ее и, уж конечно, я эту тему оставлю, может быть. Мечты и надежды. Укажу на вторую точку оздоровления. Какая же она? она называется «Азия». Но *4*. Да, мы не знаем, что наш русский народ может, что это первый в мире народ и не бывало такого. Не знаем уже по тому одному, что отношение народа к царю до того особенно, как ни у кого никогда не бывало в Европе. Ведь это уже одно должно бы нам показать, что наш народ особливый от всего света народ и носит в себе идею совсем *свою*, как ни у кого. А наши мудрецы не хотят видеть в народе нашем даже никакого самостоятельного духа, и всё, что есть в нем самостоятельного, приписывают его варварству, неразвитости, недозрелости и уверены, что всё самостоятельное, что он заключает <в> себе, тотчас же изменит при европейской цивилизации. *5*. Как сделать? Да как хотите, государственные люди лучше решить могут, чем я, народ за [формулами] формами и за формулами не погонится, не стоит. Но только, только чтоб мужик, заправский мужик, чтоб мозольные руки высказались. Правда, проскочет и кулак и мироед, но ведь кулак веское слово может сказать и в главном, [своем] земле не изменит. Я бы только белых жилетов на первый случай совсем не пускал. Пусть постоят в сторонке и посмотрят, как народ царю отвечает, пусть переймет, как надо правду царю говорить, пусть научится смирению и премудрости. Пусть примут правду и премудрость от зипуна и лаптя. *6*. Увидав от народа столько мудрости, они будут озадачены и удивлены. Они уверуют и скажут: вот, где порядок [Вот] *7*. удивятся, он вам о фи-

нансах даже ваших доложит так, как никто в Петербурге, не смейтесь — это так. 8. Соберите. Как? О вы, государь мой, вы лучше сделаете. Я один бы только дал совет — без белых жилетов. 9. жилетов, собирающихся говорить и много говорить, и уже теперь заговорившихся 10. NB — Как сделать? Не знаю, государь. Но в чем важность, в чем сущность дела, это в том, чтоб на первый случай не пустить белых жилетов. 11. У нас интеллигент [тоскующ‹ий›] имеет форму и формулу. Народ ему дает и родит эту формулу, с него он потом пример возьмет, у него он научится, как царю правду говорить надо. Ибо искание формулы есть измена народной формуле, которая состоит в том, что дети отцу всю правду свою говорят. Отец и дети — вот формула, а иной не надо. Кто признает это, тот тоже сойдется с народом как *свой* в самом существенном пункте. *12.* Если хотите, то у нас свобода может быть самая полная че [нигде] когда-либо в Европе. Ибо не на договоре созидается, не писанным листочком зиждется, а зиждется на [великой и] воистину, воистину детской любви народа к царю-отцу. Тут были родные дети, так народ захотел, так он сам сказал, так он сам идею свою преподнес. Детям можно позволить многое, можно многое доверить, многое *13.* Да и финансы колоссально вырастут ибо, ибо тут и началось бы духовное слияние сословий. Я про духовное лишь говорю, ибо его только и нужно. Светлая, свежая молодежь наша, услышав слово народа, сразу перейдет к народу нашему и поймет его дух впервые. Я потому так прежде всего на молодежь надеюсь, что она тоже страдает исканием правды, а потому и народу *сродни*, но об молодежи после. *14.* Да и европейцы наши не могут на меня сердиться. Ведь если я брежу, ведь если народ скажет вздор, то ведь вы прямо тогда можете указать: «Вот ведь говорили же мы, что он скажет вздор», стало быть. . .

Но скажу и 2-ую тему, 2-ой пункт.

40–41 если б только ∾ из тарелки с патокой *вписано.*

41–43 *Текста*: то и тогда ∾ с народом нашим. — *нет.*

45 чтобы не случилось в нем большого волнения / чтобы нет-нет да и не разбушевался ◊

Стр. 21.

1–2 *Заголовка*: V. Пусть первые скажут ∾ уму-разуму поучиться. — *нет.*

3–4 словцо, именно: «Оказать доверие» / слово [а именно: *а.* «Надо оказать народу доверие» *б.* «Оказать народу доверие»]: «Доверие» ◊

4 *После*: доверие». — [Призов‹ите›] С‹озовите?›

4–5 Да, нашему народу ∾ достоин его. *вписано на полях*: *Далее*: [Я говорю про] Я говорю в эту минуту про простой народ, про рабочего, про крестьянина.◊

5 Позовите серые зипуны / Позовите его

7–14 И не нужно никаких великих подъемов ∾ едино. / и не нужно никаких особенных призывов и сборов и великих подъемов, хотя не весь сообща в сборе, а по местам, по уездам, ибо народ наш, и по местам сидя, розно скажет точь-в-точь, что сказал бы и весь сообща, ибо он един и разъединенный един и сообща един, ибо дух его един [а]. Каждое место только лишь про свою местную особенность прибавило бы, но в целости, в общем всё бы вышло одно и согласно.◊ *вписано на полях. В верху листа наброски, варианты*: *1.* И не нужно никаких великих подъемов и сборов, ибо народ наш, хотя бы и был не весь сообща, а по местам, по уездам *2.* Народ может сделать, что надо ему, и сидя по местам и уездам.

14–15 Надо только соблюсти ∾ заправский мужик. / *а.* Надо соблюсти, чтоб мужик, заправский мужик высказался. *б.* Надо только соблюсти, чтобы высказался именно мужик, один только заправский

мужик, чтобы мозольные руки тут были.◊ *Рядом записи*: *1.* Какую там либо *2.* одно только милое

15–18 Правда, с мужиком проскочит кулак ∾ правдивое слово скажут / Правда, проскочит кулак и мироед, но ведь в таком великом деле [и] даже кулак и мироед земле не изменят и [могут] правдивое слово [сказать] скажут.◊

18–19 *Слов*: такова уж наша народная особенность — *нет*.

20–21 формул особенных совсем не потребуется / *а.* хлопот будет [мал<о>] не много *б.* формул [не б<удет>] совсем будет мало *в.* формул никаких [не надо] не потребуется ◊

22 чужеземными / чужеземными формулами

23–24 ибо вовсе не то у него на уме ∾ потому что *вписано на полях.*

24 у него / [и даже] ибо у него

25 на это дело / на дело

25–27 Да, в сем случае ∾ удостоен доверия. / *а.* Неужто же нашему народу — народу такому как наш — можно отказать в сем доверии? *б.* И в сем доверии народ наш — такой народ как наш — можно вполне удостоить.◊

27 Ибо кто же / Да кто же

28 Это дети царевы / Это дети ◊

29–30 Разве это у нас только слово ∾ «царь им отец»? / И разве это только слово, звук, название. *Далее*: *а.* что царь им отец? Неужто же это только одна поговорка? *б.* Одна поговорка — что царь им отец? ◊

31–34 Нет, тут идея ∾ Создалась эта сила / Это идея, это чувство, этот организм слиянного народа с своим царем в одно дело и один дух приготовлялись

36–38 это просвещение ∾ нам служившего / мы обеспечили его еще два века крепостной кабалой и крепостным страданием народа

39–40 ну так как же они не настоящие, не заправские дети его? / Освободил царь, а освободил царь детей своих, ну так как же они не настоящие дети [ему] его? ◊

41–42 как было, например, с династиями прежних королей во Франции / как было с [династией] [династией Бурбонов] династиями прежних королей во Франции ◊

43–44 вырастил в сердцах / веками растил в сердцах

44 возлюбил / облюбил ◊

44–45 потому что от нее ∾ из Египта *вписано на полях.*

46 воплощение его самого / воплощение его ◊

46 всей его идеи / идеи его ◊

47 верований его / верований его, отец его

Стр. 21—22.

47–4 Надежды эти еще недавно ∾ стал отцом. / Надежды эти еще недавно столь колоссально осуществились. Как же народу [не верить в царей своих] отречься от них, как же, напротив, не усилиться им, не утвердиться на адамантовом основании. Теперь царь уже не в идее только, а на деле ему стал отцом.◊ *вписано на полях. Далее было*: как будто

Стр. 22.

5–6 настоящее, адамантовое / настоящее, огромное, адамантовое

7 может зиждится и созиждется / и зиждется. Не на этом разве адамантовом основании создалась реформа крестьянская в начале царствования.

7–10 Если хотите ∾ всё и исходит. / Если хотите — у нас в России [больше] и нет больше [ничего] никакой другой силы, [и] зиждущей, сохраняющей и ведущей. [Эта сила всё [в себе] собой восполняет, [и из нее] из этой только силы] Одна только эта и из нее у нас всё и исходит. [Создавалась эта сила нашими крестьянами.] ◊ *вписано на полях. Рядом зачеркнуто*: *1.* больше *2.* двигали крестьяне

10 *После*: мог — приступить к ней

11 хотя бы о той же крестьянской реформе / о крестьянской реформе ◊

13 как в отца своего / как отца своего

13 *После*: убережет — всё созиждет

14 *После*: беду? — Обратно, всякую реформу у нас если б она [не возникла] могла только возникнуть не на этом адамантовом основании — всякую реформу такую не примет и отвергнет народ наш.◊

15 настоящие и действительно живые силы народные / *а.* живые силы *б.* живые силы народные ◊

16 и чуждого верования / *а.* и основанных на принципах, вчуже созданных, а стало быть, фантастических *б.* и именно чуждого верования

20 отношение это / отношение это. отношение

21 к царю своему / к царю

21–22 народ наш / его

22 всего мира / мира

22–26 что это не временное ∾ долго оно не изменится / ибо это не временное только дело, не переходящее, только признак лишь детства народного, роста его и проч. [ибо так ни у кого никогда не бывало и, что главное, ни с каким будущим развитием ‹*нрзб*›. народным не уничтожится и это еще надолго, надолго]. Это дело у нас всегдашнее и [еще] никогда по крайней мере еще долго, очень долго оно не изменится. А главное то, что так ни у кого и никогда не бывало, ни у какого народа Ибо везде власть есть лишь власть только, есть Иегова ‹?›, а у нас она есть отец. [Царь — земной бог, говорит народ, называет себя [крестьянином] христианином, а христианский бог есть отец]. Так народ сказал и так восхотел ◊ *вписано.*

26–28 *Фразы*: Так как же после этого ∾ особой идеи? — *нет.*

28–30 Не ясно ли ∾ от всего света особливой. / [Ибо] [А между тем уже] И уже это одно, то есть отношение его к своему царю, могло бы [уже], кажется, убедить нас, что народ наш [уже по природе своей от всего света особлив и] носит в себе органический зачаток идеи [уже совсем своеобразной, как нигде и ни у кого своей собственной] от всего света [может быть] особливой ◊

30 Идея же эта / [А это] Ибо это отношение уже так огромно

32 *После*: нашу — А мы-то, интеллигенты народа, даже самостоятельность в нем малейшую отрицать готовы и всякую особливость его, как, например, общительность со всеми народами, лишь младенчеству его приписываем, его неразвитости, и уверены, что всё в нем изменится, как только чуть-чуть повлияет на нас европейское просвещение!

32–34 а так как она совсем особливая ∾ ее рабской копией *вписано на полях.*

33 *После*: ни у кого — [стало быть, даже не может быть] которая не может быть похожа

34–37 *Фразы*: Вот чего не понимают ∾ даже бедой. — *нет.*

37–38 А что у нас ∾ первый пример / И [если хотите то] вот вам первый пример ◊

39–40 (в будущем нашем ∾ так будет) *вписано на полях.*

40–41 у нас гражданская свобода / у нас свобода, за которую все народы столь дорого заплатили

41 может водвориться / может быть

43 она и созиждется / *а.* она бы и могла устоять, ибо не *б.* она и созиждется, ибо на нем одном устоять могла бы

43–44 Не письменным листом утвердится / Не на договоре созиждется, не писаным листом утвердится ◊ *Рядом на полях набросок*: Во мнении европейских народов их самодержцы были все деспотами, ну так где же им понять идею: «Самодержец — отец». Уже по тому одному они страшно многое и в нас не могут [было] [понять. Свобода им досталась] пока понять

45 ибо детям / Детям

45–46 можно многое такое позволить / можно многое то позволить ◊
47 столь многое доверить и столь многое разрешить / многое доверить и многое разрешить
48 не бывало видно / не было видано ◊ *вписано.*
48 не изменят дети отцу своему / *а.* не изменят дети отцу *б.* не изменят дети любви к отцу

Стр. 22—24.

48–2 и, как дети ∾ заблуждения их / [и отец] Отец будет всегда властен поправить всякую ошибку и всякое заблуждение детей.◊ *На полях набросок*: Ибо он всегда отец их

Стр. 24.

4–5 повторю это *вписано.*
5 *После*: один — *вписано*: хотя бы и не сообща, вместе, хотя бы по местам ◊
5 мы же / а мы
6 пусть станем пока смиренно в сторонке / [пусть] станем в сторонке ◊
9 нашу интеллигенцию / интеллигенцию
9 *После*: интеллигенцию — Не беспокойтесь, я глупости такой не скажу и мне ее не навязывайте. *Над словом*: не скажу — *вписано и зачеркнуто*: сделаю из политич‹еских› *На полях зачеркнутые наброски*: *1.* О, не из каких-либо певеж‹ественных› соображений, я глупости такой не скажу, а из соображений (уж, извините, пожалуйста) — педагогических *2.* И бог с ними, целями политическими!
9 не приписывайте мне их, пожалуйста *вписано.*
10 предложил бы я это *вписано.*
10 я это / я это лишь
12 постоим и послушаем / постоят и послушают
13 без нашей / без их
13–15 *Слов*: и об деле ∾ об нас речь зайдет. — *нет.*
15–16 Пусть постоим и поучимся у народа, как надо правду говорить. / Да пусть [посмотрят] посмотрим сначала, как народ [царю] своему отцу отвечает, и [научатся] научимся у него, как надо правду отцу [сказать] говорить.◊
16–18 Пусть тут же поучимся ∾ серьезности этого ума. / Пусть поучатся смирению народному *Далее*: *а.* и подивимся (в первый раз от роду) премудрости народа нашего *б.* Пусть умилится смирению народному, поймет его и войдет в него сам, поняв высоту его, разумность его и деятельность его. Пусть же подивится в первый раз премудрости народа нашего. *в.* Пусть, и пусть поймем это премудрое смирение и, войдя в него сами, поняв высоту его, разумность и дельность его, подивимся мы тогда искренно (в первый раз от роду) премудрости народа нашего! ◊ *Текст*: Пусть умилится ∾ народа нашего! — *вписан на полях следующей страницы автографа.*
22 Да, это / О, это
22 для всех нас / для нас
22–23 самою плодотворнейшею школою / *а.* самой плодотворной *б.* самой плодотворнейшею ◊
23–24 деловитости и серьезности / премудрости ◊
24 озадачены / озадачены разом
24 *После*: и уж — многие
24 явятся из нас / явятся
25–29 ибо все действительно искренние ∾ обнаружатся сами. *вписано.*
27 а главное, дела, заправского дела и общей пользы / и лучшего всегда всем нам
27–28 такие все присоединятся / *а.* присоединились бы *б.* присоединятся ◊
28 слову народному / смирению народному
29 обнаружат / обнаружили бы
29 обнаружатся / обнаружились

28 *После*: сами. — Остались бы в стороне только сегодня ‹*2 нрзб.*› «Это-де противоречит убеждениям нашим, а потому останемся лучше при формуле, чем при деле. Формула для них дороже дела, потому что в формуле-то у них заключается всё дело: только бы как в Европе — вот их дело. Но *они* безвредны. *Между строками вписано*: Из европейских

30–31 А если останутся ∾ то *вписано на полях.*

30 останутся и искренние / *а.* будут искренние *б.* останутся искренние ◊

31 доктринеры / доктринеры [европейцы] наши ◊

32–33 и они будут только смешны и безвредны *вписано.*

33–34 Все же, кроме них, в первый раз прочистят / [Остальные же уверуют в народ наш] [Но многие уверуют, о, многие] [Остальные же] Конечно и в первый раз кроме них прочистят ◊

35 чрезвычайно важное по последствиям / колоссальное ◊

36 начало и первый шаг / *а.* зачатие *б.* начало ◊

37 всего интеллигентного сословия нашего / *а. Как в тексте. б.* всего интеллигентного и доселе властного над народом сословия нашего ◊

37–38 *Слов*: столь гордого пред народом — *нет.*

38 *После*: нашим. — Европейцы бы наши непременно бы что-нибудь поняли из того, что никогда не могли понять доселе.

39 его только нам / ибо его только

39 страшно поможет всему / у нас впредь начало всему доброму одно только и может послужить основанием впредь и вовеки [векам] всему новому у нас на Руси, всему доброму, всему правдивому [и], всему прогрессивному в жизни нашей и всему действительно [в] за правду дальнейшую

40 *Слов*: всё переродит вновь, новую идею даст — *нет.*

42–43 и прежде всех / *а.* и сразу *б.* прежде всех и сразу ◊

44 *После*: тоской по ней — как народ, и во имя этого-то искания

46 с душою народа / с правдой народной

46–47 крайние бредни / крайние западные бредни ◊

47 увлекли было столь многих из нее / *а.* многих из них увлекли *б.* увлекли было столь многих из них ◊

48 нашли истину в крайних европейских учениях / *а.* нашли истину *б.* нашли за морем истину *в.* на Западе нашли истину.◊ *Рядом на полях набросок*: и примет народную правду

Стр. 25.

1–2 О, я верю ∾ благих последствий / *а.* О, я не преувеличиваю тех последствий, которые могли бы произойти, если бы интеллигенция наша выслушала хоть чуть-чуть наш народ. *б.* [О, я не преувеличиваю] Нет [тут я не], не фантазирую, я не преувеличиваю тех благих последствий ◊

2 *Слов*: которые могли бы из столь хорошего дела выйти — *нет.*

3 светом своим обличила бы / [а] и светом [бы] своим обличила ♦

6 И кто знает, может быть, это / Да это ◊

8–9 тут произошло бы тоже «освобождение» — освобождение умов / *а.* Это бы было тоже «освобождение» умов *б.* Это было бы тоже «освобождение» или хоть началом освобождения ([но именно] и того было бы довольно) — освобождением умов ◊

10–11 и мы тоже пробыли целых два века у Европы / мы пребывали два века у Европы *Далее было начато*: О, сколько из инт‹еллигенции›

11 подобно как крестьянин, недавний раб наш, у нас / подобно как крестьяне [бывшие] [прежние] недавние рабы наши, у нас ♦ *вписано.*

12 *После*: реформа — хотя

14 матерьяльно пала / пала разом

15 стена эта / стена

16 *После*: падет — [и мы решились] [обе перешли] мы решились переступить через обломки

15 Что же выше / *а.* Ибо что же, что же выше *б.* Да что, что выше ◊
16 что же может быть плодотворнее / *а.* и плодотворнее теперь *б.* и плодотворнее ◊
17 слияние сословий / *а. Как в тексте. б.* слияние с народом
18–19 *После*: варварского — сразу [перейдут] перебегут к нему и многие, многие, а те многие, оставшиеся в прежней идее, сразу поймут, что они впредь безвредны и ничтожны, и уже всякие слова, всякая возможность вредить заблудшимся прежним словом будет впредь отнята от них, ибо [сильнее слово новое. [О тогда, когда] И когда ответит народ, когда скажет всё о себе]
19 *Слов*: и задерживающего развитие — *нет.*
19–22 прежнего стыда ∾ его смиренное слово *вписано.*
20 *После*: своего — смирятся перед тем
21 доложит / скажет
23 спросить тогда / спросить
25 последствия / плоды великого дела ◊
25–26 ибо они всё же ведь интеллигенты / ибо они интеллигент<ы>, у них наука или хоть начало ее, и народу она страшно нужна.
26 *Слов*: и последнее слово за ними. — *нет.*
26–29 Но пример народа ∾ свое слово. *вписано.*
27 сказавшего прежде их / говорящего ◊
29 сказать / сказать, рано ли поздно ли ◊
29–30 ничего не скажет тогда / *Начато*: ни в чем
32 *После*: образования — Да и образование-то, и наука-то в первый раз у нас станут тогда на дорогу самостоятельную и наши ученые [у нас] в первый раз поймут и разрешат загадку свою [о том], что это такое за вещь [дорога самостоятельная] [самостоятельный путь] «самостоятельная дорога в науке».◊ *Далее было*: И неужели — я опять спрошу это — неужели это лишь [А вся на<ука>] одни только бредни? Неужели «оказанное доверие» не послужило [новым и исто<чником>] источником [увеличения] совсем уже новой силой не только финансам (я ведь помню, что о финансах заговорил), но и [государству нашему] всему в земле нашей, всему строю ее.
32–33 ибо всё же ведь ∾ страшно нужна *вписано на полях.*
33 начала ее / хоть начала ее ◊
33–37 Да если б и захотел кто ∾ и даже очень. / Да [и] если б и захотели противуречить, если б и явились несогласные с идеей народа нашего, то все-таки не осмелились бы противуречить ему, духу его то есть, взгляду на дело, и невольно бы принуждены были впасть в общий тон. Вот что важно и даже очень.◊ *вписано.*
38–39 Да, весьма может быть ∾ с этого шага. Явилась / Духовное спокойствие воцарилось бы разом, явилась
40–41 стали бы ярко сознаваться и выясняться перед нами и цели наши / *а.* стали бы перед нами и цели наши *б.* стали бы ясно [выяс<няться>] сознаваться и выясняться перед нами и цели наши ◊
41 *После*: цели наши. — Да знаете ли, что можно построить хотя бы только на этом всеобщем духовном спокойствии, господа финансисты. (Ведь я помню, что заговорил о финансах.)
41–43 А это очень важно ∾ горшего в будущем. *вписано.*
42–43 нетвердо и сбивчиво знает о том, какие суть / нетвердо знаети сбивчиво, какие такие ◊
43 могут быть впредь / могут быть
44–45 *Фразы*: В этом у нас ∾ в данную минуту. — *нет.*
46 есть / даже есть ◊
47 неустройства / *а. Как в тексте. б.* неустройства нашего ◊
48 *После*: в будущем. — Да <на> одном только спокойствии духовном, знаете ли, [что] сколько можно построить.◊ *Ниже и рядом заметки*: *1.* Где о финансах наших (О, я ведь не забыл, что пишу о финансах) *2.* Совершенное отрицание всеми в наше время порядка.

Стр. 25—26.

48–2 *Фразы*: Всё это могло ∾ нтело бы на мысль. . . — *нет.*

Стр. 26.

3 не поймут всего / не поймут меня ◊
4 беру вину на себя *вписано.*
6 беспристрастно / безобидно
6 лишь за народ / за народ
7 душу / сердце
7 *Над словами*: великие силы — *вписано и зачеркнуто*: в спасительные
9 главное, в спасительное их назначение *вписано.*
9–10 *Слов*: в великий народный охранительный и зиждительный дух — *нет.*
11–12 начнут понимать и всё остальное / поймут и всё остальное ◊
13–28 *Текста*: И почему бы всё это мечта? ∾ добровольно примут ее. — *нет. На полях стр. 35 и на стр. 34 наброски и заметки к главе второй*: *1.* Текущее, оздоровление корней, в повороте взглядов самостоятельных, например, эконом‹исты› у нас копировали всё по-европейски. *2.* Они, мои корни. *3.* Второй корень, предлагаемый мною к оздоров‹лению›, будет не столь духовного содержания и не столь фантастическим, а потому и возможно будет о нем выразиться гораздо конкретнее. *4.* Азия мы иль Европа? — Не больше ли Азия, чем в Европе. — А поворот в Азию и исключ‹ить› европейское просвещение! — Совсем нет, европейское просвещение даже больше понадобится. Для чего я говорю? Ошибочна идея о том, что мы Европа. Там нас не хотят и не признают, помогали. Ножиком, камень за пазухой. — Азия — православные земли. Не настало ли время, не оживить ли? *5.* Поворот, решительный поворот, что мы азиаты. Да что там делать? У нас неурядицы. К черту Азию, ‹*2 нрзб.*› *6.* Чудим с монополией. О, если б англичане иль Америка [Если б мы з‹аиялись›] Если б мы занялись, то самостоятельное бы дело нашло‹сь› *7.* Освободится муха от патоки. *8.* Выход. Переселение. *9.* Там наше назначение, может быть, больше, чем в Европе, там океан. Само собой пойдет, только бы началось. *10.* Переворот во мнениях, поворот человека к Востоку, больше самостоятельности и для Европы больше бы сделали. *11.* Почему бы нам тем временем насовсем ‹не› отдалиться от Европы (государственно, политически то есть) *12.* Затоскует об этом первая же Германия и станет в нас заискивать? *13.* Мы влезли в Европу, и она нам слишком дорого стоит. *14.* Что ж делать для себя. Да, например, хоть на Азию — европейцы или азиаты? да так и решить *15.* Всё это фантастика, ибо по-европейски вот вместо 40 — 4-х. А бюрократия *16.* Не бежать в Европ‹у›. Выйти из Европы. Что нас удерживает? Не фальшива ли мысль, что мы европейцы. От этой мысли надо избавиться. Мы сами по себе. Мы — русские. Мы лезли, нас не считали. Мы лезли спасать царей. 12-й год. Мы лезли спасать пап, Гамбетту.
30–31 *Заголовка*: I. Остроумный бюрократ. Его мнение о наших либералах и европейцах. — *нет.*
32–38 Но, кончив ∾ грядущих номеров. . . / Но здесь я прерву пока мою статью о финансах, ибо чувствую, что пишу очень скучно. Тем не менее прерву лишь на время. Мне хочется [*начато*: пере] поговорить и о других корнях, о других началах, которые, представляется мне, можно бы оздоровить, об них будет писать всякий. Я потому еще прерываю, что на двух листках моего «Дневника» всего зараз я бы не уписал (всего, что задумал), так что уже невольно пришлось бы оставить до следующих грядущих [вдали] номеров. Но как-нибудь соберусь и ворочусь к оставленной теме. К тому же всё громче и громче слышутся мне перерывы и возгласы, что всё ‹*не закончено*› ◊

39–48 Напрасно, не надо ∾ не текущего! / Всё это не финансы, [скажут мне] брезгливо прервут меня, всё это не реально (хотя не понимаю, почему бы так?), всё это почти [духовного] мистического какого-то содержания, а не [реального, не насущного] насущное, не [текущего] текущее.◊ *Ниже вписано*: Пусть, пусть, но замечу лишь. прервав статью

43–44 *Фразы*: В следующих номерах дайте повесть. — *нет*.

Стр. 27

1 *Фразы*: Странные голоса! — *нет*.

1 Да ведь / *а*. А я *б*. Да я ◊

1–3 нам отвернуться ∾ иное насущное / отвернуться от теперешнего нашего насущного и текущего и создать себе другое и насущное

4 реальнейшее / реальнейшее насущное и текущее *Ниже между строками вписано*: ведь мы даже иногда фантастичны

5 *После*: сидим — уже так бесконечно долго. И знаете, ведь и мы тоже застыли в нашем настоящем текущем

6 извините, пожалуйста, тоже / извините, тоже *вписано*.

6 вся моя мысль / *а*. моя и мысль *б*. вся моя и мысль ◊

6 *После*: мысль. — *начато*: Я им‹енно›

7 в иную сторону / в другую сторону

7–8 вот моя мысль / *а*. *Как в тексте*. *б*. и состоит моя мысль

8 могли бы / слишком могли бы ◊

8 такое дело / это дело

11 *После*: осуществиться — и [вместе] вслед за властью поворот голов и умов если не совершится сейчас же и весь, то по крайней мере начнется, а [это уже очень многое. Это ж и всё] ведь в начатке и дело.◊

12–14 *Текста*: мух из патоки. ∾ стало сидеть. — *нет*.

15–26 Правда, я опять увлекся ∾ в смысле / *а*. Ну вот, например, возьмите [например] экономию *б*. *Вписано на полях*: Правда, я опять увлекся, и мне тут же сейчас же могут напомнить, что ведь я и доселе, столько уже написав, всё еще не разъяснил, про какое именно теперешнее текущее я [говорил] столько наговорил и какое именно будущее текущее предпочитаю ему. Вот это-то именно я и хочу разъяснить в будущих моих статьях о финансах и если только к ним ворочусь, а теперь пока пусть это останется в некотором мраке неизвестности. Но чтоб кончить теперь о финансах — ибо я кончаю — приведу одну встречу, которую я имел с одним весьма даже умным бюрократом и который мне сказал одну довольно любопытную вещь и именно насчет некоторых принципов, касающихся до изменения наших финансов говоря вообще. Разговор зашел в одном обществе об экономии, то есть именно в смысле ◊ *На полях зачеркнутый набросок*: Тут случилась со мной одна встреча

26 бережливости финансовых средств наших / бережливости государственных сил и имуществ ◊

27–28 не терялась / не потерялась ◊

28 Про экономию / О, про [экономию] это ◊

29 теперь поминутно / поминутно

29–30 да и правительство занимается этим же неустанно *вписано*.

30–31 ежегодное сокращение в штатах / *а*. уменьшение штатов *б*. ежегодное сокращение штатов в видах сбережения доходов ◊

32–34 предлагали в газетах ∾ от того не будет / Предлагали в газетах и цифру: на 50 000. [Говор‹или›] Прибавляли даже, что и наполовину сократить можно, ничего-де от того не будет ◊ *вписано*.

36 армию-то мы сократим / армию-то нашу мы сократим

37 промелькнут опять / промелькнут ◊

39–40 но на такие ∾ радикальной жертвы / но именно на текущие, [то есть] поначалу именно на такие, без которых очень бы можно бы обойтись, если б изменить свой взгляд в самом принципе на текущее ◊

41 с большой потугой / с большим потрясением

46–47 Только тогда ∾ дело пошли / Вот если б они пошли на новое текущее, тогда бы совсем другое. Что наконец только тогда и [узнаем наверно, что они на] будем уверены, что святые эти денежки на действительно настоящее, а не на фантастическое дело пошли ◊

Стр. 28.

1 Петра / Петра 1-го
1 положил / захотел ◊
2–3 при «вопиющих»-то ∾ связали себя? *вписано.*
2 «вопиющих»-то нуждах / вопиющих нуждах ◊
3 *После:* что — в этом
5–6 на новое, реальное / на реальное
6 *После:* надлежащее. — Не все шаги были бы [сделаны] восполнены, а лишь один из шагов был бы сделан, но весьма немаловажный.◊
6–8 Мы вот довольно часто ∾ всё увеличиваются. / Мы вот беспрерывно сокращаем штаты [персонале чиновничества], персонал чиновников, упраздняем места в видах сбережения, а между тем и штаты и расходы всё увеличиваются.◊ *Между строками начато:* Дело дошло наконец до вопроса
11 сплошь и рядом / сплошь ◊
11 *После:* делают — *начато:* иногд‹а›
13–14 вообще при радикальном преобразовании / *а.* преобразовании *б.* вообще преобразовании ◊
14 теперешних / всех теперешних ◊
14–15 *Фразы:* Вот на эту-то тему и зашла речь в нашей компании. — *нет.*
15–16 Заметили, что это большая ломка во всяком случае. / *а.* Скажут, ломка и изменение основного принципа *б.* Заметили, что это большая ломка и изменение основного принципа ◊ *На полях набросок:* но этот вопрос лишь
16 Другие возражали, что ведь у нас / *а.* в том-то и дело, но ведь у нас *б.* в том-то и дело, что основные принципы, но ведь у нас *в.* но ведь у нас ‹*не зачеркнуто*› *г.* Прибавили, однако, что, впрочем, у нас ◊
17 *Слов:* чем эта — *нет.*
17–18 *Слов:* Третьи прибавляли — *нет.*
20 *Слов:* вовсе без ропота. — *нет.*
20–47 *Рядом с текстом:* Но если и утроить ∾ так было. — *наброски к §§ III и IV главы второй:* Я действительно постараюсь разобраться. Главное — принцип. Вот какой наш принцип и текущее наше. Например. Главный принцип Европа — и что мы европейцы. Я задал вопрос, в чем наш самый главный и фальшивый принцип, корень всех зол. То, что мы Европа. Этот принцип не был злом, но в текущем становится. Европа — обратить на свои дела. Это могло бы правительство. Прибедниться, сесть на дорожке. Восточн‹ый› вопрос. О Европе [прибедниться]. Просить помощи, денег и проч. Прибедниться, сесть на дорожке — рубль — банкрутство
22 теперешние двенадцать / *а.* двенадцать *б.* прежние двенадцать ◊
23 против теперешнего / против прежнего ◊
24–36 Тут-то меня и остановил мой бюрократ. ∾ он надеялся, я пойму. / *а.* [Но тут] Вот тут-то меня немедленно может остановить кто-нибудь из толковых представителей бюрократии нашей и, не [пускаясь] удостаивая со мною [в частности] пускаться в подробности (так как я неспециалист и в этом деле понимаю мало), мог бы выставить передо мною только одно соображение, чрезвычайно принципиальное и чрезвычайно важное, надеясь на то, что принцип я все-таки пойму. *На полях наброски и заметки:* *1.* своими словами *2.* Представьте, он не отрицал возмож‹ность› сокр‹ащения› с 40 на 4-х [сказав] *3.* *Принцип*, бюрократ. Я [в том] в том, что такое принцип? Текущее наше-то. Да в принципах-то и дело. *б.* Тут-то меня и остановил мой бюрократ. Замечу только, что к величайшему моему удивлению он нисколько не возразил против возможности

«Дневник писателя» 1881 г. Страница чернового автографа второй главы.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

четырьмя заменить сорок в смысле удачного ведения дела: «Буду‹т›, дескать, и четверо то же самое дело делать», — стало быть, не счел же этого невозможным. Но он возразил на иное, именно на принцип, на ошибочность и преступность провозглашенного принципа. Привожу возражение его не дословно, даже многое своими словами, для мягкости. Привожу именно потому, что возражение его показалось мне любопытным, пикантным, заключавшим некоторую синтетическую даже идею. Он, конечно, не удостоил пускаться со мной в подробности, так как я неспециалист и, видно, «понимаю мало» — в чем готов и сознаться, — но принцип-то, он надеялся, я пойму.◊ *вписано на стр. 38.*
37 чиновников / бюрократии
37–38 начал он строго и с проникновением / изрек бы он мне ◊ *вписано.*
38–39 не полезно для дела, но даже и вредно / не только полезное, но даже очень вредное
39 существу своему / существу
41 значительно / очень ◊
43 посягнули бы тем / посягаете
44 мы, бюрократия / мы
47 до освобождения крестьян так было / *а.* было привеском *б.* до освобождения крестьян было привеском ◊ *Далее было начато:* Вот после освобождения
47–48 выборные прежние / выборные, например, прежние ◊
48 ну там дворянские например / [дворянские например] ◊

Стр. 29.

1 *После:* так сказать — обращались в бюрократические ◊
1 принимали / принимая ◊
2 созерцая это *вписано.*
3 *После:* не нарушался — *начато:* После
4–5 действительно потянуло было чем-то новым: явилось / настало
5–6 самоуправление, ну там земство и прочее / *а.* самоуправление и земство *б.* самоуправление, земство ◊
6 *Слов:* Оказалось теперь ясно, что и — *нет.*
6–8 всё это новое ∾ в нас перевоплощаться / *а.* но . . . что же — оно тотчас входит чем‹-то› даже новым, сильным, врастает в бюрократизм *б.* и вы увидите, что всё это *новое* тоже и само собою [а все‹-таки›] принимает наш же облик, нашу душу, тело *в.* всё это новое тотчас же стало само собою принимать наш же облик, нашу душу и тело ◊
8 И произошло отнюдь / И это происходит вовсе
9 это ошибочная мысль / *а.* это ошибочно *б.* это даже клевета ◊
9 а именно само собою / а само собою
11 великом национальном деле / существенном деле ◊
13 поймете / поймете суть дела
13 Ибо что мы такое? / *а.* *Как в тексте.* *б.* Посмотрите же, что мы такое?
14 и продолжаем быть всем *вписано.*
14–15 и опять-таки вовсе ∾ естественным ходом дела *вписано на полях.*
14–15 не очень стараясь о том сами / не стараясь о том особенно сами ◊
15 не натужась, так сказать, нимало / не натужась, так сказать ◊
16 Кричат давно / Кричат ◊
16 всё еще мы одни / *а.* еще мы *б.* еще все-таки только одни мы ◊
18 зиждем и сохраняем / сохраняем:
20–22 то есть мы-то сами ∾ живом организме / [есть] составляет действительно и в самом деле как бы скелет в живом организме ◊
24 Пусть, пусть / Пусть ◊
25 по системе / в системе
26 *После:* сказать. — *начато:* Мы ничто ибо
26–27 даже плохо, не полно / даже дурно, [не по-живому] не полно ◊
27–28 и, главное, всё стоит ∾ пока не падает. / и всё стоит, не падает —

вот ведь, что главное же, не падает. Почему? Потому что вековой принцип стоит [и], не падает.◊

29–30 Я согласен ∾ не *всё* / *а.* Пусть мы не *все б.* Я согласен, что мы на самом-то деле не *всё* ◊

31–32 а особенно теперь ∾ то есть нечто / *а.* пусть не всё, но зато мы нечто, *нечто б.* но особенно теперь, пусть не всё, но зато все-таки *нечто*, то есть *нечто* ◊ *Выше на полях набросок*: Но всё же мы *нечто*, а всё, чем нас думаете заменить, есть покамест *ничто*

33 уже реальное / реальное ◊

34–37 Ну, а что там у вас ∾ ничего не упало? / *а.* Ну, а что у вас, чем бы вы нас упразднили, чем бы вы нас заместили, так чтоб действительно тоже бы стало нечтом? *б.* Ну, а что у вас, чем бы вы нас заместили, так чтоб мы могли убраться, а у вас явилось тоже нечто? ◊ *Рядом на полях набросок к окончательному тексту*: устраниться, [видя] в уверенности, что и у вас уже составилось *нечто*?

37–38 Но ведь у вас все эти самоуправления и земства / *а.* Земством, самоуправлением? *б.* Самоуправлением, земством, что ли? ♦

38 это всё еще пока / лишь

39–40 но на землю еще не слетавший / но всё еще не сходящий на землю

40 он все-таки нуль / он нуль

40–42 хоть и прекрасен ∾ вовсе не нуль / *а.* а мы нечто *б.* хотя и прекрасен, а мы хоть и не прекрасны и надоели, все-таки не нуль, а *нечто* ♦

42–45 Вы вот нас ∾ в наш образ и дух. / *а.* Вы говорите, что в этом мы виноваты, что мы преобразуем прекрасного журавля в [свое] наш образ и дух. *б.* Вы вот нас все сплошь обвиняете за журавля, зачем-де он до сих пор не слетел, что в этом-де мы виноваты, что это мы преобразили прекрасного журавля в наш образ и дух.◊ *Далее было начато*: Но поверьте, что он *Между строками вписано*: журавль всё еще в небе

46 если б действительно тут только наша вина / если действительно только наша вина

46–47 мы доказали бы тем, что стоим / *а.* мы стоим *б.* мы доказали бы тогда, что стоим ◊

47–48 вековой, основной и благороднейший / *а.* вековой *б.* основной и вековой ◊

Стр. 30.

1–4 Но поверьте, что мы тут ∾ самостоятельным / *а.* Но поверьте, что прекрасный журавль сам не знает, чем ему стать окончательно. Поверьте, что сам точно не знает и норовит в деятели. *б.* Но поверьте, что мы вовсе не виноваты или слишком мало и что прекрасный журавль сам не знает, чем ему стать окончательно, то есть нами или взаправду чем-то самостоятельным ◊

4–5 *Слов*: сам колеблется ∾ почти потерялся — *нет.*

5–6 Уверяю вас ∾ без нашего давления. / а потому к нам и лезет, но сам, сам своею собственною полною доброй волею, а вовсе без нашего давления ◊ *вписано на полях.*

6–8 Выходит, что мы ∾ будет тянуться. / Выходит, что мы, так сказать невольно, как естественный какой-то магнит, к которому всё тянет даже доселе, и долго будет тянуть.◊ *Далее*: [Вам смешно]

8–9 Вы опять не верите, вам смешно? / *а.* Вам смешно? *б.* Вам смешно, вы не верите ◊

9–10 в чем угодно / вот в чем ◊ *вписано.*

10–12 попробуйте, развяжите крылья ∾ со строгостью / [Ну] Попробуйте развяжите ему крылья вполне, расширьте возможности, предпишите ваше<му> земству формально за номером ◊

13 самостоятельным / нормальным

14 все они / все-то они ◊

14–17 все какие есть журавли ∾ всё у нас сконфузуют / сами собою кончат

том, что станут чиновниками, дух наш и образ примут, потянутся к нам и запросятся сами к нам ◊

17–18 Даже ∾ польстит ему это очень. *вписано.*

17 выборный мужик / выбранный мужик ◊

17 *Слов*: к нам — *нет. На стр. 42 наброски неосуществленного замысла главы «Дневник писателя» (см. стр. 197—200).*

Стр. 30—31.

18–23 *Рядом с текстом*: Недаром же два столетия ∾ И долго еще так будет. — *на полях наброски к нему*: *1.* и народных начал, которые тогда-то явятся и осуществятся. А ведь европеец боится это‹го› пуще всего, народных-то этих начал, что как они и в самом деле явятся, ведь тогда сюрприз-с! *2.* А мы-то и есть настоящая формула русс‹кого› европеизма и всех русских и европейских либералов совместим в себе. И отчего бы не давать за либерализм орденов, если мы с ними так безгрешно сливались. *3.* Нет-с. Это дело длинное и не столь короткое. На то нужна культура и, может быть, тоже два века истор‹ии›, ну век, ну полвека, только теперь века [коро‹че›] [сокращ‹ены›] [пароходом] телеграфом и железн‹ой› дорогой. Но вы же не сейчас. Сейчас ничего не народится, кроме нам же подобных. И долго еще так будет. *Рядом наброски к последующему тексту ЧА (см. ниже, стр. 242)*: *1.* ибо мы претим народным началам и отрицаем их по принципу двух веков *2.* Связав себя старыми принципами, мы, конечно, как муха в патоке. Я вот заговорил про угрюмую эконом‹ию›, про четырех вместо сорока. О, я нарочно поставил опять дело ребром, по экономия эта, по словам моего бюрократа, не только вредна, но даже безнравственна, так что с 40 на 38 есть преступление, потому что тут принцип будет нарушен‹ен›. И не в принципе вся беда. *5.* А как вредил нам этот взгляд уже одной своей безнравственностью, ибо общего европейца нет, а есть французы и англич‹ане›, и есть люди. Почему? Потому что у нас же Европа. Этот принцип 2 века был для нашего либерала родн‹ей›. Это говорит бюрократ, а возьмите нашего европейца, европейца и даже либерального европейца. У него есть многие принципы и принципы прежде всего. Конечно, принципы вещь, но когда они выживают сроки, то-и дурная. Либерал хочет земства, а в то же время не хочет народных начал; почти наивно отрицает в народе нашем всякую самостоятельность и говорит, что если есть особенности, то дурные, от младенчества и от росту. Слышите, если и нужен этот принцип, именно для того, чтобы у нас была Европа, и для того, чтоб мы были не сами собой. *4.* Триста принципов. А ведь у нас разве что один. У нас столько принципов, что и конца им нет. [И] укоренились так, что и не вырвешь. *5.* То-то и есть, что всё дело в принципах принятых и он прав. Европа — и взгляд наш. Можем ли мы принять его и в состоянии ли. Не то, что мы европейцы *6.* Мы тратим бесчи‹сленные› Я про экономию заговорил и, поверьте, уж теперь-то не удалюсь от дела. Мы тратим бесчисленные деньги на Европу. Мы как помещики

Стр. 30.

18 *После*: вкусы. — *знак вставки, с этим знаком вписано на полях*: магнит

20 променяли бы самих себя / променяли

21 на вашего прекрасного / на прекрасного

21–22 Нет, уж мы ∾ в руках поприлержим. *вписано на полях.*

22–27 Мы уж лучше сами ∾ реальное *нечто* / *а.* [Нет уж мы] Мы лучше сами как-нибудь исправимся, пообчистимся, что-нибудь введем новое, ну станем там добродетельнее или что — а на призрак не променяем нечто *б.* Мы уж лучше сами как-нибудь исправимся, пообчистимся, что-нибудь там введем новое, ну станем там как-

нибудь добродетельнее или там что — а на призрак, [на] внезапно приснившийся сон не променяем наше нечто, действительно, не во сне существующее ◊

27–28 *После*: это верно! — *начато*: Сокра‹щаться›

28–30 *Текста*: Мы сопротивляемся ∾ в наше время. — *нет.*

31–32 а не то что с сорока на четырех *вписано.*

32–33 было бы делом глубоко вредным и даже безнравственным / *а.* дело глубоко вредное, несравненно более вредное, чем *полезное б.* дело глубоко вредное и даже безнравственное, несравненно более вредное, чем *полезное* ◊

33 Гроши получите, а разрушите принцип. / Получите гроши, а поколеблете принцип.◊

33–36 Уничтожьте-ка, измените-ка ∾ это измена Петру! / Уничтожьте-ка, измените-ка теперь нашу формулу, на которой стоим мы и числимся. Да ведь это измена всему нашему русскому европеизму, это отрицание того, что и мы, русские то есть, европейцы, это измена Петру! ◊

38–41 И знаете ∾ противоречат сами себе. / Знаете, что ваши либералы (впрочем, и наши тут же), стоящие в газетах за земство против чиновничества, противуречат сами себе.◊

42–43 или начинающаяся формула тех «начал» / или начинающаяся в эмбрионе формула [их,] тех «начал» ◊ *Выше на полях набросок*: те народные начала или начинающаяся в эмбрионе форма тех народных начал

Стр. 30—31.

43–6 *К тексту*: о которых кричит ∾ и это так! — *на полях набросок*: столь ненавистные русским европейцам, об которых толкует «русская партия» (их так в Берлине обозвали), которые так неистово отрицает наш либерализм, над которыми смеется и даже не хочет их признавать, начала-то эти самые. Значит, они с нами и мы с ними, и это бы они должны были понять. Мы с ними заодно, даже одно и то же, если хотите.

Стр. 30.

44–45 может, слышали, их так / их так ◊

46 наш русский либерализм и европеизм / *а.* либерализм *б.* наш русский либерализм ◊

47 он смеется / смеется

47–48 существующими! / существующими, начала-то эти самые. ◊

48 О, он / Он ◊ *Выше между строками вписано*: наш либерал

48 ну, что́-де коли они / ну, что коли они ◊

Стр. 31.

2–6 Значит, все ваши европейцы ∾ и это так! / Значит, все ваши европейцы с нами, и это бы они давно должны были [понять] себе зарубить. *Далее вписано*: ибо мы заодно, а если хотите, так и совсем одно и то же. В них, в них самих наш дух и наш образ, в них все формулы наши, и это так.◊

6–7 прибавлю / скажу

7–8 это мы-то лишь одни и есть / это мы самые и есть ◊

8 Это мы, мы воплощение всей формулы / Мы-то и есть настоящая формула ◊,

9–10 Мы одни и ее толкователи. / Мы ее продолжатели.◊ *вписано.*

11 установленных знаков отличия / орденов

11 если уж мы / если мы ◊

12–13 С удовольствием ∾ Но у нас не умеют. *вписано.*

13 станут / будут ◊

14 *Слова*: подлинно — *нет. На полях*: Своя своих не познаша.

15 и всех этих новшествах / и о всех этих прочих новшествах ◊

15–16 раз навсегда *вписано.*

17 На то нужна своя предварительная культура, своя история / *а*. Ну, то нужна культура, история *б*. Ну, то нужна своя культура, своя история ◊

20 сокращены и облегчены / сокращены ◊ *Выше вписано*: всё облегчено и сокращено

20–21 всё же полвековая, всё же ведь / полвека же, а всё же ◊

22 мерзостные словечки / словечки

23 будет / будет рождаться

24 Тут мой бюрократ ∾ замолчал / Тут бюрократ разумеется гордо и осанисто замолчал ◊ *На полях набросок*: Тут чиновник разумеется гордо и осанисто замолчал, а я скажу. . . Ну что ж я ему скажу?

24 *После*: замолчал — а я скажу. . . Ну что ж я ему скажу? Что ему отвечу?

То-то и есть, что всё дело в предвзятых и укоренившихся веками принципах, и он прав. Конечно принципы вещь недурная, но не тогда, когда они выживают сроки и обращаются в предрассудок. Связав себя ими, мы тоже как мухи в патоке. Я вот заговорил было про «угрюмую» экономию, про четырех вместо сорока. (О, я нарочно поставил опять вопрос ребром, сознаюсь в этом.) Но экономия эта, по словам моего бюрократа, не только вредна, но даже безнравственна, и сокращение не только с сорока на четырех, но даже на тридцать восемь, будет почти преступлением, потому что тем нарушится принцип. Но в бюрократе ли только дело, в его ли одном принципе? У нас таких принципов, переживших свой смысл, столько, что и конца им нет. А между тем они живут, даже нарочно и тщательно сохраняются, и в восстающих на них иные видят «врагов Отечества». А между тем они страшно вредят. Есть, например, один принцип, до невероятности вредный, разделяемый и начальством и либералами, даже демагогами. Этот принцип в том, что мы Русские — Европа, вдвинуты в Европу преобразоваться, что мы европейцы, а если еще не европейцы, то должны стать европейцами, что «народных начал» не надо, самостоятельности тоже и проч. и проч. А между тем как вредит нам этот взгляд на себя единственно как на европейцев. Не то худо, что мы себя к Европе причислили, два века просветиться старались, а то, что даже самостоятельность свою отрицать стали, вот до чего дошли, до какого болезненного исступления довел нас этот принцип. Этот принцип довел нас даже до слепоты, ибо европейца, вообще говоря, в Европе нет вовсе, а есть европейцы, то есть французы, немцы и англичане, и всякий из них прежде всего стоит за себя, [работ<ает>] а не за европеизм, работает на себя, живет на себя. Мы же, все переняв у Европы, самого важного-то слона в ней и не разглядели, то есть самостоятельность каждого народа европейского, самостоятельность твердую, тоже принципиальную, подчас угрюмую и суровую. У нас же это окрещено «шовинизмом», а этих словечек мы как купчихи жупела боимся. Я хотел бы как можно разъяснить мою мысль. Этот принцип, что мы Европа, навязанный два века назад, что мы принадлежим Европе и должны переродиться в Европу, — этот принцип стоил нам страшных мук и страшных денег. (Я ведь помню, что я об угрюмой экономии заговорил.) Закричат, что изменил просвещению, науке, проповедую мрак невежества. Но подождите заключать, а вникните мало-мальски. Я утверждаю, что этот принцип, весьма полезный вполне о одной стороны, обратили для нас теперь прямо в беду, истощает и сушит нас, как народ и государство, и что этого у нас никто не замечает и никто знать не хочет. Да, действительно, никто знать не хочет. Ведь я не буду говорить теперь о нравственных точках зрения, о нравственном измельчании и истощении нашем, буду говорить только о том, чего нам это стоило материально. Мы сразу, [давно и] еще полтора века тому, въехали в Европу гостями непрошеными и, бог знает зачем, стали мешаться там не в свои дела.

Конечно, у нас были там и свои дела, если уж мы раз вдвинулись, но мы именно всего более полюбили привычку мешаться там не в свои дела. И разве [мы не] не мы посылали туда Суворова «спасать царей»? ◊ *Рядом наброски к §§ III и IV главы второй*: *1*. Разве, разгромив Наполеона, не мы пошли туда освобождать народы.

Отдал Восток. Да и отдал, он это сам говорил.

12-й год. Если б мы только так думали, как родной наш народ про свои интересы думает. *2*. После политики:

Напрашивались мы Европе и над нами только смеются, буквально смеются. Наш рубль упал — поверьте, от нашей духовной несамостоятельности, [да вот] за которую нас презирают, первые же, немцы. Они не то что не любят, они презирают нас.

Гамбетта

посольства

Наук нет. Не ‹*нрзб.*› не будет. Просвещения нет.

Мы швыряем деньги как помещики, приданого взявшиш.

Сколько учреждений у нас, требующих огромных затрат и существующих единственно потому, что взяли принципом фигурировать в Европе как свои.[1]

Столько же фальшив совсем и в частности.

Положим, мы въехали, но разве нельзя отъехать. Разве нельзя хоть немного изменить наши принципы на наше политическое значение в Европе ну хоть на время.

Финансы-то, финансы!

— Но нельзя же отказать совсем.

— Да, но принять только новый принцип, отказываться по одной двадцатой доле в год и тогда *3*. Восточный вопрос, франко-прус‹ский›, само собою прибедниться, сесть на дорожке и шапочку

А что дома делать? Дома много дела, хотя бы в изменении двухвековых заматерелых и вредных принципов. Но не касаясь, что делать дома, ибо места нет, обращу внимание на Азию.

— Тут тоже принцип и это тоже корень, который надобно оздоровить. Эти корни не то что оздоровить, надо вырвать и дать росту новому, тому новому, что может очень старое, но чему ходу не давали доселе.

Но я потому и завел про Азию, что это одно из самых важнейших и насущных задач наших.

Как противувес нашему фальшивому стремлению в Европу.

Откладывать на свои дела, на какие дела? Сами скажутся, сами начнутся, особенно как вытащим муху из патоки.

Привесок

24–26 *Текста*: и, знаете ∾ «нечто». . . — *нет. На стр. 42 набросок, близкий к окончательному тексту*: Но, знаете, я не возразил, потому что в его словах было нечто, именно «нечто»: какая-то грустная правда. Но, разумеется, я с ним не мог согласиться душой. Да и так резко и решительно действительно говорят лишь люди отходящие.

Стр. 31—32.

30–11 *Текста*: II. Старая басня ∾ такой портрет? — *нет. На стр. 42 набросок к нему*: Ну так, кстати, о финансах? Но я приведу лишь одну маленькую очень хорошенькую басенку Крылова [ибо в ней тоже есть своего рода нечто], которая невольно вспомнилась мне, когда я писал мою статью о финансах и об оздоровлении корней. Может, мы ее позабыли?

До крестов ли теперь?

И неужели, неужели мы согласимся походить на этот портрет?

---

[1] *Рядом помета*: Здесь

Стр. 32.

13 *Цифры*: III. — *нет.*
14 В обществе и в печати / *а.* В печати *б.* В обществе и печати нашей ◊
15 да и в печати / да и печать
16 относились чрезвычайно равнодушно / [выказ‹ывались›] относились с чрезвычайным равнодушием ◊
19 *После*: голод — *начато*: чу‹ма›
22–24 но всё же надо сознаться ∾ относиться неприязненно / но те, которые мнения не высказывали, всё же обнаруживали чрезвычайное равнодушие [и к этому делу], почти [неприязненно] неприязненность к нашим новым приготовлениям в войне с текинцами, да, признаться надо, и вообще к нашей *наступательной* политике в Азии, и к нашим азиатским делам вообще ◊
24–25 Правда ∾ о предпринятой экспедиции. / *а.* Правда, давно не было ни телеграмм, ни известий. *б.* Правда, всё то равнодушие было отчасти, [почти и] помогла неизвестность о предпринятой экспедиции ◊
26 проскакивать / являться
26–27 и только под самый конец / *а.* а наконец *б.* а под конец ◊
27 *После*: раздались — наконец телеграммы
28 Тем не менее и / Но
28 трудно сказать, чтобы / я не думаю, чтоб
29 ясным сознанием / ясным и надлежащим сознанием ◊
29–30 нашей миссии в Азии и того / ни нашей миссии в Азии, ни того
30–31 значить впредь / значить ◊
33 привеска / привеска к России
33–34 европейская наша Россия / Россия ◊
35 даже и очень резкие / и резкие
35–36 наша Азия / *а.* Азия *б.* нам Азия
36 добыть / найти ◊
38 *Слов*: хоть бы ее куда-нибудь деть! — *нет.*
38 иногда / действительно иногда
41 Скобелева / генерала Скобелева
43 правоверный народ / мусульманский народ
43–44 И пусть пронесется гул. / И пусть.◊
45 даже и в Индии / и в Индии
45 *Слова*: пожалуй — *нет.*
45–46 в непобедимости / *Начато*: в несокруш‹имости›

Стр. 33.

1–2 непременно, должно быть ∾ меча нашего / именно по всей Азии пронеслось сомнение в несокрушимости-то меча нашего [стало проходить в души и сердца народов] в сердцах и умах этих народов ◊ *Между строками вписано*: должно было непременно
3 был поколеблен / был очень понижен ◊
3–4 мы и не можем / *а.* мы и не могли *б.* мы и не могли и не можем
4 остановиться на этой дороге / *а.* остановиться *б.* остановиться на нашей дороге в Азию ◊
5 в уме и в воображении их / перед ними ◊
5 *После*: стоять — превыше всего на всем мусульманском Востоке ◊
7–8 превыше ханов ∾ индейской императрицы *вписано между строками и на полях.*
8 Пусть калиф / *а.* Пусть ханы и эмиры, пусть даже калиф *б.* Калиф ◊
9–10 *Фразы*: Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось! — *нет.*
10 И оно / *а.* Это убеждение. *б.* Пусть это убеждение ◊
10 нарастает / возрастает ◊
11 оно их приучает к грядущему *вписано.*
12–13 Для чего ∾ Что нам в ней делать? / Для чего? Зачем необходимо и что нам [Азия?] в грядущем захвате Азии. Что там делать? Главное, что там делать? ◊
14 Потому необходимость / Потому необходимо ◊

16 *Текста*: потому что русский не только европеец, но и азиат — *нет.*
18 главный исход / исход
19–20 ретроградное предположение / предположение
20 а оно для меня аксиома / для меня аксиому ◊
22 взгляд / предрассудок, взгляд ◊
22–24 на Азию. Надо прогнать ∾ что мы азиаты / *а.* на Азию и боязнь того, что мы азиаты может быть *б.* на Азию, и лакейская боязнь того, что нас назовут в Европе азиатами, что мы азиаты ◊
25 Этот стыд / Стыд ◊
25 *После*: нас — *начато*: скажут в
25–26 уж чуть не два века / уже два века ◊
27 дошел почти до чего-то панического / ныне до панического даже страха дошло ◊
28 дошел до «металла и жупела» московских купчих / Это огнь и жупел московской купчихи для наших прогрессистов ◊ *вписано.*
29 наш взгляд / взгляд
33 *После*: за него — и финансами ◊
33 и утратою / а наконец, поте‹рей›
34 *После*: нашей — и наконец, затемнением рассудка нашего ◊
34–35 *Текста*: и, наконец, деньгами ∾ а не азиаты. — *нет.*
37–38 *Слов*: необходимый и спасительный вначале — *нет.*
38 все-таки слишком силен / очень силен ◊
41 *После*: татар — Grattez le Russe, vous trouverez un tartare ‹Поскребите русского, вы найдете татарина (*франц.*)› ◊
41–42 Мы лезли к Европе ∾ ее дела и делишки. Мы то пугали / Мы лезли к [ней] Европе, то пугали ◊
43 посылали туда наши армии «спасать царей» / В прошлом столетии мы посылали туда наши армии «спасать царей» ◊
43–44 склонялись опять ∾ бы было / склонялись перед ней ◊
44 уверяли ее / уверяли
47–48 как советовали и желали тогда некоторые немногие прозорливые русские люди / как советовали тогда некоторые ◊ *Ниже вписан вариант*: думали и считали тогда немногие прозорливые русские

Стр. 34.

3–4 Но политическое счастье ∾ не в картине, а в том / Но дело в том *Выше вписано*: было тогда не в картине
5 именно тогда / именно ◊
5–6 во всю свою карьеру / в своей жизни ◊
6–8 искренно, и надолго ∾ мешать в Европе / *а.* искренно (ибо ничего бы не мог сделать) если б только мы не мешали ему в Европе *б.* искренно на условии, что мы не будем ‹мешать› ему в Европе ◊
8 он отдал бы нам Восток / а за это отдал бы нам Восток ◊
8–9 теперешний Восточный вопрос / Восточный вопрос ◊
9–10 нашего текущего и нашего будущего / нашего будущего
10 уже теперь давно / *а.* давно *б.* давно теперь ◊
10 *После*: разрешен — а может, и Константинополь был бы [наш] уже наш ◊
10 Похититель / Он
11 наверно не лгал / не лгал ◊
14–15 еще слабы тогда / слабы ◊
16 после его смерти *вписано.*
19 всё отдали за картинку / сделали иначе ◊
20–21 стали смотреть / уже смотрели
21–22 и с злейшими подозрениями *вписано.*
22 На конгрессах / Потом на конгрессах
23 захватили себе всё / взяли всё себе ◊
28–31 создали ∾ не преувеличенно выйдет / *а.* создали их, ведь даже, так сказать, непреувеличенно выйдет *б.* их создали. Ведь сказать так вовсе не преувеличенно выйдет ◊

31 *Слов*: по их зову — *нет.*
34–35 выйти нам в тыл / выйти ◊
35–36 Кончилось тем, что теперь / *а.* И *б.* И вот, усилившись и устроив себя, нам же отчасти благодаря ◊
36 держит / держит теперь ◊
37 давно уже припасенный / давно припасенный ◊
37–38 и ждет только первого столкновения / и так до первого столкновения
39–40 Мы сыграли там роль Репетилова, который, гоняясь за фортуной / Мы, как Репетилов, гонялись за фортуной
39–41 Мы сыграли там ∾ ничего. *вписано на полях.*
43–44 *Слов*: поверить в безвредность нашу — *нет.*
44 поверить, что мы их друзья и слуги / поверить [что] нам, что их слуги ◊

Стр. 34—35.

46–1 *Текста*: (Потому что разве ∾ Всё на Европу пошло!) — *нет.*

Стр. 35.

2 увериться в нас / увериться
2 Главная причина именно в том состоит / Главная причина в том
3 *своими* признать / признать за своих ◊
4–5 *Рядом с текстом*: Они ни за что и никогда ∾ когда им на шею — *на полях заметки*: *1.* Славянофильский дух *2.* науку чтя, в фабрики, в заводы.| *3.* Они бы нашли потребителя и дороги к ним, изыскали их, приучили их. *4.* О, точно наврет *5.* А измена науке, просвещению. *6.* У нас именно лакеи науки свирепствуют за науку. *7.* Кто рубль ценит. *8.* Мы до чего здесь дойдем пожалуй *9.* Не признают это *10.* Да здравствует взятие Геок-Тепе!
5 вместе с ними и наравне с ними / наравне с ними ◊
6 Они признали / Признают ◊
6–8 своей цивилизации, пришельцами, самозванцами ∾ в их платье перерядившихся / *а.* их цивилизации *б.* их цивилизации, в ней не участвовавшими, ее у них укравшими, в их платья перерядившимися ◊
9 ближе по духу, чем мы / ближе, чем мы ◊
9 *После*: арийцы. — Точь-в-точь то же самое случилось и не в политических, а уже во всех других подходах наших к Европе. Уже к
9–16 Всему этому есть ∾ Но Европа / Тут есть еще одна [основная] чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, несмотря на то, что европейцы наши изо всех сил уверяют Европу, что нет у нас никакой идеи, да и быть не может, что Россия и не способна иметь идею, что мы только, стало быть, подражаем и стараемся преобразоваться в Европу, что дело тем и кончится и что мы вовсе не азиаты, вовсе не варвары, а совсем, совсем, как они. Но Европа ◊ *вписано на полях. Рядом набросок*: глубокая и основная причина: они твердо уверены, что основн<ая> ид<ея>
17–18 нашим русским европейцам на этот раз, по крайней мере, не поверила / русским европейцам не верит, хотя иной раз и вежлива с ними. *Далее было начато*: О, не всегда, не всегда
18–19 Напротив, в этом случае она, так сказать, совпала в заключениях своих / Она [верит] совпадает в этом случае более ◊
19 *После*: нашими — *начато*: с русской парти<ей>
20 вовсе / даже вовсе ◊
20 слышала об них / слышала
22–23 *Над словами*: может и способна — *вписано*: и нести ее в человечество
23–25 Про сущность этой идеи ∾ даже обрадовалась. / Про идею эту Европа [не знает] имеет понятие превра<тное>, ибо узнала, так тотчас бы успокоилась ◊

26–27 и именно когда наступит самая критическая минута в судьбах ее / [в саму‹ю›] когда наступит самая критическая минута жизни ее ◊

27–28 признавая за нами идею, она боится ее / веря, что имеем идею, ее боится ◊

28 мерзим мы ей, мерзим / мерзим, мы им мерзим ◊

29 хотя там и бывают иногда / хотя иногда они и бывают ◊

31 замечательных деятелей, представить несколько хороших работ / хороших изысканий и работ

32 даже послуживших уже / [уже] даже послуживших ◊

33 не поверит / *Начато*: не сознаете

33 Европа / *а*. европеец *б*. Европа сердцем ‹?› ◊

34 могут родиться не одни / *а*. могут быть не одни *б*. могут [явит‹ься›] родиться и явит‹ься› и не одни ◊

35–36 гении, руководители человечества / гении ◊

36 Канта / Конта

36–37 они никогда не поверят / она никогда не поверит ◊ *На полях набросок*: не признает это

37 не верят / не верит ◊

37–38 грядущей идеи / идеи, но теперь затаенной

38 По-настоящему / *Начато*: Да

39 *Слов*: ни Аристотеля — *нет*.

40 не станем сами на дорогу и не будем духовно самостоятельными / не станем самостоятельными ◊ *Между строками вписано*: сами на дорогу

43 не признает / не причтет ◊

Стр. 35—36.

45–13 *Рядом с текстом* (*и ниже*): бросаемся с братскими поцелуями ∾ от Европы навеки! — *заметки и наброски к стр. 37*: *1*. Хорошо [болтать вздор] говорить, сидя дома и наобум, кому открывать Америку. Нам ли говорить, двухвековым ленивцам. Да знаете ли, что если б серьезный поворот от Европы (временный, конечно, ибо мы никогда не можем ее оставить), ибо в Европе [много], стр‹ане› чудес, и совершается много великого, о‹на› родная, она нам вторая мать, и это мы ей должны, когда отплатим ей долг наш в самую критическую минуту ее; но теперь, временно, наш поворот в Азию был бы нам страшно здоров — уже одно то, что отвернемся на миг от Европы. Да и не отвернетесь (уже не возражаем ‹*3 нрзб.*›) *2*. Когда Европа будет визжать коммунизмом от тесноты — чем пахать, где варить и что есть, у нас еще будут огромные земли, необозримые, и мы ‹*не закончено*› *3*. NB. Это стремление в Азию, на первый случай, будет у нас бессознательным исходом всех беспокойных умов, всех стосковавшихся, а потом и сознательно полюбится. Всех бездарностей даже, ибо всегда почти ‹в› у себя бездарность, а колонизировали и там вышли в гении. Это [в] европейских колониях так же. Кто здесь не находит места, найдет его там. *4*. 1000 верст было бы. Ступишь шагом по 1/20 доли в год. *5*. Все-таки не шутка две дороги сейчас. *6*. Америка

Металлы, минералы, даже медь

О, тут наука, а не измена. *7*. Пробираясь в глубь Азии в океан там спящих многомиллионных народов, создавая и обозначая торговые пути, мы родим и [производителей] потребителей *8*. Отвернуться совсем от Европ‹ы›? Металлов, минералов, угля и ‹*далее повреждено переплетом*›

О, если б англичане, Америка.

Территория.

Неизведан‹ные› богатства

Самостоятельный дух

муху в патоке

Восточный океан — уже одно то, что отвернемся от Европы — [что нам в Европе]

Железные дороги на 30 миллионов в Сибирь.
Самостоятельный дух, а как станем самостоятельно, тотчас найдем, что делать, а в Европе что теперь, а с Европой мы только ленимся, да *‹далее текст поврежден›*
Самое даже время
избежим даже столкновений
Нам надо на время прибедниться, сесть на доро‹ге› и не за *‹далее текст поврежден›*
Европа станет уважать нас
до банкротств не допустит, денег предлагать начнет, кредит возвысит рубль.
Самое время, что нам Гамбетта, что в папе и в судьбе его. Ведь в *‹далее текст поврежден›*
А Восточный вопрос подождет (франко-прусский)
А пока в Азию
да и там Англия
А теперь *9*. Открыт‹ие› Америки
Самостоятельный дух.
Уже то одно, что мы отвернулись от Европы
Да как отвернуться, как подняться, кто у нас подымется?
Да не предлагать вопросов, построить дороги на первый случай, одну в Сибирь, другую в Ташкент.
Если б по 3 миллиона
Ну и что же получили бы? Себе убыток один.
Уже одно то, что собой займемся, подымет нашу самостоятельность
Муху в патоке.
Америка.
Англичане.
И наконец, измена науке.
У нас может появиться вроде чего-то того, как было для Европы, когда открыли Америку.
Цивилизаторы Англии.
А Европа — не беспокойтесь, мы скажем там свое слово.
А если бы обогатились — они бы на первый случай снабжали, исполняли заказы, а потом нашли бы твердое занятие.

Стр. 35.

46 *После*: поцелуями. — Но чего это, однако, нам стоило? во что это обошлось ([О, я опять] ну хоть бы с финансовой точки [зрения, знать, удержаться уже не могу?]). Особенно в нынешнем веке. И сколько блестящих посольств мы содержим там. Да посольства ль одни! Восточный уже вопрос один чего стоил в девятнадцатом — людьми, упавшим престижем нашим, [и] деньгами. А всё от первоначальной идеи, засевшей нам в голову, что мы только Европа, а не Азия, [о вовсе не Азия!] А между тем [Азия вед‹ь›] мы Азия — да, Азия! ◊

47 *Фраза*: Но от окна в Европу ∾ фатум. — *нет* (*см. ниже, стр. 249*).

Стр. 35—36.

47–1 А между тем ∾ восклицаю это! / Да это исход наш в будущем, исход, [вот ведь что] я повторяю это! ◊

Стр. 36.

1–3 И если б совершилось ∾ оздоровлен! / О если б совершилось у нас поскорее усвоение этой идеи! Какой бы корень был оздоровлен! ◊

3–5 Азия, азиатская наша Россия ∾ пересоздать надо! *вписано на полях.*

4 больной корень / больной засохший корень ◊

4–5 не то что освежить ∾ пересоздать надо! / надо не то что освежить, а совсем воскресить, пересоздать ◊

5 *После*: пересоздать надо! — Но от окна в Европу отвернуться трудно, тут фатум, тут принцип! ◊ *Ниже вписано*: Принцип-то бы и сломить
5–6 *Фразы*: Принцип, новый принцип — вот что необходимо! — *нет*.
7 *Заголовка*: IV. Вопросы и ответы. — *нет*.
8–10 Да зачем, зачем? ∾ войска / Да зачем нам Азия, — послышались голоса, — [и] что там в ней? Она и теперь требует от нас войска. ◊
10 и затрат непроизводительных / *а*. трат, которые не вознаграждены *б*. и трат непроизводительных ◊
10 И какая / Да и какая
11–12 где найдете вы там потребителей наших товаров / где потребители наших товаров
12–13 И вот вы приглашаете ∾ навеки! / И вот вы приглашаете совершенно отвернуться от Европы ◊
14–16 Не навеки ∾ да и не надо. / Нет, не совсем, лишь временно, — стою я на своем. [От Европы мы не уйдем, да] Да и никогда не согласимся мы оставить [ее] Европу совсем ◊
17 и изрек это / сказал это ◊
18 как и Россия, вторая мать наша / вторая мать ◊ *Далее было начато*: по духу и
19–20 и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными / и возьмем и не [будем н<еблагодарными>] захотим быть неблагодарными ◊
20 *После*: неблагодарными. — Нет, от Европы не уйдешь и не минуешь. ◊ *Далее было*: Нам [без] от обобщения в себе и собою всего, что выжила в свою историю Европа, не уйти. В грядущем мы отблагодарим Европу за всё. Мы представим ей, так сказать, синтез ее самой, разъясним и назовем ей ее добрых и злых духов, и может быть, мы и предназначены к тому, чтоб сказать Европе ее последнее слово.
20 будущее / наше будущее
20 значение в Европе / значение
21 словцо / слово
23–24 *Слов*: даже и из тех ∾ слова мои — *нет*.
24 точно я какое мерзкое / Точно я мерзкое ◊
25 сказав тогда мое слово / сказав это ◊
26–27 Но, может быть ∾ теперь довольно. / Потом, в свое время, может быть, вспомнят слова мои и их приведут. Но пока это время еще не наступило [(очень еще оно далеко)] ◊
27–28 Но всё же мы вправе о перевоспитании нашем / Мы вправе о своем [самовоспитании] перевоспитании ◊
29 как бы какой-то духовный Египет / Египет. ◊ *Далее было*: Пусть уж лучше мы [во] явимся в Европе самостоятельными, чем прихвостнями, за это они же нас уважать больше станут
30 *Слов*: Позвольте, — прервут меня — *нет*.
31 *После*: самостоятельности — слышится снова голос
31 Заснем там по-азиатски / *а*. заснем по-азиатски, заснем *б*. напротив, заснем там по-азиатски ◊
33–34 с поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим / с поворотом в Азию [с стремлением в Азию] голов и умов наших, с новым на нее взглядом и принципом ◊ *вписано между строками и на полях*.
34 нечто вроде / нечто
35 чего-то такого, что случилось с Европой / чего-то того, что было в Европе ◊
36 Ибо воистину Азия / *а*. Ибо Азия *б*. Ибо Азия теперь воистину ◊
36–37 тогдашняя Америка / Америка
37 С стремлением в Азию / *а*. *Как в тексте*. *б*. С стремлением в Азию, с облегчением путей в нее, с поощрением переселений ◊
37 у нас возродится / *а*. может случиться *б*. произойдет ◊ *На полях*: непреме<нно>
39 что нам делать / *а*. что делать нам в Азии *б*. и что нам делать ◊
39 мы отвыкли / мы только отвыкли ◊

40 *После*: лентяями — [играем тут‹ов›] Как ни чудно это. . .? ◊
41 нас / лентяев-то ◊
41–42 коль у нас лентяи? / если уже у нас все лентяи, — закричат мне они
42 подымется первый / подымется
42 доказать / доказали ◊
42 *После*: счастье? — Никто не двинется.

Стр. 36—37.

44–2 *Текста*: В Европе мы были ∾ началось движение. — *нет. На полях набросок*: в Азии господа. В Азии и мы европейцы.

Стр. 37.

3 две железные дороги / железные дороги, — говорю я ◊ *Выше вписано*: для 1-го ‹*нрзб.*›
3–5 одну в Сибирь ∾ тотчас последствия / и [уже не отвлеченно споря, спо‹койно›] дело начнется само собой. Нам две дороги надо, одну в Сибирь, другую в Среднюю Азию. ◊
6 *Слов*: где средства — *нет.*
6–7 что получим / что же получили бы ◊
9 в год на эти дороги откладывали / на эти азиатские дороги тратили ◊
10–11 мелькнут / уходили
11 *Слова*: выстроено — *нет.*
13 Затем, вы толкуете про убыток. / Далее вы говорите про убыток. ◊ *вписано на полях.*
13–14 вместо нас жили в России / на наших местах были ◊
15 нашу Америку / Америку
16 которые нам / которые
17 *После*: Африки? — Да ведь мы-то все‹го› только один клочок нашей русской Азии, только одну киргизскую землю с ее горами, озерами, с ее почвой, дающей местами сам-пятьдесят, [и] на которой лишь пасутся теперь бараны [1] и которая могла бы, однако, прокормить всю Европу, — да что, что бы они [в] из нее одной сделали?
17–18 И знаем ли мы ∾ необъятных земель? / А знают ли у нас, какие богатства в недрах бесчисленных по пространству наших азиатских земель заключены. Нет, еще не знают, а знают лишь только чуть-чуть ◊
18–19 до металлов / до бесчисленных металлов
19 и минералов / до минералов ◊
19 до бесчисленных залежей каменного угля / до необъятных залежей угля ◊ *На полях заметка*: даже учесть всё нельзя
20–27 всё бы нашли ∾ дороги бы новые к ним провели / О, они бы нашли, что с ними делать, они бы призвали науку, создали бы в степях и пустынях земледелие, промышленность, производство. Не беспокойтесь, нашли бы потребителей, и дорогу к ним, изыскали бы их в недрах Азии, где они [по вс‹ей›] миллионами [сидят замкнувшись и ‹*4 нрзб.*›] спят в своей дремоте. Они бы [приручили их] их разбудили, они бы их приручили [нашли бы дороги к ним, свои создали. . .] ◊
8 Ну, так как же вы восклицаете про науку / Ну так ведь это же европейцы, — прервут меня, — а сами же вы называете нас азиатами. Какая у нас наука? ◊ *На полях*: Говорить теперь
28–29 и сами склоняете / А вот вы уже и склоняете ◊
29 науке и просвещению / науке и просвещению в Европе
31–32 восклицаю и я / [восклицаю я] ◊
32 недоучки и дилетанты / дилетанты ◊

---

[1] *В автографе ошибочно*: баранами

33 *После*: заставит — науку знать. (И отчего это у нас именно те, которые ничего не смыслят в науке, прихвостни науки, лакеи — первые-то и свирепствуют о науке, первые-то и кричат об измене ей!).
34–35 *После*: тотчас же — *а*. поймем, что делать *б*. отыщем, что делать ◊
35–36 *Слов*: и в науке ∾ рядом ныне — *нет*.
36 *Слов*: А главное — *нет*.
37–39 с самых первых шагов ∾ очень мало / [придав] придаст нам только достоинства и самоуважения, возвысив наш дух ◊
40 зародилось меж нами / родилось между нами
40–43 послужило бы ∾ без дела уставшим / [будет] послужило у нас сверх того бессознательным исходом всех беспокойных умов, всех стосковавших<ся>, всех облепившихся. [Там им полюбится: все воскреснут и умирятся.] Энергию и смелость в нас возродило бы, стойкости научило бы. ◊
43–45 *Текста*: Устройте ∾ все переродятся. — *нет*.
45–46 Даже иная бездарность ∾ свой исход. / Который не [нашел] находит себе места, найдет его там. Даже бездарность найдет его. ◊ *Между строками вписан вариант*: Который себе места прежде не находил
46–47 Ибо часто ∾ чуть не гением. / Ибо часто [так окажется], что здешняя бездарность действительно там вдруг окажется гением.
47–48 Это часто и в европейских колониях происходит. / Это и в европейских колониях случается ◊
48 И не опустеет Россия, не бойтесь / И чего вы боитесь? Не опустеет Россия ◊ *Между строками вписано*: вам бояться?

Стр. 38.

1 немногие / весьма немногие ◊
2 *После*: других. — И все-таки не опустеет Россия. ◊
2–3 *Фразы*: И все-таки для моря ∾ незаметно. — *нет*.
3–5 расправьте ей ∾ будет приметно! / разрешите ей даже как можно [все воз <*не закончено*>] [свободу] больше свободу движения и увидите, что такой ничтожный процент населения пойдет туда, что нам здесь будет даже и неприметно. ◊ *Между строками*: поощряйте переселение даже изо всех сил
6 Где в Азии / Где
7 там сейчас становится земля русскою / сейчас станет земля русскою.
7 *После*: земля русскою. — Довольно одного Уруса на сто мусульман [[и они возьмут верх духом] чтоб стало [царство] край русс<ким> и станут господами в стране. Вспомните такую русскую особенность: умение ужиться с мусульманином. [Да подъем духа [нарастал] возрастал бы в России] Ведь откликнулось бы у нас], чтоб обрусело место ◊ *Между строками вписано*: *1*. духом русские возь<мут> *2*. обрусить место.
7–9 *Фразы*: Создалась бы Россия ∾ ее разъяснила. — *нет*.
9–18 Но для всего этого ∾ в воспитательных домах / для этого — для этого надо взглянуть на это дело как на [будущий] серьезный принцип, именно как на то, что в Азии наш исход, что там наши будущие неис<числимые> богатства, что там у нас океан, что когда в Европе уж от одной тесноты только заведется неизбежный коммунизм, разрушатся отдельные хозяйства, затеснятся около общих очагов, станут жить семействами в меблированных углах, а детей растить в воспитательных домах ◊ *Между строками и на полях наброски*: *1*. и всем им самим претящий *2*. претящий им всем *3*. не дали чем посеять, где варить *4*. Но для колонизации <*зачеркнуто*> *5*. Мы же дома сидя обогатились бы через них.
19 (на три четверти подкидышами) *вписано*.
21 у отцов своих / у отцов
21 не в каменных мешках / не в каменных воспитательных домах на три четверти

21–22 а среди садов и засеянных полей, видя над собою чистое небо / а. *Начато*: а среди садов, чистого неба, засеянных полей, и лесов и еще *б*. а видя чистое небо, среди садов и засеянных полей ◇
22–25 Да, много ∾ спрятано. *вписано на полях.*
23–24 понятия еще составить не можем во всем объеме / представить не в силах ◇
25 там в почве спрятано / еще в песках лежит, в почве спрятано
25 *После*: спрятано. — И, господи, как бы славно было, если б с этим все согласились
25 Но нужен новый принцип. / Но нужен принцип, принцип нужен на время хоть поворота [от Европы], сознательный [и упорный] ◇
25 Новый принцип / Принцип
26 и потребные на дело деньги / и деньги ◇
26 родит / даст
26–27 если уж всё говорить / если уж всё говорить откровенно ◇
27 *После*: к чему нам — там (на время-то по крайней мере, на время), к чему
28 там, в Европе / *а*. повсеместно *б*. повсеместно, в Европе ◇
28–30 столько посольств ∾ персоналом / столь блестящие посольства, с их тонким остроумием и обедами, с представительствами, с подавляющим блеском своим, но и убыточным, персоналом ◇
30–32 И что нам ∾ Бисмарк? *вписано на полях. Далее было*: Не наше всё это дело, по крайней мере, в большин‹стве› случаев
31 и именно теперь / теперь особенно
32 *Над словом*: участи — *вписано*: судьбы его
32 Не лучше ли / *а*. А не лучше ли *б*. И не лучше ли ◇
33 на время, в глазах Европы *вписано.*
35–36 А дома бы ∾ созидаться! / А внутри-то бы собираться, внутри-то бы созидаться. . . ◇ *вписано.*
37 не унизимся вовсе / не унизимся
37–38 в виде аллегории / в виде эмблемы [или] и аллегории ◇
39 вот как будет! / вот как, [но] не [опозорим] опозорили бы себя даже шапоч‹кой›
39–40 догадается и, поверьте, начнет нас тотчас же уважать / [всё поймет] поверьте, начнет уважать ◇ *Далее было начато*: Увидит, как мы расчетливо свой
40 *Слов*: О, конечно, — *нет.*
41 на первых порах *вписано.*
41–42 не отчасти ей и понравится / *а*. и понравится *б*. и понравится ей ◇
42 Коль увидит / А увидит ◇
42–43 вступили / пустились
43 *После*: вступили — не бросаем больше деньги зря, как прежний [крепост‹ник›] помещик, весь в долгах, [и] выдающий себя за богача ◇
43 *Слов*: и решились по одежке протягивать ножки — *нет.*
43–44 увидит, что и мы тоже стали расчетливыми / Как увидит, что мы расчетливы ◇
44 сами первые бережем *вписано.*
45 *Слов*: а не делаем его из бумажки — *нет.*
45 то и они тоже тотчас же / так тотчас же и ◇

Стр. 39.

1 на своих рынках, ценить начнут / и на их рынках повысят
2 даже дефицитов и банкротств / ни дефицитов, ни банкрутств ◇
2–3 а прямо к своей точке ломки *вписано.*
3 сами же придут к нам денег предлагать / *а*. сам нам денег придет предложить *б*. сами к нам денег придут давать предложить
3–5 и предложат уже ∾ дело делать / как уже серьезным людям, а не брандахлыстам прежним, — людям, которые [умеют] уже научились как дело делать и к чему приступать ◇

8–9 Постойте, — слышится голос ∾ мы уйдем от него? / *а.* Позвольте, вы вот [о папе] об Гамбетте, позвольте однако же, как можно нам отвернуться от тамошних дел? Ну, а Восточный вопрос, на первый хоть случай, ведь он же останется? *б.* Постойте, вот вы про Гамбетту, но нам нельзя бросить хоть бы Восточный вопрос на первый случай. всех он держит, ведь он останется. Как мы от него уйдем? ◊ *Рядом наброски*: *1.* Но нам нельзя бросить. И вот хоть на *2.* Как нам оставить

12 ни единого политического ума / *а.* ни единого ума *б.* ни единого прозорливого ума ◊

13–14 *Текста*: (кроме разве как в отдаленном, загадочном еще нашем грядущем) — *нет.*

15 больше ждать / ждать ◊ *Рядом на полях*: коли то разумеется

16 *Слова*: заключается — *нет.*

17–18 поощряемых князем Бисмарком / и в поощряемых Бис‹марком›, поощряемых Германией ◊ *вписано.*

18 и будем, конечно, протестовать / *а.* протестовать *б.* конечно, протестовать ◊

18–19 *Слов*: в крайних уж каких-нибудь случаях — *нет.*

19–20 но пока эти обе нации ∾ потрясений? / но пока они вкупе, что же мы можем сделать без огромных потрясений, которых нам они ‹*нрзб.*› ◊ *вписано.*

20–22 Заметьте, что союзникам ∾ наконец рассердились. / *а.* ведь им-то, союзникам-то, может быть, только того и хочется, чтоб мы наконец рассердились *б.* Заметьте, что им-то, союзникам-то, может быть, только того и надо, чтоб мы рассердились. ◊

22 *После*: рассердились. — *а.* Для чего же сердиться, чтобы их тешить. *б.* А потому [лучше бы избегать][зачем же] зачем теперь сердиться ◊

23 поощрять и любить / *а.* лелеять духовно и по возможности, более в настоящую минуту нельзя ничего *б.* любить, лелеять и по возможности сохранять ◊

23 *Слов*: даже помогать им чем можно при случае — *нет.*

24 К тому же очень-то они не погибнут *вписано.*

24–25 *Текста*: в какой-нибудь срок. ∾ скоро кончиться. — *нет.*

25–28 Ведь только бы ∾ еще скорее перессорятся. / А вот только бы лишь вид показали, что в Европу уже вмешиваться более не хотим, или не столь хотим, то ведь и Восточный вопрос начал бы там разрушаться. ◊

29 за ее прекрасные глаза / *а.* лишь pour des beax yeux *б.* лишь за прекрасные глаза ◊

29–30 Ведь она слишком знает, напротив / *а.* Ведь она очень ясно и всегда видит *б.* Ведь она и теперь очень ясно всё это видит ◊

30–31 все-таки надо, в конце концов / надо

31–32 к германскому единству присоединить / к единству теперь присоединить ◊

32–33 А своих немцев Австрия ∾ до того их дорого ценит! / А этого Австрия ни за что не уступит, даже за Константинополь.◊ *вписано.*

33–40 Матерьял-то для распрей ∾ продолжает грозить. / С другой стороны: устранись мы из Европы [они тотчас же] тотчас они там еще скорее передерутся [чем при нас]. Теперь же мы им мешаем, они нас боятся, не знают, к кому мы примкнем. А матерьялов для распрей там страшно и без нас много. Ведь распри Франции и Германии не окончены. Там единство не только не завершено, а даже колеблется, социализм существует и вовсе не умер [— о, там много элементов раздора].◊

40–41 Одним словом ∾ не вмешиваться / *а.* Нам лишь стоило бы дождаться, отнюдь не вмешиваться *б.* Нам лишь стоило бы в стороне дождаться, не слушать ничего и не вмешиваться ◊

41–43 и чуть только грянет там ∾ покончить и Восточный вопрос / А как начнется [там] у них погром, и мы вдруг в одну минуту весь Восточный вопрос наш разрешить тогда можем ◊

44 *После:* франко-прусскую бойню — (ибо была не война, а бойня, армий у французов ведь не было) ◊
44–45 вдруг заявить, как тогда насчет Черного моря мы заявили / *а.* мы можем вдруг сказать, как и тогда сказали насчет Черного моря *б.* мы можем вдруг хотя бы объявить, как например тогда заявили насчет Черного моря ◊
46–47 Не желаем-де ∾ с Австрией вместе. / не хочу, дескать, захватов Австрии признавать, и тогда исчезнут захваты Австрии в одно мгновение, а может, и сама Австрия тоже. Вот пока в чем Восточный вопрос. ◊
48 *Фразы:* Вот и наверстаем ∾ упустили. . . — *нет.*

Стр. 40.

1 *Фразы:* Вы упускаете Англию. — *нет.*
1–2 Увидав наше стремление в Азию, она тотчас взволнуется. / увидав, что мы стремимся в Азию, она сильно взволнуется. Без нее не обойдется. ◊
3–4 *Фразы:* Англии бояться ∾ пословицей. — *нет.*
4 Да и ничем новым / *а.* Ничем *б.* Ничем новым ◊
5 *После:* теперь. — И если хотите, наше мирное, культурное движение в Азию, может быть, именно послужит [на] первым шагом к миротворному разрешению наших недоумений с Англией ◊
5–6 Напротив, теперь-то мы и держим / ибо теперь, *сидя дома*, мы только держим ◊
7–9 Когда же поймет ∾ своих опасений / *а. Начато:* Когда же увидит чисто культурное движение наше *б.* Если же мы откроем побольше корней, [тогда же] она [может быть], пожалуй [больше] лучше поймет характер движений наших в Азию и в первый раз, может быть, сбавит многое из своих опасений. ◊ *На полях набросок к окончательному тексту:* Когда же поймет [наш] настоящий культурный характер нашего движения в Аз<ию>
9–10 Впрочем, я согласен, что не сбавит и что до этого еще ей далеко. / Впрочем, я согласен, что до этого еще далеко. . . ◊
10 Но, повторяю / *а.* Но, довольно, пока *б.* И пока довольно! ◊
11 никуда не ходить / в [лес] Азию не ходить ◊
12–13 *После:* солдатики / и да не забудем [никогда] Геок-Тепе ◊
13–14 *Текста:* и вечная память ∾ их занесем. — *нет.*

Варианты стенограммы А. Г. Достоевской[1]

<Глава первая (§§ III—V), глава вторая (фрагмент § I)>

Стр. 12.

34–35 *Заголовка:* III. Забыть текущее ради оздоровления корней. По неуменью впадаю в нечто духовное. — *нет.*
40 характер / или характер ◊

Стр. 13.

7 разумеется, тотчас же раздается / вот, конечно, сейчас раздастся п ◊
18–19 *После:* не заботился — и из прежних и особенно нынешних ◊
19 а уж особенно / особенно ◊
43–44 уже в новое текущее / уж теперешнее ◊
45 теперешнее наше текущее / теперешнее ◊
47 И что же / Но что же ◊

---

[1] В ряде мест стенограммы оставлены пробелы. По всей видимости, А. Г. Достоевская не успевала сделать запись за диктовавшим ей Достоевским. Эти пробелы нами оговариваются лишь в приводимых вариантах.

Стр. 14.

1 о платежах по займам / о платежах ◊
3 что и я / что я ◊
5 именно начав / начав ◊
9 доселе никогда / доселе ◊
10 сейчас же / сейчас ◊
14 забвения текущего, в каждый / забвения, забыть, что каждый ◊
17–18 *Слов* — который взять — *нет.*
18 поставить перед собой и затем / поставить, затем
18 О, на это всё тот же вопрос: куда ж девать текущее-то / О, опять всё то же: куда ж текущее ◊
23 на одну двадцатую долю ежегодно / на одну 20 ◊
24–25 обратить это / обратить ◊
30 оно всё не утратится / оно вовсе не утратится ◊
30 *Слов:* вовсе не похерится — *нет.*
45–46 несмотря на то, что па / а на ◊

Стр. 14—15.

48–1 и отнимите Париж у Франции / отнимите Париж ◊

Стр. 15.

3 воображают иные / воображают ◊
5 *После:* живет — без которого народ русский не может и не хочет стать. Во всем же остальном ‹*пробел*› Петербург для России имеет значение [весьма маленькое] весьма даже небольшое. Правда, в нем и царские слуги живут, но народ может их представить себе и во всяком ином месте, кроме Петербурга, если бы царь покинул его.◊
8–9 замкнувшись от нее в своем чухонском болоте / замкнулась от нее в чухонском болоте ◊
10 *Слов:* до размеров микроскопических — *нет.*
11 Но выгляните / А между тем выгляните ◊
14 отрицает море народа русского / отрицает и море. море народа русского ◊
18 косное и бессознательное / косное или бессознательное ◊
23 *После:* русские люди — вот возьму, например. . . ◊
31 многое народом понято / многое понято ◊
32 *После:* не поверили бы. — Это видится, оно предчувствуется
33 человека / человечка ◊
39 не верить своим пяти чувствам / не верить ◊
43 *Слов:* повторяю это — *нет*
43–44 своего высокомерия / своей спеси
44–45 капельку больше / капельку ◊
46 *После:* каким бы — повторяю это◊

Стр. 16.

1 старые, истрепанные славянофильские бредни / славянофильские бредни ◊
1–2 *Слов:* совсем даже не реальное, а какое-то даже духовное — *нет.*
3–4 *Фраз:* И что за корни? Какие корни? — *нет.*
5 начнем об самих «корнях» / [и я перехожу] начнем об «оздоровлении корней». Но ведь эта тема — это тоже море-океан в своем роде, и где мне с ней справиться? А потому я лишь смиренно укажу лишь на 2-3 пути и примера, потому что путей этих, то есть чтобы оздоровить корни, множество, перечислять их нет возможности, да и разглядеть их вовсе нет возможности. Беру для пробы 2-3 идеи, и, увы, опять-таки убежден заранее, что и их не поймут, потому что я и их не сумею выразить во всей полноте, то есть настолько полно для всех, как я их сам один понимаю. Тут будет опять моя вина или петербургский фатум. ◊

6–9 *Заголовка:* Первый корень ∾ полезного для финансов. — *нет*,
12 *Слов:* всё тот же море-океан — *нет*.
12–13 о котором я сейчас мою речь завел / о котором я сейчас говорил, об котором мою речь завел ◊
15 *Слов:* про море-океан — *нет*.
24 *После:* здорова — болезнь же почти внешняя ◊
24 болезнь / она ◊
27 и выхода к ней беспрерывно и всё не находит / и выхода к ней не находит ◊
33 после великого освобождения его / после его освобождения
34–35 стало глубоко вериться / стало вериться ◊
42 *После:* «Русь». — Явились кулак и мироед ◊
43 *Слов:* пьяное море как бы разлилось по России — *нет*.
44 но все-таки жажды / но жажды ◊
45 правды уже полной / правды полной ◊

Стр. 17.

22–23 а после этого чтения отступились / и отступились ◊
29 уж теперь тянет / необычайно тянет ◊

Стр. 18.

2–3 прогрессивная интеллигенция / интеллигенция ◊
3–4 мимо народа / мимо людей ◊
15 *После:* а вы от него. — Вы как бы находили и мои слова ◊
21 в некоторых из нас / во многих случаях ◊
23 *После:* права — и пребывает в нас несомненно ◊
23–26 *Слов:* Началось же оно ∾ воскрес народ — *нет*.
28 Тут повторю / С другой стороны, повторю ◊
28 весьма старые мои же слова / мои старые слова ◊
31 *После:* *В сущности* — (о, я повторю, что давно говорил) ◊
31–32 и нет никакой / и нет ничего ◊
34 есть у него / есть ◊
44 *Слов:* на предрассудки — *нет*.

Стр. 19.

10 неустанная жажда ее / уж сознательная даже жажда ее ◊
10–11 *Слов:* иной раз даже почти бессознательная — *нет*.
12–13 Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского / Не западным коммунизмом, не механическими формами жаждет спастись ◊
15 *Фразы:* Вот наш русский социализм! — *нет*.
17–18 других «идей» / других причин и «идей» ◊
19 миросозерцании / взгляде ◊
30 *Слов:* таким, каким бы желал его видеть и — *нет*.
31 *После:* напредставит его — так и бывает сплошь, представят себе совершенно обратное тому, что есть в самом деле, и таким образом постоянно пребывают в мире фантастическом, а не реальном. ◊
31–34 *Фразы:* А так как народ ∾ опасное столкновение. — *нет*.
34 Ибо вышесказанная формула / Вышесказанная формула ◊
36 человека / человечка ◊
36 сперва / сначала ◊
37 *Слов:* точно таков как я — *нет*.
40 ибо народ / О, народ ◊

Стр. 20.

7 *Слова:* теперь — *нет*.
13 годовые бюджеты / бюджеты ◊
16–17 *Слов:* О, совсем не просвещение — *нет*.
18 *Слов:* все-таки пребывает и — *нет*.
28–29 *Слов:* а без нравственного спокойствия — *нет*.

35–36 не пускаюсь / не пущусь ◊
42 *После:* неисчислимое — и все переменилось ◊
45 не случилось в нем большого волнения / нет-нет да и не разбушевалось ◊

Стр. 21.

1–2 *Заголовка:* V. Пусть первые скажут ∾ уму-разуму поучиться. — *нет.*
4–5 *После:* достоин его. — Я говорю в эту минуту про простой народ, про рабочий, про крепостной. ◊
9 по местам, по уездам, по хижинам / сидя по местам, по уездам ◊
11 весь вкупе / весь сообща ◊
16 с мужиком проскочит / проскочит ◊
16 *Слов:* но ведь и тот мужик — *нет.*
20–21 формул особенных совсем / формул и форм никаких ◊
34–35 *Слов:* страшными для народа двумя веками — *нет.*
39 *После:* дождался — освободителя царя, освободителя детей своих ◊

Стр. 22.

1 *После:* осуществились — (в освобождении народном от крепостной зависимости) ◊
1–2 от дальнейших надежд / от него ◊
5 *Слов:* к царю — *нет.*
9 *Слов:* как эта органическая, живая связь народа с царем своим — *нет.*
13 вера народа / вера ◊
14 *После:* беду — ‹*нрзб.*› всякую реформу (у нас если бы она могла только), то есть важно ‹*пробел*› всё народное, если бы она могла возникнуть не на этом адамант‹овом› основании — всякую реформу эту не примет и отвергнет народ наш. ◊
15 силы народные / силы ◊
23 *Слов:* у нас — *нет.*
25 но вековое / Это дело у нас вековое ◊
26–27 Так как же после этого (уже по этому только одному) / Главное же то, что как ни у кого и никогда не бывало, ни у какого народа — как же ◊
27–28 не особлив ото всех народов / не особлив ◊
28 *После:* идеи? — Ибо здесь власть есть лишь власть, и только, есть Егова, а у нас есть Отец, так народ решил, так восхотел. ◊
28–29 напротив / после этого ◊
34–38 *Текста:* Вот чего не понимают ∾ как нигде в Европе — *нет.*
38 то вот вам / И вот вам ◊
43 на этом же / на этом же самом ◊
48 не бывало / не было ◊

Стр. 24.

2 *После:* заблуждения их. — Для мнения европейских народов ‹*пробел*› был бы деспотом, ну, так как же нам понять ‹*пробел*›: «Самодержец-отец». Уж по сему одному они страшно много в нас и не могут понять, нас отвергают, нас даже презирают за это. ◊
14–15 *Слов:* да и нас не обидит, коли об нас речь зайдет — *нет.*
15–16 *Фразы:* Пусть постоим и поучимся ∾ правду говорить. — *нет.*
17–18 и реальности ума его, серьезности этого ума / и честности его и уму его ◊
18–21 *Текста:* Вы скажете ∾ вызовет разум. — *нет.*
23–24 деловитости и серьезности / премудрости ◊
25 *После:* мало — они будут только смешны и безвредны
36 начало и первый шаг / начало ◊
45–46 познакомясь столь близко / познакомясь ◊

Стр. 25.

2 хорошего дела / благого дела ◊
17 слияние сословий / слияние сословное ◊
20 *Слов:* и многое почтут — *нет.*
29 *После:* сказать — рано ли, поздно ли, но хотя когда-нибудь ◊
35 с основными началами / с идеями ◊
36 так сильно восстать / восстать ◊
37 *После:* и даже очень. — Да и образование-то и наука-то сама <*пробел*> в долгу <*нрзб.*> и наши ученые <*пробел*> разрешить загадку свою о том, что это такое за вещь « <*нрзб.*> долг в науке»? ◊
38 *Слов:* весьма может быть, что — *нет.*
38–39 началось бы у нас именно с этого шага / воцарилось бы разом ◊
39 надежда / новая надежда ◊

Стр. 25—26.

48–2 разъяснено, освещено ∾ навело бы на мысль / разрешено великими делами ◊

Стр. 26.

3 не поймут всего / не поймут меня ◊
20 правда о многом / правда о деле ◊
21 убережет многих из нас / убережет впредь многих ◊
30–31 *Заголовка:* I. Остроумный бюрократ. Его мнение о наших либералах и европейцах. — *нет.*
32 первую мою главу / мою главу ◊
33 *После:* скучно. — *начато:* Тем не менее
34 еще хотелось бы / хочется ◊
37 поневоле / без того
40 эти голоса / это ◊
41 *Слов:* а. . . баловство — *нет.*
43–44 *Фразы:* В следующих номерах дайте повесть. — *нет.*

Стр. 27.

5 сидим / пребываем
10–11 многое могло бы даже сейчас же осуществиться / сейчас осуществится ◊
12–14 *Текста:* мух из патоки повытащить ∾ стало сидеть. — *нет.*
19–20 разъяснять неустанно в будущих моих номерах «Дневника» / разъяснять в будущих моих статьях о «письмах», если к ним ворочусь. А теперь пока пусть это останется в некотором <*пробел*> необходимости. ◊
21–22 остроумным бюрократом / умным бюрократом ◊
23 изрек / сказал ◊
23–24 *Слов:* касающихся изменения — *нет.*
25 как раз / именно ◊
25–26 но специально в смысле / в смысле ◊
26 финансовых средств наших / государственных средств ◊
28–29 в этом смысле / в этом именно смысле ◊
32–33 именно на пятьдесят тысяч солдат / хотя на пятьдесят тысяч ◊
34 *Слов:* армию нашу — *нет.*
39–40 но на такие ∾ радикальной жертвы / но именно на «текущие», а пожалуй, и на такие, без которых очень бы можно было прожить, вовсе не употреблять ◊
43 все-то там / все-то там друзья наши ◊
46 *После:* денежки. — Вот если бы они пошли на дела текущие, тогда бы было дело другое.
47 настоящее дело / настоящее, а не фантастическое дело ◊

‹Глава первая›

Стр. 5.

16 и в смысле этом рекомендуется / и рекомендуется экономистом и всякий редактор теперь экономист. Всякий сотрудник чуть не выговаривает: «И я тоже стал экономистом».
17 кто может теперь не быть экономистом *вписано.*
20 *После:* финансах — да и как не рассуждать о наших-то финансах!
31 всё та же косная масса / косная масса» ◊
32 масса *вписано.*
35 развелось / тогда развелось

Стр. 6.

8 вдруг спрашивает / вдруг входит и спрашивает
12—13 и, уж конечно, тут отчасти / Опять-таки как не писать, хотя, впрочем, тут отчасти
14—15 *Слов:* не интересуюсь — *нет.*
17—18 хоть и истинные гражданские боли, а *вписано.*
18 почти везде всё / все везде

‹Глава вторая›

Стр. 26.

29—31 *Заголовок:* Глава вторая. I. Остроумный бюрократ. Его мнение о наших либералах и европейцах. — *вписан.*
32 первую *вписано.*
32 и статью / мою статью
34 еще хотелось бы / хочется
37—38 поневоле пришлось бы / без того пришлось бы
40 предчувствую эти голоса / предчувствую это
41 а. . . баловство *вписано.*
42 мистического / почти мистического
43—44 В следующих номерах дайте повесть. *вписано.*

Стр. 27.

12—14 мух из патоки повытащить ∾ и сладко стало сидеть. *вписано.*
19—20 разъяснять неустанно в будущих моих номерах «Дневника» / разъяснить в будущих моих статьях о финансах, и если только к ним вернусь. А теперь пока пусть это останется в некотором мраке неизвестности.
21 довольно даже остроумным / весьма даже умным
22 изрек / сказал
23—24 касающихся изменения / касающихся до изменения
25 как раз о финансах / именно о финансах ◊
25 но специально *вписано.*
26 финансовых средств наших / государственных сил и имуществ
32 именно / то есть ◊
33 солдат *вписано.*
34 армию нашу *вписано.*
35 прекрасно бы / прекрасно бы было бы
37 промелькнут опять / промелькнут
39—40 но на такие ∾ радикальной жертвы / но именно на «текущие», а пожалуй, и на такие, без которых очень бы можно было прожить, их вовсе не удовлетворяя ◊
45 то есть текущем / только текущем
47 на настоящее дело / на настоящее, а не на фантастическое дело ◊

Стр. 28.

1 положил / захотел
6 довольно часто / беспрерывно
7–8 в результатах выходит, что *вписано.*
8 как бы всё увеличиваются / всё увеличиваются
16 Другие возражали / Другие прибавляли
19 можно бы / можно
20 вовсе без ропота *вписано.*
23 против теперешнего / против прежнего
25 даже и он / он
25–26 не возразил / не возражал ◊
26–27 И при четырех, дескать / будет, дескать, и четыре, то и тогда
27 стало быть, не счел же этого / стало быть, же не счел это
31–32 показались мне ∾ даже идею / показались мне любопытными, заключавшими в себе некоторую как бы ‹*оставлено место для одного слова*› даже идею
35–36 спешу и сам сознаться / спешу сознаться
46 прочее / прочие
47 так было / то есть

Стр. 29.

3 двести лет / *а. Как в тексте. б.* полтораста лет
3 не нарушался / не нарушился
5–6 и прочее *вписано.*
6 Оказалось / но. . . оказалось
7 начало/стало
11 и великом национальном деле / и национальном деле
14–15 не очень стараясь о том сами / не стараясь [осо‹бенно›] о том особенно сами
18 выросла / уже выросла
19 зиждем и сохраняем / сохраняем
20–21 мы-то сами, как установление, а затем и вся наша деятельность / мы-то сами, во всем ‹*оставлено место для одного слова*› нашем и нашей деятельности
27–28 и, главное, всё стоит и не падает / всё стоит, не падает
28 именно то-то и главное, что пока не падает / вот ведь это главное, что не падает
28 *После:* не падает. — Почему же не падает? Потому что вековой принцип стоит, а не падает.◊
29–30 пожалуй, что и не *всё* / не *всё*
32 зато / но зато
32 уже реальное / реальное
36–37 так, чтобы ничего не упало *вписано.*
39–40 не слетавший / не слетевший
43 мы виноваты / вы виноваты
44 будто мы стараемся преобразить / мы преобразили
47–48 и благороднейший принцип / за благороднейший принцип
48 и бесполезный / *а. Как в тексте. б.* а бесполезный ◊

Стр. 30.

1–2 то есть слишком мало / слишком мало
2 сам в нерешимости *вписано.*
4 даже / сам даже
5 полез он / лезет он ◊
8 всё тянется / всё тянет ◊
8 долго еще / долго
8 будет тянуться / будет тянуть ◊
8–9 Вы опять не верите / Вы не верите
11 разрешите ей все возможности / разрешите возможности

12 даже формально / формально
12 и со строгостью *вписано.*
14–17 все какие есть журавли ∾ скопируют / сами собою кончут тем, что станут чиновниками, дух наш и образ примут, запросятся сами же к нам
17 выборный мужик / выбранный мужик
17 к нам *вписано.*
22 как-нибудь *вписано.*
24 духу века соответствующее *вписано.*
25 или что или там что
32 *После:* вредным — несравненно более вредным, чем полезным
34 *После:* формулу — на которой стоим мы и числимся вот уже почти два века
34–35 если только у вас ∾ на такое дело *вписано.*
35–33 да ведь это будет изменой ∾ европейцы / Да ведь это измена всему нашему русскому европеизму, это отрицание того, что и мы, русские, европейцы

Стр. 31.

2 с ними / с вами
4 заодно с ними / заодно
5–6 наш дух заключен и даже наш образ / наш дух и наш образ, вся наша формула
7–8 это мы-то лишь одни ∾ всей формулы / это мы самые и есть. Мы-то и есть настоящая формула
9–10 Мы одни и ее толкователи. / Мы ее воплощение, мы ее толкователи.
12 станут / будут
17 предварительная культура / культура ◊
19 ныне / теперь
20 сокращены и облегчены / сокращены
25 не возражал ему / не возражал
25–26 именно как бы «нечто» / нечто, именно «нечто»
26 действительно существующая *вписано.*
27–23 И притом таким тоном говорят лишь люди отходящие. / Да и так резко и решительно действительно говорить могут лишь люди отходящие
29 *После:* «нечто» — над чем нельзя не призадуматься
30 *Заголовок:* II. Старая басня Крылова об одной свинье. — *вписан.*
31 наконец совсем уже *вписано.*
32 одну / лишь одну
35 еще когда я начал собираться / когда я собирался
39 Но это всё равно, она и к нам подходящая. / Мне же кажется, что ее бы можно приложить и к настоящим корням, к тем самым, о которых заговорили.
33 Вот эта басня: / Это басенка об одной свинье.

Стр. 32.

10–11 Хороша басенка? И неужели мы согласимся походить на такой портрет? *вписано.*
12 *Заголовок:* 3.[1] Геок-Тепе. Что такое для нас Азия? — *вписан. Выше рукою А. Г. Достоевской:* NB. Дневник писателя. Продолжение главы второй.
16 чрезвычайно равнодушно / *Начато:* с чрезвычайным р‹авнодушием›
22 *После:* о, нет, — но даже и молчавшие, даже никакого мнения не высказывавшие, всё же обнаруживали чрезвычайное равнодушие, почти затаенную неприязнь к нашим новым приготовлениям к войне с текинцами.

---

[1] *В печатном тексте:* III.

22 но всё же надо сознаться, что / Сознаться надо, что и вообще
23 весьма многие *вписано.*
24 неизвестность / полная неизвестность
33–34 европейская наша Россия / Россия
36 добыть / найти

Стр. 33.

1 *После:* Ломакина — именно по всей Азии
3 был поколеблен / поколебался
5 в воображении их / в воображении
5 *После:* стоять — *а.* превыше всех на всем мусульманском Востоке, даже *б.* превыше всего и всех на всем мусульманском востоке ◊
9 есть царь и калифу / есть царь и калифа
14 Потому необходимость / Потому необходимо
22–23 взгляд наш на Азию. Надо прогнать лакейскую боязнь / взгляд наш на Азию и лакейская боязнь того
32 стоили / стоил
33 и утратою / *а. Как в тексте. б.* [отчасти] частью и утратой
34 наконец *вписано.*
35 ушло у нас / ушло
36 *После:* а не азиаты. — и наконец, и затемнением рассудка нашего. ◊
37–38 необходимый и спасительный вначале *вписано.*
38 был все-таки слишком силен / *а.* был очень силен *б.* был все-таки очень силен ◊
41 *После:* татар — (Grattez le Russe, vous trouverez un tartare!)

Стр. 34.

5 именно тогда / именно
8–9 теперешний Восточный вопрос / Восточный вопрос
10 *После:* разрешен — а может быть, Константинополь был бы уже наш
14–15 еще слабы тогда / слабы
15–16 Наполеон / Наполеон бы
19 Но мы всё отдали за картинку / Но мы сделали иначе ◊
21–22 с злейшими подозрениями / с злейшим подозрением
29–30 сильнее нас стали / сильнее нас
32 междоусобие / междоусобия ◊
32 *После:* когда — *начато:* нам уг<рожала>
35–36 Кончилось тем, что теперь всякий-то / Теперь, усилившись и устроив себя, нам же отчасти благодаря, всякий-то
36 держит / держит теперь
39 роль Репетилова / роль вроде Репетилова
44 их друзья и слуги / их слуги

Стр. 35.

8 просвещение / просвещение и цивилизацию ◊
9 ближе по духу / ближе
11 в человечество / в человечестве
17 на этот раз / *а. Как в тексте. б.* в этом случае
29 хотя там / хотя они
30 сознаются / сознают
32 послуживших уже / послуживших
33 Но ни за что, однако же / Но ни за что, однако же, и никогда
33 не поверит теперь / не поверит
36 Канта / Конта
38 они и правы / она и права
42 не признает / не причтет
43 считает / и считает
44 им / *а. Как в тексте. б.* ей
45 им / ей

Стр. 36.

5–6 новый взгляд на дело *вписано.*
15–16 ни отрывались / ни отрывать
16 оставлять Европу совсем / оставить Европу
41–42 лентяи / все лентяи

Стр. 37.

2 нас / его
11 было бы уже / было уже
12 вместо нас / *Начато:* на нашем м‹есте›
27 *После:* провели! — Ну так ведь это же европейцы, а всё же не мы. Сами же вы называете нас азиятами.
28 Ну, так как же вы восклицаете / Восклицаете ◊
32 и сами / и сами же ◊
41 исходом / бессознательным исходом
41–42 многочисленным беспокойным умам, всем стосковавшимся, всем обленившимся, всем без дела уставшим / многочисленных беспокойных умов, всех стосковавшихся, всех обленившихся, всех без дела уставших
43 Устройте / Создайте ◊

Стр. 38.

3–4 расправьте / развяжите
7 Создалась / *Начато:* Обр‹азовалась›
14–15 претящий им самим унизительный коммунизм / претящий им всем коммунизм
23 понятия / *Начато:* пр‹едставления›
35–36 А дома бы тем временем ∾ создаться! *вписано.*
38 про шапочку / про шапочку-то
41–42 отчасти ей и поправится / и понравится ей
42 Коль увидит Увидит
44 стали расчетливыми / стали расчетливы

Стр. 39.

10 *После:* вопроса — слилась
20 теперь *вписано.*
21 союзникам / союзникам-то
25 очень скоро кончиться / очень скоро как кончиться
26–27 не желаем / не хотим
27 без нас-то оставшись / без нас
29 *После:* возлюбила — за
32 до того их дорого ценит *вписано.*
41–42 грянет там ← у них распря / грянет европейская распря.
42 «политическое равновесие» / политический строй
43 Восточный вопрос / весь Восточный вопрос

Стр. 40.

3–4 переделанною на новый лад пословицей *вписано.*
3 и держим / именно держим [1]

---

[1] *Ниже подпись:* Ф. Достоевский. *На обороте страницы рукою А. Г. Достоевской:* Насчет Вост. вопроса, — это мы потом, когда больше будет времени и места. И поверьте, скажу вам тогда самое подходящее к теперешнему спору

— Ну, а Англии бояться

вычеркнуть

‹В АЛЬБОМ О. А. КОЗЛОВОЙ›

(Стр. 119)

Варианты чернового автографа (ЧА)

Стр. 119.

22 Посмотрел ваш альбом и позавидовал. / *а.* Пересмотрел весь Ваш альбом и позавидовал ему; как *б.* Перелистал этот великол‹епный› альбом и позавидовал, пожалел, что сам, лет тридцать тому назад [начиная жить] не завел такого же. ◊

22–23 Сколько друзей ∾ имена! / *а.* Сколько друзей, приятелей ваших вписали на этих прекрасных листах свои мысли. По крайней мере *б.* Сколько друзей, приятелей Ваших вписали в эту роскошную памятную книгу свои име‹на›.◊

23–24 Сколько живых мгновений ∾ листы! / *а.* Сколько хороших мгновений этой жизни напоминают эти имена *б.* Сколько хороших или, вернее, живых мгновений пережитой жизни напоминают эти листы. ◊

24–25 Я сохраняю / У меня [есть] сохраняется ◊

25 которых / которых я ◊

26 в жизни / в моей жизни ◊

26 *После:* в жизни — и которых уже нет на свете.◊

26–29 и что же? ∾ и мучения. / *а.* Мне очень приятно, что я имею эти карточки; но почти никогда не смотрю на них: [боюсь] чем умиленнее, чем прекраснее воспоминание [от него], тем более от него страдания *б.* для меня воспоминание равносильно страданию [и даже чем счастливее воспоминание, тем более] счастливый на моме‹нт› или несчастный всегда *в.* Мне очень приятно, что имею их изображение; но почти никогда не смотрю на них: чем умиленнее, чем прекраснее воспоминание, тем более от него страдания.◊

29 В то же время / *а. Начато:* И вместе *б.* И в то же время

29 я / я сам ◊

30–31 и, серьезно ∾ *начать* мою жизнь. / и всё *собираюсь начать* мою жизнь.◊

31–33 а я всё еще ∾ лишь ее начинаю. / а я еще не знаю, оканчиваю ли я жизнь мою или только еще начинаю.◊

ПРИМЕЧАНИЯ

В двадцать седьмом томе Полного собрания сочинений Достоевского завершается публикация его журнального и вообще литературно-публицистического наследия. В томе этом печатаются: 1) январский выпуск возобновленного Достоевским после завершения романа «Братья Карамазовы» «Дневника писателя» за 1881 г. — последний, который автор успел подготовить и который поступил в продажу уже после его смерти; 2) записная тетрадь 1880—1881 гг., содержащая размышления и заметки полемического характера, наброски для этого и последующих, неосуществленных, выпусков «Дневника»; 3) материалы, не предназначавшиеся Достоевским для печати дневникового и автобиографического содержания, извлеченные из записных тетрадей и других рукописей писателя и не вошедшие в предыдущие тома Полного собрания сочинений ввиду их личного характера; 4) дополнения ко всем предыдущим томам — художественные и журнально-публицистические тексты 1864—1880 гг., которые были разысканы (или назначение и время написания которых были определены) после выхода соответствующих томов Полного собрания сочинений.

Кроме того, том содержит отдел «Приписываемое Достоевскому» («Dubia»). Здесь помещены те анонимные статьи из журнала «Время» и газеты-журнала «Гражданин», приписанные Достоевскому В. В. Виноградовым, Л. П. Гроссманом и другими исследователями, для атрибуции которых писателю (или для того, чтобы признать возможной и весомой долю его авторского участия в них), по мнению редакции, есть серьезные основания; тем не менее вопрос об авторстве Достоевского для статей данного раздела остается и сегодня, как представляется редакции, не решенным окончательно, требует дальнейшего изучения. Вслед за этими статьями помещены списки: 1) произведений Достоевского, известных нам по названию, но остающихся до настоящего времени не разысканными; 2) статей и заметок, хотя также в разное время приписывавшихся Достоевскому, но либо, как установлено ныне, не принадлежащих его перу, либо для которых авторство Достоевского представляется редакции менее вероятным, чем авторство других лиц, печатавшихся в том же журнале (соответствующая аргументация сжато приведена вслед за названием каждой статьи); 3) произведений, переведенных Достоевским, либо отредактированных им как редактором журнала и несущих на себе более или менее ощутимую печать его стилистической правки (что не дает нам, как представляется редакции, права рассматривать их как выражение его личной авторской позиции и писательской творческой личности, но делает эти произведения заслуживающими внимания тех, кто специально изучает журнально-редакционную работу писателя).

В конце тома помещены указатель имен к томам XVIII—XXVII, алфавитный указатель произведений, помещенных в этих томах, и список замеченных опечаток.

Из журнальных заметок, приписанных Достоевскому и входивших в прежние издания его статей, в настоящем издании из корпуса заметок Достоевского исключены, как не принадлежащие ему, три анонимные заметки: «Желание», «Из текущей жизни» («Поток жизни неудержим...») и «От редакции (к корреспонденции из Германии)» (*1926,* т. XIII, стр. 527—528; 452—453; 455—457; ср.: наст. том, стр. 181, 183, 184). Вместе с тем в тома XVIII—XXVII впервые включен ряд других материалов, принадлежность которых Достоевскому установлена позднее (или доля участия писателя в которых представляется настолько значительной и весомой, что позволяет считать его их соавтором).

По предварительному плану (см. наст. изд., т. I, стр. 11) предполагалось, что статьи Достоевского и «Дневник писателя» займут в нем тома XVIII—XXIV Полного собрания сочинений, а тома XXV—XXX будут отведены под письма. Однако печатание публицистики Достоевского и рукописных материалов к ней, которые до выхода академического издания не были расшифрованы полностью и объем которых невозможно было точно определить заранее, потребовало бо́льшего количества томов, чем было отведено для нее первоначально. Поэтому последние три тома Полного собрания сочинений (XXVIII—XXX), где печатаются письма Достоевского, будут состоять — каждый — из двух полутомов.

Текст «Дневника писателя» 1881 г. и все рукописные материалы к нему и варианты подготовила Г. В. Степанова, текстологический редактор — И. А. Битюгова. Текст записной тетради 1880—1881 гг. подготовлен И. Д. Якубович, «Из текущей жизни» — И. А. Битюговой, «Ответ на протест» — В. А. Викторовичем, другие статьи раздела «Dubia» — В. А. Тунимановым. Все остальные материалы тома (записи личного и издательского характера, альбомные записи, дополнения к предыдущим томам) подготовила Т. И. Орнатская.

Примечания к тому составили: А. М. Березкин (реальный комментарий к «Дневнику писателя» 1881 г. и подготовительным материалам), И. А. Битюгова («Из текущей жизни»), В. А. Викторович («Ответ на протест»), Т. И. Орнатская (записи личного и издательского характера, альбомные записи, дополнения к предыдущим томам), В. А. Туниманов («Дневник писателя» 1881 г., записная тетрадь 1880—1881 гг., статьи в разделе «Dubia», кроме указанных выше), Г. М. Фридлендер (вводная заметка, общая преамбула к отделу «Приписываемое Достоевскому» списки произведений, приписанных Достоевскому и отредактированных им, которые не вошли в состав данного издания; при участии А. М. Березкина, Н. Ф. Будановой и В. Е. Ветловской).

Указатель имен к томам XVIII—XXVII и алфавитный указатель произведений, помещенных в этих томах, составили Г. В. Степанова и И. Д. Якубович.

Редакционно-техническая работа по подготовке рукописи тома к печати осуществлена Г. В. Степановой.

Редактор XXVII тома — Г. М. Фридлендер.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ. 1881

(Стр. 5)

Источники текста

ЗТ — Записная тетрадь (заметки, наброски, перечни тем, записи о прочитанных статьях из газет и журналов. См. наст. том, стр. 42—87). 1880—январь 1881 г. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.17, стр. 1—58 (авторская нумерация: 1—53); см.: *Описание*, стр. 89—90. Опубликована: *Биография*, отд. II, стр. 365—375 (не полностью); *ЛН*, т. 83, стр. 667—706 (преимущественно не вошедшее в первую публикацию).

ПМ — Подготовительные материалы (наброски, конспекты, заметки. См. наст. том, стр. 190—197). 5 лл. Хранятся: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.2.18/1—2 и *ИРЛИ*, ф. 100, №№ 29486 и 29783 (на конверте письма В. М. Каченовского от 20 октября 1880 г.); см.: *Описание*, стр. 90 и 399. Публикуются впервые.

ЧН — Черновые наброски к неосуществленным главам (см. наст. том, стр. 197—201). Набросок ‹1›: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.17, с. 42 (в тетради с черновым автографом «Дневника писателя» 1881 г.); набросок ‹2›: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29485; см.: *Описание*, стр. 90. Публикуются впервые.

ЧА — Черновой автограф первой и второй глав (см. наст. том, стр. 207—254). На стр. 1 авторская дата: «4-го января/81. Воскресение». 38 стр. (авторская нумерация: 1—25 и 1—10). Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.17, стр. 1—60 (из них 22 страницы — пустые); см.: *Описание*, стр. 90—91. Публикуется впервые.

Ст — Стенограмма А. Г. Достоевской (расшифрована Ц. М. Пошеманской): глава первая (§§ III—V), глава вторая (§ I). См. наст. том, стр. 254—258. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100. № 30470. Текст § III из главы первой опубликован: *ЛА*, т. 6, стр. 112—118. Полностью публикуется впервые.

НР — Наборная рукопись: 1) Начало первой главы (см. наст. том, стр. 259). 2 лл. Хранится: *ГПБ*. 2) Вторая глава (см. наст. том, стр. 259—263). 26 лл. (пагинация красными чернилами рукою А. Г. Достоевской (?): 155—204). Лл. 1—18 (верхняя половина) — рукою А. Г. Достоевской, лл. 18 (нижняя половина)—25 — автограф. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, №№ 29487 и 29488; см.: *Описание*, стр. 91. Публикуется впервые.

1881₁ — Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1881. СПб., 1881.

1881₂ — Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1881. Изд. 2-е, в траурной рамке. СПб., 1881.

Впервые напечатано: *1881₁*, с подписью: «Ф. Достоевский» (ценз. разр. — 28 января 1881 г.).

Печатается по тексту *1881*$_2$ с исправлениями по черновому автографу:

Стр. 17, строка 26: «то есть в уединении» *вместо* «то есть в единении» (по *ЧА*).

Стр. 20, строка 6: «уединении своем» *вместо* «единении своем» (по *ЧА*).

1

Декабрьский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский заключил обращением «К читателям», в котором обещал возобновить издание журнала через год (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 126—127). Достоевский неопределенно обещал читателям «один выпуск» «Дневника» и в 1878 г.: «Может быть, решусь выдать один выпуск и еще раз поговорить с моими читателями. <...> Если выдам хоть один выпуск, оповещу о том в газетах» (там же, стр. 126).

«Художническая работа» («Братья Карамазовы») оказалась не менее срочной и тяжелой, чем издание ежемесячного «Дневника писателя». Возобновить «Дневник писателя» Достоевскому удастся лишь спустя три года после упомянутого обращения. Но и до этого у Достоевского не раз возникало желание выступить со «случайными» статьями[1] или возобновить «Дневник». Он писал 24 августа 1879 г. К. П. Победоносцеву: «Я вот занят теперь романом (а окончу его лишь в будущем году!) — а между тем измучен желанием продолжать бы Дневник, ибо есть, действительно имею, что сказать — и именно как Вы бы желали — без бесплодной, общеколейной полемики, а твердым небоящимся словом».[2] А в декабре (27) Достоевский в письме к В. В. Лоренцу приблизительно указывает, когда он намерен возобновить «Дневник», и даже сообщает о возможной теме одной будущей статьи: «Я, может быть, с осени возобновлю „Дневник писателя“. Статья о посещении больных на 11-й версте могла бы выйти очень любопытною и *мне* к Дневнику подходящею».

Накануне поездки в Москву на пушкинские торжества Достоевский в письме (19 мая) К. П. Победоносцеву твердо очерчивает направление своей литературной деятельности на 1881 г.: «С будущего же года, уже решил теперь, возобновлю „Дневник писателя“. Тогда опять прибегну к Вам (как прибегал и в оны дни) за указаниями, в коих, верю горячо, мне не откажете».[3]

---

[1] В письме В. Ф. Пуцыковичу (28 июля 1879 г.) Достоевский обещал что-нибудь злободневное в его газету: «...*наше* время — такое горячее и неопределенное, а главное, такое возбуждающее время, что весьма может быть и возьмусь за перо ввиду какого-нибудь факта, какого-нибудь явления, которое вдруг поразит и о котором неотразимо захочется сказать хоть несколько слов. Я так писал, когда создавал Дневник. Теперь, пока еще не возобновил его, весьма может случиться, что и прибегну иногда к гостеприимству Вашего журнала, чтоб напечатать какую-нибудь заметку, что-нибудь, что захочется высказать...».

[2] Несколько раньше (13 августа) Достоевский писал жене: «Кончу роман и в конце будущего года объявлю подписку на Дневник...».

[3] Победоносцева обрадовало намерение Достоевского вернуться к публицистике. В письме от 12 августа Победоносцев напоминал Достоевскому о его планах: «...а Дневник вам непременно надобно издавать в следующем году: к этому вы нравственно обязаны» (*ЛН*, т. 15, стр. 146).

О своих планах Достоевский сообщал почти одновременно — 17 июля — Е. А. Штакеншнейдер: «К сентябрю хочу и решил окончить всю последнюю, четвертую часть Карамазовых, так что, воротясь осенью в Петербург, буду, относительно говоря, некоторое время свободен и буду приготовляться к Дневнику, который, кажется уже наверно, возобновлю в будущем 1881 году». А 18 июля он писал В. Ф. Пуцыковичу: «Дневник кажется наверно возобновлю в будущем году».

Решение издавать «Дневник писателя» особенно укрепилось в период, последовавший за успехом речи Достоевского на пушкинском празднике и полемикой вокруг нее: «Он решился вновь взяться за издание „Дневника писателя“, так как за последние смутные годы у него накопилось много тревоживших его мыслей о политическом положении России, а высказать их свободно он мог только в своем журнале. К тому же шумный успех единственного номера „Дневника писателя“ за 1880 год дал нам надежду, что новое издание найдет большой круг читателей, а распространением своих задушевных идей Федор Михайлович очень дорожил. Издавать „Дневник писателя“ Федор Михайлович предполагал в течение двух лет, а затем мечтал написать вторую часть „Братьев Карамазовых“...» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 370). О направлении будущего издания Достоевский пишет (25 июля) К. П. Победоносцеву: «В нем (выпуске, — *Ред.*) моя речь в Москве, предисловие к ней, уже в Старой Руссе написанное, и, наконец, ответ критикам, главное Градовскому. Но это не ответ критикам, а мое profession de foi на всё будущее. Здесь уже высказываюсь окончательно и непокровенно, вещи называю своими именами <...> То, что написано там, для меня роковое. С будущего года намереваюсь „Дневник писателя“ возобновить и теперь являюсь тем, каким хочу быть в возобновляемом Дневнике».[1] Достоевский, наконец, публично объявил читателям (дважды) в тексте «Дневника писателя» 1880 г. о своих планах: «Издание „Дневника писателя“ надеюсь возобновить в будущем 1881 году, если позволит здоровье»; «Я намерен с будущего года „Дневник писателя“ возобновить. Так вот этот теперешний номер „Дневника“ пусть послужит моим profession de foi на будущее, „пробным“, так сказать, номером» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 174).

Еще продолжалась работа над последней книгой «Братьев Карамазовых» и эпилогом к роману, а Достоевского уже сильно беспокоит будущее издание. О своих сомнениях и тревогах он сообщает 28 августа 1880 г. И. С. Аксакову: «... вот какой есть, однако же, факт: это то, что я сам нахожусь, во многом, в больших сомнениях, хотя и имел 2 года опыта в издании Дневника. Именно о том: как говорить, каким тоном говорить, и о чем вовсе не говорить? Ваше письмо застало меня в самой глубине этих сомнений, ибо я серьезно принял намерение продолжить „Дневник“ в будущем году, а потому волнуюсь и молю кого следует, чтоб послал сил и, главное, умения».[2]

Работа над «Братьями Карамазовыми» затянулась до поздней осени, времени у Достоевского было так мало, что его не оставалось даже для необходимых формальностей, связанных с будущим изданием. Он жаловался (в письме от 18 октября) М. А. Поливановой: «Верите ли, что у меня нет времени даже поехать в Главное управление печати и подать просьбу об издании „Дневника“ в будущем году. До сих пор не ездил, а время уходит, пора публиковать». «Просьбу» Достоевский подал через неделю после этого письма, 25 октября: «Имея намерение возобновить с будущего 1881 года „Дневник писателя“, ежемесячное издание, издававшееся мною в 1876 и 1877-м годах, по подписке и с предварительною цензурою, имею честь покорнейше просить Главное управление по делам

---

[1] Вскоре (16 августа) вновь Достоевский заверяет Победоносцева: «Дневник писателя решился издавать в будущем году неуклонно». В тот же день, но не так определенно, Достоевский писал М. А. Поливановой: «...с января будущего года наверно примусь издавать опять „Дневник писателя“».

[2] О том же Достоевский писал Аксакову 4 ноября: «Вам дружески признаюсь, что, предпринимая с будущего года „Дневник“ (на днях пускаю объявление), часто и многократно молился уже богу, чтоб дал мне сердце чистое, безгрешное, не раздражительное, не завистливое». И — Н. А. Любимову (29 ноября): «NB. А трудное дело предпринимать теперь такое издание, как например „Дневник“. Сильно меня это волнует!».

печати разрешить мне сие издание на тех же основаниях, как и прежде». Разрешение последовало незамедлительно: «25-го октября отставному подпоручику Федору Михайловичу Достоевскому разрешено возобновить с будущего 1881 года ежемесячное издание „Дневник писателя" на тех же основаниях, как это было разрешено в 1876 г.».

В ноябре и декабре Достоевский рассылает объявление о подписке (см. выше, стр. 41).[1]

Объявлениям, особенно в газетах, Достоевский придавал большое значение. Это нашло отражение в его письмах И. С. Аксакову (18 декабря) и Н. А. Любимову; последнему 29 ноября он сообщает о своей обеспокоенности задержкой появления объявления в «Московских ведомостях»: «Дней уже десять назад как жена моя послала в редакцию „Московских ведомостей" для напечатания объявление мое об издании в будущем году „Дневника писателя", и однако же, объявление еще не появлялось <...> Не можете ли Вы справиться лично в редакции „Моск<овских> ведомостей": что именно помешало напечатанию моего объявления о „Дневнике писателя" и таким образом ускорить это дело. Объявление в „Московских ведомостях" для меня необходимо: оно идет в глубь России, а „Голос", „Новое время" и проч<ие> гуляют более по окраинам».

Были и другие обстоятельства, более серьезные, очень беспокоившие Достоевского. Он знал, что жить ему осталось немного.[2] С тревогой писал 28 ноября брату, Андрею Михайловичу: «...принимаюсь теперь за „Дневник писателя", и уже начал публиковаться в газетах. Главное страшит меня *срочность* выпусков. Это очень тяжело при моем здоровье»; И. С. Аксакову в письме от 3 декабря: «Хочу издавать „Дневник", но до этого еще далеко. Подписка началась, но апфизема...».

Особенно Достоевского беспокоили возможные цензурные придирки. П. А. Гайдебуров так рассказывает о волнениях Достоевского, казавшихся в недолгий период либеральных послаблений и «новых веяний» почти чудачеством, анахронизмом: «По закону „Дневник писателя" должен был издаваться под цензурой, и за несколько дней до смерти Достоевский явился в Главное управление печати с просьбой — переменить ему цензора. Со стороны такого писателя как Достоевский всякая вообще просьба о *цензуре* имела очень курьезный вид, и потому начальник Главного управления, Н. С. Абаза, сказал ему:

— Да зачем же вам, Федор Михайлович, цензора? Какого еще вам нужно цензора?

— Нет... знаете... всё лучше, спокойнее, — отвечал Достоевский.

— Ну, хотите, я вам сам прочту? — предложил г-н Абаза.

Достоевский, конечно, согласился, а г-н Абаза на другой же день лично доставил ему корректуру „Дневника", которому — увы — пришлось сделаться уже посмертным изданием».[3]

---

[1] «Объявленная на „Дневник писателя" подписка пошла успешно...» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 371).

[2] Достоевский писал 15 октября П. Е. Гусевой: «А здоровье так худо, как Вы и представить не можете. Из катара дыхательных путей у меня образовалась апфизема — неизлечимая вещь <...> и дни мои сочтены»; 16 октября В. М. Каченовскому: «...дни мои, сам знаю, сочтены». Еще откровеннее, по-родственному, Андрею Михайловичу (28 ноября): «...вряд ли проживу долго <...> предвижу про себя, что деток оставлю после себя еще подростками, и эта мысль мне очень подчас тяжела».

[3] «Неделя», 1881, 1 февраля, № 5, «Литературно-житейские заметки». Ср.: «Со средины января Федор Михайлович сел за работу январского „Дневника", в котором ему хотелось высказать свои мысли и пожелания по поводу „Земского собора". Тема статьи была такого свойства, что ее могла бы не пропустить цензура, и это очень озабочивало Федора Михайловича. Про его беспокойство узнал чрез графиню С. А. Толстую только назначенный председатель цензурного комитета Николай Саввич Абаза

Цензор последнего произведения Достоевского Н. С. Абаза принадлежал к числу либерально настроенных чиновников в новой администрации М. Т. Лорис-Меликова. Назначение его было с надеждой воспринято либеральной прессой,[1] а уход с поста ознаменовал крушение их мимолетных надежд.[2] Работа над «Дневником писателя» стоила Достоевскому немало усилий,[3] но никаких осложнений с цензурой действительно не произошло. 27 января умирающий Достоевский внес последние поправки (чисто технические) в корректуру «Дневника писателя», судьба которого всё еще продолжала его волновать: «Среди дня стал беспокоиться насчет „Дневника", пришел метранпаж из типографии Суворина и принес последнюю сводку. Оказалось лишних семь строк, которые надо было выбросить, чтобы весь материал уместился на двух печатных листах. Федор Михайлович затревожился, но я предложила сократить несколько строк на предыдущих страницах, на что муж согласился. Хоть я задержала метранпажа на полчаса, но после двух поправок, прочтенных мною Федору Михайловичу, дело уладилось. Узнав чрез метранпажа, что номер был послан в гранках Н. С. Абазе и им пропущен, Федор Михайлович значительно успокоился» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 373—374).

Вышел январский выпуск «Дневника писателя» уже после смерти Достоевского.

2

Невиданный успех речи писателя на пушкинских торжествах, поток рецензий на роман «Братья Карамазовы», который с каждым месяцем увеличивался как в столичной, так и в провинциальной прессе, нескон-

---

и просил передать Федору Михайловичу, чтоб он не тревожился, так как цензором его статьи будет он сам. К 25 января статья была готова и сдана в типографию для набора, так что оставалось лишь прокорректировать окончательно, сдать цензору и печатать с тем, чтобы выдать номер „Дневника" в последний день месяца» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 371. См. также: *ЛН*, т. 86, стр. 528).

[1] Н. С. Абаза (1837—1904), бывший Херсонский и Рязанский губернатор, был назначен начальником Главного управления по делам печати в апреле 1880 г. вместо известного своей нетерпимостью консерватора В. В. Григорьева. Прощаясь с Рязанью, Абаза заявил, что в Петербурге «постоянною его заботою будет дать печати возможности без стеснения высказываться о государственных нуждах, говорить pro и contra; дать печатному слову жизнь и развитие, предоставить право и возможность литературе черпать для себя содержание из всех сторон русской жизни, а науке, не стесняясь, высказывать печатно добытые ей истины...» («Неделя», 1880, 11 мая, № 19).

[2] «Сенатор Н. С. Абаза оставил свой пост <...> при единодушных сожалениях всех органов нашей прессы, исключительно некоторых, безнадежно „мрачных" <...> Отставка г-на Абазы, как кажется, совпадает с началом такого периода жизни нашей прессы, который будет менее благоприятен для ее развития, нежели предыдущий» («Неделя», 1881, 26 апреля, № 17). Добрую волю и заслуги Абазы отмечала в оптимистическом «некрологе» «Страна»: «Из начальников цензуры, первый Н. С. Абаза защищал печать, сколько мог, и это делает ему большую честь. Хотя старание его не увенчалось успехом, но оно не забудется, — и эта заслуга, со временем, выдвинет почтенного сенатора в передний ряд государственных деятелей. Ему делает честь и то, что он добровольно удалился, когда увидел, что обстоятельства слагаются неблагоприятно для осуществления его мысли в ближайшее время» («Страна», 1881, 12 апреля, № 44).

[3] А. Г. Достоевская писала О. Ф. Миллеру 20 января: «... „Дневник" его окончательно замучил» (*ЛН*, т. 86, стр. 528).

чаемая полемика вокруг августовского «Дневника» — всё это факты, засвидетельствовавшие резко возросшую популярность Достоевского; либеральная пресса даже язвительно говорила о состоявшейся в Москве «канонизации» писателя. Достоевский неизбежно оказался в гуще общественно-литературной борьбы. С явной симпатией стали относиться к нему газета А. С. Суворина и В. П. Буренина «Новое время» и с некоторыми оговорками «Неделя» П. А. Гайдебурова.

На Достоевского, как на идейного союзника и «полезного» публициста, возлагали особые надежды, исходя из разных, но несомненно во многом «партийных» и конъюнктурных соображений, такие столпы реакции, как Победоносцев и Катков, и такой тонкий, беспринципный стратег, как А. С. Суворин, и славянофил И. С. Аксаков, издатель еженедельника «Русь».[1] На будущего автора «Дневника писателя» оказывалось и сильное идеологическое давление. О том, какого рода «советы» внушал Достоевскому, например, Победоносцев, дает хорошее представление его письмо от 2 августа 1880 г.: «Теперь ежедневно со всех концов России стекаются ко мне интимные письма <...> И сейчас лежит передо мною послание одного харьковского сельского священника, показывающее человека с горячим сердцем и скорбною мыслью, всё наполненное, однако, фразами, которые сами обличают свой источник (чтение журналов и газет), и противоречиями запутавшейся мысли. В конце концов он умоляет созвать всероссийский земский собор, воображая, что из этого нового смешения языков может возникнуть потерянная истина. Чего еще искать ее, когда она всем нам — и ему тоже — давным-давно дана и открыта!» (*ЛН,* т. 15, стр. 144). Идеи, подобные тем, которые высказывал харьковский сельский священник, осмелившийся мечтать о созыве всероссийского земского собора, с точки зрения Победоносцева, — ересь и вольнодумство.

Стремился подчинить своему влиянию будущий «Дневник писателя» Победоносцев уже в чине обер-прокурора святейшего Синода. Он был назначен на этот пост 24 апреля 1880 г. вместо Д. А. Толстого, который одновременно освобождался и от должности министра просвещения. Толстой тогда был, пожалуй, самой непопулярной политической фигурой в России. Отстранение Толстого с удовлетворением и ликованием приветствовалось демократической и либеральной прессой.[2] Всем было очевидно, что это наносило сильный удар «Московским ведомостям» Каткова. Назначение Победоносцева произошло на фоне других перемещений и жестов, ободривших либералов. «Голос» А. А. Краевского и В. А. Бильбасова даже поспешил одобрить возвышение Победоносцева: «Никто не сомневается в том, что он посвятит всю свою просвещенную деятельность освежению духовной жизни русского народа, что духовные дела России

---

[1] «С нетерпением ожидаю вашего „Дневника“, — писал Аксаков 21 января 1881 г. Достоевскому: — Ваше слово <...> проникает туда, куда едва ли досягает мое, — в среду молодежи, и проникает сквозь затворенные двери силою художественного очарования <...> С нетерпением жду вашего „Дневника“ ...» (*ЛН,* т. 86, стр. 533).

[2] Уход Толстого «Вестник Европы» М. М. Стасюлевича праздновал как свою победу, напоминая общественности о заслугах в борьбе с «педагогической» политикой любимца Каткова (см.: М. А. Российский, Общая картина народного просвещения в европейской России. — *ВЕ,* 1880, № 1, стр. 367—390; «Внутреннее обозрение» — там же, № 6, стр. 792—837; «Внутреннее обозрение» — там же, № 8, стр. 786). Попытка запретить декабрьскую книжку того же «Вестника Европы» за очередную «антитолстовскую» заметку оказалась неудачной, что явилось уже характерным и обнадеживающим симптомом (о заседании кабинета министров 18 декабря 1879 г., на котором обсуждался «щекотливый вопрос о запрещении декабрьской книжки» журнала, см.: *Милютин,* т. III, стр. 193).

находятся в надежных руках» (*Г*, 1880, 4 мая, № 123).[1] Впрочем, назначение Победоносцева не вызвало особых откликов в прессе. Большинству современников личность его представлялась загадочной. Полная ясность наступила год спустя после 1 марта, когда новый обер-прокурор сделал все от него зависящее (а тогда от него зависело почти все), чтобы удалить с политической арены Лорис-Меликова и «либеральных» министров.[2]

Зато большой общественный резонанс вызвали назначения в 1880 г. на пост министра просвещения А. А. Сабурова и министра финансов А. А. Абазы, безусловно самого либерального и независимого нового деятеля.[3] С энтузиазмом было встречено либеральной прессой и учреждение

---

[1] «Никто еще не знал тогда К. П. Победоносцева и не предвидел, что церковь и духовенство весьма скоро пожалеют даже о временах гр. Д. А. Толстого», — вспоминал Г. К. Градовский (*Градовский,* стр. 63). По мере того как выяснялись убеждения и намерения Победоносцева, возрастало и неприязненное отношение к нему либеральных газет. Еще до «катастрофы» 1 марта «Страна» сожалела в передовой статье: «Мы ожидали, что К. П. Победоносцев, бывший известным ученым прежде, чем сделался государственным деятелем, сочтет нужным сколько-нибудь проявить свой взгляд на положение старообрядческого вопроса. К сожалению, ожидание наше не сбылось...» («Страна», 1881, 26 февраля, № 25). В дальнейшем «Страна» писала о нем открыто враждебно: «Говорят, что К. П. Победоносцев сильно занемог, но по выздоровлении будет вновь за систему отсрочек дальнейших реформ, которой он ныне является главным ходатаем» (там же, 16 марта, № 33).

[2] Победоносцев имел большое влияние па цесаревича, которого еще до убийства народовольцами «царя-освободителя» настраивали как против великого князя Константина Николаевича, так и против М. Т. Лорис-Меликова. Е. А. Перетц рассказывает о попытке Победоносцева еще при жизни Александра II создать оппозицию Лорис-Меликову и тем самым сорвать осуществление его «конституции» (см.: *Перетц*, стр. 22). Александр III в письме к Победоносцеву (21 апреля 1881 г.) повторял мысли обер-прокурора, ему же — цесаревичу и царю — неоднократно внушаемые: «Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства... <...> Странно слушать умных людей, которые могут *серьезно* говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма. Более и более убеждаюсь, что добра от этих министров ждать я не могу <...> Не искренни их слова, не правдой дышат» (К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки, т. I, полутом I. М.—Пг., 1923, стр. 49; ср.: Письма Победоносцева к Александру III, т. I. М., 1925—1926, стр. 324). Неделю спустя появился манифест, похоронивший «диктатуру сердца», автором его был Победоносцев, которому Александр III безгранично доверял. Этого уже и не пытался отрицать и одержавший верх в борьбе за власть обер-прокурор Синода (см.: *Перетц,* стр. 69).

[3] Впоследствии, незадолго до падения, все еще лелея надежды и недооценив коварство противника, Абаза выступил на заседании Государственного Совета 8 марта 1881 г. с речью в защиту продолжения реформ и конституционных проектов. «Без совещания с представителями общества обойтись невозможно, когда речь идет об издании важных законов. Только посредством такого совещания познаются действительные нужды страны. Трон не может опираться исключительно на миллион штыков и на армию чиновников» (см.: *Перетц*, стр. 37). Абаза резко и прямо ответил Победоносцеву: «... речь обер-прокурора св. Синода есть, в сущности, обвинительный акт против царствования того самого государя, которого безвременную кончину мы все оплакиваем. Если Константин Петрович прав, если взгляды его правильны, — то вы должны, государь, уволить от министерских должностей всех нас, принимавших участие в преобразо-

Верховной распорядительной комиссии (а позднее — и упразднение ее с представлением чрезвычайных полномочий новому министру внутренних дел Лорис-Меликову). Более всех усердствовали «Голос» и «Неделя», превозносившие достоинства «либерального» диктатора. Так, «Голос» с восторгом цитировал слова Лорис-Меликова и писал о них: «„Сила не в силе, сила в любви“, — таков девиз графа Лорис-Меликова <...> Он любит Россию, ей посвятил он всю свою деятельность, ради чести и славы не раз рисковал своею жизнью. Он любит и знает Россию — знает, что для ее блага, для самой ее жизни необходимо полное искоренение без остатка тех пагубных учений и злодейских покушений, которые остановили рост родины и сделали ее жизнь невыносимо тяжелою. Любя Россию, он вырвет зло с корном и оправдает великое доверие государя» (*Г*, 1880, 15 февраля, № 46).

С энтузиазмом «Голос» откликнулся на обращение Лорис-Меликова «К жителям столицы». На страницах газеты именно тогда, кстати, и родилась знаменитая формула «диктатура сердца»: «Если это слова диктатора, то должно признать, что диктатура его — диктатура сердца и мысли. Эта диктатура, опирающаяся на здравомыслие и нравственную крепость русского народа, привлечет к себе сердца всех честных русских людей. Она вселяет не страх, а доверие, так как основана не на матерьяльной силе, а на братской любви» (*Г*, 1880, 16 февраля, № 47). А в связи с так называемым «упразднением» III Отделения «Голос» вновь неутомимо и неумеренно благодарил и благословлял нового министра внутренних дел (там же, 26 августа, № 285).[1]

На деле «диктатура сердца» Лорис-Меликова и его конституционные планы представляли собой в действительности робкую и непоследовательную попытку несколько обновить монархическое устройство России, придав ему более «респектабельный» вид, и тем самым предотвратить нежелательный революционный ход событий, разрядить напряженную обстановку в обществе, изолировать крайние элементы, приручить либеральную интеллигенцию незначительными уступками, ограничившись в основном демагогическими обращениями и посулами.[2]

Закономерно, что реакция демократических «Отечественных записок» на новые «веяния», в том числе и на знаменитое обращение «диктатора» к жителям столицы, была скептической (см.: *ОЗ*, 1880, № 4, стр. 344).

Скептическое направление вскоре возобладало и укрепилось в «Отечественных записках», особенно после того, как осенью 1880 г. Лорис-Меликов, под сильным давлением реакционной оппозиции в правительстве, предупредил прессу, разъяснив, до каких скромных границ простирается его «либерализм» и какого рода «конституцию» он намерен подарить России. Елисеев в информационной заметке «Несколько слов по поводу

ваниях прошлого, — скажу смело, — *великого* царствования» (там же, стр. 40).

[1] «Неделя» в передовой статье «Перемена принципа» придавала указу о закрытии III Отделения столь же экстраординарное значение, превозносила Лорис-Меликова и его политику («Неделя», 1880, 17 августа, № 33). Достоевский, возможно, обратил внимание на эту статью. Во всяком случае, вскоре он сам в январском выпуске «Дневника писателя» заговорит о необходимости нового взгляда и «нового принципа».

[2] «Действительной конституции тут не было ни одного грана, и, кроме законосовещательного учреждения в три этажа, проект Лорис-Меликова абсолютно ничего другого не содержал <...> но всё же и такая реформа могла свидетельствовать о том, что правительство, по крайней мере, сдвигается с мертвой точки реакции» (В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьба и гибель. М., 1912, стр. 247, 257). О «диктатуре сердца» см.: П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964.

вопросов злобы дня» присовокупил к программе министра внутренних дел сдержанный, по необходимости, дипломатичный, но в то же время недвусмысленный комментарий — мнение редакции журнала о «диктатуре сердца»: «Всякий видит, чего он (Лорис-Меликов, — *Ред.*) хочет, к чему будет стремиться, следовательно, никто не будет обманываться в своих ожиданиях, а потом впоследствии никто не будет заподозревать в деятельности министра разных хитростей и лавирования, как это бывает зачастую» (там же, № 9, стр. 142).

В январском «Внутреннем обозрении» Елисеев очертил позицию редакции журнала еще резче и определеннее, подвергнув критике сентябрьскую речь Лорис-Меликова (*ОЗ*, 1881, № 1, стр. 115—116). К весьма ироничной и непочтительной реплике Елисеев, полемизируя с восторженными апологетами Лорис-Меликова, присоединил сомнение в его возможностях («силе») справиться с больными проблемами русского общества, даже если он будет руководствоваться благими намерениями и действовать энергично и смело: «Власть каждого министра, несмотря на ее кажущуюся великую силу, оказывается ничтожною, раз он вступает в борьбу с рутиной веками утвержденного зла, потому что министр остается всегда одиноким в этой борьбе, за рутину стоит весь подчиненный ему персонал, так как он сжился с этой рутиною, с нею связаны все его материальные и моральные интересы. А целый персонал чиновников — тысячи исправников, становых, урядников всегда сильнее своего министра <...> Вот почему, как бы ни был хорош и добросовестен состав высшего управления, страна, при управлении через чиновников, продолжает терпеть всякого рода разорения и притеснения» (там же, стр. 116).

Но умеренно-либеральные круги продолжали питать хотя бы и очень скромные конституционные «иллюзии».[1] Несколько улучшилось положение печати, что позволило на короткий срок либеральным газетам почувствовать себя хозяевами положения. Появились новые либеральные органы, вроде газеты Стасюлевича «Порядок», получил разрешение издавать еженедельник «Русь» И. С. Аксаков, в чем ему, кстати, в 1879 г. было отказано. Резко возросла активность ведущих публицистов либерального лагеря (различных оттенков), особенно А. Д. Градовского («Голос», «Русская речь»), Г. К. Градовского («Молва»), Л. А. Полонского («Страна»). В. И. Модестова («Голос»), П. А. Гайдебурова («Неделя). К либеральной прессе примкнул и орган славянофилов-реалистов «Русская мысль» С. А. Юрьева и А. И. Кошелева, занявший по многим вопросам позицию, противоположную «Руси» Аксакова: характерно, что в этом журнале корректной, но принципиальной и резкой критике подверглась пушкинская речь Достоевского и его ответ А. Д. Градовскому.[2] Не было случайностью в то же время появление на страницах «Русской мысли» «Писем из Медвежьего угла» К. Д. Кавелина, «западника» 1840-х годов, активно вмешавшегося в общественно-литературную борьбу 1880 г.[3]

---

[1] В начале 1881 г. начало истощаться терпение и самых умеренных либералов; ожидавшихся к 20-летию отмены крепостного права правительственных манифестов или программ не последовало: «Стали возникать сомнения и порицания даже в той части общества, которая еще недавно была на стороне Лорис-Меликова и верила в „новый курс“. К февралю слышались уже голоса пессимистов, утверждавших, что ничего не выйдет из всех этих затей <...> Общество, устраненное от живого дела и непосредственного участия, как бы устало ждать и надеяться. Подъем духа стал ослабевать от непрерывной смены самых противоречивых слухов <...> Ощущение истомы росло, прежнее уныние и недоверие увеличивалось» (*Градовский*, стр. 72).

[2] Как в статье А. И. Кошелева (*РМ*, 1880, № 10), так и в пространнейших примечаниях-возражениях к статье О. Ф. Миллера «Пушкинский вопрос» (там же, № 12, стр. 34—35).

[3] Большой резонанс имела опубликованная «Молвой» полемическая «Заметка» К. Д. Кавелина — резкая отповедь М. Н. Каткову. Интерес

В конце 1880—начале 1881 г. недовольство высказывалось уже не только «Отечественными записками», но и в крайне осторожной форме «Вестником Европы», «Порядком», «Молвой» и особенно самым радикальным из либеральных органов печати тогда — газетой «Страна» Л. А. Полонского, осмеливавшейся давать советы Лорис-Меликову, требовать более энергичной и последовательной политики. Именно «Страна» в передовой «Петербург, 14 января» обратилась к правительству с призывом вернуть из ссылки Н. Г. Чернышевского: «Мы ставим вопрос практически — „простите". Дайте еще один, весьма крупный залог, что, в самом деле, вы желаете умиротворения <...> Поистине, нужна доля жестокости, чтобы ответить на наш призыв отрицательно. Не только жестокости простой, но жестокости бюрократической, жестокости неосмысленной, той, которая не хотела бы подвинуть пальцем для того, чтобы сдвинуть со своего пути тяжелый упрек» («Страна», 1881, 15 января, № 7). На призыв «Страны» правительство ответило предупреждением газете, но показательны и сама возможность появления такой статьи и почти единодушная поддержка прессой такого призыва.[1]

Естественно, что в то время, как либеральная пресса вошла в силу, понизилось влияние газет реакционных: «официозный» «Берег» Цитовича погиб, сопровождаемый презрительными насмешками большинства петербургских и московских журналов и газет. Резко упало влияние «Московских ведомостей», оплакивавших отставку Д. А. Толстого и упразднение III Отделения, выражавших недовольство речами и политикой Лорис-Меликова и проектами финансовых реформ А. А. Абазы. «Московские ведомости» не изменили своему крайне реакционному курсу и в год «диктатуры сердца», но они утратили львиную долю прежнего влияния, разойдясь не только с требованиями либералов и демократов, но и с деятельностью правительства. Торжествовать будет Катков в марте-апреле 1881 г.,[2] после отставки же Д. А. Толстого он оказался во временной изоляции, что было очевидно всем, в том числе и Достоевскому,[3] который безусловно обратил внимание на статью О. Миллера «Пушкинский вопрос», содержащую чрезвычайно лестную оценку его речи и полемики с А. Градовским. Миллер разграничивал взгляды Достоевского и идеологическую позицию газеты Каткова, выражая недоумение и сожаление, что речь писателя появилась в «Московских ведомостях»: «Когда все единодушно заговорили о подъеме общественных сил <...> одни „Московские ведомости" упорно продолжали рекомендовать только щедринское „подтянуть". Вместо замаскировывающего обращения к слову „недоразумение" нужно было прямое сознание в своем заблуждении. Самолюбие не позволило этого г-ну Каткову. и Ф. М. Достоевскому следовало бы шепнуть и ему, как пушкинскому Алеко: смирись, гордый человек! Вместо этого, к сожалению, мы встретили речь Достоевского на столбцах „Московских ведомостей". Потом она, правда, была им выделена в „Дневник" <...> но тяжелое впечатление уже было произведено, несмотря даже на пословицу, что „человек красит место". Не будучи психологом, как Достоевский, я и не берусь

вызвали и невеселые размышления Кавелина в «Письмах из Медвежьего угла» (*РМ*, 1880, № 11) о земстве и тягостном положении русской провинции. Почти единодушно были признаны прессой разумными и точными возражения Кавелина Достоевскому.

[1] «Страна» (1881, 22 января, № 10) с удовлетворением поместила обзор печати под рубрикой «Отзывы газет о предостережении».

[2] Каткова сразу же привлекли помогать Победоносцеву: «Манифест писан Победоносцевым по соглашению с Игнатьевым и Островским. По совету Игнатьева, выписан был на помощь из Москвы Катков» (*Перетц*, стр. 69).

[3] Достоевский писал о банкротстве «консервативной партии» Каткова—Леонтьева; их методы насаждения «классицизма» в школах с привлечением для этой цели учителей чехов представлялись ему ошибочными.

разгадать этого странного для меня, как для многих, факта. Но именно *всечеловек* всего менее и подходит к „Московским ведомостям"» (*РМ*, 1880, № 12, стр. 32—33). Таково было мнение «умеренного» славянофила О. Миллера, с защитой которым Достоевского во многом не согласилась более либеральная и «европейская» редакция журнала.

Достоевский внимательно изучал общественно-журнальную борьбу, заинтересованно — и потому, что приходилось знакомиться с многочисленными полемическими отзывами на «Братьев Карамазовых» и «Дневник писателя» 1880 г., и потому, что это было особенно необходимо ему в период работы над первым выпуском собственного срочного и ежемесячного единоличного журнала. Новая ситуация предъявляла свои властные требования Достоевскому-публицисту, которому предстояло высказаться по всем «коренным» проблемам, занять позицию — равно «партийную» и независимую. Естественно, что Достоевского заинтересовала и личность Лорис-Меликова, с которой более всего связывали «новые веяния» и надежду на «умиротворение».

Видел Достоевский отчетливо, что «диктатору» не удалось добиться подлинного «умиротворения» и даже сколь-либо значительной разрядки напряженности в обществе. Террористические акции продолжались своим чередом, как и публичные казни, свидетелем которых был и Достоевский.[1] По свидетельству А. С. Суворина, писатель с симпатией относился к личности Лорис-Меликова и его деятельности: «И он радовался „замирению" <...> Покушение на жизнь графа Лорис-Меликова его смутило, и он боялся реакции. — Сохрани бог, если повернут на старую дорогу. Да вы скажите мне <...> хорошими ли людьми окружит себя Лорис, хороших ли людей пошлет он в провинции? Ведь это ужасно важно <...> Да знает ли он, отчего всё это происходит, твердо ли знает он причины? Ведь у нас всё злодеев хотят видеть... Я ему желаю всякого добра, всякого успеха» (*НВр*, 1881, 1 февраля, № 1771).

Покушение Млодецкого действительно встревожило Достоевского. Он несколько раз обращается к этому событию и другим террористическим актам в записной тетради 1880—1881 гг.: «...спросить: пресеклись ли убийства и преступления. Лорис-Меликов уничтожил ли злую волю? (Гольденберг)» (стр. 51). Похоже, что Достоевский, как реалист, плохо верил в усилия Лорис-Меликова и его «диктатуру сердца». Скептическая позиция «Отечественных записок» ему в известном смысле была понятней и ближе восторгов и декламации публицистов «Голоса» и «Недели». Правда, в самом «Дневнике» сомнения приглушены, но в записной тетради они выражены откровеннее, резче, сильнее: «Неразрешимые задачи, стоящие грозой в будущем» (стр. 53). Разрабатывая проект «оздоровления корней», писатель вынужден признать там, что, собственно говоря, властям и охранять-то нечего: «Все права русского человека — отрицательные. <...> *Не консервативен он потому, что нечего охранять*» (стр. 50).

Горячую поддержку либералы оказали речам и проектам министра финансов А. А. Абазы. Слухи о грядущих финансовых реформах (в том числе и самой главной, «коренной» — податной) по самым различным каналам проникали на страницы печати. Программную речь Абазы на заседании Государственного Совета 31 декабря 1880 г.[2] сочувственно цити-

---

[1] Достоевского потрясла казнь И. О. Млодецкого. А. И. Толстая сообщала в письме от 24 февраля 1880 г. Е. Ф. Юнге: «Сейчас возвратилась от Достоевского — я нашла его чем-то расстроенным, больным, донельзя бледным. На него сильно подействовала (как на зрителя) казнь преступника 20 февраля» (*ЛН*, т. 86, стр. 496; ср.: Д. Н. Садовников. Встречи с И. С. Тургеневым. Пятницы у поэта Я. П. Полонского в 1880 г. — В кн.: Русское прошлое. Пг., 1923, вып. 3, стр. 102—103).

[2] «...Александр Аггеевич полагает нужным значительно облегчить неимущие классы, во многих местностях изнемогающие под бременем платежей <...> Он считает возможным уменьшить выкупные платежи прибли-

ровала в передовой статье «Петербург, 7 января» «Страна», выделяя Абазу как самого последовательного «реформиста» среди всех других новых деятелей («Страна», 1881, 8 января, № 4).

Достоевский в «Дневнике писателя» отстаивает противоположную точку зрения: он считает пагубным для России, в частности, сокращение расходов на армию. Тот факт, что он полемизирует в первую очередь со статьей публициста «Нового времени», не может заслонить главной мишени нападок Достоевского, выступившего против новых «веяний», той политики «угрюмой экономии», которую связывали прежде всего с Абазой.

* * *

Достоевский в январском выпуске «Дневника писателя» выступит против ряда органов либерально-европейской «окраски». Его записная тетрадь четко зафиксировала главные объекты полемики: это журнал «Вестник Европы», газеты «Молва», «Страна», «Порядок», «Голос» и ведущие издатели и публицисты-либералы — М. М. Стасюлевич, А. А. Краевский, В. А. Полетика, Л. А. Полонский, А. Д. Градовский, Г. К. Градовский, К. Д. Кавелин, А. Н. Пыпин, а также французский корреспондент «Нового времени» А. Н. Молчанов (и некоторые другие публицисты — особенно им читаемой газеты Суворина). Меньше места уделено и в самом «Дневнике» и в подготовительных материалах к нему «Отечественным записокам» и основным авторам журнала — Щедрину, Михайловскому, Успенскому, Елисееву.

Острие критики Достоевского нацелено против проектов «увенчания здания», классическим образцом которых явилась программа-минимум либерала А. Д. Градовского, сформулированная в работе «Социализм на западе Европы и в России»: «Достроить крестьянскую реформу, т. е. преобразовать податную систему, обеспечить свободу передвижений и открыть возможность правильного переселения крестьян; привести в правильную систему новые судебные и „общественные“ учреждения, пересмотреть разные старые уставы, остающиеся еще в силе и даже пускающие свои ростки в учреждения новые; устранить разные „поправки“, внесенные в новые законы во имя старых требований; обратить к деятельности по местным учреждениям лучшие силы страны, зная, что в этих учреждениях — школа и фундамент всей будущей России; воспитывать общество в сознании *права*, в уважении к себе и к другим, в чувствах личной безопасности и достоинства; поднять уровень народного образования широким распространением школ и других орудий грамотности, — таковы главные задачи нашего времени» (*РР*, 1879, № 3, стр. 116).

Достоевский отнесся отрицательно как к программе Градовского, так и к его рецептам лечения «болезни», хотя с оговорками признал в письме к О. А. Новиковой (28 марта 1879 г.) статью полезной: «Статья Градовского не обстоятельна, сущности дела он не понимает, но полезна, говоря относительно». Достоевскому был очевиден успех этой и других статей Градовского.[1] Он так объяснял его в письме (24 августа 1879 г.) к Побе-

---

зительно на 9 миллионов рублей <...> Кроме того, в министерстве финансов производятся работы по вопросу <...> об отмене подушной подати <...> В заключение министр финансов объяснил, что всё это будет бессильно к водворению у нас здоровой финансовой политики, если не будут приняты самые решительные меры к сокращению государственных расходов по военному ведомству. Россия решительно не в состоянии содержать теперь такую армию, которую имела она до войны» (*Перетц*, стр. 18).

[1] Либерально настроенному военному министру Д. А. Милютину программное сочинение Градовского показалось явлением значительным. Его дневниковая запись (20 апреля 1879 г.) отражает либеральные настроения в обществе и правительственных кругах (см.: *Милютин*, т. III, стр. 139—140).

доносцеву: «„Общеевропейские“ идеи науки и просвещения деспотически стоят над всеми и никто-то не смеет высказаться. Я слишком понимаю, почему Градовский, приветствующий студентов как интеллигенцию, имеет своими последними статьями такой огромный успех у наших европейцев: в том-то и дело, что он все лекарства всем современным ужасам и нашей неурядицы видит в той же Европе, в одной Европе».

В пробном выпуске «Дневника писателя» 1880 г. Достоевский избрал полемическую форму для изложения своих убеждений (profession de foi). Отвечая на статью А. Д. Градовского, он пояснил, что отвечает не лично Градовскому, а всем западникам-либералам. Точнее — Градовскому как одному из самых активных и популярных их вождей.[1]

Там же Достоевский изложил программу либералов, пародируя явно не одного Градовского: «...мы намерены образовать наш народ помаленьку, в порядке, и *увенчать наше здание*, вознеся народ до себя и переделав его национальность уже в иную, какая там наступит после образования его» (наст. изд., т. XXVI, стр. 135; курсив наш, — *Ред.*). Либеральным проектам «увенчания здания» посвятит и Аксаков свою первую же передовую статью в только что дозволенном еженедельнике «Русь», статью, имевшую шумный «негативный» успех («Русь», 1880, 15 ноября, № 1).[2]

Аксаков бескомпромиссно отвергает любые либеральные учреждения, непригодные России, обрушивается на буржуазные конституции и парламенты западных стран. Западническому *подозрению* к народной массе Аксаков противопоставляет любовь и *доверие*, органическую связь с народом и его духом, как основу основ, фундамент, на котором только и возможно построить действительно прочное, невиданное государственное здание.

Статьи Аксакова оказали, вероятно, определенное влияние на проблематику «Дневника писателя» 1881 г., к обдумыванию которого только что приступил Достоевский. В письме к Аксакову от 3 декабря Достоевский больше всего и остановится на передовицах Аксакова: «Да, давно не являлось подобного раздавшемуся вновь голосу. Ваши статьи очень твердо и целокупно (конкретно) написаны».

При всех достаточно серьезных разногласиях с Аксаковым Достоевский безусловно считал его статью событием и «делом». Призывая Акса-

---

[1] Рецензент «Отечественных записок» так характеризовал бурную публицистическую деятельность профессора Градовского: «...он есть единственный в своем роде представитель нашей университетской науки <...> г-н Градовский один может быть назван профессором-публицистом в настоящем смысле слова. Его публицистика не случайная экскурсия в какую-то, собственно говоря, чужую область, а настоящее, жизненное дело, которому он посвящает много времени. Нет надобности говорить, до какой степени эта роль в принципе почтенна. Если бы авторитетный голос людей науки почаще возвышался среди наших суждений и злобы дня, многое, может быть, шло бы у нас не так, как идет теперь» (*ОЗ*, 1881, № 1, стр. 70). Но в то же время рецензент говорил о «бледности и неопределенности литературной физиономии» Градовского, постоянно сотрудничавшего в «Русской речи» и «Голосе», заигрывавшего со славянофилами и вообще выступавшего не только с умеренной, но и крайне эклектичной программой: «Г-на Градовского можно бы было назвать русским национал-либералом, очень много рассуждающим о законной границе наших национальных элементов, но до сих пор этой границы читателю не выяснившим...» (там же, стр. 71, 72—73).

[2] Она собрала невиданное количество полемических откликов в демократической и либеральной печати, выразившей разочарование и негодование, вызванные самоубийственной для России политической программой Аксакова. И наоборот, статья его получила одобрение «Московских ведомостей» и «Берега».

кова «разъяснять <...> мысль особенно на примерах и указаниях», и сам в «Дневнике писателя» развивал его мысли, прибегая к той же архитектурной аллегории, но внося в нее существенную поправку: «...наш низ, наш армяк и лапоть, есть в самом деле в своем роде уже здание, — не фундамент только, а именно здание, — хотя и незавершенное, но твердое и незыблемое, веками выведенное, и действительно, взаправду всю настоящую истинную идею, хотя еще и не вполне развитую, нашего будущего уже архитектурно законченного здания в себе одном предчувствующее» (стр. 6). Достоевский ставил вопрос об «увенчании здания» резче и определеннее Аксакова, предлагая «начать его <...> прямо снизу, с армяка и лаптя», несмотря на то, что «увенчание снизу на первый взгляд, конечно, нелепость, хотя бы лишь в архитектурном смысле, и противоречит всему, что было и есть в этом роде в Европе» (стр. 6).

Возражения либеральной прессы на статью Аксакова оказались почти столь же драгоценными для Достоевского, как и она сама. Еще в письме от 3 декабря 1880 г. он обращает внимание Аксакова на возражения А. Д. Градовского: «Вы в ваших письмах ко мне утверждали, что это человек умный, хотя и порченный, а Орест Федорович Миллер передавал мне, что Вы интересуетесь знать его, то есть Градовского, мнение о „Руси“. Ну вот теперь знаете его мнение».[1]

Из полемических реплик на статью Аксакова Достоевский, вслед за самим редактором «Руси», выделил статью Г. К. Градовского (Грель) «Журналистика» в «Молве» (1880, 19 декабря, № 350). Аксаков отвечал «Молве», следуя своему обычаю анонимной критики, без прямого упоминания источника, и преувеличивая радикализм и влиятельность газеты В. А. Полетики,[2] которая была умеренно-либеральной и менее популярной, чем, скажем, «Голос» и «Страна»: «Вот как отнесся к нашей задаче самый невоздержанный, зато самый искренний орган, enfant terrible нашей либеральной, в сущности, солидарной между собою прессы. Газета „Русь“, — восклицает он с благородным негодованием просвещенной, но обиженной интеллигенции, — настаивает на том, чтобы „русское общество пребывало в *уездной кутузке вместе с оборванным народом, одетым в национальные лапти*“... Так вот оно что! Вот в чем разгадка негодованию! Тайное презрение к нашему простому народу, скрытый высокомерный аристократизм западника-либерала невольно прорвались в порыве искреннего гнева. Уж не в этом ли усматривает профессор Градовский то проникновение нашей современной либеральной интеллигенции *национальными* началами, на которое он указывает в своем возражении „Руси“! <...> Можно ли в самом деле, да и интересно ли интеллигентному либералу возиться с оборванным мужиком, да еще обутым в лапти! <...> „Либералу“ прилично только благодетельствовать ему сверху, навязывая „национальным лаптям и серому зипуну“ свои благодеяния *силою*, — благодеяния, согласные с требованиями „общеевропейской науки“, хотя бы и несогласные с требованиями „национальной жизни“» («Русь», 1881, 3 января, № 8).[3]

---

[1] Речь идет о статье «Не архитектуры, а жизни. (По поводу мнений газеты „Русь“)»: *РР*, 1880, № 12, стр. 93—103.

[2] Достоевский в записной тетради отзывается о «Молве» и ее руководителях с необычайной даже для него резкостью: «Завелась от нравственной нечистоты полетика, подобно как вошь от нечистоты физической, а площица от нечистоты сладострастной» (стр. 42).

[3] Аксаков позднее (уже после смерти Достоевского) вновь пронизировал над неудачным выражением Г. К. Градовского об устройстве «уездной кутузки с серозипунниками и лапотниками мужиками»: «...драгоценнейшие слова „Молвы“, точно выжженное пятно напечатлевшиеся на знамени нашей, будто бы либеральной прессы, обличившие тайное ее миросозерцание» («Русь», 1881, 28 февраля, № 16).

Достоевский использует эту полемику в «Дневнике писателя», создавая антитезу: интеллигенция («белые жилеты», «Ферситы», либеральные «капитаны Копейкины») и народ («армяк», «лапоть», «серые зипуны»). Он проецирует (с известной оглядкой на статью-ответ Аксакова) мнение «Молвы» в «Дневник», но идет в своих выводах и эмоциях дальше редактора славянофильского еженедельника: «„Русское общество не может-де пребывать в уездной кутузке вместе с оборванным народом, одетым в национальные лапти“. Так ведь, выходя с таким настроением, можно (и даже неминуемо) дойти опять до закрепощения народного, зипуна-то и лаптя, хотя и не прежним крепостным путем, так интеллигентной опекой и ее политическими последствиями, —

А народ опять скуем!»

(стр. 7—8; ср. стр. 305).

Полемика между «Русью» и либеральными органами печати дала Достоевскому новые аргументы. «Господчина» в новой «буржуазной» форме — вот что, по убеждению Достоевского, должно явиться законным и конечным результатом умеренных и радикальных проектов «увенчания здания». «Еще на Пушкинском празднике он продиктовал мне небольшое стихотворение об этой „господчине“, — вспоминал Суворин, — из которого один стих он поместил в своем „Дневнике“» (*НВр,* 1881, 1 февраля, № 1771).[1] «Конституция» же, созданная по европейскому образцу с парламентом («говорильней»), по мнению Достоевского, окажется «вздорной бабой», интеллигентской опекой над народом, новой и, может быть, даже еще более изощренной и жестокой формой кабалы.

Экономические и финансовые заботы не должны заслонять главного — мысль, заявленная Достоевским еще в 1880 г.,[2] как руководящий принцип сформулированная в записной тетради: «Позаботимся о вечном, а не о временно-утилитарном (для великих основных реформ)» (стр. 47). Наконец, энергично развиваемая (в парадоксальной форме) в последнем «Дневнике»: «Для приобретения хороших государственных финансов в государстве, изведавшем известные потрясения, не думай слишком много о текущих потребностях, сколь бы сильно ни вопияли они, а думай лишь об оздоровлении корней — и получишь финансы» (стр. 13).

Прежде чем приступить к великой «оздоровительной работе», Достоевский предложил выслушать мнение «серых зипунов»: «Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его. Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду. <...> Но <...> пусть скажет сначала один; мы же, „интеллигенция народная“, пусть станем пока смиренно в сторонке и сперва только поглядим на него, как он будет говорить, и послушаем. <...> Пусть постоим и поучимся у народа, как надо правду говорить. Пусть тут же поучимся и смирению народному, и деловитости его, и реальности ума его, серьезности этого ума» (стр. 21—24).

---

[1] В газете Суворина (*НВр,* 1881, 8 января, № 1747) была помещена статья «Интеллигенция и темные люди в земстве», возражение новому либеральному органу «Земство». Идеализируя земские соборы XVI в., публицист «Нового времени» много и с пафосом пишет о том, как в давние времена «лучшие люди» из народа управляли землей. В статье слово «господчина» (как народное выражение) применяется к современным земствам. Статья эта, появившаяся в интенсивный период работы Достоевского над «Дневником», привлекла внимание писателя.

[2] «Основные нравственные сокровища духа, в основной сущности своей, по крайней мере, не зависят от экономической силы» (наст. изд., т. XXVI, стр. 132).

Достоевский предусмотрительно, видимо памятуя об отношении Лорис-Меликова к разным «иллюзиям» (в числе запретных был и Земский собор), не настаивает на непременных больших представительных собраниях, хотя и против них не высказывается: «И не нужно никаких великих подъемов и сборов; народ можно спросить по местам, по уездам, по хижинам. Ибо народ наш, и по местам сидя, скажет точь-в-точь всё то же, что сказал бы и весь вкупе, ибо он един» (стр. 21). Писатель говорит о необходимости сделать сначала «первый шаг», предлагает «идею», не предрешая путей ее практической реализации: «Как же это сделать? О, люди, власть имеющие, это могут лучше решить, чем я, — я же только верю в одно, что формул особенных совсем не потребуется» (там же).[1]

Достоевский находит, что «болезнь» общества глубже и серьезнее, чем полагают; она настолько серьезна, что уже охватила «целокупный организм» народа («Да, он духовно болен, о, не смертельно: главная, мощная сердцевина его души здорова, но все-таки болезнь жестока»), который обеспокоен, недоволен, растерян. «Я убежден даже, — пишет Достоевский, — что если нигилистическая пропаганда не нашла до сих пор путей „в народ", то единственно по неумелости, глупости и неподготовленности пропагаторов, не умевших даже и подойти к народу» (стр. 16, 17). Народ — «первый» и самый важный «корень», нуждающийся в оздоровлении. От этого зависит всё, в том числе и ответ на вопрос: сможет ли Россия избежать «великих и грядущих недоразумений»: «Я желал бы только, чтоб поняли беспристрастно, что я лишь за народ стою прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых никто еще из нас не знает во всем объеме и величии их, — как в святыню верую, главное, в спасительное их назначение, в великий народный охранительный и зиждительный дух, и жажду лишь одного: да узрят их все. Только что узрят, тотчас же начнут понимать и всё остальное» (стр. 26).

По воспоминаниям близких к Достоевскому в последний год жизни современников, писатель больше всего дорожил в «Дневнике» мыслями о народе и очень беспокоился, что цензура именно их не пропустит.[2] Предполагал развивать их в дальнейшем — «подробно говорить о том, что называлось у Посошкова „народосоветием" и что, так сказать, прошло мимо ушей у нашей интеллигенции...» (*Биография,* стр. 321—322). О. Ф. Миллер, перемежая мысли Достоевского в разговорах с ним со специфическим их истолкованием, в речи (14 февраля 1881 г.) на собрании с.-петербургского Славянского благотворительного общества, говорил о принципиальном значении для писателя тезиса «оказать доверие» народу: «Слова эти — только восторженный набросок мысли, которая должна была практически выясниться в течение года — в остальных нумерах „Дневника". В них собирался он подробно высказать, как же, каким способом „оказать доверие", т. е. полное доверие. Он рассчитывал,

---

[1] Правда, Достоевский выдвигает существенное ограничение: «Надо только соблюсти, чтобы высказался пока именно только мужик, один только заправский мужик» (стр. 21). Но тут же в смущении отступает, понимая, как трудно реально соблюсти такое ограничение: «...с мужиком проскочит кулак и мироед, но ведь и тот мужик, и в таком великом деле даже кулак и мироед земле не изменят и правдивое слово скажут, — такова уж наша народная особенность» (там же). Достоевский сознательно подавляет сомнения, снимает противоречия, видимо, понимая, что иначе из них и не выйти.

[2] «...Федор Михайлович как раз дописывал тогда январский номер возобновляемого им „Дневника писателя". Он выбежал к посетителю (О. Миллеру, — *Ред.*) с пером в руке, страшно взволнованный — отчасти, как сам тут и высказал, опасением, пропустит ли цензура несколько таких строчек, содержание которых должно развиваться в дальнейших номерах „Дневника", — в течение всего года. „Не пропустят этого, — говорил он, — и всё пропало"» (*Биография,* стр. 321).

как я заключаю из недолгого разговора с ним при нашем предпоследнем свидании, на участие известной части интеллигенции — той, которая ближе к народу, а она у нас все-таки есть. Составить какой-нибудь сколок с готового европейского образца могли бы и просвещенные *бюрократы*, но на творческую работу в духе „корней" способны лишь просвещенные *земские люди*. А именно к творчеству и призывал Достоевский <...> Творчество, только творчество, полагал Достоевский, послужило бы нам настоящею „живою водою"!» (*Биография*, стр. 81—82).[1]

Существенно дополняет Миллера Суворин, передавая содержание разговора с ним Достоевского: «Он был того мнения, что прежде всего надо спросить один народ, не все сословия разом, не представителей от всех сословий, а именно одних крестьян. Когда я ему возразил, что мужики ничего не скажут, что они и формулировать не сумеют своих желаний, он горячо стал говорить, что я ошибаюсь. Во-первых, и мужики многое могут сказать, а во-вторых, мужики, наверное, в большинстве случаев пошлют от себя на это совещание образованных людей. Когда образованные люди станут говорить не за себя, не о своих интересах, а о крестьянском житье-бытье, о потребностях народа, — они, правда, будут ограничены, но в этой ограниченности они могут создать широкую программу коренного избавления народа от бедности и невежества.

Эту программу, эти мнения и средства, ими предложенные, уж нельзя будет устранить и на общем совещании. Иначе же народные интересы задушатся интересами других сословий, и народ останется ни при чем. С него станут тащить еще больше в пользу всяких свобод образованных и богатых людей, и он останется по-прежнему обделенным. Как я прочел, он тему эту развивает в <...> „Дневнике", по необходимости односторонне, конечно, далеко не высказывая и того, что он мне говорил» (*НВр*, 1881, 1 февраля, № 1771).

Другие высказывания писателя, сохраненные Сувориным, конкретнее, детальнее обрисовывают «мечту» («фантазию») писателя о возможности воцарения в России самой полной, невиданной свободы: «У нас, по его мнению, возможна полная свобода, какой нигде нет, и всё это без всяких революций, ограничений, договоров. Полная свобода совести, печати, сходок, и он прибавляет: — Полная. Суд для печати — разве это свобода печати? Это все-таки ее принижение. Она и с судом пойдет односторонне, криво. Пусть говорят всё, что хотят. Нам свободы необходимо больше, чем всем другим народам, потому что у нас работы больше, нам нужна полная искренность, чтоб ничего не оставалось невысказанным» (там же).

Суворин очерчивает демократическую, утопическую стороны мировоззрения Достоевского, выразившиеся в посмертном выпуске «Дневника», ярче и отчетливее других современников писателя. Очевидны реакционные элементы утопии Достоевского, фантастический колорит его проекта «оздоровления корней» «снизу», но столь же ясна и демократическая под-

---

[1] О. Миллер временами тенденциозно сближает точку зрения Достоевского со своей собственной, изложенной в статье «Пушкинский вопрос»; в ней он писал о необходимости признания «тех *корней*, которые имелись в наличности в отечественной старине» (*РМ*, 1880, № 12, стр. 40). «Исторический смысл, — настаивал Миллер, — прежде всего заставляет желать возвращения к стародавней привычке выслушивать земский голос, который, само собой разумеется, в меру уже несомненно достигнутого Русью окончательного совершеннолетия, должен все более и более мужать и крепнуть» (там же). Витиеватая и сумбурная статья Миллера вряд ли оказала сколь-либо сильное воздействие на Достоевского. Писатель отдавал предпочтение иной, яркой и аллегорической форме разговора о «корнях»; он обращается к классическим образцам — басням Крылова: одну из них, как идеальную иллюстрацию к теме «интеллигенция и народ», приводит целиком в «Дневнике», другую — «Листы и корни» — явно подразумевает.

кладка этой последней утопии писателя. Он коренным образом расходился и с многочисленными в год «диктатуры сердца» либеральными проектами, и с демагогической позицией И. С. Аксакова, в еженедельнике которого появлялись и статьи откровенно ретроградного характера (Д. Самарина), и — тем более — с такими зловещими деятелями реакции, как Победоносцев, Катков, Н. Н. Голицын, Мещерский.

3

Августовский выпуск «Дневника писателя» 1880 г. вызвал в печати много полемических откликов, преимущественно враждебных (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 475—486). Достоевский и ожидал такой реакции со стороны «европейцев» и «либералов», ведь бурю своим ядовитым ответом А. Д. Градовскому вызвал он сам. Полемические заметки были необходимы писателю, поставляя материал для «Дневника». Почти единодушно упрекали Достоевского в «Голосе», «Молве», «Стране», «Вестнике Европы», «Деле», «Отечественных записках» за «бесцеремонные» и фельетонные приемы. Но Достоевский отнесся к подобным упрекам как к полемическим издержкам, общепринятым в журнально-литературном мире. Ничего в форме «Дневника» менять принципиально он не собирался.

Но были и другие возражения, которыми Достоевский пренебречь не мог, — в первую очередь И. С. Аксакова, с которым после пушкинских торжеств в Москве у него установились дружеские, доверительные и откровенные отношения. Аксаков в письме от 20 августа 1880 г. высказал Достоевскому в чрезвычайно корректной форме «упреки», граничащие, правда, с похвалой. «Упрекнуть Вас можно лишь в том, что слишком уж крупна порция, не по внешнему, а по внутреннему объему. Тут у Вас мимоходом, стороною брошены истинные перлы <...> годящиеся в темы для целых сочинений. Жаль, что они выброшены так, в полемической статейке. <...> Вас можно упрекнуть только в том (но это уже, я думаю, органическое свойство), что Вы проявляете мало экономической распорядительности мыслей и потому слов; слишком большое обилие первых, причем основное <...> иногда заслоняется множеством мелких. Еще перед взором читателя не выяснились линии всего здания, а Вы уже лепите детали. <...> Вы всегда даете читателю *слишком много* зараз, и кое-что, по необходимости, остается недосказанным. Иногда у Вас в скобках, между прочим, скачок в такой отдаленный горизонт, с *перспективою такой новой дали*, что у иного читателя голова смущается и кружится, — и только скачок. Я это говорю на основании деланных мною наблюдений о впечатлении, произведенном Вашими статьями на большинство читателей» (*Аксаков, Письма*, стр. 353—354).

Достоевский ответил Аксакову в «Дневнике писателя», придав ответу форму авторского (личного) признания: «По свойству натуры моей начну с конца, а не с начала, разом выставлю всю мою мысль. Никогда-то я не умел писать постепенно, подходить подходами и выставлять идею лишь тогда, когда уже успею ее всю разжевать предварительно и доказать по возможности. Терпения не хватало, характер препятствовал, чем я, конечно, вредил себе, потому что иной окончательный вывод, высказанный прямо, без подготовлений, без предварительных доказательств, способен иногда просто удивить и смутить, а пожалуй, так вызвать и смех...» (стр. 12).[1] Достоевский как бы соглашается со справедливостью «упреков» Аксакова и других оппонентов, но объясняет свойствами своей натуры невозможность писать иначе. В то же время Достоевский постарался в последнем «Дневнике» резче, чем обычно, выставить главные мысли и,

---

[1] Также: «О, я не пускаюсь в подробности, где мне, и если даже начать всё разъяснять и описывать, то, думаю, и „всему миру не вместить бы книг сих“» (стр. 20).

по возможности, «разжевать» их, чтобы они не вызвали смущения. Внимание к форме, стремление сделать композицию «Дневника» строже ощутимы и в записной тетради. Достоевский набрасывает план из трех пунктов, которые должны быть в центре «Дневника»: «1) Совершенно иное отношение администрации к земле, чем было до сих пор. 2) Совершенно иной взгляд на Россию, как не на европейскую только державу, но самостоятельную и азиатскую. 3) Совершенно иной взгляд на самую администрацию и реформы к ней» (стр. 70).

Результаты ограничений и запретов, наложенных на себя с целью отделить главное от второстепенного, определили специфические особенности последнего «Дневника». Никогда ранее голос Достоевского-публициста не звучал так уверенно. Это своего рода развернутая передовая статья программного значения, слова учителя и пророка, временами обнаруживающие несомненную близость с поучениями Зосимы в «Братьях Карамазовых». Достоевский спешит заявить новые «принципы», обнажает самую суть дела, устраняя подробности и детали, погашая невольно возникающие сомнения и вопросы. Они, конечно, существуют, но Достоевский предпочитает в интересах «дела» и «идеи» их пока не касаться, отстраняя их на время, до будущих выпусков «Дневника». «Потому еще прерываю, что на двух листках моего „Дневника" и без того не уписал бы всей статьи, так что и поневоле пришлось бы отложить до следующих, грядущих номеров...»; «Правда, я опять увлекся, и мне тут же <...> могут напомнить, что ведь я и доселе, столько уж написав, всё еще не собрался разъяснить: какое именно теперешнее текущее я подразумеваю и какое именно будущее текущее ему предпочитаю. Вот это-то именно я и хочу разъяснять неустанно в будущих моих номерах „Дневника"» (стр. 26, 27).

Не ограничившись приведенными упреками, Аксаков (в письме от 23 августа) прочел Достоевскому длинную проповедь на тему, каким образом следовало знакомить публику со славянофильско-христианскими идеями: «Зачем же самому автору, распространяющему одною рукою благоухание Христова имени, другою добровольно подкуривать вонь? <...> Нет ничего, о чем было бы нельзя говорить, не вознесшись до высоты целомудренного искусства» (*Аксаков, Письма*, стр. 356—357). Назидательный тон письма не понравился Достоевскому. При всей доброй воле и искренности Аксакова его наставления отличались наивной бесцеремонностью и, возможно, напомнили Достоевскому те прежние времена, когда он нелицеприятно упрекал редактора «Дня» в догматизме, узко-«московском» взгляде, доктринерстве, отрыве от действительной жизни, плоско-утилитарном взгляде на искусство. На этот раз в прямую, открытую полемику Достоевский не вступил. Аксакову он ответил критикой первых номеров «Руси», сохранив в неприкосновенности и те приемы «Дневника писателя», которые вызывали раздражение Аксакова.

Достоевский (с большой задержкой) вернул (в письме от 3 декабря) Аксакову его же упреки, откровенно и довольно язвительно высказавшись о первых трех номерах «Руси»: «Не пренебрегайте и еще одним „грубым" советом. Делайте „Русь" разнообразнее, занимательнее <...> А то скажут: умно, но не весело, и читать не станут». Там же он выразил разочарование отсутствием острой полемики в «Руси» и высказал по поводу одной «статейки» критическое замечание — слегка завуалированный, иронический ответ на недавние эпистолярные нравоучения Аксакова: «...ума и правды много, но мало *жала*. Поверьте, глубокоуважаемый Иван Сергеевич, что жало — еще не есть ругательство. В ругательстве, напротив, оно тупится. Я не к ругательству призываю. Но жало есть лишь остроумие глубокого чувства, а потому его завести непременно надо».

Не собирался Достоевский отказываться от сатирического жала, от того, что Аксаков называл «фельетонно-художественными» приемами. Не снизил он в последнем «Дневнике писателя» и полемически-обличительного пафоса, дав полную волю гневу и раздражению против «либералов» и «западников»: «Кто их не видывал: либерал всесветный, атеист

дешевый, над народом величается своим просвещением в пятак цепы! Он самое пошлое из всех пошлых проявлений нашего лжелиберализма. но все-таки у него неутолимо развит аппетит, а потому он опасен» (стр. 12). Органически вошли в «Дневник» сугубо сатирические вставки — речь воображаемого высшего петербургского бюрократа в защиту чиновничьего сословия, и басня Крылова, и едкая критика либеральных проектов «увенчания здания», и карикатурный портрет «передового и поучающего господина», и, наконец, отступление (очередное, от «финансовой» статьи) о капитанах Копейкиных.

В записной тетради Достоевский полемизирует со своими оппонентами еще резче, называя и органы прессы и поименно очень многих «либералов» и «консерваторов». Больше всего в ней набросков для полемического ответа К. Д. Кавелину. Возможно, Достоевский собирался отвечать ему специально в одном из будущих выпусков «Дневника», как ранее Градовскому. Достоевский полемизирует обобщенно с мнением всей «европейской партии», вероятно учтя критику Аксакова. Впрочем, современникам были ясно видны конкретные намеки и объекты полемики. И даже там, где полемика несомненно метила не в какое-либо «частное» либеральное лицо, а поражала всю либерально-бюрократическую прессу, весь «верхний пояс», можно с некоторой долей вероятности определить источник, литературный повод, ту или иную статью, от которой отталкивалась мысль Достоевского. Так, «чернорабочие крысы» [1] (эмблема чиновничье-бюрократического аппарата России) попали в «Дневник», видимо, не из «Ревизора» Гоголя, а из трактата Н. А. Любимова (под псевдонимом «Варфоломей Кочнев») «Против течения».[2] Любимов придал своему сочинению антилиберальный (но частично и оппозиционный правительству) характер. Он с консервативной точки зрения скептически отзывался о «проектах» и «комиссиях» в год «диктатуры сердца». «Все управления кишат проектами, нет мало-мальски заметного чиновника, который не был бы членом десяти комиссий; все кажется изучается, взвешивается и здесь и во всех странах мира <...> а колесница стоит на месте. Так и останется, ибо весь этот парад есть только внешнее подобие дела, а не самое дело» (*РВ*, 1880, № 8, стр. 620). Любимов далее, развивая мысль и усугубляя скепсис и иронию, обращается к гоголевским образам и выражениям: «Иван Александрович Хлестаков, повествуя о своей петербургской деятельности, хвастался, что он только заходит в департамент взглянуть, распорядиться, дать указания, а там уж этакие крысы-чиновники сидят и пишут, и пишут, сам же просвещенный чиновник по вечерам играет в вист: „Французский посланник, немецкий посланник и я", а в минуты досуга пишет статьи для журналов <...> Как изумился бы автор „Ревизора", увидев воочию, что в наше время Иваны Александровичи действительно играют в вист с французским посланником, дают направление умам и пишут передовые статьи в газетах, изображая собою общественное мнение. Зато племя крыс-чиновников исчезло, а „пустейшие" <...> стали на первый план. Представь себе царство гоголевских городничих — плутов, но по-своему не глупых людей <...> замененным царством усовершенствованных Хлестаковых» (там же).[3]

[1] «Танцуя и лоща паркеты, создаются в Петербурге будущие сыны отечества, а „чернорабочие крысы", как называл их Иван Александрович Хлестаков, изучают отечество в канцеляриях и, разумеется, чему-то научаются, но не России, а совсем иному, подчас очень странному» (стр. 15).

[2] Достоевский дважды (в письмах к Любимову) сочувственно выделял трактат как явление значительное и полезное. Ср. отзывы о нем В. П. Буренина (*НВр*, 1880, 19 сентября, № 1638).

[3] Рядом фактов и цитат, извлеченных Любимовым из петербургских газет, Достоевский воспользовался в «Дневнике». Так, Любимов писал: «...наши благодетели народа на деле весьма невысокого о нем мнения, особенно после неудачи „хождения" в народную массу. Судившаяся не-

Капитаны Копейкины — ретрограды, либералы, хищники, «в бесчисленных видоизменениях, начиная с настоящих, до великосветских и раздушенных» — видимо, тоже вызванная конкретной современной полемикой, опосредствованная и столь же (как с «чернорабочими крысами») индивидуально преломленная Достоевским ассоциация. Достоевский был знаком, по-видимому, только с цензурным вариантом «Повести о капитане Копейкине». «Волчий аппетит» капитана Копейкина этой редакции, претензии его на роскошную петербургскую жизнь гиперболизировались в «Дневнике»: «„Чем хуже, тем лучше ‹...› но это ведь только для других, для всех, а самому-то мне пусть будет как можно лучше“...» (стр. 11). Из многих разновидностей Копейкиных Достоевский выделяет Копейкиных-либералов. Возможно, что Достоевский находился под свежим впечатлением фельетона Г. Д. Градовского «Новогодние визиты», где петербургский журналист рекомендует некоему вымышленному «американцу» для понимания русских дел ознакомиться с повестью Гоголя: «А вы, говорит, читали „Повесть о капитане Копейкине“?.. Не читали?.. Ну, так прочтите... Там всё это наглядно объяснено еще Гоголем. Вы узнаете, какими судьбами человек, лишившийся руки и ноги в сражениях и, можно сказать, кровь проливавший свою за отечество, до разбоя на больших дорогах доходит... Когда всё откладывают, да ожесточают людей, да лишают их справедливости, заслуженного... Да вы лучше прочтите» («Молва», 1881, 3 января, № 3).[1]

4

Достоевский в «Дневнике писателя» 1876 и 1877 гг. большое место уделял событиям русско-турецкой войны, судьбам южных славян и Константинополя, миссии русского народа на Балканах и в Европе; он не раз выступал с «пророчествами», «прорицаниями» и едкой патриотической полемикой. Берлинский конгресс 1878 г. нанес его мечтам удар. Враждебная России позиция Германии (Бисмарка) и Великобритании (Биконсфилда), ошибки русской дипломатии привели к тому, что добытые ценой огромных для России жертв победы дали непропорционально малые результаты. Сильно возросли во многих слоях русского общества, недавно пережившего подъем, скепсис, даже отвращение к внешнеполитическим вопросам.[2]

давно Коленкина, сопротивляясь аресту и встретя полицейских градом брани, с особенным уязвлением обзывала их „мужиками“. Газета „Страна“ подсмеивается над „мужиком“, „простодушным, верующим, преданным“, и поясняет, что „народный вопрос“, заботящий газету, „был и есть у нас вопрос интеллигенции, вопрос о всеоружии прав и свободной мысли свободной интеллигенции“. Вот сколько свободы! „Ведь не из деревни же, — прибавляет газета, — мы получим разрешение вопроса о свободной интеллигенции и добудем для нее всеоружие прав“. По крайней мере твердо сказано. Интеллигенция свободная и во всеоружии. А народ-то? Народ *быдло*, как говорили паны» (*НВр*, 1880, 19 сентября, № 1638. Ср. наст. том, стр. 9).

[1] Г. К. Градовский значительно позже в очерке «Капитан Копейкин» прославляет гоголевского героя — и именно первой доцензурной редакции. И, видимо, не забыв о сарказмах Достоевского, Градовский с гордостью писал о деятельности Копейкиных-литераторов: «Имеются Копейкины и в литературной среде, где неустанно, днем и ночью, во время мира и во время войны ‹...› совершается необходимейшая государству и обществу служба, кипит тот умственный труд, помимо которого не может быть ни движения мысли, ни выяснения истины, ни своевременной осведомленности» (Юбилейный сборник Литературного фонда. СПб., 1909, стр. 549).

[2] «Голос этот великого государства не слышится и влияние его не чувствуется на европейских советах, даже в области наших ближайших интересов. Недавно одна из наших газет выразилась, что „внешней политики у России теперь нет, и слава богу“», — констатировал в передовой статье орган А. А. Краевского—В. А. Бильбасова (*Г*, 1880, 1 января, № 1).

Двадцать второго июня 1878 г. И. С. Аксаков произнес в московском Славянском благотворительном обществе свою знаменитую, очень эмоциональную речь, вызвавшую широкий общественный резонанс и неудовольствие в правительственных кругах. Аксаков гневно обрушился на «русскую дипломатию», обвинив ее в том, что она предала на Берлинском конгрессе интересы России и славянского мира: «Нет таких и слов, чтоб заклеймить по достоинству это предательство, эту измену историческому завету, призванию и долгу России...» (*Аксаков, Сочинения*, т. I, стр. 305). Аксаков русских дипломатов заклеймил как врагов России, еще более опасных, чем «нигилисты» и террористы: «Самый злейший враг России и престола не мог бы изобрести что-либо пагубнее для нашего внутреннего спокойствия и мира. Вот они, наши настоящие нигилисты, для которых не существует в России ни русской народности, ни православия, ни преданий, — которые, как и нигилисты вроде Боголюбовых, Засулич и Ко, одинаково лишены всякого исторического сознания и всякого живого национального чувства. И те, и другие — иностранцы в России <...> и те и другие чужды своему народу, смотрят на него как на tabula rasa, презирают его органические, духовные начала <...> Все они — близкая друг другу родня, порождение одного семени <...> Представляю вам самим решать, кто же, однако, из них: сознательных и бессознательных, грубо-анархических и утонченных государственных нигилистов, в сущности, опаснее для России, для его народного и духовного преуспеяния и государственного достоинства?» (там же, стр. 306). Достоевский безусловно всецело разделял чувства Аксакова.

К январю 1881 г. решения Берлинского конгресса стали уже историей. Общественность теперь больше всего волновали внутренние проблемы: перспективы «увенчания здания», слухи о возможных близких переменах к 20-летней годовщине отмены крепостного права, террористическая деятельность народовольцев. Немного о Восточном вопросе и в «Дневнике писателя»: несколько язвительных реплик и смирение перед реальными фактами — сегодня говорить о судьбе южных славян и Константинополе бессмысленно, неактуально. Достоевский, правда, предложил решительное сокращение русских дипломатических представительств в Европе как «оздоровительную» финансовую меру.

Высказался Достоевский и о надлежащих, с его точки зрения, отношениях между Россией и Европой. Его главный тезис — прекращение традиционной, ничего, кроме лишений и неприятностей, не принесшей политики «служения Меттерниху»: развитие тезисов полемической части «Дневника писателя» 1880 г. (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 171, 225, 226). Россия, считает Достоевский, не может не следить внимательно за развитием событий на Западе, но от вмешательства в них пока должна воздерживаться, чтобы позднее, в удобную минуту, воспользоваться для этого иной, более благоприятной ситуацией.

Ближе всего внешнеполитическая позиция Достоевского к тезисам, прогнозам и рекомендациям Н. Я. Данилевского в статье «Россия и восточный вопрос». Последняя обратила на себя внимание Достоевского, так как имела в славянофильско-патриотических кругах успех.[1] Автор касается итогов недавней войны и решений Берлинского конгресса: «Победоносная война, которая разгромила и повергла в прах исконного врага, окончилась договором, который не только не веселит сердце русского человека, но, напротив, угнетает его даже более, чем Парижский трактат» (*РР*, 1879, № 1, стр. 212).

Данилевский предлагает извлечь отсюда уроки и изменить политику России: «Чтобы избежать плачевной участи перехода от неудачи к неудаче, несмотря даже на самые поразительные военные успехи, политике

---

[1] О статье Данилевского, как появившейся «случайно» в «Русской речи» А. А. Навроцкого, Достоевский пишет 28 марта 1879 г. О. А. Новиковой. Там же он сообщает и об «эффекте», произведенном статьей.

России ничего не остается, как повернуть на старый екатерининский путь, то есть открыто, прямо и бесповоротно сознать себя русскою политикой, а не европейскою, и притом исключительно русскою, без всякой примеси, а не какою-нибудь двойственною, русско-европейскою или европейско-русскою, ибо противуположности несовместимы <...> Интересы России и Европы противоположны, — говорим мы» (*РР*, 1879, № 2, стр. 185—186). «... Россия для достижения своих целей должна пользоваться всеми ошибками Европы, всяким внутренним раздором ее, всякою надобностью, которую то или другое государство может встретить в помощи России» (там же, стр. 191).

Последняя (третья) глава «Дневника» посвящена будущему России в Азии. Либеральная пресса — «Голос», «Молва», «Страна», «Порядок», «Русские ведомости» — особенно после неудач генерала Ломакина требовала прекращения новых военных операций и обращения ко внутренним реформам. Так, «Голос» в передовой «Смета главного интендантского управления на 1881 год» говорил о сокращении военных расходов как о мере первостепенной важности, от которой зависит экономическое выздоровление России (*Г*, 2 ноября, № 303). И. Ф. Василевский (Буква) в фельетоне «Наброски и недомолвки» писал о бессмысленности ахалтекинской экспедиции («Молва», 1881, 11 января, № 11).[1] Аналогичным образом высказывалась «Страна» (1880, 16 ноября, № 90; 1881, 8 января, № 4). Достоевского неприятно поразило и «Ежедневное обозрение» в газете, направлению которой он симпатизировал (*НВр*, 1881, 2 января, № 1741). Обозреватель, размышляя над государственной росписью доходов и расходов, поддерживал здесь план министра финансов Абазы.

Всем этим органам печати Достоевский раздраженно отвечал в «Дневнике», находя их настроения особенно опасными в условиях сложившейся к 1881 г. ситуации, «когда все-то там держат против нас камень за пазухой» (стр. 27). В этой обстановке враждебности европейских держав к России Достоевский считал, что текущие финансовые затруднения не должны отвлечь правительство и общество от свершений (в том числе и «экономических»), которые сулили в будущем стране новый подъем. А они, по его мнению, были связаны с цивилизаторской миссией России и русских поселенцев («урусов») в Азии. Поэтому он такое значение придавал падению Геок-Тепе, так энергично восставал против тех, кого победа русских войск не настроила на патриотический лад.

Голоса либеральных критиков не умолкли и после успеха армии Скобелева. «Голос» в передовой «Взятие Геок-Тепе» выражал надежду, что теперь, после того как восстановлено «достоинство русского имени», прекратятся дальнейшие военные экспедиции (*Г*, 1881, 15 и 26 января, №№ 15 и 21). И точно так же «Молва», поздравляя русских воинов, столь же энергично требовала окончания похода (1881, 15 января, № 15); а в статье М. Л. Песковского (1843—1903) «За неделю» осуждались воинственные настроения верхов, подогретые успехами русской армии: «В высшей степени печально <...> легкомыслие известной части журналистики, забывающей о том внутреннем процессе, который переживает теперь Россия и из которого необходимо как можно скорее выйти, далеко отбросив всякие помыслы о текинцах и мервах» («Молва», 1881, 18 января, № 18).

Песковский имел в виду, прежде всего, статьи и заметки, появившиеся в январе в катковских «Московских ведомостях», «Руси», «Новом времени»[2] (ср., напр., *НВр*, 1880, 30 декабря, № 1739). Газета Суворина от-

---

[1] Более осторожную позицию занимала «Русская мысль». Но и этот журнал в статье (за подписью «Влад—ов») «Ахал-Текинская экспедиция и ее политическое значение» призывал к прекращению военных действий, предостерегая от возможных «серьезных недоразумений с Англией» (см.: *РМ*. 1881, № 2, стр. 98, 100).

[2] Сам редактор «Нового времени» занял позицию осторожную, половинчатую. В «Разговорах с г-ном министром. (Из записок отрывочного

кликнулась на успех русских войск статьей «Взятие Геок-Тепе», где говорилось: «Еще одна славная страница в нашей военной истории, еще один лавр в венке молодого и талантливого полководца! .. <...> Рядом с этим — вдали от этой героической бойни — слышались завистливые, недоброжелательные голоса <...> Слава войску, заслужившему их, и вечная память павшим!» (*НВр*, 1881, 15 января, № 1754. Ср.: там же, 26 января, № 1765; «Русь», 1881, 17 января, № 10; *МВед*, 1881, 14 и 15 января. №№ 14 и 15). Таков исторический контекст, необходимый для понимания внешнеполитических размышлений Достоевского в январском номере «Дневника».

В январских номерах газет, особенно внимательно и с сочувствием читаемых Достоевским, появились также пересказы и цитаты из немецкой и английской прессы, выражавшие враждебность к России в связи с падением Геок-Тепе (см.: *НВр*, 1881, 18, 20 и 23 января, №№ 1757, 1759 и 1762). Еженедельная газета «Русь» в статье О. К.[1] излагала речь лорда Литтона: «Каждый английский государственный человек должен помнить о страшной опасности, которой нас может подвергнуть Россия» («Русь». 1881, 24 января, № 11).[2]

На все эти русские и иностранные голоса Достоевский и откликнулся призывом к новой политике тогдашней России в Азии, от проведения которой в жизнь, по его мнению, зависело ее возрождение. Причем он верит, что цивилизаторская миссия «наша в Азии», оздоровит и внутреннюю жизнь — русскую экономику и науку.

5

Посмертный выпуск «Дневника» вызвал много пестрых откликов в столичной и провинциальной печати. Поток соболезнований, некрологов, памятных заседаний, воспоминаний о Достоевском продолжался весь год. «Катастрофа» 1 марта лишь на время прервала публикацию в газетах материалов под рубрикой «Памяти Ф. М. Достоевского», но ее последствия были весьма существенными: обострилась полемика между либералами и консерваторами по поводу Достоевского вообще, январского «Дневника» в частности.

Органы либеральной прессы, еще недавно резко полемизировавшие

человека)» он писал: «Армии, к сожалению, необходимы, но еще более необходимо образование. Если для армии достают денег, достаньте их и для образования» (*НВр*, 1881, 18 января, № 1757).

[1] О. К. — О. А. Новикова (Киреева, 1840—1925), автор ряда книг (на английском языке), корреспонденций и статей в «Московских ведомостях» («Вести из Англии»), «Руси», а также в английских газетах. Достоевский состоял с Новиковой в дружеской и литературной переписке, беседовал с этой талантливой публицисткой славянофильского толка. Политические взгляды Новиковой сжато очерчены в статье «Маленький фельетон. Без конституции» («Русь», 1881, 3 января, № 1742). См. также рецензии на книги Новиковой: «Is Russia wrong?» и «Russia and England» — *РВ*, 1880, № 11, стр. 399—406; *РМ*, 1880, № 11, стр. 81—95). В некрологе «Несколько слов о Карлейле» Новикова почтила и память Достоевского: «Достоевский покинул нас, когда талант его блистал полной силой, когда его неподкупное, бесстрашное слово всего более приносило плодов. Именно теперь Достоевский более всех имел возможность говорить авторитетно молодежи <...> его главная сила заключалась в очевидной неподкупности, в искренности, в неспособности кривить и торговать душою, а молодость только таким людям и верит безоглядно, только за такими и готова следовать: смерть Достоевского в настоящую минуту — глубокое горе для всей России» («Русь», 1881, 7 февраля, № 13).

[2] В «Политическом обозрении» газеты «Русь» есть мысли, близкие к идеям Достоевского (см.: «Русь», 1881, 31 января, № 12).

с ответом Достоевского А. Д. Градовскому, сочли неудобным по тактическим и этическим соображениям выступить с возражениями умершему противнику. Г. К. Градовский, один из самых постоянных и резких оппонентов Достоевского, отдавал должное не только художнику (это делали все), но и политическому публицисту: «Сколько раз приходилось мне возражать, горячо нападать на известные взгляды и выводы Достоевского, но никто более меня не ценил, не уважал его как писателя, как человека. Еще на днях, в беседе с К. Д. Кавелиным, мы выражали желание поскорее увидать возобновленный „Дневник писателя“. Первый нумер должен был выйти 31-го января... Достоевский даже в заблуждении был нам полезен. Он будил нашу мысль, его слово было высоко честно и неподкупно искренно. Великая потеря, тяжелое горе!» («Молва», 1881, 30 января, № 30).[1] «Мы не были поклонниками мистических учений Достоевского, — значительно сдержаннее и суше писал другой публицист газеты Ар. Введенский. — Но потеря его для русской литературы и русского общества горько и болезненно сжимает сердце <...> Смерть Достоевского примиряет с ним и его литературных противников. Теперь он для нас человек, веривший в будущее русского народа, хотя, быть может, колебавшийся в путях, ведущих его к этому будущему» (там же, 31 января, № 31). «Порядок» Стасюлевича о Достоевском-публицисте писал столь же уклончиво и неопределенно, воздерживаясь от полемики: «Он умер среди разгара противоположных мнений, им вызванных, — умер, готовясь наносить и получать полемические удары от лиц, несогласных с его политическими идеалами. Но кто станет теперь, в скорбную и торжественную минуту, думать и говорить об этих спорах. И они, и материал, их вызвавший, еще слишком близки нам, слишком еще мало по отношению к ним спокойствия и беспристрастия, создаваемого временем, которое одно, развернув туманное будущее, покажет, насколько верно смотрел на призвание и свойства своей родины несомненно глубоко и горячо любивший ее покойный. Живучесть его политических идеалов — в будущем, в нем их сила или слабость, и не о них приличествует говорить теперь. Но образы, им созданные, — живут уже полною жизнию, вылившись из „жаждавшей и алкавшей правды“ души своеобразного и несравненного мастера» (К—н т <А. Ф. Кони>. У гроба Ф. М. Достоевского. — «Порядок», 1881, 30 января, № 29). Что касается январского выпуска «Дневника», то газета ограничилась большой цитатой из него, сопроводив слова Достоевского дипломатичной аннотацией: «Вчера вышел первый — и последний нумер „Дневника писателя“ Ф. М. Достоевского <...> Заимствуем, на память, то место из „Дневника“, в котором, по нашему мнению, всего яснее выразилось основное убеждение покойника, и где может найтись много симпатичного для людей самого различного образа мыслей, и где автор в то же время сохранил верность своему индивидуальному миросозерцанию. Дело идет о противоположности Петербурга — России <...> Но неумолимая смерть сомкнула уста автора, — и вот мы снова без ответа, который и сам покойный признал капитальным» (там же, 1 февраля, № 31).

«Страна», более подробно коснувшись публицистики, убеждений Достоевского, строго выдерживает приличествующий траурным обстоятельствам тон: «Если в его суждениях, среди блестящих, истинно-талантливых страниц, слышалась иногда мысль, поражавшая своею странностью или ведущая к нежелательным выводам, если в словах его звучала иногда неверно взятая нота, то каждый хорошо понимал, что всё это пишется и говорится прямо от души, искренно и без всякой задней мысли, без всякого постороннего соображения. <...> он прямо высказывал всё, что есть на душе, все свои мнения и сомнения, открывая читателям тот путь, по которому он думал прийти к своей постоянной и единственной цели —

---

[1] В том же духе и другие траурно-памятные статьи в «Молве»: Г. К. Градовского «Памяти Достоевского», И. Ф. Василевского (Буквы) «Наброски и недомолвки. Еще о Достоевском» (1881, 1 февраля, № 32).

к правде. И если на этом трудном и тернистом пути он, как многие упрекали его в последнее время, иногда делал неверный шаг, — то упрек этот разделят с ним, конечно, все искатели истины» («Страна», 1881, 1 февраля, № 14). В том же номере газеты (в фельетоне за подписью «*Фр.*») уделено несколько теплых слов последнему произведению Достоевского: «Перед нами выпуск „Дневника писателя“, вышедшего в свет уже после смерти издателя, сегодня. Невозможно без слез видеть этих добродушных страниц, в которых чудится то предчувствие близкой кончины, то какая-то детская уверенность в том, что ему еще не последний раз приходится говорить с читателем. А эта последняя приписка к последней статье по поводу победы у Геок-Тепе: „...вечная память выбывшим из строя богатырям! Мы в наши списки их занесем. Ф. Достоевский“. Кто не задумается над таинственным смыслом их?».

А. Н. Пыпин в сильно запоздавшем некрологе «Вестника Европы» ясно выявил причины, побудившие ведущие органы либеральной печати на первых порах ограничиться неопределенными, корректными формулировками и траурной риторикой: «Смерть есть такой мрачно-таинственный факт, перед которым обыкновенно умолкают недавние споры и несогласия ‹...› Нужно, чтобы факт отделился, для того, чтобы возможно было снова возобновить спор, в котором (как в настоящем случае) писатель, кончивший свое поприще, играл свою характеристическую роль. Неприятным диссонансом, малодушием отзывается слово вражды, обращаемое несмягченным или противниками на замолкшего писателя или его друзьями на противников его при жизни» (*ВЕ*, 1881, № 3, стр. 422—423).

Однако «Русь», «Московские ведомости», «Новое время» (и частично «Неделя»), такие публицисты и издатели, как В. Мещерский, М. Катков, К. Бестужев-Рюмин, О. Миллер, И. Аксаков, А. Суворин, В. Буренин, П. Гайдебуров не только не собирались отложить споры до тех пор, пока «факт отделится», но заняли позицию воинственную и вызывающую, используя и небывалые похороны писателя, и его публицистику последних лет, в том числе январский выпуск «Дневника», в пропагандистских целях. «Московские ведомости» поместили очерк В. Мещерского «По поводу выноса тела Ф. М. Достоевского из квартиры в Невскую лавру»; там похороны объявлялись «чудным и торжественным засвидетельствованием истины верований мыслителя, возлюбившего истину всею мыслию своею и всем сердцем своим» (*МВед*, 1881, 4 февраля, № 35). О «Дневнике писателя» газета Каткова отзывалась как о пророчестве и шедевре Достоевского-публициста: «...последний, замогильный завет просветленного русского сердца, перед которым предстала, как в откровении, глубочайшая суть русской народности» (Z. К биографии Ф. М. Достоевского. — Там же, 1 марта, № 60). Особенно охотно воспользовались «Московские ведомости» «антилиберальными» местами «Дневника писателя»: «Беспощадная и меткая критика, которой он подвергает наш лживый „либерализм“, откроет глаза тем из нашей публики, кто до сих пор признавал еще за этою невежественною пародией какую-нибудь разумную причину существования. Сами наши *либералы* очень хорошо поняли всю вескость нанесенного им удара. Этот удар был для них тем чувствительнее, что они только что накануне с фарисейским лицемерием выражали у гроба покойного писателя то же самое дешевое притворное сочувствие, с каким они в прошлом году приехали в Москву на Пушкинские празднества ‹...› Покойный их же Копейкиными назвал ‹...› На защиту излюбленного „лжелиберализма“ выступил известный фельетонист „Голоса“ капитан Модестов... ‹...› Нет, господа лжелибералы, теория Достоевского основана на живом знании нашего народа, на горячей и искренней любви к этому народу и на незыблемой вере в его самостоятельную будущность ‹...› Как Достоевский, так и мы называем вас „либералами“ не в смысле брани, а в смысле насмешки... ‹...› Либеральные партии во всех странах состоят из людей более или менее просвещенных и неразрывно связанных со своим народом. А вы — жалкие обскуранты, враги своего народа, вопиющие о нуждах народа России, когда дело идет об удовлетворении ваших аппетитов

‹...› Вы либеральные „капитаны Конейкины“!» (там же, 19 февраля, № 50).[1]

«Русь» Аксакова предприняла самую эмоциональную попытку «канонизации» Достоевского-мыслителя в совершенно определенном славянофильско-православном духе. Прославление некоторых, под тенденциозным углом зрения отобранных, политических и религиозных идей Достоевского И. С. Аксаков (в статье «Смерть и похороны Достоевского») иллюстрировал обильным цитированием последнего «Дневника писателя», особенно фрагментов о «русском социализме» и православном русском народе. Достоевский в таком изложении предстал убежденным, непримиримым противником любых либеральных течений, монархистом и религиозным мыслителем: «Идея внешней, социальной равноправности бледнела и исчезала для него в *высшей* идее — в христианской идее *братства*» («Русь», 1881, 7 февраля, № 13). Газета предъявляла свои исключительные права на единственно верное истолкование Достоевского, отвергая другие попытки как якобы искажающие подлинный облик мыслителя-христианина, недобросовестную и фальшивую «либеральную» обработку творчества писателя: «...Достоевский не дал никому права ошибаться на его счет, делить его надвое и производить из его творений какие-то экстракты с очищением от „мистических“ примесей. Он *един* во всем разнообразии своих сочинений, он целен или — повторим его слово — целокупен с начала и до конца своего авторского поприща. Всё у него исходило из *одного* и сводилось к *одному* — из Христа и к Христу» (там же). Последний «Дневник» Достоевского «Русь» квалифицирует как «завещание, обращенное к русской интеллигенции». «Единый» Достоевский в назидательно-полемической трактовке И. С. Аксакова неизбежно оказался тоже «экстрактом», но очищенным от других «примесей» — социальных и демократических.[2]

---

[1] О. Миллер говорил о том, что «либералы» своими полемическими выпадами против речи о Пушкине ускорили кончину писателя: «... к его кипучему, высоко бьющему слову чуть ли не на другой же день приложили мелкий аршин холодного рассудка, тупым ножом скептицизма распластали каждую его фразу — и с видом высокой благонамеренности пошли охранять от него молодежь. Он, видите ли, мог ее увлечь в мистицизм. Для охранения ее ‹...› надо было сразу сбросить его с той высоты, на которую они же невольно его вознесли заодно с другими. Но как же должен был подействовать такой переход от своего рода обоготворения к развенчанию на человека, правда, с закаленной душою, но с душою, державшеюся в „скудельном сосуде“, надломленном давно — всем хорошо было известно, когда и почему. Но это не удержало, никто не одумался. А все это действовало на Достоевского ‹...› Если скудельный сосуд Достоевского надломился уже давно — не по нашей вине, то мы сами недавно — никто как мы — помогли его окончательно надломить» («Неделя», 1881, 1 февраля, № 5).

[2] Газета Аксакова из номера в номер на протяжении 1881 г. публиковала письма Достоевского, воспоминания о нем, полемические заметки и статьи «по поводу» Достоевского. Весь этот материал был тщательно подобран и пристрастно прокомментирован. Так, «Русь» (1881, 14 апреля, № 14) опубликовала письмо Достоевского 1878 г. к московским студентам, а затем в передовой статье эксплуатировала его авторитетное мнение: «Это единственно правильное и честное отношение ‹...› Справедливо увещает молодых людей Достоевский: не слушай тех, кто, ратуя будто бы в их пользу, учит их вместе с тем пренебрегать народом, обзывая его чернью. ‹...› Никакие корпорации и прочие студенческие привилегии не приведут ни к чему, если студенты сами не проникнутся уважением и любовью к своему народу, не почтут вместе с ним того, что он чтит, и не поймут в то же время, что главная задача их пребывания в университете — это учение и учение, — это приготовление в себе будущих дея-

«Новое время» заняло более реалистическую позицию в спорах «вокруг Достоевского», чем «Московские ведомости» и «Русь». Статья Суворина «О покойном», без сомнения, одна из лучших статей о Достоевском в 1881 г. Суворин далек от пафоса и терминологии Аксакова, не стремится безоговорочно представить политические идеи Достоевского как истину, не подлежащую обсуждению. Но антилиберальная тенденция в его очерке столь же сильна: «Политические идеалы Достоевского, мимоходом сказать, были широки, и он не изменил им со дней своей юности. До этих идеалов очень далеко г-дам либералам, которые так безжалостно, а иногда и мерзко его преследовали, называя даже „врагом общественного развития" <...> Народная гордость жила в нем, жило в нем то сознание силы русского народа, которое разным пошлякам кажется квасным патриотизмом, но уже не кажется это так вступающему в жизнь поколению. Эта независимость духа, эта искренность, с какою он высказывал свои мнения, насколько позволяли ему условия печати, сделали его любимцем публики, любимцем подрастающих поколений. Весь либерализм наших либералов из любой иностранной книжки можно вычитать, но русскую душу можно узнать только в глубоком писателе-человеке» (*НВр*, 1881, 1 февраля, № 1771).

Через неделю Суворин вернется к одной из главных тем траурного очерка-мемуара в «Недельных очерках и картинках». Там он в уста некоего «отрывочного человека», директора департамента, вложит «одобрительный» отзыв о своей статье: «Я с удовольствием прочитал ваш прошлый фельетон о Достоевском <...> Он действительно земскому собору придавал большое значение и именно собору по сословиям, начиная с крестьянского. Я этой идее тоже не могу отказать в уважении. Правительство Людовика XVI сначала собрало нотаблей — это первая ошибка его, важнейшая; из нотаблей вышли генеральные штаты, где представительство среднего сословия было удвоено — это вторая ошибка, вытекавшая из первой, а революция — третья ошибка, но не правительства уже, а национального собрания. Народ не спрашивали и с ним не рассуждали. Кто попал из них в собрание, тот был ничем, без голоса, без значения. Все взяло третье сословие, а народ ждал и выбивался и выбивается доселе. Революция его обошла, как обошло его и правительство. В наше время такой ошибки повторять не следует: народ должен быть на первом плане — его обучение, его благосостояние, его свобода от экономических пут» (там же, 8 февраля, № 1778). Несомненно, что это одновременно объяснение и развитие мысли Достоевского в «Дневнике» о призвании «серых зипунов».

Демократическая и либеральная печать не могла остаться равнодушной к такой канонизации Достоевского — религиозного и политического мыслителя. Закономерно, что разговор о Достоевском-художнике отошел на задний план. И, напротив, его публицистика, его последний «Дневник писателя», о котором иногда говорилось как о пророчестве и политическом завещании, стали главной темой полемических статей, заметок, реплик «Голоса», «Молвы», «Порядка», «Вестника Европы», «Отечественных записок». «Голос» в начале февраля поместил большую, корректную разъяснительную статью публициста и профессора В. И. Модестова «Невольная тема». Модестов определенно высказался в ней о политической публицистике Достоевского и последнем «Дневнике»: «Достоевский, по нашему мнению, не был политическим мыслителем, и лучше всего было бы оставить его с этой стороны в покое. Но так как заходит речь о его политических убеждениях, которые многими принимаются как некоторое

телей, достойных русской земли и так нужных, так нужных ей!..» (20 апреля, № 15). Столь же характерны ссылки на последний «Дневник» (и большая цитата из него) в статье К. М. «Прототип нигилиста» (13 июня, № 31) и публикация письма Достоевского к врачу А. Ф. Благонравову (18 июня, № 36).

откровение, то нельзя не остановиться на этом вопросе. Посмертный выпуск его „Дневника“, напечатанный, говорят, в огромном числе экземпляров, даже в некоторой степени обязывает печать к разъяснению пункта, далеко неясного в литературной деятельности оплакиваемого русским обществом писателя. Повторяем, пункт этот в деле оценки литературного значения Достоевского маловажен; он имеет, однако, интерес общественный» (*Г*, 1881, 8 февраля, № 39).[1] Доминирующими чертами политической публицистики Достоевского Модестов считает эмоциональность, фантазию, утопизм, мечтательность: «Он был утопист, доходивший до последних пределов мечтательности. Его политическая теория, если можно называть таковою его горячие, страстные чаяния, не может подлежать строгому обсуждению. Она основана не на фактах, не на истории, не на статистике, не на исследованиях политикоэкономических, не на философских умозрениях, а скорее дело чувства и фантазии, тех способностей его богато одаренной духовной природы, без которых он не мог произвести ничего великого в своих поэтических творениях, но которые оказывают плохую услугу в выработке здравой политической теории» (там же).

В то же время В. Модестов решительно отделил Достоевского-публициста от «защитников застоя», опираясь, в частности, на отдельные высказывания в посмертном выпуске «Дневника писателя» и — еще больше — на воспоминания Суворина: «...всё, что обнародовано в последние дни о разговорах, мыслях и убеждениях покойного, всё, что он заявил в последнем издании своего „Дневника“, не оставляет сомнения, что он жил и дышал мыслью об освобождении нашего отечества от всевозможных пут ‹...› Он требовал полной свободы печати, полной свободы совести, полного доверия со стороны власти к русскому народу. Он не только желал всего этого, но и верил в осуществление своих желаний, верил гораздо более, чем позволяют увлекаться такими мечтаниями современные обстоятельства. „У нас, — говорит он в последнем «Дневнике», — гражданская свобода может водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире, в Европе или даже в Северной Америке“. Эти слова устраняют всякую мысль о консервативных стремлениях Достоевского» (там же).[2]

---

[1] В. И. Модестов (1839—1907) и ранее полемизировал с идеями Достоевского в статьях «Волнения в университетской молодежи» (*Г*, 1880, 13 декабря, № 334), «Начало новой „общественности“» (*Г*, 1881, 4 января, № 4).

[2] На статьи Модестова появилось пространное возражение Суворина: фельетон «Либерал и утопист». Суворин, частично развивая идеи своего очерка «О покойном», обращает внимание на огромное, принципиальное отличие (превосходство) «утопий» Достоевского от умеренно-либеральных идеалов Модестова: «Достоевский был действительно утопистом, но, не в обиду будь сказано г-ну Модестову, его утопии основывались именно на фактах, на истории, на философском умозрении и на том глубоком проникновении в человеческую душу, без которого факты, история, статистика — слова, слова и слова, иногда звонкие, иногда пошлые. Он был утопистом, он далеко смотрел в даль, он мечтал о безграничной свободе духа, о возможном для человека счастии, о включении всех обиженных и угнетенных в ту маленькую теперь область благосостояния и благополучия, которая так вдоволь удовлетворяет многих, и писателей и не писателей: он не мог в своих желаниях, в своих стремлениях мириться с теми узкими политическими формами, которые исключают миллионы людей из списков благополучных граждан, исключают холодно и твердо для того, чтоб облагополучить десятки тысяч. Он работал в этом направлении ‹...› он уравнивал всех перед требованиями разума и чувства» (*НВр*, 1881, 10 февраля, № 1780). Иронически выделил Суворин слова Модестова о «здравой политической теории» и фантазиях Достоевского-утописта, мешающих ее практическому осуществлению: «В заключение ‹...› мне

«Порядок» Стасюлевича поместил несколько полемических возражений «Руси» и «Московским ведомостям»,[1] перепечатал подробнейшее (с большими цитатами) сообщение из харьковского «Южного края» о речи профессора А. А. Потебни, произнесенной на публичном заседании историко-филологического общества в Харькове 11 февраля; в ней давалась сжатая характеристика «Дневника писателя», мессианизма как ведущей черты поздней политической публицистики Достоевского: «Мессианизм <...>, вера в то, что известному народу предназначено быть спасителем мира, есть вера униженных и оскорбленных, долженствующая в мечте вознаградить их за действительные страдания и внушить любовь к жизни. Поднятие духа есть аппетит нормальный; но мессианизм есть плохой суррогат здоровой пищи. <...> Как реакция действительному или мнимому унижению и падению духа, является, так сказать, инсомания, а не чувство собственного достоинства, равенства и братства. Наоборот, кто хоть по малости имеет возможность совершать дела братства и любви, тот вряд ли почувствует жажду всемирного господства, хотя бы и для служения всем... <...> Мессианизм Достоевского с его враждою к „господам русским европейцам-либералам“ <...> перешедши в практические сферы, может достигнуть не поднятия народного духа, а чего-то совсем другого» («Порядок», 1881, 27 февраля, № 57).

«Молва» также резко осудила статьи в «Руси» и «Московских ведомостях»: «Ради бога, господа, не эксплуатируйте же по крайней мере смерти человека, заслужившего уважение русского общества, не обращайте по крайней мере хоть этого факта в рекламу для газеты» («Молва», 1881, 5 февраля, № 36). В связи с нападками «Московских ведомостей» (1881, 19 февраля, № 50) на В. Модестова газета выразила свое отрицательное отношение и к «Дневнику писателя»: «„Московские ведомости“ со свойственным им цинизмом принялись за эксплуатацию памяти покойного Достоевского. Посмертный выпуск „Дневника“ знаменитого писателя, посвященный исключительно „злобе дня“, в которой Достоевскому до самой его смерти не удалось отыскать точку опоры, не принадлежит, как известно, к лучшим из написанных им страниц. Но „Московским ведомостям“ более всего на руку слабые стороны Достоевского, и вот, отобрав из его „Дневника“ то именно, чему ради его славы лучше было бы вовсе не появляться в печати, „Московские ведомости“ употребляют отобранные ими места из „Дневника“ орудием для своей непристойной полемики с „Голосом“» («Молва», 1881, 21 февраля, № 52).[2]

Последний в 1881 г., наиболее пространный (и резкий) отзыв о политической публицистике Достоевского появился в ноябрьской книжке «Ве-

---

хотелось бы сказать г-ну Модестову, что нет замечательного писателя, замечательного поэта, который бы не был утопистом. Самые эти термины <...> придаются только писателям-утопистам, глядевшим чрез все эти „здравые политические теории“. Они не мешают этим теориям, но они указывают современникам, что это не всё, что за этим еще длинная дорога, что за этим идеал общего счастья» (там же).

[1] См.: Обзор печати («Порядок», 1881, 21 февраля, № 51); С. К. Литературные заметки (там же, 2 марта, № 60). Автор статьи сочувственно присоединяется к мнениям Н. К. Михайловского («Записки современника» — первоначальный эскиз «Жестокого таланта»), А. Н. Пыпина (некролог), А. А. Потебни. Специального разбора посмертного «Дневника писателя» Достоевского в «Порядке» не было: газета протестует против недобросовестной «эксплуатации» его идей.

[2] Также см.: А. Введенский. Критические заметки. Литература и народ. — «Молва», 1881, 25 февраля, № 55. Введенский много и сочувственно цитирует «Записки современника» Михайловского. Иное отношение к тезисам Михайловского было у редакций «Недели» и «Нового времени» (см.: «Журнальные очерки». — «Неделя», 1881, 8 марта, № 10; «Среди газет и журналов». — *НВр*, 1881, 20 февраля, № 1790; В. Буренин. Литературные очерки — Там же, 27 февраля, № 1796).

стника Европы»: анонимная статья «Литературные мечтания и действительность. По поводу литературных мнений о народе» (№ 11, стр. 300—324). Достоевский прямо провозглашался в этой, подводившей итоги полемики года, статье самым могущественным и опасным противником либеральной партии: «Имя Достоевского в последние годы — на всех славянофильских устах. Ограничивая нашу задачу разбором славянофильского учения последнего момента, мы именно с него должны начать, потому что именно он в своем „Дневнике писателя“ начал новую эру славянофильской литературной пропаганды» (там же, стр. 307). Идеалы, мечты, пророчества, даже словоупотребление (терминология) Достоевского были подвергнуты публицистом журнала не просто резкой критике, но безоговорочно, всецело и раздраженно отвергнуты как опасные и вредные: «...он просто *уклонялся* от разговора при прямой постановке вопроса. Учение Достоевского лишено всякой определительности; с ним мы вступаем вполне в сферу „литературных мечтаний“, основывающихся на неизвестно откуда добытых данных <...> учение его основано не на логике, а на „пророчествах“, и потому может изменяться по прихоти минуты и случая <...> Пресловутая „всемирность“ есть только поверхность, несерьезность собственной внутренней жизни» (там же, стр. 307, 309, 321).

На такой чрезвычайно враждебной ноте завершилась длившаяся весь год многообразная и многотемная полемика «по поводу» Достоевского и грандиозных похорон писателя, значения его как художника, мыслителя, автора «Дневника писателя». Мемуарная и некрологическая литература года, неотделимая от острейшей журнальной полемики, отличалась исключительной пестротой и разноголосицей. Сильное влияние на литературно-общественную полемику «вокруг Достоевского» оказала сложная политическая обстановка в стране: последние дни «диктатуры сердца» и последовавшая после 1 марта реакция, перечеркнувшая все проекты «увенчания здания», погасившая любые иллюзии — и либеральные и славянофильские. В такой ситуации невозможной была объективная и беспристрастная оценка не только Достоевского-публициста, идеи последнего «Дневника» которого невольно оказались в центре внимания, но и Достоевского-художника, автора «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Поэтому так много было высказано в 1881 г. полярных оценок последнего «Дневника писателя», хотя раздавались и другие, приглушенные, дипломатичные голоса, претендующие на нейтральность и объективность позиции. О Достоевском-художнике в пылу полемики забыли почти все; полемика постепенно перерастала в борьбу противоборствующих лагерей и, наконец, всецело подчинилась «лагерным» целям. Содержание последнего «Дневника» Достоевского было предельно злободневным, и суждения о нем современников закономерно и естественно стали пристрастными.

Отношение печати и шире — общественности — к «Дневнику писателя» не исчерпывалось полемикой и «эксплуатацией» (в разных целях) идей «завещания» Достоевского. Наибольшее внимание современников привлекло в «Дневнике» «магическое словцо» Достоевского, его тезис о необходимости «оказать доверие народу». Не только О. Миллер и А. Суворин, рассказавшие о дальнейших планах Достоевского развить эту мысль, но и большинство журналистов и читателей сочувственно восприняли мнение покойного литератора. Они видели в предложении Достоевского яркое свидетельство демократических убеждений писателя, его народолюбия, пусть и облеченного в фантастическую и утопическую форму. Революционер-народоволец И. И. Попов, говоря о популярности Достоевского даже в среде радикально настроенной молодежи, свидетельствует: «...в рассуждениях Достоевского о „сермяжной Руси“, которую если призвать, то она устроит жизнь хорошо, так, как ей нужно, мы усматривали народническое направление, демократические тенденции» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 426). Интересная попытка объяснить необычную популярность Достоевского в молодежной среде, своеобразно истолковывавшей, преломлявшей под определенным углом его идеи (в том числе и последнего «Дневника»), была предпринята М. Цебриковой в статье

«Двойственное творчество (Братья Карамазовы. Роман Ф. Достоевского)»: «...он говорит о смирении и „оздоровлении корней“, и предупреждая возражения, что это славянофильские бредни, пространно объясняет смысл своих слов. В этом объяснении то же отсутствие определенных указаний, каким образом оздоровить корни, и та же страстная вера и любовь к народу и та же расплывчатость, которая позволяет каждому видеть в словах его то, чего желается. И поэтому вполне понятен восторг, с каким молодежь перечитывает его слова о том, что она призвана оздоровить корни своим единением с народом, что в ее искании правды, в ее чуткости к словам правды и любви — залог оздоровления <...> Страстное убеждение и глубокая искренность объясняют силу влияния Достоевского-проповедника на молодые умы <...> Молодежь увлекалась тем сильнее, что проповедь опиралась на сильный талант» («Слово», 1881, № 2, стр. 27).

«Магическое словцо» Достоевского упомянет в некрологе «Русская речь»: «Его последний „Дневник“ весь глубоко проникнут любовью к <...> народу, страстным желанием дать наконец возможность высказаться самому народу, оказать доверие именно ему, этому великому страстотерпцу русской земли» (*РР*, 1881, № 3). Еженедельник Гайдебурова в статье «Похороны Достоевского» также особенно выделяет это место в «Дневнике писателя», заключая: «Вот эта-то глубокая вера, эта-то горячая любовь и составляли теснейшую связь между Достоевским и молодежью, их-то она и ставила выше всяких его „убеждений“» («Неделя», 1881, 8 февраля, № 6).[1] После 1 марта «Неделя» в статье «Фальшивое знамя», повторив обычные упреки И. С. Аксакову в забвении идеалов славянофильства («эта некогда благородная и достойная всякого уважения партия»), противопоставляла узкой и «догматической» точке зрения редактора «Руси» позицию Достоевского: «Указывать на существование сходства, как на отсутствие самостоятельности в развитии, — просто нелепо. Лучшее доказательство тому — покойный Достоевский. В своем последнем „Дневнике“ он предлагает разрешить коренные задачи нашей жизни путем опроса самого народа, в чем он нуждается и каким путем желал бы выйти из нынешних затруднений. Между тем г-н Аксаков, следуя своей логике, должен был восстать против Достоевского, так как в предлагаемом им „опросе“ немудрено найти сходство с фактами из жизни Запада. Очевидно между тем, что Достоевского натолкнули на эту мысль факты русской жизни, но так как русская жизнь, несмотря на все отличия, все-таки имеет много общего с общечеловеческой жизнью, то понятно, что и выводы из фактов той и другой могут быть сходны» (там же, 5 апреля, № 14).[2]

Тезис Достоевского о «доверии народу» вдохновил Н. С. Лескова на создание цикла очерков «Обнищеванцы. (Религиозное движение в фабричной среде 1861—1881)» («Русь», 1881, №№ 16—21, 24, 25).[3] Лесков предпослал циклу эпиграф из «Дневника писателя» («Нашему народу можно верить, — он стоит того, чтобы ему верили») и объяснение к нему: «Я очень счастлив, что могу поставить эпиграфом к настоящему очерку приведенные слова недавно погибшего собрата. Почет, оказанный Достоевскому, несомненно свидетельствует, что ему верили люди самых разнообразных положений, а Достоевский уверял, что „нашему народу можно

---

[1] Выделяла слова Достоевского о «доверии народу» и газета Суворина: *НВр*, 1881, 1 февраля, № 1771 («Среди газет и журналов»); 3 февраля, № 1773 (А. Н. «Спорный вопрос»).

[2] Диссонансом прозвучала острая критика как речи О. Миллера, так и предложенного Достоевским проекта «опроса» народа (с устранением интеллигенции) в «Молве», опубликовавшей большое и взволнованное письмо читателя (за подписью «Один из публики», см.: «Молва», 1881, 17 февраля, № 48, раздел «Хроника»).

[3] Подробнее см.: К. П. Богаевская. Н. С. Лесков о Достоевском. — *ЛН*, т. 86, стр. 607—612.

верить". Покойный утверждал это с задушевной искренностью и не делал исключения ни для каких подразделений народной массы. По его мнению, *весь народ* стоит доверия ‹...› Народ, работающий на фабриках и заводах, в смысле заслуженности доверия, это всё тот же русский народ, стоящий полного доверия, и Достоевский, не сделавши исключения для фабричных, не погрешил против истины» («Русь», 1881, 28 февраля, № 16). Аксаков, видимо, желал от Лескова посвящения «Обнищеванцев» Достоевскому. Лесков решительно отказался, ответив редактору «Руси» даже с некоторым раздражением: «Посвящения Достоевскому не хочу. Сколько толков и от таких истолкователей, что мне это решительно претит. Эпиграф и упоминание о нем в первых строках — это гораздо более относится к делу и гораздо целомудреннее. Вся эта историйка есть *иллюстрация* к его теориям» (*ЛН*, т. 86, стр. 610). Так обосновал Лесков свой отказ участвовать в «журнально-литературных» поминках, т. е. в полемике идей «по поводу» и «вокруг» Достоевского, не желая, очевидно, чтобы его позицию отождествляли и со взглядами славянофильских «истолкователей» «Руси».

Дискуссия, вызванная последним выпуском «Дневника писателя», побудила, таким образом, критиков разных общественных направлений еще раз поставить вопрос о противоречиях творчества писателя, попытаться проанализировать эти противоречия. При этом в критике отчетливо выразилось как глубокое, искреннее преклонение перед Достоевским — художником и мыслителем, так и признание реакционности ведущих политических и религиозных идей его поздней публицистики. Подводя итоги прижизненной оценке наследия Достоевского, дискуссия вокруг «Дневника писателя» 1881 г. положила начало той острой посмертной идейной борьбе вокруг оценки его произведений, которая не затихает до наших дней.

Стр. 5. *Финансы ∾ Неужели и я экономист, финансист? ∾ А что теперь поветрие на экономизм — в том нет сомнения.* — В записной тетради Достоевского 1880—1881 гг. тема «Финансы» выделена многократными пометами на полях как одна из самых важных. Вопрос о кризисном состоянии отечественных финансов постоянно находился в центре внимания российской периодической печати второй половины 1880—начала 1881 г. В передовых, многочисленных статьях по экономическим вопросам, фельетонах обсуждалось экономическое положение страны и наперебой предлагались всевозможные меры для преодоления кризиса. Так, например, рекомендовались «радикальная банковая реформа», способствующая «свободной неограниченной конкуренции» (*СПбВед*, 1880, 3 октября, № 272; 22 октября, № 291; «Молва», 1880, 22 октября, № 292), «крайняя бережливость», «строжайшая экономия в государственных расходах» (*СПбВед*, 1880, 19 октября, № 288; 29 ноября, № 329), отказ от «предосудительной роскоши» «так называемого интеллигентного общества» («Россия», 1880, 3 ноября, № 49), реформа «правил составления ‹...› государственной росписи» (*СПбВед*, 1880, 21 октября, № 290), «открытие крестьянам кредита на покупку земель» и «организация переселенческого дела» (там же, 30 октября, № 299), «предприятие обширных общественных работ» для предоставления заработка голодающему крестьянству («Страна», 1880, 30 октября, № 85; также: *СПбВед*, 1880, 31 октября, № 300). В связи с экономическими проблемами в либеральной печати указывалось и на необходимость политических преобразований: «Исхода из настоящего положения нужно искать в прочных и широких реформах по разным частям внутреннего быта, для осуществления которых надлежит пустить в действие все силы правительства и общества», — осторожно отмечали «Русские ведомости» (1880, 7 октября, № 255). Решительнее высказывалась «Страна»: «Обеспечение прав личности, призыв русского общества к участию в делах страны в форме совершенно определенной, в форме всенародно-собирательной ‹...› такова истинная мысль, ясно сознаваемая ‹...›

землею русскою...» (1880, 28 декабря, № 102). Новый этап обсуждения финансовых вопросов начался после назначения указом от 27 октября 1880 г. нового министра финансов — А. А. Абазы, принадлежавшего к группировке либеральной бюрократии. В статье «Чего мы желаем от нового министра финансов» «Новое время» (2 ноября, № 1682) рекомендовало в качестве первоочередных мер «прекращение временных выпусков кредитных билетов» и «уничтожение железнодорожного фонда». «С.-Петербургские ведомости» писали о важности равномерного распределения кредита (4—6 ноября, №№ 304—306) и необходимости постоянной заботы земских учреждений о «крестьянском хозяйственном благоустройстве» (7 ноября, № 307). «Страна» предлагала новому министру финансов «энергически сдерживать возрастание расходов военного и морского министерств» (6 ноября, № 87). «Новости и биржевая газета» указывала на необходимость значительного сокращения административных штатов и пересмотра таможенного тарифа (статья «Задачи нового министра финансов»; 7 ноября, № 296), а также на «неотложную и радикальную переделку всей системы прямых налогов, наряду с уничтожением и некоторых косвенных» (13 ноября, № 302). После подписания Александром II 23 ноября 1880 г. указа об отмене соляного налога (на которой настаивал М. Т. Лорис-Меликов) первоочередной задачей многим представлялась податная реформа (начавшаяся разрабатываться Податной комиссией еще в 1859 г.) — прежде всего замена подушной подати подоходным налогом. В «Новостях и биржевой газете» публиковались проекты положений о подоходном, личном и усадебном налоге (28 ноября, 3—4, 6—7 декабря, №№ 317, 322—323, 325—326). Однако 12 декабря появилось «правительственное сообщение», где указывалось на преждевременность газетных слухов о введении подоходного налога в России. Ни податная реформа, ни понижение выкупных крестьянских платежей не были осуществлены Абазой, через несколько месяцев (30 апреля 1881 г.) подавшим в отставку. 1 января 1881 г. появился указ Александра II о постепенном (в течение восьми лет) изъятии из обращения кредитных билетов на сумму 400 млн. рублей. В этот же день была опубликована «Роспись государственных доходов и расходов» на 1881 г., в которой предусматривался дефицит в пятьсот с лишним миллионов рублей; в сопровождавшем ее «Всеподданнейшем докладе» министра финансов царю указывалось на по-прежнему «трудные экономические обстоятельства» и «неотложную необходимость» сокращения военных расходов (см.: *Г*, 1881, 3 января, № 3). Хотя «С.-Петербургские ведомости» и упрекали «столичную периодическую печать за то равнодушие, близкое к апатии, с которым она относится к вопросам наибольшего общего интереса, каковы, например, экономические, финансовые и земские вопросы» (1881, 19 января, № 18), финансово-экономические проблемы не могли быть ни забыты, ни отодвинуты на второй план, пока они оставались нерешенными, и обсуждение их закономерно приводило к выводам о необходимости более радикальных преобразований. Так, «Молва» в статье «С чего начинать финансовые преобразования» (1881, 8 января, № 8) указывала, что «улучшение финансового положения страны» невозможно без «самостоятельности промышленной инициативы», которая «парализована всевозможными стеснениями и ограничениями». «С.-Петербургские ведомости», очередной раз напоминая о «бережливости» — «великом слове настоящего времени», обрушивались на «многотысячное чиновничество», «бюрократию, руководимую ничем не сдерживаемой реакцией», «задерживающую всякое прогрессивное развитие», настаивали на «восстановлении <...> форм общественной самодеятельности» (11 января, № 10) и «полном освобождении лица и религии от государственной опеки» (20 января, № 19). С точки зрения экономической целесообразности оценивалось рядом публицистов и продвижение русских войск в Средней Азии. См. также: Финансовые итоги последних лет. — *ОЗ*, 1880, № 2, стр. 223—238; Н. Х. Бунге. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к ее улучшению. — Сборник государственных знаний, т. VIII. СПб., 1880,

стр. 86—127; А. П. Погребинский. Финансовая политика царизма в 70—80-х годах XIX в. — «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 130—144 (публикация докладной записки Н. Х. Бунге Александру II от 20 сентября 1880 г.); И. С. Блиох. Финансы России XIX столетия. История — Статистика, т. II. СПб., 1882, стр. 205—282; П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, стр. 249—258.

Стр. 5. *Теперь все экономисты. Всякий начинающийся журнал смотрит экономистом и в смысле этом рекомендуется.* — Так, в программном вступлении А. А. Навроцкого к № 1 начавшего выходить в 1879 г. «журнала литературы, политики и науки» «Русская речь» утверждалось: «Каждый серьезный журнал ставит себе целью разъяснение политических, экономических, финансовых и иных вопросов, целесообразное разрешение которых составляет насущную потребность общества и государства» (А. А. Навроцкий. Об издании журнала «Русская речь». — *РР*, 1879, № 1, стр. 3). В 1879—1880 гг. в «Русской речи» систематически печатались большие статьи на экономические и финансовые темы; среди них были, например, такие: А. Е. В области кредита и в дебрях спекуляции и ажиотажа (1879, №№ 1—2); А. Крас‹ильник›ов. Восстановление ценности бумажных денег в Северо-Американских Соединенных Штатах (1879, №№ 3—5); Ф. Журов. Внешняя торговля России в 1876 г. с сравнительным обзором этой торговли за 20 лет (1879, №№ 4—6); Е. Сухонин. Банковое дело в России (1879, №№ 11—12); А. Красильников. Обзор мероприятий к поднятию ценности кредитного рубля (1880, №№ 2—3); А. К. Заметки по экономическим вопросам дня (1880, №№ 11—12). В первом номере «учено-литературного журнала» «Мысль», который начал издаваться в 1880 г. Н. П. Вагнером, была помещена статья «Зависимость экономического благосостояния от воззрений на мир (Социологический этюд)». В «журнале научном, литературном и политическом» «Русская мысль», начавшем выходить в том же 1880 г., печаталось исследование И. Иванюкова «Синтез учений об экономической политике» (№№ 2—3, 9).

Стр. 5. ...*которые говорили тогда, в семьдесят шестом и седьмом годах ∾ что Восточный вопрос одно баловство и фикция...* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 372; т. XXIV, стр. 63—64, 399—400; т. XXV, стр. 94—98, 393.

Стр. 5—6. *Все русские Ферситы ∾ были тогда страшно оскорблены в своих лучших чувствах.* — Ферсит (Терсит) — персонаж «Илиады» Гомера. Безобразный, злоязычный и трусливый Ферсит выступает против Агамемнона, обвиняя его в своекорыстии, и призывает ахеян отказаться от завоевания Трои и возвратиться домой (ср. также: наст. изд., т. II, стр. 158).

Стр. 6. ...*берлинская конференция.* — См. наст. изд., т. XXI, стр. 504.

Стр. 6. ...*не увенчано здание».* — Выражение «увенчать здание» (франц. «couronner l'édifice») в смысле «предоставить широкие демократические права и политические свободы» получило распространение в период правления французского императора Наполеона III, неоднократно употреблявшего его в своих программных выступлениях. Так, 14 февраля (н. ст.) 1853 г. на открывшейся в Тюильри законодательной сессии он заявил: «Тем, кто сожалеет, что свободе не была предоставлена бо́льшая доля, отвечу: свобода никогда еще не способствовала основанию прочных политических зданий: она *венчает* их, когда время их уже упрочило» (см.: Л. Грегуар. История Франции в XIX веке, т. 3. М., 1896, стр. 541). Будучи вынужден на некоторые уступки либералам, Наполеон III 19 января (н. ст.) 1867 г. подписал декрет, которым членам Сената и Законодательного собрания предоставлялось право делать запросы правительству; сопровождавшее декрет письмо Наполеона III к государственному министру Э. Руэ, содержавшее обещания некоторых других законодательных реформ, заканчивалось утверждением: «...я не потрясаю почвы ‹...› я ее упрочиваю еще более ‹...› обеспечивая законом гражданам новые гарантии, довершая наконец увенчание здания, воздвигнутого национальною волею» (*Г*, 1867, 13 (25) января, № 13). В России конца 1870-х—на-

чала 1880-х гг. это выражение употреблялось как эвфемистическое наименование введения конституционного правления. И. С. Аксаков, считавший наиболее целесообразным осуществление «общего уездного местного самоуправления», в первом номере своего нового журнала «Русь» с иронией писал о либералах — сторонниках конституции: «Мы исследуем, допрашиваем, неотступно пытаем ответа: „Как быть? Что делать? Куда идти?“ ‹...› „венчать здание“, — слышится иногда в ответ. „Венчать здание“, — повторяют и нам некоторые наши почтенные корреспонденты и подписчики.

Венчать здание! Да венчать-то нечего! Здания-то еще никакого нет! То есть здания, вполне возведенного и довершенного ‹...›

Неужели не уразумели, что строят здание не сверху, а снизу вверх; что, решая задачу самоуправления для уезда ‹...› потрудимся для всего нашего будущего государственного и общественного строя?» («Русь», 1880, 15 ноября, № 1, стр. 6).

Стр. 6. ...*несколько белых жилетов*... — Выражение «белые жилеты», означающее «либералы», возникло, вероятно, в связи с модой на белые жилеты с широкими отворотами «в стиле Робеспьера», распространенной во Франции 1793 г. среди якобинцев и им сочувствовавших (см.: Grand dictionnaire universel du XIX siècle. Par Pierre Larousse, t. 8. Paris, s. a., p. 1256).

Стр. 7. *Мы верно уж поладим, // Коль рядом сядем.* — Цитата из басни И. А. Крылова «Квартет» (1811).

Стр. 7. ...*мы, образуя их, будем их постепенно возносить до себя и научим народ его правам и обязанностям».* — Имеется в виду статья А. И. Введенского (постоянно полемизировавшего с Достоевским в «Литературном отделе» газеты «Страна»), посвященная «Дневнику писателя» 1880 г., в которой либеральный критик, резко обвиняя Достоевского в «извращении фактов ‹...› жизни», утверждал: «...народ нуждается просто в умственном развитии, которое не придет (как не пришло веками) иначе, как при другом, лучшем устройстве нашего общественного быта; тогда он, действительно, разовьет высокие нравственные идеалы, зачатки которых есть в его жизни ‹...› Но эти зачатки зарыты под целой грудой исторически наслоенных извращений, от которых он не избавится без изменения своего быта не в сторону терпения, всепрощения и смиренномудрия, а в сторону понимания своих человеческих *прав и обязанностей* ‹...› Пора бы узнать г-ну Достоевскому, что и нравственные идеалы не валятся с неба ‹...› а воспитываются в обществах...» (Арс. Введенский. Литературный отдел («Дневник писателя». Единственный выпуск на 1880 г. Август). — «Страна», 1880, 17 августа, № 64, стр. 5—6).

Стр. 7. *«Русское общество не может-де пребывать в уездной кутузке вместе с оборванным народом, одетым в национальные лапти».* — В одном из своих обзоров «Журналистика» ведущий публицист «Молвы» Г. К. Градовский (печатавшийся под псевдонимом «Грель»), выступавший против идей Достоевского-публициста и выдвинутой «Русью» программы уездного земского самоуправления, писал, намекая на то, что И. С. Аксаков некоторое время занимал пост председателя правления Московского купеческого общества взаимного кредита: «...во всей аксаковской „Руси“ ничего нет, кроме пошлой, туманной фразеологии, высокопарных распинаний и „печалований с народом“, которые в мире действительности сводятся на то, чтобы г-н Аксаков учитывал векселя в европейском банке, а русское общество пребывало в уездной кутузке вместе с оборванным народом, одетым в национальные лапти и в серый арестантский зипун ‹...› Происходит какая-то предосудительная игра в народничество — на счет народа, в национальность и самобытность — на счет национальности и самобытности» (1880, 19 декабря, № 350). В передовой от 3 января 1881 г. Аксаков характеризовал этот выпад Градовского как свидетельство «тайного презрения к нашему простому народу, скрытого высокомерного аристократизма западника-либерала». «Можно ли в самом деле, да и интересно ли интеллигентному либералу возиться с оборванным мужиком, да

еще обутым в лапти!.. „Либералу“ прилично только благодетельствовать ему сверху, навязывая „национальным лаптям и серому зипуну“ свои благодеяния *силою*, — благодеяния, согласные с требованиями „общеевропейской науки“, хотя бы и несогласные с требованиями „национальной“ жизни! <...> Невежды и лицемеры! Они только компрометируют и науку, и идею свободы!..» — восклицал Аксаков («Русь», 1881, 3 января, № 8, стр. 3).

Стр. 8. *А народ опять скуем!* — Строка из стихотворения неизвестного автора, которое появилось, по-видимому, в конце 1870-х или 1880 г. — в период повсеместных слухов и толков о предстоящем введении конституционного правления. В бумагах Достоевского сохранился следующий текст:

Господчина

Нет, довольно уж обманов,
Да и ждать мы не хотим,
Пошатнулся Дом Романов,
«Конституцию!» — кричим.

Бабу вздорную мы эту
Из Европы привезем,
Подведем царя к ответу,
А [крестьян] народ опять скуем!

(*ИРЛИ*, ф. 100, № 29493)

А. С. Суворин вспоминал о Достоевском: «Конституцию он называл „господчиной“ и уверял, что так именно называют ее мужики в разных местах России, где ему случилось с ними говорить. Еще на Пушкинском празднике он продиктовал мне небольшое стихотворение об этой „господчине“, из которого один стих он поместил в своем „Дневнике“, вышедшем сегодня <...> Он был того мнения, что прежде всего надо спросить один народ, не все сословия разом, не представителей от всех сословий, а именно одних крестьян» (Незнакомец. Недельные очерки и картинки. О покойном. — *НВр*, 1881, 1 февраля, № 1771; см. также: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 420). В записной тетради 1880—1881 гг. Достоевский замечал, обращаясь к своим оппонентам-либералам: «Ваше увенчание здания, про которое народ уже слышал и прямо окрестил названием: „господчиной“» (стр. 44). В «Новом времени» слово «господчина» употреблялось в значении «земство»: «Между крестьянством, с одной стороны, и земством — „господчиной“, „купетчиной“ и администрацией — с другой — возникают те антигосударственные отношения, которые даже теперь, в зачатке, уже довольно явственны, а для будущего грозят затруднениями. Крестьянство все более и более уходит в себя, отделяется, становится в сторону от земства» (А. Молчанов. На сенаторской ревизии. III. В Саратове. — *НВр*, 1880, 31 декабря, № 1739); «Недаром крестьянин окрестил земство метким прозвищем „господчины“. Он, действительно, в земстве не равный с равными, не полноправный советник, а крепостной своего начальства, заседающего тут же и имеющего полную возможность покарать его, если бы он осмелился свое суждение иметь» (Интеллигенция и темные люди в земстве. — *НВр*, 1881, 8 января, № 1747). И. Л. Волгин высказал предположение, что негодование Достоевского на «семинаристов», будто бы желающих «устранить» народ (см. наст. изд., т. XV, стр. 254) или «сковать» его, обращено, в первую очередь, против Г. З. Елисеева и его жены Е. П. Елисеевой, с которыми Достоевский встречался в Эмсе в 1876 г. (см.: И. Волгин. Последний год Достоевского. — «Новый мир», 1981, № 10, стр. 125—128).

Стр. 8. ...*в исторический-то роман* ∾ *ударилась*... — Среди массы исторической беллетристики, публиковавшейся в периодике 1880 г., наибо-

лее заметны были: «Великий раскол. Историческая повесть» Д. Л. Мордовцева (*РМ*, 1880, №№ 1—8), роман Е. А. Салпаса «Петербургское действо» (там же, №№ 4—5, 9—12), «Род князей Зацепиных. Исторический роман» А. Шардина (П. П. Сухопина) (*РР*, 1880, №№ 5—12), рассказ Г. П. Данилевского «На Индию при Петре I» (*ВЕ*, 1880, № 12). В том же 1880 г. отдельными изданиями вышли роман Е. П. Карновича «На высоте и на доле. Из сказаний XVII века», «Соловецкое сидение. Историческая повесть из времен начала раскола на Руси» Д. Л. Мордовцева, «Царь-девица. Роман-хроника XVII в.» В. Соловьева. В обзоре «Русские исторические романы и повести нашего времени» А. И. Введенский отмечал: «„Исторический роман“, „историческая повесть“, „исторический рассказ“, „историческая хроника“... Вот вещи, которыми уснащается торжественное шествие современной русской литературы. Исторические романы пишутся теперь и историками, и публицистами, и художниками-романистами, печатаются всюду, начиная с газет и кончая большими журналами, читаются всеми. И при всем том едва ли какой-нибудь род литературы когда-либо и где-либо был в более неприглядном состоянии. В массе „исторической“ беллетристики, завладевшей даже иллюстрированными журналами, не многое найдется, что выделялось бы из самой посредственной посредственности» («Страна», 1880, 14 декабря, № 98, стр. 7—8). Аналогичные суждения содержатся и в обзоре А. В. Круглова (см.: Р у с с к и й. Новости текущей журналистики. — «Россия», 19 декабря, № 94).

С т р. 11. ...*бац и пулю в лоб.* — Рост самоубийств был одной из постоянных тем российской печати. Так, например, в воскресном фельетоне «Голоса» отмечалось: «Легкость, с какою современная нам молодежь решается оканчивать свои житейские расчеты, — поистине изумительна. Как немного нужно нынче для того, чтоб юноша бросил все и бежал навеки от мира, от жизни! ‹...› Не достигнуто предположенное на сегодня наслаждение, и конец жизни — не нужно завтра ‹...› Вот тот действительный нигилизм — крайняя степень отрицания, против которой должны встать на борьбу все живые, здоровые силы нашего общества ‹...› Каждое утро читаешь список жертв, павших в борьбе с самим собою, с собственным бессилием, и каждую неделю заносишь, волей-неволей, в свою хронику рассказ о каком-нибудь самоубийстве» (*Г*, 1880, 12 октября, № 282). В черновом автографе упоминается о самоубийствах среди учащейся молодежи: «Нынче и гимназисты оттого, что в класс не пришли, застреливаются» (стр. 216). Видимо, та же мысль присутствует и в подготовительных материалах: «Гимназисты. Как можно меньше труда ‹...› Сей аскет удавился» (стр. 191). Возможно, что это полемический отклик на опубликованный в «Деле» (1880, № 11) рассказ М. Ашкинази «Литературные вечера. (Отрывок из дневника гимназиста)», герой которого — ученик седьмого (выпускного) класса Михайлов — кончает жизнь самоубийством потому, что его исключили из гимназии за организацию литературного кружка, где предполагалось обсуждать статьи Писарева и Антоновича об «Отцах и детях», читать Белинского и Гюго. Для героя рассказа исключение из гимназии равнозначно гибели: «Ведь это значит заживо похоронить себя, тогда как жить хочется еще, жизнь еще не совсем опротивела»; «Доступ к официальной науке навсегда уже закрыт для меня, а продолжать заниматься самостоятельно, заканчивать свое образование... возможно ли это для меня? ‹...› Где я найду руководителей? Где средства к жизни?» (*Д*, 1880, № 11, стр. 151, 166). В предсмертной записи он, обращаясь к «дорогим братьям и сестрам», желает им, чтобы «русская школа не накладывала тисков ни на тело, ни на дух своих питомцев ‹...› чтобы воспитателями ‹...› были не чиновники педанты, а люди свободные, проникнутые любовью к человечеству, чтобы в школе раздавалось живое слово мощной науки, которая одна распространяет жизнь и свет на земле...» (там же, стр. 167). Ср. также: наст. изд., т. XXII, стр. 5—6; т. XXV, стр. 34—35.

С т р. 11. ...*бедность нарастает всеобщая.* — С осени 1880 г. быстрый рост цен, в особенности на хлеб, постоянно отмечался и обсуждался в пе-

чати. При этом в ряде статей и фельетонов говорилось о том, что дороговизна вызвана не только неурожаем, но главным образом кризисным состоянием отечественных финансов. В. О. Михневич писал, например, в одном из воскресных фельетонов: «Мы жалуемся на страшное вздорожание всех предметов потребления, от хлеба и мяса до „благородных" напитков и дамских модных „тряпок", виним в этом стихии, виним производителей и торговцев, критикуем начальство; но при этом не замечаем, что на самом деле далеко не в такой степени вздорожала цена наших продуктов, сколько упала цена наших денег <...> Вообще, благородному, возвышенно чувствующему, „культурному" человеку, с изящными потребностями, приходится теперь, ради низкого курса рубля, во многом себя укоротить и обрезать... И как же иначе, если теперь бутылка шампанского обходится чуть не в месячное жалование столоначальника какого-нибудь совестного суда!» (Коломенский Кандид. Вчера и сегодня. — «Новости и биржевая газета», 1880, 5 октября, № 263). «„Хлеба, хлеба и хлеба!" — вот возглас, который в настоящее время несется со всех концов России, и с каждым днем эта мольба о хлебе насущном раздается все громче и громче. Зима только что наступила, а между тем уже и теперь обнаруживаются все признаки голода <...> Отвсюду одинаково раздаются жалобы на непомерную дороговизну и недостаток хлеба, на отсутствие заработков и на полное экономическое расстройство крестьянских хозяйств...» — отмечал обозреватель «Русских ведомостей» (*РВед*, 1880, 26 октября, № 274).

Стр. 11. *Бонбансник* — кутила (от франц. bombance — пирушка, кутеж).

Стр. 11—12. ...*валят последние леса* ∾ *валят леса и кусты даже*... — О хищническом истреблении лесов Достоевский писал в июльском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 41—42, 370). К этой же теме относится ряд помет в записных тетрадях 1875—1877 гг. (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 156, 158, 214, 221, 291; т. XXV, стр. 227). Сходные суждения о вырубке лесов неоднократно высказывались в печати. Так, в газете «Россия» анонимный автор статьи «По вопросам о лесном хозяйстве» писал: «Я живу в полесской местности <...> В не очень давнее время, лет за 25—30 назад, здесь была масса лесов <...> в настоящее же время — это не более как предание <...> В последнее десятилетие <...> цены и на общую продажу леса начали возвышаться, и известны многие покупки имений в юго-западном крае, когда купившие эти имения вслед за тем продавали на сруб леса́ и за них выручали деньги почти те самые, какие заплачены за все имение <...> Такими способами вырубливаются леса не только крупные <...> но и молодые, лишь бы только годились для выпилки хотя бы даже 4-х вершковой шалевки или 3-х вершкового бруска <...> Такой молодой лес, особенно вырубливаемый в летнее время, весьма непрочен...» («Россия», 1880, 20 ноября, № 66).

Стр. 12. ...*страшно развелось много капитанов Копейкиных, в бесчисленных видоизменениях*... — Имеется в виду герой «Повести о капитане Копейкине» («Мертвые души», т. 1, гл. X). Говоря о Копейкине как о воплощении духовного ничтожества, эгоизма и алчности (ср. наст. изд., т. XXV. стр. 170), Достоевский вступал в противоречие с замыслом автора «Мертвых душ». В «Повести о капитане Копейкине» Гоголь стремился показать бесчеловечность российской администрации, ведущую к бунту обездоленных, доведенных до отчаяния людей. Однако он вынужден был по цензурным причинам все более смягчать обличительный пафос «Повести», отчетливо звучавший в рукописной редакции поэмы 1840—начала 1841 г. (ранняя редакция «Повести» была впервые опубликована в 1862 г. в 4-м томе «Полного собрания сочинений» Гоголя). В цензурной редакции Копейкин — «пролетная голова», «привередлив как черт» (см.: *Гоголь*, т. VII. стр. 581), и его «волчий аппетит» не дает ему удовольствоваться небольшой суммой, данной ему «начальником комиссии». Ограниченным обывателем предстает капитан Копейкин и в щедринском цикле «Куль-

турные люди» (1876; см.: *Салтыков-Щедрин*, т. XII, стр. 297). В либеральной печати существовала иная тенденция — сочувственного отношения к гоголевскому герою как к человеку, борющемуся за свое благополучие с равнодушной к его нуждам косной бюрократией. Так, в фельетоне Г. К. Градовского «Новогодние визиты» некий «журналист» поясняет путешествующему «чудаку-американцу» истоки оппозиционных настроений в русском обществе: «А вы ‹...› читали „Повесть о капитане Копейкине"? ‹...› Там все это наглядно объяснено еще Гоголем. Вы узнаете, какими судьбами человек, лишившийся руки и ноги в сражениях и, можно сказать, кровь проливавший свою за отечество, до разбоя на больших дорогах доходит... Когда все откладывают, да ожесточают людей, да лишают их справедливости, заслуженного... Да вы лучше прочтите.

— Отчего же это у вас не читается?

— Что вы!.. Мы вот „Нану" теперь читаем да французские романы г-жи Милорадович, в пластическом вкусе...

— Ну, хотя бы в своих передовых эту мысль разъяснили.

— Вот тебе раз! Во время подписки-то! У нас, батюшка, от ноября до февраля никакого либерализма не полагается, а там на дачи на летний отдых разъезжаемся.

— Так это у вас „либерализмом" называется?» («Молва», 1881, 3 января, № 3).

Стр. 13. ...*засушив корни, плодов не получишь»...* — Намек на басню И. А. Крылова «Листы и корни» (1811), в которой «корни дерева» напоминают «листам»:

...А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас.

Стр. 13. ...*о банкротстве даже, которого, впрочем, никогда у нас и не будет...* — В печати неоднократно высказывались соображения в пользу девальвации, означавшей бы в сущности признание правительством своего финансового банкротства (см.: В. Лебедев. К вопросу о преобразовании нашей бумажно-денежной системы. — *НВр*, 1880, 15 ноября, № 1695; К. Трубников. Финансовая система графа Канкрина. — *СПбВед*, 19 ноября, № 319). Редакция «Нового времени», где публиковалась статья В. А. Лебедева, поспешила отмежеваться от его суждений о пользе девальвации (см.: Необходимое разъяснение (редакционное послесловие). — *НВр*, 1880, 16 ноября, № 1696), а К. Скальковский выступил с резкими возражениями К. В. Трубникову (см.: К. Скальковский. 1) Неудачная апология графа Канкрина. — *НВр*, 1880, 21 ноября, № 1701; 2) О новой защите девальвации. — Там же, 23 ноября, № 1703). 29 ноября в «Санкт-Петербургских ведомостях» было напечатано письмо В. А. Лебедева, в котором он уточнял свою позицию: *«Я не считаю* девальвацию *единственным* исходом из нашего критического денежного положения. Есть и другой исход, и притом лучший; это — строжайшая экономия в государственных расходах...», но вслед за этим утверждалось: «Факт нашего банкротства уже давно совершился, именно — со времени прекращения размена кредитных билетов на звонкую монету...» (*СПбВед*, 1880, 29 ноября, № 329).

Стр. 15. ...*до размеров микроскопических, до размеров какого-нибудь Карлсруэ.* — Карлсруэ — столица Великого герцогства Баденского (вошедшего в 1870 г. в Северо-Германский союз и с 1871 г. ставшего членом Германской империи). Население Карлсруэ к началу 1881 г. составляло около 50 тысяч жителей (см.: Meyers Konversations-Lexikon, Bd 9. Leipzig, 1887, S. 544). Здесь, возможно, завуалированный выпад против И. С. Тургенева, который жил в Карлсруэ в 1868—1869 гг., а действие его «западнического» романа «Дым» происходило главным образом в Баден-Бадене — недалеко от Карлсруэ (см. наст. изд., т. X, стр 350; т. XXIV, стр. 68, 69, 403, а также: т. XXIII, стр. 57).

Стр. 15. ...*«чернорабочие крысы», как называл их Иван Александрович Хлестаков...* — В знаменитой сцене хвастовства («Ревизор», д. III,

явл. 4) подвыпивший Хлестаков так рассказывает о своей службе: «Я только на две минуты захожу в департамент с тем только, чтоб сказать: это вот так, это вот так, а там уж чиновник для письма, эдакая крыса, пером только: тр, тр... пошел писать» (*Гоголь*, т. IV, стр 48). Упоминание о «крысах»-чиновниках у Достоевского появилось, вероятно, благодаря знакомству с трактатом Н. А. Любимова «Против течения» (см. об этом подробнее стр. 288). Однако если у Любимова «крысы-чиновники» (о которых говорится не без сочувствия) противопоставлены «пустейшим», «к труду простому неспособным» Хлестаковым, то у Достоевского это сопоставление отсутствует и подчеркивается чуждость и враждебность «чернорабочих крыс» России.

Стр. 16. *После первого периода посредников первого призыва...* — См. наст. изд., т. XVII, стр. 368.

Стр. 16. *...прочтите хоть в журнале «Русь».* — Имеются в виду передовые И. С. Аксакова и фельетоны Н. Б. (Н. М. Павлова) в еженедельной газете «Русь». Так, например, в одном из первых номеров газеты Н. М. Павлов писал: «...все будущие запросы и все задачи будущего, которые вытекали как естественное последствие из отмены крепостного права <...> были предусмотрены Положением (19 февраля 1861 г., — *Ред.*): все до одного были в нем предначертаны — и предначертаны весьма широко <...> Народ и ожидал восполнения закона, а не его отмены <...> Вдруг закон был отменен, а не восполнен. Последовали новоявленные учреждения — уж „так называемые мировые“ и лишь „так называемые земские“ <...> Народ, с самого начала как они появились, и до сих пор, мало признает их своими и большого добра себе не чает от них» (Н. Б. Скрытые причины явного зла. (Начало современного фельетона). — «Русь», 22 ноября, № 2, стр. 15). Подробная, в целом сочувственная характеристика первых номеров «Руси» содержится в письмах Достоевского к И. С. Аксакову от 3 и 18 декабря 1880 г.

Стр. 17. *Возьмите даже какую-то штунду и посмотрите на ее успех в народе...* — См. наст. изд., т. XVI, стр. 233; т. XVII, стр. 416—417; т. XXI, стр. 411—412; т. XXIII, стр. 403—404, т. XXIV, стр. 207, 214; т. XXV, стр. 10, 361. Либеральная печать неоднократно сочувственно высказывалась о штундистах, видя в них умеренную оппозицию самодержавно-бюрократическому аппарату. Так, в связи со статьей К. Старынкевича «Религиозное движение на юге России» («Слово», 1880, №№ 6, 8) Г. К. Градовский писал: «Штундисты, как известно, не только изучают Евангелие, но стараются его понять, усвоить и применить в жизни <...> Какие признаки увидели штундисты в том, что официально признано считать православием? Они видели обрядность без понимания сущности религии, разлад между словом и делом, дорого стоящее и обирающее прихожан духовенство, невежество и даже враждебное отношение к просвещению, к гуманности <...> Для православного народа, по откровению г-на Достоевского, вовсе не нужно учения. Он просвещен и без того, поет себе гимны и с этим одним спасет человечество. Но все наши сектанты служат живым протестом против невежества <...> Свобода совести естественно ведет у них и к признанию свободы мнений...» (Грель. Журналистика. — «Молва», 1880, 12 сентября, № 252).

Стр. 17. *«Будут времена ∾ не верьте».* — Имеются в виду слова Христа, предостерегавшего своих учеников от «лжехристов» и «лжепророков»: «Тогда, если кто скажет вам: „Вот здесь Христос, или там“, — не верьте» (Евангелие от Матфея, гл. 24, ст. 23; ср. также: Евангелие от Марка, гл. 13, ст. 21).

Стр. 17. *...о новых золотых грамотах?* — В народном сознании золото было атрибутом власти (прежде всего царской); в утопических легендах о «царе-освободителе» характерным мотивом являются вести от «царя-избавителя» — «золотые грамоты» или «указы с золотой строкой» (см.: К. В. Чистов. Русские социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, стр. 31, 208, 222). Вскоре после того, как был обнародован манифест об отмене крепостного права, в самых различных районах России

начали распространяться слухи о подложности объявленного манифеста и о том, что от народа скрывают подлинный царский манифест, напечатанный золотыми буквами (или же подписанный золотом, или скрепленный золотой печатью) и дарующий крестьянам полную независимость от помещиков (см.: Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Ч. I и II. М.—Л., 1949, стр. 52, 142, 166). В 60—70-е гг. XIX в. революционеры в России неоднократно называли свои обращения к народу «золотыми грамотами», с представлениями о которых крестьянство издавна связывало свои надежды на счастливое будущее. Так, в 1863 г. на Украине восставшими распространялись программные обращения — «Грамота сельскому народу» (напечатанная золотыми буквами) и «Золотая грамота до сельского народу» (см.: Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг. Сборник документов. М., 1964, стр. 264—265, 565). Вера в царя была еще у крестьян настолько сильной, что в ряде уездов поспешно изданная официозная брошюра К. К. Говорского «Беседа с русским народом, живущим в Западном и Юго-западном крае России» была воспринята крестьянами как «царская грамота», дарующая землю (см. там же, стр. 282—284, 566—567). В периодической печати 1863 г. многократно сообщалось о распространении «золотых грамот» (см., например: *Г*, 1863, 13 мая, № 117, стр. 455; 15 мая, № 119, стр. 461; 21 мая, № 125, стр. 486; 23 мая, № 127, стр. 493; 24 мая, № 128, стр. 498; 26 мая, № 130, стр. 506). «Грамота сельскому народу» была перепечатана под заглавием «Золотая грамота» в прибавлении к «Колоколу» «Общее вече» (1864, 15 июля, № 29). В 1877 г. группа революционеров-народников во главе с Я. В. Стефановичем попыталась организовать крестьянское восстание в Чигиринском уезде Киевской губернии, действуя от имени царя. Важная роль в этом предприятии отводилась подложной «Высочайшей тайной грамоте», составленной революционерами, где провозглашалось право крестьян на землю и содержался призыв к восстанию против дворян и чиновников. «„Высочайшая тайная грамота“ была отпечатана на большом листе бристольной бумаги с золотыми краями (что дало ей в народе название «Золотой грамоты»)...» (см.: Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг. Сборник документов. М., 1968, стр. 430). В организованную народниками «Тайную дружину» вошло около 2 тысяч крестьян; тайное общество просуществовало несколько месяцев и в июле 1877 г. было раскрыто полицией. См. также: наст. изд., т. XI, стр. 78, 80. 277.

Стр. 17. *Недавно им читали по церквам, чтоб не верили, что ничего не будет...* — 17 июня 1879 г. в «Правительственном вестнике» (№ 135) было опубликовано «Объявление министра внутренних дел», в котором Л. С. Маков сообщал: «С некоторого времени между сельским населением стали ходить лживые слухи и толки о предстоящем будто бы общем переделе земель.

По особому государя императора высочайшему повелению объявляю, что ни теперь, ни в последующее время никаких дополнительных нарезок к крестьянским участкам не будет и быть не может ‹...› Ложные слухи о земельном переделе и о добавочных в пользу крестьян нарезках разносятся по селениям людьми злонамеренными, для которых нужно только смущать народ и нарушать общественное спокойствие...». «Объявление» было перепечатано рядом газет. Стремясь опровергнуть «вредные вымыслы», правительство в то же время опасалось того, чтобы попытка их опровержения не привела к дальнейшему распространению «разговоров и пересудов». Поэтому в специальном циркуляре губернаторам предлагалось сообщать крестьянам «Объявление» лишь «когда это будет признано полезным», а впоследствии указывалось на нежелательность его оглашения в церквах (см.: Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг. Сборник документов. М., 1968, стр. 476—477). Однако, по-видимому, по инициативе местных властей, «Объявление» читалось и с амвона. Так, в выпущенной в ноябре 1879 г. прокламации «Манифест тайного братства „Черный передел“», обращенной к крестьянству, говорилось: «Вы слышали, как недавно по церквам и волостям читали царский указ о том, что ни-

какого общего передела земли <...> не будет и быть не может <...> Теперь вы видите, что царь не за вас, а за панов и чиновников» (там же, стр. 478).

Стр. 17. ...*именно после этого чтения и утвердилась, по местам, еще более мысль, что «будет»* ∾ *Я только про слухи говорю...* — Сходные наблюдения имеются и в передовой статье Г. В. Плеханова в первом номере революционно-народнического журнала «Черный передел» (от 15 января 1880 г.), где, в частности, говорилось: «В многомиллионной массе русского крестьянства беспрерывно появляется, исчезает и вновь возникает множество самых разнообразных слухов, толков и ожиданий. Несмотря на свое видимое разнообразие, все эти слухи имеют один и тот же источник — страстное искание народом того или иного выхода из современного, невыносимо тяжелого положения. Но ни один из них не приобрел такого широкого, можно сказать, повсеместного распространения, ни один не остановил на себе в такой степени внимания правительства и интеллигентного общества, как слух о предстоящем, будто бы, в скором времени переделе земли <...> Покушения на жизнь императора, казни политических преступников, стеснение казаков, восточная война, приготовления к ревизии — все эти факты, несмотря на их очевидную несоизмеримость, взвешиваются народом исключительно с точки зрения его заветных ожиданий земельного передела <...> Правительственный циркуляр, изданием которого г-н Маков едва не оказал медвежьей услуги популярности царского имени в народе, встречен последним с полным недоверием. „Так и перед волей не единожды читали и объявляли, а все-таки воля вышла“, — вот непредвиденный, вероятно, г-ном Маковым ответ <...> Влияние этой непоколебимой уверенности простирается даже на сферу чисто коммерческих отношений: в некоторых местах крестьяне, как известно, отказываются от покупки земель и избегают долгосрочных арендных контрактов» (Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 г. М.—Пг., 1923, стр. 108—109).

Стр. 17. *Газеты полны описаниями, как народ выбирает своих выборных, — в присутствии «начальства», непременного члена какого-нибудь, и что из этого происходит.* — В № 8 газеты «Русь» от 3 января 1881 г. в одной из статей цикла «Наше земское самоуправление» приводятся две «сцены» выборов на крестьянских избирательных съездах, во время которых на выборщиков-крестьян оказывают более или менее явное давление непременный член и старшины; результатом «избирательной комедии» оказывается то, что гласными «от крестьян» становятся дворяне, те же старшины и кулаки-мироеды (см. стр. 10—11). П. А. Мозалевский отмечал в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Вам небезызвестно, конечно, что на крестьян-земцев исправники, уездные предводители дворянства, в качестве председателей уездных присутствий по крестьянским делам, и в особенности непременные члены этих присутствий, оказывают так называемое „давление“ <...> Непременный член, стоя у руля крестьянского управления, с крестьянином делает все, что ему, непременному члену, вздумается. Он — „начальство“, а о властях и бог велит пещись <...> Действительных представителей крестьянства в наших земствах нет. Интересы крестьян целого уезда поглощаются интересами одного непременного члена!» (П. А. Мозалевский. Земские впечатления. Непременный член. — *СПбВед*, 1880, 12 декабря, № 342). Расхожим каламбуром стало в те годы замечание о подлинной «безгласности» гласных из крестьян. Так, рассказ С. Каронина (Н. Е. Петропавловского), героем которого был крестьянин, избранный в земские гласные, носил название «Безгласный» (*ОЗ*, 1879, № 12).

Стр. 17. *Вон высчитали, что у народа теперь* ∾ *чуть ли не два десятка начальственных чинов, специально к нему определенных...* — Автор опубликованного в газете «Русь» «Письма к редактору из провинции» (подпись: Р. Б.) отмечал: «Что такое теперь уезд? Известное число ревизских душ (город сам по себе изображает то же или почти то же), а над ними масса начальства, в прилагаемом списке мною только что на память

выписанная ‹...› 1) десятский, 2) сотский, 3) урядник, 4) письмоводитель станового, 5) становой, 6) исправник, 7) полицейское управление, 8) уездное присутствие по крестьянским делам, 9) предводитель дворянства, 10) непременный член, 11) почетный мировой судья (член того же присутствия), 12) сельский староста, 13) волостной старшина, 14) писарь волостного правления, 15) волостное правление, 16) волостной суд, 17) вахтер хлебного магазина, 18) уездный землемер, 19) землемер уездного присутствия, 20) агент земского страхования, 21) уездная земская управа, 22) земское уездное собрание, 23) мировой съезд, 24) секретарь мирового съезда, 25) участковый мировой судья, 26) его же письмоводитель, 27) судебный пристав мирового съезда, 28) судебный пристав окружного суда, 29) посредник по размежеванию, 30) присутствие по воинской повинности, 31) уездный врач, 32) земский врач, 33) фельдшер, 34) жандармский унтер-офицер и пр. и пр. и пр. И все это начальствует, командует, приказывает, а обратись к кому за своим делом, с своим горем мужик: „Это, брат, не ко мне!“ ‹...› Вот вам что такое уезд; это 7 нянек, у которых дитя непременно будет без глаза, а взрослый (ибо мужик не дитя), коли к нему отнесутся еще без правды, — то и без хлеба!» («Русь», 1880, 13 декабря, № 5, стр. 11, 12).

Стр. 20. ...*«всему миру не вместить бы книг сих».* — Перефразированный заключительный стих из Евангелия от Иоанна: «Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (гл. 21, ст. 25).

Стр. 21. ...*не сила какого-нибудь победителя (как было, например, с династиями прежних королей во Франции)...* — После свержения Хильдерика III Пипином Коротким в 751 г. на смену династии Меровингов во Франкском государстве приходит династия Каролингов. В 987 г. на съезде духовенства и сеньоров в Санлисе королем был избран Гуго Капет, и на престоле утвердилась династия Капетингов, давно соперничавших с Каролингами. В соответствии с принципом наследования королевской власти только по мужской линии в 1328 г. престол перешел к династии Валуа, а в 1589 г. — к династии Бурбонов.

Стр. 21. ...*ждал исхода своего из Египта.* — Т. е. ждал освобождения от рабства; выражение это восходит к легендарному библейскому рассказу (книга «Исход») об уходе из Египта порабощенных еврейских племен.

Стр. 22. ...*адамантовое основание...* — Адамантовый (переносн.) — крепкий, несокрушимый; от др.-русск. «адамант» — алмаз.

Стр. 27. *Заговорили в последнее время даже о сокращении армии, предлагали в газетах и цифру, именно на пятьдесят тысяч солдат...* — После назначения А. А. Абазы министром финансов в печати (преимущественно либеральной) неоднократно высказывались суждения о необходимом для выхода из финансового кризиса сокращении военного бюджета. В передовой «Страны» от 5 ноября 1880 г. утверждалось: «Скажем прямо, что наилучшим министром финансов в России будет тот, кому удастся энергически сдерживать возрастание расходов военного и морского министерств» («Страна», 1880, 6 ноября, № 87), а затем, десятью днями позднее, об этом говорилось с еще большей определенностью: «Нет иного выхода, как только следующий: сократить непроизводительное содержание войск в мирное время и военную бюрократию...» (там же, 16 ноября, № 90). Слухи о предстоящем сокращении военных расходов проникали и в зарубежную печать, откуда попадали на страницы русских газет (см.: Слухи об уменьшении численности нашей армии. — «Новости и биржевая газета», 1880, 4 декабря, № 323; «Россия», 1880, 21 декабря, № 96). В связи с появлением «Государственной росписи доходов и расходов на 1881 г.», где министр финансов указывал на необходимость «содействовать сокращению средств, расходуемых ныне страною для содержания ее военных сил», в передовой «Нового времени» отмечалось: «Трудно даже понять, почему военное и морское министерство как будто не хотят знать о бедствиях, постигших в нынешнем году Россию. Вместо прибавки по случаю дороговизны 18 миллионов рублей на один провиант

для армии, не проще ли было сократить по возможности личный состав армии и флота увольнением в резерв и запас нескольких десятков тысяч людей. Неужели сокращение армии на 50 000 человек ослабит Россию в политическом отношении? Мы глубоко убеждены, что постоянные дефициты и запутанные финансы ослабляют ее гораздо больше, чем если бы она сократила свою армию даже на половину» (*НВр*, 1881, 2 января, № 1741). На это выступление «Нового времени» немедленно откликнулись «Санкт-Петербургские ведомости»: «Сократить военный расход, действительно, крайне необходимо, и сократить его и нужно, и можно на огромную цифру, но только не понимающие дело могут предлагать сокращение численности наших кадров. Уменьшение военного бюджета лежит в общем преобразовании нынешней военной системы и современных военных порядков, а не в сокращении кадров» (*СПбВед*, 1881, 3 января, № 2).

Стр. 29. *Но ведь у вас все эти самоуправления и земства ∾ пока журавль в небе...* — Это сравнение (восходящее к пословице: «Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки») напоминает некоторые выражения из передовой статьи газеты «Страна» (1881, 6 января, № 3), направленной против славянофилов (заодно с которыми был упомянут и Достоевский). В статье утверждалось, что внешне смелые и решительные программные заявления славянофильской газеты «Русь» в действительности весьма далеки от насущных нужд современности: «Упоминайте о земских соборах, говорите о гнете (бывшем), об измене прежних правителей русским народным идеалам; для вашего красноречия открывается поле необозримое ‹...› Отрицание императора Петра ‹...› провозглашение русских народных идеалов, правды народной, какого угодно журавля в небе — всё им будет представлено, будет потому именно, что они отрицают потребность русского общества заполучить хоть синицу, но прямо в руки, сейчас; не завтра, не послезавтра, не после того, „когда мы разберемся“, а вот — сейчас ‹...› Славянофильство ныне есть официозность, скажем это прямо; свобода сравнений, даруемая красноречию, есть плата за советы об отсрочке всяких уступок» (там же, стр. 1—2). Сближение в «Дневнике писателя» фразеологии «остроумного бюрократа» и либерального публициста «Страны» (вероятно, Л. А. Полонского), по-видимому, должно было подчеркивать важную для Достоевского мысль о духовной близости либералов-«европейцев» и «чиновничества» (ср. стр. 31). Этой же пословицей воспользовался, кстати, и А. С. Суворин, с неодобрением и иронией писавший об увлечениях беспочвенными иллюзиями, в которых он обвинял прежде всего либералов: «Не сулите нам журавля в небе, дайте нам синицу в руки, но синицу настоящую, живую, способную летать и петь, а не из игрушечной лавки. Поверьте, что есть масса людей спокойных и трезвых, которые не мечтают о чем-нибудь чрезвычайном, выходящем из ряду вон, небывалом — на них смело можно опереться, и они вынесут на своих плечах дорогие интересы родины» (Незнакомец. Недельные очерки и картинки. Об уме и познании. — *НВр*, 1880, 7 декабря, № 1717). «Прелестным журавлем, летающим в небе», т. е. действительно высоким и труднодостижимым идеалом, Достоевский назвал интеллигенцию, близкую народу (см. стр. 9; ср. также: наст. изд., т. XXIII, стр. 66).

Стр. 30. ...*столь ненавистная европейцам нашим «Русская партия» (может, слышали, их так в Берлине обозвали)...* — 13 (25) ноября 1880 г. в № 553 берлинской газеты «National Zeitung» была опубликована статья «Russische Stimmungen» («Русские настроения»), автором которой, как указывалось, был некий «государственный человек», хорошо знакомый с Россией и незадолго до того посетивший Москву и Петербург. В статье говорилось о том, что русское общество оказалось в кризисном состоянии, выход из которого возможен только на пути усвоения опыта Западной Европы. Автор, в частности, утверждал: «Величайшим событием в русской истории до наших дней было решение Петра Великого приобщить Россию к жизни Европы путем привлечения сил, которых в самой стране не было. Все великие правители России начиная с XVI столетия действовали в этом духе. Но в начале каждого нового царствования возникала русско-славян-

ская реакция против этого стремления <...> Практика с ее непреложными требованиями между тем убеждает в необходимости помощи со стороны немцев, если вообще желательно выйти из теперешней неурядицы и халатности <...> Русско-славянская партия (так автор именовал прежде всего славянофилов, — *Ред.*) ныне занята тем, чтобы организовать аграрное движение, которое направлено преимущественно против немецких помещиков в остзейском крае» (см.: «Новости и биржевая газета», 1880, 20 ноября, № 309). Появившиеся в русских газетах сообщения о статье в «National Zeitung» сопровождались полемическим комментарием. Так, в «Новостях и биржевой газете» изложение статьи давалось под заголовком «Услужливость не в меру»; в «Санкт-Петербургских ведомостях» говорилось о «нелепости» «неправдоподобных сообщений» «National Zeitung» и отмечалось: «В Германии опасаются более всего самосознательного развития России, основанного на ее народных силах, на потребностях ее народа, а не на безусловном слепом подражании немецким, французским или английским порядкам» (*СПбВед*, 1880, 17 ноября, № 317; ср. также: 20 ноября, № 320). Более подробные суждения о «славянофилах» и «русской партии» содержатся в черновом автографе (см. стр. 221—222).

Стр. 31. *...все ваши европейцы по-настоящему с нами, а мы с ними ∾ в них самих наш дух заключен и даже наш образ...* — Мысль о близости «либералов» и «бюрократии», которой в «Дневнике писателя» посвящена особая главка, сходна с утверждениями в обзоре «За месяц» журнала «Слово» (1880, № 10), где, в частности, говорилось: «Наша периодическая пресса успешно соперничает с многочисленными казенными канцеляриями в деле изобретения проектов для водворения надлежащего благоустройства и благочиния в различных областях русской народной жизни <...> Канцелярский дух, господствующий над Россиею, проникает насквозь так называемое общественное мнение, выражающееся в умеренно-либеральных органах печати» (стр. 78—79).

Стр. 31. *У Крылова она имеет прекрасное нравоучение, но на другую тему...* — Басня И. А. Крылова «Свинья под Дубом» (1825) заканчивается так:

Невежда так же в ослепленье
Бранит науки и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Стр. 32. *Геок-Тепе взят ∾ Особенно после неудачи генерала Ломакина...* — В 1879 г. для завоевания Ахал-Текинского оазиса в Туркмении была организована экспедиция русских войск под командованием генерала И. Д. Лазарева. Экспедиционный отряд встретил упорное сопротивление племени текинцев; предпринятый 28 августа 1879 г. генералом Н. П. Ломакиным (заменившим умершего 14 августа Лазарева) штурм крепости Геок-Тепе не имел успеха, и отряд вынужден был отступить. Следующей Ахал-Текинской экспедиции (организованной в 1880 г.), во главе которой стоял М. Д. Скобелев, удалось 12 января 1881 г. захватить Геок-Тепе; 18 января был занят Асхабад.

Стр. 32. *...неизвестность о предпринятой экспедиции ∾ только под самый конец раздались по всей России телеграммы Скобелева.* — Главнокомандующим Кавказской армией великим князем Михаилом Николаевичем, которому была подчинена Ахал-Текинская экспедиция, запрещено было, с целью сохранения военной тайны, отправлять из экспедиционного отряда корреспонденции для печати. В течение ряда месяцев русская общественность узнавала о ходе экспедиции лишь по отрывочным сообщениям в зарубежной печати (чаще всего «Daily News»), перепечатывавшимся русскими газетами. Только 1 января 1881 г. в «Правительственном вестнике» была опубликована корреспонденция «Известия из Закаспийского края», и затем стали регулярно печататься телеграммы с сообщениями об осаде и штурме Геок-Тепе. См.: Ахал-Тэкинская экспедиция генерала

Скобелева в 1880—81 годах. Из воспоминаний д‹окто›ра А. В. Щербака. СПб., 1884, стр. 16—17, 77—78.

Стр. 32. *Лишняя вовсе нам эта Азия ~ Эти суждения иногда и теперь раздаются у умников наших....* — В разделе «Внутреннее обозрение» «Санкт-Петербургских ведомостей» (1881, 16 января, № 15) отмечалось: «Как встретили представители нашей интеллигенции в печати победоносную телеграмму генерала Скобелева?

Газета „Голос" восклицает: „Довольно потерь и расходов! Остается надеяться, что России не придется уже предпринимать новых экспедиций в эту часть Средней Азии" ‹...› „Молва" идет далее в пессимистических воззрениях на нашу среднеазиатскую политику. „Вместо того, — говорит эта газета, — чтобы пожинать плоды недешево обошедшейся воинственной политики Англии, мы отмстили тем же и сами втянулись в кровавую экспедицию. Пожелаем, чтобы взятием Геок-Тепе и Денгиль-Тепе совершенно окончились военные действия в том крае". „Порядок" ‹...› сопровождает сообщение радостного известия тоскою об утомлении нашего отряда. Газета хочет уверить своих читателей, что со взятием Геок-Тепе „начало конца сделано". „Новое время", отдавая долг благодарности храброму русскому воинству и высокопочитание генералу Скобелеву, не могла и на этот раз не усомниться в целесообразности самой экспедиции и в том, стоит ли она затраченных на нее денег и той дорогой крови, которая пролилась там.

Словом, петербургские газеты встретили взятие Геок-Тепе и радостью и горем. Со всех сторон слышно одно: „Довольно, довольно. Не нужно нам воинственной политики, не нужно дальнейших завоеваний в этой части Средней Азии"».

Стр. 32. *...белому царю...* — Т. е. русскому царю. Это выражение, употреблявшееся в обращении к московскому царю восточных народов и часто встречающееся в русском фольклоре, по своему происхождению связано, вероятно, с одним из значений слова «белый» — независимый, свободный (указано В. В. Колесовым; ср.: Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1. М., 1975, стр. 138).

Стр. 33. *...до «металла и жупела» московских купчих.* — См. наст. изд., т. XV, стр. 601—602.

Стр. 33. *...посылали туда наши армии «спасать царей»...* — В 1798 г. Павел I, по просьбе австрийского двора, направил в Северную Италию русские войска, чтобы оказать помощь австрийской армии, терпевшей поражения от французов. Многократно сообщался в печати анекдот, по которому Павел I, отправляя А. В. Суворова в феврале 1799 г. в Италию для командования русско-австрийскими войсками, сказал: «Тебе спасать царей» (см., например: Дух великого Суворова, или Анекдоты подлинные о князе Италийском графе Александре Васильевиче Суворове Рымникском... СПб., 1808, стр. 124; Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича Суворова... Собранные Васильем Левшиным. М., 1809, стр. 129; Н. А. Полевой История князя Италийского графа Суворова Рымникского... Изд. 2. СПб., 1858, стр. 226; История графа Александра Васильевича Суворова, или Жизнь великого русского воина. М., 1878, стр. 105). Блестящие победы, одержанные Суворовым в 1799 г., обеспокоили Австрию и Англию, и они настояли на тяжелом и опасном походе суворовской армии в Швейцарию, где французы теснили австрийские войска и русский корпус А. М. Римского-Корсакова (ср. также стр. 243). В 1813—1814 гг. русская армия участвовала в боевых действиях шестой антинаполеоновской коалиции, которой удалось добиться полной победы над Францией; одним из следствий этого явилось восстановление династии Бурбонов (во Франции, Испании и Королевстве обеих Сицилий) и Савойской династии (в Пьемонте). В 1849 г. Николай I осуществил интервенцию в восставшую против Габсбургского режима Венгрию, силами 140-тысячной армии подавил венгерскую революцию и тем самым сохранил целостность Габсбургской империи.

Стр. 33. *В двенадцатом году, выгнав от себя Наполеона, мы не помирились с ним, как советовали и желали тогда некоторые немногие прозорливые русские люди...* — А. С. Шишков рассказывал, как он в беседе с М. И. Кутузовым в декабре 1812 г. доказывал нецелесообразность продолжения войны с Наполеоном ввиду ненадежности союзников, на что будто бы Кутузов ответил ему: «Я и сам так думаю, но государь предполагает иначе...» (см.: Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. 1. Берлин, 1870, стр. 167—169; Разговор А. С. Шишкова с князем Кутузовым о походе 1813 года. — *РА*, 1876, № 12, стр. 498—499). М. И. Богданович в числе «поборников мира», считавших «несвоевременным» продолжение войны разоренной наполеоновским нашествием Россией, особо выделял канцлера Н. П. Румянцева и М. И. Кутузова (см.: История царствования императора Александра I и России в его время. Сочинение автора «Истории Отечественной войны 1812 года», т. IV. СПб., 1869, стр. 1). Советский историк Н. М. Дружинин отмечает: «...вопрос о целесообразности перехода границы по-разному решался в среде русского дворянства. В правящих кругах была сплоченная группа противников продолжения войны — к ней принадлежали государственный статс-секретарь А. С. Шишков, московский генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин, министр иностранных дел граф Н. П. Румянцев и др. Если Н. П. Румянцев исходил из своего плана внешней политики, направленного против усиления Австрии и Англии, то позиция Ф. В. Ростопчина и А. С. Шишкова диктовалась реакционными мотивами: и тот и другой были противниками всяких освободительных стремлений и трепетали перед мыслью о возможности усиления крестьянского движения <...> Под влиянием записок А. С. Шишкова было распространено мнение, будто главнокомандующий армии М. И. Кутузов тоже был противником заграничного похода. Тщательный анализ этого источника и все дальнейшие действия Кутузова опровергают эту неправильную версию» (Н. М. Дружинин. Освободительная война 1813 г. и русское общество. — В кн.: Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965, стр. 57—58).

Стр. 34. *Похититель...* — Прозвище (франц. usurpateur), данное легитимистами Наполеону I, которого они обвиняли в захвате престола, принадлежавшего династии Бурбонов.

Стр. 34. *...помирился бы с нами крепко-накрепко ∾ За условие, что мы не будем ему мешать в Европе, он отдал бы нам Восток ∾ Похититель это сам говорил потом...* — Это утверждение представляет собой, вероятно, контаминацию различных сведений. В начале января 1813 г. созванное Наполеоном экстренное совещание верхушки правительства высказалось за необходимость скорейшего заключения мира (см.: A. Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire, t. 15. Bruxelles—Leipzig, 1857, p. 179—182). На совещании в Тюильри было принято решение вести переговоры о мире с Россией через посредство Австрии (Талейран, Коленкур и Камбасерес высказались за непосредственное обращение к России) (Ibid., p. 184—186). Находясь на острове Святой Елены, Наполеон неоднократно высказывал предположения о возможном росте влияния России на Востоке (о распространении его на Турцию, Грецию и Индию), тем самым пытаясь реабилитировать свою собственную экспансионистскую политику, якобы сдерживавшую честолюбивые устремления Александра I и обеспечивавшую равновесие сил на мировой арене (см.: Napoléon en exil, ou l'Echo de Sainte Hélène, ouvrage contenant les opinions et les réflections de Napoléon sur les évènements les plus importants de sa vie et de son gouvernement recueillies par Barry E. O'Meara, t. 2. Bruxelles, 1824, p. 282—284, 266—269; ср.: Р. Зотов. Наполеон на острове Святой Елены. Собрано из записок Лас-Казеса, Гурго, Монтолона, О'Меара и Антомаки, ч. 1. СПб., 1838, стр. 66—67). В то же время Наполеон высказывался и о своем неизменном противодействии Александру I, желавшему разрешения Восточного вопроса в пользу Российской империи (см.: Mémorial de Sainte-Hélène... par le comte de Las-Cases, t. 6. Paris. 1830, p. 60—61).

Стр. 34. *На конгрессах они тотчас против нас соединились вместе*

сплошной стеной... — Имеются в виду Венский конгресс 1814—1815 гг. (на котором 3 января 1815 г. было заключено тайное соглашение Австрии, Франции и Англии против России и Пруссии), конгрессы Священного союза, члены которого постоянно противодействовали усилению могущества России (так, например, на конгрессе в Троппау и Лайбахе 1820—1821 гг. министру иностранных дел Австрии Меттерниху удалось удержать Александра I от помощи восставшей Греции, боровшейся против турецкого владычества, и это подрывало престиж России на Балканах), и, разумеется, Берлинский конгресс 1878 г. (см. стр. 6).

Стр. 34. *Приданого взял шиш, по службе ничего.* — Слова Репетилова («Горе от ума», д. IV, явл. 5), рассказывающего о том, как в погоне за богатством и чинами он женился на дочери барона фон Клоца, который «в министры метил».

Стр. 36. *Это «страна святых чудес», и изрек это самый рьяный славянофил.* — Т. е. А. С. Хомяков, назвавший в своем стихотворении «Мечта» (опубл. в 1835 г.) Западную Европу («дальний Запад», «Запад величавый») «страной святых чудес» (ср. также: наст. изд., т. V, стр. 47, 361; т. XIII, стр. 337; т. XXIV, стр. 219; т. XXV, стр. 198).

Стр. 36. *Я про будущее великое значение в Европе народа русского ∾ сказал было одно словцо прошлого года на пушкинских празднествах ...* — См. наст. изд., т. XXVI, стр. 147—148.

Стр. 38. *И что нам там ∾ до каких-то Гамбетт...* — Русская печать систематически (вслед за французской прессой) писала о деятельности Л.-М. Гамбетты (1838—1882), занявшего в 1879 г. пост председателя палаты депутатов; излагались выступления Гамбетты, говорилось о его стремлениях к диктатуре и «политике реванша», направленной на возвращение территории, утраченной во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. (см., например, передовые статьи в «Голосе» от 24 июля и 5 августа 1880 г. (№№ 203 и 215), а также политические фельетоны «Настоящее и будущее Французской республики» — *Г*, 1880, 1 и 6 сентября, №№ 241 и 246). Обратили на себя внимание Достоевского статьи «Нового времени», где отмечался значительный рост влияния Гамбетты, позволявший, по мнению обозревателя, видеть в нем будущего главу республики (см. стр. 63, 82, 344, 351—352).

Стр. 38. *...до папы и его дальнейшей участи, хотя бы и угнетал его Бисмарк?* — Льву XIII (Джоакино Печчи; 1810—1903), ставшему папой в 1878 г., удалось добиться отмены бóльшей части постановлений против католического духовенства, принятых в Германии в период культуркампфа (см. наст. изд., т. XXI, стр. 486). Однако поддержка Льва III Бисмарком оказалась в конечном счете не столь значительной, как хотелось бы папе: в 1882 г. Германия заключила союз с Италией, не признававшей светской власти папы.

Стр. 38. *...«la Russie опять se recueille».* — Имеется в виду выражение из циркулярной депеши, направленной министром иностранных дел А. М. Горчаковым дипломатическим представителям России за границей 21 августа (2 сентября) 1856 г. В депеше характеризовались основные принципы внешнеполитического курса России после Крымской войны: невмешательство в европейские дела, вызванное необходимостью оправиться от потерь и понесенных жертв, и отказ жертвовать своими интересами для поддержания нерушимости Священного союза. Вместе с тем в депеше подчеркивалось, что эта вынужденная изоляция носит временный характер: «La Russie boude, dit-on. La Russie ne boude pas. La Russie se recueille» («Говорят, что Россия сердится. Нет, Россия не сердится. Она собирается с силами»), — писал Горчаков. Эти слова стали крылатой фразой. См.: Сборник, изданный в память двадцатипятилетия управления министерством иностранных дел государственного канцлера светлейшего князя А. М. Горчакова. 1856—1881. СПб., 1881, стр. 5 (2-й пагинации); С. К. Бушуев. А. М. Горчаков. М., 1961, стр. 79—84. Ср. также: наст. изд., т. XV, стр. 203.

Стр. 39. *...в союзе Германии с Австрией...* — 7 октября (н. ст.) 1879 г. в Вене был подписан австро-германский договор, направленный против России (предусматривалась обоюдная военная помощь в случае войны с Россией).

Стр. 39. *...да еще в австрийских захватах в Турции, поощряемых князем Бисмарком.* — На Берлинском конгрессе Германия поддерживала Австро-Венгрию, добившуюся оккупации Боснии и Герцеговины, принадлежавших Турции.

Стр. 39. *...как и во франко-прусскую бойню ∾ как тогда насчет Черного моря мы заявили...* — 19 (31) октября 1870 г., в разгар франко-прусской войны, через полтора месяца после того как французский император Наполеон III оказался в плену вместе с армией Мак-Магона (21 августа (2 сентября) 1870 г.) и через несколько дней после того как маршал Базен капитулировал в Меце (15 (27) октября), канцлер А. М. Горчаков обратился к странам-участницам Парижского конгресса 1856 г. (Франции, Англии, Австро-Венгрии, Пруссии, Турции, Италии) с заявлением, в котором содержался отказ от дальнейшего соблюдения Россией так называемой «нейтрализации Черного моря» (т. е. запрещения России, по условиям Парижского мира 18 (30) марта 1856 г., держать военный флот на Черном море) ввиду неоднократных нарушений Парижского договора другими державами. Лондонская конференция, проходившая в начале 1871 г., в период существенного обострения международной обстановки, вынуждена была согласиться с требованиями России. Об отношении русского общества к горчаковской ноте см.: Л. М. Шнеерсон. Франко-прусская война и Россия. Минск, 1976, стр. 210—218.

Стр. 40. *...вечная память «выбывшим из списков» богатырям!* — В «Новом времени» сообщалось: «Осада Геок-Тепе — кровопролитная осада. Сводя всю нашу потерю под стенами этой крепости в общие итоги и руководствуясь при этом только данными, взятыми из официальных телеграмм, мы получим следующие цифры потерь убитыми и ранеными с 28 декабря по 12 января в отряде генерала Скобелева: нижних чинов убито 228, ранено 585. Офицеров убито 13, ранено 48» (*НВр*, 1881, 20 января, № 1759). В телеграмме главнокомандующего Кавказской армией от 19 января 1881 г. давались такие сведения: «Наша потеря во всех боях, с 20 декабря по 12 января, состоит убитыми: офицеров 16, нижних чинов 267; ранеными: офицеров 42, нижних чинов 647 ...» (*СПбВед*, 1881, 22 января, № 21).

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ (*ПМ*)

Стр. 200. *После 2-х выстрелов в Европе, когда в ней социализм всё проел.* — Видимо, имеются в виду прежде всего покушения на жизнь германского императора Вильгельма I стрелявших в него М. Геделя (11 мая 1878 г.) и К.-Э. Нобилинга (2 июля 1878 г.), которых реакционеры поспешили объявить членами социалистической партии, и 19 октября 1878 г. рейхстагом, по предложению Бисмарка, был принят исключительный закон против социалистов. 25 октября того же года в Мадриде Мукасп стрелял в испанского короля Альфонса XII, а 17 ноября Д. Пассананте попытался заколоть кинжалом итальянского короля Гумберта I. Реакционная пресса писала о заговоре социалистов против европейских монархов.

Стр. 201. *А вы что? Законодатель, судья и палач — всё вместе, в одном лице? Это очень удобно...* — Возможно, что здесь, полемизируя с западниками, указывавшими на более высокий в Западной Европе по сравнению с царской Россией уровень правового и политического сознания, Достоевский перефразирует характеристику, данную И. Тэном стихийным экзекуциям, имевшим место в Париже в июле 1879 г., когда бурно нарастал революционный подъем: «Всемогущая толпа отправляет все функции верховной власти: с функциями законодателя совмещает функции судьи, с функциями судьи — функции палача. Кумиры ее священны: если кто-

либо неуважительно отнесется к ним, тот повинен в оскорблении величества и карается немедленно» (H. Taine. Les origines de la France contemporaine. La Révolution, t. 1. 3e éd. Paris, 1878, p. 45).

Стр. 201. *Во всякой женщине есть нечто подчиненное и рабское ∾ Рассудку мало, мяса много.* — Эти (и следующие далее) записи представляют собой, по-видимому, попытку представить в концентрированном, парадоксально заостренном виде взгляды противников женского равноправия. Следует отметить, что высказывания о преобладании в женщинах инстинкта над разумом и их склонности к подчинению могли принадлежать не только отъявленным консерваторам, испуганным усилением освободительных стремлений в обществе; подобные суждения могли являться своеобразным следствием максимализма романтически-идеалистических воззрений, в соответствии с которыми признавалась ценность лишь совершенного, а то, что не оказывалось совершенным идеалом, безжалостно и с горечью отвергалось. Так, например, В. Г. Белинский писал В. П. Боткину 10 декабря 1840 г.: «Я уже не поклоняюсь женщине, как раб деспоту, как дикарь божеству своему ‹...› женщина — слабейший организм, низшее существо, чем мужчина. Лучшая из женщин хуже лучшего из мужчин. В женщине как-то нет середины — или глубока, или совсем мелка и ничтожна. В самых лучших из них много чего-то ничтожного» (*Белинский,* т. XI, стр. 572). То же в письме Н. А. Бакунину от 6 апреля 1841 г.: «Было время, когда женщина была для меня божеством ‹...› а теперь — это уже не божество, а просто — женщина ‹...› существо, на которое я не могу не смотреть с некоторого рода сознанием своего превосходства, которое основывается не на моей личности, а только на моем звании мужчины» (*Белинский,* т. XII, стр. 39; ср. также: т. I, стр. 222—227; эти суждения Белинского были, по всей вероятности, известны Достоевскому, так как приводятся в издании: А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, т. II. СПб., 1876, стр. 75, 129—130). Пытаясь опровергнуть доводы Д. С. Милля в пользу уравнения женщин в правах с мужчинами и уверяя, что в России так называемый «женский вопрос» — беспочвенная фантазия, Н. Н. Страхов писал: «Женщина, как известно, по красоте, по прелести душевной и телесной есть первое существо в мире, венец создания ‹...› Чем прекраснее вещь, тем отвратительнее ее уклонения от типа, извращения ее природы. Из женщин выходят не одни богини и мадонны, из них же выходят и фурии и ведьмы. Уклонения тем возможнее, тем многочисленнее и глубже, чем выше и чище идеал. Мужчина по самому существу дела никогда не может достигнуть той степени отвратительности, до которой доходит женщина» (Н. Н. Страхов. Разбор сочинения Д. С. Милля «О подчинении женщины». — «Заря», 1870, № 2. отд. II, стр. 140). В изданной посмертно книге П. Ж. Прудона «Порнократия, или Женщины в настоящее время» (P. J. Proudhon. La pornocratie ou Les femmes dans les temps modernes. Paris, 1875) вторую часть составили заметки, где содержались резкие и несправедливые суждения о женщинах, среди которых были, например, такие: «В самой прелестной и в самой добродетельной женщине есть частичка вероломства, т. е. зверства. Она — прирученное животное, возвращающееся по временам к дикому состоянию ‹...› Все это бывает незаметно во времена строгой нравственности и семейных добродетелей. Женщина является тогда хранительницей добродетели ‹...› Во времена же всеобщего разложения, когда женщины, следуя примеру мужчин, обращаются к первобытной животности, каждый может удостовериться в справедливости подобного изображения» (Прудон. Порнократия, или Женщины в настоящее время. М., 1876, стр. 280, 287). Е. О. Лихачева, отмечая, что резкость подобных высказываний следует отнести на счет болезненного состояния, в котором находился Прудон в последние годы жизни, указывала и на то, что женоненавистничество Прудона явилось логическим следствием его моральных постулатов, изложенных им еще в труде «О справедливости в революции и церкви» (1858): «...основное воззрение Прудона на женщин было — идеализация их до обезличения, и если он может казаться врагом их, то стал им невольно, в силу

‹...› законов своего ума, подчиняясь не столько, скажем, логике мысли, сколько механизму логики» (Е. Л. Посмертное сочинение Прудона о женщинах и его взгляд на них. — *ОЗ*, 1876, № 2, отд. II, стр. 235). «Женщина — это олицетворенный идеал человечества, последнее и совершеннейшее создание природы, — восклицает Прудон. — Этим определяется роль ее, которая, очевидно, может быть только чисто идеальною ‹...› Как в своих воззрениях на брак, так и в воззрениях на женщин Прудон был прежде всего — мистик», — заключала Е. О. Лихачева (там же, № 3, отд. II, стр. 102, 106). В поле зрения Достоевского могли находиться также и пессимистические суждения А. Шопенгауэра, писавшего о несправедливости, неэстетичности и природной склонности женщин к подчинению. С его взглядами Достоевский мог познакомиться в частности по французскому переводу избранных высказываний немецкого философа: A. Schopenhauer. Pensées et fragments. Traduits par J. Bourdeau. Paris, 1880.

В записных тетрадях Достоевского 1876—1877 и 1880—1881 гг. содержится ряд кратких помет, относящихся к роли женщины в современном обществе (см., например, наст. изд., т. XXIV, стр. 200, 233, 235, 243, а также наст. том, стр. 46, 47, 60) — теме, к которой Достоевский неоднократно обращался в «Дневнике писателя» (1876, май, гл. II, §§ 2—3; июнь, гл. I, § 2; гл. II, § 5; 1877, сентябрь, гл. II, § 3). Возможно, что появление в конце 1880 г. новых записей, касающихся «женского вопроса», было стимулировано выходом книги А. Дюма-сына «Женщины, которые убивают, и женщины, которые голосуют» (A. Dumas-fils. Les femmes qui tuent et les femmes qui votent. Paris, 1880). Она, как и другие произведения Дюма-сына, сразу же приобрела широкую известность, быстро дошедшую до России: в «Вестнике Европы» было дано подробное ее изложение (А. Э. Новая защита женских прав. — *ВЕ*, 1880, № 11, стр. 343—363), а через несколько месяцев появились и отдельные издания на русском языке (А. Дюма-сын. Женщины убивающие и женщины избирающие. Пер. с 7-го франц. изд. М., 1881; А. Дюма-сын. Женщины-убийцы и женщины-избирательницы. Пер. с 24-го франц. изд. СПб., 1881). Сенсационность книги состояла прежде всего в том, что А. Дюма, ранее снискавший себе памфлетом «Мужчина—Женщина» (1872) репутацию ярого противника женского равноправия, неожиданно для многих вдруг выступил за предоставление женщинам права голоса: в участившихся случаях оправдания присяжными женщин, покушавшихся на жизнь соперниц, неверных мужей и любовников, он увидел свидетельство гражданской зрелости женщин. Публицист «Дела» воспринял эволюцию взглядов французского писателя как закономерный и неизбежный результат влияния «экономического прогресса», который «фактически уничтожил всякое различие между женским и мужским производительным трудом» (Т—но. Новый фазис женского вопроса во Франции. — *Д*, 1880, № 11, Современное обозрение, стр. 114). В статье утверждалось, что «женский вопрос, как и все другие вопросы нашей общественной жизни, будет решен практическою действительностью сообразно требованиям, лежащим в основе ее экономических принципов» (там же, стр. 104). Ср. ниже, примеч. к стр. 111.

Стр. 201. *(Мучение архиепископа, женщина, Maxime du Camp)...* — Возможно, контаминация двух эпизодов из истории Парижской коммуны 1871 г.: на казнь парижского архиепископа Ж. Дарбуа, арестованного коммунарами за сношения с Версальским правительством, содержавшегося в тюрьме как заложник и расстрелянного в ночь на 24 мая, перенесены некоторые обстоятельства расстрела 25 мая в Париже заподозренных в содействии версальцам монахов-доминиканцев и служащих из находившейся в Аркейле (под Парижем) доминиканской школы Альберта Великого. М. Дюкан в своем четырехтомном памфлете «Судороги Парижа» (1878—1879), направленном против коммунаров, отмечал, что в расстреле доминиканцев (совершившемся в сущности стихийно, когда народ был ожесточен бесчинствами версальцев, уже вступивших в Париж) приняла участие одна из женщин, сражавшихся в Национальной гвардии. Когда

арестованные попытались спастись бегством, «самая молодая, маленькая блондинка, довольно хорошенькая, бросилась на середину мостовой, рискуя попасть под ружейный выстрел; она стреляла из своего шаспо, крича: „Ах, трусы! Они удирают!“ ‹...› женщины аплодировали из окон; на тротуарах мужчины показывали кулак этим несчастным; все смеялись» (Maxime du Camp. Les convulsions de Paris, t. 1. 3e éd. Paris, 1879. p. 302).

Стр. 201. *Убийства, женщина ножницами выколола глаза, другая съела сердце убитого.* — В «Происхождении современной Франции» И. Тэна рассказывается о том, как 9 сентября 1789 г. толпа расправилась с мэром Труа Гуэцем, которого обвиняли в нехватке хлеба. Тэн приводит такие подробности: «Одна женщина бросается на поваленного на землю старика, топчет его лицо ногами и несколько раз вонзает ему в глаза ножницы ‹...› в Кане еще того хуже: старшина Бельсунс ‹...› был разрублен на части, как Лаперуз на островах Фиджи, и одна женщина съела его сердце» (H. Taine. Les origines de la France contemporaine. La Révolution, t. 1. 3e éd. Paris, 1878, p. 88—89; в рус. пер.: И. Тэн. Происхождение современной Франции. Т. II. Анархия. СПб., 1907, стр. 55). В тенденциозном подборе и освещении исторических фактов здесь ощущается влияние реакционной политической позиции Тэна.

Стр. 201. *У нас на Казанской площади фейки.* — Имеются в виду участницы первой в России политической демонстрации 6 декабря 1876 г. на площади перед Казанским собором в Петербурге, организованной народниками-землевольцами и членами рабочих кружков. Суду были преданы 17 мужчин и четыре женщины, старшей из которых было 22 года, а младшей — 16. Все четыре были сосланы на поселение в Сибирь, причем шестнадцатилетняя Ф. И. Шефтель, по первоначальному приговору, была осуждена на 6 лет и 8 месяцев каторги за сопротивление полиции. В обвинительном акте поведение Фейги (Фелиции) Исааковны Шефтель было отмечено особо: «Видя, что полиция уже известилась о происшествии и слышны учащенные призывные свистки городовых, некоторые из толпы начали кричать: „Братцы, идите плотнее, не расходитесь: кто подойдет, тот уйдет без головы“; призыв этот, сочувственно принятый всеми, выдвинул вперед молодую женщину, блондинку, с распустившимися косами, которая кричала: „Вперед, за мною!“ Молодежь сплотилась еще теснее и тронулась от собора по направлению к памятнику Кутузова» (*Г*, 1877, 21 января, № 21).

Стр. 201. *Maxime du Camp свидетельствует ∾ «Ne me tue pas».* — М. Дюкан с нескрываемой злобой писал о женщинах, участвовавших в обороне Парижской коммуны: «Разгоряченная этой ненормальной жизнью, вспоминая актрис, которых она (женщина, — *Ред.*) видела скачущими в цирке на лошадях, украшенных султанами, гордая своим мундиром, своим ружьем, она превосходила мужчину в лихих выходках, стыдила его за неумение достаточно ловко убивать и увлекала его на ужасные преступления, за которые ее, может быть, избавляет от ответственности нервический темперамент. Ее искусственно возбужденная и болезненная энергия порой внезапно исчезала; и те, которые были самыми неистовыми, самыми неустрашимыми, которые под прикрытием баррикад совершали чудеса храбрости, оказавшись лицом к лицу с одним из наших вооруженных солдат, падали на колени и, сложив руки, кричали: „Не убивай меня!“» (Maxime du Camp. Les convulsions de Paris, t. 1. 3e éd. Paris, 1879, p. 300). В том же духе Дюкан писал о коммунарках и в других главах, называя их то иронически «героинями», то «зловещими самками» (см.: Ibid., t. 3. 2e éd. Paris, 1879, p. 113—115, 118, 122). Но он же засвидетельствовал и то, с каким ожесточением расправлялась с пленными коммунарами парижская буржуазия: «Когда показывалась толпа арестованных, к ней бросались и пытались прорвать оцепление из солдат, которые их конвоировали и охраняли; женщины, как всегда, неистовствовали больше всех; они прорывали ряды солдат и били арестованных зонтиками, крича: „Смерть убийцам! В огонь поджигателей!“ Когда один из

этих несчастных останавливался и падал и когда жандармы поднимали его <...> стоял крик: „Нет! Нет! Сейчас же убейте его, расстреляйте его!“» (ibid., t. 2. 3e éd. Paris, 1879, p. 420).

Стр. 201. *«Русские женщины» Некрасова...* — О критическом отношении Достоевского к некрасовской поэме см.: наст. изд., т. XXI, стр. 73, 423.

Стр. 201. ...*все кричащие за женщин и указывающие на декабристок и сестер милосердия берут только частные состояния духа тех же самых женщин, которые в другое время окажутся злодейками.* — Эти «антифеминистские» высказывания резко контрастируют с тем, что писал сам Достоевский в «Дневнике писателя» 1873 г. о женах декабристов, с которыми он познакомился в 1854 г. в Тобольске: «Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть» (наст. изд., т. XXI, стр. 12), — и с тем, что сказано в «Дневнике писателя» 1877 г. о «несомненном уделе будущей русской женщины»: «Но главное и самое спасительное обновление русского общества выпадет, бесспорно, на долю русской женщины. После нынешней войны, в которую так высоко, так светло, так свято проявила себя наша русская женщина, нельзя уже сомневаться в том высоком уделе, который несомненно ожидает ее между нами» (наст. изд., т. XXVI, стр. 33).

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» 1881 г.

(Стр. 41)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: «Русь», 1880, 13 декабря, № 5.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

ЗАПИСИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ИЗ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ 1880—1881 гг.

(Стр. 42)

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.1.17; см.: *Описание*, стр. 323.

Впервые напечатано: *Биография*, отд. II, стр. 364—375 и *ЛН*, т. 83, стр. 667—700.

В собрание сочинений полностью включается впервые.

Достоевский приступил к заполнению тетради сразу после окончания работы над «Дневником писателя» за 1880 г. 19 августа — самая ранняя дата, указанная автором. Многочисленные ссылки на номера газет и журналов позволяют расположить материал в вероятной хронологической последовательности: ссылка на «Новое время» (1881, 12 января, № 1751) дает основание заключить, что в тетрадь вносились записи до середины января 1881 г.

Часть записей была использована Достоевским в январском (посмертном) выпуске «Дневника писателя». Но большинство записей представляет собой планы, наброски, заготовки для статей, предназначавшихся в февральский и даже мартовский номера. По ним до известной степени можно реконструировать содержание отдельных глав задуманных выпусков «Дневника писателя». Почти все сюжеты неосуществленных статей и заметок вырастают из полемики Достоевского с критиками «Дневника писателя» за 1880 г. и «Братьев Карамазовых». В письме к А. Ф. Благонравову (12 декабря 1880 г.) Достоевский определенно писал о своем полеми-

ческом намерении «разъяснить <...> критически» в «Дневнике писателя» главу IX («Черт. Кошмар Ивана Федоровича») 11-й книги романа. Ряд набросков в тетради свидетельствует о постепенном расширении замысла ответа критикам с «разъяснением» главы романа.

Много в тетради и кратких и развернутых полемических возражений (часто необыкновенно резких) Достоевского критикам «Дневника писателя» за 1880 г. — Г. И. Успенскому, Н. К. Михайловскому, А. Н. Пыпину, В. А. Кошелеву, С. А. Юрьеву, Г. К. Градовскому, К. Н. Леонтьеву и — более всего — К. Д. Кавелину, ответ которому, очевидно, должен был занять главу февральского выпуска и, видимо, как и в предыдущем «Дневнике», превратиться в принципиальный спор по всем узловым злободневным проблемам не с одним Кавелиным, но со всей «либерально-европейской» партией. Как можно судить по разнотемным записям в тетради, ответ Кавелину должен был явиться развитием основных идей и тем январского выпуска: «народ и интеллигенция», «отцы и дети»; Земский собор и «народосоветие».

Столь же подробно разработан в тетради сатирический проект «мечтателя, сумбуриста» (видимо, Достоевский предполагал построить ряд глав в форме диалога с условным героем, «парадоксалистом», — прием, уже опробованный в «Дневнике писателя» 1876 г.). К проекту непосредственно примыкает замысел своеобразного эстетико-полемического введения: определение сути русской сатиры (от «Горя от ума» до «За рубежом»), спор с «сатирическим старцем» Щедриным — значительно обновленный план статьи 1876—1877 гг. Проект, по намерению Достоевского, — антилиберальная сатира, включающая равно высмеивание Щедрина и его «хвалителей» и широкое использование сюжетов, деталей, штрихов, словечек из «Дневника провинциала в Петербурге» (1872), «Современной идиллии» (1877—1883), «За рубежом» (1880). Сатирическая главка, как можно предположить по отдельным наброскам, незаметно должна была перейти в статью «педагогическую», причем Достоевский отталкивается от «сценки» «Мальчик в штанах и мальчик без штанов» (из цикла Щедрина «За рубежом»). В «педагогическую» статью влились бы полемика с передовицами (об учащейся молодежи) И. С. Аксакова и, конечно, отклик Достоевского на отставку министра просвещения Д. А. Толстого, а также размышления, вызванные недавними студенческими беспорядками.

В одном из выпусков Достоевский собирался вернуться к пресловутой истории о «кайме». Об этом свидетельствуют черновые наброски (стр. 197—200): ответ П. В. Анненкову и М. А. Стасюлевичу, воспоминания о Белинском и Панаеве. В мартовский выпуск Достоевский планировал статьи о республиканской Франции (времен Гамбетты, стр. 50, 63) — здесь писатель полемически отталкивался от сильно раздражавших его парижских корреспонденций А. Н. Молчанова («Новое время»). Разбор последних событий во Франции, особенно насильственного упразднения «духовных конгрегаций», видимо, должен был соседствовать в одном номере «Дневника писателя» с размышлениями о религиозных движениях в России, возможно с опорой на некоторые передовицы И. С. Аксакова, речи К. П. Победоносцева. Размышления эти подготовляют полемические выпады против таких деятелей церкви или знатоков православия, как И. Л. Янышев, И. В. Васильев, Н. С. Лесков, К. Н. Леонтьев, опровержение взглядов на «восточную» и «западную» церкви К. Д. Кавелина и С. А. Юрьева.

Другие темы вырисовываются менее отчетливо; среди них — русские народные песни, женский вопрос (полемика с последней книгой А. Дюма-сына); русский «нигилизм» (в самом широком смысле — тут и Кавелин, и «еретик» Леонтьев, и Федор Павлович Карамазов); терроризм и смертная казнь (от Орсини до Гольденберга). Ряд заготовок свидетельствует о намерениях Достоевского выступить в «Дневнике писателя» в будущем также по польскому и еврейскому вопросам.

Материалы тетради позволяют сделать вывод, что «Дневник писателя» на 1881 г. был задуман Достоевским в основном по типу предыдущих —

за 1876 и 1877 гг., с теми, правда, существенными отличиями, что центральной темой, стержнем в нем должны были стать вопросы о «серых зипунах» и о будущем России в Азии. Событие 1 марта, как можно полагать, внесло бы в планы Достоевского серьезные коррективы.

Стр. 42. *Григ‹орий› Градовский первый выскочил заступиться за А. Градовского.* — О полемике Достоевского с А. Д. Градовским в «Дневнике писателя» 1880 г. см. наст. изд., т. XXVI, стр. 149—174. Г. К. Градовский, фельетонист «Молвы», однофамилец публициста «Голоса», резко осудил содержание и приемы полемики Достоевского: «Что г-н Достоевский виляет и только осторожности ради выгораживает „передовых" в своей примирительной характеристике, — это он отлично доказывает в своем послесловии ‹...› где он уже отбрасывает всякие церемонии, заушая и волоча на костер всех западников — и передовых, и задних. Истязания эти он проделывает по поводу статьи профессора А. Д. Градовского в „Голосе", вызванной московской речью г-на Достоевского. Нам лично статья эта тоже не пришлась по вкусу, хотя с общею мыслью ее мы и согласны. Но уже во всяком случае ни автор статьи, ни западничество не заслуживают того поистине жестокого отношения, которого они удостоились от познавшего Христа г-на Достоевского» («Молва», 1880, 16 августа, № 225). См. также стр. 332.

Стр. 42. *«Голос» устыдил меня за похвалу «Берега».* — В статье «Воскресные наброски»: «Довольно сказать, что его „Дневник писателя" заслужил ему похвалу таких газет, как „Берег". Он сам, конечно, краснеет, читая эти похвалы» (*Г*, 1880, 17 августа, № 226). В реакционной газете «Берег», выходившей в 1880 г. в Петербурге под редакцией П. П. Цитовича, речь Достоевского «похвалил» И. Хрущов в корреспонденции «Впечатление одного из депутатов на открытии памятника Пушкину» («Берег», 1880, 10 июля, № 107).

Стр. 43. *До чего человек возобожал себя (Лев Толстой).* — Двоюродная тетушка Толстого, А. А. Толстая, свидетельствует о живом интересе Достоевского к религиозно-этическим исканиям позднего Толстого и о резком несогласии с его идеями: «Вижу еще теперь перед собой Достоевского, как он хватался за голову и отчаянным голосом повторял: „Не то, не то!.." Он не сочувствовал ни единой мысли Л. Н.; несмотря на то, забрал все, что лежало писанное на столе: оригиналы и копии писем Льва. Из некоторых его слов я заключила, что в нем родилось желание оспаривать ложные мнения Л. Н.» (Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой. 1857—1903. СПб., 1911, стр. 26; см. также об этом: Г. Ф. Коган. Достоевский знакомится с письмом Толстого. — В кн.: Яснополянский сборник. 1980. Тула, 1981, стр. 219—222). Эта запись Достоевского — попытка объяснить психологически духовные искания Толстого, к которым автор «Дневника» относился отрицательно еще со времени появления восьмой части «Анны Карениной» (см. также наст. изд., т. XXV, стр. 172—224).

Стр. 43. *Если б где в мире был конец ∾ чем реальный (созданный) мир.* — Это рассуждение ближе всего соответствует идеям неэвклидовой геометрии Георга Римана (1826—1866), с которыми Достоевский мог познакомиться, прочитав статью Германа Гельмгольца (1821—1894) «О происхождении и значении геометрических аксиом» («Знание», 1876, № 8). См. об этом: Е. И. Кийко. Восприятие Достоевским «неэвклидовой» геометрии. — *Материалы и исследования*, т. VI.

Стр. 43. *Сатана. Твоя мысль была ∾ наготе.* — См. гл. IX («Черт. Кошмар Ивана Федоровича») 11-й книги «Братьев Карамазовых» (наст. изд., т. XV).

Стр. 44. *«Горе от ума» (Гончарову). Комедия Грибоедова гениальна, но сбивчива.* — Достоевский здесь полемизирует со статьей И. А. Гончарова «Мильон терзаний» (1872), вошедшей наряду с другими его произведениями («Литературный вечер», «Заметки о личности Белинского», «Лучше поздно, чем никогда») в книгу Гончарова «Четыре очерка» (СПб.,

1880). а также с восторженной оценкой статьи и гончаровской трактовки образа Чацкого А. С. Сувориным в «Маленьком фельетоне»: «...лучшая критическая статья в нашей литературе о значении и достоинствах „Горя от ума“. Никто так смело и правдиво не очертил Чацкого, никто так полно не понял его, никто не сделал таких сопоставлений, как Гончаров» (*НВр*. 1880, 16 декабря, № 1726). Достоевский противополагает оценке Грибоедова свое, уже традиционное, устоявшееся мнение, высказанное им ранее (мягче) в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см. наст. изд., т. V, стр. 60—73) и (резко, «памфлетно» от лица Шапошникова — будущего Шатова) в подготовительных материалах к «Бесам» (см. т. XI, стр. 86—88).

Стр. 44. *Подъезжая под Женеву ∾ господа Христа.* — Контаминация строк из стихотворений Пушкина «Подъезжая под Ижоры...» (1829) и «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829).

Стр. 44. *Ложно, если говорят, что нет партий.* — Скорее всего, Достоевский полемизирует здесь (и далее) со следующими тезисами Кавелина: «Ни чистых славянофилов, ни чистых западников больше нет: и те и другие сошли со сцены. Продолжая противополагать их взгляды, вы, мне кажется, поднимаете старый спор, уже решенный ходом русской жизни и развитием русской мысли. Разве вы настоящий славянофил? И разве те, против кого вы полемизируете, настоящие западники? Вы сами выгораживаете лучших из них; кто же затем остается? Примирение двух направлений, о котором вы мечтаете, уже совершилось, молча, двадцать лет тому назад, когда славянофилы и западники подали друг другу руки при освобождении крепостных. С тех пор мы вступили в новый период развития. Теперь вопросы ставятся совсем иначе, чем прежде; название славянофилов и западников вовсе не идет к новым направлениям русской мысли. Предоставьте твердить зады посредственности и фразерам!» (*ВЕ*, 1880, № 11, стр. 438).

Стр. 45. *Произвели классическую реформу отвлеченно. ∾ Чехи.* — Отклик на падение проводника классического образования, реакционного министра народного просвещения Д. А. Толстого (1823—1889), которого энергично поддерживали идейные вдохновители «классической реформы» — М. Н. Катков и П. М. Леонтьев. Достоевский начиная с 1860-х годов, когда споры между «реалистами» и «классиками» закончились временной победой последних, неоднократно писал об узости естественно-технического образования и, в целом, был сторонником классической реформы (см. наст. изд., т. XV, стр. 582). Но, с другой стороны, он выражал недовольство крайностями, которыми сопровождалась четырнадцатилетняя деятельность на ниве просвещения Д. А. Толстого. Раздражали Достоевского и неуклюжие, авторитарные меры, какими осуществлялась реформа («применение мысли»), в частности, использование для преподавания древнегреческого и латыни специально выписанных учителей из Чехии — мера, ожесточившая многих и ускорившая отставку Толстого. В. И. Модестов писал в статье «Будущее средней школы, классицизм и учителя», отражая господствующее мнение в обществе о школьной реформе Толстого: «Насильственным и необдуманным действием этой реформы нанесен классическому образованию в России удар, можно сказать, смертельный <...> Во всей реформе графа Толстого не было сделано более ложного и несчастного шага, как вызов из-за границы, массами, людей для преподавания предмета, всего менее поддающегося искусству иностранного преподавателя» (*Г*, 1880, 2 августа, № 212).

Стр. 45. *Немецкий мальчик (долг) и русский (растленное семейство).* — Достоевский имеет в виду «пьесу» «Мальчик в штанах и мальчик без штанов. Разговор в одном явлении», завершающую первую главу «За рубежом» М. Е. Салтыкова-Щедрина (*ОЗ*, 1880, № 9). Диалог «мальчиков» вызвал сочувственные критические отзывы в таких умеренно-либеральных органах печати со славянофильским оттенком, как «Неделя» и «Новое время». П. А. Гайдебуров писал, что в пьесе «проведено чрезвычайно меткое сопоставление народного характера, быта и условий жизни

русского человека и немца. Холодный, высокомерный и узкий эгоизм немца, антипатичного и забавного в его тупом самодовольстве, обрисован сатириком с большим юмором, а местами даже с несдержанным негодованием» («Неделя», 1880, 5 октября, № 40, «Журнальные очерки»). В. П. Буренин был в восторге от «бесподобной комической шутки», в которой «Щедрин проводит столь же злую, сколько меткую параллель между русским и немецким национальным характером. В сатирах почтенного автора немного отыщется страниц, написанных с таким искренним юмором и с такою глубиною мысли, скрытой под добродушной формой, по-видимому, невинной пародии» (*НВр*, 1880, 26 сентября, № 1645, «Литературные очерки»). Наконец, И. С. Аксаков находил, что «задумана эта параллель „мальчик в штанах" и „мальчик без штанов" великолепно» и что «Щедрин в двух словах выразил нашу славянофильскую мысль...» (см.: С. Шарапов. И. С. Аксаков о М. Е. Салтыкове (из моих воспоминаний). — «Русский труд», СПб., 1899, 1 мая, № 18, стр. 16).

Стр. 46. *...содержать разных Кумани...* — Речь идет об А. М. Кумани, секретаре русского посольства в Париже, в 1878—1880 гг. председателе Комитета «Общества вспоможения и благотворительности русских художников в Париже».

Стр. 46. *А над всеми поставить бы Янышева, и попа со звездой (Васильева).* — И. Л. Янышев (1826—1910), доктор богословия, был ректором С.-Петербургской духовной академии. Достоевский с ним познакомился в 1865 г. в Висбадене и одно время даже состоял в переписке. Янышев произнес перед отпеванием Достоевского «превосходную речь» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 390). И. В. Васильев (1827—1881) до 1866 г. был священником при русской церкви в Берлине, позднее — председателем Учебного комитета при Св. синоде; был дважды награжден — Анной 1-й степени и Владимиром 2-й степени. По предположению К. П. Богаевской (*ЛН*, т. 86, стр. 619), Достоевский, возможно, имеет в виду 15-ю главу очерка Лескова «Великосветский раскол» (впервые появилась в «Православном обозрении», 1876, № 10), где говорится о попытках Янышева и Васильева установить контакт с лордом Редстоком: «...в Петербурге он видел на своих беседах бывшего нашего парижского священника И. В. Васильева и ректора дух‹овной› академии И. Л. Янышева, но и с ними сколько-нибудь замечательных богословских разговоров не было. О‹тец› Васильев, кажется, делал даже усилие вызвать его на такого рода разговор, но Редсток от этого решительно уклонился» (Н. С. Лесков. Великосветский раскол. СПб., 1877, стр. 135). Но, возможно, Достоевский имел в виду и проповеди, произнесенные Васильевым (см. ниже, стр. 343) и Янышевым (8 сентября 1880 г. на духовном торжестве, посвященном 300-летию битвы на Куликовом поле), вошедшие в сборник «Кафедра Исаакиевского собора».

Стр. 46. *Лесков — специалист и эксперт в православии.* — В 1880 г. появилось второе, значительно дополненное издание «Мелочей архиерейской жизни» Лескова. Объясняя успех очерков Лескова, рецензент «Вестника Европы» писал: «„Архиерейская жизнь" была предметом несомненно новым; до самого последнего времени архиерейская жизнь и архиереи были закрыты от всякого литературного прикосновения: как во времена Гоголя о чиновнике можно было говорить только до известного чина, а выше этого чина литература не могла осмелиться их затрагивать, так или даже еще больше она не могла говорить об архиереях, — конечно, за исключением тона благоговейной покорности...» (*ВЕ*, 1880, № 12, стр. 822, «Литературное обозрение»). Тогда же отдельным изданием вышла записка Лескова, составленная для Ученого комитета Министерства народного просвещения о преподавании закона божия в народных школах. Записка была подвергнута обстоятельному разбору в «Православном обозрении» (1880, № 5) и в статье Е. Л. Маркова «Религия в народной школе» (*РР*. 1881, № 1, стр. 191—226). Марков назвал записку Лескова «обстоятельной и интересной» и выразил надежду, что «теперь, когда, по-видимому, ничто более не препятствует просвещенному автору записки

приложить к делу свои разумные взгляды, мы уже не будем слышать о русских школах, в которых некому преподавать православную религию» (стр. 219). Ранее двумя изданиями в 1877 г. вышел большой очерк Лескова «Великосветский раскол» (см. ниже, стр. 331). Эти (и другие) факты и позволили Достоевскому назвать Лескова «специалистом и экспертом в православии». Слова Достоевского ироничны. Вероятно, он собирался продолжить начатую в 1873 г. в «Ряженом» полемику с Лесковым (см. наст. изд., т. XXI, стр. 77—91; т. XVII, стр. 23, 452—453), но не на литературной, а на этико-религиозной почве.

Стр. 46. *«Только то и крепко, где кровь протечет».* — Вероятно, перефразированные строчки из «Поэта и гражданина» Н. А. Некрасова (1856). У Некрасова: «Умрешь не даром: дело прочно, Когда под ним струится кровь...».

Стр. 46. *Женский вопрос. «Новое время» № 1642 вторник 23 сентября ‹18›80 г. Дрянная и рутинная статья Дюма-фиса, рекомендуемая «Новым временем».* — В фельетоне Незнакомца (А. С. Суворина) «Женский вопрос ребром» рекомендовалась как «умное слово» одного «из лучших адвокатов женщин» брошюра А. Дюма-сына «Les femmes qui tuent et les femmes qui votent» («Женщины убивающие и женщины голосующие»). Дюма в своей брошюре выступает за предоставление женщинам равных избирательных прав с мужчинами, берет под защиту женщин — «убийц своих любовников и мстительниц за измену»: «И эти убийства, и проституция, и умственная работа женщин — все это признаки одного и того же стремления — воздействовать на мужчину, конкурировать с ним. ‹...› Судя по тому, с каким забвением всякого достоинства и стыда женщина идет в рабство к мужчине и в разврат, если ею овладевает действительная любовь, можно заключить о дерзости и лихорадке, с какими она станет пробовать открытия и встретит факт, если ею овладеет действительная любовь к науке. Она подчинится, как и мужчина, самому тяжелому труду, самым печальным, трудным и самым странным опытам, чтобы только разгадать загадку». Суворин весьма сочувственно относится к выводам, рассуждениям, даже прогнозам Дюма: «Дюма ‹...› не останавливается ни перед чем и преспокойно предполагает возможность скотоложства, к которому женщины прибегнут ради интересов науки. Он предсказывает с уверенностью, что через пятьдесят лет вопрос поднимется об устройстве особых приютов для детей, рожденных женщинами от обезьян, и обратно для детей, которых родят обезьяны от мужчин. До такой смелости выводов никто еще не договаривался. Можно смеяться над этим, можно негодовать, но, как говорят итальянцы, кто знает? Мало ли невероятного случилось в мире в течение последнего полстолетия? Наши предки посадили бы в желтый дом того, кто стал бы говорить с уверенностью о том, что мы видим теперь». Достоевский был возмущен как брошюрой Дюма (искажение христианского взгляда на женщину и брак), так и «рекомендацией» Суворина.

Стр. 46. *Щедрин — всю свою стаю Глебовых, Михайловских, Елисеевых.* — Достоевский перечисляет критиков его пушкинской речи в «Отечественных записках» — Глеба Успенского («Пушкинский праздник», «Секрет»), Н. К. Михайловского («Литературные заметки» — *ОЗ*, 1880, № 7, стр. 122—134; № 9, стр. 124—140; № 11, стр. 140) и Г. З. Елисеева («Внутреннее обозрение» — *ОЗ*, 1880, № 12, стр. 260). Подробнее о полемике публицистов «Отечественных записок» с пушкинской речью и «Дневником писателя» 1880 г. Достоевского см.: наст. изд., т. XXVI, стр. 479—481.

Стр. 46. *...особенно Сатирического старца.* — Т. е. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Стр. 47. *Всечеловек. ∾ «Страна» и «Вестник Европы» о моей речи. (Венок.)* — Запись «Всечеловек» указывает, на что Достоевский более всего обратил внимания в статьях из газеты «Страна» и журнала «Вестник Европы», опубликованных в изложениях и пересказе в сборнике «Венок на памятник Пушкину» (СПб., 1880). В сборнике была почти полностью перепечатана редакционная статья газеты «Страна» от 12 июля 1880 г. (№ 46). В статье высмеивалось слово Достоевского «всечеловек»:

«...некоторые новые славянофилы усвоили себе обычай смеяться над словом общечеловеческое ‹...› Нарочно, для смеха они выдумали слово „общечеловек“ и постоянно трунили над этим „общечеловеком“. Г-н Достоевский не принял этого слова, но придумал новое — „всечеловек“ ‹...› Удачнее ли „*всечеловек*“, чем „*общечеловек*“, — это для нас безразлично. Почему стремление к „всечеловечности“ и к „великой гармонии“ есть и должны быть отличительным свойством русской народности — этого мы не можем понять. Мысль о братстве всех людей не есть и не может быть достоянием одного народа уже просто потому, что если бы другие народы не могли проникнуться ею, то она сама оказалась бы совершенно бесполезной. Да и где же доказательство, что именно в этом заключается особый идеал русской народности? ‹...› Заметим еще г-ну Достоевскому, что мысль его даже не оригинальна: раньше его немецкие писатели старались усвоить германскому национальному гению идеал общечеловечности и стремления к общему братству, истекающий из лучшего знания немцами особенностей других народов. Что же, нам спорить ли с немцами, что мы — настоящие „всечеловеки“, а не они?» (*Венок*, стр. 138).

В сборнике были приведены также пространные цитаты (с некоторыми полемическими возражениями составителя Ф. Булгакова) из корреспонденции «С Пушкинского праздника. 5—8 июня» в «Вестнике Европы» (1880. № 7, стр. XXI—XXXV), в которой подробному критическому анализу подвергнуто слово «всечеловек» и само понятие «всечеловечность»: «Нам говорят о всечеловечности или всечеловечестве русского народа; но не была ли эта „всечеловечность“ просто признаком исторической ступени развития; стремлением усвоить себе приобретения, сделанные ранее другими? Наклонность вживаться в умственную жизнь Европы не была ли следствием умственной бедности нашего собственного быта? ‹...› Всечеловечность может быть только результатом всей полноты национального развития, а о ней мы считаем непозволительным и говорить в настоящую минуту, когда *народ остается без школ, общество — без возможности самодеятельности, литература — без элементарных условий, которые дали бы ей право считаться истинным выражением своего общества и народа. „Врачу исцелися сам“*, — могут сказать нам, и с полным правом. в ответ на наши самонадеянные порывы исцелять Европу и человечество ‹...› И к чему, в самом деле, явился этот всечеловек? Даже быть им не особенно лестно; лучше быть оригинальным русским человеком, чем этим безличным всечеловеком» (*Венок*, стр. 144—145).

Стр. 47. *«Новое время»: № 1664 и 1665. Сало возить, рожь и шерсть.* — «Новое время» в «Хронике» сообщало об аукционной продаже так называемого «думского» мяса (из Оренбурга) в Петербурге, предлагая оградить «непетербургских обывателей» от злоупотреблений мясников и маклаков («Не лучше ли думе открыть в разных пунктах свои мясные лавки для розничной продажи или назначить контролеров в те лавки, где дешевое мясо будет продаваться мясниками-комиссионерами»), о вздорожании ржаного хлеба в Петербурге и преступных действиях хлеботорговцев. продававших продукт с песком, червями, квасною гущею и даже с крысами. В корреспонденции из Волоколамска («Внутренние известия») сообщалось о «страшной» дороговизне в городе хлеба и ржаной муки (*НВр*, 1880, 15 октября, № 1664). На следующий день в статье «Новый сюрприз» газета сообщала о прибытии в Одессу из Южной Африки корабля «Alba» с грузом «грязной испанской шерсти тамошней стрижки». Автор статьи с горечью писал также о том, что «привоз к нам иностранного сала превзошел вывоз своего собственного», и о возрастающем привозе в Россию кукурузы и ржи из Северной Америки. «Что же будет далее? — вопрошал публицист. — Не пора ли серьезно подумать о будущем. Чем мы будем покрывать платежи по заграничным покупкам, по процентам заграничных займов в случае резкого ограничения отпуска сырых товаров — ума не приложим» (там же, 16 октября, № 1665).

Стр. 48. *«Новое время». Статья «Мирские сборы» № 1671. Среда 22 октября. То же: смотри № «России» от 21 октября.* — В статье «Мирские

сборы» говорилось о многочисленных злоупотреблениях сельских и волостных начальников: «...обнаружены были весьма многие совершенно незаконные мирские сборы с крестьян, которые лучше характеризовать названием поборов, так как они целиком шли в карманы старшин и старост. Поборы и растраты общественных сумм составляют в крестьянском экономическом быту хроническое, из года в год увеличивающееся зло...» (*НВр*, 1880, 22 октября, № 1671). О такого же рода вопиющих фактах говорилось и в статье «Наши земские дела. Сессия очередных земских собраний Петербургского уезда» («Россия», 1880, 21 октября, № 36).

Стр. 48. *Точно варяги, пришедшие по приглашению. Земля наша велика и обильна, ушли и оставили землю в беспорядке.* — Достоевский здесь отталкивается от текста «Повести временных лет», которую частично цитирует. Ср.: «Сказали руси чудь, славяне и кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“» (Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI—начало XII века. М., 1978, стр. 37).

Стр. 48. *Примирение с поляками.* — В «Новом времени» была помещена статья Н. К. (Н. С. Кутейникова?) «Маркиз Велепольский в шестидесятых годах» (1880, 15 октября, № 1664; 22 октября, № 1671) — развернутая рецензия на второй том книги Г. Лисицкого «Маркиз Велепольский. Его жизнь и время» (Henry Lisicki. Le marquis Wielopolski. Sa vie et son temps, t. 2. Wienne, 1880).

Автор статьи с симпатией писал о «примирительной» концепции Велепольского: «...помимо реабилитации политической личности маркиза Велепольского (которого, впрочем, уже давно оценили и друзья и противники), сочинение г-на Лисицкого имеет значение как материал для оценки той стороны польско-русского вопроса, видным, хотя и несвоевременным представителем которой являлся маркиз, — стороны примирительной по отношению к России, а это имеет несомненный интерес ввиду не раз заявлявшихся в последние годы теоретических попыток сближения русских с поляками. ‹...› Мысль Велепольского о единении двух национальностей осталась: так или иначе ей принадлежит будущее» (*НВр*, 1880, 15 октября, № 1664).

Стр. 48. *«Отведут в участок».* — Достоевский имеет в виду ироническую параллель Щедрина в книге «За рубежом»: берлинские пешеходы напомнили сатирику предобеденное время «в Петербурге на Невском, когда чиновники и адвокаты, вырвавшись с каторги, спешат голодные домой. Они не заглядываются по сторонам, потому что не на что смотреть, никуда не заходят, потому что незачем заходить. Не до гляденья тут, а как бы подобру-поздорову домой добежать, да чтоб по дороге в участок не свели» (*Салтыков-Щедрин*, т. XIV, стр. 50. См. об этом: *Борщевский*, стр. 338).

Стр. 49. *Оскорбление женщине (у Палкина).* — Об этом см. наст. изд., т. XXIV, стр. 218, 223, 233.

Стр. 49. *...стрельба в Лорис-Меликова...* — Речь идет о покушении И. О. Млодецкого на М. Т. Лорис-Меликова 20 февраля 1880 г. Достоевский присутствовал на казни Млодецкого 22 февраля (см. об этом: *ЛН*, т. 86, стр. 136—139; *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 275).

Стр. 49. *...лет сорок назад, отвели Щедрина в участок ∾ на прокурорское место.* — М. Е. Салтыков был арестован в ночь с 21 на 22 апреля 1848 г., сначала содержался под арестом на Адмиралтейской гауптвахте, 26 был переведен на Арсенальную гауптвахту (Литейный проспект) и прямо оттуда отправлен в Вятку 28 апреля (см.: С. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография, т. I. М., 1951, стр. 277—299). Салтыков был определен в Вятке сначала младшим чиновником (т. е. писцом) без жалованья в канцелярию вице-губернатора С. А. Костливцева, но уже осенью 1848 г. стал старшим чиновником особых поручений («следствопроизводителем»).

Стр. 49. *Чуть «Тюрьму и ссылку» не написал.* — Намек на «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина, которые Достоевский иронически сравнивает с «Тюрьмой и ссылкой» А. И. Герцена (ч. II «Былого и дум»).

Стр. 49. *Разговоры с советниками Дыбой и Удавом верх глупости и лакейства.* — Разговор автора-повествователя, преисполненного «верноподданнических» чувств, с «бесшабашными советниками» Удавом и Дыбой («За рубежом», гл. 1 — *ОЗ*, 1880, № 9) — образец острой политической сатиры. Достоевский прямолинейно интерпретирует «кроткие» и до абсурда «антилиберальные» реплики автора, которого преследует воспоминание о «киевском дяде» (агенте-провокаторе) и его «постоянном занятии». На мнение Достоевского, вероятно, повлияли и хвалебные рецензии в либеральной прессе, особенно выделявшей Удава и Дыбу и их воззрения на «конституцию» и «увенчание здания», использовавшей сатирических героев Щедрина в полемике с консервативными публицистами, — так, «Голос» именовал М. Н. Каткова «московским Дыбой Страстного бульвара» (*Г*, 1880, 30 октября, № 300).

Стр. 49. *О берлинском офицере.* — Во второй главе «За рубежом» (*ОЗ*, 1880, № 10) Щедрин так живописует «самый гнетущий элемент берлинской уличной жизни»: «...тела ли прусских офицеров дюжее, груди ли у них объемистее <...> но делается положительно тесно, когда по улице проходит прусский офицер. Одет он каким-то чудаком, в форму, напоминающую наши военные сюртуки и фуражки сороковых годов, грудь выпячена колесом, усы закручены в колечко... <...> Когда я прохожу мимо берлинского офицера, меня всегда берет оторопь <...> Не потому жутко, чтоб я боялся, что офицер кликнет городового, а потому, что он всем своим складом, посадкой, устоем, выпяченной грудью, выбритым подбородком так и тычет в меня: я герой!» (*Салтыков-Щедрин*, т. XIV, стр. 32).

Стр. 49. *Хвалят Щедрина из-за страху перед либерализмом и даже «Отечественными записками».* — Это пристрастное мнение Достоевского, возможно, вызвано многочисленными положительными отзывами прессы о двух первых главах нового произведения сатирика «За рубежом». Так, «Голос» восторженно писал в «Литературной летописи» о последней сатире Щедрина: «„Новое веяние“ в нашей печати отразилось и на сатирике Щедрине. В последнее время молчавший и изредка даривший публику в „Отечественных записках“ произведениями, конечно, носившими отпечаток его своеобычного, сильного таланта, но произведениями недосказанными, сдержанными, иногда чересчур темными, иносказательными, он, в новом очерке своем, помещенном в сентябрьской и октябрьской книжках журнала, заговорил таким языком, какого мы давно уже не слыхали <...> невольно радуешься за возвращение автору возможности говорить с публикою языком, достойным и писателя, и того общества, которое с жадностью слушает его» (*Г*, 1880, 30 октября, № 300). «Неистощимый талант знаменитого сатирика блистает в этом очерке такими же яркими красками, такою же свежестью, как в его лучших произведениях», — утверждал П. А. Гайдебуров в «Неделе» (1880, 5 октября, № 40, «Журнальные очерки»). Но более всего должна была раздражить Достоевского статья Е. И. Утина «Сатира Щедрина. Очерки из современной литературы» (*ВЕ*, 1881, № 1, стр. 303—327), в которой влияние Щедрина на общество было названо «благотворным», а его — «вредным»: «Едва ли можно ошибиться, говоря, что история отнесется более строго к писателю, наделенному от природы недюжинным дарованием, но отдавшим его на служение извращенным идеям и на прославление и идеализацию самого грубого и перемешанного с мистицизмом миросозерцания» (там же, стр. 305—306; см. также об откликах современников на первые главы «За рубежом»: *Салтыков-Щедрин*, т. XIV, стр. 557—558, 566).

Стр. 49. *О работах детей на фабриках.* — О бесчеловечной эксплуатации детского труда Достоевский знал по многочисленным газетным статьям и корреспонденциям. Приведем одну типичную корреспонденцию из Иваново-Вознесенска, перепечатанную «Молвой»: «Однажды девочка 7 или 8 лет, работая <...> на фабрике, нечаянно попала ногой повыше колена в колесо; ей оторвало часть тела. Обеспамятев от испуга и боли, она валялась около машины. Отец ее, работавший в этой фабрике кочегаром, прибежал к машине, взял несчастную на руки и понес в больницу <...>

оставляя по дороге кровавый след. Но каково же было его удивление, когда фельдшер этого самодура сказал, что принять не может, по приказу хозяина не занимать более двух коек, тогда как фабрикант объяснил одной важной особе, посетившей его фабрику (графине М-ой, дочери министра), что у него есть больница на 30 кроватей ‹...› Несчастную девочку кочегар понес в земскую больницу чуть не за три версты, где ей дали временную помощь, перевязали, но тоже не приняли, требуя от отца ее вида и денег. Из больницы пришлось опять ее нести уже домой. Кстати скажу: фабрикант не имеет школы для рабочих, говоря всегда, что не будет иметь школы потому, что он рабочих считает за лягушек, кошек, собак, а иногда даже предпочитает их рабочим» («Молва», 1880, 13 августа, № 222). Также см. наст. изд., т. XIV, стр. 286; т. XV, стр. 199.

Стр. 49. *Церковь в параличе с Петра Великого.* — Достоевский имеет в виду учреждение Синода и другие церковные реформы начала XVIII в. Его оценка как этих реформ, так и современного положения церкви близка к славянофильской, в частности, к идеям передовой статьи И. С. Аксакова в еженедельнике «Русь». Аксаков писал о петровских преобразованиях: «Не вдруг, да и теперь лишь немногие ‹...› стали догадываться, что изменились не одни внешние порядки управления; что вместе с наружным благоустройством привнесено какое-то новое, постороннее церкви начало, не животворное, а потому и не благотворное. ‹...› в ‹...› приравнении духовных званий к табели о военных рангах сказался не один вкус преобразователя, но и нечто более. Это уже целое мировоззрение, включавшее самую церковь в состав государственного правительственного механизма, — особый порядок понятий, в согласии с которым создался и самый „духовный коллегиум“» («Русь», 1880, 29 ноября). «Результатом» этих преобразований, по мнению Аксакова, является «настоящее состояние церкви, при мысли о котором болезненно сжимается сердце ‹...› Понятие церкви подменено понятием *ведомства*... ‹...› по мере того, как „духовный коллегиум“ все сильнее и сильнее проникался общим государственным принципом, положенным в его основание, самое образование в духовном сословии утратило прежнюю свою самобытность и чиновничий дух презрения к народу стал проникать и в новопросвещаемых пастырей... Новая опасность церкви: все глубже и глубже роется бездна между народом и его пастырями!..» (там же).

Стр. 49. *Штунда. От штунды переход к проповедям Берсье.* — На протяжении всех 1870-х годов Достоевский неоднократно с тревогой писал о распространении в различных сферах русского общества новомодных религиозных и спиритуалистических сект. Штундистов, в частности, Достоевский, как явление «пророческое» и почти «уродливое», особо приметил в «Дневнике писателя» 1873 г. (гл VII «Смятенный вид»), см. наст. изд., т. XXI, стр. 58—60, 414. Евгений Берсье (1805—1889) — знаменитый французский проповедник, противник католичества. Достоевский, видимо, был знаком со вторым приложением — «Молитвы пастора Берсье» — к книге Н. С. Лескова «Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи» (СПб., 1877, стр. 1—26). Лесков приводит несколько молитв Берсье в переводе «дамы из петербургского high-life'a» (там же, стр. 6), предпосылая им краткое предисловие о необыкновенной популярности среди «великосветских петербургских дам» сочинений французского проповедника, «получивших в русском переводе название «Дамских молитв...» (там же, стр. 4—5). В библиотеке Достоевского были следующие издания проповедей Берсье: 1) «Беседа о богатом и Лазаре». СПб., 1880; 2) «Евангельский образец отношения Иисуса Христа к политико-общественным делам». СПб., 1880.

Стр. 50. *«Новое время», № 1667 ∾ Пророчество барона Гюбнера...* — Достоевский обратил внимание на подробный, иронический пересказ в газете Суворина речи барона Гюбнера, бывшего австрийского посла «при дворе Наполеона III». Гюбнер в своей речи утверждал, что нет никакого Восточного вопроса, что он «выдумка держав» и поэтому «необходимо немедленно упразднить Восточный вопрос на неопределенное время». Гюб-

нер пророчил неизбежные войны и революции после избрания президентом Франции Гамбетты: «...разгорится социалистическая агитация, она-то потребует от Гамбетты обещанного осуществления социалистической программы, а Гамбетта, чтобы сохранить власть, должен будет прибегнуть к внешней войне, которая отвлечет народные умы от социалистических бредней; легко увлечь весь французский народ в сторону „отместки за Эльзас и Лотарингию". Союзницей Франции в этой войне будет революция в центре Европы, война мести превратится в войну революционную, в Германии и Австрии пошатнутся троны, могут и совсем пасть». Гюбнер пророчил, что «победоносная революция не остановится у русских пограничных столбов, а наводнит Россию до Урала и до Белого моря» (*НВр*, 1880, 28 октября, № 1677). «Новое время» высмеяло эти пророчества австрийского барона о России: «Далеконько хватил барон Гюбнер, хотя именно ему русский дипломат засвидетельствовал, что „в 1848 году революция стала у пограничных столбов России, не коснувшись даже носка ее сапог"». Достоевский, опираясь на слова дипломата, пророчит: «Социализм рухнет у ее (России, — *Ред.*) ног». Полностью разделял Достоевский и мнение обозревателя газеты: «...насущные русские интересы заставляют русскую политику заботиться лишь о безопасности самой России, об охране ее реальных выгод на Востоке и устранении там видимой осязательной опасности» (там же).

Стр. 50. *Молчанов 29 октяб‹ря›. Об монахах.* — Имеется в виду корреспонденция в «Новом времени» А. Н. Молчанова «В гостях у монахов», в которой описывается посещение доминиканского и францисканского монастырей перед их закрытием согласно декрету 29 марта 1880 г. Молчанов описывает в этой (и в последующих) корреспонденции глубокое равнодушие французского народа к упразднению духовных конгрегаций. Достоевский, относившийся враждебно к парижским корреспонденциям Молчанова, симпатизировавшего Гамбетте и «гамбеттистам», раздражен и этим репортажем о событиях на улице Jean de Beauvais. Особенно, видимо, его внимание привлекло (как пристрастное) описание Молчановым демонстрации «золотой буржуазной молодежи», выкрикивавшей лозунги: «Vive la liberté! A bas, a bas les decrets lâches!». («Да здравствует свобода! Долой, долой подлые декреты!» — *франц.*).

Стр. 50. ...*Гамбетту, у которого сзади позолочено...* — Иронический намек на фрак Гамбетты, который, по свидетельству А. Молчанова, не очень ему шел: «Во фраке, который предписывается обычаем президенту парламента, Гамбетта неуклюж, круглый животик слишком наруже и безобразит фигуру» (*НВр*, 1880, 27 сентября, № 1707).

Стр. 51. *Руготня. Amicus. Г. Градовский и проч.* — Среди тех, кого Достоевский предлагает «посылать к мировому судить за нетрезвость слова», Г. К. Градовский и публицист «С.-Петербургских ведомостей» П. А. Монтеверде (1839—1916), подписывавшийся псевдонимом «Amicus». О последнем писал М. Д. (Д. Д. Минаев) в сатирическом обзоре «Чем хата богата (Фельетонно-юмористический листок)»: «„С.-Петербургские ведомости" на этих днях, по поводу известной дуэли Рошфора, воскликнули с грубостью капрала и с цинизмом известного сорта людей, которых вообще называют „Адольфами". „Старый негодяй" (?!) Анри Рошфор довольно изрядно „напоролся". И это говорит какая-то журнальная приживалка, какой-то Amicus!..» («Молва», 1880, 5 июня, № 154).

Стр. 51. *Казнь Квятковского, Преснякова и помилование остальных. ∾ церковь и монарх во главе.* — В конце октября 1880 г. в Петербургском военно-окружном суде слушалось дело о 16 народовольцах, обвиняемых в государственных преступлениях; материалы заседаний печатались сначала в «Правительственном вестнике», а затем в неофициальных газетах (также см.: Процесс шестнадцати террористов. СПб., 1906). Приговор суда от 31 октября был предельно суров: смертная казнь (через повешение) для А. А. Квятковского, А. К. Преснякова, С. Г. Ширяева, Я. Т. Тихонова, И. Ф. Окладского. Казнены были 4 ноября 1880 г. Квятковский и Пресняков; Ширяеву, Тихонову и Окладскому Александр II повелел заменить

смертную казнь бессрочной каторгой. Казнь произвела тяжелое впечатление на самые различные слои общества, «даже на нелибералов», по свидетельству Е. А. Штакеншнейдер (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). Изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 436). В редакционной заметке «Нового времени» отразилось отношение общественности к казни Квятковского и Преснякова. «Дай бог, чтобы это была последняя казнь, дай бог, чтобы самое орудие казни перешло у нас в предание. Чем выше смотреть на человеческую жизнь как на дар божий, тем меньше можно верить в необходимость смертной казни даже как такого средства устрашения, которое употребляется лишь в исключительных случаях...» (*НВр*, 1880, 5 ноября, № 1685).

Стр. 51. *Мой разговор с Сидорацкой об университете. Ее восклицание.* — Можно предположить, что имел место какой-то разговор Достоевского с А. Я. Ободовской (Сидорацкой, ок. 1848—?) женой долгушинца В. П. Сидорацкого (1854—?), брат которого Г. П. Сидорацкий (ок. 1859—1878) погиб 31 марта 1878 г. во время демонстрации около здания окружного суда в Петербурге, приветствовавшей оправдание В. Засулич. Ободовская (Сидорацкая) также привлекалась к дознанию по делу долгушинцев, судилась и в 1877 г. (процесс 193-х) и была выслана под надзор в Олонецк. В 1879 г. вернулась в Петербург, добившись разрешения посещать акушерские курсы, но весной 1880 г., получив разрешение следовать за мужем в Сибирь, выехала в Курган — видимо, в этот промежуток и мог состояться разговор Достоевского с Сидорацкой.

Стр. 51. *(Гольденберг.)* — Показания Г. Д. Гольденберга (1855—1880), покончившего самоубийством в Петропавловской крепости, доминировали на процессе шестнадцати народовольцев (см. выше, стр. 332). Либеральная пресса из очень откровенных показаний Гольденберга делала «оптимистические» выводы, призывая Лорис-Меликова и его новую администрацию не сворачивать с пути преобразований, постепенного обновления политики («Молва», 1880, 5 ноября, № 306). Противоположную позицию заняли «Московские ведомости» Каткова в передовой статье «Москва, 5 ноября» (*МВед*, 1880, 6 ноября, № 308). Еще резче высказал Катков свою мысль в передовой статье «Москва, 13 ноября»: «Люди действуют заодно, не зная один другого, повинуются безусловно один другому, зная, что и приказывающий и исполняющий приказание только исполнители велений кого-то третьего, остающегося в тайне <...> Марионетки перед нами, и не более как марионетки: это, полагаем, достаточно выясняется; но пути, приводящие их в движение, уходят в даль» (там же, 14 ноября, № 316). Там же Катков отказывается видеть в Гольденберге «раскаявшегося» преступника. Достоевский не склонен был разделять подозрений Каткова, везде видевшего таинственные «нити» и «направляющую руку», но, по убеждению писателя, пока не будут устранены причины «болезни», не произойдет радикального «оздоровления корней», не могут прекратиться и террористические акты.

Стр. 51. *(Феликс Пиа хвалил.)* — Феликс Пиа (1810—1889) — участник революции 1848 г. и член Парижской коммуны 1871 г., редактор радикальной газеты «La Commune». Его статьи, заявления и речи, равно радикальные и демагогические («мелодраматическая ... декламация», по определению К. Маркса. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 152), оживленно обсуждались в русской прессе 1870—1880-х гг. Часто — и почти всегда с недоброжелательной иронией — писала о Ф. Пиа газета Суворина как об идеологе и апологете цареубийства и терроризма: «Феликс Пиа в своей газете „La Commune" открыто возвеличивает цареубийство как основной принцип и долг каждой республики. Кроме того, он открыл в своей редакции подписку по пяти сантимов для покупки „почетного" револьвера в двести франков, предназначаемого Березовскому. Так как в настоящее время последний находится на каторге, то револьвер, если он до него дойдет, послужит ему, как замечает „Gaulois", на первый раз, чтобы отделаться от своего сторожа. Мудрено быть предупредительнее гражданина Пиа» (*НВр*, 1880, 2 октября, № 1651, «Внешние известия»).

А. И. Березовский (1847—1916) — участник польского восстания 1863 г., в июне 1867 г. покушался в Париже на жизнь Александра II. В статье Незнакомца (А. С. Суворина) «Дело Ф. Пия» подробно разрабатывался тот же сюжет: «Начиная со своего обращения ‹...› в течение двух недель он постоянно агитировал это дело, ежедневно наполняя свою газету статьями, оправдывающими цареубийство, провозглашая, что цареубийство есть основной принцип республики, приглашая граждан выбрать Березовского в депутаты, печатая списки подписчиков ‹...› и письма от сочувственников, которые свое усердие простирали до того, что выражали желание видеть Березовского вместо Гамбетты ‹...› Сам Ф. Пиа ‹...› славословил свою деятельность неудержимо, напоминая, что он страдалец, что все силы свои он употребил на борьбу за народ; он печатал старые свои статьи, являвшиеся в лондонских газетах, где выражалось сочувствие Орсини, и говорил, что эти статьи оставались безнаказанными в монархии, тогда как за подобные же статьи его собираются судить в республике» (*НВр*, 1880, 15 октября, № 1664). См. также: *НВр*, 1880, 14 октября, № 1663 («Внешние известия»); 30 октября, № 1679 (А. Молчанов. Тяжелые сутки корреспондента); 31 октября, № 1680 («Внешние известия»).

Стр. 51. *Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет). В этой идее ∾ свое пузо.)* — Достоевский резко полемизирует со статьей К. Леонтьева «О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике». Негодование Достоевского вызвали, в частности, апокалиптические возражения и прогнозы Леонтьева с опорой на библейские тексты: «Не полное и повсеместное торжество любви и всеобщей правды на этой земле обещают нам Христос и его апостолы; а, напротив того, нечто вроде кажущейся *неудачи* евангельской проповеди на земном шаре, ибо *близость конца* должна совпасть с последними попытками сделать всех хорошими христианами... ‹...› Даже г-н Градовский догадался упомянуть в своем слабом возражении г-ну Достоевскому о пришествии антихриста и о том, что Христос пророчествовал не *гармонию* всеобщую (мир всеобщий), а всеобщее разрушение ‹...› Верно только *одно*, — точно *одно, одно* только *несомненно — это то, что все здешнее должно погибнуть!* И потому на что эта лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений? На что эти младенчески болезненные мечты и восторги? День наш — век наш! И потому *терпите* и заботьтесь практически лишь о ближайших делах, а сердечно — лишь о ближних людях: *именно о ближних, а не о всем человечестве.* ‹...› *правды* всеобщей *здесь не будет*... Иначе зачем же алкать и жаждать? Сытый не алчет. Упоенный не жаждет» (К. Леонтьев. Собрание сочинений, т. 8. М., 1912, стр. 182, 183, 189—190, 195). Подробнее о статье Леонтьева см. наст. изд., т. XXVI, стр. 483—485.

Стр. 51. *«Не беситесь, г-н Дост‹оевский›».* — Цитата из статьи Григория Градовского «Журналистика». Г. К. Градовский, полемизируя с «Дневником писателя» 1880 г., так обращался к Достоевскому: «Вы не беситесь, г-н Достоевский, а хладнокровно, со смирением и с христианскою кротостью все это выслушайте» («Молва», 1880, 16 августа, № 225). Столь же фамильярны в статье Градовского и другие обращения к Достоевскому: «... не взыщите уж с нас, Федор Михайлович! Не тыкайте в нас пальцем, не язвите, не подавляйте своим презрением...». Ответ Достоевского А. Градовскому публицист «Молвы» определяет как настоящее «мартобря, между днем и ночью».

Стр. 52. *Тема сатир Щедрина — это спрятавшийся где-то квартальный ∾ жить нельзя.* — В юмористическом духе Достоевский высказал близкую к данному суждению мысль («как мнение нашего известного сатирика») в фельетоне «Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга» (1878): «...он полагает, что всплывший тритон просто-напросто переодетый, или, лучше сказать, раздетый донага, квартальный, отряженный ‹...› для подслушивания из воды преступных разговоров, буде таковые окажутся» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 250). Достоевский иронически подхватывает варьирующийся в ряде произведений Щедрина мотив, в том числе в статьях «Наши бури и непогоды» (1870; см.: *Салтыков-Щедрин*,

т. IX, стр. 175, 515) и «Литературные будочники» (1863; «... нет той человеческой души, в которой ужасный будочник не замыслил бы сделать полицейский обыск» — там же, т. V, стр. 299). Здесь Достоевский, видимо, откликнулся на «Современную идиллию» (рассуждение по поводу сыщика в «гороховом пальто»: «Это не настоящее пальто... это спектр его! <..> внутри оно у нас... в сердцах наших... <...> Если б мы что-нибудь сознавали, то, разумеется, поняли бы, что как ни велик божий мир, но от спектров, его населяющих, все-таки спрятаться некуда» — там же, т. XV, кн. 1, стр. 176, 180—181). Опубликованная при жизни сатирика язвительная «формула» Достоевского (*Биография*, стр. 370) задела Щедрина, который (в беседе с Г. И. Успенским) так ее парировал: «Вот Достоевский написал про меня, что, когда я пишу, — квартального опасаюсь. Это правда, только добавить нужно: опасаюсь квартального, который во всех людях российских засел внутри. Этого я опасаюсь» («Голос минувшего», 1913, № 2, стр. 235—236).

Стр. 52. *О Финляндии. «Новое время», № 1691. Пятница 14 октября. О финляндских претензиях.* — Речь идет о полемической заметке «О финляндских претензиях» (*НВр*, 1880, 14 ноября, № 1694). Позиция «Нового времени» выражена в ней с предельной откровенностью: «Вопрос об уступке финляндцам русской земли, по нашему мнению, следует рассматривать не с экономической, а с политической точки зрения <...> Надобно не упускать из виду и нравственную сторону вопроса. Тут поневоле приходится с русской точки зрения отказать финляндцам в их домогательствах <...> Никогда нас не приучат смотреть на Финляндию иначе, как на восемь губерний, для которых в интересах их культуры оставлены известные особенности в законодательстве и администрации. Но забавно видеть в Финляндии какое-то alter ego России <...>, делающее нам уступки на правах взаимства и считающее себя вправе что-либо *требовать* от России, когда и вся-то Финляндия, как автономическая единица, существует по милости России, по минутному великодушному желанию Александра I, а не ради каких-либо необходимых государственных соображений» (там же).

Стр. 52. ... *Рошфор это утверждает.* — Анри Рошфор (1830—1913) — радикальный французский политический деятель и публицист, редактор «L'Intransigeant». О нем в крайне недоброжелательном тоне часто писали «Московские ведомости» Каткова. Видимо, обратил внимание Достоевский на фельетон Незнакомца (А. С. Суворина) «Насущные вопросы (Письма к приятелю)», в котором тот иронически отзывается сразу о двух поборниках терроризма и цареубийства — Рошфоре и Пиа, язвительно, в частности, комментируя «приглашение» Пиа Вере Засулич «писать о развитии революционных идей в России». «Когда-то об этом писал Герцен, — иронизировал Суворин, — теперь — Вера Засулич будет писать и, конечно, превзойдет Герцена и талантом и глубиною своей философии» (*НВр*, 1880, 12 октября, № 1661). Катков (в передовице «Москва, 7 июля») сообщал русским читателям: «... Рошфор, основавший журнал „Непримиримый“, выставил в числе своих „постоянных“ сотрудников немецкого социалиста Гассельмана и... Гартманна! Каким образом этот последний, более знаменитый как „практик“ революционного дела, возьмется за дело, чтобы в теории просвещать французскую публику, мудрено себе представить» (*МВед*, 1880, 8 июля, № 187).

Стр. 53. *«Новое время». Среда 19 ноября. Письмо ∾ Кояловича.* — Имеется в виду антисемитское выступление М. Кояловича (*НВр*, 1880, 19 ноября, № 1699; «Письмо в редакцию»).

Стр. 53. *Налог на соль...* — Об этом см. выше. стр. 302.

Стр. 53. ... *Почетный легион...* — Орден Почетного легиона был учрежден Наполеоном I в 1802 г.

Стр. 53. ... *Алексея человека божия...* — Об отражении в творчестве Достоевского некоторых мотивов жития Алексея человека божия см.: наст. изд., т. XV, стр. 475—476; В. Е. Ветловская. 1) Литературные и

фольклорные источники «Братьев Карамазовых». — В кн.: *Достоевский и русские писатели*, стр. 325—354; 2) Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977, стр. 161—198.

Стр. 53. ... *Гаса.* — Ф. П. Гааз. О нем см.: наст. изд., т. VII, стр. 77, 80; т. IX, стр. 344, 524.

Стр. 54. *«Новое время». Статья В. П. о Менделееве.* — В статье В. П. (В. К. Петерсена; 1842—1906?) «Д. И. Менделеев и академия» по поводу скандального голосования в физико-математическом отделении Академии наук 11 ноября 1880 г. Достоевского, видимо, привлекли следующие иронические параллели: «Нас занимает не *знаменитый* химик, отвергнутый *неизвестной* академией, но неизвестная академия, отлучившая себя от знаменитого химика. Это явление знаменательно и высоко комично. Представьте себе, литературно-образованный читатель, что вдруг общество русских драмоломов забаллотировало бы Шекспира; представьте поэта Мартьянова, кладущего „черняк“ Пушкину, каким бы гомерическим хохотом разразилось все читающее человечество. Но хохот должен был бы превратиться в истерику, если бы *те же*, кто забаллотировал Шекспира, приняли бы Д. Аверкиева, тот, кто положил „черняка“ Пушкину, — выбаллотировал бы Минаева?» (*НВр*, 1880, 19 ноября, № 1699). Ранее газета Суворина откликнулась на академический скандал (самый крупный общественный скандал года, широко комментировавшийся прессой) статьей с характерным заглавием «Немцы победили!» и с воинственным выводом: «Нам немцев довольно. Есть русские ученые, и если немцы крепко становятся особняком против русского ученого, то они делают это, конечно, для того, чтоб подать пример. Да последуем же этому примеру» (там же, 12 ноября, № 1692). Ср. ниже, примеч. к стр. 68.

Стр. 54. *«В‹естник› Европы» «полезен для ума».* — Достоевский цитирует очень распространенную эпиграмму:

«Сыны отечества» и «Вестники Европы»
Полезны для ума, а более для ‹...›

Эпиграмму приписывали Пушкину. См. наст. изд., т. XII, стр. 348—349.

Стр. 54. *(Все до единого Федоры Павловичи.)* — Достоевский имеет в виду Федора Павловича Карамазова, о «нигилизме» которого так говорил прокурор Ипполит Кириллович: «Духовная сторона вся похерена, а жажда жизни чрезвычайная. ‹...› Отеческих духовных каких-нибудь обязанностей никаких ‹...› Все нравственные правила старика — après moi le déluge. Все, что есть обратного понятию о гражданине, полнейшее, даже враждебное отъединение от общества: „Гори хоть весь свет огнем, было бы одному мне хорошо“» (см. наст. изд., т. XIV, стр. 126).

Стр. 54. *(Речь Победоносцева в Киевской духовной академии.)* — Новый обер-прокурор святейшего Синода К. П. Победоносцев пробыл в Киеве 4 дня (с 13 по 17 октября 1880 г.). В духовной академии он присутствовал на некоторых лекциях, осмотрел ряд помещений. Победоносцев также посетил духовную консисторию, где «долго беседовал с чиновниками, состоящими из духовных и светских лиц, указал на печальные картины из жизни духовенства Киевской епархии и просил позаботиться об искоренении тех нравственных недостатков, какие в последнее время стали появляться довольно часто в духовном провинциальном сословии, именно вымогательства за требоисправления, посвящение всего времени сельскому хозяйству, пренебрежительное отношение к пастве и проч.» («Молва», 26 октября, № 296). 19 октября Победоносцев возвратился из Житомира в Киев и на следующий день вторично посетил академию. Он обратился к студентам академии, которых собрали в общую залу после лекций, с «наставлением». Победоносцев в речи обрушился на современное «критическое» направление в науке и обществе. «От всего сердца пожелаю вам прежде всего, чтобы вы в целом образовании своем держались средоточия и, главное, чтоб это средоточие было основано на одном начале, разумею то, чтобы вы берегли в себе веру. А правду сказать, господа,

сохранить веру в себе в настоящее время не так легко. Настоящее время — время критики. Вся наука ушла в критику, и это направление ею доведено до крайности. Критика стала до крайности самонадеянною. Считая все постижимым для себя, она как бы так устанавливает свою точку зрения: я могу взять ребенка и в одну минуту вознести его на верх дома, откуда он будет смотреть и все будет казаться ему видным, постигнутым... Вместе с тем критика стала чрезмерно пытливою, и такое ее направление ведет ее к крайней сбивчивости в понятиях, запутанности в исследованиях. И это естественно. Есть такие вещи, что чем больше требуем доказательств, тем более ускользает истинная сторона предмета, как бы рассыпается самая истина. Это особенно заметно, например, на современной немецкой критике: то, что еще осталось от прежней критики, разбивается новою критикой. Итак, не следует повсюду требовать слишком много доказательств, и помнить, что есть вещи, которых доказать невозможно или которые не требуют доказательств. Кто мне докажет, напр‹имер›, что я должен любить родителей, если у меня в сердце нет любви. Когда сын спрашивает, почему он должен любить родителей, то этим самым его любовь уже рассыпается вдребезги. Кто мне докажет различие добра от зла? Никто, — и только внутренний голос совести дает мне знать, что такое различие добра от зла. Ввиду таких-то крайностей критического направления в современной науке следует старательно оберегать в себе веру как средоточное начало истины» (*МВед,* 1880, 17 ноября, № 319; «Посещение обер-прокурора св. синода учреждений духовного ведомства в Киеве» — перепечатка из «Киевских епархиальных ведомостей»). Достоевский, видимо, особое внимание обратил на следующий совет Победоносцева студентам академии: «Второе мое пожелание вам состоит в том, чтобы к вашему образованию не присоединялась та опасная гордость, с которою относятся к простому народу. То, к сожалению, бывает, что люди с образованием воображают себя выше всех и с презрением относятся к народу даже тогда, когда хотят влагать в него знание, образование. Это заметно и в некоторых молодых священниках, которые, принимаясь учить народ, относятся к нему гордо и тем самым многое теряют. Между тем с полною уверенностью могу сказать вам, господа, что нам с нашею верою и нашими знаниями без веры народа пришлось бы пропасть, затеряться. А вера народа способна укреплять и нашу веру. Вы могли чувствовать это, бывая в церкви, где молится простой народ. Когда войдешь туда, то чувствуешь, как волна народной веры поднимает тебя. Так сильна народная вера. Поэтому, приступая учить народ, следует заботиться не столько о том, чтобы сообщать ему знание, сколько о том, чтобы возгревать в нем эту веру, а средство к тому — в слове божием. И делать это нужно не с гордостью, а со смирением, с мыслию о том, что у самого народа поистине велик запас веры, на который может опереться и всякий учитель народа. Всякий, кто только знает, что в душе человека заключены начатки истины, тот никогда не подойдет к простому народу с гордостью. Вы, господа, готовитесь быть учителями. В вашем призвании необходимо держаться твердых начал, сосредоточивать себя в стремлении к истине, в живом чувстве веры и избегать гордости в отношении к народу» (там же). Именно на «второе пожелание» Победоносцева обращал внимание читателей «Руси» И. С. Аксаков, назвавший речи обер-прокурора синода в Киеве «прекрасными» («Русь», 1880, 29 ноября, № 3).

Стр. 54. *Сравнение нигилизма с расколом (Уманца). Да раскол много пользы принес.* — Нигилизм с расколом сравнил в заметке «Погибающая русская сила» Ф. М. Уманец (*ИВ,* 1880, № 12, стр. 780—786). «Религиозный раскол XVII, XVIII и XIX века — родной брат нигилизма, — писал Уманец. — И здесь и там — непреклонная энергия воли и болезненное заблуждение ума, беспощадное отношение к действительности и неспособность выработать лучшую действительность; доходящая до героизма высота нравственных побуждений и доходящее до невменяемости отрицание установленной нравственности; борьба из-за прав личности и поругание этой

самой личности в теории „устранения“ всех опасных людей в принудительном самосожигательстве и насильственной голодной смерти» (там же, стр. 781). Достоевский судил о заметке, видимо, по статье Греля (Г. К. Градовского) «Журналистика» («Молва», 1880, 19 декабря, № 350), в которой тот противопоставлял «мертвечину», «хвастливость», «лицемерие» позиции «Руси» Аксакова «полезной», содержащей попытку «объяснить происхождение нашего нигилизма» точке зрения Ф. Уманца (о полемике Достоевского со статьей Градовского см. выше, стр. 282).

Стр. 55. *Вот, например, на празднике Пушкина ∾ никто и не упомянул бы.* — Достоевский иронизирует над письмом И. А. Гончарова к издателю «Страны», в котором он сожалеет о невозможности приехать на пушкинские торжества в Москве и вспоминает о влиянии на него в молодости «пушкинского гения»: «Я узнал его с Онегина, который выходил тогда периодически, отдельными главами. Боже мой! Какой свет, какая волшебная даль открылись вдруг — и какие правды — и поэзии, и вообще жизни, притом современной, понятной, хлынули из этого источника, и с каким блеском, в каких звуках! Какая школа изящества, вкуса, для впечатлительной натуры!» («Страна», 1880, 25 мая, № 11). Почему-то особенно неуместным показалось Достоевскому несколько раз употребленное Гончаровым в письме слово «учитель», например: «Лермонтов и Гоголь не были собственно моими учителями: я уже сам созревал тогда и пописывал!». Письмо Гончарова было перепечатано в сборнике «Венок на памятник Пушкину» (см.: *Венок*, стр. 79—81).

Стр. 55. ... *№ 1712, вторник 2-е декабря, телеграмма из Парижа...* — В телеграмме от 1 декабря 1880 г. из Парижа сообщалось об инциденте, происшедшем в «Théâtre des nations» во время представления пьесы Филиппа Тусена Бордоне «Гарибальди»: «...социалисты и демократы произвели страшную суматоху: собравшись в большом числе в верхней галерее, они начали обливать нечистотами публику, сидевшую в ложах и в партере. С появлением полиции, произведшей несколько арестов, беспорядок прекратился» (*НВр*, 1880, 2 декабря, № 1712).

Стр. 55. ... *(рассказы Анны Николавны).* — Вероятно, речь идет об Анне Николаевне Энгельгардт (1835—1903), литераторе, переводчице, сотрудничавшей в «Биржевых ведомостях» 1860-х годов и «Вестнике Европы» 1870 и 1871 гг. Тогда же, очевидно, и состоялось знакомство с ней Достоевского, упрочившееся во время пушкинских торжеств в Москве. Е. А. Штакеншнейдер (1836—1897) рассказывает в своем «дневнике» (запись 12 ноября 1880 г.): «Анна Николаевна нравится ему давно. Он даже говорил мне, что глаза ее как-то одно время его преследовали, лет восемь тому назад ‹...› Потом в Москве, в Пушкинские дни, он то и дело заходил к ней ...» (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). Изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 439). В конце 1880 г. М. А. Стасюлевич пригласил Энгельгардт сотрудничать в новой газете «Порядок». Энгельгардт переезжает в Петербург, где Достоевский встречается с ней у Штакеншнейдер. В записную тетрадь Достоевского занесен петербургский адрес А. Н. Энгельгардт: «Садовая, Никольский рынок, Никольский мост, дом № 124 (Тона), в номерах Топа». В ЦГАЛИ (ф. 572, оп. 1, ед. хр. 212) хранится автограф (на французском языке) очерка А. Н. Энгельгардт (датирован 21 апреля 1882 г.) о Достоевском «Великий русский психолог»; о нем см.: *ЛН*, т. 86, стр. 541.

Стр. 55. *Все в юности народы такие ∾ глупо.* — Оспаривается мысль К. Д. Кавелина из его «Письма Ф. М. Достоевскому»: «Вы указываете, и совершенно справедливо, на необыкновенную отзывчивость русского народа, на необыкновенную его способность „перевоплощения в гении чужих наций, перевоплощения почти совершенного“. И эта несомненная и драгоценнейшая способность русского народа — увы! — не более, как свойство чрезвычайно даровитого и умного, даже не юношеского, а младенческого народа: молодой человек, даже юноша, как только сколько-нибудь сложился и имеет что-нибудь сказать свое и от себя, теряет мало-помалу эту способность. Словом, какую выдающуюся черту русского народа ни

взять, все доказывают замечательную его даровитость и в то же время большую его юность, — возраст, когда еще нельзя угадать, какая у талантливого юноши выработается духовная физиономия, когда он сложится и возмужает» (*ВЕ,* 1880, № 11, стр. 444).

Стр. 56. ... *(стр. 447).* — Достоевский имеет в виду здесь (и ниже) страницу № 11 «Вестника Европы» за 1880 г., в котором было помещено «Письмо к Ф. М. Достоевскому» К. Д. Кавелина. Вероятно, внимание писателя остановила защита Кавелиным «западных христиан»: «Славянофилы сороковых годов, а за ними и вы, осуждая западных христиан, опустили из виду, что они, хотя и недостаточно, неправильно, представляют, однако, собою деятельную, преобразовательную сторону христианства в мире. По мысли западных европейцев, христианство призвано исправить, улучшить, обновить не только отшельников, но и людей, живущих в мире, посреди ежедневных дрязг и соблазнов ‹...› Вы сами себе противоречите, преклоняясь перед европейской наукой, искусством и литературой, в которых веет тот же дух, который породил и католичество и протестантизм» (стр. 447). Но особенно возмутило Достоевского суждение Кавелина о восточных христианах: «Самые благочестивые люди, самые горячие патриоты жалуются, что у нас обрядовая сторона слишком преобладает в сознании и жизни простых людей над делами веры, точно будто вера сама по себе, а жизнь сама по себе. Не раз указывалось на необходимость внутреннего миссионерства, чтоб просвещать народ, еще пропитанный грубыми языческими предрассудками и суевериями ‹...› просвещение народных масс в духе христианства еще ожидает своих деятелей. Не совершилось оно до сих пор потому, что самые ревностные христиане, жаждавшие духовного совершенства, удалялись от мира, служа только образцами святой жизни и предметами благоговения для мирян, которые носили в своем сердце жажду духовного просвещения и совершенства ‹...› Отрешение от мира, умерщвление плоти, духовное созерцание как высшее благо и высшее совершенство — представлялись издавна для жителей Востока единственным исходом из бед, напастей и треволнений земной жизни» (стр. 445—447). После таких слов откровенным сарказмом звучал вопрос, обращенный к Достоевскому: «Вы скажете, что от таких применений христианства к условиям ежедневной жизни и житейским нуждам помутился и померк в сознании западных европейцев божественный образ спасителя, который учил, что царство его не от сего мира?» (стр. 447).

Стр. 56. *Стран. 448.* — Достоевский выделяет ту страницу, где Кавелин сформулировал главное свое возражение автору «Дневника писателя», утверждавшему: «А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования впереди, в идеале, ибо оно несет в себе всё, все стремления, все жажды, а, стало быть, из него же исходят и все ваши гражданские идеалы» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 164). Кавелин тут же полемизирует: «Эта мысль ‹...› кажется мне неверной. ‹...› нравственных идей *нет*, как нет *общественной* нравственности, вопреки мнению проф. Градовского ‹...› Нравственность есть по преимуществу то, что мы называем духом. Всякий в глубине души знает, доброе он замышляет и делает или дурное. Чувства добра и зла он носит в себе. Но спросите, что такое добро, что зло, — никто вам не ответит на этот вопрос. Сделайте тот же вопрос в применении к тому или другому данному помыслу, делу, предприятию, и самый темный, необразованный человек не затруднится ответом» (стр. 448). Значительная часть заготовок для ответа Кавелину — полемика с этими и близкими к ним мыслями либерального публициста, например: «... идеи не могут быть ни нравственны, ни безнравственны; они или правильны, или неправильны. Нравственный человек тот, кто в своих помыслах и поступках остается всегда верен голосу своей совести, подсказывающей ему, хороши ли они или дурны; только в отношении человека к самому себе и заключается нравственность, только в согласовании мыслей и поступков с совестью и состоит нравственная правда. *Что* именно совесть подсказывает, *почему* она

одни помыслы и поступки одобряет, другие осуждает. — это уж выступает из области нравственности и определяется понятиями или идеями, которые слагаются под влиянием общественности, и потому, в разное время, при разных обстоятельствах, бывают весьма различны» (стр. 449—450).

Стр. 56. *(Мамон.)* — Мамон или мамона — слово халдейского или сирского происхождения, употребляется в евангелиях в значении «имение, богатство, блага земные» или как символ злого духа, покровительствующего материальным благам и чувственным наслаждениям: «Не можете служить богу и маммоне» (Евангелие от Матфея. гл. 6, ст. 24).

Стр. 56. *Сожигающего еретиков я не могу признать ∾ есть поступок безнравственный.* — Полемический ответ Достоевского на следующее рассуждение Кавелина: «То, что вы называете нравственной идеей, — любовь к ближнему больше самого себя, самоотвержение на пользу других, есть идея или формула общественная, потому что ею определяется наше отношение к людям в общественном быту, она есть идеал этих отношений. Нравственной стороной названных добродетелей будет только искренность, полнота, сила убеждения. Иначе вы должны назвать безнравственным фанатика, который думал служить богу, сожигая еретиков на костре, — фанатика. которого католическая церковь причисляет к лику святых» (*ВЕ*, 1880, № 11, стр. 451).

Стр. 56. *Нравственен ли поступок журнала «Вестник Европы», клеветавшего на меня.* — В публиковавшихся в журнале воспоминаниях П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие» фигурировала и история с «каймой»: «После того как „Бедные люди" были прочитаны Белинским, который пришел от них в восторг, и решено было напечатать их в альманахе Некрасова „Петербургский сборник" (1846 г.), автор совершенно спокойно и как условие, следующее ему по праву, потребовал, чтобы его роман был отличен от всех других статей книги особенным типографским знаком, например — каймой. Роман и был действительно обведен каймой в альманахе» (*ВЕ*, 1880, № 4, стр. 479—480). А. С. Суворин возразил Анненкову и «Вестнику Европы»: «Мы взяли „Петербургский сборник" 1846 г. и увидели, что г-н Анненков это обстоятельство сочинил, вероятно, по свойственному ему добродушию. „Бедные люди" напечатаны без всякой каймы. тем же самым шрифтом, как и другие статьи этого сборника. Таким образом П. В. Анненкову надо покаяться, а вместе с ним и „Вестнику Европы". Это прискорбно будет для таких тузов» (*НВр*, 1880, 3 апреля, № 1473). «Тузы», однако, «каяться» не собирались. Напротив, в «Вестнике Европы» появилось объяснение «От редакции. По поводу „Воспоминаний" П. В. Анненкова» (*ВЕ*, 1880, № 5, стр. 412—414) с прозрачной ссылкой на авторитетное мнение Тургенева («лицо, весьма близко стоявшее к редакции „Современника" той эпохи») и цитатой из эпиграммы Некрасова и Тургенева на Достоевского «Витязь горестной фигуры. . .». Журнал утверждал, что «самое обстоятельство ‹. . .› П. В. Анненков вовсе не „сочинил"; ошибка его ‹. . .› может относиться ‹. . .› к заглавию альманаха и самой повести; за тем же, самая кайма так и остается каймою, как рассказал ее историю П. В. Анненков, без всякого желания выставить самомнение г-на Достоевского по возможности рельефнее; да это было бы несогласно и с общим характером его „Воспоминаний. . ."» (там же, стр. 414). «Новое время» ответило на редакционную статью «Вестника Европы» следующим заявлением: «Ф. М. Достоевский, находясь в Старой Руссе, где он лечился, просит нас заявить от его имени, что ничего подобного тому, что рассказано в „Вестнике Европы" П. В. Анненковым насчет „каймы", не было и не могло быть, что он никогда не получал стихотворения, якобы сочиненного Некрасовым и Панаевым насчет этой же каймы» (*НВр*, 1880, 17 мая, № 1515). См. также черновые наброски к планировавшейся Достоевским статье по поводу «каймы» (стр. 197—200).

Стр. 56. *Орсини тоже.* — Итальянский революционер Феличе Орсини (1819—1858) был казнен 13 марта 1858 г. за покушение на Наполеона III. Также см. наст. изд., т. XI, стр. 303. Орсини упомянул в своем «Письме»

Кавелин: «Орсини, Шарлотта Кордэ были патриоты, высоконравственные люди...» (*ВЕ*, 1880, № 11, стр. 456). С ним здесь и полемизирует Достоевский.

Стр. 56. *Конрад Валленрод...* — Герой одноименной поэмы (1828) А. Мицкевича. См. также наст. изд., т. XXVI, стр. 58, 381.

Стр. 56. *Государство создается для средины.* — Вероятно, Достоевский полемизирует со следующими мыслями Кавелина: «Гражданские идеи зарождаются отнюдь не из нравственного самосовершенствования людей, а из практической, реальной необходимости устроить их сожительство в обществе так, чтоб всем и каждому из них было по возможности безопасно, спокойно, свободно и вообще хорошо жить и заниматься своим делом <...> Не личное самосовершенствование, а, наоборот, разнузданность, своеволие лиц, необращение ими внимания на пользы и нужды других возвели условия правильного общежития в общественные идеи и формулы. Я <...> утверждаю, что человеческие общества только в виде редкого исключения, и то одни только добровольные, могут состоять из одних лиц нравственных, живущих только по внушению совести; огромное большинство человеческих обществ, напротив, состояли, состоят и во веки веков будут состоять из небольшого числа людей, живущих по внушениям внутреннего сознания правды и неправды; масса же людей везде и всегда поступает согласно с требованиями общества и его законов по привычке или из расчета и личных выгод; наконец, всегда будет более или менее и таких людей, которых удерживает от грубых нарушений общественного закона только страх наказаний, — людей, готовых нарушить этот закон, как только представится возможность или надежда сделать это безнаказанно» (*ВЕ*, 1880, № 11, стр. 451—452, 453).

Стр. 57. *Засулич: «Тяжело поднять руку пролить кровь»...* — Достоевский присутствовал на процессе В. И. Засулич (1851—1919), стрелявшей в градоначальника Петербурга Ф. Ф. Трепова (1812—1889). Градовский вспоминал: «... когда присяжные получили вопросный лист, когда настал томительный перерыв заседания, Ф. М. Достоевский высказал <...> свое мнение. Оно предрешало судьбу подсудимой, но великий писатель придал своему мнению своеобразный отпечаток. Судить нельзя, наказание неуместно, излишне; но как бы ей сказать: „Иди, но не поступай так в другой раз". — Нет у нас, кажется, такой юридической формулы, — добавил Достоевский, — а чего доброго, ее теперь возведут в героини» (*Градовский*, стр. 18). Особенно большое впечатление на Достоевского, как следует из этой записи в его тетради, произвели слова Засулич: «Страшно поднять руку на человека... но я находила, что мне должно было это сделать» (*Г*, 1878, 2 апреля, № 92. Судебная хроника. (Заседание петербургского окружного суда с участием присяжных заседателей, 31 марта)).

Стр. 57. *Мутная волна.* — Во «Внутреннем обозрении» «Вестника Европы» (1880, № 11) именно так оценивался «Дневник писателя» за 1880 г.: «Мельничное колесо реакции, давно потерявшее способность к действительной работе, завертелось было с удвоенной быстротою, когда в обмелевшую реку влилась новая, *мутная волна*, шумно провозглашавшая свое могущество. Это был — „Дневник писателя", ожививший на время полемику против западников, либералов, отщепенцев русского народа» (стр. 337; курсив наш, — *Ред.*).

Стр. 58. *«Чтоб мужу-бую умудриться». ∾ но истина должна открыться.* — Достоевский цитирует оду Державина «Вельможа» (1798):

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.

(Г. Р. Державин. Стихотворения. Л., 1957, стр. 212). Помета рядом с этими словами «Кавелину» указывает на ироническое применение именно к нему известных державинских строк. Любопытно, что ту же оду Держа-

вина цитировал, оценивая содержание речи Достоевского о Пушкине, Н. К. Михайловский в «Литературных заметках»: «Да, пустая (речь, — *Ред.*), потому что человек не дал ни одного твердого вывода, ни одной не колеблющейся мысли, и не совсем умная, потому что „не можно век носить личин“» (*ОЗ*, 1880, № 7, стр. 132).

Стр. 59. *Катерина Ивановна. Самосочинение. Человек всю жизнь не живет ∽ самосочиняется.* — Достоевский вспоминает героиню романа «Братья Карамазовы» Катерину Ивановну Верховцеву, точнее, ведущую черту ее характера, очевидно, собираясь использовать этот психологический «материал» для полемики со своими либеральными оппонентами.

Стр. 60. *Письмо Бекетова редактору «Минуты» (полиция).* — «Новое время» (1880, 14 декабря, № 1721) в разделе «Среди газет и журналов» опубликовало письмо А. Н. Бекетова редактору газеты «Минута» — ответ на статью за подписью «Студент» «В нашем университете» («Минута», 1880, 10 и 11 декабря). Ректор петербургского университета выразил свое возмущение бесцеремонной статьей и заявил, что «недостойные ругательства и прямые, весьма тяжкие обвинения, возведенные совершенно голословно на некоторых студентов, не могли быть написаны и отданы в печать „студентом“, и ответственность за них во всяком случае и всецело падает на редактора». Бекетов требовал опубликовать письмо «в ближайшем нумере вашей газеты ‹...› целиком, без пропусков». Достоевского более всего поразила завершающая письмо Бекетова угроза: «Неисполнение моего желания принудит меня отнестись к его сиятельству господину министру внутренних дел с просьбою подвергнуть вас надлежащему взысканию за преднамеренное возбуждение волнений в университете».

Стр. 60. *«Русь» № 5. О студенческой истории. И хорошее и пошлое.* — Речь идет о передовой статье в еженедельнике И. С. Аксакова — отклике не только на последние студенческие беспорядки в Москве, но и на «известную демонстрацию» у Казанского собора 6 декабря 1876 г. и на расправу мясников и торговцев Охотного ряда над участниками студенческой демонстрации в Москве 3 апреля 1878 г. Достоевский, видимо, считал «хорошим» те мысли в статье Аксакова в «Руси», которые совпадали с его собственным отношением к студенческим волнениям. Оно было изложено Достоевским в известном письме от 18 апреля 1878 г. пяти московским студентам. Вполне солидарен был Достоевский с тезисом Аксакова: «К молодежи нужно относиться честно — честно любить ее» («Русь», 1880, 13 декабря, № 5), разделял он, по-видимому, и мысль Аксакова: «Под страхом прослыть „несочувствующим молодому поколению“, а потому и не „либералом“, иной старик умышленно молодится, виляет, трусит высказать перед юношами, что он и в бога верит и чтит „предрассудки“ христианской нравственности» (там же).

«Пошлой», как следует из других записей в тетради («Вы в классе прочтите прокламацию насчет чести, долга, а он вас (Аксакова) спросит, что такое честь, что такое долг. Еще хорошо, коль спросит, а то промолчит» — стр. 64), Достоевскому показалась такая наивная «педагогическая» рекомендация: «Нам кажется, что следовало бы иному авторитетному профессору просто взять любой из подпольных листков и прочесть его вслух с критической оценкой, с обращением к молодым свежим умам, — прочесть тем, которые и без того читают его втайне, — и не выдержало бы ни одно это подпольное разглагольствие дневного света критики, и звонким смехом огласилась бы аудитория при громогласном прочтении какого-нибудь вздора, вроде сравнения „идеалиста“ Пугачева с Вашингтоном, „страдавшим отсутствием идеалов“...».

Стр. 60. *Градовский, Исаакиевский собор — отцы.* — Вероятно, Достоевский имеет в виду пушкинские празднества в Петербурге, состоявшиеся 6 июня 1880 г. «Молва» в разделе «Хроника» опубликовала подробный отчет о них под заголовком «Чествование памяти Пушкина в Петербурге». Сообщению о панихиде по «усопшем болярине Александре Пушкине», состоявшейся в Исаакиевском соборе (торжественное служение совершил председатель учебного комитета при святейшем синоде протоие-

рей И. В. Васильев при участии соборного духовенства во главе с протопереем Лебедевым и полным хором певчих Исаакиевского собора), в корреспонденции газеты предшествовало выборочное цитирование письма князя Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу: «Из этого письма будет нелишним привести <...> строки, из которых видно, как почитатели Пушкина вынуждены были оправдываться даже в своем христианском сочувствии к убитому другу. В числе этих обвинений значилось, конечно, что „в лице Пушкина оплакивается не поэт и не друг, а *человек политический, либерал, глава оппозиции*". В устройстве приличных похорон, даже в выборе церкви усматривали подтверждение этих дальновидных подозрений». После панихиды последовал завтрак в помещении старосты Исаакиевского собора, и Иосиф Васильев произнес речь о Пушкине — христианине и поэте. Затем в аудитории педагогического музея состоялось «литературное утро», посвященное памяти Пушкина, и, наконец, вечером обед по подписке в зале купеческого собрания с хором кавалергардов и множеством тостов и речей. «Главой распорядителей» на обеде был В. И. Модестов, которому помогал Г. К. Градовский. С речами на обеде выступили такие критики «Дневника писателя» 1880 г. Достоевского, как В. И. Модестов, В. А. Полетика, Л. А. Полонский. Но особенно показалась «примечательной», должно быть, Достоевскому речь Г. К. Градовского (она «прерывалась и сопровождалась самыми единодушными и горячими рукоплесканиями»), в которой говорилось мало о Пушкине и очень много о «печальных условиях русской печати»: «Мы воздвигли наконец памятник великому нашему поэту, но и до сих пор русская литература и русская печать находятся в тех же <...> условиях. <...> Пора же признать заслуги русской литературы и уважать ее представителей не только после смерти литераторов, но и при их жизни, во время их деятельности <...> За процветание и беспрепятственное развитие русской литературы, за отвечающие ей юридические основы русской печати!..» («Молва», 1880, 8 июня, № 157).

Стр. 60. ...*стукание лбами.* — Образная «формула», эмблема идейного разброда в среде русской интеллигенции. Ср. в письме к И. С. Аксакову (от 18 декабря 1880 г.): «Головки у всех хоть и умные (положим, что умные), но случись вопрос общий (вот хоть о студентах), и ведь все-то *врозь*, все-то в темноте стукаются своими умными лбами до шишек».

Стр. 61. *«Новое время». Поляки и жиды.* ∾ *декабрь).* — В № 1725 «Нового времени» от 15 декабря 1880 г. помещено начало статьи М. Кояловича «Новые явления в истории русско-польского вопроса». Редакция газеты сопроводила публикацию статьи возражением в «Ежедневном обозрении»: «Мы, с своей стороны, смотря на дело с точки зрения интересов Русского государства, не думаем, конечно, становиться на почву безусловного „обрусения" той части Привислянского края, которая составляет ядро польского населения, — точно так же, как не подумали бы предлагать подобную политику, например, для Кавказской окраины <...> но останавливаемся <...> на реформах, общих у Привислянского края с остальной Россией...».

В № 1727 «Нового времени» от 17 декабря напечатано начало статьи Б. «Еврейский вопрос».

Стр. 61. ...*своя своих не узнали.* — Поговорка (более распространенный вариант — «своя своих не познаша»), восходящая к евангельскому тексту: «В мире был, и мир через него начал быть, и мир его не познал. Пришел ко своим, и свои его не приняли» (Евангелие от Иоанна, гл. 1, ст. 10—11).

Стр. 62. *Люблю тебя, Петра творенье.* — Цитата из поэмы Пушкина «Медный всадник» (1833).

Стр. 62. *Окна, дырья — и монумент.* — Фантастический, призрачный Петербург — постоянный лейтмотив творчества Достоевского, начиная со «Слабого сердца» (см. наст. изд., т. II, стр. 48). Настоящая запись — сокращенный вариант другой — из черновых набросков к «Дневнику писателя» 1876 г.: «Я часто спрашиваю себя: как без *переворота* можно согла-

сится бросить такие дворцы, — кстати, что будет с Петербургом, если бросят. Уцелеют немцы, множество домов без поддержки, без штукатурки, дырья в окнах — а посреди — памятник Петра» (см. т. XXIII. стр. 199).

Стр. 62. *Статья Н. Б. в «Руси» № 5. Да, культура есть, но родилась, отрицая целое и воротясь к народу в самом малом меньшинстве.* — Речь идет об окончании статьи Н. М. Павлова «Нечто о XVIII веке» (начало в № 4). Павлов утверждал, что XVIII век «дал России *общественных деятелей,* способных возвышаться над личным и сословным эгоизмом <...> Лишь „образование", воздвигнутое Петром, стало мало-помалу плодить у нас этих людей <...> То один, то другой, а напоследок и многие по захолустьям меняли старинные пиры, дым коромыслом, да псарный двор на тишину кабинетных занятий. Простые люди, как Данилов или Болотов, возвращаясь со службы, заносили и в родную глушь знанье языков и любовь к книгам. Являлись и такие esprit-forts <вольнодумцы — *франц.*>, как князь Михайла Щербатов». Далее Павлов восторженно пишет о том «меньшинстве», тех *истинно-общественных* людях, которые способствовали отмене крепостного права («Русь», 1880, 13 декабря, № 5).

Достоевский в письмах И. С. Аксакову от 3 и 18 декабря 1880 г. выделял, как наиболее значительные в «Руси», передовые статьи редактора и «фельетоны» Н. Б. (Павлова). Но ранее в 1861 г. Достоевский подверг резкой критике как статью Павлова в газете «День», так и редакционные примечания к ней Аксакова (см. об этом: наст. изд., т. XIX, стр. 254—255).

Стр. 63. *Не то как раз придете к заключению Гамбетты в разговоре с г-ном Молчановым ∾ в том самом разговоре, который заканчивается криком г-на Молчанова: «Vive Гамбетта!»* — Статья парижского корреспондента «Нового времени» А. Н. Молчанова «Свидание с Гамбеттой» заканчивается так: «Я, слава богу, не чиновник и насколько меня отталкивает важный бюрократ, настолько привязывает к себе симпатией и уважением тот, кто, будучи действительно велик, остается человеком со всеми достоинствами — правдой и простотой — Vive Gambetta!» (*НВр*, 1880, 27 ноября, № 1707). Достоевского равно возмутили как восторги Молчанова, так и «заключение» Гамбетты о неизбежности «общего пути» для всех народов: «Несомненно, что у каждой нации должны быть свои особенности <...> но я думаю все-таки, что общие ступени государственного прогресса для всех народов одни и *те же*» (там же).

Стр. 63. *«Кафедра Исакиевского собора».* — В библиотеке Достоевского был 14-й выпуск этого издания (соборного старосты) за 1880 г., содержащий проповедь И. Л. Янышева «Слово на 19-е февраля 1880 года — день торжества двадцатипятилетнего царствования имп. Александра Николаевича» (см.: *Библиотека, новые материалы,* стр. 267).

Стр. 63. *Чума, Языков: «Ах кабы все умерли!»* — Возможно, иронический отклик Достоевского на письмо к нему М. А. Языкова (см. о нем: наст. изд., т. XXII, стр. 312) от 26 января 1879 г. Языков обратился к Достоевскому с такой необычной просьбой: «Меня давно, то есть гораздо ранее появления чумы, занимал вопрос о сожигании трупов и пр. Не знаю, как смотрите Вы на этот предмет, но мне кажется, что нельзя, ввиду приближения моровой язвы, придумать более счастливого момента для популяризации в народе этой пропаганды. Что если бы с разрешения нашего правительства городские и земские управы устроили, каждая в своем городе или уезде, хотя по одной печи (наподобие Миланской или Дрезденской) для сожигания трупов и сожгли бы всенародно на площади, в присутствии местных властей и с подобающим церковным обрядом, хоть бы по одному человеку, умершему от какой бы то ни было эпидемической болезни. Какая была бы это полезная для человечества и колоссальная пропаганда <...> если Вы сочувствуете уничтожению кладбищ и пр., то мне кажется, что ничье перо в России не высказало бы с бо́льшим убеждением, как Ваши огненные строки...» (*ГБЛ,* ф. 93.II.10.21).

Стр. 64. *Там и революционер культурен: Лассаль.* — По предположению Л. М. Розенблюм (*ЛН,* т. 83, стр. 704), Достоевский имеет в виду

следующий тезис из трактата А. Д. Градовского «Социализм на западе Европы и в России»: «Там (в Европе, — *Ред.*) — социализм, долгою работою выдающихся умов и великих талантов, возведен на степень особой науки, поэзии и религии. Со словом социализм соединяются представления о грандиозной фантазии Сен-Симона и Фурье, мистическом экстазе Пьера Леру, бурном красноречии Лассаля ‹...› Здесь — несколько плохих брошюр, странных прокламаций и снотворных журналов» (*PP*, 1879, № 2, стр. 140).

Стр. 65—66. *«Новое время» № 1733. Коялович ∾ Самый хитрый поляк, переодевшийся в благонамеренного, не написал бы хитрее вас, г-н Коялович.* — Достоевский имеет в виду окончание статьи М. И. Кояловича «Новые явления в истории русско-польского вопроса» (*НВр*, 1880, 23 декабря), где говорилось: «Мы, русские и поляки, нам кажется, много можем сделать, если сойдемся в указанном центре польской национальности, в маленькой этнографической Польше и в средоточии ее — Варшаве. Тут, нам кажется, мог бы завязаться узел крепкой, неразрывной надолго дружбы русских с поляками, — дружбы честной и выгодной обеим сторонам, и особенно благодетельной для поляков ‹...› Как именно сойтись и действовать заодно русским и польским людям в пределах этнографической Польши — это дело людей практических, от которых мы сами желали бы услышать прямое, дельное слово».

...когда Италия стучалась в Рим и папа ∾ провозгласил идею Рима, что первосвященник есть властитель всей земли... — В 1867 г. попытка гарибальдийцев захватить Рим была предотвращена вмешательством французской армии. На ватиканском соборе 1870 г. папская непогрешимость была возведена в догмат.

Стр. 66. *Речь де Роберта в Твери и адрес тверского земства Лорис-Меликову.* — Речь Е. В. де-Роберти в дворянском собрании Тверской губернии и адрес тверского губернского земства министру внутренних дел обсуждались в «Ежедневном обозрении» «Нового времени» (*НВр*, 1880, 23 декабря, № 1733). Обозреватель газеты так резюмирует содержание речи и адреса: «...в своих заявлениях лишь констатируется факт общественного сознания, что прочный порядок может утверждаться только на разумной свободе, при участии общества в обсуждении и разрешении вопросов, касающихся наиболее важных интересов, что отсутствие этой разумной свободы порождает „недоразумение между властью и народом“, необеспеченность прав личности, ее совести, мысли и слова, и наконец, обусловливает финансовые затруднения и экономическое расстройство страны». Не находя ничего нового в таком взгляде, обозреватель «Нового времени» считает отрадным и важным, «что этот взгляд делается достоянием общественного сознания и высказывается с большим тактом и зрелостью». «По-нашему глубокому убеждению, — продолжает публицист газеты Суворина, — в настоящее время самая главная потребность страны не в том, чтобы определить какую-нибудь форму общественного участия в обсуждении и решении крупных вопросов государственного быта, а исключительно в том, чтобы уяснить эти самые вопросы, уяснить со всех сторон, на месте, через самих заинтересованных лиц. Нам необходимо выслушать, понять друг друга, необходимо уяснить, что́ нам нужно, что́ отвечает нашим насущным интересам, что́ мы можем сделать и чего не можем».

Стр. 66. *Голос Василия Великого. Исправить богослужение.* — Возможно, речь идет о перенесении в литургию Василия Великого (329—378) слов из литургии Иоанна Златоуста. Об этом говорил в «Чтении о нуждах единоверия» (13 марта 1874 г.), полемически направленных против взглядов И. В. Васильева, Т. И. Филиппов: «...у нас в литургии св. Василия Великого, в известном месте, где призывается пришествие св. духа для освящения даров и преложения их в пречистое тело и пречистую кровь господа Иисуса, читаются, как и в литургии Златоуста, слова: „преложив духом твоим святым“; между тем как в служебниках, употребляемых на Востоке, этих слов не только нет (как нет их и в служебниках единовер-

ческих), но они считаются произвольною вставкою» (Т. Филиппов. Современные церковные вопросы. СПб., 1882, стр. 422). Васильев возражал Филиппову в чтении 20 марта 1874 г., что побудило последнего дополнительно выступить с заметкой «О вставке в литургии св. Василия Великого» (см. там же, стр. 455—462).

Стр. 66. ... *не армия победила Францию, а школьный учитель.* — По-видимому, здесь перефразируется ходячее выражение немецкой буржуазной публицистики: «Сражение при Садове выиграл школьный учитель», восходящее к статье известного географа О. Пешеля (1826—1875) «Уроки истории недавней войны», опубликованной им через две недели после сражения в районе Садова и Кёниггреца (3 июля 1866 г.), в котором пруссаки нанесли поражение австрийской армии и вынудили Австрию заключить так называемый Пражский мир 1866 г. Пешель утверждал что победа Пруссии была обеспечена преимуществами прусской системы народного образования (см.: O. Peschel. Die Lechren der jungsten Kriegsgeschichte. — «Das Ausland», 1866, 17. Juli, № 29, S. 695; ср.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 298).

Стр. 67. *Юрьеву. Помолитесь богу, чтоб он дал вам побольше русских мыслей. Ваша молитва должна быть доходна к богу.* — Слова Достоевского задевают редактора журнала «Русская мысль» С. А. Юрьева. И. Аксаков сообщал Достоевскому в письме от 20 августа 1880 г. о намерении Юрьева написать статью «не то что против Вас, но по поводу Вас с некоторым возражением» (*Аксаков, Письма*, стр. 354). Свои возражения на пушкинскую речь Достоевского Юрьев изложил в письме (от 3 ноября 1880 г.) к О. Ф. Миллеру (*ЛН*, т. 86, стр. 520—521) и в редакционных примечаниях к статье Миллера «Пушкинский вопрос». Реплика Достоевского в записной тетради позволяет утверждать, что особенно задело его следующее возражение Юрьева: «Какое основание и право имеет христианин, принадлежащий к восточной христианской соборной церкви, провозглашать, что все западные европейские народы, принадлежащие к другим христианским церквам, — „без Христа и без церкви" <...> Какое имеет право православящий христианин предвосхищать суд у бога и пророчить всему западному христианству конечную и даже в единый миг погибель, такую, что от всех его сокровищ духовных и материальных не останется и следа? <...> И неизвестно еще, кто удостоится первый войти в царство Христа и воплотить в своей жизни его истину, мы <...> или народы Запада. И хочется сказать: „Смирись, гордый, православящий господа своими устами христианин, да не отнимется от тебя и то, что получил ты туне» (*РМ*, 1880, № 12, стр. 34—35).

Стр. 67. *«Порядок». Орган беспорядочной мысли.* ∾ *порядка.* — «Вестник Европы» объявил о новой газете «Порядок» — спутнике журнала — в декабрьской книжке за 1880 г. («Внутреннее обозрение»): «С будущего года редакция нашего журнала расширяет круг своей деятельности, присоединяя к своему ежемесячному изданию — ежедневное, под названием: „Порядок"» (*ВЕ*, 1880, № 12, стр. 894). Пространно излагая программу газеты в том же «Внутреннем обозрении», журнал сочувственно интерпровал полемический ответ К. Д. Кавелина Достоевскому. В первой же передовой статье новой газеты определенно указывалось на символичность ее названия: «Мы оставляем за собою эпоху реформ, и великих реформ. — теперь нам, как и всем образованным народам, *нужен порядок*, — а нет *порядка* без ясного и свободно сложившегося сознания каждым своих прав и своего долга. В переживаемую нами минуту *мысль о необходимости порядка* объединяет собою направление всей нашей печати, при всем различии ее органов в остальном, и служит выражением всеобщих желаний — в самом обществе и народе, позволяем себе сказать, и — в правительстве, начавшем в последнее время несколько частных попыток к *упорядочению* условий нашей гражданской жизни возвращением ее на путь законности и добра» («Порядок», 1881, 1 января, № 1; курсив наш, — *Ред.*). Каламбуры по поводу названия газеты были широко распространены в журналистике 1881 г.; например: «Заголовок — то есть слово „Порядок" —

кривыми буквами, что может подать нашим остроумцам говорить — „кривой порядок“» (*НВр*, 1881, 2 января, № 2); «Пока не было газеты „Порядок“, в России еще был кое-какой порядок, но с появлением этой газеты в России исчез всякий *порядок*, за исключением, конечно, самой газеты „Порядок“, которая потому, надо полагать, и считается *порядочною*» («Неделя», 1881, 20 февраля, № 51).

Стр. 68. ... *Патти*... — Аделина Патти (1843—1919), итальянская певица (колоратурное сопрано). Ее выступления в Петербурге (1869—1877) имели большой успех. А. Ф. Кони вспоминает в очерке «Судебные следователи»: «С большим трудом и за довольно высокую цену удалось мне достать ‹...› билет на кресло второго ряда в Большом театре, где в то время пленяла петербуржцев своим голосом итальянская дива Патти» (*Кони*, т. I, стр. 120). О двадцатипятирублевой цене «за кресло на Патти» писал Салтыков-Щедрин, перечисляя модные и дорогие петербургские увеселения (*Салтыков-Щедрин*, т. X, стр. 548).

Стр. 68. *Астрономы, академики, отдыхающие от трудов своих.* — Отклик Достоевского на выборы в Академии наук, в результате которых была забаллотирована кандидатура Д. И. Менделеева, а избран был астроном О. А. Баклунд. Кандидатура Баклунда была выдвинута Струве, одним из отдавших свой голос за избрание Менделеева (точные сведения о голосовавших за и против Менделева были приведены в «Новом времени» — 1880, 24 ноября, № 1705). Газета Суворина опубликовала два открытых письма профессора Петербургского университета В. И. Ламанского к Струве и Баклунду (*НВр*, 1880, 23 ноября, № 1703), которые, однако, не помешали избранию Баклунда, ставшего после успешной баллотировки объектом насмешек в прессе наряду с «непременным секретарем» К. С. Веселовским и, разумеется, с «академическими немцами». О последних «Голос» в «Воскресных набросках», к примеру, писал в таких выражениях: «Если все эти Шульцы, Шмиты и Штраусы такие ученые, что среди их не место даже Менделееву, пусть идут на все четыре стороны: они нам не нужны. Ни один университет не примет их; что университет — ни в одной гимназии не будут терпеть таких бездарностей. Они потому-то и прячутся в свою скорлупу, что всякое их появление на свет божий обнаружит всю их пустоту». В той же заметке академия была названа «богоугодным заведением», прибежищем для «академических племянников, всяких Шмитов, Шульце и Штраусов» (*Г*, 1880, 16 ноября, № 317).

Стр. 68. *Этому судну можно дать имя ак‹адемика› Веселовского...* — К. С. Веселовский (1811—1901) — экономист, академик с 1855 г.; непременный секретарь Академии с 1857 по 1890 г. Голосовал против избрания Д. И. Менделеева в Академию, что вызвало поток иронических выпадов в заметках и статьях, посвященных скандальной баллотировке. Так, «Новое время» в «Ежедневном обозрении» уделило несколько строк «заслугам» Веселовского: «Ведь и непременный секретарь Академии, г-н Веселовский, не одобрил г-на Менделеева. Недаром г-н Веселовский написал сочинение „О климате России“; в этом сочинении наверное было сказано, что климат России благоприятствует немцам, иначе и сам г-н Веселовский едва ли бы попал в академики...» (*НВр*, 1880, 17 ноября, № 1697). В статье «Новые выборы в Академии» — по поводу избрания в академики Баклунда — язвительно очерчивается научная карьера Веселовского: «При таких ли условиях не принять в русскую Академию наук! Ведь вот г-н Веселовский, непременный секретарь, и не иностранец, а был же выбран в Академию 33-х лет, когда он еще не написал своей посредственной книги „О климате России“. Он тоже много обещал в будущем и если не оправдал надежд, то потому только, что он не астроном и не мог, как это будет в состоянии сделать г-н Баклунд, наблюдать за собой, как за восходящим светилом. В этом обстоятельстве и кроется причина того, что Веселовский так и не взошел, как научное светило, нося в течение 27 лет звание академика. Зато как составитель и чтец фельдфебельских рапортов по части разного рода отчетов, в которых речь идет о предметах, ему неиз-

вестных, К. С. Веселовский не имеет себе равного и если в „Записках“ Академии наук с 1862 г. не встречается ни одного научного труда, подписанного именем К. С. Веселовского, то имя его встречается очень часто в донесениях, предложениях и при сообщении научных трудов от имени разных ученых» (там же, 26 ноября, № 1706). А в статье «Беззаконники в Академии наук» выпады против Веселовского достигли апогея: «Непременный секретарь К. С. Веселовский на запрос о нарушении устава (Академии, — *Ред.*) объяснил, что *так до сих пор делалось*, что существуют будто бы какие-то министерские разъяснения, изменяющие устав, и проч. Да и что иное мог отвечать

Академии российской
Непременный секретарь,

как говорил Воейков в своем „Сумасшедшем доме“ о Петре Ивановиче Соколове:

Ничего не сочиняет,
Ничего не издает,
Три оклада получает
И столовые берет?..

Что может сказать об этих беззаконных действиях Академии ее непременный секретарь?» (там же, 7 декабря, № 1717).

С Веселовским в записной тетради связано не только увеселительное судно (вроде яхты «Ливадия») его «имени», но и проект «новой Академии наук <...> для увеселения дам» (стр. 68).

Стр. 69. ...*какую-нибудь деревеньку из Восточной Румелии...* — Автономная область Восточная Румелия управлялась, согласно компромиссному решению Берлинского конгресса, генерал-губернатором православного христианского вероисповедания, который назначался турецким султаном. В 1885 г. Восточная Румелия была присоединена к Болгарии.

Стр. 69. ...*тип дан в «Ливадии» и в круглых поповках...* — Поповка — тип броненосца, названного по имени вице-адмирала А. А. Попова (1821—1898). О поповках см. подробнее наст. изд., т. XXIV, стр. 486. Императорская яхта «Ливадия», самая дорогостоящая и фантастическая затея Попова, стала предметом нападок газет различных направлений. Слухи о неудачах, постигших проект Попова, быстро проникли в русскую прессу. Газета «Молва» напоминала, что затеи Попова уже принесли убыток в 25 миллионов рублей («Молва», 1880, 6 сентября, № 246). Насмешки переросли в поток издевательств над злополучной и очень дорогостоящей яхтой, когда серьезные неполадки прервали ее первое плавание (см. там же, 15 октября, № 285; ср. 19 октября, № 289). Подведены были «Молвой» и «итоги» в статье «Яхта „Ливадия“»: «В Черное море ее отведут вероятно на буксире, и там впоследствии корпус ее переделают портовыми средствами. С окончанием морского плавания яхты „Ливадии“ окончится без сомнения и кораблестроительное творчество вице-адмирала Попова» (там же, 28 октября, № 298; ср. 30 ноября, № 331). Огромные затраты на сооружение «Ливадии» и слухи о новых дорогостоящих авантюрах представлялись безумием в год серьезных финансовых затруднений для России. В той же «Молве» приводились сведения из английской еженедельной газеты «The Parisien» (издававшейся в Париже): «Гостиная императора будет превосходить всё доселе виданное по красоте и богатству. Мебель нарочно приготовляется одной английской фирмой в крымско-татарском или лучше в византийском вкусе по рисункам, составленным согласно личному желанию императора. Она из красного дерева с богатой резьбой, белыми эмалевыми медальонами, украшенными золотом, и состоит из диванов, кушеток, покойных кресел, этажерок, карточных столов и большого рояля работы Бродвуда. <...> В будуаре мебель в стиле

Людовика XVI. ‹...› Покои великого князя едва ли уступают по богатству и великолепию отделки той части яхты, которая предназначена лично его величеству» (там же, 15 сентября, № 255). Еще подробнее роскошную яхту расписывали поддерживавшие Попова «Московские ведомости» в заметке «Внутренняя отделка яхты „Ливадия“» (перепечатка из «Кронштадтского вестника» — *МВед*, 1880, 15 октября, № 286). Подобные описания побудили Достоевского включить в сатирический проект (для будущего выпуска «Дневника писателя») развеселое и роскошное судно имени Веселовского по типу императорской яхты «Ливадия».

Стр. 69. *«Новое время» № 1737 о земствах (выписки из «С.-П‹етербург›ских› ведомостей»).* — В разделе «Среди газет и журналов» газета приводит выписку из «С.-Петербургских ведомостей», решительно не соглашаясь с оптимистическими прогнозами о «возрождении» земств: «Некоторое оживление, которым кое-где ознаменовались нынешие сессии земских собраний, возбуждает в „С.-Петерб. вед.“ мысль, что земство „возрождается“. ‹...› Но где же тут „возрождение“? Два-три разумных заявления на кучу нелепейших действий и распоряжений ‹...› Нам кажется, напротив, что „пережитый тяжелый год“ с продовольственным и иными крупными земскими вопросами позволяет говорить о чем угодно, но меньше всего о „возрождении“ земств! ..» (*НВр*, 1880, 29 декабря, № 1737).

Стр. 71. *У нас вот ∾ предложили сокращение армии на 50 000 чело‹век›.* — Достоевский иронизирует над предложениями публициста «Нового времени» (*НВр*, 1881, 2 января, № 1741, «Ежедневное обозрение»). Подробнее об этом см. выше, стр. 312—313.

Стр. 72. *Сим победиши.* — Это выражение восходит к легенде, рассказанной римским церковным писателем и историком Евсевием Памфилом (ок. 263—340) в написанном им «Житии императора Константина». По рассказу Евсевия Памфила, римский император Константин I (Великий) накануне сражения с Максенцием за овладение Римом (происшедшего 28 октября 312 г. и принесшего победу Константину) видел на небе крест с греческой надписью вокруг него: «Ἐν τούτῳ νίκα» («Этим победишь»).

Стр. 73. *Ведь сказал же один наш профессор, что русский не может быть великодушен ∾ необразован.* — Достоевский имеет в виду следующие слова А. Д. Градовского в статье «Мечты и действительность», с которыми он ранее полемизировал в «Дневнике писателя» за 1880 г. (см. выше, стр. 281): «Общественные идеалы нашего народа находятся еще в процессе образования, развития. Ему еще много надо работать над собою, чтоб сделаться достойным имени великого народа» (*Г*, 1880, 25 июня, № 174).

Стр. 74. *Мы верно уж поладим, // Коль рядом сядем.* — Цитата из басни Крылова «Квартет» (1811).

Стр. 74. *А что коль вы в музыканты-то еще не годитесь?* — Пересказ сентенции басни Крылова «Квартет»:

А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь.

Стр. 75. *Явятся только комиссии для сокращения комиссий.* — Достоевский, как и публицисты газет и журналов различных оттенков, иронизирует над бесплодной деятельностью многочисленных комиссий. Об этом писал, в частности, «Голос» в передовой статье «Наши комиссии по разработке вопросов»: «...при каждом ведомстве, в любое время, всегда имеются налицо целые десятки комиссий. Иногда их накопляется так много, что сами ведомства теряют им счет. Случается даже так, что ведомство, получив от другого запрос о деятельности какой-нибудь существующей при этом учреждении комиссии, ищет и не находит никаких следов ее; комиссия вовсе и не собиралась, журналов ее нет, лица, в ней участвовавшие, умерли или выбыли. Единственным средством восстановить комиссии — списаться с надлежащими местами о новом назначении

в нее членов, для того, чтоб, лет через пять, снова точно так же разыскивать эту возобновленную, но ничем не заявившую своего существования комиссию» (*Г*, 1880, 14 октября, № 254).

Стр. 75. *«Что радикальные потребны тут лекарства».* — Цитата из монолога Репетилова в «Горе от ума» Грибоедова (д. 4, явл. 5).

Стр. 76. *...Норденшельдов запретить.* — Нильс Адольф Эрик Норденшельд (Nordenskiöld; 1832—1901) — шведский полярный исследователь. В 1878—1879 гг. на зверобойном судне «Вега» впервые совершил сквозное плавание северо-восточным проходом из Атлантического океана в Тихий. Именем Норденшельда, в частности, были названы залив и мыс Новой Земли. В 1880 г. на русском языке вышла книга Норденшельда «Шведская полярная экспедиция 1878—1879 гг. Открытие северо-восточного прохода». В этом же году выдающийся полярный исследователь совершил триумфальную поездку по России, широко освещавшуюся в прессе. Так, в статье «Приезд Норденшельда» газета Суворина давала ему восторженную характеристику: «...один из знаменитейших деятелей нашего времени <...> первый, решивший вопрос о плавании по Сибирскому океану, веками считавшемуся недоступным для судоходства. Мы должны также с гордостью вспомнить, что барон Норденшельд родился в пределах Российской империи от русских подданных и что только случайное недоразумение послужило причиною, почему наше государство не имеет уже права прибавить к числу своих знаменитых сынов и имя барона Норденшельда. Человек, так благородно отплативший стране, не оценившей его в свое время, представляет высокопоучительный пример и с нравственной стороны» (*НВр*, 1880, 20 декабря, № 1730).

Стр. 76. *Ну ты мрачен, тебя не надо...* — Достоевский, по предположению Л. М. Розенблюм (*ЛН*, т. 83, стр. 77), иронизирует над запомнившимися ему словами историка Д. И. Иловайского, сказанными на заседании Общества любителей российской словесности 16 февраля 1875 г. Достоевский писал жене 10 июня 1875 г.: «Иловайский громко провозгласил, что нам (любителям) не надо мрачных романов, хотя бы и с талантом (то есть моих), а надо легкого и игривого, как у графа Толстого».

Стр. 77. *...фешенью.* — Светским обществом (от англ. fashion).

Стр. 77. *О, иезуит есть вещь, а прочее всё гиль.* — Перифраз реплики Репетилова: «Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль» (А. С. Грибоедов, «Горе от ума», д. 4, явл. 6).

Стр. 78. *Изгнанных из Франции отцов иезуитов, капуцинов, бернардинов...* — Министр просвещения Франции Жюль Ферри (1832—1893) еще в марте 1879 г. внес в Сенат законопроект о реформе высшего образования со статьей, запрещавшей преподавать в светских школах лицам, принадлежащим к «неутвержденным конгрегациям». Клерикальная партия ожесточенно противилась утверждению законопроекта, но большинство Сената было за эту меру и — более того — одобрило так называемые декреты 29 и 30 марта, предусматривающие закрытие католических конгрегаций (объединений монастырей, принадлежащих к одному монашескому ордену — иезуитскому, например). Однако министерство Ж.-Л. де Сольс де Фрейсине (1828—1923) не решилось на проведение в жизнь «декретов». После падения министерства Фрейсине (19 сентября 1880 г.) новый кабинет возглавил Ж. Ферри (23 сентября), развернувший бурную деятельность по закрытию монастырей при активном вмешательстве полиции. В сельской местности упразднение конгрегаций вызвало вооруженное сопротивление монахов и крестьян, — и эти столкновения в самых мрачных красках описывались «Московскими ведомостями» Каткова. Но в городах, в том числе и в Париже, клерикалы были в ничтожном меньшинстве, о чем неоднократно писал в «Новом времени» А. Молчанов, корреспонденции которого Достоевский читал с явным пристрастием (см. выше, стр. 323). Молчанов, в частности, сообщал в корреспонденции из Парижа (отдел «Внешние известия»): «...я не видел и не слышал среди так называемого „народа“ ничего похожего хоть издали на сочувствие к конгрегациям. Это я могу засвидетельствовать с полной совестью и с полным убежде-

нием. Надо полагать, что уж очень много сердца накопилось в этом народе против аристократической церкви, если ни запечатание храмов, ни разбитие в одно утро более сотни келий в одном только Париже. ни раны. ни убийства при этом погроме, ни правильная атака на монастырь-замок в Тарасконе не производят даже подобие того впечатления. на которое рассчитывали консерваторы» (*НВр*, 1880, 31 октября, № 1680).

Стр. 78. *Остров Новую Землю подарить Норденшельду ∾ открыл Сибирь 300 лет после Ермака.* — Ермак Тимофеевич (ум. 1585) совершил в 1581—1582 гг. поход в Западную Сибирь. В 1881 г. исполнилось 300 лет с начала похода Ермака. Об этой знаменательной дате часто писали газеты. Например: «Осенью в Географическом обществе начаты будут работы по составлению обзора географической деятельности в Азиатской России, который будет издан в память исполняющегося трехсотлетия со времени перехода Ермака за Урал» («Молва», 1880, 18 июня, № 166, «Хроника»).

Стр. 79. *Как всё книжно, свысока. ∾ в облако славы своей замыкаются.* — Помета рядом с этим текстом («Русь») позволяет точно определить объект и смысл полемических выпадов Достоевского, повторившего, но в гораздо более резкой форме, свою критику передовых статей и других материалов первых номеров еженедельника «Русь» в письме от 3 декабря 1880 г. И. С. Аксакову (подробнее об этом см. выше, стр. 286—287). Повторяет Достоевский здесь и свои слова о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя, но на этот раз прямо перенося критику на статьи редактора и сотрудников «Руси»: «Заволакиваться в облака величия (тон Гоголя, например, в «Переписке с друзьями») — и есть неискренность, а неискренность даже самый неопытный читатель узнает чутьем. Это первое, что выдает» (письмо от 4 ноября 1880 г. И. С. Аксакову). См. также наст. изд., т. XXV, стр. 321).

Стр. 80. *Речь профессора Вирхова («Новое время», № 1745, 6-го января, вторник).* — Р. Вирхов (1821—1902) в речи на митинге, организованном прогрессистской партией в Берлине, выступил против любых ограничений прав граждан по национальным или партийным признакам. Достоевского заинтересовало следующее место о Вирхове в пересказе публициста газеты («Ежедневное обозрение»): «Все его доказательства сводились к тому, что государство не имеет специфического христианского характера. а есть община полноправных граждан, какой бы веры они ни были. Это была речь в защиту свободы совести, полноправности и равенства граждан...».

Стр. 80. *Крюцификсы.* — Распятия (от франц. crucifix).

Стр. 81. ...*«на суровую ∾ экономию в духе и силе Петра, если б тот захотел экономить».* — Противоречия в отношении Достоевского к реформам Петра I (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 298) усилились в 1870-е годы. Высказывания Достоевского о «нигилисте» Петре I в последние годы жизни писателя были необыкновенно резки (см., например, запись от 15 февраля 1880 г. в дневниках С. И. Смирновой: *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 275). Но в то же время он восхищался политической энергией Петра I, «силой», резко отличающей его от робких и непоследовательных современных деятелей. Во многом, кстати, аналогичной была и точка зрения А. С. Суворина, писавшего в статье «Об уме и познании» на тему «увенчания здания»: «...что-нибудь одно: нет здания — стройте его с энергией Петра, есть здание, но оно расшаталось — укрепляйте его всеми силами и средствами против бури и непогоды» (*НВр*, 1880, 7 декабря, № 1717).

Стр. 83. *Бестолковейшая статья «Нов‹ого› времени» о Гамбетте и прочности республики.* — Достоевский, неизменно выступавший против парижских корреспонденций Молчанова и других статей и сообщений в «Новом времени» о Франции, назвал так заметку во «Внешнем обозрении» о недавних муниципальных выборах во Франции, противоречащую его собственным пророчествам о неминуемой гибели Запада и восхваляющую успехи администрации Гамбетты: «Десять лет хорошего управления, десять лет свободы, мира и благосостояния сами собой создали респуб-

лику ‹...› Французская республика укоренилась в самом мощном слое, в простом народе; возможна ли реакция, если нет материала, нет сил для какой бы то ни было реставрации ‹...› За Гамбеттою и его сотрудниками стоит теперь огромная армия исполнителей, почти в каждом городе, в каждой сельской общине. ‹...› Монархическая оппозиция пала, реакционная расстроена, усилились довольно значительно оппозиционные элементы на левой стороне. Это приращение лишено революционного значения; если радикальные и социалистические элементы с площади перешли в совещающиеся и решающие собрания, то эта перекочевка не может считаться опасностью, скорее она ослабляет агитационную силу немногих сторонников коммуналистического переворота. По крайней мере, Франция давно не была так довольна и спокойна, как в настоящее время» (*НВр*, 1881, 9 января, № 1748).

Стр. 83. *№ 1748 9 январ‹я› ∾ Замечательн‹ый› № «Нового времени».* — В этом номере газеты Достоевскому, вероятно, показались «замечательными» материалы, освещающие ход военных действий под Геок-Тепе, а также всегда внимательно читаемые писателем «Литературные очерки» В. П. Буренина (с язвительной критикой последних произведений П. Д. Боборыкина и Г. П. Данилевского) и — особенно — полемическая заметка «Речь не Антония и не о Бруте», направленная против либеральной «Страны» Л. Полонского и в защиту «Руси» И. Аксакова: «Спокойная, рассудительная „Страна“ идет походом на „Русь“. Она вооружилась всеми бранными доспехами и разит г-на Аксакова: и болтун-то он, и ограниченный человек, и даже официозный публицист. „Берег“ прекратился, восклицает „Страна“: „есть незанятое место ... С богом...“. Но этого мало. „Страна“ восклицает, что „свобода сравнений, *даруемая* красноречию (то есть г-ну Аксакову), есть *плата за советы об отсрочке всяких уступок*“. Это великолепно и великодушно! Продался Аксаков, Аксакова купили, того самого Аксакова, которого русская литература и русское общество знает в течение 25-ти лет как честнейшего человека и литератора. Но в мире нет невозможного и невозможное становится возможным, когда это говорит „Страна“, потому что „Страна“ — честная женщина».

Стр. 83. *Он уже старец...* — Кавелин. Достоевский, возможно, обратил внимание на такие признания Кавелина, как человека «сороковых годов», в «Заметке» («Молва», 1880, 20 февраля, № 51): «Искренно и глубоко сожалею, что М. Н. Катков позволил себе увлечься гневом и страстью до забвения правды, до клеветы, особливо в такую трудную для России минуту, какова теперешняя. Роль наша, людей сороковых годов, сыграна, и мы уже не можем принимать участия в современной жизни в качестве деятелей. Если мы еще можем быть полезны нашей родине, то только нашей опытностью, нашим беспристрастием и словом правды; в них краса старости и право на сочувствие и уважение новых поколений. ‹...› Мы, представители другой эпохи, люди прошедшего ‹...› осужденные летами на роль зрителей, больше чем кто-либо должны быть выше гнева и страстных увлечений любимыми мыслями; мы должны видеть и понимать и те стороны явлений и событий, которые борющиеся партии не замечают в пылу борьбы...».

Стр. 84. *«Новое время» № 1751. 12 января/81 г. Понедельник. Письмо студента А. Ф. (в «Новор‹оссийском› телеграфе») о правах студентов.* — «Новое время» в разделе «Среди газет и журналов» выделило опубликованное в «Неделе» письмо новороссийского студента А. Ф., «высказывающего несколько дельных замечаний по так называемому студенческому вопросу. Г-н А. Ф. категорически и без всяких оговорок в основу своих соображений ставит ту несомненную истину, что главная цель университетов — „дать студентам знание“». Сочувственно пересказывается в «Новом времени» скептическое мнение А. Ф. о кассах, кухмистерских и «других вольностях, о которых хлопочут студенты». «Справедливым» находит газета и такое замечание А. Ф. «насчет более заманчивых прав»: «Права нужны всем; они не должны составлять специального предмета желаний для одних университетов и прочих учебных заведений, они, следовательно,

не составляют чисто студенческого вопроса. И к чему эти права и привилегии в стенах университета, если вне их таковых не существует? Когда общественная жизнь изменит теперешнюю свою физиономию, тогда и университетские дела примут сами собою приличный им облик; до тех же пор студентам надо учиться, и только учиться, и даже не только до тех пор, но и после».

Стр. 84. *«Москов‹ские› ведом‹ости›» 1881 г. № 9, пятница, 9 января. Передовая о школах и о мнениях «Вестника Европы».* — Продолжая полемику с «педагогическими» статьями «Вестника Европы», газета Каткова обрушилась с резкими обвинениями на январскую книжку журнала: «Всё яснее, всё определеннее высказываются наши фельетонные педагоги о том идеале, к которому, по их мнению, необходимо привести наши среднеобразовательные заведения. Мы уже знаем, как желают они, „безо всякой впрочем ломки“, уничтожить *учебную* программу наших гимназий, чтобы нашим детям так же „легко“ было учиться, как некогда Митрофану Простакову. Теперь они уже идут дальше и с яростью накидываются на *воспитательную* деятельность школы, требуя уничтожения всякой дисциплины ‹...› „Вестник Европы“, требуя отмены правил относительно религиозных обязанностей учеников, настаивает также и на отмене правил об учении, с соблюдением порядка и приличия вне стен учебного заведения, об отношениях к начальникам и наставникам, всех правил, которыми держится вообще жизнь школы. Полная анархия — вот идеал, к которому эти господа хотят привести как наше государство, так и нашу школу. ‹...› Что это такое? Бред сумасшедшего, бессмысленный лепет ребенка или нахальная насмешка над русской публикой?».

Стр. 85. *Это очень ретроградно от вас, г-н Кавелин.* — Можно предположить, что Достоевский имеет в виду следующее рассуждение Кавелина о Петре I и его «деле»: «Но с Петром и его делом случилось то же, что всегда почти, естественно, случается со всеми великими учениями и великими делами: основная мысль расплывается в применениях и подробностях и мало-помалу забывается, а они выдвигаются на первый план, становятся главным, существенным делом ‹...› Дело Петра, в неумелых и неталантливых руках преемников его власти, а не его гения, быстро перешло в рутину и шаблон ‹...› Европеизм, орудие образования, по мысли Петра и государственных деятелей его школы, превратился в орудие угнетения и отворил настежь двери в Россию всевозможным европейским авантюристам и проходимцам, которые, под мантией европейского просвещения, обделывали свои дела или служили интересам, чуждым или враждебным интересам страны» (*ВЕ*, 1880, № 11, стр. 435).

Стр. 85. *Что станет теперь говорить княгиня Марья Алексевна.* — Переиначенные слова Фамусова (А. С. Грибоедов. «Горе от ума», д. 4, явл. 15): «Ах! боже мой! что станет говорить // Княгиня Марья Алексевна?».

Стр. 85. *Убеждение же человечества в соприкосновении мирам иным ∾ весьма значительно.* — Аналогичные мысли Достоевский высказывал неоднократно, в том числе в «Братьях Карамазовых» (см. наст. изд., т. XIV, стр. 290; т. XV, стр. 569) и «Сне смешного человека» (т. XXV, стр. 111—115).

Стр. 86. *По морю яко посуху.* — См.: Послание к евреям, гл. 11, ст. 29.

Стр. 87. *Комедия Грибоедова гениальна, но сбивчива ∾ и в Европе та же.* — См. выше, примеч. к стр. 44.

Пойду искать по свету... — Слова Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. 4, явл. 14).

РАЗРОЗНЕННЫЕ ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

(Стр. 88)

Печатаются по автографам: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.16, 66 и 67 (№№ 66 и 67 — записи на страницах газет: *МВед*, 1880, 1 декабря, № 333 и *НВр*, 1880, 9 декабря, № 1719).

Опубликованы: *Описание*, стр. 137—138.

В собрание сочинений включаются впервые.

Почти все наброски отразились в «Дневнике писателя» 1881 г. (см. стр. 5—40).

ОТРЫВОЧНЫЕ ЗАПИСИ, СЛОВЕЧКИ, ВЫРАЖЕНИЯ

(Стр. 89—90)

‹1864›

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.8.

Впервые опубликовано: *Описание*, стр. 139.

Стр 89. *Стушевался* — Этому словечку посвящена главка «Дневника писателя» за 1877 г. «История глагола „стушеваться"» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 65—67).

‹1865›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.4.

Впервые опубликовано: *Описание*, стр. 139.

‹1867›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.6.

Впервые опубликовано: ‹1›, ‹2› — *Описание*, стр. 140; ‹3› — публикуется впервые.

‹1870›

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.1.

Впервые опубликовано: *Коншина*, стр. 181.

‹1872›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.9.

Впервые опубликовано: *Коншина*, стр. 346.

‹1876—1877›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.16. Публикуется впервые.

‹1877›

Печатается по автографу: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29926 (на конверте анонимного письма к Достоевскому от 19 марта 1877 г.).

Впервые опубликовано: *Описание*, стр. 519.

‹б. д.›

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.58. Впервые опубликовано: *Описание*, стр. 143.

ЗАПИСИ ЛИЧНОГО И ИЗДАТЕЛЬСКОГО ХАРАКТЕРА ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК И РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ 1860—1881 гг.

(Стр. 91—118)

Публикуемые в хронологической последовательности материалы данного раздела извлечены из записных книжек, рабочих тетрадей и творческих рукописей Достоевского.

Как известно, писатель регулярно не вел дневников. Тем не менее материалы дневникового характера (некоторые из них так и озаглавлены: «Дневник» (стр. 105), «Дневник по журналу» (стр. 106), «Дневник лечения в Эмсе. 1874» (стр. 108)) встречаются среди сохранившихся рукописей с 1855 г. (более ранние автографы до нас не дошли).

Первостепенную важность представляют собою подневные записи, связанные с изданием журналов «Время», «Эпоха» «Гражданин» и «Дневник писателя» (1862—1877 гг.).

Так, записи 1862 г. («Написать: Бакаипну ∾ Штрандману» — стр. 91) свидетельствуют о том, что Достоевский вместе с М. М. Достоевским занимался редакционными делами этого журнала; записи же периода «Эпохи» (стр. 92—98) показывают, насколько напряженной была жизнь писателя все эти годы: он должен был читать и просматривать огромное количество рукописей, вести переписку с авторами, встречаться с цензорами, решать чисто технические вопросы.

Значительный интерес представляют также списки книг, которые Достоевский собирался прочитать (или перечитать) либо приобрести (см. стр. 93, 106, 111—112, 115). Списки эти могут послужить для уяснения определенных моментов творческой истории создававшихся (или задуманных) в это время произведений, показать особую направленность интересов писателя, их многообразие.

Материалы личного, биографического характера, содержащиеся в разделе, послужат серьезным подспорьем для создания документированной биографии писателя. Все они относятся к 1860—1881 гг. Из более ранних рукописей биографические материалы содержит лишь так называемая Сибирская тетрадь. В ней обнаруживается целый дневник, состоящий из одиннадцати записей, относящихся к 1855—1860 гг., и отражающий различные моменты отношений Достоевского с М. Д. Исаевой. (Знакомство ссыльного писателя с нею началось в Семипалатинске весной 1854 г., а в 1857 г. в Кузнецке состоялось их венчание.) Большая часть этих записей была Достоевским зашифрована, и поэтому долгое время их смысл оставался неясным.[1] Сюда же примыкает еще один биографический документ, относящийся к 1857 г. Он озаглавлен писателем как «Ultimatum» и содержит перечень предстоящих семейных покупок (*ГБЛ*, ф. 93.I.3.20).

Среди деловых, рабочих заметок по журналам нередко появляются чисто личные пометы (см., например, запись на стр. 93 и примеч. к ней).

Особое значение имеют содержащиеся среди разных записей перечни писем, которые писатель собирался написать. Перечни эти расширяют сведения о круге знакомых Достоевского, а порою и позволяют значительно расширить список не дошедших до нас его писем или подсказать источники, к которым следует обратиться в поисках подобных писем. Одна из записей помогла в ходе работы над настоящим томом определить фамилию адресата письма некоему «корректору» (запись «Говор‹ить› с Будаевским в 12 часов» — см. стр. 94 и примеч. к ней).

Носящие, казалось бы, чисто практический характер записи («отметки», «заметки», «замечания» — стр. 99—104) о припадках (они, вероятно, делались по совету врачей) содержат порою важные факты, отражающие состояние текущей творческой работы писателя. Так, на лист-

[1] См. об этом в публикации Т. И. Орнатской: *Материалы и исследования*, т. V, стр. 222—225.

ках с записями припадков за 1870—1871 гг. выделяется слой, связанный с различными этапами создания романа «Бесы» («Предстоят жаркие месяцы, страшный усиленный труд — роман в „Русский вестник“ (не надеюсь на него)» — стр. 102; «Бьюсь с 1-й частью романа и отчаиваюсь» — стр. 102; «Роман решительно бракуется (ужасно!)» — стр. 103) и т. д.

В раздел не включены многочисленные перечни долгов, свидетельствующих о трудной бытовой жизни писателя и не оставлявших его почти до последних лет жизни, приходо-расходные записи, связанные с журнальной деятельностью и книжной торговлей, и различные отметки чисто бытового плана (записи белья, мелких расходов и т. д. и т. п.). Не вошли сюда записи адресов, пометы на письмах корреспондентов, надписи на книгах и фотографиях (они печатаются в VI томе серии «Достоевский. Материалы и исследования»). Часть биографических материалов вошла в более ранние тома (см. т. XVII, стр. 14 (2), 24, 28; т. XX, стр. 172—175 (запись от 16 апреля «Маша лежит на столе...») и стр. 177 («Станция Тверь...»)).

В Собрание сочинений все материалы данного раздела включаются впервые.

‹1860—1862›

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.6.

Впервые опубликовано в составе записной книжки 1860—1862 гг.: *ЛН*, т. 83, стр. 125—156.

Стр. 91. NB ∾ *насчет билета Авдотьи* — Речь идет о найме и оформлении прислуги.

Стр. 91. *Припадки* ∾ *(средний)* — Первая запись припадков эпилепсии (см. об истории развития ее у Достоевского в воспоминаниях С. Д. Яновского: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 153—175 и А. Е. Ризенкампфа — *НВр*, 1881, 1 марта, № 1798). А 16 декабря 1857 г. лекарь 7-го Сибирского линейного батальона записал в «Свидетельстве» рядового Достоевского: «...лет ему от роду 35, телосложение посредственное, в 1850 году в первый раз подвергся припадку падучей болезни (Epilepsia), которая обнаружилась: вскрикиванием, потерею сознания, с судорогами конечностей и лица, пеною перед ртом, хрипучим дыханием с малым, скорым, сокращенным пульсом. Припадок продолжался 15 минут. Затем следовала общая слабость и возврат сознания. В 1853 году этот припадок повторился и с тех пор является в конце каждого месяца.

В настоящее время г-н Достоевский чувствует общую слабость сил в организме при истощенном телосложении и частовременно страдает нервною болью лица вследствие органического страдания головного мозга» (*ЛН*, т. 22—24, стр. 729; см. также в письме Е. А. Рыкачевой А. М. и Д. И. Достоевским — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 302—304).

Стр. 91. *Дрезден* ∾ *Париж* — Запись предполагаемого маршрута поездки за границу. Достоевский выехал из Петербурга «на Берлин» 7 июня 1862 г. и побывал в Германии, Франции и Англии. По пути маршрут менялся (см. об этом письмо к Н. Н. Страхову от 26 июня (8 июля) 1862 г.).

Стр. 91. ...*Баканину* — Вольнослушатель юридического факультета Петербургского университета Анатолий Иванович Баканин был в числе постоянных сотрудников журнала «Время» и выступал с очерками и переводами, касающимися старых уголовных дел (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 265), а также выполнял корректорские работы. Было ли написано это письмо, неизвестно.

Стр. 91. ...*Валиханову* — С казахским просветителем и этнографом Чоканом Чингисовичем Валихановым (1835—1865) Достоевский познакомился в Омском кадетском корпусе, потом встречался в Семипалатинске и Петербурге. Было ли написано упоминаемое письмо, неизвестно.

Стр. 91. ...*поэту* — О ком идет речь, установить не представляется возможным.

Стр. 91. ...*Штрандману* — Роман Романович Штрандман (ок. 1823—1869?), литератор-петрашевец; вероятно, Достоевский собирался писать ему в связи с опубликованным в № 2 «Времени» за 1861 г. его переводом «Процесса Ласенера». Письмо это нам неизвестно (подробнее см.: И. А. Битюгова. Достоевский и Р. Р. Штрандман. — *Материалы и исследования*, т. V, стр. 194—204, а также наст. том, стр. 167—174.

Стр. 91. ...*Настасье Петровне* — Личность не установлена.

Стр. 91. ...*Гейбовичу* — Вероятно, Достоевский собирался ответить на письмо своего семипалатинского ротного командира Артемия Ивановича Гейбовича (ум. 1865) от 25 марта 1860 г. (см.: «Простор», 1971, № 11, стр. 108—110). Было ли написано это письмо, неизвестно (сохранилось лишь одно письмо Достоевского к Гейбовичу — от 23 октября 1859 г.; подробнее об отношениях Достоевского с Гейбовичем и его семьей см. в кн.: Н. П. Ивлев. Находки краеведа. Алма-Ата, 1977, стр. 60—65; см. также: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 300—301).

Стр. 91. ...*у Дебу* — Речь идет об одном из братьев-петрашевцев Дебу: Константине Матвеевиче (1810—1868) или Ипполите Матвеевиче (1828—1890); в этой же записной книжке содержатся адреса их обоих.

Стр. 91. ...*у Смирнова* — Возможно, Достоевский собирался посетить Владимира Яковлевича Смирнова, которому в 1861 г. был им подарен экземпляр «Униженных и оскорбленных» (см. об этом: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 107); в этой же записной книжке содержится его адрес.

Стр. 91. ...*у Кашина* — Вероятно, Достоевский собирался встретиться с врачом Александром Петровичем Кашиным (1813—1869), с которым был дружен. Не исключено, однако, что Кашиным писатель называет петрашевца Н. С. Кашкина (1829—1914), с которым встречался в 1861 г. во время пребывания последнего в Петербурге (подробнее см. наст. изд., т. XVIII, стр. 349).

Стр. 91. ...*у Фермора* — Речь идет о военном инженере Павле Федоровиче Ферморе (1810—1888) (подробнее о нем см.: *ЛН*, т. 49—50, стр. 211—212).

‹1863—1864›

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.7.

Впервые опубликовано в составе записной книжки 1863—1864 гг.: *ЛН*, т. 83, стр. 171—198.

Стр. 92. *В‹арваре› Д‹митриев›не посылать всё Маше* — Речь идет о сестре жены писателя В. Д. Констант и М. Д. Достоевской. Последняя жила в это время в Москве. Эта и последующие записи связаны, вероятно, с предстоящей заграничной поездкой Достоевского.

Стр. 92. *Написать в Москву, когда ворочусь.* — Достоевский выехал за границу в первых числах августа 1863 и вернулся в Петербург во второй половине октября этого же года; в конце месяца он ездил в Москву.

Стр. 92. *Соню попросить...* — Речь идет о племяннице Достоевского Софье Александровне Ивановой (1847—1907).

Стр. 92. *«Горе от ума»* — Запись связана с создававшимися в это время очерками «Зимние заметки о летних впечатлениях», в которых впервые Достоевский упоминает Чацкого в качестве оторванного от почвы человека (см. наст. изд., т. V, стр. 62, 367—368).

Стр. 92. *А‹лександру› П‹авлови›чу...* — А. П. Иванову (1813—1868), мужу сестры писателя Веры Михайловны.

Стр. 92. *Брату...* — М. М. Достоевскому (о нем см. наст. изд., т. XX, стр. 330).

Стр. 92. *Шестакову...* — Собираясь за границу, Достоевский намеревался устроить пасынка П. А. Исаева на полный пансион в семью какого-нибудь педагога и, вероятно, говорил об этом с Н. Н. Страховым.

Страхов обратился к знакомому педагогу Ивану Алексеевичу Шестакову, и тот с готовностью принял предложение Достоевского (см. об этом в его письме к Страхову: *ЛН*, т. 86, стр. 404; письмо Шестакова здесь датировано неверно: оно написано, конечно же, 2 июня 1863 г., а не 1865 г., что и подтверждается комментируемой записью, а также следующей за нею: «Паше — 25»). Паша был определен к другому педагогу — М. В. Родевичу.

Стр. 92. *В доме за квартиру — 30* — С сентября 1861 по август 1863 г. Достоевский нанимал в Петербурге квартиру в доме А. А. Астафьевой. «состоящем 2 Адмир‹алтейской› части 3 кварт‹ала› под № 118-м» (нынешний адрес — Казначейская ул., д. 1). Он занимал «квартиру под № 4 во втором этаже из пяти комнат с кухнею» (см. контракт — *ИРЛИ*, ф. 100, № 29516).

Стр. 92. *24 июля Eheu* — Запись сделана в 1863 г., в день, когда предполагаемое заграничное путешествие стало реальным: 24 июля Достоевский получил от Литературного фонда взаймы 1500 руб. (см. его письмо к Е. П. Ковалевскому от 23 июля 1863 г. и примеч. к нему) и смог известить ожидавшую его в Париже А. П. Суслову о своем скором приезде. Помета «Eheu» означает здесь, по-видимому, еще одну «веху» в жизни Достоевского и больной М. Д. Достоевской (см.: *Материалы и исследования*, т. V, стр. 222—225).

Стр. 92. *С Филипповым о наборе.* — Юрист Осип Авраамович Филиппов сотрудничал во «Времени» (а позднее и в «Эпохе»). Он же принимал участие в сношениях редакции с типографией, исполняя разные поручения (см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 58—59).

Стр. 92. *Никол‹ай› Петр‹ович› Второв о векселе.* — Имя Н. П. Второва больше Достоевским нигде не упоминается и о каком векселе идет речь, неясно.

Стр. 92. *С Август‹ом› Алекс‹андровичем› о «Загадочных натурах».* — «Загадочные натуры» — роман Ф. Шпильгагена, напечатанный в особом приложении к №№ 1—2, 3 «Эпохи» за 1864 г. Август Александрович Бергман — типографский служащий, родственник Э. Ф. Достоевской.

Стр. 92. *О цензуре — с Туруновым.* — Михаил Николаевич Турунов (1813—1890) был председателем С.-Петербургского цензурного комитета и имел самое непосредственное отношение к запрещению «Времени». Вероятно, Достоевский собирался говорить с ним о возможности продолжать журнал.

Стр. 92. *Быть в заседании Литературного фонда.* — В январе 1863 г. Достоевский был избран кандидатом в члены комитета Литературного фонда. 20 июля 1863 г., вынужденный просить в Комитете пособие для поездки за границу, он подал заявление об отказе от звания члена Комитета. (См. обращение его от этой даты к председателю Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым Е. П. Ковалевскому).

Стр. 92. *К Ламанскому...* — Речь идет о бывшем петрашевце Порфирии Ивановиче Ламанском (1824—1875; подробнее о нем см. наст. изд., т. XVII, стр. 409).

Стр. 92. *К Базунову.* — С издателем и книгопродавцем Александром Федоровичем Базуновым (ум. 1899) Достоевский был связан с 1862 г., со времени издания им «Записок из Мертвого дома».

Стр. 92. *Гинтерлах NB.* — Вероятно, речь идет о долге писателя петербургскому купцу Гинтерлаху, жене которого, Елене-Генриетте, в 1875 г. Достоевский с Э. Ф. Достоевской выдали вексель в 500 руб. сроком на 12 месяцев (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 194).

Стр. 92. *Со Страховым.* — Критик и философ Николай Николаевич Страхов (1828—1896) в годы издания «Времени» и «Эпохи» был ближайшим сотрудником Достоевского.

Стр. 92. *О романе, продолж‹ение› Шпильгаг‹ена›* — Роман Ф. Шпильгагена «Из мрака к свету» (продолжение его же «Загадочных натур») печатался в «Эпохе» в 1864 г. (№№ 8—12).

Стр. 92. *О «Токее» (Долгомостьева спросить).* — Сотрудник «Времени» Иван Григорьевич Долгомостьев (ум. 1867) продолжал работать и в «Эпохе».

Что за вопрос разрешал с ним Достоевский по роману Ч. Сильсфильда «Токеа, или Белая роза», неясно (повесть печаталась в особом приложении к №№ 5—7 «Эпохи» за 1864 г.).

Стр. 93. *О «Белой розе».* — См. предыдущее примеч.

Стр. 93. *И выхныкивала эту тысячу у тетки.* — Запись относится к сестре писателя Варваре Михайловне Карениной (1822—1893), жившей до замужества у тетки Александры Федоровны Куманиной (рожд. Нечаевой, 1796—1871). Эти слова почти буквально повторяются в письме Достоевского к М. М. Достоевскому от 23 апреля 1864 г. («Насчет Вареньки ‹...› при теперешнем ее собственном клянчении тысячи рублей...»).

Стр. 93. *План общего собрания сочинений* — Речь идет о четырехтомном собрании: «Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Вновь просмотренное и дополненное самим автором издания. Изд. Ф. Стелловского», выходившем в С.-Петербурге в 1865—1870 гг.

Стр. 93. *Том 1. Тот же, как и в издании Основского...* — Т. е. в издании: Ф. М. Достоевский. Сочинения, тт. I—II. Изд. Н. А. Основского, М., 1860. В этом первом издании Сочинений Достоевского в I том вошли: «Бедные люди», «Неточка Незванова», «Белые ночи», «Честный вор», «Елка и свадьба», «Чужая жена и муж под кроватью» и «Маленький герой». В издании же Стелловского состав его далеко «не тот же». Сюда вошли: «Хозяйка», «Господин Прохарчин», «Слабое сердце», «Записки из Мертвого дома», «Бедные люди», «Белые ночи» и «Честный вор».

Стр. 93. *Том 2. ∾ «Двойник» переделанный.* — Второй том также вышел в ином виде. В него вошли: «Униженные и оскорбленные», «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже», «Скверный анекдот», «Записки из подполья» и «Зимние заметки о летних впечатлениях». «Двойник» вошел в следующий том.

Стр. 93. *Том 3. ∾ «Записки из подполья».* — В том этот вошли: «Игрок», «Двойник», «Елка и свадьба», «Чужая жена и муж под кроватью», «Маленький герой», «Неточка Незванова», «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». О характере переработки «Двойника» см.: наст. изд., т. I, стр. 485—486, а также стр. 484.

Стр. 93. *Том 4-й ∾ «Из подполья»* — Названные здесь замыслы «Кашкадамов» и «Из подполья» осуществлены не были. В 1869 г. писатель, возможно, вернулся ко второму замыслу в рассказе «Вечный муж», о котором писал Н. Н. Страхову: «У меня есть один рассказ, весьма небольшой ‹...› Этот рассказ я еще думал написать четыре года назад в год смерти брата, в ответ на слова Ап. Григорьева, похвалившего мои „Записки из подполья“ ‹...›. Но это не „Записки из подполья“; это совершенно другое по форме, хотя сущность — та же, моя всегдашняя сущность ‹...›. Этот рассказ я могу написать очень скоро ‹...›. Притом же много уже и записано (хотя еще ничего не написано)» (письмо от 18 (30) марта 1869 г.).

Стр. 93. *Рассказы Фатеева отыскать.* — А. М. Фатеев начал печататься еще во «Времени». В «Эпохе» появился только его очерк «Ералаш» (№ 7) (правда, возвращена была ему рукопись под заглавием «Венгерский поход» — см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 288).

Стр. 93. *Статью Григорьева отыскать.* — Критик Аполлон Александрович Григорьев (1822—1864) часто печатался в «Эпохе» (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, по указателю имен), и потому неясно, о какой статье идет речь.

Стр. 93. *О «Разладе» — Полонс‹ко›го* — Стихотворная драма Я. П. Полонского «Разлад» появилась в № 4 «Эпохи» за 1864 г. В это же время Достоевский выпускал ее отдельным изданием (подробнее см.: *ЛН*, т. 83, стр. 194).

Стр. 93. *В среду и в субботу в Ценз‹урный› ком‹итет›.* — В июле 1864 г. в связи со смертью брата Достоевский от лица Э. Ф. Достоевской обращался в С.-Петербургский цензурный комитет с просьбой утвердить за ней право продолжать издание «Эпохи» под редакцией А. У. Порецкого (см. также выше, стр. 361; см. наст. изд., т. XX, стр. 255—257).

Стр. 93. *Эм‹илия› Федоровна должна подать прошение ∾ Судья Пурьянской* — Эти записи связаны со смертью М. М. Достоевского.

Стр. 93. *«I Misteri ∾ Caracciolo* — ‹«Тайны неаполитанского монастыря» Эриэты Карачоло (*итал.*)›. — Название разоблачительной автобиографической книги монахини Генриетты Карачоло, бежавшей из бенедиктинского монастыря, куда она была заточена насильно.

Стр. 93. *25 ноября/63 выезд из Москвы.* — Первая помета следующего далее ряда биографических записей, сделанных в 1864 г., не случайна; в середине ноября 1863 г. Достоевский окончательно перевез больную жену на жительство в Москву, а сам сообщил В. Д. Констант и М. М. Достоевскому (см. письма к ним от 10 и 19 ноября этого года) о своем скором приезде (а фактически — переезде) в Петербург. Таким образом, данная запись дает точную дату выезда писателя из Москвы.

Стр. 93. *16 апреля ‹1864› (Eheu)* — Дата широко известной автобиографической записи «Маша лежит на столе» (см. наст. изд., т. XX, стр. 172—175).

Стр. 93. *2 августа. Утро в Павловске ∾ настоящее.* — Июль-август 1864 г. Достоевский провел в Павловске, где умер М. М. Достоевский. Упоминание в этом контексте «начала» «Дворянского гнезда» могло быть вызвано случайным совпадением имени Марьи Дмитриевны Калитиной с именем недавно умершей жены.

‹1864—1865›

‹1›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.3.

Впервые опубликовано в составе записной тетради 1864—1865 гг.: *ЛН*, т. 83, стр. 201—234.

Стр. 94. *Григорьеву дал для прочтения рукописи «Прихоть» и Кояловича.* — Судьба рукописей Чичагова и Кояловича неизвестна. Вероятно, они были возвращены авторам. См. также примеч. к стр. 98.

Стр. 94. *Тургеневу написать.* — Письмо И. С. Тургеневу было написано 24 августа. Оно не сохранилось (см. о нем в письме Тургенева Достоевскому от 3 (15) октября 1864 г. — *Тургенев, Письма,* т. V, стр. 287). 20 сентября Достоевский вновь обратился к нему с просьбой поддержать «Эпоху», прислав «повесть или роман». Тургенев твердо обещал выполнить просьбу, но «Эпоха» прекратилась.

Стр. 94. *Написать: Колошину* — Было ли написано это письмо, неизвестно. В 1864 г. в «Эпохе» были напечатаны две статьи писателя С. П. Колошина. Первая из них: «Рим, папа и Антонелли» (№ 3), вторая — «Иезуиты и их уложения» (№ 6). Подробнее о Колошине, его статьях и отношении Достоевского к нему см. в кн.: *Нечаева, «Эпоха»,* стр. 89—91.

Стр. 94. *...Серову* — Письмо это А. Н. Серову (1820—1871) неизвестно. Возможно, что речь в нем шла о печатавшейся в 7-м номере «Эпохи» (ценз. разр. — 19 сентября 1864 г.) статье композитора «Заметка современного знаменитого мыслителя (из немузыкантов) о девятой симфонии Бетховена. Перевод и комментарий А. Серова».

Стр. 94. *...Островскому* — Речь идет о письме А. Н. Островскому от 24 августа 1864 г.

Стр. 94. *Ап. Григорьеву написать.* — По-видимому, Достоевский собирался ответить на записку А. А. Григорьева из долгового отделения. Критик просил предоставить ему работу для «Эпохи» (*Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 138). Письма Достоевского к Григорьеву не сохранились.

Стр. 94. *О переводчике с английского для «Токеи».* — Роман Ч. Сильсфильда «Токеа, или Белая роза» был переведен А. К. Герихом (см. также выше, примеч. к стр. 92).

Стр. 94. *24 августа. О Филиппова статье.* — В ближайшем 10-м номере «Эпохи» за 1864 г. появились статьи М. А. Филиппова «Об особых родах гражданского судопроизводства» и О. А. Филиппова «Наши домашние дела». О какой из них идет речь, неясно.

Стр. 94. *О шпонах с Пантелеевым.* — Речь идет об одном из братьев Пантелеевых, владельцев типографии.

Стр. 94. *О «Токее» с Филипповым.* — См. выше, примеч. к стр. 92.

Стр. 94. *О повести Крестовского* — Никаких повестей В. В. Крестовского в «Эпохе» не появлялось. Лишь в №№ 1—2 за 1864 г. был напечатан отрывок из его романа «Петербургские трущобы».

Стр. 94. *Справиться о повести: «Прежде и теперь» Савича.* — Судьба этой повести неизвестна.

Стр. 94. *...«История билета в ложу» Луганьян...* — Эта повесть в «Эпохе» не появлялась.

Стр. 94. *...о векселе Мошарскому (Демис).* — Возможно, Мошарский — это тот «бумажный поставщик», о котором говорится в письмо В. И. Губину от 8 (20) мая 1871 г. Достоевский переписал векселя М. М. Достоевского Л. Н. Демису на свое имя с условием, что тот подождет уплаты по ним.

Стр. 94. *Статью о Петре III дать Порецкому.* — Журналист Александр Устинович Порецкий (1819—1879) вел во «Времени» отдел «Наши домашние дела» (подробнее о нем и отношении Достоевского к нему см. наст. изд., т. XXI, стр. 513). Став после смерти М. М. Достоевского официальным редактором «Эпохи», Порецкий сам писал внутренние обозрения и редактировал часть поступающих материалов. Кому принадлежала статья о Петре III, установить не удалось. В «Эпохе» она не появлялась и в архиве редакции журнала не значится.

Стр. 94. *...данные Тиблену, по листам.* — Речь идет о петербургском издателе Николае Львовиче Тиблене. В его типографии печаталась «Эпоха».

Стр. 94. *К Веселаго съездить объясниться.* — Цензор Феодосий Федорович Веселаго (1817—1895) в письме от 17 августа 1864 г. просил сообщить ему решение редакции по поводу статьи Н. Мундта «Рим», отданной в «Эпоху» еще при жизни М. М. Достоевского (*ГБЛ*, ф. 93.II.228). Вероятно, после этого Достоевский виделся с ним, в результате чего 23 августа Веселаго было отправлено письмо. Статья появилась в августовской книге журнала.

Стр. 94. *Спросить Аверкиева о продолжении Серова.* — 30 августа вышел в свет № 6 «Эпохи» с первой частью статьи А. Н. Серова «Музыка, музыкальная наука, музыкальная педагогика». Вторая часть появилась в № 12. Дмитрий Васильевич Аверкиев (1836—1905) был одним из основных сотрудников журнала.

Стр. 94. *Прочесть Колошина о литературе по польскому вопросу.* — Вероятно, речь идет о только что вышедшей статье С. П. Колошина «Иезуиты и их уложение» (*Э*, 1864, № 6; ценз. разр. — 20 августа 1864 г.).

Стр. 94. *NB. Завтра же составить объявления в «Голос» и проч.* — Вероятно, речь идет об объявлении о выходе № 6 «Эпохи» за 1864 г. (ценз. разр. — 20 августа; выход в свет — 30 августа).

Стр. 94. *Рукопись Кояловича, данная Григорьеву.* — См. стр. 360.

Стр. 94. *20 р. и Благосветлов.* — Редактор журнала «Русское слово» Г. Е. Благосветлов (1824—1880) содействовал подписке на «Эпоху» и отправлял в журнал некоторые материалы, не нужные для своего журнала (см. запись: «№ 113/167. Несколько заметок на старую тему. (Прислано от Благосветлова)» — *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 284).

Стр. 94. *«Наши браконьеры».* — Легенда беллетриста и педагога Н. Ф. Бунакова (1837—1904) «Наши браконьеры» появилась в № 12 «Эпохи» за 1864 г.

Стр. 94. *...(потеряны рукописи ∾ Торчинскому.* — Судьба рукописей В. С. Неклюдова, Луганьян и Торчинского неизвестна.

Стр. 94. *29 ‹августа›. О прошении Горского.* — Запись вызвана просьбой писателя-очеркиста Петра Никитича Горского (1826—1877) о пособии

из Литературного фонда (подробно о Горском и отношении к нему Достоевского см. в публикации Е. М. Хмелевской — *Достоевский и его время*, стр. 255—267).

Стр. 94. *Говор‹ить› с Будаевским в 12 часов.* — Запись связана с письмом корректора «Эпохи» Н. Будаевского от 28 августа 1864 г., в котором содержалась просьба доплатить к 30 руб. еще 10 руб. за чтение корректур на основании того, что другие корректоры журнала получают за «каждую книжку» по 40 руб. Письмо заканчивалось просьбой: «Дорожа временем и боясь не вовремя прийти в редакцию, я посылаю при сем конверт с моим адресом и почтовой маркой, в той надежде, что Вы будете так добры, что не откажетесь уведомить меня о времени, в которое я могу прийти за получением остальных 10 руб.» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29652). Благодаря этой записи можно установить адресата и точную дату письма Достоевского, условно обозначенного А. С. Долининым как письмо «корректору» и датированного им приблизительно июлем 1864 (*Д, Письма*, т. IV, стр. 271—272). Письмо, а вернее два черновика и последнее письмо-записка написаны Будаевскому в тот же день, когда было получено его письмо, и на следующий же день, т. е. 29 августа, ему назначалась встреча.

Стр. 94. ... *дать ответ о статье «История одного еврея».* — Возможно, что названная статья принадлежала писателю Аркадию Григорьевичу Ковнеру (1842—1909). Подробно о нем и отношении Достоевского к нему см. в комментарии А. С. Долинина — *Д, Письма*, т. III, стр. 377—382, а также: Л. Гроссман. Исповедь одного еврея. М.—Л., 1924.

Стр. 94. *«Дети корчмаря» дать ответ через месяц.* — Судьба этой рукописи неизвестна.

Стр. 95. *Повидать Порецкого («Наши домашние дела»).* — См. выше, примеч. к стр. 94.

Стр. 95. *Завтра быть в Обуховской...* — Речь идет об Обуховской больнице, в психиатрическом отделении которой в это время находился П. Н. Горский (см. также примеч. к стр. 94).

Стр. 95. ... *у Гаевского...* — К Виктору Петровичу Гаевскому (1826—1880), одному из руководителей Литературного фонда, вероятнее всего Достоевский собирался обратиться в связи с прошением Горского о помощи.

Стр. 95. ... *у С‹услово›й...* — Речь идет о писательнице Аполлинарии Прокофьевне Сусловой (1840—после 1916), с которой Достоевский в это время был близок. 30 августа 1864 г. вышел № 6 «Эпохи» с рассказом Сусловой «Своей дорогой». Возможно, запись связана с этим фактом.

Стр. 95. *2 ‹сентября›. Письмо Головачеву ∾ 3 ‹сентября› ∾ Головачеву письмо и деньги.* — Это письмо Достоевского публицисту Алексею Андриановичу Головачеву (1819—1903) неизвестно. Но сохранилось ответное письмо Головачева от 16 сентября 1864 г., проясняющее его содержание. Прежде всего, Достоевский просил своего сотрудника помнить при написании политического обозрения о возможных цензурных осложнениях. Головачев писал в ответ на это: «Мне кажется, что с нашими порядками едва ли можно угадать, что цензурно и что нет. В особенности это трудно о вашим ценз‹ором› г-ном Веселаго» (*ГБЛ*, ф. 93.II.6.98). Во-вторых, Достоевский возвращался к статье Головачева о классическом образовании, написанной для «Эпохи». Подробнее об участии публициста в «Эпохе» и об отношениях его с Достоевским см. наст. изд., т. XX, стр. 345—346.

Стр. 95. *Корректуру Филиппову послать (остальное).* — Речь идет о корректуре статьи юриста М. А. Филиппова «Об особых родах гражданского судопроизводства. Статья первая» (*Э*, 1864, № 10, стр. 1—46).

Стр. 95. *4 ‹сентября›. Статью Аверкиева в типографию (немедленно).* — Вероятно, речь идет о статье Д. В. Аверкиева «Значение Островского в нашей литературе», вошедшей в № 7 «Эпохи» за 1864 г. (ценз. разр. — 19 сентября). Не исключено, однако, что имеется в виду некрологическая статья Аверкиева «Аполлон Александрович Григорьев», вышедшая в следующем, 8-м номере журнала (ценз. разр. — 22 октября).

Стр. 95. *«Политическое обозрение» ∾ скорее.* — Ближайшее «Политическое обозрение», принадлежавшее А. А. Головачеву, появилось в № 8 «Эпохи» за 1864 г.

Стр. 95. *Разузнать, где находится рукопись «Из огня в полымя».* — В начале апреля 1864 г. Достоевский, будучи в Москве, познакомился с беллетристом и книгопродавцем Александром Сергеевичем Ушаковым (род. 1836 г.). 31 августа этого же года Ушаков обратился к писателю с письмом, в котором, ссылаясь на предложение самого Достоевского, сделанное еще при встрече в Москве, он предлагал для «Эпохи» свою повесть из купеческого быта под названием «Из огня в полымя». Рукопись повести была отдана им А. Ф. Базунову для передачи в «Эпоху» еще при жизни М. М. Достоевского. Нашлась ли эта повесть и читал ли ее Ф. М. Достоевский, неизвестно: его письма к Ушакову не сохранились. Подробнее об Ушакове и отношениях его с Достоевским см.: *Достоевский и его время,* стр. 268—274.

Стр. 95. *О Колошине* — См. выше, примеч. к стр. 94.

Стр. 95. *5) ‹сентября›. Островскому отвечать.* — Ответ на несохранившееся письмо драматурга, в котором тот обещал к концу года пьесу (вероятно «Шутники») и просил о высылке журналов, был написан только 19 сентября 1864 г. Островский на него не ответил; см. об этом в его письме Достоевскому от 3 января 1865 г.: А. Н. Островский. Полное собрание сочинений в 12-ти томах, т. 11. М., 1979, стр. 194—195.

Стр. 95. *6 ‹сентября›. О Колошине. ∾ Завтра же утром.* — Вероятно, Достоевский собирался ответить на письмо Колошина от 11 августа 1864 г. (*ГБЛ,* ф. 93.II.5.87). Ответ этот неизвестен.

Стр. 95. *Страхова статью «Заметки летописца» в типографию* — Эта статья появилась в № 7 «Эпохи» за подписью *Летописец.*

Стр. 95. *7 ‹сентября›. С Аверкиевым о Бабикове.* — В портфеле «Эпохи» находилась рукопись романа К. И. Бабикова (1841—1873) «Глухая улица» (он был напечатан в №№ 10—12 журнала за 1864 г.).

Стр. 95. *8 ‹сентября›. О наших изданиях (Полонского).* — В 1861—1865 гг. Я. П. Полонский печатался преимущественно во «Времени» и «Эпохе» (см.: *Вр,* 1861, № 3; *Э,* 1864, № 4, 9, 10; 1865, № 1).

Стр. 95. *Заголовок статьи Григорьева ∾ Статья первая).* — Речь идет о статьях А. А. Григорьева «Отживающие в литературе явления. Prolegomena. Д. В. Григорович» (*Э,* 1864, № 7) и М. А. Филиппова «Об особых родах гражданского судопроизводства. Статья первая» (*Э,* 1864, № 10).

Стр. 95. *12 ‹сентября›.. К Ковалевскому.* — Возможно, что запись связана с назревавшим в Литературном фонде конфликтом по поводу получения Достоевским как членом Литературного фонда двух крупных ссуд (см. комментарий к письму Достоевского Е. П. Ковалевскому от 9 мая 1865 г.).

Стр. 95. *«Польша и ее конфедерация».* — Такая статья в «Эпохе» не появлялась.

Стр. 95. *15 сент‹ября› «Пустозерс‹кие› фарисеи»...* — Судьба этой рукописи неизвестна.

Стр. 95. *Об экономич‹еской› степени развития России.* — О какой рукописи идет речь, неясно.

Стр. 95. *«Сила личности». Бунаков «Браконьеры»* — Судьба первой рукописи неизвестна; рукопись Н. Ф. Бунакова «Наши браконьеры. Легенда» была опубликована в № 12 «Эпохи» за 1864 г.

Стр. 95. *Исправить «Записки мирового посред‹ника›» и политическ‹ое› обозрение.* — Имеются в виду «Отрывки из записок мирового посредника» Д. А. Смирнова (печатался под псевдонимом «Вл. Нарпенский»: *Э,* 1864, № 8; 1865, № 2) и политическое обозрение, написанное А. А. Головачевым (там же).

Стр. 95. *Филиппову написать* — Которому из Филипповых — М. А. или О. А. — собирался писать Достоевский, неясно; в № 10 «Эпохи» были опубликованы материалы того и другого.

Стр. 95. *Прил‹ожение› Петрова.* — Возможно, речь идет о рукописи Петрова «Исторический очерк событий в России в 1742—1762», оставшейся ненапечатанной (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 279).

Стр. 96. *Долгомостьева статью.* — Имеется в виду статья И. Г. Долгомостьева «Заметки по истории книжного (школьного) просвещения в России. Статья первая» (под псевдонимом Ив. Григорьев: *Э*, 1864, № 8) и под тем же заглавием и с той же подписью «Статья вторая» (*Э*, 1864, № 11).

Стр. 96. *Бунакова («Браконьеры»)...* — См. выше, примеч. к стр. 95.

Стр. 96. *23 ‹сентября›. Головачеву.* — Это и последующие письма к А. А. Головачеву неизвестны. Но сохранились ответные, из которых ясно, что Достоевского не устраивала идейная направленность политических обозрений Головачева (подробнее см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 75—84; частично письма опубликованы Л. Ланским, см.: *ВЛ*, 1971, № 11, стр. 202—203).

Стр. 96. *Об изданиях с Филипповым.* — См. выше, примеч. к стр. 92.

Стр. 96. *25 ‹сентября› (Eheu!)* — 25 сентября умер А. А. Григорьев (об этой записи см.: *Материалы и исследования*, т. V, стр 225).

Стр. 96. *Отправить № Островскому* — Еще в письме от 19 сентября 1864 г. Достоевский сообщал А. Н. Островскому, что «Эпоха» будет ему высылаться «аккуратнее» (см. также выше, стр. 360).

Стр. 96. *...Соколовскому в Брянск.* — Речь идет об отправке Н. М. Соколовскому очередного номера «Эпохи», в №№ 3 и 5 которой печатались его «Записки следователя». Продолжение появилось в № 11 журнала под заглавием: «Записки следователя (Немногие из убылых)».

Стр. 96. *Колошину непременно.* — Речь также идет об отправке С. П. Колошину очередного номера «Эпохи». После июньского номера журнала, в котором была помещена статья Колошина «Иезуиты и их уложение», Достоевский больше не печатал его статей (подробнее см. выше, примеч. к стр. 94).

Стр. 96. *Головачеву написать, чтоб не торопился с политическим обозрением.* — Было ли написано это письмо, неизвестно.

Стр. 96. *Статью «Три наследника» исправить и пустить.* — Такая статья в «Эпохе» не появилась.

Стр. 96. *Письмо и деньги Бабикову.* — Это письмо неизвестно. Вероятно, Достоевский собирался выплатить К. И. Бабикову аванс за роман «Глухая улица», появившийся затем в №№ 10, 11 и 12 «Эпохи» за 1864 г.

Стр. 96. *Отыскать письмо Калатузова.* — Это письмо неизвестно. Вероятно, речь в нем шла о статье В. И. Калатузова «Монтаны. 1. Никифорыч. 2. Келейницы» и «Очерке быта и верований скопцов. Из рассказов странницы» (см.: *Э*, 1864, № 8; 1865, № 1).

Стр. 96. *О рукописи «Прихоть» ∾ у Страхова).* — Рукопись Чичагова под названием «Прихоть» в «Эпохе» не появилась.

Стр. 96. *От Щукина «Пристрастные» через месяц.* — Рукопись под таким названием опубликована не была. В № 11 «Эпохи» за 1864 г. появилась статья Н. С. Щукина «Уличная промышленность Пекина (Из записок русского миссионера)».

Стр. 96. *«Поступление в студенты» (от Кошкарева, когда-нибудь).* — Судьба этой рукописи неизвестна. В редакции «Эпохи» находилась и еще одна рукопись этого автора — «Всякому свое» (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 288).

Стр. 96. *«Греческие трагедии» (Сикевич)...* — Эта рукопись опубликована не была.

Стр. 96. *«Выкрест» (через 3 недели).* — Рукопись Торчинского опубликована не была.

Стр. 96. *Об обертке для «Мудреного дела».* — Роман Н. Д. Ахшарумова «Мудреное дело» (*Э*, 1864, №№ 5, 6, 7) был выпущен в этом же году отдельным оттиском (подробнее о взаимоотношениях Достоевского с Ахшарумовым и об этом его романе см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 138—140).

Стр. 96. *В «Зап‹исках› миров‹ого› посредник‹а›» чтоб не было «Смир-*

нов». — Д. А. Смирнов, напечатавший под своей фамилией сочинение «Из старинной бывальщины...» (*Э*, 1864, № 12), «Отрывки из записок мирового посредника» поместил под псевдонимом «Вл. Нарпенский» (см. примеч. к стр. 95). Возможно, это было вызвано обличительным характером очерков, поднимавших злободневную тему взаимоотношений помещиков и крестьян в момент составления уставных грамот (подробнее см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 52—53).

Стр. 96. *«Кит‹айская› царевн‹а›» окончательный ответ.* — Рукопись напечатана не была.

Стр. 96. *В Уфу Лесничему...* — О ком идет речь, неясно. Возможно, это же лицо Достоевский ниже называет Лесовиком: «Отвечать Лесовику». И к нему же, наверное, относится запись: «29 ‹октября›. Лесная часть в набор». О какой публикации идет речь, неясно. В «Эпохе» материалов, связанных с темой леса, не появлялось (об интересе Достоевского к проблеме леса и лесного хозяйства см. наст. изд., т. XVII, стр. 397).

Стр. 96. *Справиться о 2-й и 3-й части «Из мрака к свету».* — Перевод второй и третьей частей романа Ф. Шпильгагена появился в №№ 9 и 10 «Эпохи» за 1864 г.

Стр. 96. *Ауэрбах...* — Возможно, что речь идет о Б. Ауэрбахе: в портфеле редакций «Времени» и «Эпохи» находилось несколько переводов его рассказов, оставшихся ненапечатанными (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 282, 287, 288); опубликован был лишь один — «Львиная лапка» (*Вр*, 1862, № 3). Но возможно также, что имеется в виду упоминаемая ниже «г-жа Ауэрбах».

Стр. 96 *...(Бурдину).* — См. черновик письма Ф. А. Бурдину от ноября—декабря 1864 г.

Стр. 96. *Письмо и деньги Ольге N.* — См. письмо к С. В. Энгельгардт (печатавшейся под псевдонимом «Ольга N») от 27 октября 1864 г. Оно явилось ответом на два ее письма (от 10 и 15 октября 1864 г. — *ГБЛ*, ф. 93.II.10.8), связанные с печатанием рассказа «Лиза» (*Э*, 1864, № 8) и гонораром за него.

Стр. 96. *Отослать деньги «Токеа».* — Т. е. переводчику упоминавшегося выше романа Ч. Сильсфильда А. К. Гериху. В письме от 7 марта 1865 г. Герих настоятельно просил Достоевского выслать ему «недосланные 200 руб.» «с первою почтою» (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 132).

Стр. 96. *Спросить о статье г-жи Ауэрбах.* — Речь может идти об одной из двух сестер Ауэрбах — писательнице Юлии Федоровне (1827—1871) или Анастасии Федоровне, выпустившей в 1864 г. книгу «Первое чтение для крестьянских детей».

Стр. 96. *30 ‹октября›. Отыскать письмо Круковской.* — Это письмо А. В. Корвин-Круковской неизвестно. Вероятно, именно на него писатель ответил 14 декабря 1864 г.

Стр. 96. ... *в обеих типографиях...* — Из-за отставания «Эпохи» (к этому времени чуть ли не на три месяца) Достоевский вынужден был печатать ее сразу в двух типографиях (Праца и Тиблена), а это, помимо разных неудобств, приводило к тому, что каждая статья имела свою пагинацию.

Стр. 96. *Зотову отвечать.* — Письмо писателя Владимира Рафаиловича Зотова (1821—1896) неизвестно. Ответил ли ему Достоевский, также неизвестно (о Зотове см. также ниже, примеч. к стр. 112).

Стр. 97. *Оттиски «Об уголовн‹ых› наказ‹аниях›».* — Вероятно, имеются в виду оттиски статьи О. А. Филиппова «Мотивы русского уголовного права» из готовившегося 12-го номера «Эпохи». Автор ее излагал «главные основания» Уложения о наказаниях (подробнее см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 58—59).

Стр. 97. *Ответ Врангелю.* — Достоевский собирался ответить на письмо А. Е. Врангеля от начала декабря (оно не сохранилось), но так и не ответил. В письме от 26 декабря 1864 г. Врангель писал: «Я отправил Вам длинное дружеское письмо после многолетнего молчания. Я приложил также свою и семейства моего фотогр‹афические› карточки. Получили ли

Вы все это? Молчание Ваше заставляет меня думать, что нет...» (*ЦГАЛИ*, ф. 212.I.63). Достоевский ответил ему только 31 марта 1865 г.

Стр. 97. *Ответ Головачеву.* — Это письмо неизвестно. Оно могло быть ответом на письмо Головачева от 19 декабря (текст его см. в кн.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 78—79).

Стр. 97. *Ответ С‹условой›.* — Это письмо Достоевского А. П. Сусловой неизвестно.

Стр. 97. *Ответ Зименко.* — В 20-х числах декабря Достоевский получил от А. В. Зименко письмо, в котором тот напоминал о долге за напечатанную в №№ 2 и 3 журнала «Время» за 1863 г. повесть «Бутузка». Ответ писателя не сохранился, но содержание письма выясняется из очередного письма Зименко, написанного 1 февраля 1865 г.

Стр. 97. *Ответ Ушакову.* — Это письмо Достоевского А. С. Ушакову неизвестно. Очевидно, оно было ответом на письмо последнего от 31 августа 1864 г. (см.: *Достоевский и его время*, стр. 267—269; см. также выше, примеч. к стр. 95).

Стр. 97. *Бунакова переделать.* — См. выше, примеч. к стр. 95.

Стр. 97. *Цензорские пометки и цензорск‹ая› корр‹ектура› Аверкиева.* — В №№ 11—12 «Эпохи» печаталась статья Д. В. Аверкиева «По поводу самопризнаний двух петербуржцев. „Библиотека для чтения“, 1864, VI». Она была сопровождена примечанием Достоевского (см. наст. изд., т. XX, стр. 148).

Стр. 97. *Статью Филиппова 2-ю часть пересмотреть и в набор.* — В № 12 «Эпохи» печаталась статья О. А. Филиппова «Мотивы русского уголовного права». Возможно, Достоевский собирался ознакомиться со следующей статьей этого автора «Мотивы исправительных наказаний», предназначенной для следующего номера журнала (*Э*, 1865, № 1). Не исключено также, что имеется в виду статья «О смертной казни», возвращенная автору (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 281).

Стр. 97. *Стрекалова пересмотреть.* — Материалов этого автора «Эпоха» не печатала.

Стр. 97. *О казаках пересмотреть.* — О какой рукописи идет речь, неясно.

Стр. 97. *Драма Булкина, к 6-му числу пересмотреть.* — Эта драма в «Эпохе» не появлялась.

Стр. 97. *...Шидловскому* — 14 декабря 1864 г. поэт Иван Николаевич Шидловский (1816—1872) написал Достоевскому письмо по поводу смерти М. М. и М. Д. Достоевских (*ГБЛ*, ф. 93.II.9.143-а). Ответил ли ему писатель, неизвестно.

Стр. 97. *...Круковской* — Возможно, что это и есть недописанное письмо к А. В. Корвин-Круковской от 1865 г.

Стр. 97. *...Калатузову* — Это письмо Василию Ивановичу Калатузову неизвестно. Оно могло быть связано с печатавшимся в № 1 «Эпохи» за 1865 г. его «Очерком быта и верований скопцов. Из рассказов странницы».

Стр. 97. *5 января — деньги Колошину* — В редакционной книге «Эпохи» сохранилась запись от 25 февраля 1865 г.: «За статью г. Колошина в июньской книжке „Эпохи“ 1864 г. получил для доставления г. Колошину пятнадцать руб. И. Золотарев» (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 269).

Стр. 97. *...Тургеневу* — Письмом от 13 февраля 1865 г. Достоевский ответил Тургеневу на его письмо от 28 декабря 1864 г. (9 января 1865 г.) (см.: *Тургенев, Письма*, т. V, стр. 315—316).

Стр. 97. *...Зименко* — Вероятно, Достоевский собирался ответить В. А. Зименко на его письмо от 1 февраля, в котором содержалась просьба о выплате части гонорара в счет погашения долга М. М. Достоевского (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29719). Ответ неизвестен.

Стр. 97. *...Шейну* — Письмо фольклориста П. В. Шейна (1826—1900) не сохранилось. Ответил ли на него Достоевский, неизвестно.

Стр. 97. *...Чаеву* — Достоевский собирался ответить на письмо драматурга Н. А. Чаева (1824—1914) от 8 января 1865 г., содержавшее согласие получить назначенный Достоевским гонорар за пьесу «Сват Фадеич»

(*Э*, 1864, № 11) и предложение дать для январского номера «Эпохи» драму «Дмитрий Самозванец» (*ГБЛ*, ф. 93.I.9.114). Ответ Достоевского неизвестен.

Стр. 97. ...*Брату Андрею* — Письмо А. М. Достоевского и ответ на него неизвестны. Вероятно, в письмах шла речь или об экземплярах журнала «Эпоха», которые Достоевский должен был пересылать брату в Екатеринослав, или о предстоящем переезде А. М. Достоевского с семьей сначала в Петербург, затем в Ярославль (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 309, 310—314).

Стр. 97. *Деньги — Колошину* — См. примеч. к стр. 94.

Стр. 97. ...*Бунакову* — См. примеч. к стр. 95.

Стр. 97. ...*Гериху* — А. К. Герих 7 марта 1865 г. вновь обратился к Достоевскому с письмом, содержавшим просьбу о выплате гонорара (*ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 132; см. примеч. к стр. 96).

Стр. 97. *Федорову ∾ в январе* — Еще в письме от августа-сентября 1864 г. С. Н. Федоров просил Достоевского уплатить ему старый долг М. М. Достоевского за напечатанную в № 10 «Времени» за 1862 г. первую часть романа «Свое и наносное» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29881). Запись свидетельствует о том, что до получения грубой телеграммы Федорова (о ней см. в черновике письма Достоевского Федорову от 25 февраля 1865 г.) писатель собирался заплатить ему долг, но не смог этого сделать.

Стр. 97. *У Долгомостьева «Летопись» 2 книги Софийские.* — И. Г. Долгомостьев взял из библиотеки Достоевского так называемые Софийскую первую и Софийскую вторую летописи, напечатанные в V и VI тт. Полного собрания русских летописей (СПб., 1851—1853).

Стр. 97. *У Майкова два тома (4) Устрялова. ∾ У Коли Устрялова 1-й том.* — Из библиотеки Достоевского были взяты отдельные тома шеститомной монографии Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (СПб., 1858—1864 гг.) (подробнее об отношении Достоевского к этому изданию см.: наст. изд., XVIII, стр. 296—299).

Стр. 97. *Аверк‹иев› «Кот Мур‹р›»* — У Д. В. Аверкиева, вероятно, находился роман Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» (нем. изд. 1820—1822 гг.), который сам Достоевский определил как «лучшее произведение» писателя (см. ‹Предисловие к публикации «Три рассказа Эдгара Поэ»› — наст. изд., т. XIX, стр. 88—89, а также стр. 283).

‹2›

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.8.

Впервые опубликовано в составе записной книжки 1864—1865 гг.: *ЛН*, т. 83, стр. 285—288.

‹3›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.4.

Впервые опубликовано в составе записной тетради 1864—1865 гг.: *ЛН*, т. 83, стр. 272.

Стр. 98. ...*Попову до 25 мая, известие об уплате помесячно.* — Публицист В. П. Попов, сотрудничавший во «Времени», в журнале «Эпоха» под своим именем не печатался. Возможно, это было вызвано осторожностью Достоевского, боявшегося поставить журнал под удар из-за участия в нем автора, с 1812 г. находившегося под «секретным наблюдением» (подробнее о Попове см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 113). Запись свидетельствует о продолжающемся сотрудничестве Попова.

Стр. 98. *Аверкиев взял Хомякова...* — В библиотеке Достоевского был 1-й том четырехтомного собрания «Сочинений» А. С. Хомякова, выходившего посмертно с 1861 по 1873 г. в Москве—Праге (*Библиотека*, стр. 45). В статьях 1864—1865 гг., печатавшихся в «Эпохе», Д. В. Аверкиев неоднократно цитировал Хомякова (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, с. 149—150).

Стр. 98. *...1-ю часть Беляева.* — В 1865 г. Аверкиев собирался поместить статью о вышедших к этому времени трудах историка-славянофила профессора И. Д. Беляева (1810—1873) «Крестьяне на Руси» (1859) и «Судьбы земщины и выборного начала на Руси» (1864—1865). Вероятно, он взял в библиотеке Достоевского первую часть второго труда (книгу же Беляева «Крестьяне на Руси» Достоевский собирался купить в 1875 г. — см. ниже, стр. 375).

Стр. 98. *Кояловича* — О какой книге историка М. И. Кояловича идет речь, неясно. Это могла быть двухтомная диссертация «Литовская церковная уния» (1859—1862) или «Документы, объясняющие историю Западной России и ее отношения к Восточной России и к Польше» (1865).

Стр. 98. *Долгомостьев взял Ипатьевск‹ую летопись›, 1 том* — Смысл записи неясен: Ипатьевская летопись занимает единственный, II том, Полного собрания русских летописей (1843); (правда, этот второй том вышел раньше первого).

‹1867›

‹1›

Печатается по автографу: *ГБЛ,* ф. 93.I.3.29.

Впервые опубликовано: *Описание,* стр. 294.

Записи относятся к концу января—началу февраля 1867 г. и связаны с предстоящей женитьбой на А. Г. Сниткиной.

Стр. 98. *Съездить к Кашину* — Речь идет об Александре Петровиче Кашине, который, вместе с семьей, был приглашен на свадьбу (см. письмо к нему от 13 февраля 1867 г.).

Стр. 98. *К Юнге* — Доктор медицины, профессор глазных болезней Эдуард Андреевич Юнге (1833—1898) в 1866 г. лечил Достоевского. А. Г. Достоевская писала позднее: «Во время приступа эпилепсии Федор Михайлович, падая, наткнулся на какой-то острый предмет и сильно поранил свой правый глаз. Он стал лечиться у проф. Юнге, и тот предписал впускать в глаз капли атропина, благодаря чему зрачок сильно расширился» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 51).

Стр. 98. *К Ламанскому* — Речь идет о П. И. Ламанском (о нем см. выше, стр. 358).

Стр. 98. *К Майкову-отцу...* — Речь идет о Николае Аполлоновиче Майкове (1794—1873), академике живописи, отце друга Достоевского А. Н. Майкова. Достоевский в 40-е годы посещал салон Майковых и подружился с Н. А. и Е. П. Майковыми (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 342).

Стр. 98. *Соловьева* — С московским книгопродавцем И. Г. Соловьевым Достоевского связывала в это время работа над статьей о знакомстве с Белинским (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 160).

Стр. 98. *Лапин ∾ Печаткин* — Достоевский перечисляет своих старых заимодавцев.

‹2›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ,* ф. 212.I.6.

Заметки содержатся в рабочей тетради с подготовительными материалами к роману «Идиот». Они связаны с намерением написать «статью» или «книгу», посвященную причинам заинтересовавших писателя необычных преступлений. Вероятно, случай с убийством, совершенным крестьянином И. П. Балабановым, понадобился бы писателю в качестве одной из иллюстраций к этому труду. Судебная хроника дела Балабанова была опубликована не в отмеченном номере «Московских ведомостей», а в «Голосе» (1867, 30 октября, № 300). Замысел остался неосуществленным.

Связаны заметки и с замыслом (также неосуществленным) классификации вырезок из периодической печати для задуманной в 60-х гг. «на-

стольной для всех книги» «листов в шестьдесят печатных» — одного из вариантов проекта будущего «Дневника писателя»: см. письмо к С. А. Ивановой от 25 января (6 февраля) 1869 г. В сотрудницы «по классификации вырезок» приглашал он и свою жену (см.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 62).

Материалы дела Балабанова Достоевский использовал в романе «Идиот» (часть вторая, гл. IV) в рассказе Мышкина Рогожину об убийстве в гостинице (наст. изд., т. VIII, стр. 182; см. также т. IX, стр. 392).

‹1867—1868›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.5. В записной тетради с подготовительными материалами к роману «Идиот».

Публикуется впервые.

Стр. 99. *26 февр‹аля› ∾ Идея критического журнала, необходимого теперь.* — Речь идет о замысле «Дневника писателя».

‹1869—1870›

‹1›

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.4. В записной тетради 1869—1870 гг.

Публикуется впервые.

Стр. 99. *22 февраля начать высылать.* — Речь идет об отправке из Флоренции в Москву заключительных глав «Идиота» (см. наст. изд., т. IX, стр. 384).

Стр. 99. *...23 декабря Паше* — См. письмо П. А. Исаеву из Дрездена от 10 (22) декабря 1869 г.

Стр. 99. *9 ‹января› Паше* — См. письмо П. А. Исаеву от 10 (22) января 1870 г.

‹2›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.8.

Впервые опубликовано: *Коншина*, стр. 80.

Стр. 100. *...(день и почти час казни Тропмана).* — Жан Батист Тропман, механик, был казнен 7 (19) января 1870 г. в 7 часов утра в Париже за убийство семейства Кинков. (Позднее Достоевский вернется к этому событию, но уже в связи с появлением очерка Тургенева «Казнь Тропмана» — см. письмо его к Н. Н. Страхову от 11 (23) июня 1870 г., а также роман «Бесы» — наст. изд., т. X, стр. 70).

Стр. 102. *...роман в «Русский вестник»...* — Достоевский продолжал работать над романом «Житие великого грешника» и параллельно — над «Бесами» (см. наст. изд., т. IX, стр. 505—506 и т. XII, стр. 161—165).

Стр. 102. *Задумано письмо к Н‹екрасову›.* — Было ли написано это письмо, неизвестно.

Стр. 102. *Объявлена война.* — Франция объявила войну Пруссии 19 июля 1870 г.

Стр. 102. *Кашпирев два месяца позже прислал, чем обещал.* — Редактор «Зари» В. В. Кашпирев выслал Достоевскому деньги в июне и июле месяце (по 200 руб.) за повесть «Вечный муж», напечатанную в №№ 1 и 2 журнала за 1870 г.

Стр. 103. *Роман решительно бракуется (ужасно!).* — Речь идет о романе «Бесы».

Стр. 103. *Французы разбиты 6-го числа.* — В результате боев 4—6 августа 1870 г. французская армия потеряла 4 корпуса из 8-ми, и немцы оккупировали часть Эльзаса и Лотарингии.

Стр. 103. ...*Анна Николаевна...* — Т. е. А. Н. Сниткина (рожд. Мильтопеус, 1812—1893), мать А. Г. Достоевской.

Стр. 103. *Из «Зари» не ответили...* — Достоевский ожидал ответа на свое письмо В. В. Кашпреву, написанное в первой половине августа 1870 г. Ответ неизвестен.

Стр. 103. *Что-то ответит «Русский вестник»?* — Достоевский ожидал ответа на свое письмо М. Н. Каткову от 19 сентября (1 октября) 1870 г. Получил ли он ответ, неизвестно.

Стр. 103. *К Соне письмо, очевидно, пропало.* — Имеется в виду письмо к С. А. Ивановой от 17 (29) августа 1870 г.

Стр. 103. *Страхову еще не отвечал.* — Ответ Н. Н. Страхову был написан 9 (21) октября 1870 г.

Стр. 103. *От Майкова сегодня получил после шестимесячного молчания.* — На письмо Майкова от 23 сентября 1870 г. (см. «Русский современник», 1924, № 1, стр. 208—210) Достоевский отвечал 9 (21) октября.

Стр. 103. *Вчера послал письмо Каткову.* — Речь идет о письме от 8 (20) октября 1870 г.

Стр. 103. *Что-то из «Русского вестника»?* — Достоевский ждал денег за отправленную «первую половину первой части» романа «Бесы» (см. письмо М. Н. Каткову от 8 (20) октября 1870 г.).

Стр. 104. ... *видел во сне брата...* — Т. е. М. М. Достоевского. Запись эта не случайна: мысли об умершем брате не покидали Достоевского во все последовавшие за его смертью годы и нашли отражение даже в его произведениях. Сначала в «Бесах» появилось упоминание о «старшем брате», умершем семь лет назад (наст. изд., т. X, стр. 94—95), а затем в «Сне смешного человека» («Дневник писателя» за 1877 г. — наст. изд., т. XXV, стр. 108—109). А. Г. Достоевская передает сказанные ей мужем слова: «Я придаю снам большое значение. Мои сны всегда бывают вещими. Когда я вижу во сне покойного брата Мишу, а особенно когда мне снится отец, я знаю, что мне грозит беда» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 75).

‹1871›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ,* ф. 212.I.6.

Публикуется впервые.

Запись содержится на странице рукописи романа «Идиот» и относится к одному из сложнейших моментов творческой истории романа «Бесы»: весной, летом и осенью 1871 г. шла работа над второй частью романа — главами VII, VIII и IX. Последняя, IX, глава («У Тихона»), обдумывавшаяся писателем с 1870 г., и вызвала остановку в работе (подробно см. наст. изд., т. XII, стр. 237—246). Кроме того, работе мешали и чисто бытовые осложнения: переезд в Петербург (7—9 июля) и рождение сына Федора (16 июля).

‹1872›

Печатается по автографу: *ГБЛ,* ф. 93.I.2.9/2.

Впервые опубликовано: *Описание,* стр. 56. Запись на листе с рукописью «Дневника писателя» за 1873 г. («VIII. Полписьма „одного лица“»).

Возможно, запись связана с семейным эпизодом, описанным А. Г. Достоевской и озаглавленным ею: «1872 год. Рождественская болезнь Федюши» (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 242—244).

Стр. 105. *Лиля* — дочь Достоевских Любовь Федоровна (1869—1926). *Федя* — сын Достоевских Федор Федорович (1871—1921).

‹1872—1873›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.9. В записной тетради к роману «Бесы», см.: *Описание*, стр. 277.

Впервые опубликовано (частично): *Коншина*, стр. 346—348.

Стр. 105. *Просвирку сосчитали* — Эта и последующая заметка («Я — Монастыри») связаны с предстоящей работой Достоевского в «Гражданине» и относятся к концу 1872 г., когда вопрос о назначении Достоевского официальным редактором журнала был уже решен. Заметка «Просвирку сосчитали» связана с замыслом написанной Достоевским рецензии «Наши монастыри» (опубликована в № 4 «Гражданина» от 22 января 1873 г.; см. наст. изд., т. XXI, стр. 137).

Стр. 105. *Азбука Толстого* — Эта и последующая записи («Я ∞ Азбука») свидетельствуют о том, что Достоевский собирался рецензировать только что вышедшую «Азбуку» Л. Н. Толстого (см. его помету рядом с этой и предыдущей записью: «разобрать»). «Азбука» была отрецензирована в первом же номере «Гражданина» за 1 января 1873 г.; рецензия была напечатана анонимно. Несмотря на определенный характер комментируемых записей, казалось бы, бесспорно свидетельствующих о принадлежности рецензии Достоевскому, написана она была не им. Возможно, что до последнего момента писатель собирался писать ее сам, но из-за чрезвычайной занятости передал кому-то из сотрудников, скорее всего Н. Н. Страхову.

Стр. 105. *Письмо от Владиславлева и зов на крестины.* — Это письмо (от 9 сентября 1872 г.) М. И. Владиславлева (1840—1890), мужа племянницы Достоевского М. М. Достоевской, не опубликовано (*ГБЛ*, ф. 93.II.2.43). Крестины были назначены на 11 сентября.

Стр. 105. *Вчера обедали брат Андрей и Коля.* — Речь идет об А. М. и Н. М. Достоевских.

Стр. 106. *...Аскоченский...* — Речь идет о В. И. Аскоченском (1813—1879), писателе и публицисте, редакторе-издателе журнала «Домашняя беседа». В статье «Щекотливый вопрос» Достоевский дал памфлетное его изображение (см. наст. изд., т. XX, стр. 46, 290—291).

Стр. 106. *Страхову сообщил идею об альманахе.* — «Альманахом» Достоевский называет здесь будущий «Дневник писателя» (ср. также наст. изд., т. XXI, стр. 360).

Стр. 106. *Пуцыковича — 10 лет реформ* — Эта и последующие записи отражают содержание библиографического отдела № 1 «Гражданина» за 1873 г. Комментируемая запись раскрывает автора рецензии на книгу «Десять лет реформ 1861—1871 г‹г›. А. А. Головачева. С.-Петербург, 1872 г.» (*Гр*, 1873, 1 января, № 1, стр. 24—25). В. Ф. Пуцыкович (1843—1909) был при Достоевском секретарем редакции «Гражданина».

Стр. 106. *Мещерск‹ий› — Алексей Слободин* — Речь идет о рецензии на главы романа А. И. Пальма «Алексей Слободин» (*Гр*, 1873, 1 января, № 1, стр. 21—23).

Стр. 106. *П‹орецкий› — Неизвестно что* — Предположение, что под «П» скрывается Порецкий, основано на записи в записной тетради 1872—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 259): «Иметь в виду *Порецкого*»; кроме того, известно, что Достоевский собирался привлечь для работы в «Гражданине» своего сотрудника по «Эпохе». Порецкому был поручен раздел «Текущая жизнь».

‹1872—1875›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.11.

Впервые опубликовано (частично): *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 346; полностью в составе записной тетради 1872—1875 гг.: *ЛН*, т. 83, стр. 304—325.

Стр. 106. *Дневник по журналу.* — Запись относится к лету 1873 г. и связана с обычным летним отсутствием главного редактора «Гражданина» кн. В. П. Мещерского; все дела по журналу вел в это время Достоевский.

Стр. 106. *Пуцык‹ови›ч ничего не делает ∾ полюбопытнее.* — Имеются в виду обзорные статьи публициста В. Ф. Пуцыковича под общим заглавием «Хивинский поход» для нескольких номеров «Гражданина» за 1873 г. (напечатаны без подписи в №№ 24—29).

Стр. 106. *Просил представить квитанции ∾ мне показывал.* — С 1874 по 1879 г. Пуцыкович был редактором «Гражданина».

Стр. 106. *Видел Филиппова.* — Публицист Тертий Иванович Филиппов (1825—1899) участвовал в «Гражданине» с момента его основания; он писал статьи в основном по вопросам церковной истории, см. также такие его публикации в журнале, как «Областное обозрение» (№ 5 от 29 января); «О гимназии княгини Оболенской» (№ 7 от 11 февраля) и др.

Стр. 106. *...князь...* — Т. е. В. П. Мещерский.

Стр. 106. *Страхов говорил о статье.* — Вероятно, Страхов рассказывал Достоевскому о готовившихся им «Заметках о текущей литературе» (см.: *Гр*, 1873, 16 апреля, № 15—16; 30 апреля, № 18).

Стр. 106. *Немецкие книги. ∾ «Европейское обозрение».* — С первого же номера в «Гражданине» помещались либо раздел «Политическое обозрение» (см. также № 5 от 29 января и др.), либо обзоры «Ералаш. Известия из всего мира» (*Гр*, 1875, 8 января, № 2; 15 января, № 3, и т. д.). Специальных обзоров немецких книг в журнале не появлялось (исключение составляет часть рецензии Н. Н. Страхова, посвященная разбору брошюры К. Э. Бэра «К спору о дарвинизме», — *Гр*, 1873, 16 июля, № 29, стр. 809—812).

Стр. 106. *Статья Белова дельная...* — Речь идет о статье «Что читает народ» (*Гр*, 1873, 16 июля, № 29). Ее автор, сотрудник «Гражданина», историк Евгений Александрович Белов (1826—1896), подверг строгому разбору ряд изданий для народа, в числе которых «Любовь казака, или Погибель Емельки Пугачева» (по словам рецензента, это была «жалкая и пошлая пародия на „Капитанскую дочку“ Пушкина» — стр. 814), «Полицион и Милитина, рыцарская повесть, воспетая бардом Октавием Скальдом, в XI столетии...» и несколько песенников, наполненных пошлыми куплетами и романсами. Вместо подобной «литературы» Белов предложил издавать «попроще и подешевле» такие «произведения русской литературы», как «почти все сочинения» В. И. Даля, «Юрия Милославского» Загоскина, «Капитанскую дочку» Пушкина, «Тараса Бульбу», «Сорочинскую ярмарку» и «Ночь перед Рождеством» Гоголя. «Все эти произведения, — писал он, — были бы, без сомнения, доступны грамотному и толковому простолюдину. — И заключает: — Чтение народное должно быть разнообразно и заключать в себе от серьезного и поучительного до веселого и забавного, лишь бы последнее было пристойно и нравственно» (там же). Подробнее о Белове см. наст. изд., т. XXI, стр. 514.

Стр. 106. *«История императора Александра I-го» Богдановича.* — Имеется в виду сочинение: М. И. Богданович. История царствования императора Александра I и России в его время, т. I—VI. СПб., 1869—1871.

Стр. 106. *«Великие Минеи-Четии», Макария (в Москве) у С. Т. Большакова в Малом Охотном ряду (пять выпусков)* — Четьи-Минеи — произведения русской церковно-исторической и духовно-учительной литературы, в которых по порядку месяцев (отсюда их название — минеи, греч. μήν — месяц) и дней каждого месяца помещены жития святых, слова, поучения и т. д. Наиболее популярными в XIX в. были Четьи-Минеи св. Дмитрия Ростовского (1651—1709), впервые напечатанные в Киеве в 1689—1705 гг. Были распространены и многочисленные издания сокращенных Четьих-Миней, в том числе изданные митрополитом всероссийским Макарием (1482—1563). Это издание имелось в библиотеке Достоевского: Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четьих-Миней, по месяцам в 12 книгах. М., 1860—1861 (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 43).

Стр. 106. *Дворянство в России — Романович-Словатинский.* — Интерес

к книге А. В. Романовича-Словатинского «Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материалов и приуготовительные этюды для исторического исследования» (СПб., 1870) объясняется близостью проблематики этой книги к замыслу романа «Подросток». Размышляя об итогах десятилетия реформ, Достоевский выяснял для себя жизнедеятельность русского дворянства.

Стр. 106. *«Россия и Сербия», книга Нила Попова.* — Имеется в виду работа Н. А. Попова «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г.» (тт. 1—2, М., 1869).

‹1873›

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.38.

Впервые опубликовано (с ошибкой в прочтении имени «Учителев» вместо «Унтилов»): *Описание*, стр. 294.

Запись на отдельном листе. Датируется первой половиной 1873 г. по содержанию: в это время Достоевский приступил к обязанностям редактора «Гражданина».

Стр. 107. *Об Училищном епархиальном съезде* ∾ *Через 2 недели ответ.* — Вероятно, речь идет о возвращении статьи некоему Маврецкому. Ответ Достоевского неизвестен.

Стр. 107. *Унтилова о пьянстве.* — Речь идет о статье «Общество для противудействия чрезмерному распространению пьянства» (*Гр*, 1873, 15 января, № 3), подписанной криптонимом «Н». О принадлежности статьи Унтилову свидетельствует письмо Г. К. Градовского Достоевскому от 28 декабря 1872 г., в котором говорится: «Предъявитель сего г. Унтилов, автор статьи „Общество для противодействия нашему пьянству“. Статья эта находится в редакции и обещана к печати; статья заслуживает внимания по собранным в ней фактам» (*Материалы и исследования*, т. V, стр. 256).

Стр. 107. *О Киселеве через 3 недели ответ.* — Вероятно, в редакции «Гражданина» находилась статья (возможно, некрологическая) о графе Павле Дмитриевиче Киселеве (1788—1872), государственном чиновнике, дипломате, одном из деятелей крестьянской реформы (см. о нем: Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882). В «Гражданине» статья не появилась. Ответ Достоевского ее автору неизвестен.

‹1874—1875›

‹1›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.12.

Впервые полностью опубликовано в составе записной тетради 1874—1875 гг.: *ЛН*, т. 83, стр. 349—356.

Стр. 107. *После перерыва в 5½ месяцев в 1873...* — Достоевский уже упоминал об этом перерыве (см. выше, стр. 105).

Стр. 108. *...чтобы хоть 2 страницы написать романа...* — Речь идет о самой начальной стадии работы над романом «Подросток» (подробнее см.: наст. изд., т. XVII, стр. 256—259).

Стр. 108. *...от Лукерьи...* — Лукерья — кухарка в семье Достоевских.

Стр. 108. *Дневник лечения в Эмсе. 1874 г.* — Достоевский пробыл в Эмсе с 11 (23) июня по 27 июля (8 августа). Затем он приезжал сюда в 1875, 1876 и 1879 гг. (см.: Н. А. Натова. Ф. М. Достоевский в Бад-Эмсе. Frankfurt a. M., 1971).

Стр. 108. *...кошмарные сны (Голицын, брат...* — Названные рядом имена А. Ф. Голицына и М. М. Достоевского не случайны: Достоевскому

спустя четверть столетия приснился арест и начало следствия по делу петрашевцев. Князь А. Ф. Голицын, камергер (1796—1864), возглавлял тогда «Особенную Комиссию для разбора всех бумаг...» арестованных по этому делу лиц, а М. М. Достоевский почти два месяца провел в Петропавловской крепости (он был арестован в ночь на 6 мая, а освобожден 24 июня 1849 г.; о его участии в деле см.: *Материалы и исследования,* т. I, стр. 254—265; см. также примеч. к «Объяснениям и показаниям Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев» — наст. изд., т. XVIII, стр. 321, 326, 342).

Стр. 108. *...Аня).* — Через год Достоевский в письме к жене снова напишет: «...начались сниться и кошмарные сны (действие воды)» — письмо от 10 (22) июня 1875 г.

Стр. 109. *...к доктору...* — Т. е. к эмскому врачу Орту.

Стр. 109. *Хочу просить настоятельно у доктора ∾ с молоком.* — В письме к жене от 23 июня (5 июля) 1874 г. Достоевский написал: «Был у него (у доктора Орта, — *Ред.*) ‹...› вчера, и наконец-то он разрешил и молоко, и еще 2 стакана по вечерам».

Стр. 110. *... Кошлаков...* — Дмитрий Иванович Кошлаков (1835—1891), профессор (терапевт) Петербургской Медико-хирургической академии, лечивший Достоевского с 1874 г. до последнего дня его жизни.

‹1874—1875›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ,* ф. 212.I.13.

Впервые опубликовано в составе записной тетради 1874—1875 гг.: *ЛН,* т. 83, стр. 361—362.

Стр. 111. *G. Sand.* — О давнем (с 1845 г.) и постоянном интересе писателя к творчеству Ж. Санд см. в «Дневнике писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 32—37, 365—366).

Стр. 111. *Proudhon.* — Об отношении Достоевского к сочинениям П.-Ж. Прудона см.: наст. изд., т. V, стр. 50, 371; т. VIII, стр. 245, 367 и примеч. на стр. 444—445; т. X, стр. 313; т. XIII, стр. 361; т. XIV, стр. 10; т. XVI, стр. 346, 417.

Стр. 111. *Flaubert. Madame Bovary.* — Роман Г. Флобера «Госпожа Бовари» (1857) Достоевский читал еще в 1867 г. (см.: А. Г. Достоевская. Дневник, 1867. М., 1923, стр. 214) и, вероятно, не раз перечитывал. По воспоминаниям В. Микулич, писатель в 1880 г. дал роману высокую оценку (см.: В. Микулич. Встречи с писателями. Л., 1929, стр. 155).

Стр. 111. *A. Dumas-fils. L'Homme—Femme.* — Упоминание памфлета А. Дюма-сына «Мужчина—Женщина» не случайно. Он был напечатан в 1872 г. и не раз упоминался в русской печати, в том числе в статье Н. Н. Страхова «Заметки о текущей литературе», напечатанной Достоевским в «Гражданине». Удалось ли Достоевскому в этот раз прочитать брошюру Дюма, неизвестно; упоминание ее в романе «Подросток» связано со следующим событием: избранием Дюма в феврале 1875 г. в члены Французской Академии (подробнее см. наст. изд., т. XVII, стр. 383—384).

Стр. 112. *...о романах Zola.* — С одним из романов Э. Золя (1840—1902) Достоевскому удалось познакомиться лишь в 1876 г., и он в письме к жене написал об этом: «...едва могу читать, такая гадость» (см. письмо к А. Г. Достоевской от 15 (27) июля 1876 г.). Возможно, что речь идет о романе «Чрево Парижа» («Le ventre de Paris»), упомянутом в «Дневнике писателя» за 1876 г. (июль-август — наст. изд., т. XXIII, стр. 95). В библиотеке Достоевского кроме этого романа были еще и следующие (на французском языке): «Завоевание Плассана», «Добыча», «Карьера Ругонов», «Проступок аббата Муре» (см.: *Библиотека,* стр. 141). В 1879 г. он брал у Е. А. Штакеншнейдер для прочтения роман «Западня» («Assommoir») (см.: *ЛН,* т. 86, стр. 471).

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.15.

Впервые опубликовано в составе записной тетради 1875—1876 гг.: *ЛН*, т. 83, стр. 366—470.

Стр. 112. *Купить книги: Беляева. Крестьяне на Руси* — Имеется в виду книга И. Д. Беляева «Крестьяне на Руси» (М., 1859). Интерес к статьям историка Беляева, занимавшегося преимущественно вопросами древнерусского права, быта и хозяйства, активно выступавшего за права современных крестьян на землю на общинных началах, проявлялся у Достоевского и раньше. Обдумывая состав июльского номера «Эпохи» за 1864 г., Достоевский предполагал поместить большую, в 3 листа, статью о нем Д. В. Аверкнева (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 180). Статья в журнале не появилась (см. также ниже, стр. 378).

Стр. 112. *Написать Юшкову в Казань.* — На письмо казанского корреспондента Н. Ф. Юшкова от 20 января 1876 г. Достоевский ответил 5 февраля 1876 г.

Стр. 112. *Отвечать Симбирской библиотеке.* — Письмо из Симбирской библиотеки (вероятно, по поводу «Дневника писателя») неизвестно. Ответил ли Достоевский на письмо, также неизвестно.

Стр. 112. *Всем ли послано?* — Речь, вероятно, идет или о январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., или об отдельном издании романа «Подросток», продававшемся в это же время.

Стр. 112. *Заехать к Полонскому.* — Запись связана с письмом Я. П. Полонского Достоевскому от 4 февраля 1876 г. (см. ответное письмо Достоевского от 4 февраля 1876 г.).

Стр. 112. *Справиться у Соловьева о клевете «Иллюстр‹ированной› газеты» (Зотов?)* — Речь идет о публикации «Петербургские письма», помещенной в № 3 названной газеты за 1876 г. Ссылаясь на давний отзыв Н. К. Михайловского о романе «Подросток», анонимный автор развивает мысль, что в своих последних произведениях Достоевский возводит «инсинуации» и клевещет на молодое поколение. Вс. С. Соловьев, еще в 1875 г. напечатавший разбор «Подростка», вступил в полемику с «Иллюстрированной газетой» (подробно об этом см. наст. изд., т. XVII, стр. 350—351).

Стр. 112. *Написать заслуженному профессору.* — О ком идет речь, неясно.

Стр. 112. *С В. В. Григорьевым поговорить ∾ о китайцах?).* — Ученый-востоковед В. В. Григорьев, с которым Достоевский познакомился в 1872—1873 гг. (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 219), в период хлопот о ежемесячном издании «Дневника писателя» занимал пост исправляющего должность начальника Главного управления по делам печати и способствовал разрешению нового «Дневника» с дозволения предварительной цензуры. Позднее он же способствовал освобождению «Дневника писателя» от цензурной опеки (подробнее см. наст. изд., т. XXII, стр. 276). Поэтому естественно желание Достоевского советоваться именно с ним по сложным в цензурном отношении вопросам (подробнее см. там же, стр. 276—279).

Стр. 112. *Общество вспомоществования бедным ученикам при 5-й гимназии.* — Общество вспоможения ученикам 5-й С.-Петербургской гимназии было основано в 1873 г. Запись вызвана появившейся в «Голосе» заметкой, в которой обращалось внимание общественности на сирот мещанки А. И. Перовой, убитой своим сожителем. В заметке сообщалось: «Старший из сирот, Александр, 12-ти лет, обучается в 5-й петербургской гимназии» (*Г*, 1876, 16 января, № 16; см. наст. изд., т. XXII, стр. 318—319). Очевидно, Достоевский намеревался внести в Общество какую-то сумму.

Стр. 112. *Где Митрофания?* — Достоевский возвращается к нашумевшему процессу по делу игуменьи серпуховского Владычне-Покровского монастыря Митрофании (в миру баронессы П. Г. Розен, фрейлины императорского двора). Дело слушалось в Московском окружном суде 5—18 ок-

тября 1874 г. (подробнее см. наст. изд., т. XVII, стр. 392; возможно, что эта запись связана с замыслом «Отцы и дети», в котором также фигурирует имя игуменьи (см. там же, стр. 7).

Стр. 112. *В воспитательный дом.* — Запись связана с предстоящим посещением воспитательного дома для подкинутых детей. Достоевский был там в начале мая 1876 (см. «Дневник писателя» за 1876 г., гл. «Нечто об одном здании. Соответственные мысли» — наст. изд., т. XXIII, стр. 20—24).

Стр. 112. *Не забыть Момбелли* — По-видимому, Достоевский собирался или встретиться, или написать бывшему петрашевцу Николаю Александровичу Момбелли (1823—1891). Известно, что 20 октября 1872 г. Момбелли написал Достоевскому записку (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 203) и что они встречались в 60-х—начале 70-х годов.

Стр. 112. *Написать: Алчевской...* — Достоевский ответил на письмо деятельницы по народному образованию Христины Даниловны Алчевской (1843—1918), которое, также как и ответ писателя, не сохранилось. Но из следующего письма Достоевскому (от 10 марта 1876 г.) видно, что в первом Алчевская восторженно благодарила писателя за 1-й номер «Дневника писателя» за 1876 г. (*РЛ*, 1976, № 3, стр. 128—138).

Стр. 112. ...*Перетолчину*... — Это письмо неизвестно.

Стр. 112. *Экз‹емпляр› Вас. Вас. Григорьеву?* — Вероятно, В. В. Григорьеву (о нем см. выше, стр. 375) предназначался экземпляр февральского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.

Стр. 112. *Отто* — Запись сделана в связи с посещением писателя Александром Федоровичем Отто (Онегиным; 1840—1925), исполнявшим денежное поручение И. С. Тургенева (подробно об этом см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 301—303).

Стр. 112. *Петерсону* — Вероятно, Достоевский собирался послать мартовский номер «Дневника писателя» за 1876 г. педагогу Николаю Павловичу Петерсону (1844—1919), сочинение которого, посвященное вопросу об ассоциациях, он цитировал в этом номере (подробнее см. наст. изд., т. XXII, стр. 356).

Стр. 113. *Тацит* — В записной тетради 1875—1876 гг. часто упоминается имя Корнелия Тацита (см. т. XII, стр. 138, 156, 391; т. XXIV, стр. 101 и примеч. к ним; см. также: *Гроссман, Семинарий*, стр. 42).

Стр. 113. *Об уме и познании 1-я часть* — Речь идет о книге: Об уме и познании. Сочинение Ипполита Тэна. Перевод с французского под ред. Н. Н. Страхова. (В двух томах). СПб., 1872. Эта книга была в библиотеке Достоевского (см. об этом в письме Е. А. Штакеншнейдер к А. Г. Достоевской, отрывок из которого приведен в примечаниях к письму Н. Н. Страхова к Е. А. Штакеншнейдер: *ЛН*, т. 86, стр. 436; см. также: *Библиотека*, стр. 156).

Стр. 113. *Льюис* — В 1876 г. в Москве вторым изданием вышел русский перевод книги английского философа-позитивиста Д. Г. Льюиса «Физиология обыденной жизни» (см.: *Библиотека*, стр. 160; *Гроссман, Семинарий*, стр. 47).

Стр. 113. *Век Александра I-го (Богдановича, Пыпин)* — Достоевский имеет в виду упоминавшееся выше сочинение М. И. Богдановича «История царствования императора Александра I и России в его время» (см. стр. 372) и книгу А. Н. Пыпина «Общественное движение в России в царствование Александра I» (СПб., 1871).

Стр. 113. *Литература (Полевого)* — Речь идет о втором издании «Истории русской литературы в очерках и биографиях» П. Н. Полевого (СПб., 1874; см.: *Библиотека*, стр. 144).

Стр. 113. *Владим‹ира› Соловьева* — Возможно, имеется в виду сочинение Вл. Соловьева «Кризис западной философии. Против позитивистов» (М., 1874; см.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 45).

Стр. 113. *Лассаля* — Речь идет о книге: Ф. Лассаль. Сочинения, т. I. Перевод В. Зайцева. СПб., 1870 (см.: *Библиотека*, стр. 147).

Стр. 113. *После Петра, историка Соловьева* — К 1876 г. вышли XVII—

XXVI тт. «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, посвященные послепетровской эпохе.

Стр. 113. *Исповедь св. Августина* — Речь идет о книге христианского богослова и философа мистика Аврелия Августина (354—430) «Confessiones» (ed. K. v. Raumer. Gütersloh, 1876).

Стр. 113. (*Фомы Кемпийского*) — По-видимому, имеется в виду трактат религиозного мыслителя Фомы Кемпийского (ок. 1380—1470) «О подражании Христу» («De imitatione Christi»). Эта книга в переводе К. П. Победоносцева была в библиотеке Достоевского (см.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 45). Возможно, книга понадобилась писателю в связи с замыслом собственной «книги» об Инсусе Христе, отразившемся в дневниковой записи от конца декабря 1877 г. (наст. изд. XVII, стр. 14).

Стр. 113. *Zola* — См. выше, стр. 374.

Стр. 113. *Логика* — Возможно, речь идет об издании: М. Владиславлев. Логика. Обозрение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной. СПб., 1872 (см.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 43).

Стр. 113. *Хомяков* — Вероятно, имеется в виду книга: А. С. Хомяков. Стихотворения. М., 1868 (см.: *Библиотека, новые материалы*, стр. 266).

Стр. 113. ... *«Обычное право» книга Е. Якушкина.* — Речь идет об издании: Материалы для библиографии обычного права, вып. 1. Ярославль, 1875 (см.: *Библиотека*, стр. 152).

Стр. 113. *Карлейль: История Фридриха II и революции.* — Речь идет о книгах английского историка и публициста Т. Карлейля «История Фридриха II» (History of Frederick II. Londres, 1858—1865) и «История французской революции» (Histoire de la révolution française. Traduit de l'Anglais, v. 1—3. Paris (Londres, New York), 1865). Последняя книга была в библиотеке Достоевского (см.: *Библиотека, новые материалы*, стр. 267); перевод ее находился в портфеле редакций «Времени» и «Эпохи» (см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 281).

Стр. 113. *Анри Мартен* — Имя этого французского историка (1810—1883) названо, вероятно, в связи с его многотомной «Историей Франции» («Histoire de France». Paris, 1833—1836, и более поздние издания) или книгой «Россия и Европа» (La Russie et l'Europe. Paris, 1866).

Стр. 113. *Огюстен Тьери* — К 1876 г. на русский язык были переведены такие сочинения французского историка О. Тьери (1795—1856) как «Рассказы о временах Меровингов» (СПб., 1864) и «История завоевания Англии норманнами» (СПб., 1858 и 1868).

Стр. 113. *Прескотт* — Вероятно, американский историк Уильям Прескотт (1796—1859) назван здесь в связи с его книгой «История царствования Филиппа II, короля Испанского», русский перевод которой имелся в библиотеке Достоевского (*Библиотека*, стр. 147).

Стр. 113. *Шлоссер — в переводе Чернышевского* — Речь идет о девятнадцатитомной «Всемирной истории» немецкого историка Ф. К. Шлоссера (1776—1861), переведенной Н. Г. Чернышевским и В. А. Зайцевым (тт. 1—18. СПб., 1861—1869). В 1862 г. Достоевский приобрел 3 тома этого издания (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 116). Однако в библиотеке писателя значится лишь 1-й том (см.: *Библиотека*, стр. 152).

Стр. 113. *«Россия и Европа» Н. Данилевского* — Подробнее о книге Н. Я. Данилевского см. в примечаниях к роману «Бесы» — наст. изд., т. XII, стр. 233—234 и в письмах Достоевского к А. Н. Майкову за 1869 г.

Стр. 113. *Пыпина. Богдановича.* — См. выше, стр. 376.

Стр. 113. *Вильмен ∾ если переведен* — Как отметил В. Д. Рак, эти записи связаны с привлекшей внимание Достоевского анонимной статьей «Библиография» (*Г*, 1876, 8 января, № 8), в которой были названы все перечисленные имена. «История литературы — наука, но в то же время она и искусство, — говорилось в статье. — Особенно с нынешнего столетия художественная сторона этой отрасли благодаря таланту некоторых немецких и, еще более, французских представителей получила такое раз-

витие, о котором и не мечтала тяжеловесная эрудиция прошлых веков <...> Такие произведения, как „История французской литературы XVIII-го века" Вильмена, „Литературные портреты" Сент-Бева, критические очерки Тэна, „Очерки современной умственной жизни" Юлиана Шмидта <...> далеко выдвигаются из ряда научно-удовлетворительных опытов, точных в фактическом отношении, более или менее тонких в отношении логическом и ясных по форме...» (*Материалы и исследования*, т. IV, стр. 183—184). Имеются в виду «Cours de littérature française» и «Tableau du XVIII siècle» (1828—1830) французского критика и историка литературы Анри Франсуа Вильмена (1790—1870), «Критические статьи и литературные портреты» (тт. 1—5, 1836—1839) и «Портреты современников» (тт. 1—3, 1846; 1855 и 1869 гг.) французского поэта и критика Шарля Огюстена Сент-Бёва (1804—1869), «Essais de critiques et d'histoire» (1858, рус. перевод 1869) французского философа и социолога Ипполита Тэна (1828—1893); на русский язык были переведены две книги немецкого критика и историка литературы Ю. Шмидта (1818—1886): «История французской литературы со времен революции 1789 г.» (тт. I—II. СПб., 1863—1864) и «Обзор английской литературы XIX столетия» (СПб., 1864). Названная в статье работа не переводилась.

Стр. 113. *Написать Соне и Елене Павловне* — Были ли написаны письма племяннице С. А. Ивановой (1846—1907) и Е. П. Ивановой (1813—1883), неизвестно.

Стр. 113. *Заехать к Штакеншнейдерам* — Т. е. к Елене Андреевне (1836—1897), хозяйке известного литературного салона, и Адриану Андреевичу (р. 1841), юристу, в доме которых Достоевский часто бывал (см.: Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). Изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 454—465; см. также: *Материалы и исследования*, т. V, стр. 254—255, 264—269).

Стр. 113. *К Полонскому* — Зайти к Я. П. Полонскому Достоевский обещал еще в письме от 4 февраля 1876 г.

Стр. 113. *К Победоносцеву* — С К. П. Победоносцевым писатель был тесно связан со времени издания «Гражданина»; общение это стало еще более тесным в период работы над «Дневником писателя» и «Братьями Карамазовыми» (подробнее см. в статье Л. П. Гроссмана «Достоевский и правительственные круги 1870-х годов». — *ЛН*, т. 15, стр. 88—149).

Стр. 113. *К Сазонович.* — Вероятно, Достоевский собирался зайти к Августе Павловне Созонович (Сазанович), московской знакомой семьи Достоевских (в этой же записной тетради содержится ее адрес); Созонович помогала А. Г. Достоевской в собирании автографов русских писателей (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 481—485).

Стр. 113. *«Правительствен‹ный› вестник»* — В газете «Правительственный вестник» Достоевский помещал объявления об очередных выпусках «Дневника писателя».

Стр. 113. *Березину* — Имя издателя «Русского энциклопедического словаря» профессора Ильи Николаевича Березина (1819—1896) упомянуто здесь в связи с биографией Достоевского, помещенной в этом издании (отд. II, т. 1. Д—Ж. СПб., 1874—1875, стр. 475). Подробнее об отношении писателя к этой биографии см.: наст. изд., т. XXIV, стр. 37—38, 339—340.

Стр. 113. *Как Над‹еи›ну? Сколько для Москвы ∾ знакомым* — Речь идет о распределении экземпляров «Дневника писателя» за 1876 г. В магазине М. П. Надеина (о нем см. стр. 380) производилась городская подписка и через него же высылались книги иногородним подписчикам.

‹1876—1877›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.16.

Впервые опубликовано в составе записной тетради 1876—1877 гг.: *ЛН*, т. 86, стр. 588—632.

Стр. 114. *К Маслянникову* — Вероятно, названо только что написанное письмо Константину Ивановичу Маслянникову (сохранился лишь кон-

верт от него — *ГБЛ,* ф. 93.I.6.33-а). Достоевский, по-видимому, ответил на письмо Масляннпкова, связанное с делом Е. П. Корниловой (см.: К. Масляннико в. Эпизод из жизни Ф. М. Достоевского. — *Биография,* стр. 102—109; это письмо, а также 3 следующих опубликованы И. Л. Волгиным: *ВЛ,* 1971, № 9, стр. 193—195).

Стр. 114. ...*1-е ноября — Коле...* — Дата письма, написанного Н. М. Достоевскому.

Стр. 114. ...*Корнилова — Фукс* — Прокурор Э. Я. Фукс разрешил Достоевскому посещать осужденную Е. П. Корнилову (подробно см.: наст. изд., т. XXIV, стр. 394—395).

Стр. 114. *У нотариуса с Соковнин‹ым›* — В письме от 1 (13) ноября 1876 г. Н. М. Соковнин, поверенный Достоевского по тяжбе с наследниками покойного Стелловского, предлагал писателю встретиться у нотариуса (см.: Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома, вып. VII. М.—Л., 1957, стр. 118).

Стр. 114. *2 ноября — Быков* — 30 сентября 1876 г. Достоевский получил письмо от биографа Петра Васильевича Быкова (1843—1930), просившего у писателя автобиографию, но на него не ответил. В октябре Быков вновь обратился с той же просьбой; Достоевский собирался ответить ему, но, по-видимому, вновь не выполнил обещания (ответил он Быкову лишь 13 января следующего, 1877 г.; подробнее см. на стр. 384).

Стр. 114. *Ответ анониму* — Возможно, что речь идет об ответе на анонимное письмо с отзывом о сентябрьском номере «Дневника писателя» (текст этого письма см.: *ЛН*, т. 83, стр. 655—656).

Стр. 114. *Ответ Россеку* — О ком идет речь, не установлено.

Стр. 114. ...*перечесть в книге написанное (о дуэли, например).* — Речь идет о распространившихся в русской печати слухах, будто бы генерал М. Г. Черняев вызвал на дуэль сербского министра Николича (подробнее см. в комментарии к записной тетради 1876—1877 гг. — наст. изд., т. XXIV, стр. 279).

Стр. 114. *Заехать к князю Голицыну* — Вероятно, речь идет о публицисте Николае Николаевиче Голицыне (1836—1893), с которым Достоевский познакомился в период редакторства в «Гражданине». После выхода июньского номера «Дневника писателя» за 1876 г. Голицын прислал Достоевскому письмо на 30 страницах, где выражал свое несогласие с писателем прежде всего по женскому вопросу, а также не разделял его убеждений относительно стремления русской молодежи к участию в освободительной борьбе славянских народов. Подробнее об отношениях Достоевского и Голицына см. в статье И. Л. Волгина «Достоевский и русское общество» (*РЛ*, 1976, № 3, стр. 137—138).

Стр. 114. *Ратынскому «Зап‹иски› из Мер‹твого› дома»* — По-видимому, Достоевский собирался подарить цензору Николаю Антоновичу Ратынскому экземпляр «Записок из Мертвого дома» в издании 1875 г. В записную тетрадь 1875—1876 гг. вписан его адрес (*ЛН*, т. 86, стр. 469).

Стр. 115. *16 апреля письма...* — Речь идет об ответах на многочисленные письма читателей и читательниц (см., например, письма Достоевского от 16 апреля 1877 г. А. Ф. Герасимовой и от 17 апреля этого же года — С. Е. Лурье).

Стр. 115. ...*перечитать статью Авсеенко.* — Речь идет о статье В. Г. Авсеенко «Опять о народности и культурных типах» (*РВ*, 1876, № 4; см. наст. изд., т. XXII, стр 104).

Стр. 115. *Письмо к Ане.* — См. письмо А. Г. Достоевской от 17 июля 1877 г.

‹1877›

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.55.
Впервые опубликовано: *Описание*, стр. 295.

Запись на отдельном листке. Кто такой А. И. Труханов, установить не удалось. Возможно, что вся запись связана с благотворительной деятельностью Ю. Д. Засецкой и намерением писать ей (см. ниже, стр. 380).

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.1/1. Запись на листке с отрывком рукописи к роману «Братья Карамазовы».

Впервые опубликовано: *Д, Материалы и исследования*, стр. 81.

Стр. 115. *Прочесть Иванова* — Возможно, речь идет о книге Д. Л. Иванова «Геройская смерть Данилова. Кокандский бунт в 1875 году» (СПб., 1876), имевшейся в библиотеке Достоевского (см.: *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 260).

Стр. 115. ...*Сергеевича* — Речь идет о книге исторических очерков В. И. Сергеевича «Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей» (М., 1867; см.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 40).

Стр. 115. ...*Энгельгардта из деревни.* — Имеются в виду «Письма из деревни» ученого-агронома и публициста на сельскохозяйственные темы народника А. Н. Энгельгардта (1832—1893). «Письма», инициатива написания которых принадлежала М. Е. Салтыкову-Щедрину, печатались в «Отечественных записках» с 1872 по 1882 г. В них публицист, излагая собственный опыт ведения хозяйства в имении Батищево Смоленской губернии, где он жил в течение 22 лет после освобождения из-под ареста (в 1871 г.), призывал интеллигенцию идти в деревню с целью поднимать хозяйство и облегчать быт крестьян.

Стр. 116. ...*у Гаевского* — С В. П. Гаевским (о нем см. выше, стр. 362) Достоевского связывали дела по Литературному фонду; кроме того, в начале 1877 г. писатель несколько раз бывал на устраивавшихся Литературным фондом обедах (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 269).

Стр. 116. ...*у Засецкой (фабрика и приют)* — Запись связана с получением 21 апреля 1878 г. следующей пригласительной записки от Засецкой: «Многоуважаемый Федор Михайлович! Завтра, в субботу, в 8 часов с 1/4 будет стоять у Вашего подъезда моя коляска, в которой прошу вас приехать не на часок, а более. Вы в ней и возвратитесь обратно...» (*ГБЛ*, ф. 93.II.5.8). Юлия Денисовна Засецкая основала первый в России ночлежный приют. Выдержки из последующих ее писем см. в публикации Л. Р. Ланского (*ВЛ*, 1971, № 11, стр. 216—217).

Стр. 116. ...*у Сниткиных.* — Речь идет о посещении семьи А. Г. Достоевской.

Стр. 116. ...*Шейну* — Вероятно, речь идет о П. В. Шейне (о нем см. выше, стр. 366).

Стр. 116. *Быть у Кошлакова.* — Имеется в виду очередное посещение врача Д. И. Кошлакова (о нем см. выше, стр. 374).

Стр. 116. *Histoire de la Révolution Carlyl‹e›* — См. выше, примеч. к стр. 113.

Стр. 116. ...*Тен* — См. выше, примеч. к стр. 113.

Стр. 116. *Песталоцци и проч. у «Иногородн‹их›»* — Вероятно, запись означает, что Достоевский собирался приобрести ряд книг в так называемом «Магазине для иногородних». Интерес к сочинениям швейцарского педагога И. Г. Песталоцци мог быть вызван раздумьями над будущими «Братьями Карамазовыми».

Стр. 116. *У Корниловой* — Очевидно, речь идет о посещении Е. П. Корниловой (о ней см. выше, примеч. к стр. 114). Вскоре после этого муж Корниловой С. Корнилов известил писателя о ее смерти (см. письмо его от 6 июня 1878 г.: *ВЛ*, 1971, № 9, стр. 196).

Стр. 116. *Юнге* — Возможно, речь идет о художнице Екатерине Федоровне Юнге (1843—1898; см. более позднее письмо Достоевского к ней — от 11 апреля 1880 г.).

Стр. 116. *Быть у Анны Васильевны (и даже скорее)* — Речь идет о предполагавшейся поездке Достоевского на Литературный конгресс в Лондон, по поводу которой он и советовался с А. В. Жаклар (Корвин-Круковской).

Стр. 116. *Письмо к Радецкому* — Это письмо Ф. Ф. Радецкому было написано 16 апреля 1878 г.

Стр. 116. *К студентам* — Речь идет о письме студентам от 18 апреля 1878 г.

Стр. 116. *К Савельеву* — Письмо А. И. Савельеву было написано 18 апреля 1878 г.

Стр. 116. *К Засецкой и проч. (Труханов)* — См. выше, стр. 379 и 380.

Стр. 116. *М‹ада›те Серовой письмо* — Написал ли Достоевский письмо вдове композитора А. Н. Серова В. С. Серовой, неизвестно.

Стр. 116. *Стукаличу.* — Очевидно, Достоевский собирался ответить на одно из писем В. К. Стукалича (от 1 декабря 1877 г. или от 27 мая 1878 г.: *ГБЛ*, ф. 93.II.9.32).

Стр. 116. *Самоубийце. (Рукопись.)* — См. письмо А. Д. Воеводину от 24 апреля 1878 г. и примеч. к нему.

Стр. 116. *Михайлову* — См. письмо В. В. Михайлову от 16 марта 1878 г. и примеч. к нему.

Стр. 116. *Ливчаку* — См. письмо И. Н. Ливчаку от 6 мая 1878 г. и примеч. к нему.

Стр. 116. *Поэту-пролетарию* — Кому собирался ответить Достоевский, неясно.

Стр. 116. *Маньяку писательство* — О ком идет речь, неясно.

Стр. 116. *Еще автору рукописи* — См. письмо А. Д. Воеводину от 24 апреля 1878 г.

Стр. 116. *Писаревой.* — Речь идет об ответе на одно из писем матери Д. И. Писарева В. Д. Писаревой (от 31 января или 7 апреля 1878 г.). В последнем из них содержались воспоминания о том, как ее сын переносил заключение в Петропавловской крепости, и рассказывалось о чтении им «Дядюшкиного сна» и «Преступления и наказания» (см.: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.86). В это же письмо В. Д. Писарева вложила фотографию сына и несколько его писем — по просьбе А. Г. Достоевской, коллекционировавшей автографы.

‹1880›

Печатается по автографу: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29444.

Впервые опубликовано: *Д, Материалы и исследования*, стр. 291—292. Записи на листе с набросками к роману «Братья Карамазовы», датирующимися 1880 г. Они сделаны в начале мая (с 3 по 5 число) перед отъездом писателя в Старую Руссу; по возвращении оттуда писатель направлялся на пушкинские торжества в Москву.

Стр. 116. *К гр. Толстой* — Речь может идти и об обычном посещении графини С. А. Толстой, и о встрече с двоюродной теткой Л. Н. Толстого графиней А. А. Толстой (1817—1904), с которой он познакомился на одном из благотворительных вечеров (см. записку к ней от 5 января 1881 г.) и с которой не раз беседовал о Л. Н. Толстом (подробно см.: Г. Ф. Коган. Достоевский знакомится с письмом Толстого. — В кн.: Яснополянский сборник. 1980. Статьи. Материалы. Публикации. Тула, 1981, стр. 219—222).

Стр. 116. *К Победоносцеву* — См. выше, стр. 378.

Стр. 116. *К Черняеву ∾ К Майкову* — С Михаилом Григорьевичем Черняевым (1828—1898; о нем см. наст. изд., т. XXII, стр. 381) Достоевский, вероятно, собирался встретиться в связи с тем, что генерал был членом Славянского благотворительного комитета, а писатель, отправляясь в Москву, брал на себя миссию возложения от Комитета венков к памятнику поэта (см. об этом в письме С. А. Юрьеву от 5 мая 1880 г., а также: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 360). Имя А. Н. Майкова названо здесь по тому же поводу.

Стр. 117. *К Кирееву (NB. узнать адрес)* — Имя генерал-лейтенанта Александра Алексеевича Киреева (1833—1910), брата погибшего в Сербии в 1876 г. Н. А. Киреева (о нем см. наст. изд., т. XXIII, стр. 385—386) и

члена Славянского благотворительного комитета, названо здесь также по поводу, упомянутому выше.

Стр. 117. *К Вагнеру* — Причина предстоящего посещения писателем зоолога и беллетриста Николая Петровича Вагнера (1829—1907) неясна. Достоевский познакомился с ним в 1875 г. и в 1876 г. довольно часто встречался на спиритических сеансах (подробнее см.: *Д, Переписка*, стр. 207).

Стр. 117. *К Буренину* — Достоевский собирался посетить писателя Виктора Петровича Буренина (1841—1926) в связи с ожидаемым от него отзывом о 10-й книге «Братьев Карамазовых» (см. об этом в письме к А. С. Суворину от 14 мая 1880 г.) и предполагаемой совместной поездкой в Москву.

Стр. 117. *К Суворину (?)* — Вопросительный знак рядом с именем А. С. Суворина означает, вероятно, намерение прежде выяснить, не уехал ли он уже в Москву на пушкинские празднества.

Стр. 117. *К Григоровичу* — Д. В. Григорович также направлялся в Москву.

Стр. 117. *К Философовой* — Речь идет об известной общественной деятельнице Анне Павловне Философовой (1837—1912), с которой писатель часто встречался в конце 1870-х гг. (см.: З. А. Трубецкая. Достоевский и А. П. Философова. — *РЛ*, 1973, № 3, стр. 116—118).

Стр. 117. *К М-ме Энгельгардт* — Переводчица и журналистка Анна Николаевна Энгельгардт (1838—1903), с которой Достоевский был дружен, также направлялась в эти дни в Москву, где Достоевский виделся с ней (см. об этом в его письме А. Г. Достоевской от 30 мая 1880 г.; подробно о ней см.: *Д, Переписка*, стр. 467—468).

Стр. 117. *Констан‹т›* — Возможно, Достоевский собирался посетить сестру М. Д. Достоевской С. Д. Констант, неоднократно обращавшуюся к нему с просьбами о материальной помощи (см. ее письма к писателю от 16 января и 10 апреля 1879 г. — *ИРЛИ*, ф. 100, № 29744).

Стр. 117. *Юрьеву.* — Речь идет о письме С. А. Юрьеву от 5 мая 1880 г.

Стр. 117. *Даме* — О ком идет речь, неясно.

Стр. 117. *К Новиковой* (?) — Было ли написано это письмо публицистке Ольге Алексеевне Новиковой (1840—1925), неизвестно. Достоевский встречался с ней на пушкинских торжествах (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 505, 510).

Стр. 117. *Стукаличу* — Было ли написано письмо В. К. Стукаличу, неизвестно.

Стр. 117. *Пуцыковичу* — Письмо В. Ф. Пуцыковичу было написано только 18 июля 1880 г.

‹1881›

‹1›

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.17. В записной тетради 1880—1881 гг.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 83, стр. 668—700.

Стр. 117. *Отвечать Аничковой* — Достоевский собирался ответить на письмо Софии Аничковой от 22 января 1881 г., в котором она просила о свидании (*ЦГАЛИ*, ф. 212.I.57). Было ли написано это письмо, неизвестно.

Стр. 117. *Отвечать на вопрос о Фаусте* — Слушательница словесного отделения петербургских Высших женских курсов Бестужева-Рюмина А. М. Черницкая в письме Достоевскому от 19 января 1881 г. спрашивала писателя: «Может ли русский Фауст найти себе исход, почему не нашел его Иван Карамазов, почему Аполлон Александрович Григорьев, понимая гений Христа, этот вечный идеал красоты и правды, почему и он не нашел исхода?» (см.: *Материалы и исследования,* т. V, стр. 269—270). Ответил ли Достоевский на это письмо, неизвестно.

‹2›

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.18/1—2.
Публикуется впервые.

Записи содержатся среди набросков к январскому выпуску «Дневника писателя» за 1881 г. и относятся к 26—27 января 1881 г. В эти дни, после горлового кровотечения, открывшегося ночью 25 января, у Достоевского наступали моменты облегчения (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 319—321). В один из таких моментов, 26 января, он даже смог написать деловое письмо Н. А. Любимову; а за два часа до смерти, 28 января, продиктовал жене письмо к графине Е. Н. Гейден, в котором были и такие слова: «Мало-помалу дыхание поправилось, кровь унялась. Но так как порванная жилка не зажила, то кровотечение может начаться опять. И тогда, конечно, вероятна смерть. Теперь же он в полной памяти и в силах, но боится, что опять лопнет артерия». Возможно, что запись «Гейден» и означает намерение продиктовать это письмо.

Стр. 118. *Озмидов* — Об Н. Л. Озмидове см. в комментарии к письму Достоевского к нему от 18 августа 1880 г. Возможно, что это имя упомянуто здесь и в связи с предстоящей отправкой Озмидову (как и Е. Ф. Юнге) «Дневника писателя» 1881 г.

АЛЬБОМНЫЕ ЗАПИСИ

‹В АЛЬБОМ Ф. Г. ЗАГУЛЯЕВОЙ›

(Стр. 119)

Печатается по автографу: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 167. Листок из альбома. На обороте его запись: «Листок этот из альбома моей матери, Франциски (Фанни) Германовны Загуляевой. Юлия Загуляева. 11 (24) апреля 1919. День свадьбы моих отца и матери 23 сентября 1860 г. Ю. З.».

Впервые опубликовано: «Литературная мысль», 1923, кн. II, стр. 238—239.

В собрание сочинений включается впервые.

Ф. Г. Загуляева, жена журналиста, писателя и переводчика М. А. Загуляева (1834—1900), сотрудничавшего в «Сыне отечества», «Отечественных записках», «Голосе» и других журналах и газетах; с ним и его женой Достоевский, вероятно, познакомился в 1860 г., о чем свидетельствует как комментируемая запись, так и письмо Достоевского Загуляеву, датируемое концом 1860—началом 1861 г. В последующие годы знакомство с Ф. Г. Загуляевой продолжалось (см. ее письмо от 1863 г. Достоевскому по делам Литературного фонда — *ИРЛИ*, ф. 100, № 29716, а также письмо П. А. Исаева Достоевскому от 30 сентября 1869 г.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 409).

‹В АЛЬБОМ О. А. КОЗЛОВОЙ›

(Стр. 119)

Печатается по тексту первой публикации из альбома «Album de madame Olga Kozlow». М., 1883, стр. 109. Подлинник во Франции, в частном собрании. Черновой автограф записи: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.9. В записной тетради с подготовительными материалами к роману «Бесы».

В собрание сочинений включается впервые.

Ольга Александровна Козлова (урожд. Барышникова) — жена поэта-переводчика П. А. Козлова (1841—1891). Достоевский познакомился с ним и его женой после 1871 г., по возвращении из-за границы (подробнее см.

наст. изд., т. XVII, стр. 428—429; об О. А. Козловой см.: Временник общества друзей русской книги. Париж, 1928, II, стр. 57).

Стр. 119. *Сколько друзей ∾ свои имена!* — В альбоме кроме Достоевского оставили свои записи Я. П. Полонский, А. Н. Плещеев, А. Н. Майков, А. Н. Апухтин, А. Н. Островский, А. А. Фет, А. К. Толстой, И. С. Аксаков, И. А. Гончаров, А. Ф. Писемский, Н. В. Гербель, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Тургенев, И. Ф. Горбунов, Д. В. Григорович, Ф. И. Тютчев, Н. А. Некрасов и др.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ, ПРОДИКТОВАННЫЕ ПИСАТЕЛЕМ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

(Стр. 120)

Источники текста

Стенограмма А. Г. Достоевской: *ИРЛИ*, ф. 100, № 30707, стр. 11 об.

1906 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. I. СПб., 1906, стр. I—III. Расшифровано и опубликовано А. Г. Достоевской под заглавием «Краткие биографические сведения о Ф. М. Достоевском».

ЛА, т. 6, стр. 118—120. Расшифровано Ц. М. Пошеманской, публикация Б. Н. Капелюш.

Печатается по тексту первой публикации.

Как отмечено в первой публикации «Кратких биографических сведений», они «были продиктованы Ф. М. Достоевским его жене для передачи редактору одной газеты» (*1906*, т. I, стр. I). Таким образом эти сведения являются единственным источником биографии писателя, составленной им самим.[1]

Известно, что Достоевский неоднократно отказывал лицам, обращавшимся к нему с надеждой получить данные для составления его биографии. Так, на просьбу библиографа П. В. Быкова прислать ему «точную биографию», Достоевский 15 апреля 1876 г. ответил, ссылаясь на болезнь, что он «в настоящее время к тому не способен». Правда, в этом же письме написал: «...летом, в июле, я, вероятно, буду в Эмсе, где буду лечить мою грудь, и там составлю Вам мою биографию — и такую, какой еще нигде не бывало, хотя и не бог знает какую длинную (в ½ листа печатных), напишу по-своему, так, как не пишут биографию литераторов в лексиконах». В последних словах отразилось тягостное впечатление от биографической статьи В. Р. Зотова «Достоевский, Федор Михайлович. Достоевский, Михаил Михайлович» в «Русском энциклопедическом словаре, издаваемом профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным» (СПб., 1874—1875, отд. II, т. 1, стр. 475).

В январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (раздел «Одно слово по поводу моей биографии») — Достоевский писал об этой статье: «...ошибок множество, и я их не перечисляю, чтоб не утомить читателя, в случае же вызова все укажу» (наст. изд., т. XXII, стр. 37).

Это обещание повлекло за собой и просьбу к писателю историка литературы П. Н. Полевого (1839—1902) сообщить ему «достоверные биографические данные касательно важнейших фактов жизни и литературной

---

[1] Этот факт подтверждается и биографом писателя О. Ф. Миллером. В 1883 г. в первом посмертном издании сочинений Достоевского, разумеется, со слов А. Г. Достоевской, он писал: «...хотя Достоевский и не вел постоянных записок, но основной источник для его жизнеописания оставлен нам им самим. Он заключается: 1) в данных, продиктованных им за несколько лет до смерти супруге своей Анне Григорьевне...» (*Биография*, стр. 3.).

деятельности ‹...› для третьего издания ‹...› „Истории русской литературы в очерках и биографиях"» (*ЛН*, т. 86, стр. 449).

В не дошедшем до нас письме от 18 июня 1876 г. Достоевский пообещал Полевому «доставить» эти данные «к концу августа» (там же), то есть тогда же, когда и Быкову (см. выше, стр. 384). 17 января следующего, 1877 г., после напоминания Быкова (см. об этом в кн.: П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930), Достоевский сообщил ему, что бросил писать начатую было «автобиографию». «Я почувствовал, — признавался он, — что эта статья вызывает слишком много сил из моей души, слишком поднимает передо мною прожитую жизнь и просит большей любви от моего сердца в исполнении этой, незнакомой еще мне работы. А потому не знаю, что Вам теперь и сказать. Если буду свободен и здоров, то напишу непременно, потому что теперь уже сам хочу и потребность чувствую написать это...». Но и это обещание осталось невыполненным.[1]

Однако вскоре, вероятно по просьбе какого-то французского журналиста,[2] Достоевский и продиктовал жене публикуемую биографию. А. Г. Достоевская, помещая ее в I томе седьмого издания Сочинений писателя, прибавила к ней, вероятно от себя, следующий текст: «Утомленный двухлетним изданием „Дневника писателя", а главное, обязательством издавать его к сроку, что влияло на его здоровье, Достоевский решил отдохнуть, а затем принялся за роман „Братья Карамазовы", который писал три года.

В мае 1880 г., будучи на празднестве по поводу открытия памятника Пушкину в Москве, он в 2-м заседании Общества любителей российской словесности сказал речь, возбудившую восторг в присутствовавшей публике. Это было новое слово, способное примирить враждующие партии славянофилов и западников, и сами западники (как Тургенев, Анненков) это признали. Речь была напечатана в виде „Дневника писателя" за 1880 г.».

---

[1] Сообщение Быкова о том, что Достоевский приходил к нему сам и «принес кое-что» и тут же рассказал записывающему Быкову всю свою биографию, недостоверно. Иначе бы библиограф поместил этот ценнейший материал и в свою книгу, и непременно бы опубликовал тогда же в журнале «Огонек», где он печатал свои биографические очерки, биографию Достоевского написал П. Н. Полевой (см.: «Огонек», 1879, №№ 33—34).

[2] Об этом свидетельствует факт перевода в стенограмме наименования журнала «Время» именно по-французски «Revue» (см.: *ЛА*, т. 6, стр. 120).

ДОПОЛНЕНИЯ К ПРЕДЫДУЩИМ ТОМАМ

(Стр. 122)

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ

(Том XV, стр. 216—254)

‹1›

Печатается по автографу (запись на конверте письма В. С. Соловьева Достоевскому от 26 ноября 1878 г.): *ГБЛ*, ф. 93.II.8.120б.

Впервые опубликовано: *Материалы и исследования*, т. V, стр. 69.

Набросок состоит из четырех записей. Все записи относятся ко второй части романа — к различным главам четвертой и пятой книг. Датируются концом ноября 1878 г. (по местонахождению на конверте письма Соловьева), что несколько расширяет ранее обозначенные рамки работы над этой частью романа (см. наст. изд., т. XV, стр. 421). Первая строка из первой записи отразилась в конце IV главы («У Хохлаковых») книги четвертой («Надрывы»): в сцене Алеши, Лизы и госпожи Хохлаковой («А я спать хочу, я всю ночь не спала ∾ А ведь в самом деле она, может быть, при вас спать захотела» — там же, т. XIV, стр. 168—169). Вторая строка в главе I («Сговор») книги пятой («Pro и contra»), в сцене Лизы и Алеши («... и знайте еще, что я все письма ваши буду распечатывать...» — там же, стр. 200). Вторая запись — диалог Ивана и Алеши — реализовалась в главе III «Братья знакомятся» той же книги (там же, стр. 213—241). Фраза «ложесна разверз» вложена в уста Смердякова, повторяющего «библеизм» Григория («II. Смердяков с гитарой» — там же, стр. 204). В исполняемый Смердяковым «романс» вошли и несколько измененные две заключительные фразы наброска (там же, стр. 206).

‹2›

Печатается по автографу (запись на странице газеты «Новое время» за 21 апреля 1879 г.): *ГБЛ*, ф. 93.I.3.65.

Впервые опубликовано: *Материалы и исследования*, т. V, стр. 69.

Набросок датируется концом апреля 1879 г. (по местонахождению на странице газеты «Новое время»), что также расширяет хронологические рамки работы над шестой книгой (ср. наст. изд., т. XV, стр. 425). В первых двух записях намечены темы будущих глав. Начальная фраза переросла в целое «мистическое рассуждение» старца Зосимы «О аде и адском огне...» в главе III шестой книги (там же, т. XIV, стр. 292—293); вторая

отразилась лишь в первоначальных набросках к главе V «Великий инквизитор» книги пятой «Pro и contra» («А потому прими бога, тем более что это вековечный старый боженька и его не решишь...» (там же, т. XV, стр. 231).

‹3›

Печатается по автографу (запись на конверте письма В. Ф. Пуцыковича Достоевскому от 9 марта 1879 г.): *ИРЛИ*, ф. 100, № 29828.

Впервые опубликовано (с неточностями): *Описание*, стр. 465.

Наброски ‹2› и ‹3›, опубликованные в т. XVII наст. изд. на стр. 13—14, также, как установлено ныне, относятся к «Братьям Карамазовым».

‹1. ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ЭПОХА»›

(Стр. 123)

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.23/3; см.: *Описание*, стр. 276—277.

Публикуется впервые.

Датируется июнем 1865 г. на основании следующего упоминания в объявлении «От издателей журнала „Эпоха“»: «В самом непродолжительном времени мы разошлем подписчикам нашего журнала более подробное объявление. Это объявление задержалось на несколько дней» (наст. изд., т. XX, стр. 223, 402). Работа над настоящим объявлением прекратилась, по-видимому, по той причине, что в это же самое время закончилось существование и самой «Библиотеки для чтения», в которой оно должно было появиться.

Стр. 123—124. — *Статьи ∾ были большею частию оригинальных русских авторов ∾ указать поименно.* — Полную роспись содержания всех книг «Эпохи» см.: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 254—260.

Стр. 124. ...*по сорокалетнему опыту в нашей журналистике...* — Началом «русского журнализма» Достоевский считал тридцатые годы XIX в. (см. об этом в письме его к А. Е. Врангелю от 14 апреля 1865 г.).

‹2. ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ЭПОХА»›

(Стр. 127)

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.23/4—5; см.: *Описание*, стр. 277.

Публикуется впервые.

ПРИПИСЫВАЕМОЕ ДОСТОЕВСКОМУ (DUBIA)

(Стр. 129)

Как указано в заметке редактора в т. XVIII наст. издания, Л. П. Гроссманом, В. Л. Комаровичем, Б. В. Томашевским, О. фон Шульцем и другими учеными в период с 1910-х по 1930-е гг. было начато систематическое обследование анонимных статей, которые печатались в издававшихся М. М. и Ф. М. Достоевскими журналах «Время» (1861—1869) и «Эпоха» (1864—1865) и в газете-журнале «Гражданин» в период, когда его редактировал писатель (1873—1874). При этом всеми названными исследователями было обращено внимание на идейно-тематическую близость и сходство манеры изложения в ряде анонимных статей и заметок «Времени», «Эпохи» и «Гражданина» и тех статей и заметок, принадлежность которых Достоевскому была засвидетельствована, с одной стороны, Страховым, а с другой — вдовой писателя (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 202, 208—209).

В ходе этой работы, которую продолжили в 1950—1970-е годы В. В. Виноградов, В. С. Нечаева, норвежский ученый проф. Г. Хетсо и редакция «Литературного наследства» (см. об этом наст. том, стр. 391, 411, 417), было выделено значительное число журнальных статей и заметок, напечатанных в трех названных периодических изданиях; исследователи на основании идейно-тематического и лингвистического анализа гипотетически, с большей или меньшей долей предположительности в разных случаях, атрибутировали их Достоевскому (или сочли возможным ему приписать). В ходе этой работы частью названных ученых обоснованно привлекались в качестве важного вспомогательного материала для проверки сделанных выводов также конторские книги журналов «Время» и «Эпоха». Значение последних для решения вопросов, связанных с установлением авторства напечатанных в этих журналах статей, было впервые по достоинству оценено Б. В. Томашевским. Изучены также дошедшие до нас не полностью гонорарные ведомости журнала «Гражданин».

Проведенные разыскания привели к ценным и плодотворным результатам и позволили пополнить корпус статей Достоевского рядом новых материалов. Так, в настоящее время ни у кого из исследователей не вызывает сомнения принадлежность Достоевскому статьи «Два лагеря теоретиков» (1862; наст. изд., т. XX), хотя она не вошла в составленный Страховым для А. Г. Достоевской список статей писателя периода «Времени» и «Эпохи». То же самое относится к статье «Чтобы кончить. Последнее объяснение с „Современником“» (1864; там же), которая была включена Страховым в его список, но была пропущена А. Г. Достоевской в составленном ею библиографическом указателе (в собрание сочинений Достоевского введена Б. В. Томашевским). Достаточно серьезные и весомые аргументы, выдвинутые В. С. Нечаевой в пользу участия Достоев-

ского в написании фельетона «Петербургская летопись» от 13 апреля 1847 г. и статьи «Вопрос об университетах», завершавшей в журнале «Время» цикл «Ряд статей о русской литературе», остальные статьи которого принадлежат писателю, дали редакции основание поместить их в приложении к тт. XVIII и XIX наст. изд. В комментарии к ним подробно изложены аргументы, подтверждающие возможное участие Достоевского в написании обоих названных сочинений. Кроме того, несмотря на сомнения, которые продолжают до сих пор высказывать отдельные исследователи (см.: *Kjetsaa*, р. 29, 31) по поводу принадлежности Достоевскому статьи «Выставка в Академии художеств за 1860—61 год» (1861), редакция сочла возможным, учитывая всю сумму аргументов в пользу авторства Достоевского, которой мы в настоящее время располагаем, включить в корпус статей писателя также и эту, во многом программную (как и статья «Два лагеря теоретиков») для направления журнала «Время» и притом наиболее близкую по своей идейно-эстетической платформе из числа основных членов редакции журнала в первую очередь именно Достоевскому статью (см. т. XIX). Наконец, в данное издание впервые включен ряд других статей, заметок, редакционных материалов Достоевского из журнала «Гражданин» («Пожар в селе Измайлове», «Стена на стену», «Попрошайка») (1873; т. XXI), не входившие в состав прежних собраний сочинений Достоевского.

В то же время редакция сочла возможным включить в отдел «Приписываемое Достоевскому» («Dubia») настоящего издания лишь сравнительно небольшое число других статей, атрибутированных гипотетически Достоевскому прежними исследователями. Остальные же статьи и заметки, которые в прошлом приписывались писателю, в настоящем томе не перепечатываются, так как: 1) часть их, как в данное время установлено, принадлежит другим авторам; 2) для прочих же авторство Достоевского маловероятно ввиду наличия близких по содержанию и стилю (а также неподписанных) материалов «Времени» или «Гражданина», причем с большей долей вероятности те же статьи и заметки могут быть приписаны другим сотрудникам журнала. Но материалы обеих этих групп перечислены в специальном приложении, куда вошли списки статей: 1) приписанных Достоевскому, но, по мнению редакции, принадлежащих или с большим основанием могущих быть атрибутированными другим авторам и 2) отредактированных Достоевским или несущих на себе возможные следы его редакционного вмешательства, объем и характер которого обычно не могут быть строго и точно определены.

Особая осторожность, которую редакция проявила при формировании отдела «Dubia», обусловливалась двумя обстоятельствами: 1) из приписанных Достоевскому в разное время статей многие, как установлено теперь, принадлежат не ему, а М. М. Достоевскому, Н. Н. Страхову, А. У. Порецкому, В. П. Мещерскому, автор же одной — «Наши студентки» (см. стр. 182) — возможно К. П. Победоносцев. Даже такой осторожный исследователь, как Б. В. Томашевский, вполне обоснованно поставивший под сомнение авторство Достоевского для ряда статей, приписанных ему Л. П. Гроссманом и О. фон Шульцем, и не включивший их в вышедший под его редакцией т. XIII Полного собрания художественных произведений Достоевского (*1926*, т. XIII), тем не менее ввел в корпус статей и заметок того же тома заметки «Желание» и «От редакции» (*Гр*, 1873, 1 января, № 1; 10 сентября, № 37 — см. наст. том, стр. 181, 184), из которых первая, вероятно, написана Мещерским, а вторая — Страховым; 2) как показало внимательное изучение статей М. М. Достоевского, Н. Н. Страхова, А. У. Порецкого, В. Ф. Пуцыковича, все они, как и ряд других сотрудников журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», а позднее — газеты-журнала «Гражданин», в той или иной мере подражали стилю Ф. М. Достоевского как более сильной творческой индивидуальности. Все это побуждает к удвоенной осторожности при решении вопроса об атрибуции той или иной статьи и заметки Достоевскому.

К этому следует добавить, что в ряде случаев исследователи (В. С. Не-

чаева, Л. П. Гроссман) приписывали или приписывают Достоевскому авторство не целых статьи или фельетона, а лишь отдельной их части. Но в таком случае, как и в ряде других (когда вопрос об авторстве Достоевского ставился или решался на основе отдельных фраз или фразеологических оборотов, сходных с фразами и оборотами его статей), более закономерно предположить возможное участие Достоевского-редактора в оформлении текста данной статьи (или части этого текста), чем его личное авторство.

Особого внимания заслуживает вопрос об участии Достоевского в газете-журнале «Гражданин» после оставления им в 1874 г. поста главного редактора. В 1878 г. на страницах «Гражданина», который редактировал в это время В. Ф. Пуцыкович, появился фельетон Достоевского «Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 248—251). Несомненную принадлежность Достоевскому названного фельетона подтверждает не только факт включения его А. Г. Достоевской в т. I первого посмертного собрания сочинений писателя (*1883,* т. I, стр. 42—46), но и сохранившаяся наборная рукопись рукою А. Г. Достоевской с поправками ее мужа (см. наст. изд., т. XXI, стр. 355, 356, 503). Позднее, в 1906 г., В. Ф. Пуцыкович указал на то, что Достоевский, который с большим участием относился к его редакторской деятельности в «Гражданине», стремился поддержать его и в других случаях, когда «Гражданин» испытывал острую нужду в материале; в качестве подтверждения этого Пуцыкович сослался на будто бы присланный ему Достоевским и помещенный им в том же разделе «Последняя страничка» «Гражданина» в 1879 г. (26 января, № 23, стр. 54—55) фельетон о ветлянской чуме и конституции (см. наст. том, стр. 186).

Факт напечатания в «Гражданине» фельетона «Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга» и мемуарное свидетельство Пуцыковича побудили Л. П. Гроссмана, Б. В. Томашевского и В. В. Виноградова поставить вопрос о возможности более широкого участия Достоевского в разделе «Последняя страничка» и в других, близких по структуре и содержанию отделах «Гражданина» после 1874 г. и о необходимости тщательного дополнительного изучения этих отделов «Гражданина» с целью выявления в нем других возможных заметок, фельетонов и корреспонденций, принадлежащих Достоевскому (см. об этом: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 231—232; *ЛН*, т. 15, стр. 121; *1926*, т. XIII, стр. 693; *Виноградов, Проблема авторства,* стр. 565 и др.).

Проведенное редакцией при подготовке настоящего издания дополнительное изучение не подтвердило свидетельства В. Ф. Пуцыковича, как и основанной на нем гипотезы Л. П. Гроссмана. О том, что фельетон 1879 г. о ветлянской чуме написан, по всей вероятности, самим Пуцыковичем и что свидетельство его представляет всего лишь литературную мистификацию, см. выше (стр. 186). Нет у нас особых, сколько-нибудь серьезных оснований для того, чтобы обоснованно атрибутировать Достоевскому и другие анонимные заметки, корреспонденции и фельетоны из «Гражданина», появившиеся в этом журнале после передачи Достоевским своих редакторских функций Пуцыковичу. Фельетон «Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова...» является, таким образом, по-видимому, единственным случаем его участия в «Гражданине» в период редакторства Пуцыковича. Это видно уже из того, что только один этот фельетон дошел до нас в наборной рукописи (в последние годы жизни писателя А. Г. Достоевская бережно хранила рукописи мужа, а также свои копии и стенограммы его произведений). К тому же фельетон этот, в отличие от других анонимных заметок и материалов «Гражданина», подписан псевдонимом («Друг Кузьмы Пруткова»), который больше в журнале Мещерского—Пуцыковича не встречается, что выделяет его из других стилистически близких материалов журнала. В остальных случаях мы имеем дело, по убеждению редакции, с более или менее удачными сознательными (а иногда и бессознательными) случаями подражания приемам Достоевского — сатирика и фельетониста.

ПИСЬМО ПОСТОРОННЕГО КРИТИКА В РЕДАКЦИЮ НАШЕГО ЖУРНАЛА ПО ПОВОДУ КНИГ Г-НА ПАНАЕВА И «НОВОГО ПОЭТА» (ОТВЕТ «ОТЕЧЕСТВЕННЫМ ЗАПИСКАМ» НА СТАТЬЮ ИХ «ЛИТЕРАТУРА СКАНДАЛОВ»)

(Стр. 129)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр,* 1861, № 1, отд. II, стр. 46—64, с подписью «Посторонний критик» (ценз. разр. — 1 декабря 1860 г.).

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

О. фон Шульц, приписавший статью Достоевскому, оговорился, что «пока не имеет для этого вполне достаточных доказательств» (*Schoultz,* S. 7, 8). Б. В. Томашевский отверг атрибуцию Шульца, сославшись на то, что «статья эта указана С. А. Венгеровым в качестве принадлежащей А. Ф. Писемскому» (*1926,* т. XIII, стр. 609). В последнее время на основе лингвостилистических методов атрибутировал Достоевскому статью также Г. Хетсо (*Kjetsaa,* p. 29).

Есть основания утверждать, что Венгеров ошибся. М. К. Клеман писал в статье «Судьба литературного наследия Писемского»: «... в библиографическом приложении к монографии о Писемском С. А. Венгерова, переизданной в 1911 г., отмечены, как принадлежащие писателю, три статьи, не входившие в собрания его сочинений: „Невинные размышления начинающего“ («Библиотека для чтения», 1862, кн. 2 и 4), „Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г-на Панаева и Нового поэта“ («Время», 1861, кн. 1). Однако две первые принадлежат П. Боборыкину и подписаны его обычным псевдонимом „Петр Нескажусь“; что касается до „Письма постороннего критика“, то в сохранившихся конторских книгах журнала „Время“ Писемский не значится в числе сотрудников первой книжки 1861 г., а выступление его во „Времени“ кажется тем более сомнительным, что в конце 1860 г. он редактировал два журнала: „Библиотеку для чтения“ и „Искусство“, в любом из которых мог напечатать свою статью».[1]

И действительно, литературный фельетон во «Времени» имеет мало общего с фельетонами «Статского советника Салатушки», «Никиты Безрылова» (псевдонимы Писемского). Сочувственное отношение автора «Письма постороннего критика» к литературной деятельности И. И. Панаева трудно согласовать с грубыми личными выпадами, содержащимися в фельетоне «Мнения, чувства и воззрения статского советника Салатушки»: «...сегодня же я пробегал литературные воспоминания г-на Панаева. Этот писатель должен быть чрезвычайно свободомыслящий человек. Он, я думаю, способен все на свете написать про всякого, кто только имел неосторожность пускать его к себе в дом. Интересно знать: опишет ли он в этих воспоминаниях тот краеугольный камень, на котором основалась его замечательная в высшей степени дружба с г-ном Некрасовым, так что теперь дружба Греча с Булгариным теряет уже всю свою прелесть. Не знаю, все ли он опишет, а ведь если умолчит что-нибудь, так, пожалуй, явится и дополнение. Интересно тогда будет читать: я ужасно люблю такого рода схватки» (*БдЧт,* 1861, № 2, стр. 4).

Писемский в конце 1860 г. стал редактором «Библиотеки для чтения». Нелогично было бы предположить, что он, скрывшись за псевдонимом «посторонний критик», избрал новый журнал «Время» трибуной для на-

---

[1] См.: А. Ф. Писемский. Письма. Л., 1936, стр. 14—15.

падок на собственный. «Библиотека для чтения» упоминается критиком вкупе с «Отечественными записками» в одном общем ироническом контексте: «Нет ничего нелепее и вместе смешнее этих криков о скандалах, особенно если взять в соображение, что их испускают „Отеч‹ественные› зап‹иски›“ и „Библиотека для чтения“» (стр. 131). Объявление «Библиотеки для чтения» о подписке на 1861 г. «посторонний критик» относит к разряду несомненных литературных скандалов. Задевается непосредственно и новый редактор: «Разве не скандал говорить о своей собственной драме как о счастливом приобретении для журнала? Нам *посчастливилось*, говорит г-н Писемский в своем объявлении, да еще подписывается под ним, — посчастливилось совокупить три лучшие произведения русской литературы за 60-й год, и в том числе называет свою драму» (стр. 132). Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что статья Писемскому не принадлежит.

«Письму постороннего критика» редакция «Времени» несомненно придавала большое значение. В сущности, это полемическое дополнение к программе журнала, изложенной в объявлении о подписке. Статье в качестве эпиграфа предпосланы слова из объявления о намерении «Времени» вести серьезную и беспристрастную полемику («без всякой уклончивости»), невзирая на лица и авторитеты («останавливать внимание на резко выдающихся фактах как положительных, так и отрицательных, ‹...› где бы они ни являлись»). Это как бы девиз журнала. В первых номерах «Времени» полемические статьи печатались рядом с другими («серьезными») в одном общем критико-литературном отделе. Впоследствии, когда полемика разрослась, они были выделены в отдел «Смесь». Это констатировалось в редакционной заметке «Противоречия и увлечения „Времени“» (см. выше, стр. 160).

«Письмо постороннего критика» — первое из серии полемических (преимущественно) писем в редакцию или к редакторам «Времени», чаще всего подписанных псевдонимами. Жанр полемических писем был весьма распространен в журналах и газетах 1860-х годов. Но «Время», пожалуй, особенно часто прибегало к нему, что вызвало даже особую ироническую реплику М. А. Антоновича: «Многие критические статьи появляются в форме писем в редакцию то с Васильевского острова, то от „ненужных“ людей, то от каких-то „посторонних“ критиков. Редакция, видимо, не желает печатать их прямо от своего имени и старается свалить с себя ответственность за их излишнюю дичь, она делает осторожные и глухие замечания, что мы-де „во многом не сходимся с неизвестным нам автором“» (*С*, 1862, № 4, стр. 273).

«Посторонних критиков» во множественном числе в журнале «Время» не было; существовал только один «посторонний критик», чьи суждения в отличие от полемических писем Н. Н. Страхова и А. А. Григорьева редакция никак не корректирует примечаниями. Но в то же время в тексте «Письма» есть ясное указание на замысел серии полемических писем от лица «постороннего критика»: «Повторяю, скандалы, по моему мнению, не в стишках и не в фельетонах ‹...› Когда-нибудь я поговорю подробнее о них, а теперь и без того письмо мое вышло слишком длинно» (стр. 145). «Подробнее» о скандалах «в статьях серьезных и в журналах важных» будет писать Ф. М. Достоевский — в цикле «Ряд статей о русской литературе» и в полемических ответах «Русскому вестнику» Каткова. Полемические же «письма» в редакцию от «постороннего критика» перейдут главным образом к Н. Н. Страхову, который, парируя язвительные упреки Антоновича, приводит число своих писем (семь).[1]

«Письмо постороннего критика» — «антикритика» на редакционное послесловие к статье, видимо П. И. Вейнберга (под псевдонимом «Непризнанный поэт»), «Литература скандалов», опубликованной в октябрьской

---

[1] В статье «Нечто об „опальном журнале“» (*Вр*, 1862, № 5).

книжке «Отечественных записок» за 1860 г. Автор письма обращается в преамбуле с дружеским наставлением к молодой, но самоуверенной редакции «Времени». В дальнейшем почти вся статья — гневная инвектива против редакции «Отечественных записок»: именно к ней и к Краевскому лично направлены вопросы, обличения, ирония автора.

«Письмо» насквозь пародийно и полемично. Искусно обыгрывая главные литературные сенсации («скандалы») минувшего года, «посторонний критик» демонстрирует осведомленность в закулисной жизни литературно-журнального мира. Заинтересованно читает он объявления о подписке на журналы и газеты, словно собирается начать собственное литературное дело и обдумывает будущую программу. Образ и «автобиография» «постороннего критика» — явная мистификация, прием литературной маски. Автор письма настойчиво и пространно (каламбуря) говорит о своей непричастности к литературному миру; он «совершенно посторонний» человек, не знающий даже имени и отчества Каткова. Отсюда — декларируемая критиком беспристрастность его позиции. Сообщает «посторонний критик» и о своем преклонном возрасте, старческих недугах: «...мне уже немало лет», «я старик, совсем старик, у меня и ноги уж не ходят, и потому я не принадлежу к вашему поколению»[1] (стр. 129, 136). Почтенный возраст критика — черта пародирующая, задевающая «Непризнанного поэта» — «старика», отечески увещевающего «Нового поэта»: «Ах, как давно это было! Двадцать последних лет вашей деятельности вы включили в пять томов, лежащих предо мной; предыдущие годы вами забыты; но я старик, все это до сих пор живо помню. Я сорок лет пишу, и меня никто не знает» (*ОЗ*, 1860, № 10, стр. 31). До знакомства с произведениями Панаева «Непризнанный поэт» подражал Шаликову (там же).

«Посторонний критик» не имеет никаких знакомств в литературном мире, да и далек вообще от столичной жизни; он провинциал, обитатель какого-то отдаленного медвежьего угла — из «захолустья». Автор письма считает нужным сообщить сведения и о своем «социальном» положении. Он — помещик: «У меня есть сосед по имению...» И этот автобиографический факт, по всей видимости, пародиен. Он задевает А. В. Дружинина — автора фельетонов «Письма иногороднего подписчика». Достоевский дважды упоминает Дружинина как автора «Писем иногороднего подписчика»: в «Селе Степанчикове и его обитателях» и в эпилоге «Униженных и оскорбленных», иронически называя его «переписчиком» и каламбуря по поводу неудачной литературной маски, так восхитившей Анфису Петровну и Фому Опискина (фамилия которого, возможно, возникла в дополнение к «подписчику-переписчику», см. наст. изд., т. III, стр. 70). Фома иллюстрирует далее пустословие переписчика в манере, выявляющей иронию Достоевского: «Помните, например, он объявляет в литературной статье, что у него есть свои поместья? <...> Ну, скажите ради здравого смысла: для чего мне, читателю, знать, что у него есть поместья? Есть — так поздравляю вас с этим! Но как мило, как это шутливо описано» (там же). Дружинин в «Письмах иногороднего подписчика» выводит некоего соседа-помещика, неудавшегося литератора, с которым ведет долгие поэтические беседы, прерываемые только обильными обедами и охотничьими забавами. «У меня есть один сосед, — уведомляет читателя Дружинин в первом письме, — очень умный помещик, который не находит довольно трогательных слов, оплакивая положение русской музы, — так

---

[1] Достоевский в анонимной полемической статье «„Свисток“ и „Русский вестник“» предпочитает «помолодеть» и соответственно высказывает «слишком молодые» мысли: «Но не знаю почему, может вследствие молодых моих лет, мне кажется, что можно взаимно обозревать друг друга и остаться честным и добросовестным», «Не смею решать (я слишком молод)...» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 107). Так уместнее и логичнее говорить о «старческих» идеалах М. Н. Каткова.

он выражается» (*Дружинин*, т. VI, стр. 21). В письме третьем Дружинин дает помещику («просвещенному читателю») более детальную характеристику, знакомя и с его неудачной литературной карьерой (там же, стр. 49). «Посторонний критик» также имеет своего соседа — «просвещенного читателя» и, как «иногородний подписчик», объясняет свою начитанность и осведомленность в литературных делах провинциальным уединением: «А читаю <...> я очень прилежно, потому что в моем уединении мне и делать больше нечего»[1] (стр. 129).

В конце «Письма постороннего критика» указаны место жительства автора и дата: «Ноября 28 дня 1860 г. Сельцо Синие Горки». «Сельцо», видимо, вымышленное — по ассоциации с Крутогорском, Черноборском («Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина), Красногорском («Село Степанчиково и его обитатели»). Датировка письма сознательно условна. «Посторонний критик» упоминает письмо П. Перейры редакции «С.-Петербургских ведомостей», опубликованное 13 декабря 1860 г. Дата цензурного разрешения январского номера «Времени» — 1 декабря 1860 г., объявление о выходе — 8 января 1861 г. Очевидно, что «Письмо постороннего критика» было срочно включено в уже составленную книжку, и создавалось оно или во второй половине декабря, или даже в первых числах января нового года. «Письмо постороннего критика» и «Петербургские сновидения в стихах и прозе» — самые поздние из статей, вошедших в январский номер журнала.[2]

Обе статьи были сочинены «наскоро» и, возможно, почти одновременно, одним автором. Оба фельетона как бы взаимно дополняют и корректируют друг друга, развивая одни и те же темы. «Два слова о Новом поэте» в «Петербургских сновидениях» невольно разрастаются, угрожая другим событиям и лицам, которых непременно должен коснуться фельетонист (впрочем, так и не коснулся традиционных фельетонных тем), прерывающий лирические излияния: «Но довольно о Новом поэте. Меня еще, пожалуй, обвинят в пристрастии». Увлекся автор и другой литературной знаменитостью — Краевским; вновь ему пришлось прибегнуть к самообузданию: «Но, боже мой, куда я увлекся! Я всё забываю, что я фельетонист <...> Надобно писать о новостях, а я пишу об „Энциклопедическом лексиконе"» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 80, 83). В «Письме постороннего критика» обе названные знаменитости на первом плане, причем здесь подхватываются мотивы из первого фельетона, хотя и с некоторым изменением акцентов.

«Посторонний критик» почти не останавливается на тех фактах, которые уже были подробно освещены в «Петербургских сновидениях»; там Достоевский уделил много внимания участию Краевского в «Энциклопедическом лексиконе», припоминая Бекона и Шекспира. «Посторонний критик» говорит о лексиконе между прочим, перечисляя многочисленные «должности» Краевского: «...я знаю из разных печатных статеек, что вас всюду выбирают на почетные места: вы <...> главный редактор Энциклопедического лексикона...» (стр. 136).

Объявление «Отечественных записок» на 1861 г. Достоевский и «посторонний критик» считают самым крупным литературным скандалом минувшего года. Самое «скандальное» в этом объявлении — оценка критической деятельности Белинского и извещение о том, что с нового года

---

[1] Дружинин красноречиво живописует преимущества чтения в глуши утверждая, что «в Петербурге-то именно и не умеют читать», создает небольшой трактат о «науке чтения» (*Дружинин*, т. VI, стр. 9—12).

[2] В «Петербургских сновидениях» упоминается в стихах Минаева статья Н. Воскобойникова «Перестаньте бить и драться, гг-да литераторы» (*СПбВед*, 1860, 30 ноября, № 261). В прозаическом тексте Достоевского цитируется фельетон Нового поэта из декабрьского номера «Современника», объявление о выходе которого датируется 30 декабря 1860 г. (об этом см. наст. изд., т. XIX, стр. 267).

отделом критики будут руководить Дудышкин и Краевский. В «Петербургских сновидениях» об объявлении говорится: «Это объявление произвело некоторый говор ‹...› меня даже просили уведомить публику, что объявление о будущих критиках г-на Краевского должно считать самым важным и самым назойливым литературным скандалом за весь прошлый год» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 81). В «Письме постороннего критика» читаем: «Разве не скандал само объявление об издании „Отеч‹ественных› зап‹исок›“ в будущем году? Утверждать, что после Белинского началась только серьезная критика и оценка наших писателей, между тем как вся-то эта критика вплоть до 54 года занималась весьма важными спорами о том, в каком году родился такой-то писатель и в каком месяце получил он такую-то награду, — утверждать это, по-моему, скандал» (стр. 131—132).[1]

В «Письме постороннего критика» приводится много фактов, которые помогают ниспровергнуть авторитет А. А. Краевского. Той же цели служат ядовитые намеки, понятные и Краевскому и литературной общественности; особенно больно должен был задеть Краевского намек, настойчиво повторенный критиком: «Мне приходит теперь на мысль, милостивый государь, что если когда-нибудь появится в печати, например, переписка покойного Белинского с его московскими друзьями, — что ж? и она будет скандалом в нашей литературе? ‹...› Неужели ж, повторяю, эта переписка будет тем родом литературы, „в котором играет главную роль *лицо*, а не идея, *факт*, а не творческое создание“, как начинают „Отечественные записки“ свое строгое слово?» (стр. 132—133). Несомненно, речь идет о письмах Белинского 1840-х гг. к Боткину и Герцену с отрицательными отзывами о Краевском в период разрыва критика с «Отечественными записками». К моменту появления статьи во «Времени» кое-что из настойчиво упоминаемых «посторонним критиком» писем уже появилось в печати. Герцен с купюрами опубликовал в «Полярной звезде» (1859, кн. V, стр. 199—213) 8 писем Белинского к нему за 1846 г.[2]

В полемической заметке критика «Русского слова», скрывшегося за псевдонимом «Р» (Благосветлов Г. Е.), был приведен отрывок из письма Белинского к Боткину от 4—8 ноября 1847 г.[3] с необходимыми саркастическими пояснениями в скобках: «Подобные условия (с одним журналом) были бы дороги каждому, а тем более мне, человеку больному, не выходящему из опасного положения, утомленному, измученному, усталому повторять вечно одно и то же. А у него (то есть у редактора-эксплуататора другого журнала) я писал даже об азбуках, песенниках, гадательных книжках, поздравительных стихах швейцаров клубов (право!), о клопах, наконец, о немецких книгах, в которых я не умел перевести даже заглавия; писал об архитектуре, о которой я столько же знаю, сколько об искусстве плести кружева. Он меня сделал не только чернорабочим, водовозною лошадью, но и шарлатаном, который судит о том, в чем не смыслит ни малейшего толку ‹...› Он (тот же редактор-эксплуататор) человек без души, без сердца, вампир, готовый высосать кровь из бедного

---

[1] Достоевский подробнее остановится на объявлении «Отечественных записок» в статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве»; «посторонний критик» предварил во многом реплики и аргументы, содержащиеся в ней (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 70—71).

[2] Письма были сопровождены примечанием: «Я должен предупредить, что я счел необходимым очень многое из писем Белинского ‹...› не печатать» (стр. 199). Герцен выпустил все о Краевском, — а о нем Белинский писал много и резко, — но оставил слова критика о решении уйти из «Отечественных записок» и о Достоевском, на которого возлагал надежды, планируя альманах в пику Краевскому. Достоевский легко мог догадаться, что именно выпустил Герцен.

[3] Критик «Р» называет письмо «известным» — разумеется, литературным кругам Москвы и Петербурга.

работника, вогнать его в чахотку и хладнокровно рассчитывать на работу его последних дней, потом, при расчете, обсчитать и гроша медного не накинуть ему на сосновый гроб» (*РСл,* 1859, № 11, стр. 136).

Критик, вспоминая старую полемику «Отечественных записок» с «Северной пчелой» 1840-х годов, цитирует журнальную заметку тех лет и говорит о «смешных, жалких и чересчур недобросовестных выходках» газеты Булгарина.[1] Он полностью на стороне «Отечественных записок» в их прежней борьбе с «Северной пчелой»: «Так преследовал и карал восемнадцать лет назад дряхлую, беззубую газету молодой, полный сил и энергии журнал, на третьем году своей жизни. Но тех ли самых правил держится он и теперь?» (там же, стр. 132). Далее критик «Русского слова», разбирая одну недавнюю статью в журнале, доказывает, что сегодняшние «Отечественные записки» придерживаются «правил» Булгарина: «...что за промах со стороны „Отечественных записок" вступать на путь, проложенный так неудачно Орестом и Пиладом XIX столетия <...> „Убийственную критику" мы просто считаем за литературную шалость, непростительную, однако, в известные лета; ведь только совсем оребятившиеся старики снова принимаются за куклы и опять готовы разъезжать на палочке верхом» (там же, стр. 135). «Посторонний критик» охотно подхватил сравнение Краевского с Булгариным, имя которого упоминается несколько раз в статье, а параллель подчеркивается. Как и полемист «Русского слова», «посторонний критик», говоря о нынешней деятельности Краевского, вспоминает старые журнальные распри: «Перелистывая старые беседы ваши с вашими прежними недругами, удивляешься возможности некоторых выражений в печати и невольно чувствуешь, что наше время сделало большой шаг вперед!» (стр. 139).

Очень симптоматичны частые возвращения критика к Гоголю и его героям и особенно контекст, в котором они звучат. «Посторонний критик» рассуждает о некоем французском фельетонисте: «Посмеется ли он, и то больше ради острого словца, над каким-нибудь фантастическим офицером, ну хоть объевшимся за пирушкой, как на другой день десяток уже вовсе не фантастических офицеров, а какого-нибудь линейного полка с номером, явятся к нему, примут словцо его на свой счет, войдут в гонор и поставят его на барьер. Точь-в-точь титулярные советники у Гоголя» (стр. 143). Здесь все: дважды повторенное «словцо», развитие темы воображаемой дуэли французского фельетониста с французскими офицерами и удивительное превращение фантастического офицера в десяток вовсе не фантастических офицеров, так неотразимо похожих на гоголевских титулярных советников, создано в манере Достоевского, набросавшего в «Петербургских сновидениях» аналогичную фантазию (см. наст. изд., т. XIX, стр. 71).

Не менее интересен пассаж: «Ведь кричали же в первое время появления Гоголя, что его лица недействительны, что таких лиц не бывает в натуре. И сколько кричали-то!» (стр. 133). Эти слова воспринимаются почти как цитата из письма Ф. М. Достоевского старшему брату от 1 февраля 1846 г.: «В „Северной пчеле" было черт знает что такое. Но я помню, как встречали Гоголя, и все мы знаем, как встречали Пушкина <...> Ругают, ругают, ругают, а все-таки читают <...> Так было и с Гоголем. Ругали, ругали его, ругали-ругали, а все-таки читали и теперь помирились с ним и стали хвалить».

Гоголя Достоевский вспомнил в связи с недоброжелательным отзывом критика «Северной пчелы» Л. В. Бранта (его рецензия, подписанная

---

[1] В статьях Достоевского 1860-х годов Булгарин упоминается часто и однозначно. В статье «Опять „Молодое перо"» Достоевский дал и определение «булгаринства»: «В нас же, хотя вы и обвиняете нас в булгаринстве, вовсе нет настолько слишком уж самоохранительного и виляющего до малодушия благоразумия (как, например, было в Булгарине), то есть „пропадай другие, было б нам хорошо". Ведь вот девиз настоящего булгаринства» (наст. изд., т. XX, стр. 95).

«Я. Я. Я.», появилась 30 января 1846 г. в № 25). Рецензия Бранта вызвала в ответ сразу два небольших памфлета в «Отечественных записках»: «Литературный заяц» Панаева (*ОЗ*, 1846, № 1, отд. «Литературные и журнальные заметки», стр. 124—126) и Белинского «Новый критикан» (там же, стр. 126—128). Ранее Панаев вывел Л. В. Бранта в физиологическом очерке «Литературная тля» (1843), о котором так лестно отозвался «посторонний критик»: «Что бы г-ну Панаеву в пандан к своей прекрасной повести „Литературная тля" описать литературную толкушу»[1] (стр. 130). Сам Достоевский памфлету «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» дает такое жанровое определение: «...несколько глав <...> нового „Опыта о новых Хлыщах"» (наст. изд., т. XX, стр. 104).

«Письмо постороннего критика» посвящено редакционному послесловию к статье «Непризнанного поэта» «Литература скандалов».[2] Возражения редакции журнала «посторонний критик» всесторонне аргументирует, сопровождая замедленное (да еще и с периодическим возвращением к одной фразе из послесловия) цитирование развернутым саркастическим комментарием и тонким разбором, переходящим в пародию «слога» редакции. Идеологический комментарий сливается со стилистическим. Сначала дается одно коротенькое замечание в скобках: «Ему (*то есть этому роду литературы, где лицо и т. д.*) преданы душой и телом все бездарности...» (стр. 134; курсив наш, — *Ред.*). Затем внимание критика останавливает неуклюжее предложение: «Нет надобности указывать на мелочи дрязгов, которые кишат». По поводу «кишащих дрязгов» возникает издевательская тирада: «Ведь вы так всё обобщили, что, мне кажется, и я виноват в скандалах, что и я только и занят, что „дрязгами, которые кишат". <...> Зачем подавать повод к этим дрязгам? Ведь вот тот редактор <...> может тоже, как и вы, сказать, что это дрязги, и обвинить в этих дрязгах всю литературу. Прекрасно, но зачем же он подает повод к этим дрязгам?» (стр. 138).

Еще далее «посторонний критик» курсивом выделяет слова редакционного послесловия и иронизирует над его ученым слогом: «И прекрасно, что *те элементы нашей литературы, которыми она жила до сих пор, разложились*, хотя это простое понятие могло бы быть попроще выражено. Но так как мы все уже привыкли к ученому слогу „Отеч<ественных> зап<исок>", то понимаем его отлично» (стр. 138). Не прошел «посторонний критик» и мимо фразы, составленной как бы по рецептам старой риторики Кошанского: «Руководить это общество обязана была литература —

---

[1] Ср. с литературным советом во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе»: «Кстати (простите за отступление), премиленькая вышла бы статейка, если б кто-нибудь из наших фельетонистов взял на себя труд рассказать все сюжеты таких комедий, повестей, пословиц и проч. и проч., мелькающих даже до сих пор в русской литературе» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 47—48). Галлицизм *в пандан* Достоевский дважды употребил в полемической заметке «Опять „Молодое перо"»: «Хотел было я, правда, вам стихи сочинить, *в pendant* к вашим...», «Это *в pendant* к вашим уткам» (т. XX, стр. 95, 96; курсив наш, — *Ред.*).

[2] Б. Ф. Егоров атрибутирует послесловие С. С. Дудышкину (см.: «Библиография трудов С. С. Дудышкина». — Труды по русской и славянской филологии, т. V, Тарту, 1962, стр. 228). «Посторонний критик», видимо, намекает на Дудышкина, замечая: «...написанное по всем признакам человеком, очень близким к редакции, очень серьезным...». (Начиная с № 9 за 1860 г. на обложке журнала «Отечественные записки» печатаются имена обоих редакторов — Краевского и Дудышкина). Но точно определять имя автора послесловия не в интересах «постороннего критика». Его, напротив, устраивает бо́льшая неясность в этом вопросе, и он умело использует анонимность послесловия, то обращаясь к «милостивым государям», т. е. к редакции журнала, то — и уже без всяких обиняков — к одному «милостивому государю» — Краевскому.

а она, из барышей и легкой репутации, начала угождать ему!» (стр. 143). Критик «Времени» не выделяет, правда, ничего курсивом и не сопровождает ироническим комментарием: он пародирует «ученый», архаический слог, прибегая к стилистической карикатуре: «Пусть руководить это юное общество должна литература. Да ведь она же его и руководит. <...> Что же делают самые скандалы, как вы называете их, — как не руководят этого общества?» (стр. 144).

Стилистический анализ и пародирование[1] «чужого» стиля в высшей степени свойственны Достоевскому — художнику и публицисту. Так, в статье «По поводу элегической заметки „Русского вестника"» Достоевский придирается к слову «абструзность»: «...о милое словечко! где это вы его достали? по делу виден художник» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 176). Полемическую заметку «Молодое перо» Достоевский начинает подражанием слогу Брамбеуса. В статье «Учителю» дает подробный стилистический разбор фельетона «Голоса» (т. XXI, стр. 113—117). В статье «Щекотливый вопрос» Достоевский пародирует стиль Каткова, Павлова, Дудышкина, Аскоченского («...я увлекаюсь и говорю даже слогом почтенного журналиста» — т. XX, стр. 47).

Полемика «постороннего критика» с Краевским по поводу гласности, свиста, скандалов созвучна убеждениям Достоевского начала 1860-х годов (см. наст. изд., т. XIX, стр. 115, 122).

В «Петербургских сновидениях» Достоевский признается в симпатиях к Добролюбову.[2] «Постороннему критику» «свист» Лилиеншвагера также по душе: «Ну что ж, что г-н Бабст подкрепляет свои мнения стихами г-на Розенгейма <...> Пусть подкрепляет, хотя мне лично, милостивый государь, нравится более г-н Лилиеншвагер» (стр. 141). Критик цитирует фельетон Добролюбова и Некрасова «Дружеская переписка Москвы с Петербургом» (*С*, 1860, № 3). Его же цитирует Достоевский в статье «Щекотливый вопрос» (наст. изд., т. XX, стр. 33). Причем и «посторонний критик», и Достоевский сопровождают цитацию ироническими вариациями-комментариями с подчеркиванием и обыгрыванием особенно понравившихся слов и сравнений.

«Посторонний критик» сочувствует почвеннической программе; придает большое значение отличию русского общества от современного ему европейского: «Вся разница нашего общества от французского или английского <...> заключается в том, что у нас почти нет партий, по крайней мере строго организованных, и наше общество, если и смеется иногда невпопад, то по крайней мере бескорыстно. Смеется, потому что смешно, а не потому что осмеянная личность принадлежит к враждебной какой-нибудь партии»[3] (стр. 142). Его возмущает мысль редакции «Отечественных записок» о незрелости русского общества в сравнении с европейским, слова о «личной расправе», которая «весьма действительна для лиц, скры-

---

[1] И даже определение «по слогу» автора анонимной или псевдонимной статьи: в заметке «Опять „Молодое перо"» — Салтыкова-Щедрина, в «антикритике» «Ряженый» — Н. С. Лескова (см. наст. изд., т. XX, стр. 83—96; т. XXI, стр. 77—91).

[2] Во «Введении» к циклу статей о русской литературе Достоевский цитирует стихотворение Лилиеншвагера «Наш демон» (1859; см. наст. изд., т. XVIII, стр. 61).

[3] Ср. со следующими словами из «Введения» к «Ряду статей о русской литературе»: «Если и есть несогласия, то они только внешние, временные, случайные, легко устранимые и не имеющие корней в почве нашей, и мы очень хорошо это понимаем <...> Нет у нас сословных интересов, потому что и сословий-то в строгом смысле не было. Нет у нас галлов и франков, нет цензов, определяющих внешним образом, чего стоит человек; потому что у нас только одно образование и одни нравственные качества человека должны определять, чего стоит человек...» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 50).

вающихся под псевдонимами», общественном презрении, неминуемо ждущем свистунов и пасквилянтов в Англии, Германии и «даже в теперешней Франции». Такому взгляду на западноевропейскую действительность «посторонний критик» противопоставляет свое скептическое мнение: «В последние прожитые нами с таким волнением годы мы видели в этих (западных, — *Ред.*) обществах столько неразумного смеха, столько диких вопиющих глумлений, что смело можно сказать: общество в этом отношении везде одинаково <...> И там ведь не без медных лбов, которые не глядят ни на какое общественное мнение. Прибегать же к *личной расправе,* как вы намекаете, везде возможно: это зависит от воли. Этой личной расправой и объясняются все дуэли, о которых мы, к сожалению, так часто слышим»[1] (стр. 142—143).

Достоевский почти во всех публицистических статьях 1860-х годов высказывается и по литературным вопросам. И «посторонний критик» вынужден коснуться литературных вопросов, так как «Непризнанный поэт» и редакция «Отечественных записок», по его мнению, проявили полнейшее невежество, пустившись рассуждать о сатире. «Непризнанный поэт» отказывает всем произведениям Панаева без исключения в праве на художественное значение: «Это совсем не *сочинения.* Это то, что пока не напечатано, называется слухами, новостями, сплетнями <...> в этой литературе не требуется творчества, потому что берется голый факт, как его дает жизнь <...> в этом роде литературы не нужен даже ум, который требуется на то, чтоб написать простое письмо: нужна некоторая злость и знание всех вестей и слухов» (*ОЗ,* 1860, № 11, стр. 36—37). С этими (и другими) словами критика о литературном значении произведений Панаева соглашается редакция журнала «Отечественные записки».

Вскрывая личную подоплеку отношения журнала Краевского к сатирической литературе, критик защищает «обличительную» (или «отрицательную») литературу с такой же убежденностью, с какой Достоевский доказывал неправоту сторонников «чистого искусства», не признававших Щедрина. Критик приводит возражения «и с точки зрения риторики и пиитики»: «Разверните Кошанского,[2] и вы увидите, что эпиграмма, куплет и даже триолет <...> имеют в каждой литературе право гражданства.

---

[1] Сходным образом Достоевский в статье «Славянофилы, черногорцы и западники. Самая последняя перепалка» высмеивает полемический упрек «западнического» «Современного слова» славянофильскому «Дню». Достоевский говорит о «эпохе нашего с.-петербургского европеизма», «в которую „Современное слово“ укоряло „День“ за то, что он ругается с ним *по-народному*, и указывало при этом на „Journal des Débats“ как на пример благовоспитанности. „Что, дескать, скажут про нас европейцы? И ругаются ли, например, так в «де Деба»?“ Из наших европейских и цивилизованных газет „Современное слово“, конечно, могло бы узнать, что и не по-народному можно так выругаться, как и народу иной раз не снилось. А в Париже хоть и не ругаются теперь по-нашенски, зато ругаются *по-своему,* даже получше нашего, и, кроме того, кроме ругательств, там в газетах и без ругательств напишут иной раз так, что стошнит всякого порядочного человека» (наст. изд., т. XX, стр. 27).

[2] В устах «старца» естественно обращение к имени Кошанского. Достоевский в статье «Молодое перо» также приводит риторическое правило Кошанского — равно справедливое и банальное: «Еще у Кошанского сказано, что хорошие мысли предпочитаются блестящему слогу» (наст. изд., т. XX, стр. 78). Совет «постороннего критика» заглянуть в старый учебник риторики стилистически преподнесен в типичной назидательно-иронической манере Достоевского: во «Введении» к статьям о русской литературе — «Сделайте одолжение, разверните все книги <...> прочтите их внимательно и увидите...» (т. XVIII, стр. 42); в статье «О новых литературных органах и о новых теориях» — «Разверните какую вам угодно историю и справьтесь, — французскую, английскую» (т. XX, стр. 64).

Лучшие эпиграммы писал Пушкин[1] <...> Вы тоже неправы и там, где говорите, что этому роду „преданы душой и телом все бездарности, потому что он очень легок". Во-первых, он вовсе не легок: надо иметь особый талант, чтоб смешить, особый склад ума, чтоб написать нечто остроумное и грациозное в этом роде, а во-вторых, должно сознаться, что большая часть стишков, написанных в честь разных лиц, были грациозны и остроумны» (стр. 136).

«Посторонний критик» недоумевает по поводу того, что такой журнал как «Отечественные записки», всегда ратовавший за гласность и свободу мнений, переполошился, ознакомившись с несколькими эпиграммами: «Иной господин целую жизнь свою кричит о гласности, приобретает себе этим ранг литературного генерала; начинает смотреть такой важной особой, а чуть крошечку кольнут его, начинает кричать караул, скандал на всю русскую литературу» (стр. 131). Это замечание — прямое развитие мысли Достоевского во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (ср. т. XIX, стр. 111).

Повествуя о деятельности Краевского, «посторонний критик» прибегает к излюбленным образам Достоевского: «Как ни скрыты ваши потаенные нитки, которыми вы двигаете ваши марионетки, она (публика, — *Ред.*) видит эти нитки и очень хорошо знает, к чему всё это клонится» (стр. 133, см. наст. изд., т. XIX, стр. 71, 175).

Часто прибегает «посторонний критик» к каламбурам, без которых немыслим Достоевский-публицист, автор особой статьи «Каламбуры в жизни и литературе» (1864). В этой статье Достоевский вину за обилие каламбуров, от которых он якобы не может отвязаться, возлагает на Краевского и объявление «Голоса». Отличает «Письмо постороннего критика» от других полемических писем в редакцию «Времени» (Н. Страхова, А. Григорьева) также императивность, учительность: «я и говорю», «повторяю», «я стою за то», «я считаю», «поучитесь сами извинять» и т. п. Такой императивный тон свойствен именно Достоевскому — публицисту «Времени» и автору «Дневника писателя».

Наконец, Достоевский в других статьях дважды воспользовался следующим сравнением «постороннего критика»: «Можно ли так *зарисоваться* перед общественным мнением и смотреть на свои домашние дела, на свою *домашнюю стирку*, как на дело великой важности, как на какое-то чуть не государственное дело, в котором каждый из читателей непременно обязан принять участие?» — вопрошает критик (стр. 131, курсив наш, — *Ред.*) (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 100; т. XIX, стр. 111).

Совокупность приведенных аргументов позволяет с большой долей уверенности включить «Письмо постороннего критика» в раздел «Dubia». Правда, нельзя исключить какой-то доли участия в создании статьи также и М. М. Достоевского, но веских аргументов в пользу его авторства не имеется. Наоборот «Письмо постороннего критика» написано в памфлетной, энергичной литературной манере, мало напоминающей спокойный и несколько аморфный стиль М. Достоевского-публициста.

«Письмо постороннего критика» вызвало несколько журнальных откликов. Критику «Отечественных записок» С. С. Дудышкину пришлось ограничиться мелкими придирками и риторическими вопросами: «Неужто уничтожение авторитетов ученых и литературных будет вами произведено посредством скандала? Знаете ли, что мы скажем вам, так как к этому нелитературному вопросу мы возвращаться не будем? Вы, в оправдание себя, приводите неловкий пример: вы ссылаетесь на Англию, где можно

---

[1] Достоевский не только защищает Пушкина от «ругателей», он при всяком удобном случае использует его высокоавторитетное имя — в том числе в полемических целях. Так, Щедрину и Антоновичу в статье «Чтобы кончить» он советует поучиться полемическому искусству у Пушкина-публициста: «Вспомните тоже полемические статьи господина Пушкина» (наст. изд., т. XX, стр. 130).

говорить, что угодно, и о Пальмерстоне, и о последнем констебле в иерархической лестнице чинов и сословий. Там именно потому и нет скандала, что равно можно говорить обо всех» (*ОЗ*, 1861, № 2, стр. 79).

А. Н. Плещеев «Письмо постороннего критика» выделил особо: «Упомянем также о статье по поводу повестей и заметок г-на Панаева. Основная мысль ее весьма справедлива. Мы не сходимся только с некоторыми частностями,[1] но весьма рады, что наконец возвысился в нашей литературе серьезный голос против этих поборников „благонамеренной гласности“, которые допускают гласность только до той поры, пока она не коснулась их самих, и которые, сами делая непрестанные скандалы, готовы за две или за три направленных на них шутки назвать всю современную литературу литературой скандалов... Мы охотно повторяем, вместе с критиком „Времени“: „Если бы даже гласность раз и ошиблась... Неужели за это долой ее? Нет, если вы любите гласность, то извиняйте и уклонение ее!“» (*МВед*, 1861, 17 января, № 13).

Н. Г. Чернышевский специально выделил «Письмо» и привел из него большую цитату, иллюстрируя «благородный взгляд» новой редакции (*Чернышевский*, т. VII, стр. 955). «Свисток» отдал должное полемическому темпераменту нового журнала и отвел обвинение в робости: «Вам уже конечно известно, что с 1861 года появился на Руси новый журнал „Время“. Вот это-то „Время“ между прочими упреками, делаемыми им всей литературе вообще и каждому автору в разбивку, вздумало упрекать „Свисток“ тем, что он публиковал объявление о самом себе *„робко, мелким шрифтом“* <...> Если бы „Время“ вместо *робко* употребило слово *кротко*, тогда нечего бы и говорить. Но — робко! В чем же, по мнению „Времени“, выразилась робость „Свистка“? В том, что он не написал о себе широковещательного объявления, не расхвастался в нем своими заслугами, не натыкал в него сотни заглавий небывалых статей и десятки имен с сомнительной знаменитостью? Помилуйте! Да если вопрос только в этом, так „Свисток“ мог бы удивить публику своею храбростью не хуже самих „Отечественных записок“» («Вместо предисловия. О шрифтах вообще и о мелком в особенности». — *С*, 1861, № 1, «Свисток», стр. 2—6).

Стр. 130. ... *переживаю теперь превращение г-жи Евгении Тур в еженедельную газету.* — Иронический отклик на объявления об издании газеты «Русская речь», подписанные Е. Тур (Е. В. Салиас де Турнемир; 1815—1892). С 1861 г. стал выходить в Москве журнал «Русская речь и Московский вестник», редактором-издателем которого была Е. Тур. Это означало прекращение самостоятельного существования еженедельной газеты «Московский вестник», одним из фактических редакторов которой был А. Н. Плещеев, горячо рекомендовавший газету Ф. М. Достоевскому, просивший пропагандировать ее в Твери (см. об этом: наст. изд., т. XVIII, стр. 292—293). Созданию новой газеты предшествовал разрыв Е. Тур с журналом М. Н. Каткова. Новая газета и была задумана как противовес всесильному «Русскому вестнику» Каткова. Но просуществовала она лишь до января 1862 г. М. Е. Салтыков-Щедрин в эпиграммах «Характеры» (так высоко оцененных Достоевским) «Русскому вестнику» уделил особенное внимание, в частности в двух «эпиграммах» он коснулся конфликта Е. Тур

[1] «Частности» — это, видимо, причисление к серьезным скандалам в литературе «ученых статей» «Современника»: ими восторгался неоднократно Плещеев. А также, хотя и не выраженное прямо, скептическое отношение критика к роману Тургенева «Накануне». Плещеев в письмах к Достоевскому негодовал на отрицательные отзывы последнего о «Накануне». Судя по содержанию письма Плещеева к Достоевскому от 17 марта 1860 г., того особенно не удовлетворила фигура Инсарова. Убедить Достоевского Плещееву, однако, не удалось, и он снова в письме от 25 марта вынужден был повторить: «О тургеневском романе я с тобой ни в одной ноте не согласен» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 453).

с «Русским вестником» и объявления об издании «Русской речи» (*Салтыков-Щедрин*, т. IV, стр. 198, 201).

Стр. 130. ...*переживаю теперь появление полного собрания сочинений г-на Ив. Панаева.* — В 1860 г. вышли сочинения Ивана Панаева в трех томах и «Очерки из петербургской жизни Нового поэта» в двух томах. «Рецензией» на эти книги и явилась статья «Литература скандалов» (*ОЗ*, 1860, № 10, стр. 29—39).

Стр. 130. ...*на облако толкуш...* — «Толкунчики, толкунцы, толкачи, толкушки ‹...› рой или столб мошки, которая толчется в воздухе, в теплые вечера, после дождя ‹...› *Толкуша* ‹...› праздный человек, который суется, толчется без дела» (*Даль*, т. IV, стр. 411).

Стр. 130. ...*к своей прекрасной повести «Литературная тля»...* — О физиологическом очерке И. Панаева «Литературная тля» (1843) иронически писал в статье «Литература скандалов» «Непризнанный поэт»: «В сорок первом году явился ваш „Онагр", за которым последовал растолстевший от деревенской жизни „Актеон". Потом явилась „Тля" и за нею вся тяжкая — им же нет числа и до сего дня. ‹...› Ваша „Тля" произвела в свое время такой же шум в кружках Александринского театра, как впоследствии „Великосветский хлыщ"...» (*ОЗ*, 1860, № 10, стр. 30—31). Критик цитирует большой отрывок из «Литературной тли» — описание Александринского театра (там же, стр. 35) — с язвительными комментариями и курсивом на тему известных слов эпиграммы Н. Ф. Щербины на Панаева: «...коленкоровых манишек беспощадный Ювенал».

Стр. 131. *Я не говорю уже о «Петербургских ведомостях» ∾ на посылках у «Отечественных записок».* — Газету «С.-Петербургские ведомости» в 1851—1862 гг. редактировал А. А. Краевский; он же с 1839 г. был редактором «Отечественных записок». В примечании к «Письму с Васильевского острова» Достоевский иронизировал в том же духе: «Недавно, месяца два тому назад, в одном из номеров „СПб. ведомостей" было объявлено тоже о каком-то великом незнакомце при сравнении его с лордом Пальмерстоном: говорили там, что лорд Пальмерстон хоть и подвергается свисткам и насмешкам, но все-таки получил свою награду, а великий петербургский незнакомец не получал своей награды» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 118).

Стр. 131. ...*нескончаемая переписка г-на Каткова с г-жою Евгениею Тур?* — См. об этом наст. изд., т. XIX, стр. 84, 277.

Стр. 131. ...*статья г-на Дудышкина о Пушкине...* — Речь идет о статье С. С. Дудышкина «Пушкин — народный поэт» (*ОЗ*, 1860, № 4, стр. 57—74). Ее назвал Достоевский «чудовищной» в статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 71). В статье «Книжность и грамотность» Достоевский подробно ответит на мнения критика «Отечественных записок» о Пушкине (т. XIX, стр. 8—18).

Стр. 131. ...*г-на Бова...* — Бов (точнее: — бов) — один из псевдонимов Н. А. Добролюбова. О полемике Достоевского с Добролюбовым см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 269—292.

Стр. 131. *Разве не скандал само объявление об издании «Отеч‹ественных› зап‹исок›»...* — Об отношении Достоевского к этому «историческому» объявлению см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 70—71; т. XIX, стр. 81.

Стр. 131—132. *Утверждать, что после Белинского началась только серьезная критика ∾ скандал.* — Эти же мнения в «скандальном» объявлении «Отечественных записок» с возмущением опровергает Достоевский в статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 70—71).

Стр. 132. *Разве не скандал говорить о своей собственной драме ∾ посчастливилось совокупить три лучшие произведения русской литературы за 60-й год, и в том числе называет свою драму.* — В объявлении о подписке на «Библиотеку для чтения», редактором которой вместо А. В. Дружинина только что стал А. Ф. Писемский, говорилось: «С конца прошлого года по настоящее время „Библиотека для чтения", между прочим, успела счастливо соединить в этом отделе: повесть И. С. Тургенева „Первая любовь"

и драмы: А. Н. Островского „Гроза“ и самого редактора — „Горькая судьбина“. Оба последних произведения были удостоены в нынешнем году Уваровских премий» (*МВед*, 1860, 24 ноября, № 255).

Стр. 132. *А ученые скандалы «Современника»...* — Речь, видимо, идет о статье Н. Г. Чернышевского 1860 г. «Капитал и труд» и рецензии на «Курс политической экономии» Г. Молинари, которые были враждебно встречены «Отечественными записками» и «Санкт-Петербургскими ведомостями» (см. статьи: «Финансовая и промышленная летопись» — *СПбВед*. 1860, 23 октября, № 206; «Перестаньте бить и драться, г-да литераторы» Н. Воскобойникова — там же, 30 ноября, № 261; его же «Держиморда в прогрессах» — там же, 18 ноября, № 252). У Достоевского также было большое желание выступить против статей Чернышевского (об этом свидетельствуют записные книжки — см. наст. изд., т. XX, стр. 153—158, 168, 196), но в печати он ограничился почти всецело литературной полемикой со статьей Чернышевского «Не начало ли перемены?» в последнем номере «Времени» за 1861 г. («Рассказы Н. В. Успенского», см. наст. изд., т. XIX, стр. 336—337).

Стр. 132. *Одну, написанную, кажется, г-ном Басистовым...* — Имеется в виду статья П. Е. Басистова (1823—1882), педагога, автора неоднократно переиздававшейся «Хрестоматии для употребления при первоначальном преподавании русского языка» (М., 1861), литературного критика «Отечественных записок» и «Санкт-Петербургских ведомостей» — «Толки о том, что нового в новом романе г-на Тургенева „Накануне“» (*ОЗ*, 1860, № 5, стр. 1—18). Басистов действительно восторгается Тургеневым-художником, но в его статье были не одни лишь «фимиамы»: Басистова не удовлетворили герои «Накануне» Инсаров и Елена, он большую часть статьи посвящает полемике с Н. А. Добролюбовым, и, в сущности, его точка зрения не противостоит критическим суждениям К. Леонтьева, гораздо более откровенным и резким по тону. (О статье Басистова см.: *Тургенев, Сочинения*, т. VIII, стр. 536).

Стр. 132. *...другую, доставленную самим г-ном Тургеневым...* — Сразу же после статьи Басистова в «Отечественных записках» шла статья К. Н. Леонтьева (за подписью «Знакомый вам провинциал») «Письмо провинциала к г-ну Тургеневу» (*ОЗ*, 1860, № 5, стр. 18—28). Редакция сопроводила одновременную публикацию двух статей о романе «Накануне» следующим общим примечанием: «Роман г-на Тургенева „Накануне“ возбудил множество противоречивых мнений. Небезупречный во многих местах в художественном отношении, но в то же время полный поэтических красот, с глубоко задуманною идеею, он заслуживает подробного разбора. Мы помещаем две статьи, полученные нами: одну от сотрудника нашего журнала г-на Басистова, другую — переданную нам самим г-ном Тургеневым, с просьбою напечатать ее. Мы не исполнили бы этой просьбы автора „Накануне“, потому что „Письмо провинциала к г-ну Тургеневу“ слишком взыскательно и односторонне в своих эстетических требованиях; но так как статья г-на Басистова дополняет то, что опущено „провинциалом“, то мы и решились напечатать их вместе, сделав в некоторых местах свои замечания» (*ОЗ*, 1860, № 5, стр. 1). Тургенев, действительно. предпринял усилия, «устраивая» статью Леонтьева сначала в «Современник», который отказался ее поместить, а затем в «Отечественные записки», где заручился согласием Дудышкина (см.: *Тургенев, Письма*, т. IV, стр. 68). О статье Леонтьева см.: *Тургенев, Сочинения*, т. VIII, стр. 536—538.

Стр. 132. *...везде редакция поспешила заявить свое несогласие.* — Не ограничившись общим предисловием к статьям Басистова и Леонтьева, Дудышкин сопроводил публикацию «Письма провинциала к г-ну Тургеневу» еще одним примечанием: «Письмо это, как сказано выше, передано нам самим г-ном Тургеневым, *с просьбою* напечатать его» (*ОЗ*, 1860, № 5. стр. 18). Кроме того, к отдельным местам статьи Леонтьева Дудышкин добавил свои возражения. Несогласие руководителя критического отдела журнала вызвал вывод Леонтьева о «самых страстных» и «самых драматических сценах» романа: «...все они как будто сделаны с усиленным

стремлением к простоте и вечным, коренным красотам страсти; но вместо этого вышло что-то избитое и механическое». Дудышкин возражает: «Мы с этим совершенно не согласны. „Накануне“ полно сценами высокопоэтическими, в которых решительно не видно ничего „сделанного“, по выражению автора» (там же, стр. 23). Возражение Дудышкина вызвало и следующее рассуждение Леонтьева: «Нравственное предпочтение Инсаровых Курнатовским понятно и сродно каждому, но нравственное торжество Инсаровых над Берсеневыми и Шубиными непривлекательно для русской души (она не виновата!), а потому вы оставались холодны к уважаемым вами лицам, не возвели их в „перл создания“; одаряя их самыми прочными, полезными и высокими качествами, вы обращались с ними как с хрупкими предметами, как бы боялись чем-нибудь уронить их». Примечание Дудышкина к этим словам: «Нам кажется, что рецензент опустил из виду идею романа; по крайней мере он не хотел принять ее в соображение в этом месте». Недоуменным вопросом («Из чего это заключил рецензент?») сопроводил Дудышкин и другое мнение Леонтьева: «Вы имеете право сказать, что самое заглавие вашей повести относится к прошедшему: что „Накануне“ (если я не ошибся) значит: „накануне рассвета после войны“, что теперь уже явились там и сям русские Штольцы и русские Инсаровы» (там же, стр. 27). «Постороннему критику» явно симпатичны суждения Леонтьева («остроумного критика») о романе «Накануне».

Стр. 133. ...*«в котором играет главную роль лицо ∾ творческое создание»*... — *ОЗ*, 1860, № 10, стр. 37; курсив редакции журнала.

Стр. 133—134. ... *«...такие упреки ∾ петербургских литературных отношений».* — Отчет о двадцать шестом заседании Общества пособия нуждающимся литераторам и ученым (4 октября 1860 г.) был опубликован в газете Краевского (*СПбВед*, 1860, 27 октября, № 233; курсив «постороннего критика»). Фельетонист «Времени» недоумевал, «почему „С.-Петербургские ведомости“ пользуются монополией — первыми печатать все отчеты общества. Мы думаем, что и другие наши ежедневные газеты с большою готовностию предложили бы обществу у себя место для его отчетов» (*Вр*, 1861, № 2, стр. 30).

Стр. 134. *Она написана в таком тоне: Ах, Иван Иваныч, как вам не стыдно ∾ я вас знал еще маленьким, Иван Иваныч!..* — Пародируются фамильярные обращения к Панаеву в статье «Литература скандалов»: «Ах, г-н Панаев, если б вы знали, что вы сделали! вы напечатали свои повести и вместе с вами Новый поэт напечатал свои „Очерки из петербургской жизни“. ‹...› Если помните, Иван Иванович, ваша деятельность началась в блестящее время...» (*ОЗ*, 1860, № 10. стр. 29—30).

Аналогичным образом Достоевский пародирует стиль М. Антоновича в послесловии к статье Н. Страхова «Нечто об опальном журнале» (см. наст. изд., т. XX, стр. 225).

Стр. 134. *«Этот-то род литературы ∾ еженедельных изданий».* — *ОЗ*, 1860, № 10, стр. 37; курсив «постороннего критика».

Стр. 134—135. *«Ему ∾ преданы ∾ настоящего времени».* — *ОЗ*, 1860, № 10, стр. 37; курсив «постороннего критика».

Стр. 135. ...*господин Козляинов*... — О вышневолоцком помещике Козляинове, ударившем девушку-немку в вагоне Николаевской железной дороги, очень много писали в газетах и журналах 1860 г. Попал Козляинов и в сатирическую литературу (например, см.: Обличительный поэт (Д. Д. Минаев) «Како — вышневолоцкий рыцарь. Современное предание». — *И*, 1860, 30 сентября, № 38). Козляинова вспомнил в январском номере «Времени» во «Внутренних новостях» А. У. Порецкий, негодуя по поводу весьма странного суждения московского корреспондента «Северной пчелы»: «Вот вы знаете историю г-на Козляинова с немкой; но проследили ли вы эту историю до конца? Читали ли, например, московского корреспондента в № 271 „Северной пчелы“, где излагается дело в защиту и пользу г-на Козляинова, и потом опровержение этой защиты, помещенное Львом Камбеком в № 280 той же „Северной пчелы“? Читали или не читали, это

всё равно, но вот что главное: защитник, предполагая, что может возникнуть вопрос: отчего г-н Козляинов, если он прав, не отвечал напавшим на него журналам, — разрешает этот вопрос так: а может быть, Козляинов и не читает журналов. или если и читает, то *не имеет достаточного уважения к ним и вообще к печати*; уважение же, дескать, навязать нельзя... Согласитесь же, что это — безобразие, даже такая степень безобразия, что и сама гласность, я думаю, отвернется от него с презрительной улыбкой» (*Вр*, 1861, № 1, стр. 10).

Стр. 135. *Вы конечно не оскорбитесь, если я поставлю лорда Пальмерстона на одну доску с вами...* — Генри Джон Дempл Пальмерстон (1784—1865) — английский государственный деятель, лидер партии тори. Это место статьи «постороннего критика» вызвало полемическое возражение Ю. А. Волкова (*СПбВед*, 1861, 9 февраля, № 32). Наивные аргументы Волкова Достоевский высмеял в примечании к «Письму с Васильевского острова» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 118, 289—300). См. также выше, стр. 402.

Стр. 135. *За господ Гусиных, Сорокиных...* — Гусин — пародийная переделка фамилии петербургского миллионера-откупщика Исаака Осиповича Утина: в сатирических журналах Утина чаще называли просто Ицко. Сорокин — такого же рода переделка фамилии петербургского крупного домовладельца С. Д. Воронина. Утин и Воронин фигурировали почти в каждом номере «Искры» за 1859—1860 гг. (под прозрачными пародийными прозвищами). А рядом с этими одиозными фигурами склонялось имя редактора «Отечественных записок». Так, Салтыков-Щедрин в хронике «Наша общественная жизнь» (декабрь 1863 г.), развивая обычные сюжеты сатирических газет и приложений, писал: «...я пророчу А. А. блистательную будущность. Я знаю, например, что он со временем будет директором во всех акционерных компаниях и редактором всех политических и литературных газет и журналов. Я знаю, что если В. А. Кокорев изобретет новое средство отыскать миллиард в тумане, то предварительно покажет свой прожект А. А., что ежели И. О. Утин задумает строить новый палаццо в Галерной улице, то попросит А. А. начертить ему план» (*Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 197).

Стр. 136. *Разверните Кошанского ∾ право гражданства.* — Ироническая отсылка к старому учебнику Н. Ф. Кошанского (1781—1831) «Общая реторика». Видимо, подразумеваются следующие определения Кошанского: «Уступление (Concesso), когда мы соглашаемся на противное; но для того, чтобы тем более низвергнуть противника и подтвердить нашу истину. Требует тонкости ума, чтобы поразить противника его же оружием. На ней часто основываются эпиграммы»; «Остроумие (Oxymoron) — острая мысль с видимым противоречием. Заставляет соображать умом и догадываться. На ней часто основываются эпиграммы» (Н. Кошанский. Общая реторика. Изд. десятое. СПб., 1849, стр. 110—111).

Стр. 136. *...ваше будто бы свидание с господином Перейрой в «Искре»...* — Имеется в виду эпиграмма Салтыкова-Щедрина на А. А. Краевского в «Характерах» (1860; о ней см. наст. изд., т. XIX, стр. 274—275). Исаак Перейра (1806—1880) — французский банкир и публицист. Эпиграмме Салтыкова-Щедрина в «Искре» предшествовало «Письмо в редакцию» А. В. Дружинина (за подписью Иван Ч-р-к-н-ж-к-в). В фельетоне Дружинина цитируется якобы «отвергнутое» «Искрой» стихотворение «друга» автора (Лызгачева) «Чувства русского журналиста с капиталом при взгляде на банкира Исаака Перейру в собрании общества железных дорог». В стихотворении журналист (Краевский), безудержно восхвалявший Зевса-Перейру, закончил его «с достодолжным каламбуром»

Да, как громадный наш Исакий
Велик Перейра Исаак!!

(*И*, 1860, 10 июня, № 22)

Стр. 136—137. *...так грубо и неприлично обошелся с редакцией «Санкт-Петербургских ведомостей» ∾ послание.* — «Письмо г-на Исаака Перейры» было опубликовано 13 декабря (*СПбВед*, 1860, № 271) и отличалось вызывающим и резким тоном: «Мм. гг. Ныне только я получил перевод напечатанных в „Санкт-Петербургских ведомостях", 30-го августа и 23-го сентября 1860 г., двух статей обо мне, столько же грубых, сколько наполненных клеветой.

Подобная нелепая клевета не могла бы появиться во Франции; она находится в столь явном противоречии с публичными актами, занесенными в дневнике законов, и с фактами, ежедневно и положительно заявляемыми чрез совершающиеся на парижской бирже сделки, что всякий расчет с клеветником был бы тотчас же покончен глубочайшим презрением». Письмо Перейры редакция газеты сопроводила примечанием: «Долг беспристрастия заставляет нас напечатать это письмо г-на Исаака Перейры, доставленное нам и в переводе и во французском подлиннике. Оставляя в стороне жесткие фразы, которые мы не хотели и не считали себя вправе изменять, мы тем не менее считаем нужным заметить, что факты, сообщенные в обеих статьях нашей газеты (30-го августа и 23-го сентября), не выдуманы нами с намерением очернить г-на Перейру, а взяты просто из французской брошюры г-на Феменя и из русской „Коммерческой газеты". Пусть же к ним, а не к нам обращается г-н Перейра с своими упреками!».

Стр. 137. *...я нарочно посмотрел на ваш портрет в издании Мюнстера...* — Литограф А. Э. Мюнстер издавал «Портретную галерею русских деятелей»; о выходе очередных выпусков «галереи» регулярно сообщалось в печати. О «галерее», и в частности портрете А. А. Краевского, Достоевский писал в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 80).

Стр. 137. *Я говорю здесь о стихотворении...* — Далее цитируются (с неточностями) три «куплета» (из четырех) стихотворения Н. С. Курочкина (Пр. Преображенский) «Не-Парус» (*И*, 1860, 19 августа, № 32). «Старец среброкудрый» (он же — «редактор мудрый»), ищущий «Ицку», — А. А. Краевский. Ицко — И. О. Утин. Кафешантан — увеселительное заведение И. Излера Monde brillant (см.: П. И. Вейнберг ‹Гейне из Тамбова›. Элегия в Monde brillant. — *И*, 1859, 10 июля, № 26; в карикатурах Н. Степанова фигурирует тот же кафешантан с неграми, тирольцами, цыганами и ш-г Ицко — *И*, 1860, 8 февраля, № 26). Свидание А. А. Краевского с Исааком Утиным в «Письме постороннего критика» — очевидная параллель невероятной встрече Краевского и Исаака Перейры.

Стр. 137. *Следующего куплета не помню...* — Третий «куплет» пародии «Не-Парус» такой:

Пред ним буфет: отрада пьющим;
Но для него отрады нет!
Для старца в *кофие поющем*
Несоблазнителен буфет!

(*И*, 1860, 19 августа, № 32)

Перевод Курочкина («кофий поющий») был снабжен ироническим примечанием: «...для некоторых акционеров Главного Общества железных дорог, не понимающих по-французски» (там же). Ирония задевала Краевского: грубые ошибки при переводе с французского в статьях «Отечественных записок» породили много язвительных реплик в печати (см., в частности, «Характеры» Салтыкова-Щедрина: *Салтыков-Щедрин*, т. IV. стр. 200).

Стр. 137. *«Городская сплетня ∾ сатирой».* — *ОЗ*, 1860, № 10, стр. 37; курсив «постороннего критика».

Стр. 138. *«Нет надобности указывать ∾ литератору».* — *ОЗ*, 1860, № 10, стр. 37.

Стр. 138. *«В чем искать ∾ что устарело».* — *ОЗ*, 1860, № 10, стр. 37—38; курсив и замечание в скобках «постороннего критика».

Стр. 139. *«Но эти насмешки ∾ не было».* — *ОЗ*, 1860, № 10, стр. 38; курсив и замечание в скобках «постороннего критика».

Стр. 139. ...*всё царствование Луи Филиппа...* — Луи Филипп (1773—1850) — французский король (1830—1848), был свергнут революцией 1848 г.

Стр. 139. ...*всё последующее время до восстановления Империи.* — До 2 декабря 1852 г.

Стр. 139. ...*«Фигаро», «Шаривари» или «Journal pour rire»...* — «Фигаро» — сатирический журнал, редактируемый А. Латушем и Н. Рокеплапом, один из самых смелых, фрондерских журналов в «царствование Луи Филиппа». Против него неоднократно возбуждались процессы. Был запрещен. Новый «Фигаро» (со 2 апреля 1854 г.) в условиях империи Наполеона III не имеет ничего общего с журналом Латуша и Рокеплапа. «Шаривари» — сатирическая газета, основанная в 1832 г. Шарлем Филипоном; газета находилась в оппозиции к правительству Луи Филиппа и выдержала 20 процессов. В газете сотрудничали выдающиеся французские художники-карикатуристы: Гранвиль, Домье, Гаварни; большой успех имела карикатура Ш. Филипона на короля Луи Филиппа («Шаривари», 1834, 17 января). «Journal pour rire» (1848—1856) — сатирический журнал, основанный Ш. Филипоном. В журнале сотрудничали такие карикатуристы, как Домье, Шам, Доре.

Достоевский упоминает двух художников, сотрудничавших в парижских иллюстрированных сатирических журналах и газетах 1830—1840 гг.: П. Гаварни (1804—1866) — в «Униженных и оскорбленных» (см. наст. изд., т. III, стр. 171) и А. Шама (1819—1897) — в письме к А. Г. Достоевской от 9 июля 1876 г. («...одна картинка Шама (Scham) в натуре»).

Стр. 139. ...*над Тьером, Гизо ∾ Прудоном, Кабе, Пьером Леру.* — Перечислены видные французские политики и «главы социалистов» 1830—1840 гг. Л.-А. Тьер (1797—1877) — политик и историк. Ф.-П. Гизо (1787—1874) — политический деятель и историк, глава правительства при Луи Филиппе. П.-Ж. Прудон (1809—1865) — социолог и экономист, один из основоположников анархизма. Э. Кабе (1788—1856) — социалист-утопист. П. Леру (1797—1871) — писатель и политический деятель, социалист-утопист.

Стр. 139. *Недавно г-н Чернышевский ∾ относительно г-на Погодина...* — В «Замечании» на «Последнее слово г-ну Погодину г-на Костомарова» (*С*, 1860, № 5, стр. 84—88). Чернышевский дал уничижительную оценку Погодину — историку и человеку: «Ученые труды г-на Погодина не имеют ровно никакого ученого значения, а между тем г-н Погодин очень долго пользовался репутациею человека, оказавшего важные услуги русской истории, — так долго пользовался этою репутациею, что сам стал наконец верить, будто она по справедливости заслужена им. Когда человек, не имеющий заслуг, считает себя имеющим заслуги, он становится несносен тщеславием и наглостью. Человек тщеславный и наглый бывает неразборчив на средства» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 296). Чернышевский приводит в заметке слова, сказанные им Костомарову перед диспутом последнего с Погодиным, и прибавляет к ним: «Я смягчаю для печати выражения, которые употреблял тогда. Читатель может дополнить их воображением» (там же, стр. 297). Чернышевский, заканчивая свое полемическое выступление, писал: «...пора нам деятельнее прежнего приняться за перетряску хлама многих ученых и других наших знаменитостей, чтобы всем стало видно, что это именно хлам, ничего не стоящий, ни к чему не годный, и чтобы не мешал этот хлам деятельности тех немногих хороших ученых, которых, к счастию, мы уже имеем. Пора нам наконец разделаться с пустыми репутациями, мешающими нам сосредоточивать наше внимание исключительно на мнениях дельных людей» (там же, стр. 299).

Стр. 140. *«Прошедшее представляло нам ∾ литературой и политическими науками».* — *ОЗ*, 1860, № 10, стр. 38; курсив «Постороннего критика».

Стр. 140. ...*варяги были литвины, а не норманы...* — «Посторонний критик» имеет в виду диспут между М. П. Погодиным, сторонником нор-

манской теории происхождения государства, и его противником — Н. И. Костомаровым (состоялся 19 марта 1860 г.). Подробнее о диспуте см. наст. изд., т. XVIII, стр. 263.

Стр. 140. *Г-н де-Молинари, г-н Костомаров...* — Густав де Молинари (1819—1912) — бельгийский экономист, сотрудничал в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике». Н. И. Костомаров (1817—1885) — русский и украинский историк. Достоевский к его трудам относился критически, в частности он полемизировал с мнением Костомарова о Пушкине (см. наст. изд., т. XIX, стр. 237).

Стр. 140. *...г-н Бабст...* — И. К. Бабст (1824—1881), ученик Т. Н. Грановского, либеральный экономист, вместе с Ф. В. Чижовым издававший журнал «Вестник промышленности».

Стр. 140. *...г-на Случевского...* — Стихи К. Случевского (1872—1905) стали тоже специфическим «литературным скандалом» 1860 г. «Посторонний критик», признавая законность и необходимость пародий, хотя и с оговорками, находит у поэта «дарование, но еще не установившееся». Из письма А. Н. Плещеева к Достоевскому от 25 марта 1860 г. видно, что Достоевский не разделял мнения большинства критиков и сатириков. Плещеев писал: «Может из Случевского и выйдет что-нибудь — не говорю против этого. А что он обходится без заимствованных чувствований — это действительно хорошо. <...> Блестящий стих и красивость не дают еще права на звание поэта» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 453—454). Ранее — до получения неизвестного нам письма Достоевского Плещеев в «Заметках кое о чем» высказал свое мнение о стихах Случевского резче и категоричнее: они «отличаются прекрасной отделкой», «есть своеобразные, счастливые эпитеты», но «нет ни искорки теплоты, интимности» (*МВ*, 1860, 11 марта, № 10). Достоевский мельком упомянул Случевского во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 47).

Стр. 140. *...я вспомнил одно стихотворение в «Современнике» или в его «Свистке».* — Фельетон Добролюбова и Некрасова «Дружеская переписка Москвы с Петербургом» (*С*, 1860, № 3).

Стр. 140. *...Ученый Бабст стихами Розенгейма ∾ мнения свои...* — Цитата из фельетона Добролюбова и Некрасова «Дружеская переписка Москвы с Петербургом». К этим строчкам в фельетоне было сделано ироническое библиографическое примечание: «Это случилось в „Атенее“, 1858, № 4, стр. 297. Стихами г-на Розенгейма подкрепляет ученый г-н Бабст свои возражения какому-то господину, защищавшему откупа» (*Добролюбов*, т. VII, стр. 430). И. К. Бабст процитировал Розенгейма в заключение небольшой заметки «Объявление» («Атеней», 1858, № 46, стр. 207). М. Розенгейм (1820—1887) — видный представитель той «обличительной» литературы, которую так язвительно высмеял Добролюбов во многих статьях и стихотворениях, подписанных «Конрад Лилиеншвагер» в «Свистке», в том числе и в знаменитой статье «Стихотворения Михаила Розенгейма» (1858). Отношение Достоевского к «лире» Розенгейма ироническое (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 60).

Стр. 141. *Как водопад бушует ∾ Где «Атеней» как ручеек журчал...* — Цитата из «Дружеской переписки Москвы с Петербургом» (1860). «Атеней» — журнал критики, современной истории и литературы, издававшийся под редакцией Е. Ф. Корша в 1858—1859 гг.

Стр. 141. *Это «почему» ∾ вопрос, о котором Гейне, например, написал бы чудных две-три страницы.* — Возможно, намек на предисловие Г. Гейне к драме «Вильям Ратклиф. Драматическая баллада» (перевод А. Н. Плещеева: *С*, 1859, № 11, стр. 261—295), объясняющее, почему он включает ее в собрание своих стихотворений: «Я писал „Ратклифа“ в Берлине; под липами, в последние три дня января 1821 г., когда от солнца, освещавшего покрытые снегом крыши домов и грустно обнаженные ветви деревьев, — разливалась уже в воздухе отрадная теплота. Я писал его прямо набело, без брульона; и над головой моей в это время как будто летала и шумела крыльями какая-то большая птица... Когда

я рассказывал об этом друзьям моим, юным берлинским поэтам, они как-то странно переглянулись между собою и единогласно стали уверять меня, что с ними, — во время писанья стихов, — никогда не случалось ничего подобного...» (*С*, 1859, № 11, стр. 261).

Стр. 141. *«Как только раздался ∾ общество».* — *ОЗ*, 1860, № 10, стр. 38.

Стр. 142. *...она еще сфинкс для вас...* — Сфинксом называл Достоевский Россию и русский народ во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе».

Стр. 142. *«Какое же наше общество? ∾ ни во что не вмешивается».* — *ОЗ*, 1860, № 10, стр. 38; курсив «постороннего критика».

Стр. 143—144. *«Таково ли наше общество? ∾ себя защитить и т. д. и т. д.».* — *ОЗ*, 1860, № 10, стр. 38—39; курсив «постороннего критика». Цитата из статьи «Литература скандалов» прерывается «посторонним критиком» раздраженными «и т. д. и т. д.». Далее в статье следует: «...в числе лучших литературных представителей и журналов, долг которых прежде всего помнить литературные обязанности, а потом уже собственные свои корыстные, материальные.

Вопрос этот мы считаем очень важным, а потому предлагаем его на обсуждение всех, кто сколько-нибудь дорожит литературой и наукой» (там же, стр. 39). На этот призыв редакции «Отечественных записок» и откликнулся «посторонний критик».

Стр. 144. *Вы так молили о ней ∾ ненавистной цаплей?* — Пересказывается традиционный басенный сюжет, в России разработанный И. А. Крыловым в басне «Лягушки, просящие царя» (1809). У Крылова выведен Журавль, замененный «посторонним критиком» (возможно специально, в соответствии с пародийно-фельетонным тоном «Письма») на цаплю.

Стр. 144. *Неужели знаменитая фраза: мы не созрели...* — Суперарбитр Е. И. Ламанский на диспуте Н. А. Перозио-Смирнова, имевшем место 13 декабря 1859 г. в зале Пассажа, закрыл его следующими словами: «Мы еще не созрели для публичных прений». Подробнее о диспуте см. наст. изд., т. XVIII, стр. 263.

Стр. 144. *...вы не то чтоб не дозрели, а, кажется, перезрели.* — С аналогичным упреком Достоевский обращается к Каткову в статье «Ответ „Русскому вестнику“»: «Вы только любите одних безгрешных, а безгрешным считаете, кажется, только себя. Боязнь же ошибиться и обидчивость ваша показывает даже какое-то старчество» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 123).

Стр. 145. *Писано про каких-то нехороших редакторов...* — Имеется в виду очерк «Петербургский литературный промышленник» (о Краевском), впервые напечатанный в составе фельетона «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта» (*С*, 1857, № 12, стр. 257—268).

Стр. 145. *...про каких-то смешных приятелей.* — «Непризнанный поэт», «передавая» сюжеты рассказов Панаева, в частности писал: «В третьем представлении три-четыре приятеля, которые в молодости были хорошими людьми, а впоследствии, когда им перешло за сорок, они все сделались смешными: один гастрономом, другой начал хвастаться своим домом в подмосковной и корчить из себя барина...» (*ОЗ*, 1860, № 10, стр. 36).

ГАВАНЬСКИЕ ЧИНОВНИКИ В ДОМАШНЕМ БЫТУ, ИЛИ ГАЛЕРНАЯ ГАВАНЬ ВО ВСЯКОЕ ВРЕМЯ ДНЯ И ГОДА (ПЕЙЗАЖ И ЖАНР) ИВАНА ГЕНСЛЕРА

Библиотека для чтения. Ноябрь и декабрь 1860

(Стр. 145)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1861, № 2, отд. II, стр. 139—150, без подписи (ценз. разр. — 9 февраля 1861 г.).

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Рецензия — анонимная. Б. Ф. Егоров привел ряд аргументов, позволяющих атрибутировать ее А. А. Григорьеву: «В статье „Нигилизм в искусстве“, явно принадлежащей Григорьеву («Время», 1862, № 8, — *Ред.*), содержится фраза: „Разбирая раз в нашем журнале вещь г-на Генслера, мы, помнится, назвали ее огромным холстом с маленькими кадрами“ (стр. 58). Речь шла именно о данной рецензии. Она может быть приписана Григорьеву на следующих основаниях: 1) проводится идея критика о недостатках произведений, авторы которых „рассыпаются“ на мелочи и не имеют общего взгляда на жизнь; 2) автор сетует по поводу упадка критики, благодаря чему возникает много художественных „явлений“, „не замеченных“ литературой (ср. статьи А. Григорьева: «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой», — *Ред.*); 3) сравнение произведения с холстом — излюбленное для Григорьева (ср.: «Время», 1861, № 4, стр. 131; Соч. А. Григорьева, изд. 1876 г., стр. 367)».[1]

Из выдвинутых Б. Ф. Егоровым аргументов бесспорным можно признать только указание самого Григорьева на принадлежность ему сравнения произведения с холстом, сравнения, частого в статьях критика. Другие доводы, на наш взгляд, не могут быть признаны решающими: об упадке литературной критики в начале 1860-х годов и о необходимости для художника иметь выработанный, «общий взгляд на жизнь» писали многие, в том числе и Ф. М. Достоевский. С другой стороны, очевидно, что в рецензии присутствуют некоторые оценки литературных произведений, весьма типичные для А. А. Григорьева. Особенно это относится к мнению о так называемых «драматических пословицах». «Большому писателю, от разных посторонних восхищений, случается иногда обмолвиться, то есть написать просто дрянь, какую-нибудь выспреннюю ерунду, повесть в форме французской „провербы“, в которой *кавалер* и *дама*, оба в перчатках, разговаривают всё о чувствах да, положим, о недостатках светского воспитания — одним словом, дичь» (стр. 147). А. А. Григорьев неоднократно писал об этом драматургическом жанре, модном поветрии, которому, к сожалению критика, отдал дань и И. С. Тургенев. Несомненно, что в анонимном разборе «Гаваньских чиновников» речь идет именно о комедии Тургенева «Месяц в деревне». Характерно для критика курсивное выделение светской пары («*кавалер* и *дама*»), например: «Пусть „Где тонко, там и рвется“, по истинной точности анализа, по прелести разговора, по множеству поэтических черт — стоит над всем этим *дамским* и *кавалерским* баловством столь же высоко, как пословицы Мюссе; пусть в „Провинциалке“ женское лицо очерчено хотя и слегка, но с мастерством истинного артиста <...> но всё же эти произведения — жертва моде и какая-то женская прихоть автора „Записок охотника“, „Рудина“ и „Дворянского гнезда“» (*РСл*, 1859, № 5, отд. «Критика», стр. 24—25). Правда, и Достоевский ясно выразил свое отрицательное отношение к драматическим пословицам — французским и отечественным, но опирался он при этом на статьи и рецензии Григорьева, ограничившись ироническим пересказом произведений второстепенных и третьестепенных писателей вроде Н. В. Сушкова и Н. М. Львова (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 47—48. 254—255). Отрицательные суждения Достоевского о драматургии Тургенева неизвестны. Напротив, интерес к ней отразился в таких произведениях, как «Село Степанчиково и его обитатели» (проблематика и характерология «Нахлебника») и «Вечный муж» (характер Ступендьева в «Провинциалке»).

Можно предположить, что и высокая оценка рецензентом романа писательницы Н. Д. Хвощинской (1824—1889), писавшей под псевдонимом

---

[1] Б. Ф. Егоров. Аполлон Григорьев — критик. Статья 1. Приложения. I. Библиография критики и художественной прозы Ап. Григорьева. — В кн.: Труды по русской и славянской филологии, 1960, вып. III, стр. 236 (Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 98).

«В. Крестовский», «В ожидании лучшего» (1860) принадлежит Григорьеву, который весьма сочувственно писал о ее произведениях еще в статье «Русская изящная литература в 1852 году» (см.: А. Григорьев. Литературная критика. М., 1967, стр. 57, 78—79). Настоящий отзыв можно даже предположительно расценить как заявку А. Григорьева на статью о творчестве Хвощинской для цикла «Явления, пропущенные современной критикой». Об интересе Достоевского к творчеству Хвощинской нам неизвестно. Однако в период создания «Униженных и оскорбленных» внимание писателя могло привлечь негативное изображение светских нравов в романе «В ожидании лучшего» — одном из самых значительных и ярких ее произведений.

Таковы аргументы, позволяющие предполагать принадлежность рецензии Григорьеву. Но не менее серьезны и контраргументы, в том числе те, которые привел сам Б. Ф. Егоров: «Сомнения в авторстве Григорьева следующие: 1) статья написана как бы от имени редакции (стр. 145); 2) встречается много кратких, отрывистых предложений, мало типичных для синтаксиса Григорьева; 3) отдельные слова характерны скорее для лексикона Ф. Достоевского, чем Григорьева: „муссированье“, „взмыливание“, „стушеваться“. Возможно, статья подверглась редакционной правке».[1]

Атрибуция статьи Григорьеву вызвала сомнение В. С. Нечаевой (*Нечаева, «Эпоха»*, стр. 235, 236). На основе лингвостилистических соображений за включение ее в отдел «Dubia» высказался Г. Хетсо (*Kjetsaa*, p. 29). В любом случае правка рецензии редактором не вызывает сомнений: это сказалось на синтаксическом строе (именно для стиля Достоевского-публициста характерны отрывистые предложения) и лексиконе: примеры, выделенные Егоровым, действительно очень показательны. Кстати, в рецензии употреблены глаголы «стушеваться», «стушевываться» и производное от последнего деепричастие: «... сейчас же поспешили стушеваться», «... зачем же было так робко стушевываться?», «... даже стушевываясь, почему было публично не сознаться» (стр. 149). «Взмыливанье» и «муссированье» являются своего рода ключевыми словами, вокруг которых группируются полемические выпады выступающего от имени редакции «Времени» автора; они несколько раз подчеркиваются, как это не раз делается в статьях Достоевского-публициста: «И начинается взмыливанье или, как говорит один очень милый господин, *муссированье* <...> и до того взмыливают и до того муссируют, что это взмыливанье отзывается наконец и в Сибири...»; «Взмыливанье и муссированье начинает действовать»; «... после такого типографического муссирования и читать-то нельзя так, как обыкновенно читаются немуссированные вещи»; «Тогда молчание прерывается и начинается взмыливанье» (см. стр. 147, 148, 150).

Присутствуют в рецензии и другие, встречающиеся в статьях Достоевского словечки и словосочетания: «... всё так перезнакомилось и перекумилось» (стр. 147);[2] «доморощенное дрянцо» (стр. 147; ср.: «умишко» — «Петербургские сновидения в стихах и прозе», наст. изд., т. XIX, стр. 67; «красненькое словцо» — «Необходимое литературное объяснение...», там же, т. XX, стр. 52; «некрасивое дельце», «ваше словцо» — «Опять „Молодое перо“», там же, стр. 91, 95; «колебания в убеждениях и убежденьицах» — «Каламбуры в жизни и в литературе», там же, стр. 146); «... в журналах заключилась теперь вся наша литература» (стр. 150; ср.: «Ведь литература

---

[1] Б. Ф. Егоров. Аполлон Григорьев — критик..., стр. 236. В. В. Виноградов, опираясь на эти заключения Б. Ф. Егорова, писал в статье «И. С. Генслер и Достоевский — редактор „Гаваньских сцен“»: «Итак, по статье Ап. Григорьева, вероятно, прошлось перо редактора Ф. М. Достоевского» (*РЛ*, 1964, № 2, стр. 77).

[2] И несколько ниже с обычным у Достоевского усилением: «все до того перероднятся и перекумятся».

совокупилась в журналах» — «„Свисток“ и „Русский вестник“», т. XIX, стр. 106) и т. п.

Таким образом, есть веские основания говорить о редакторском вмешательстве Достоевского в рецензию, вероятно написанную Григорьевым. Нелогично было бы расценивать эту редакторскую правку только как стилистическую. Фактически речь может идти о своеобразном «соавторстве»: редактор журнала как бы присоединил к конкретному разбору Григорьевым «Гаваньских чиновников» вступление, которое сильно разрослось и оттеснило на второй план собственно рецензию, оказавшуюся, в сущности, приложением к заметке программного редакционного характера, перекликающейся — тематически и стилистически — с объявлениями и статьями Ф. М. Достоевского.[1]

Приведем несколько примеров: 1) Антитеза «похвалы» и «правды»: «Похвала вещь приторная, сладкая: к концу ее, если можно <...> Будем лучше бранить, другими словами — говорить правду. Правда в большей части случаев принимается у нас за чистейшую брань <...> Гораздо выгоднее говорить неправду, как можно больше неправды» (стр. 146—147). «Правда» — один из вариантов названия будущей «Эпохи». Среди замыслов неосуществленных критических статей Достоевского была статья под названием «Правды, правды!» (см. наст. изд., т. XX, стр. 153) — можно предположить, что этот замысел частично был осуществлен в рецензии на книгу Генслера и в редакционном примечании к статье Григорьева «О постепенном, но быстром и повсеместном распространении невежества и безграмотности в российской словесности (из заметок ненужного человека)»: «Мы верим в прямое и здравое чутье масс и думаем, что честно высказанная правда никогда не повредит в глазах читателей ни литературе, ни тому уважению, которое *должна* питать к ней читающая и мыслящая публика...» — см. наст. изд., т. XIX, стр. 211. 2) Противопоставление рутины, «золотых», которые никогда не ошибаются, «умным» людям, часто увлекающимся и ошибающимся: «Самые умные люди ошибаются, и мы даже думаем, что больше всех ошибаются — умные люди. Они так много живут умственною жизнию, что соблазны к ошибкам у них на каждом шагу и на каждой минуте. Одни *золотые* думают о себе, что они непогрешительны и, как Юпитеры, не могут ошибаться» (стр. 150). Ср. с рассуждениями Достоевского о «золотой посредственности» в «Объявлении о подписке на 1861 г.» и во «Введении к „Ряду статей о русской литературе“» (наст. изд., т. XVIII, стр. 39, 61—62), и особенно «Кстати: люди ограниченные, тупые, гораздо меньше делают глупостей, чем люди умные, — отчего это?» (там же, стр. 53). А также — в «Журнальных заметках»: «Разве умные люди не могут ошибаться? Да гениальные-то люди и ошибаются чаще всего в средствах к проведению своих мыслей, и часто чем гениальнее они, тем и крупнее ошибаются. Вот рутина, так та реже ошибается» (там же, т. XX, стр. 74).[2] 3) В рецензии отстаивается взгляд на литературную полемику и задачи журнальной критики, который Достоевский впервые сформулировал в «Объявлении» и впоследствии постоянно проводил во многих своих публицистических выступлениях. 4) Безусловное требование гласности и свободы слова, дискуссий, широкое понимание прогресса в обществе и литературе, доверительное и уважительное отношение к «публике»: «Это тысячеголовое существо, которое тогда только и живет, когда увлекается; тогда только в нем есть залог всякого прогресса, когда его всё трогает, всё шевелит, когда оно бро-

---

[1] Разбор «Гаваньских чиновников» занимает немногим более 1/3 статьи, включая две пространные цитаты из произведения Генслера.

[2] И в статье «По поводу элегической заметки „Русского вестника“»: «Разве не может увлекаться и ошибаться истинная, честная пытливость ума, честный и совестливый человек? С страданием ища выхода, он спотыкается, падает... Да такие-то люди и спотыкаются» (наст. изд., т. XIX, стр. 173).

сается с жаром на то, что ему указывают его передовые деятели. Не велика беда и в том, если эти передовые деятели сами увлекаются, что иногда и бывает. Для нас всегда были дороги честные увлечения, и если мы будем спорить с ними, то всегда с уважением. Мы сами не раз и не два будем увлекаться и горячо увлекаться» (стр. 148). В сущности, это очередное изложение позиции Достоевского-редактора, который, в частности, так разъяснял свое отношение к деятельности Добролюбова и Чернышевского в «Объявлении о подписке на журнал „Время" на 1863 г.»: «Мы понимали и умели ценить и любовь, и великодушные чувства этих искренних друзей народа, мы уважали и будем уважать их искреннюю и честную деятельность, несмотря на то, что мы не во всем согласны с ними. Но эти чувства не заставят нас скрывать и наших убеждений» (см. наст. изд., т. XX, стр. 208). В объявлении об издании «Эпохи» на 1865 г. обобщенная декларация редактора: «Мы не будем избегать и споров и серьезной полемики <...> Мы не боимся исследования, свету и ходячих авторитетов. Мы всегда готовы похвалить хорошее даже у самых яростных наших противников. Мы всегда тоже готовы искренно сознаться в том, в чем мы ошибались, тотчас же, как нам это докажут» (там же, стр. 220). Такая позиция Достоевского-редактора, публициста, литературного критика противоречила скептическим воззрениям Григорьева, который демонстративно подписывал свои статьи псевдонимом «Ненужный человек». 5) Отношение рецензента к «литературным скандалам», полемика с «авторитетными» «Отечественными записками» А. А. Краевского (и зависимой от журнала газетой «Санкт-Петербургские ведомости») и «Русским вестником» М. Н. Каткова во всем совпадают с позицией Достоевского.

Особенно существенным представляется то обстоятельство, что многие мнения, проводимые в преамбуле к разбору книги Генслера, противоположны убеждениям Григорьева и, напротив, показательны для настроений Ф. М. Достоевского в первый год издания «Времени». Григорьев, как известно, выражал неудовольствие «срамной дружбой с „Современником" братьев Достоевских»[1] и, как и Н. Н. Страхов, желал обострения идейной полемики с журналом Добролюбова и Чернышевского. Поэтому совершенно исключена принадлежность Григорьеву следующего благосклонного мнения о «Современнике»: «Один „Современник", постоянно чувствовавший себя не в своей тарелке посреди такого чинного сонма серьезных и глубокомысленных изданий («Русского вестника» и «Отечественных записок», — *Ред.*), прорывался по временам, как будто ему уж становилось невмочь, и напоминал нам, что у нас хоть какая-нибудь да есть литература...» (стр. 150).

В приведенных словах можно усмотреть отклик редакции на мнение, высказанное Н. Г. Чернышевским о журнале в его рецензии на первую книжку «Времени». Чернышевский писал: «Сколько мы можем судить по первому нумеру, „Время" расходится с „Современником" в понятиях о многих из числа тех вопросов, по которым может быть разница явлений в хорошей части общества. Если мы не ошибаемся, „Время" так же мало намерено быть сколком с „Современника", как и с „Русского вестника". Стало быть, наш отзыв о нем не продиктован пристрастием. Мы желаем ему успеха потому, что всегда с радостью приветствовали появление каждого нового журнала, который обещал быть представителем честного и независимого мнения, как бы ни различествовало оно от нашего образа мыслей» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 956). К этому замечанию Чернышевского близка программная декларация, завершающая вступительную часть рецензии на «Гаваньских чиновников»: «Что касается до нас, то мы будем останавливаться на каждом замечательном произведении, в каком бы журнале оно ни явилось, точно так же как на каждой спорной статье, и будем спорить со всеми и обо всем. Читатели наши

---

[1] См.: А. Григорьев. Воспоминания. М.—Л., «Academia», 1930, стр. 442.

увидят, что мы не придерживаемся никаких партий, никаких личностей <...> Пора наконец сознать, что человека или издание можно уважать и тогда, когда он или оно исповедуют противные мнения и убеждения. Например, мы глубоко уважаем „Русский вестник" за честность, прямоту и главное — храбрость своих убеждений, хотя нисколько не согласны с ним во многом» (стр. 151).

Участие Ф. М. Достоевского было особенно велико в первых трех книжках журнала «Время». Ярко выраженный редакционно-программный характер рецензии на «Гаваньских чиновников» и совокупность изложенных выше тематических и стилистических аргументов дают основание для помещения ее в разделе «Dubia». Зная о трудных и сложных отношениях Григорьева, критика мнительного и обидчивого, дорожившего своей особой и независимой позицией, с Ф. М. и М. М. Достоевскими, трудно предположить, что он в февральском выпуске «Времени» за 1861 г. выступил в роли истолкователя и убежденного сторонника общественно-литературной программы журнала. В рецензии на произведение Генслера, как и в двух других статьях, публикуемых в разделе «Dubia» («Письмо постороннего критика...», «Противоречия и увлечения „Времени"»), развиваются и уточняются основные положения первого «Объявления» редакции о подписке на журнал «Время».

В 1870-е годы в период редактирования «Гражданина» Достоевский поместил на страницах еженедельника «Гаваньские сцены» И. С. Генслера (*Гр*, 1873, №№ 9 и 10), которые, согласно его признанию в письме к М. П. Погодину от 26 февраля 1873 г., подверглись значительной редакционной правке: «Литературные сценки Генслера (в сегодняшнем №) я почти вновь пересочинил». В. В. Виноградов в статье «И. С. Генслер и Достоевский — редактор „Гаваньских сцен"» предпринял попытку реконструировать работу Достоевского над очерком и пришел к таким выводам: «Конечно, очень трудно с несомненностью реконструировать внесенные Достоевским усовершенствования, дополнения и преобразования. Но несомненно, наиболее глубоко и существенно „пересочинена" была Достоевским драматическая, или диалогическая, часть генслеровского жанра» (*РЛ*, 1964, № 2, стр. 91). К сожалению, и в диалогической части произведения Генслера выделить с несомненностью внесенные Достоевским стилистические (а возможно, и другие) интерполяции практически невозможно. Но интересно само по себе обращение редактора «Гражданина» к «гаваньским сценам» Генслера, напомнившим Достоевскому о первых номерах «Времени», где была помещена рецензия на самое значительное произведение тогда еще только начинавшего, а в 1870-е годы уже исписавшегося и забытого литератора — «Гаваньские чиновники».

Стр. 145. ...*первое произведение г-на Генслера*. — Такого же мнения был и критик «Санкт-Петербургских ведомостей», рекомендовавший Генслера как «автора, кажется, в первый раз выступающего на литературном поприще» (*СПбВед*, 1860, 2 декабря, № 263). Это утверждение неточно. И. С. Генслер ранее издал две книги плохих переводов стихотворений Гейне в 1857 и 1858 гг. (см. о них: *Добролюбов*, т. II, стр. 117—118, 280—283).

Стр. 146. ...*хоть г-ну X., одному из известных наших писателей...* — Речь идет здесь и далее о И. А. Гончарове и его «прославленном романе» «Обломов».

Стр. 146. *В прошлогодней январской книжке «Светоча» был напечатан разбор известного романа г-на Гончарова «Обломов»*. — Статья фактического редактора журнала А. П. Милюкова (*Св*, 1860, № 1, отд. 3, стр. 3—39). Милюков полемизирует в ней со статьей Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?», вызвавшей острую критику и А. А. Григорьева в монографии «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо"» (см.: А. Григорьев. Литературная критика. М., 1967, стр. 316, 325—336, 364—365). Вряд ли, однако, разбор А. Милюковым ро-

мана Гончарова мог показаться Григорьеву «прекрасным». Отзывы Григорьева о Милюкове в начале 1860-х годов были неизменно язвительными, в частности, трактовка последним главного героя романа, Обломова, должна была вызвать не меньшее раздражение критика, чем обличение Добролюбовым обломовщины. То, что писал Григорьев об Обломове и обломовщине, защищая их от приговоров Добролюбова и комментариев самого Гончарова, у которого «все-таки <...> сердце лежит гораздо больше к Обломову и к Агафье, чем к Штольцу и к Ольге» (там же, стр. 336), противоположно либеральным рассуждениям Милюкова: «Это враг всего, к чему стремится молодая Россия, в чем она ищет своей будущности: у него отвращение к труду, к успехам промышленности и грамотности <...> Это пошлый эгоист, который дрожит за утрату своих прав, хоть вовсе ими не пользуется, трепещет за уменьшение доходов, хотя не знает счета деньгам. <...> При дряблости натуры Обломов отличается крайней простотою, переходящею нередко в совершенное отсутствие смысла» (*Св*, 1860, № 1, стр. 15, 16).

Достоевскому роман Гончарова показался «отвратительным» (письмо от 9 мая 1859 г. к брату Михаилу).

Стр. 146. *Но «Санкт-Петербургские ведомости» ∾ сейчас обвинили новый журнал в желании скандалом привлекать к себе подписчиков да, помнится, упомянули также и отца родного.* — Критик газеты действительно очень нелестно отозвался о программе и содержании январской книжки за 1860 г. нового журнала «Светоч», но не полемизировал со статьей Милюкова, упомянув ее просто в перечне других публикаций (*СПбВед*, 1860, 11 февраля, № 33). Впечатления от этого литературного обзора, по всей вероятности, объединились в памяти рецензента со следующим обличительным пассажем в предшествовавшем ему и — главным образом — посвященном журналам и газетам, прекратившим издание в 1859 г.: «Известно, что журнал может служить лучшим проводником общественного мнения, лучшим отражением общественного уважения; вот почему наша публика так жадно бросилась на периодическую литературу <...> с надеждою — отыскать *что-нибудь* такое, понимая под этим определением — статью, трактат, заметку о современном явлении русской жизни. У большинства нашего общества это стремление перешло в крайность: оно ищет только так называемого *скандала*, и книжка журнала, нумер газеты, обладающие таким скандалом, рвутся на части нетерпеливыми читателями <...> Некоторые журналы, прекрасно понимая, что раболепным потворством вкусу большинства можно привлечь к себе самое большое число подписчиков, то и дело бьют *на скандал* и обругают хоть отца родного, лишь бы книжка вышла, что называется, *забористая*» (там же, 1860, 6 февраля, № 29).

Стр. 146. *До мнения же газеты нам нет никакого дела: она не самостоятельная газета.* — В «Письме постороннего критика» читаем: «... для нас давно не тайна, что эта газета состоит по особым поручениям и на посылках у „Отечественных записок“» (стр. 131). Ю. А. Волков, среди других публицистов газеты задетый таким ироническим отзывом, возражал: «... мы не раз заявляли свое несогласие с мнениями „Отечественных записок“ в тех самых „Санкт-Петербургских ведомостях“, которые г-н посторонний критик считает состоящими при них по особым поручениям...» (*СПбВед*, 1861, 9 февраля, № 32. «Литературные впечатления. Время. Журнал политический и литературный. Январь, 1861». Статья подписана обычным псевдонимом Волкова «Гымалэ»). Но хотя Волков действительно неоднократно полемизировал с мнениями С. С. Дудышкина, общую картину это мало меняло: газета верно служила интересам «петербургского промышленника» А. А. Краевского.

Стр. 147. *... или, как говорит один очень милый господин, муссированье...* — Фельетонист «Санкт-Петербургских ведомостей» в «Петербургской летописи» (*СПбВед*, 1860, 26 июня, № 140). Среди подзаголовков фельетона: «*Муссирующиеся* сердца». В дальнейшем фельетонист живописует дачную жизнь с непременным ожиданием кого-то к обеду: «То ждут

тетеньку <...> то домашних друзей, которые состоят при каждом семействе и которые даже необходимы для *муссирования* (по выражению одной дамы) сердец добродетельных супруг, строго хранящих свои законные привязанности, но тем не менее нуждающихся в сердечных муссированиях...». И далее: «Молодой человек не говорит ни слова, но и он, как и дама, находится уже в несколько *муссированном* положении». С «домашними друзьями» редакции «Отечественных записок» язвительно и сравнивает рецензент публицистов и корреспондентов газеты.

Стр. 147. ...*повесть в форме французской «провербы»*... — Пьеса «Месяц в деревне» И. С. Тургенева, публикации которой в «Современнике» (1855, январь) предшествовало замечание автора: «Комедия эта написана четыре года тому назад и никогда не назначалась для сцены. Это собственно не комедия, — а повесть в драматической форме» (ср. выше, стр. 410).

Стр. 149. *А между тем об этом замечательном произведении никто еще из наших больших журналов не сказал ни одного слова.* — Роман Н. Д. Хвощинской-Зайончковской (псевдоним «В. Крестовский») был напечатан в июльской, августовской и сентябрьской книжках «Русского вестника» за 1860 г. Рецензии на роман появились в «Московском вестнике» (1861, № 1, стр. 7—14; Крылов Р.), «Русском слове» (1861, № 3, стр. 81—89; Попов В.), «Русской речи» (1861, № 12, стр. 181—186; Тур Е., Салиас де Турнемир Е. В.).

Стр. 149. ...*знаменитую статью г-на Дудышкина «Пушкин как народный поэт»*... — *ОЗ*, 1860, № 4, стр. 57—74. Статью С. С. Дудышкина Достоевский назвал «чудовищной» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 71; т. XIX, стр. 232, 235, 298).

Стр. 150. ... *дарит русской публике Бонмера*... — Ж.-Э. Бонмер (1813—?) — французский публицист. Его «Письма о крестьянах и земледелии во Франции» публиковались «Русским вестником» в 1860 г. (май, июнь, август, ноябрь; ранее в 13, 15 и 16 томах журнала). Перевод книги Бонмера «История земледельческого сословия во Франции» («Histoire des paysans», 1856), осуществленный Н. Г. Чернышевским, не был пропущен цензурой. См. также: *Чернышевский*, т. V, стр. 665, 668, 805, 847.

Стр. 150. ...*и очень любит де Молинари.* — Густав Молинари (1819—1912) — бельгийский буржуазный экономист. В феврале 1860 г. приезжал в Россию. Две его статьи в 1860 г. опубликованы «Русским вестником»: «О свободе труда» (апрель, кн. 2, стр. 395—427); «Письмо к редактору „Русского вестника“» (август, кн. 1, стр. 227—228). В «Современной летописи» (приложение к журналу) были помещены два отчета: «Публичные лекции г-на Густава де Молинари в Москве» (февраль, кн. 1, стр. 221—223); Ф. Г. Тернер. Описание обеда, данного г-ну де Молинари в Петербурге 10 февраля 1860 г. (февраль, кн. 2, стр. 304—311). О Молинари см. выше, стр. 408; а также: наст. изд., т. XII, стр. 201—202.

Стр. 150. *В серьезную полемику вступил он с г-жою Евгениею Тур...* — См. об этом выше, стр. 401; а также: наст. изд., т. XIX, стр. 277.

Стр. 150. *Вместо книг являются только праздные сонники и т. п. книжонки.* — В этом же выпуске «Времени» помещен разбор А. Н. Майкова (?) «Гадательные книжки и снотолкователи» (*Вр*, 1861, № 2, стр. 206—212).

Стр. 150. ... *как это и было прежде, в конце сороковых годов, когда были в моде так называемые журнальные обозрения.* — Намек на полемику между «Отечественными записками» и «Северной пчелой». Смысл его в осуждении булгаринских приемов литературной борьбы, позднее усвоенных журналом Краевского. В 1850-х годах жанр журнальных обозрений фактически исчез, о чем писал брату М. М. Достоевский, предупреждая, что критических откликов на «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково» может и не быть: «Журналы перестали теперь обозревать друг друга» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 526).

Стр. 150—151. ... *они остались в прежнем виде в одних «С.-Петер-*

бургских ведомостях». — Речь идет о постоянной рубрике газеты «Литературная летопись».

Стр. 152. *«Последние дни июля ∾ Свинья...»* — *БдЧт*, 1860, № 12, стр. 1—2.

Стр. 152—153. *«Прусаки ∾ от персидского порошку».* — Там же, стр. 10—11.

Стр. 153. ... *«Последний день Помпеи».* — Картина К. П. Брюллова (1798—1852).

ПРОТИВОРЕЧИЯ И УВЛЕЧЕНИЯ «ВРЕМЕНИ»

(Стр. 155)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Вр*, 1861, № 8, отд. IV, стр. 135—142, без подписи (ценз. разр. — 23 августа 1861).

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Л. П. Гроссман квалифицировал статью как «близко напоминающую идейный строй и литературную манеру Достоевского» (*1918*, т. XXII, стр. XXV), однако он писал о ней: «При отсутствии более точных данных мы не сочли возможным включить ее в собрание сочинений» (там же, стр. XXVI). Б. В. Томашевский, отметив, что «статья напоминает полемическую манеру Достоевского», осторожно прибавил: «Достаточных указаний на принадлежность ее Достоевскому не имеется» (*1926*, т. XIII, стр. 611). В. С. Нечаева приписала статью Михаилу Достоевскому (*Нечаева, «Эпоха»*, стр. 240, 263). Однако Г. Хетсо выдвинул дополнительные аргументы в пользу авторства писателя (*Kjetsaa*, p. 29).

Статья (точнее, полемическая журнальная заметка) носит в целом редакционный характер и написана в близкой Достоевскому литературной манере. Это и дает основание поместить ее в разделе «Dubia».

В заметке разъясняется принципиальная позиция редакции «Времени», допускавшая по ряду сложных и неразрешенных вопросов общественной и литературной жизни высказывание в журнале мнений, во многом различных и даже противоположных. Автор ссылается на «Объявление» «Времени» о подписке на 1861 г., подчеркивая полемичность программы журнала, которую редакция никогда не скрывала, сконцентрировав даже полемические заметки в особом отделе «Смесь». «С самого начала мы хотели полемики, — от имени редакции пишет автор заметки. — В самом объявлении об издании нашего журнала мы сказали, что на критику и на полемику обратим особенное внимание ‹...› Мы должны отстаивать то, во что верим, и потому и спорим и полемизируем. Прочтите наше объявление ‹...› и вы увидите, что мы поступаем совершенно последовательно и что иначе мы и поступать не можем...».

Достоевский впоследствии, в редакционном примечании к статье П. Сокальского «Заметки по вопросу общественной нравственности» и журнальной заметке «Ответ „Свистуну“», вновь напомнит, усилив резкость выражений, позицию журнала, сознательно допускавшего столкновение разных точек зрения в целях выяснения истины, наилучшего, всестороннего освещения наиболее запутанных и сложных общественных вопросов (см. наст. изд., т. XX, стр. 71—78 и 226—227).

Статья «Противоречия и увлечения „Времени“» явилась ответом на полемический анонимный обзор «Северной пчелы» «Русская журналистика», один из разделов которого с подзаголовком «Увлечения и противоречия „Времени“» был посвящен журналу Достоевских, а другой — «Современнику» (в основном статьям Н. Г. Чернышевского — «О причинах падения Рима», разбору «Демократии в Америке» Токвиля, «Полемическим красотам») (*СП*, 1861, 26 июля, № 165).

Рецензент «Северной пчелы», противопоставив несколько суждений из обзора П. А. Кускова, посвященного журналу «Учитель» (*Вр*, 1861, № 6, стр. 185—200), и рецензии (анонимной) на «Энциклопедический словарь, издаваемый русскими учеными и литераторами» (*Вр*, 1861, № 6, стр. 155—185), упрекнул «Время» в противоречиях и непоследовательности. С другой стороны, публицист газеты сочувственно цитирует статью Н. Н. Страхова «Еще о петербургской литературе. Письмо к редактору „Времени" по поводу двух современных статей» (*Вр*, 1861, № 6, стр. 137—154), в которой в резком и фельетонном стиле разбираются статьи Д. И. Писарева («Схоластика XIX века») и Н. Г. Чернышевского («О причинах падения Рима»). Ответ редакции «Времени» написан в характерной для Ф. М. Достоевского — фельетониста и полемиста стилистической манере. Несколько раз автор, полемизируя с «Северной пчелой», упоминает о «стертых пятиалтынных», «которые так часто встречаются в жизни и... в литературе»: о них, в частности, «уж слишком ‹...› хлопочет» журнал «Учитель» (стр. 156). «Стертые пятиалтынные» — стереотипная формула, применяемая Достоевским для характеристики кабинетных и ходульных идей — равно западнических и славянофильских. К этой формуле, в частности, Достоевский прибегает в «Объявлении» о подписке на журнал на 1862 г. (см. наст. изд., т. XIX, стр. 149), развивая ее и позднее (т. XX, стр. 207). Приверженность Достоевского к одним и тем же уподоблениям как характерную особенность его полемической манеры отмечал придирчиво и внимательно читавший «Время» М. А. Антонович: «... для обличения теоретиков оно («Время», — *Ред.*) употребляет те же метафоры, что и прежде, с небольшим видоизменением; прежде оно уверяло, что теоретики хотят превратить русский народ в „стертый пятиалтынный", а теперь уверяет, будто они „верят, что народности в дальнейшем развитии стираются, как стертые монеты"» (*С*, 1863, №№ 1—2, стр. 252). Столь же характерно для стиля Достоевского употребление таких слов, как «глумленьице», «диатриба», каламбурное обыгрывание названия газеты: «... заметьте, милая сестра по ремеслу, что мы виним одного вашего сотрудника, а не вас, затем что вам, существу такому легкому и трудолюбивому, не углядеть за всеми вашими шмелями и трутнями...» (стр. 160).

Стр. 155. *В одной из наших критик мы сказали...* — Далее цитируется (с сохранением курсива рецензента «Северной пчелы») статья П. А. Кускова «Учитель, журнал для наставников, родителей и всех, желающих заниматься воспитанием и обучением детей» (*Вр*, 1861, № 6, стр. 186; о статье Кускова см.: наст. изд., т. XIX, стр. 250).

Стр. 156. ... *«сметь свое суждение иметь»...* — Цитата из «Горя от ума» Грибоедова (д. III, явл. 3).

Стр. 156. *«Северная пчела» сильно упрекает нас за то, что мы напали на журнал новый ∾ хотя его направление «может быть немножко одностороннее и немецкое»...* — Достоевский частично цитирует следующее место статьи: «... в июньской критике „Время" очень добродушно смеется над редакцией журнала „Учитель" за ее направление, может быть, немножко одностороннее, *немецкое*, но честное и никак не заслуживающее такого отзыва, каким угостил его полемический журнал» (*СП*, 1861, 26 июля, № 165). П. Кусков писал в своей рецензии: «... в журнале „Учитель" заметно необычайное стремление приблизить российский народ к немецкому началу ‹...› и бог знает на какие хитрости поднимается он для развития в детях мысли» (*Вр*, 1861, № 6, стр. 199).

Стр. 158. *Следует маленькое, но весьма рутинное глумленьице.* — Имеется в виду окончание прерванной фразы из статьи: «... а увлечение очень легко, когда, не подумав раньше, будем верить, что во время действия *думать поздно*, а писать можно только в силу привычки» (*СП*, 1861, 26 июля, № 165).

Стр. 158. ... *не знали, что всю свою жизнь говорили прозой?* — Иро-

ническое уподобление «достойного сотрудника» «Северной пчелы» персонажу комедии Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве» (1670) Журдену.

Стр. 159. *«Северная пчела» выписывает длинную тираду из одной нашей критики ∾ очень довольна.* — Рецензент газеты сочувственно цитирует с пропусками статью Н. Н. Страхова «Еще о петербургской литературе»: «Мы совершенно согласны с характеристикой нашей критики, какую делает корреспондент „Времени“ в июньской книжке: „Меня неотступно преследует, — замечает он, — и часто давит, как кошмар, призрак *брамбеусовщицы,* ужасный призрак пустого брожения, шумного и бесплодного словоизвержения, пестрого, но безобразного хаоса слов и мыслей. <...> И вот нас все больше и больше заедают *самобытные русские рассуждения*; от них-то и проистекает отрицание общих авторитетов, потому что авторитет, как я уже сказал, требует уважения и подчинения и, следовательно, мешает раздолью самобытности» (*СП,* 1861, 26 июля, № 165). Далее рецензент газеты, соглашаясь с мнением Страхова, использует его характеристику петербургской литературы в полемике с «Временем».

ОТВЕТ НА ПРОТЕСТ

(Стр. 161)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 13 августа, № 33, стр. 896—898, с подписью: Вольнодумец О.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Принимая на себя обязанности редактора газеты-журнала «Гражданин» с января 1873 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 359—370), Достоевский не предполагал тех трудностей, что встретят его в совместной работе с издателем консервативного толка князем В. П. Мещерским. Он, по-видимому, считал, что общего между ними больше, чем различного, и при этом надеялся на свое влияние, под воздействием которого находился тогда Мещерский (по свидетельству Н. Н. Страхова, князь, «познакомившись с Федором Михайловичем, почувствовал к нему чрезвычайное расположение, охотно и искренно поддавался его влиянию» — *Биография*, стр. 299). Однако очень скоро Достоевский пожалел о той «решимости, с которою внезапно взвалил на себя редакторство» (письмо к С. А. Ивановой 31 января 1873 г.). В письмах 1873 г. нарастает глухое раздражение по поводу двоевластия в редакции.

«Гражданин» 1873 г. существенно отличается от той же газеты 1872 г. Так, при Достоевском исчезла постоянная рубрика, обозначенная в оглавлении за 1872 г.: «Передовые статьи князя Мещерского». За весь 1873 г. (вышло 52 номера) появилось лишь пять передовиц, подписанных полным именем князя, и одна — криптонимом К. В. М., причем все — лишь в первом полугодии. Для сравнения скажем, что в 1872 г. (вышло 34 номера) Мещерский напечатал за своей подписью 24 передовых статьи. При Достоевском газета утратила, хотя бы внешне, облик «органа князя Мещерского». Фактический вес статей и беллетристики издателя оставался все же достаточно велик, чаще анонимных или псевдонимных. Таковы «Письма вольнодумца», печатавшиеся в №№ 25—32, 35, 36 и подписанные «О...».

В IV и V письмах (*Гр*, 23 июля, № 30) «вольнодумец» рассказал о двух «нигилистах», один из которых, выпускник сельскохозяйственной Петровской академии, как оказалось, ничего не понимает в сельском хозяйстве. Карикатурный портрет, нарисованный Мещерским, позволял ему порассуждать на излюбленную тему об испорченности современной молодежи. Для полноты обличения автор сделал своего героя и отрицателем элементарных моральных норм. В ответ на статью Мещерского редакция

получила протестующее письмо выпускника Петровской академии И. О. Левитского и напечатала его вместе с ответом «вольнодумца» в № 33, 13 августа (см. также наст. изд., т. XXI, стр. 534). Бесспорно, что Достоевскому принадлежит здесь редакционное примечание (включено в т. XXI наст. изд., стр. 281). Существует, однако, документ — письмо Мещерского Достоевскому от 19 августа 1873 г., из которого следует, что князь прочел письмо Левитского и «свой» ответ на него («Ответ на протест» подписан псевдонимом Мещерского) лишь после их публикации в газете. Кроме того, Мещерский указывает здесь на Достоевского как на автора «Ответа...». Приводим текст письма, отправленного из с. Марьино, где в это время отдыхал князь (в письме И. О. Левитский назван Веттером по имени известного немецкого богослова De Wette (1780—1849), отрицавшего подлинность ряда библейских книг; очевидно, Мещерский сравнивает с ним Левитского, сомневающегося в достоверности фактов, упоминавшихся в «Письмах вольнодумца»): «Получил Ваше письмо, милейший Федор Михайлович, с приложениями! (очевидно, имеется в виду последний номер «Гражданина» от 13 августа, — *Ред.*). Признаюсь, рассмешил меня почтенный Веттер, узнав себя в моем очерке нигилиста! Жаль, что Вы не сказали, что сам автор не знает имени героя, и знать его не хочет, ибо интересен не он, интересен факт! По этому поводу в письме IX, которое надеюсь выслать в четверг, скажу несколько слов. К Вашему ответу нечего прибавлять, разве только то, что эти господа, по-видимому, не могут или не хотят понять, что суду подлежит только клевета или пасквиль именная, а не безымянная относительно лица, выставляемого героем. [После этого] Если допустить их рассуждения, то всякий автор повести или романа, берущий из жизни то, что он слышит, подлежал бы суду, ибо непременно находились бы лица, которые бы себя узнавали в том или другом факте!» (*ГБЛ*, ф. 93.II.6.77).

Свой собственный ответ «почтенному Веттеру», изложенный в этом письме, Мещерский, как и обещал, дал в IX письме вольнодумца (*Гр*, 3 сентября, № 36), так что И. О. Левитский получил два возражения, довольно-таки расходящиеся друг с другом. Чтобы еще раз вернуться к «протесту», Мещерскому пришлось выдумать мифического господина N, от которого якобы пришло еще одно возражение.

Готовя «Письма вольнодумца» для нового издания в составе книги «Речи консерватора» (вып. 2, СПб., 1876), Мещерский включил туда и «Ответ на протест», но, в отличие от газетной публикации, дал ему место в общей нумерацци как письмо VIII, для чего пришлось изменить нумерацию последующих писем. Однако в следующем, IX, письме Мещерский не удосужился переписать начальную фразу: «В последнем письме я обещал читателям поговорить о том, есть ли у крестьянина нервы», — «забыв», что этим последним письмом в книжном издании стал «Ответ на протест», где нет ни слова о крестьянских нервах. Легкомыслие князя-борзописца, выпускавшего по одной-две, а то и три книги в год, в данном случае указывает на те белые нитки, которыми Мещерский вшил строгий и достойный «Ответ на протест» в свою развязно-болтливую книгу. Возможно, что согласие Достоевского на это было получено. Отсутствие «Ответа...» в новом издании «писем» бросалось бы в глаза и вызвало бы нежелательные ни для князя, ни для автора вопросы. Вряд ли Достоевский желал обнаруживать свое авторство «за Мещерского», тем более, что речь шла о статье тактического характера, невольно обнаруживающей болезненные противоречия внутри редакции.

Другой аргумент против авторства Достоевского состоит в том, что писатель, как это видно из его гонорарных расчетов (*ЛН*, т. 83, стр. 307), не включил «Ответ на протест» в число оплачиваемых статей. Возможно, одна из причин — недавняя размолвка редактора с издателем, о которой он писал жене 20 июля: «Письмо его (Мещерского, — *Ред.*) мне показалось крайне грубым: он жалуется, что номера должны (видимо, «стали», — *Ред.*) стоить дорого, что он не может платить сверх 130 р. за номер и проч. Черт его дери, я никогда не писал ему, что надо больше ста триддати и

что у меня денег недостает». Номер 33, в котором напечатан «Ответ на протест», стоил 147 р. 36 к. Возможно также, что в данном, особом, случае издатель расчелся с редактором иным путем, сверх платы за номер (как это делалось, очевидно, с К. П. Победоносцевым, чьи статьи Достоевский никогда не включает в свои гонорарные расчеты).

Анализ логического построения и стиля «Ответа на протест» показывает его несовместимость с многословными, надоедливо повторяющимися и аморфно-вязкими писаниями Мещерского (по резкому и точному определению А. К. Толстого, князь — «слюнявец», см.: *А. К. Толстой.* Собр. соч. в 4-х т. М., 1964, т. 4, с. 394; письмо А. М. Жемчужникову от 28 февраля (11 марта) 1872 г.). Напротив, многие приметы — например, конструкции типа: «тут пахнет обращением к публике ‹...› тут довольно самоуверенное распоряжение», «я лично знаю ‹...› знаю и то», «я самым решительным и положительным образом протестую», «позволительно по крайней мере хоть пожелать», «это добрые даже люди», «мы первые этому радуемся, мы первые этому верим и первые заговорим» и т. п. — указывают на стиль Достоевского. О том же говорят характер цитирования «писем вольнодумца» (см. примечания к стр. 161 и 162), смысловые расхождения между «Ответом на протест» и ответом самого Мещерского в «Письме IX» (см. примечание к стр. 165) и некоторые совпадения с заметками в записной книжке Достоевского 1872—1875 гг. (см. примечания к стр. 165 и 166).

Редактор «Гражданина» прибегнул к способу, не исключительному в журналистской практике его времени. Подобный же мистифицирующий маневр был применен против него самого в 1864 г. (и был им разгадан) М. А. Антоновичем (см. наст. изд., т. XX, стр. 323; 333; *Салтыков-Щедрин,* т. VI, стр. 703). Правда, в отличие от Достоевского, тот пытался себе приписать статью, написанную М. Е. Салтыковым-Щедриным. В этой прецедентной ситуации мистификация также была вынужденной мерой, призванной скрыть внутриредакционный раскол в «Современнике».

За три дня до выхода номера с «Ответом на протест», 10 августа Достоевский писал жене: «Мещерского я застал, очень был любезен, но вчера же уехал ‹...›. Статей отсмотреть приходится бездна, меж тем ничего еще не готово». 13 августа, в день выхода номера: «Работы бездна, а забочусь я всё один, всё один. Особенно эта неделя чрезвычайно тяжела для меня, все-то сотрудники манкировали, и я один вертись за всех». Между тем в номере не было ни одной статьи, подписанной Достоевским.

Что же могло заставить Достоевского незамедлительно и самому ответить на письмо читателя, не дожидаясь, пока это сделает Мещерский, отсутствовавший в Петербурге?

1) Обвиняя «вольнодумца» в доносительстве на молодое поколение, читательское письмо бросало тень и на всю газету, в том числе на редактора. Известно, сколь щепетилен был Достоевский в вопросе о чести своей как литератора. Именно на этой почве возникали у него самые острые столкновения с Мещерским. Так, в начале ноября 1873 г., т. е. через два с половиной месяца после «Ответа на протест», Достоевский решительно восстает против статьи князя, предлагающей установить надзор за неблагонадежными студентами: «Но 7 строк о надзоре, или, как вы выражаетесь, о труде надзора правительства, я выкинул радикально. У меня есть репутация литератора...».

2) Речь шла о чести газеты и ее редактора, но Достоевский далеко не был уверен, что его издатель найдет необходимые слова, достаточные и достойные. Две недели назад Достоевскому пришлось переделать статью Мещерского о Тютчеве, «безграмотную до того, что понять нельзя, и с такими промахами, что его на 10 лет осмеяли бы в фельетонах» (письмо к А. Г. Достоевской 29 июля 1873 г.). Насколько прав оказался Достоевский в своих опасениях, свидетельствует хотя бы приведенное выше письмо Мещерского. Через полгода редактор и издатель столкнулись опять на том же пункте. Вмешиваясь в полемику Мещерского с Я. П. Полонским и характеризуя статью последнего, «мило написанную»,

по мнению Мещерского, Достоевский писал ему 4 марта 1874 г.: «Не понимаю Вашего характера <…> Полонский пишет: „Вот если б вы написали про А., про В., про Д., указали нам, назвали их, тогда и т. д.“ — Это самый нечестный прием, по моему мнению. Кто же такой прямой *доносчик*, чтобы указывать *на всех* поименно?» Ситуация, совершенно идентичная с письмом И. О. Левитского, и здесь Мещерский не заметил «иезуитских вещей», о которых упоминает Достоевский. Это еще раз указывает на то, кто же истинный автор «Ответа на протест», столь чувствительный в вопросах чести. Глухота князя в этом отношении легко объяснима: позднее он и сам прибегает в своей публицистике к прямому доносительству.

3) Письмо читателя затрагивало один из самых принципиальных для автора будущего «Подростка» вопросов — об образовании, о «школе», о воспитании и самовоспитании молодого поколения. В горячей отповеди И. О. Левитского Достоевский увидел признаки нравственной болезни общества: читатель бросился отстаивать честь мундира и совсем ушел от вопроса действительно неблагополучной постановки обучения в Петровской академии тех лет, не справлявшейся с подготовкой специалистов сельского хозяйства. Достоевский применяет здесь весьма характерный для него прием публичной полемики: он обнажает внутреннюю логику своего оппонента (образец такой полемики мы находим в февральском выпуске «Дневника писателя» 1876 г., в анализе речи Спасовича). Обнаружив «мундирную» болезнь, Достоевский переходит к моральной проповеди. «Всего более вредят самим себе», — говорит он о своих противниках, но то же самое писатель и публицист не уставал повторять, начиная со статей во «Времени» и кончая ответом Г. К. Градовскому в «Дневнике писателя» 1880 г. Известно по многим свидетельствам, что этическая проповедь Достоевского (никогда не снижать нравственной требовательности к себе, даже если ты «мученик, гонимый за правду») была услышана молодежью, несмотря на препятствующие тому консервативные взгляды писателя. «Ответ на протест» — один из опытов Достоевского в поисках нужного тона для диалога с молодежью.

4) Очевидно, Достоевский не мог ждать Мещерского еще и по той причине, что в ответе читателю ему хотелось скорректировать некоторые грубые и прямолинейные выпады князя против «нигилистической» молодежи. Отсюда в статье как бы два сюжета: внешний — самозащита рассказчика-консерватора — и внутренний — смягчение его прежних высказываний. Наиболее «рептильные» пассажи «вольнодумца» даже и вовсе сводятся на нет. «Это люди по натуре честные», — пишет автор «Ответа на протест» о «нигилистах», противореча не только катковствующим изданиям, но и более осторожному тогда Мещерскому, у которого в письме V описано, как нигилист-агроном «аккуратно брал свое жалование и ничем другим своей экономической деятельности не проявлял». Достоевский, в противовес своему издателю, призывает не смешивать нигилистов с «ворами» и «разбойниками». Все это, с одной стороны, подтверждает авторство Достоевского, а с другой — показывает, в какое затруднительное положение попал он, вступив в борьбу на два фронта: против врага внешнего — «либерализма», а также внутреннего, в данном случае даже внутриредакционного (именно в это время редактор «Гражданина» столкнулся еще с одним своим «единомышленником» — Д. Д. Кишенским, также защищая молодежь от злобных нападок, см.: *ЛН*, т. 83, стр. 344).

Положение писателя в охранительной газете оказалось весьма неустойчивым. Описанный случай был далеко не единственным, когда Достоевскому приходилось исправлять сказанное ранее издателем и соредактором. Расхождение между ними оказывалось гораздо глубже, принципиальнее и, главное, органичнее, чем единомыслие. Выход Достоевского из «Гражданина» и последовавшее затем сближение с некрасовскими «Отечественными записками» обнажили противоречия, которые исподволь созревали во время совместной деятельности писателя с «князем-точкой».

Стр. 161. *Принадлежа к числу немногих кандидатов ∾ Петровской академии...* — Левитский Иван Онуфриевич закончил сельскохозяйственное отделение Петровской земледельческой и лесной академии в 1871 г. кандидатом. Служил затем в Министерстве государственных имуществ, в 1887 г. назначен управляющим государственными имуществами Западной Сибири (Э. Шеие. Материалы для истории Петровской земледельческой и лесной академии. М., 1887, стр. 77, 108).

Стр. 161. ... *тому глупому случаю, который описан на 827—829 страницах ∾ газеты...* — Имеется в виду рассказ Мещерского («вольнодумца») о некоем выпускнике Петровской академии, поступившем в управляющие имением; пообещав землевладельцу радикально перестроить хозяйство, он ограничился одними «теориями».

Стр. 161. ...*измышляет небывалый самый гнусный случай...* — И. О. Левитский имеет в виду следующий эпизод в рассказе Мещерского: нигилист-агроном запрещает хоронить свою дочь по церковному обряду «из принципа» и чтобы «насолить» приятелю, набожному купцу. Эпизод действительно построен по законам пасквильной гиперболизации: «Православный купец плачет, нигилист смеется, нигилистка жена хохочет, а девочка лежит себе в комнате, как умерла, бедняжка...» (*Гр*, 1873, № 30, стр. 828—829). Показательно, что автор «Ответа на протест» обходит молчанием этот упрек читателя. Позднее об идентичном эпизоде в романе Мещерского «Лорд — апостол в большом петербургском свете» (творческая фантазия князя не была слишком изобретательной, ситуации повторялись многократно) Достоевский писал жене 15 (27) июня 1875 г.: «До чего дописался князь Мещерский <...> так это ужас» (см. комментарий А. С. Долинина: *Д, Письма,* т. III, стр. 350).

Стр. 162. *Если между прежними слушателями ∾ достойное наказание...* — Читатель намекает на дело об убийстве студента-«петровца» Иванова участниками кружка С. Г. Нечаева, в деле были замешаны несколько слушателей Петровской академии. События эти нашли отражение в сюжете романа Достоевского «Бесы», к ним неоднократно обращался и «Гражданин»: так, в № 4 1873 г. были перепечатаны извлечения из «Правительственого вестника» о процессе над Нечаевым. Намеки на это дело есть и в «Письмах вольнодумца».

Стр. 162. ...*за 10 лет своего существования Петровская академия выпустила всего только 4 агрономов...* — Академия была открыта в 1865 г., и к моменту выступления «Гражданина» ее закончили кандидатами 36 человек (около 7% от общего числа поступивших вместе с ними), из них 12 — по сельскохозяйственному отделению (Э. Шене. Материалы для истории Петровской земледельческой и лесной академии. М., 1887, стр. 8—9).

Стр. 162. *«Пора бы ∾ приняться за поставку России хороших управляющих имениями»...* — Автор «Ответа на протест» несколько редактирует и не дописывает до конца всей фразы Мещерского: «Пора бы этой Петровской академии приняться просто-запросто за поставку России хороших управляющих имениями, с душами, если не религиозными <...> то, по крайней мере, уважающими религию!» (*Гр.* 1873, 23 июля, № 30, стр. 827). Тем самым был снят «полицейский» смысл всей фразы.

Стр. 163. *Я лично знаю ∾ более четырех молодых людей...* — Сведения о выпускниках Достоевский мог получить от своего шурина И. Г. Сниткина, учившегося на сельскохозяйственном отделении Петровской академии в 1866—1869, 1871 гг. «Он искренно готовит себя на всю жизнь к сельскому хозяйству», — с уважением писал о нем Достоевский С. А. Ивановой 29 марта (10 апреля) 1871 г. Особенно частыми были встречи Достоевского с Иваном Григорьевичем именно летом 1873 г. (до отъезда последнего 14 августа), когда тот с энтузиазмом готовился купить имение, чтобы самолично заняться земледелием. Летом 1877 г. семья Достоевских гостила в усадьбе И. Г. Сниткина в Курской губернии, тогда же в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский вновь поднимает вопрос о «хаосе» в русском земледелии (наст. изд., т. XXV, стр. 136—140).

Стр. 165. ... *имени которого не назову даже редакции...* — Ср. совсем

иную реакцию в приведенном выше письме В. П. Мещерского: «Жаль, что Вы не сказали, что сам автор не знает имени героя, и знать его не хочет...». Мещерский почти повторяет эту фразу в письме IX (*Гр*, 1873, № 36, стр. 320), не замечая, что тем самым противоречит «собственному» «Ответу на протест».

Стр. 165. ... *он оказался непрактическим человеком и обжегся при первой же схватке с действительностию.* — Набрасывая идеи ближайших публицистических и художественных произведений в записной тетради 1872—1875 гг., Достоевский намечал написать о трагедии современного человека, оторванного от почвы: «...столкновение с действительностью, где он оказывается таким смешным, таким смешным и мелочным... и ничтожным. Он догадывается, что надо работать над собой, смирять себя и что это стоит безмерного труда» (наст. изд., т. XVI, стр. 406). Ср. в «Ответе на протест»: «они смешны», «что-то не видно тружеников, — а уж смирения и подавно...».

Стр. 165. *Прием этот* ∾ *поносите целое учебное заведение?!» и т. д.* — С подобными упреками Достоевский сталкивался в собственной литературной деятельности. Так, Г. З. Елисеев обвинил автора «Преступления и наказания» в «позорных измышлениях»: «Бывали ли когда-нибудь случаи, чтобы студент убивал кого-нибудь для грабежа? Если бы такой случай и был когда-нибудь, что может он доказать относительно настроения вообще студенческих корпораций?»; в романе «целая корпорация молодых юношей обвиняется в повальном покушении на убийство с грабежом» (*С*, 1866, № 2, Журналистика, стр. 276—277). С этим мнением солидаризировалась также «Искра» (1866, № 13, стр. 174).

Стр. 166. ... *о тружениках науки по отрасли сельского хозяйства что-то мало было слышно!* — В перечне главнейших идей на ближайшее время в записной тетради 1872—1875 гг. Достоевский намечал: «...энергическое земледелие. Это подвиг для всей России — ‹*нрзб.*› подвигов и науки — всего. Ставлю на вид молодежи» (наст. изд., т. XXI, стр. 271).

СТОЛПЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО РАДИКАЛИЗМА

(Стр. 166)

Автограф неизвестен.
Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 1 октября, № 40, стр. 1085, без подписи.
В собрание сочинений включается впервые.
Печатается по тексту первой публикации.

Заметка «Столпы петербургского радикализма», помещенная в разделе «Последняя страничка» еженедельника «Гражданин», представляет собой выписку из передовой статьи С. Н. Худекова в «Петербургской газете» (1873, № 79), содержащей отклик на убийство жены А. С. Суворина. Отдельные слова в статье Худекова выделены в «Гражданине» курсивом. Выписка сопровождается многочисленными комментариями, которые, по предположению Г. Ф. Коган (*Материалы и исследования*, т. IV, стр. 3), принадлежат Ф. М. Достоевскому. Об участии Достоевского в «Последней страничке» № 40 «Гражданина» свидетельствует и его запись в тетради расходов: «Моя в 40 № 14 ‹р›» (*ЛН*, т. 83, стр. 309). Объем статьи Достоевского «Иностранные события» в этом номере 195 строчек, за что ему полагался гонорар в 13 р. 65 к. Следовательно, ему в 40-м номере принадлежат, по меньшей мере, еще 5 строчек. Весьма вероятно, что Достоевский является автором третьего примечания к заметке «Столпы петербургского радикализма». Объем примечания равен 5 строчкам, а содержание развивает мысль, высказанную ранее писателем в «Двух заметках редактора».

Примечание прямо отсылает к язвительным словам Достоевского в «Двух заметках редактора»: «Первая их забота, разумеется, чтоб было

либерально ‹...› Большая часть из них пишут наудачу, на всякий случай. Девочка воткнула булавку в голову другого ребенка, и вот они находят, что это хорошо, потому что либерально: она протестовала против деспотизма» (наст. изд., т. XXI, стр. 157; см. комментарий, стр. 468). В сознании Достоевского в единое целое слилось освещение либеральной прессой преступления девочки и убийства Т. Комаровым А. И. Сувориной в петербургской гостинице «Belle-Vue». Об этом свидетельствует следующая запись Достоевского в подготовительных материалах к майскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г.: «Как всякое преступление называть болезнью? Называли и подвигом. Жена Суворина и иголка в темя, ибо мог не сделать, а сделал» (наст. изд., т. XXIII, стр. 170).

Стр. 166. ...*и самоубийства*... — Т. Комаров покончил с собою. О трагических событиях «Гражданин» писал в заметке «Убийство в гостинице Бель-Вю» (1873, 24 сентября, № 39, стр. 1054—1055).

Стр. 166. ...*Асмодея*... — Асмодей — демоническое существо в иудаистических легендах, бес — персонаж плутовских романов Л.-В. де Гевары и А.-Р. Лесажа.

Стр. 167. ...*«O tempora, o mores!»*. — «О времена, о нравы!» (*лат.*). Выражение принадлежит Цицерону (106—43).

ИЗ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ

(Стр. 167)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 14 января, № 2, стр. 55—58, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

1

Приписано Достоевскому по стилистическим признакам В. В. Виноградовым в книге: *Виноградов, Проблема авторства*, стр. 585—611. Тем не менее, по мнению редакции, достаточных оснований для включения данной хроники в корпус сочинений Достоевского у нас нет, так как автором ее мог быть и А. У. Порецкий. Именно он постоянно вел данный отдел в «Гражданине», и ему, судя по материалам архива «Гражданина», принадлежит значительная часть других (аналогичных по типу и построению) материалов отдела «Из текущей жизни». Ярких индивидуальных примет стиля Достоевского, отпечатка его творческой индивидуальности, характерного для него стремления связать анализ единичных, «частных» явлений с более широкими по смыслу, общими вопросами русской жизни в очерке нет. Отдельные же стилистические параллели, отмеченные Виноградовым, вопроса не решают, так как в своих хрониках Порецкий, сотрудник не только «Гражданина», но и «Времени» и «Эпохи», подражал стилю Достоевского.

2

Начальная, наиболее значительная по объему и композиционно завершенная заметка условно может быть названа очерком о Родиоше. Построена она как полемический отклик на повесть В. П. Буренина (Псевдоним «Маститый беллетрист») «Недавняя история», где обрисован в фельетонно-сатирических тонах образ опустившегося и спившегося «поэта» и враля Жана Провиантова. Живущий на содержании дочери, он рассказывает о своей молодости, когда, по его словам, «вспыхнул волкан революции» 1848 г., от которого он был отвлечен «другим волканом», «лавой-волканом любви огнедышащей Цицилии», воспетой им в полубезумно-ро-

мантической поэме «Пеликан на развалинах мира» (см.: *СПбВед*, 1873, 23 декабря, № 353). Кончает Провиантов тем, что в пьяном виде падает из окна третьего этажа и разбивается (там же, 28 декабря, № 358). По ассоциации с этим «фантастическим образом» и возникает «другой, действительный образ» человека сороковых годов в очерке о Родиоше.

В очерке кроме повествователя («я») фигурируют два персонажа — герой и «давнишний знакомый» обоих, причисляющий себя с некоторой гордостью к «людям сороковых годов». Прототип первого — Роман Романович Штрандман (1822—1869 ?), а второго — друг Достоевского и Порецкого поэт А. Н. Майков. Штрандман — петрашевец, один из составителей «Карманного словаря иностранных слов» (ч. I, 1855), привлекавшийся к расследованию, но «не подвергшийся взысканиям», критик и публицист, печатавшийся анонимно в конце 40-х годов, начиная с 1847 г., в «Современнике» и «Отечественных записках», а возможно, и в других менее значительных изданиях,[1] умерший в нищете и безвестности; с поэтом А. Н. Майковым Достоевский сблизился в середине 40-х годов. Ряд моментов жизни Штрандмана, воспроизведенных без существенных изменений в довольно детальной биографической канве Родиоши (выход из Петербургского университета до его окончания, поездка в Малороссию, участие в кружках Белинского и Петрашевского — в очерке оба кружка слиты в один, а в словах о «случайном распадении кружка» скрыт намек на процесс петрашевцев, — и кратковременное появление в печати в этот период и т. д.), мог быть известен писателю еще в молодости. Штрандман был посетителем пятниц Петрашевского в 1846 г. Некоторые собрания происходили на дому у самого Штрандмана. Многие из петрашевцев знали его и как одного из вкладчиков, способствующих устройству коллективной библиотеки (совещание по ее организации состоялось у Штрандмана). Правда, в начале 1847 г., когда Достоевский начал бывать у Петрашевского, Штрандман, В. А. Милютин, В. В. Стасов, М. Е. Салтыков сгруппировались вокруг В. Н. Майкова, образовав особый кружок, члены которого виделись несколько раз в неделю и знали всё друг о друге с «изумительной подробностью» (см. об этом: С. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография. М., 1949, стр. 183). Достоевский, стало быть, мог слышать о Штрандмане и, в частности, о его связях с петрашевцами как от прежних участников пятниц, так и от В. Н. Майкова, товарища Штрандмана еще по университету, через которого Достоевский, скорей всего, и познакомился с прототипом очерка и узнал об обстоятельствах его жизни. В эту пору Достоевский близок со всей семьей Майковых, часто их навещает и, по всей вероятности, не раз встречается у них со Штрандманом. Из письма Достоевского к А. У. Порецкому от января 1847 г. известно, что Достоевский был у Майковых, когда были получены и «сообщены» ему пришедшие одна за другой две записки от Штрандмана о билетах на итальянскую оперу (бенефис с участием Д. Борси), и что на них всех была записана общая ложа. Интересно отметить, что аналогичное событие — совместное посещение итальянской оперы — играет важную роль в обрисовке образа Родиоши и подано в очерке как драматизированная сценка, несущая на себе след живых впечатлений.

Соприкасался Достоевский со Штрандманом и как с сотрудником «Отечественных записок» и «Современника», тоже замеченным в литературной среде (см. письма 1847 г. И. И. Панаева к Тургеневу и Белинского к В. П. Боткину: Тургенев и круг «Современника». М.—Л., 1930, стр. 12 и

---

[1] Штрандманом написаны ряд разделов «Современных заметок» для журнала «Современник» за 1847 г. (в № 3 — раздел I, в № 4 — заметка «По поводу статьи „О средствах к уменьшению преступлений“», в № 10 — раздел II) и «Внутренние известия» в № 3 «Отечественных записок» за 1847 г.; из более поздних известна только статья «Лирическая поэзия последователей Пушкина» (о Н. М. Языкове) в № 2 «Московского обозрения» за 1859 г., также анонимная.

Белинский, т. XII, стр. 357), к которому весьма небезразлично относились в редакции вновь открытого демократического органа (см. свидетельство о взволнованном споре издателей «Современника» с его официальным редактором А. В. Никитенко по поводу исключения одной из статей Штрандмана: А. В. Никитенко. Дневник, т. I. Л., 1955, стр. 301—302). Достоевский, сам недавно примыкавший к кругу Белинского и знающий лиц, о ним связанных, тогда же печатался в «Отечественных записках» и «Современнике», постоянно следил за этими журналами, порой даже заранее был осведомлен, что в них будет опубликовано (см., например, письмо его М. М. Достоевскому от 17 декабря 1846 г.), и, безусловно, читал «небольшие, но живые библиографические статейки» Штрандмана: написанные им разделы «Современных заметок», которые касались тем экономической, юридической, научной жизни России и несли в освещении их отпечаток обсуждения этих вопросов в среде петрашевцев, и выпуск «Внутренних известий», включающий кроме подобных же информаций обозрение литературных и журнальных событий, в котором трижды сочувственно упоминался Достоевский как писатель, наиболее достойный внимания «из всех явлений литературы 1846 года», защищаемый Штрандманом от нападок фельетониста «С.-Петербургских ведомостей» (*ОЗ*, 1847, отд. VIII, стр. 74, 75, 82). В 1861 г. Штрандман был привлечен к участию в журнале «Время» (№ 2) в качестве переводчика «Процесса Ласенера» (см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 112); в записных тетрадях Достоевского среди заметок 1862 г. в перечне лиц, кому надо «написать», значится и Штрандман (*ЛН*, т. 83, стр. 155).

В свете близких многолетних связей Достоевского со Штрандманом и А. Н. Майковым может быть рассмотрена история создания очерка. Навестивший автора его «давнишний знакомый», напомнив о своем обычае хранить «все приятельские письма и даже записочки», говорит о том, что у него осталось несколько посланий его умершего сверстника, переписка с которым длилась «года четыре». Сопоставление сохранившихся в архиве Пушкинского Дома 6 писем Р. Р. Штрандмана к А. Н. Майкову за 1865— самое начало 1869 г. (*ИРЛИ*, № 16981) и очерка свидетельствует, что автор не только по их образцу воспроизвел два типовых письма Родиоши (сообщение о своих невзгодах в сочетании с общими заключениями о бедности, французскими изречениями), но и ряд мотивов их (крайняя нужда, голод, безуспешные большей частью поиски работы и еще более безнадежные попытки напечататься, скитания, болезнь, просьбы о минимальной помощи), отдельных выражений и образов (слова о страшной жизни «в углах», известие об имеющемся неопубликованном «труде», о съедаемой в день «$^1/_4$ фунта хлеба» — в очерке «$^1/_8$», о том, как его «приодели» и повели устраиваться на работу, описание последнего пристанища в доме раскольника, где он спал на полу в какой-то гладильной, сравниваемой им с «кузницей», — в очерке «под верстаком» и т. п.) ввел в ткань своего повествования, художественно их развив или видоизменив. Аналогия между письмом Штрандмана к брату А. Н. Майкова Л. Н. Майкову, в котором заключается просьба уделить «несколько копеек» в связи с необходимостью «отправиться пешком верст за 30 по делу» (*ИРЛИ*, № 8892), и рассказом Родиоши о своем походе в Красное Село к промышленнику за долгом позволяет предположить, что воссоздание подобного эпизода в очерке — уже результат устной беседы между редактором журнала и его гостем, т. е. что между Достоевским и А. Н. Майковым действительно состоялся какой-то разговор о их бывшем общем знакомом, из которого писатель узнал ряд подробностей о последних годах мытарств Штрандмана и вследствие которого, возможно, у него и возник замысел написать очерк, воспользовавшись явно предоставленными ему Майковым письмами (более подробно о Штрандмане, его литературной деятельности и письмах к А. Н. Майкову см.: *Материалы и исследования*, т. V. стр. 194—204).

Рассказ о любви Родиоши к Гоголю и о мастерском чтении им «Вия» находит аналогию в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. II, § 4), где говорится. что чтение Гоголя — иногда всю ночь напро-

лет — было любимым занятием молодежи того времени, и рассказывается об одной такой ночи, проведенной Достоевским. Сам Достоевский, производивший как чтец сильное впечатление, в молодости любил произносить наизусть целые страницы из «Мертвых душ» (*Биография,* стр. 49). К басне Крылова «Свинья под Дубом», читаемой Родиошей и цитируемой в очерке, Достоевский обратится в январском выпуске «Дневника писателя» за 1881 г. в связи с вопросом «об оздоровлении корней народной жизни», так и назвав главку «Старая басня Крылова об одной свинье» (гл. II, § 2).

Как типичное явление духовной жизни поколения в очерке описано увлечение итальянской оперой. Молодой Достоевский часто бывал в ней и именно «в галерее 5-го яруса» (ср. письмо его М. М. Достоевскому от 17 декабря 1846 г.). Описание спектакля в целом, неприятие рассказчиком виртуозного пения Эр. Фреццолини, которое так потрясло Родиошу, близко вкусам Достоевского, отдававшего свои симпатии «гражданскому, героическому направлению» исполнительского искусства итальянской оперы во главе с Дж. Борси (см. об этом: *Гозенпуд*, стр. 29—33 и наст. изд., т. II, стр. 62 и 481).

Сквозным мотивом очерка является тема «петербургских углов». «Верстак», под который герой в конце концов скрылся, — деталь, восходящая к подлинным письмам Штрандмана. Подчеркиваются рассказчиком такие черты натуры Родиоши, как мягкость, беззащитность, робость, которые, усиленные воспитанием (грозный отец, «крылышко чадолюбивой матери»), не позволили ему, несмотря на внутреннюю одаренность, найти себя, заставили его отступить перед неудачами, смириться с нуждою и скрыться «под верстак». В общем воссоздается образ человека, не реализовавшего своих возможностей, отчасти родственный героям «Слабого сердца», «Белых ночей», «мечтателям» из «Петербургской летописи». Особо надо выделить и роль драматически насыщенного портрета героя очерка (см.: *Виноградов, Проблема авторства,* стр. 601—603), функцию костюма, с которым связано его внутреннее самоощущение, — ср., например, употребление метафоры «ежился» в описании Родиоши (дважды) и в «Бедных людях», где она служит для передачи внешнего поведения и душевного состояния бедного, «дурно» одетого, неуверенного в себе чиновника Покровского (см. наст. изд., т. I, стр. 24). В то же время при изображении судьбы «человека 40-х годов», противостоящем его буренинскому гротескно-сатирическому развенчанию, мотивы «слабого сердца», неприспособленности к жизненной борьбе, одинокой жизни в жестоких и заброшенных «петербургских углах» оттеняются нотами осуждения и иронии по отношению к отдельным чертам психологического склада, характерного, по мысли писателя 70-х годов, для широкого ряда представителей той эпохи.

Три другие примыкающие к очерку о Родиоше заметки, которые, по словам повествователя, возвращают от «недавно минувшей жизни <...> в жизнь ныне текущую», — также примечательны: в них рассказано о решении суда по «делу» об избиении девушки-служанки, о церковных «пастырях», которые вместо выполнения своей миссии поощряют пьянство, о детском спектакле в пользу голодающих Самарской губернии, т. е. фактах, близких тем, которые привлекали в эпоху «Гражданина» внимание Достоевского (ср., например, «Дневник писателя», 1873 г.: наст. изд., т. XXI, стр. 19—23, 91, 94—96).

Стилистические доводы В. В. Виноградова в пользу авторства Достоевского можно дополнить указанием на присутствие в языке этих заметок библейских образов (например, «камень жерновый») и цитат, что также напоминает стиль Достоевского 70-х годов.

Стр. 167. ... *«погибшее, но милое созданье»...* — Стих из маленькой трагедии «Пир во время чумы» (1831) А. С. Пушкина.

Стр. 168. ... *Неблагодарная! — примолвил Дуб ∾ Что эти желуди на мне растут...* — Отрывок из басни И. А. Крылова «Свинья под Дубом» (1825).

Стр. 168. ... *оперку Беллини «Беатриче ди Тенда».* — Опера Винченцо Беллини (1801—1835) «Беатриче ди Тенда» была впервые поставлена в Венеции в театре «Фениче».

Стр. 168. ... *арии Фреццолини...* — Известная итальянская певица Эрминия Фреццолини (1818—1884) гастролировала в Петербурге в 1847—1849 гг. Особенно близки ей были лирико-драматические партии в операх В. Беллини, Г. Доницетти, Дж. Верди.

Стр. 168. ...*родился «на брегах Невы»...* — Цитата из гл. I «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

Стр. 169. ...*сапоги немецкой работы, которые, по его выражению он «надевал с некоторым сладострастием».* — Макар Девушкин по поводу обидевшей его «Шинели» Гоголя пишет Вареньке Доброселовой: «Конечно, правда, иногда сошьешь себе что-нибудь новое, — радуешься, не спишь, а радуешься, сапоги новые, например, с таким сладострастием надеваешь — это правда, я ощущал <...> это верно описано!» (см. наст. изд. т. I, стр. 62).

Стр. 172. ... *дело о бароне Франкенштейне...* — «Дело» это, в связи с поданной Франкенштейном жалобой на решение мирового судьи (от конца сентября 1873 г.), рассматривалось С.-Петербургским мировым съездом 31 декабря 1873 г. Было решено: «... подвергнуть обвиняемого аресту при тюрьме на 14 дней; апелляционный же отзыв оставить без последствий» (см.: *Г*, 1874, 5 (17) января, № 5).

Стр. 173. ... *и прах от ног ваших отрясите...* — Выражение восходит к словам Евангелия: «Если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или города того, отрясите прах ног ваших» (см.: Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 14; Евангелие от Марка, гл. 6, ст. 11; Евангелие от Луки, гл. 9, ст. 5; Деяния Апостолов, гл. 13, ст. 51).

Стр. 173. ...*«герихты»...* — От нем. Gericht — суд; употребляется еще в значении Страшного (или Небесного) суда.

Стр. 173. *Знаете ли вы слово о том человеке, «кем в мир соблазн входит»?* — Имеется в виду «слово» из Евангелия: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (см.: Евангелие от Матфея, гл. 18, ст. 7; ср.: Евангелие от Луки, гл. 17, ст. 1).

Стр. 173. *Тяжел также и камень жерновый...* — Евангельский образ: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (см.: Евангелие от Матфея, гл. 18, ст. 6; ср. также: Евангелие от Луки, гл. 17, ст. 2). Достоевский обращался к первой части этого текста в главе «У Тихона», не вошедшей в состав опубликованного романа «Бесы» (см. наст. изд., т. XI, стр. 28).

Стр. 173. ... *шутка-водевиль, написанный для этого спектакля г-жою Голохвастовой.* — О. А. Голохвастова (ум. в 1897 г.) — писательница, близкая к славянофильским кругам, автор повести «За себя и за многих» (М., 1869), драм «Чья правда» («Беседа», 1871, № 4), «Две невесты» (М., 1877), «Лихому — лихое» (М., 1881); ее другая «шутка-быль» «Назвался груздем, полезай в кузов» вскоре после этого упоминания о ее водевиле была напечатана в «Гражданине» (1874, № 6). О. А., как и ее муж П. Д. Голохвастов, сын двоюродного брата Герцена, были большими почитателями Достоевского. В библиотеке ИРЛИ сохранился экземпляр ее драмы «Две невесты», посланный Достоевскому с дарственной надписью (Бр $\frac{262}{14}$). В письме его А. Г. Достоевской от 7 июня 1880 г. Голохвастова упоминается среди женщин, преподнесших ему в начале пушкинских торжеств цветы и узнанных им «по фамилии». Поставленный «ребятишками» спектакль с «живыми картинами» из сказок Пушкина и шуткой-водевилем Голохвастовой мог привлечь внимание Достоевского, с интересом, например, отнесшегося и к участию собственных детей в инсценировке басен Крылова (см. его письмо А. Г. Достоевской от 16 (28) августа 1879 г.), прежде всего потому, что средства от этого спектакля (см. сообщение о нем: *Г*, 1874, 7 (19) января, № 7) шли для борьбы с голодом.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И В ЗАПИСНЫХ ТЕТРАДЯХ ДОСТОЕВСКОГО (тт. XVIII—XXVII) [1]

[1] Скрытые цитаты и намеки учтены, но не оговариваются, см. также соответствующий постраничный комментарий. Имена из разделов «Варианты» и «Примечания» в Указатель не включены.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В тт. XVIII—XXVII

ОПЕЧАТКИ, ИСПРАВЛЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ К тт. II—XXVI[1]

Страница, строка	*Напечатано*	*Следует читать*
	II	
113, 7	понравится	понравиться
521, 1	26 октября	1 октября
	III	
501, 52	Кочкарева	Кошкарева
	IV	
136, 3	Не мог портиться	Не мог не портиться
	IX	
511, 42—43	Тимофей Саввич Кириллов	Тимофей Савельевич Соколов
	X	
142, 37	на две бутылки	на дне бутылки
230, 4	кликните	кликнете
422, 41—42	убить Петра Степановича, то непременно	убить Петра Степановича, не погубив себя, разумеется, то непременно
	XII	
343, 28	англо-голландского	английского
343, 29	1782	1780
350, 50	1860-х	60-х
	XV	
80, 5	ты есь	ты есть
151, 48	Фушера.	Шушера.
444, 46	Если он будет	Если он думает
582, 6	1862	1868
	XVII	
370, 31	для Сикстинской капеллы в Риме	для бенедиктинского монастыря св. Сикста в Пьяченце
371, 40	toujour	toujours
371, 40	premieres	premiers
384, 53 и 55	toujors	toujours
384, 59	aliauid	aliquid
410, 1	antécédant	antécédent

[1] См. также: т. X, стр. 518—519 и т. XVII, стр. 479.

Страница, строка	*Напечатано*	*Следует читать*
	XVIII	
191, 21	Васильев.	Васильев. № 522. 24 дек. 1849.
317, 12	XIX в.	XX в.
	XIX	
88, 24	саму исключительную действительность	самую исключительную действительность
143, 3	браться	братья
213, 8	политической	поэтической
249, 59	Тимофей Савельевич Кириллов	Тимофей Савельевич Соколов
274, 15	1810—1839	1810—1889
282, 47	стр. 88	стр. 89
282, 45	для По	для Гофмана
285, 55	Paris, 1836.	T. I. Paris, 1836, pp. 186—187.
	XX	
24, 18	предложении	предположении
218, 14	шибаются	ошибаются
387, 3	Д. Н. Ахшарумов	Н. Д. Ахшарумов
	XXI	
260, 28	Прежевского	Пржевского
	XXIII	
142, 2	Павлуша хватается за нож,	Павлуша, хватается за нож,
	XXIII	
165, 31	Z.	L.
204, 11	дилекатничанье	деликатничанье
391, 51	т. XVIII	т. XVII
411, 40	в которой	в котором
	XXIV	
407, 13	Фоминицин А.	Фаминцын А. С.
	XXVI	
362, 13	maréchale	maréchal
363, 25	Généralé	Générale
437, 4	М. А. Огарева	М. Л. Огарева
440, 39	Ememесячное	Ежемесячное

В т. XXI на стр. 159 очерк «Маленькие картинки (В дороге)», впервые напечатанный в сборнике «Складчина» (СПб., 1874), ошибочно включен в раздел «Статьи, очерки, корреспонденции из журнала „Гражданин“ (1873—1878)».

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ[1]

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

Печатные источники

Аксаков, Письма — Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому. — Известия АН СССР. Сер. литературы и языка, 1972, т. XXXI, вып. 4, стр. 349—362.
Аксаков, Сочинения — И. С. Аксаков. Сочинения, тт. I—VIII. М., 1886—1887.
БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд. АН СССР, М., 1953—1959.
Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919.
Библиотека, новые материалы — Л. П. Десяткина, Г. М. Фридлендер. Библиотека Достоевского. (Новые материалы). — В кн.: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, т. IV. «Наука», Л., 1980, стр. 253—271.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. I).
Борщевский — С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. Гослитиздат, М., 1956.
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).
Венок — Ф. Б‹улгаков›. Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880.
Виноградов, Проблема авторства — В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. Гослитиздат. М., 1961.
ВЛ — «Вопросы литературы» (журнал).
Вр — «Время» (журнал).
Г — «Голос» (газета).

[1] В список не включены сокращения, совпадающие с сиглами, указанными в перечне источников текста к каждому произведению.

Гоголь — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. Изд. АН СССР, М., 1937—1952.
Гозенпуд — А. Гозенпуд. Достоевский и музыка. «Музыка», Л., 1971.
Гр — «Гражданин» (журнал).
Градовский — Г. К. Градовский. Итоги (1862—1907). Киев, 1908.
Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. «Academia», М.—Л., 1935.
Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пг., 1922.
Д — «Дело» (журнал).
Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV. М., 1955.
Д, Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Изд. АН СССР, Л., 1935.
Добролюбов — Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, тт. I—IX. Гослитиздат, М.—Л., 1961—1964.
Достоевская, А. Г., Библиографический указатель — А. Достоевская. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и творческой деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в Музее памяти Ф. М. Достоевского в Московском Историческом музее. СПб., 1906.
Достоевская, А. Г., Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. Изд. «Художественная литература», М., 1964.
Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. Ред. и вступит. статья А. А. Достоевского. Изд. писателей в Ленинграде, 1930.
Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. I—II. «Художественная литература», М., 1964.
Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. «Наука», Л., 1971.
Достоевский и русские писатели — Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство. «Советский писатель», М., 1971.
Д, Переписка — Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. «Наука», М., 1979.
Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ—«Academia»—Гослитиздат, Л.—М., 1928—1959.
Дружинин — А. В. Дружинин. Собрание сочинений, тт. I—VIII. СПб, 1865—1867.
И — «Искра» (журнал).
ИВ — «Исторический вестник» (журнал).
Исследования по поэтике — Исследования по поэтике и стилистике. «Наука», Л., 1972.
Кони — А. Ф. Кони. Собрание сочинений, тт. I—VIII. «Юридическая литература», М., 1966—1969.
Коншина — Записные тетради Ф. М. Достоевского. Подгот. к печати Е. Н. Коншиной. Комментарии Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. «Academia», М.—Л., 1935.
ЛА — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения, тт. 1—6. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938—1961.
ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—92. Изд. АН СССР—«Наука», М., 1931—1982. Издание продолжается.
Масанов — И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, тт. I—IV. М., 1956—1960.
Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, тт. I—V. «Наука», Л., 1974—1983.
МВ — «Московский вестник» (газета).
МВед — «Московские ведомости» (газета).
Милютин — Д. А. Милютин. Дневник, тт. I— IV. М., 1947—1950.
НВр — «Новое время» (газета).
Нечаева, «Время» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. «Наука», М., 1972.

Нечаева, «Эпоха» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. «Наука», М., 1975.

ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).

Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина—Центральный государственный архив литературы и искусства СССР—Институт русской литературы).

Перетц — Дневник Е. А. Перетца. Госиздат, М.—Л., 1927.

РА — «Русский архив» (журнал).

РВ — «Русский вестник» (журнал).

РВед — «Русские ведомости» (газета).

РЛ — «Русская литература» (журнал).

РМ — «Русская мысль» (журнал).

РР — «Русская речь» (журнал).

РСл — «Русское слово» (журнал).

С — «Современник» (журнал).

Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах, тт. I—XX. «Художественная литература», М., 1965—1977.

Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II. Под ред. А. С. Долинина. «Мысль», Л.—М., 1924.

Св — «Светоч» (журнал).

СП — «Северная пчела» (газета).

СПбВед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

Творчество Достоевского — Творчество Ф. М. Достоевского. Изд. АН СССР, М., 1959.

Творчество Достоевского, 1921 — Творчество Достоевского. 1821—1881—1921. Сборник статей и материалов. Под ред. Л. П. Гроссмана. Всеукргиз, Одесса, 1921.

Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I—XIII. Изд. АН СССР—«Наука», М.—Л., 1961—1968.

Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд. АН СССР — «Наука», М.—Л., 1960—1968.

Чернышевский — Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI. Гослитиздат, М., 1939—1953.

Э — «Эпоха» (журнал).

1883 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. СПб., 1882—1883.

1918 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XXIII. «Просвещение», СПб.—Пг., 1911—1918.

1926 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, тт. I—XIII. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Госиздат, М.—Л., 1926—1930.

Kjetsaa — G. Kjetsaa. Written by Dostoevskij? — Scando-Slavica, t. 26, 1980, Munksgaard, Copenhagen.

Schoultz — O. v. Schoultz. Ein Dostojevskij-Fund. Helsingfors, 1924 (Societas Scientarum Fennica, Commentationes Humanarum Litterarum. I, 4).

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Редакционная коллегия:

В. Г. БАЗАНОВ (*главный редактор*), *В. В. ВИНОГРАДОВ*,
Ф. Я. ПРИЙМА, *Г. М. ФРИДЛЕНДЕР*
(*заместитель главного редактора*),
М. Б. ХРАПЧЕНКО

Тексты подготовили и примечания составили:

А. М. БЕРЕЗКИН, Н. А. БИТЮГОВА,
В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ, В. А. ВИКТОРОВИЧ,
Т. И. ОРНАТСКАЯ, Г. В. СТЕПАНОВА,
В. А. ТУНИМАНОВ, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР,
И. Д. ЯКУБОВИЧ

Редактор XXVII тома Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

*

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XXVII

Редактор издательства *Е. А. Гельбич*
Оформление художников *С. П. Тарасова* и *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *Л. Б. Наместникова*, *Э. Г. Рабинович* и *Т. Г. Эдельман*

Сдано в набор 20.05.83. Подписано к печати 10.09.84.
Формат 60×90 1/16. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 29. Усл. кр.-отт. 30.
Уч.-изд. л. 37.88. Тираж 55000. Изд. № 8576.
Тип. зак. № 435. Цена 4 р. 20 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение.
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.